MINISTRY
OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

KAZAN
FEDERAL UNIVERSITY

INSTITUTE
OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL
SCIENCES
AND MASS COMMUNICATIONS

МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАЗАНСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ
НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

III Международный конгресс социологов

Сборник научных трудов

Казань, 28–29 ноября 2024 г.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN SPACE: SOCIAL TECHNOLOGIES, RISKS AND PROSPECTS

III International Congress of Sociologists

Collection of scientific papers

Kazan, November 28–29, 2024

КАЗАНЬ

2024

УДК 316
ББК 60.5
У81

Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Printed on the recommendation of the council
of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications
of Kazan (Volga region) federal university

Редакционная коллегия:
Президент КФУ, заведующий кафедрой общей и этнической социологии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ,
доктор социологических наук, профессор **Р.Г. Минзарипов**;
заместитель директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
КФУ по научной деятельности, доктор социологических наук, профессор **М.Ю. Ефлова**

Editorial board:
The president of KFU, Head of the department of general and ethnic sociology at the Institute
of social and philosophical sciences and mass communications, Doctor of Sc., Professor
R.G. Minzaripov;
Deputy director for research of the Institute of social and philosophical sciences
and mass communications of KFU, Doctor of Sc., Professor **M.Yu. Eflova**

У81 III Международный конгресс социологов «Устойчивое развитие Евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы»: сборник научных трудов (Казань, 28–29 ноября 2024 г.) = III International Congress of Sociologists: collection of scientific papers (Kazan, November 28–29, 2024). – Электронные текстовые данные (1 файл: 3,37 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 333 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/mezhdunarodnyj-kongress-socialnopoliticheskih. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-896-6

В сборнике представлены материалы III Международного конгресса социологов «Устойчивое развитие евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы», организованного кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета в рамках государственного задания по проекту № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии».

The collection presents the materials of the III International Congress of Sociologists “Sustainable development of the eurasian space: social technologies, risks and prospects”, organized by the department of general and ethnic sociology of the Institute of social and philosophical sciences and mass communications of Kazan federal university within the framework of the state assignment for project № FZSM-2023-0022 “Digital socialization and digital competence of young people in the context of global systemic changes: regulation technologies, risks, scenarios”.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-00130-896-6

© Издательство Казанского университета, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ, РИСКИ, СЦЕНАРИИ» 11

1. Батеева Анастасия Андреевна
ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 11
2. Булатова Милена Делюсовна,
Махмутова Резеда Гильмутдиновна
РАЗРЕШЕНИЕ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ У СТУДЕНТОВ 15
3. Бурганова Лариса Агдасовна,
Юрьева Оксана Владимировна
ВЛИЯНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ НА ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 16
4. Валитова Ника Эдуардовна,
Гареев Эдуард Сагидуллович
ВАЖНОСТЬ ЦИФРОВОГО ЭТИКЕТА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 20
5. Гвоздилов Павел Борисович
СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВЛАСТИ 25
6. Гиззатуллина Эльвина Зульфатовна
VR И AR ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ И ОБУЧЕНИИ ПЕРСОНАЛА 31
7. Головацкий Евгений Васильевич
ВЕКТОРЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ И КВАЗИ-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ 35
8. Гончарова Оксана Владимировна
МОДЕЛИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ГЛУБОКОГО ОБУЧЕНИЯ 40
9. Жолдошева Асель Шарипжановна
ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 43
10. Зайнуллина Эмилия Рамилевна
УДАЛЕННЫЙ ФОРМАТ РАБОТЫ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ 46
11. Мухаметшин Рашид Маратович,
Максимова Ольга Александровна
ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ: КЛЮЧ К УСПЕХУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 50
12. Никовская Лариса Игоревна,
Барац Алина Александровна
СООТНОШЕНИЕ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЕРАРХИЧЕСКИХ НАЧАЛ ВЛАСТВОВАНИЯ (СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ) 53

13. Нятина Наталья Владимировна,
Лось Михаил Александрович
ЦИФРОВЫЕ ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА 58

СЕКЦИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО АКТИВИЗМА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ»

14. Абдуллина Зишана Меметовна
КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 63
15. Алиева Бика Шапиевна
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 65
16. Антошкин Виктор Николаевич,
Кочинашвили Марина Владимировна
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ 70
17. Анучина Ольга Васильевна
СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМ КАПИТАЛОМ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩИХСЯ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 73
18. Винокурова Анна Викторовна,
Ардальянова Анна Юрьевна
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КЕЙС 77
19. Гарипова Ляйсан Сириновна
ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 81
20. Гарифуллин Марат Вилевич
ИНФРАСТРУКТУРА СЧАСТЛИВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И БУДУЩЕГО МОЛОДЕЖИ 84
21. Гераев Хаким Камилевич,
Гераев Ильяс Хакимович
БАЛКАРСКИЙ КРАФТ: МОЛОДЕЖНОЕ УЧАСТИЕ 88
22. Дадаева Татьяна Михайловна
ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГРУППЫ РИСКА, ФАКТОРЫ, ПРОФИЛАКТИКА 92
23. Ефлова Мария Юрьевна,
Закиров Аяз Маратович
ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ 97
24. Ишмухаметов Ильгам Шакирзянович
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА 100
25. Комарова Оксана Николаевна
АУТОАГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ФАКТОРЫ РИСКА 105

26. Литвинова Екатерина Юрьевна,
Соколова Наталья Александровна
РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
У МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ 109
27. Ломекин Дмитрий Олегович
ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В СЕТЕВЫХ
СООБЩЕСТВАХ 111
28. Малучиев Гаджи Сафижуллаевич
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПО ВОСПРИЯТИЮ УЧИТЕЛЯМИ,
ШКОЛЬНИКАМИ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ И РОДИТЕЛЯМИ
ШКОЛЬНИКОВ УГРОЗ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ
ТЕРРОРИЗМА И ВОСПРИЯТИЯ МЕР, ПРОВОДИМЫХ
ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
ДАГЕСТАН) 115
29. Маяковская Анастасия Владимировна
«ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ СИНИЙ»: ВОСПРИЯТИЕ ВУЗА И ГОРОДА
ЧЕРЕЗ ЦВЕТ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
(КЕЙС ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА) 121
30. Насыбуллина Камиля Артуровна
ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ДОКТРИНЫ: ОПЫТ
БРАЧНЫХ АГЕНТСТВ 124
31. Рожкова Лилия Валерьевна
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 129
32. Сагдатуллина Альфия Каюмовна
ВЛИЯНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
МОЛОДЁЖИ 131
33. Снежко Галина Евгеньевна
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЖИЗНЕННОЕ ВРЕМЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ 133
34. Соколова Ксения Юрьевна,
Шибанова Наталья Александровна,
Оскилко Юлия Вячеславовна
СИНЕМАЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ У МОЛОДЁЖИ
СПОСОБНОСТИ К ЗАЩИТЕ ОТ МАНИПУЛЯЦИОННОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ 135
35. Тазетдинова Наталья Леонидовна
ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 138
36. Хазиева Айгуль Маратовна
ЛОВУШКА ДОСТУПНОСТИ: КАК ПРОБЛЕМА ЖИЛЬЯ ФОРМИРУЕТ
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТАРНСТВО МОЛОДЕЖИ 140
37. Шаповалов Алексей Викторович
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ
МОЛОДЁЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ 142

38. Шагидуллин Марсель Тальгатович
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ 146
39. Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 149
40. Шибанова Наталья Александровна,
Лебеденко Влада Анатольевна
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 152
41. Япарова Инера Сабирьяновна
О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 156
42. Яхина Милана Руслановна,
Гизатуллина Диана Наилевна
ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СЕМЬЯХ: КОНФЛИКТОГЕННЫЙ АНАЛИЗ 158

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ»

43. Абдульзянов Артур Рашидович
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ КРУПНОГО ГОРОДА 161
44. Григорик Никита Николаевич
ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА 163
45. Зайдуллин Роман Ринатович
ИНСТИТУТ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В РЕГИОНЕ 167
46. Костко Наталья Анатольевна,
Печеркина Ирина Федоровна
СУБЪЕКТНОСТЬ ГОРОЖАН: УТОЧНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ОЦЕНКИ 171
47. Кофанова Вера Сергеевна
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ 176
48. Майорова Резеда Тагировна
ГОРОД КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: ОТ ФИЗИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА К СОЦИАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ 178
49. Нагимова Айсылу Мирзарифовна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ 179

50. Сефербеков Руслан Ибрагимович
РУССКИЕ ДАГЕСТАНА: ПРИЧИНЫ ОТТОКА ИЗ РЕГИОНА, МЕРЫ ПО ИХ ПОДДЕРЖКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА) 184
51. Сулейманова Адиля Магеррамовна,
Сайбаталова Лия Азаматовна,
Габдулхакова Рита Виллуновна
ВИЗУАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТСТВА «РОСМОЛОДЕЖЬ» 190
52. Тимофеева Олеся Владиславовна
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ В ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 193
53. Ураев Раиль Рауфович
СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 195
54. Якимец Владимир Николаевич
МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ – ОСНОВНЫЕ ДРАЙВЕРЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 198

СЕКЦИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»

55. Валеева Эльвира Дамировна,
Нурулина Эльмира Ринатовна
ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ 204
56. Войтенко Валерия Петровна
НОВАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА) 206
57. Гайсина Зульфия Рифовна
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОЗАЩИТНОЙДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 211
58. Гареев Эдуард Сагидуллович,
Костылева Елена Геннадиевна,
Губанова Ксения Юрьевна
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ 216
59. Горшенин Максим Леонидович
ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОПЫТ АНАЛИЗА МЕДИАПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА 219
60. Григорян Геворк Григорьевич,
Бинеева Наталья Камильевна
СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 224

61. Жусубалиев Абдикайым Рысбаевич,
Матиев Болот Тилебалдыевич,
Малтабаров Бакыт Амирович
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНЦЕВ 227
62. Заляев Рустем Ильхамович,
Заляев Рамиль Ильхамович,
Гаянова Айгуль Фаритовна
ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ) 233
63. Латышев Дмитрий Михайлович
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОСТ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ПРАКТИКАХ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ 235
64. Низамова Лилия Равильевна
СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ 240
65. Орлова Анна Владимировна
РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ СИБИРИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 242
66. Петросян Давид Сергеевич
СИМУЛЯКР ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА 244
67. Русанова Екатерина Игоревна
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА РЫНКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 248
68. Файзуллин Фаниль Саитович
РОЛЬ САМОСОЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ 253

СЕКЦИЯ «РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ПРЕУМНОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЧЕРЕЗ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ: ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ»

69. Батырова Рания Фаритовна
КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ 256
70. Волкова Татьяна Павловна
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РАБОТНИКА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ 258
71. Гусев Алексей Николаевич
ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ КООПЕРАТИВ: ПОНЯТИЙНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ 261

72. Ефимова Галина Зиновьевна
АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТА С ДРУГИМИ СУБЪЕКТАМИ ЭКОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ 263
73. Зарипова Эльмира Амировна
ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И РЫНКА ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 267
74. Карцева Лидия Валерьевна
ПАРАДИГМА ПРОСЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ 270
75. Сухарева Алеся Владиславовна,
Рысаев Ильшат Шавалиевич
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 275
76. Загорский Анатолий Александрович,
Жаркова Марина Александровна
ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ В ФОРУМАХ РОСМОЛОДЁЖИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ТРАЕКТОРИЮ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ СТУДЕНТОВ 277
77. Кузнецова Альфия Рашитовна,
Жолдоякова Гульден Едыловна
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В КАЗАХСТАНЕ 280
78. Кичерова Марина Николаевна
СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И НОВЫЕ МОДЕЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭКОСИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ 287
79. Лушников Дмитрий Александрович
ИНВАРИАНТНЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА 291
80. Попов Петр Петрович
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В ПРОЦЕССЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 297
81. Рысаев Ильшат Шавалиевич
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 301
82. Сунгатуллина Карина Робертовна
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 303
83. Юдин Павел Валерьевич
ИЗМЕНЕНИЕ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 305
84. Доробов Мизроб Сухробович,
Хизбуллина Радмила Радиковна
РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ 309

СЕКЦИЯ «ПЕРЕХОД К ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ, ПРЕДИКТИВНОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ, ВЫСОКОТЕХНОЛО-ГИЧНОМУ ЗДРАВООХРАНЕНИЮ И ТЕХНОЛОГИЯМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ»

85. Самситдинов Ильнур Закиевич,
Самситдинов Ильфат Закиевич
СТУДЕНТ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ 312
86. Сирковская Татьяна Владимировна
ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ РОССИЯН ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ 314

СЕКЦИЯ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

87. Галиев Гали Талхиевич
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 319
88. Сергеев Сергей Алексеевич,
Ван Чжаосюй
ОБРАЗ РОССИИ В ВЕДУЩИХ СМИ КНР (2021–2023) 321
89. Фазлеев Артур Наилевич
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНТЕРВЬЮ) 325
90. Хасанова Ильнара Ильнуровна,
Фархутдинова Ильнара Рафкатовна
МОДЕЛИ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ 331

СЕКЦИЯ «ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ, РИСКИ, СЦЕНАРИИ»

УДК 316.422

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Батеева Анастасия Андреевна
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ результатов отечественных и зарубежных исследователей, касающихся причин, характерных особенностей и последствий кибербуллинга, отражающихся на социальном здоровье обучающихся в общеобразовательной организации. Сделан вывод о необходимости разработки и внедрения управленческих мер, регламентирующих алгоритм взаимодействия формальных и неформальных субъектов в системе общеобразовательной организации.

Ключевые слова: кибербуллинг, общеобразовательная организация, обучающиеся, здоровье, ценности, управление, профилактика.

В настоящее время вопросы социального здоровья населения в целом, а также детей и молодежи, в частности, приобретают все большую актуальность в связи с усилением кризисных явлений в социально-экономической, политической сферах, нестабильности, ростом тревожности в условиях санкций, информационного давления со стороны недружественных государств.

В научной литературе категория социального (общественного) здоровья чаще всего является предметом исследования статистики, социологии медицины и здравоохранения, социальной психологии, педагогики, антропологии, реже экономики и социологии управления.

В психологии под социальным здоровьем понимают, с одной стороны, характеристику здоровой личности, непосредственно связанную с психическим и психологическим здоровьем индивида, личностным, духовно-нравственным и профессиональным самоопределением, с другой стороны, условие и результат успешной социальной адаптации человека, обусловленные предупреждением или минимизацией социальных рисков, провоцирующих девиантные формы поведения [1]; как фундаментальную способность человека к активному улучшению свойств личности через гармонизацию свойств окружающей среды, а также способность к устойчивому развитию, обеспечению высокого качества жизни отдельного индивида и всего общества в целом [6].

С позиции статистической науки, как оценка биологического состояния человеческой популяции в целом или отдельных социальных групп на основе интегрированных статистических показателей, составляя одну из характеристик общественного здоровья [10].

С точки зрения экономики, социальное (общественное) здоровье рассматривается в триединстве – социальное благополучие, развитие человеческого потенциала и активное долголетие, и используется в качестве сквозного методологического принципа исследования здоровья населения в контексте выгод и издержек [11].

В социологии интегрированное определение социального здоровья звучит следующим образом: характеристика (уровень) адаптации как двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, позволяющего индивиду реализовывать свой потенциал, потребности, быть востребованным, экологично и эффективно достигать поставленных целей и, в конечном итоге, изменять саму социальную реальность [7, 8]; «устойчивое состояние социального благополучия, обеспечивающее успешность функционирования,

социализации и самореализации личности в условиях современного информационного общества» [9, с. 31].

Кроме того, состояние здоровья общества определяют по уровню социальных девиаций, в дихотомии «норма – патология», «здоровье – болезнь», «физическое – психическое здоровье», «социальное здоровье – социальные болезни», имея ввиду отклонение от общепринятых в данном конкретном обществе ном и ценностей, обусловленных индивидуальными, культурными, религиозными, этническими и другими факторами, включая различные виды девиаций (алкоголизм, наркомания, агрессия, самоубийства), что затрудняет его классификацию, в связи с отсутствием разработанной шкалы измерений как на уровне индивида, группы, так и общества в целом.

В рамках данной статьи, под социальным здоровьем детей и молодежи мы понимаем объективно-субъективную способность индивида к внутренней и внешней саморегуляции, рефлексии, потребность в саморазвитии и самоактуализации, выработке адаптационных механизмов к быстро меняющимся условиям социальной реальности под влиянием цифровых технологий, оказывающих воздействие на жизнедеятельность подрастающих поколений, одновременно действующих в офф-лайн и он-лайн средах, и связанных с ними последствий (интернет-зависимость, кибербуллинг, киберпреступления).

Исследование М.Г. Болдыревой, С.Б. Соколовой показывают, что обучающиеся 9–11 классов общеобразовательных школ Подмосковья (n = 512) в возрасте 15–18 лет, имеющие интернет-зависимость, реже получают поддержку со стороны ближайшего окружения и педагогов; имеют более низкий уровень удовлетворенности жизнью с одновременно более высоким уровнем риска агрессии, буллинга и кибербуллинга, склонности к злоупотреблению алкоголем и курения [3].

Современные дети и молодежь одновременно действуют в двух реальностях – офф-лайн и он-лайн, практически не разделяя их между собой, в связи с чем, социальные взаимодействия в одной, часто детерминируют причины и последствия в другой, усиливая и углубляя противоречия, усугубляя степень конфликта, его масштабирование и выход за пределы конкретной группы или локации, что непосредственным образом оказывает влияние на физическое и психическое здоровье, самочувствие, самореализацию, мотивацию, межличностную коммуникацию.

Одним из негативных последствий использования цифровых технологий современными подростками и молодежью, является кибербуллинг (травля в Интернет-пространстве), который характеризуется регулярно повторяющимися, агрессивными действиями, направленными на причинение страданий жертве, разрушении ее репутации, демонстрацию власти посредством использования прямых (физическая или вербальная агрессия) и/или косвенных (угрозы, запугивание, унижение, клевета, преследование, игнорирование, бойкотирование, распространение фото/видеоконтента сексуального характера, пр.) способов и форм проявления. Как правило, наиболее частыми жертвами кибербуллинга являются дети младшего и среднего подросткового возраста, т.е. обучающиеся 6–9 классов, большинство из которых (48–73 %) знают личность своего преследователя. Провокационными факторами служат низкий социально-экономический статус родительской семьи, социальное неблагополучие, реже пол (девочки подвергаются кибербуллингу чаще мальчиков), а также скрытое от взрослых (педагогов, родителей) развитие, протекание и усугубление ситуации.

Подростки, как в России, так и за рубежом, регулярно сталкиваются с тем или иным видом кибербуллинга в Интернет-пространстве, как в роли жертвы, так и агрессора. Несмотря на это, больше половины опрошенных не обращаются за помощью к взрослым, пытаясь решить свои проблемы самостоятельно, часто не имея должной поддержки, знаний и ресурсов, что провоцирует усугубление ситуации, и приводит к различным видам девиантного поведения, в том числе, суициду [2], что требует управленческих мер при профилактике и минимизации последствий данного явления.

В ряде зарубежных исследований изучались связи между различными характеристиками школьного пространства и традиционными формами травли. Было установлено, что четкие

правила, доверительные отношения между педагогами и обучающимися, активное пресечение издевательств со стороны учителей и администрации [14, 15], сплоченность коллектива, высокий уровень доверия и поддержки, включенность в совместную деятельность субъектов образовательного процесса [20] снижают количество случаев буллинга в системе школьного образования.

Опросы, проведенные среди обучающихся (n = 1411) и учителей (n = 68) последнего года обучения (6-й класс) в 35 начальных школах Англии, показали прямую связь между системой управления, в том числе, размером организации, правилами внутреннего распорядка, качеством преподавания учебных дисциплин и распространением буллинга [15], сделан вывод о том, что именно позиция администрации как управляющей и контролирующей системы оказывает существенное влияние на вариативность проявления и частоту случаев буллинга в разных типах школ.

В исследовании финских ученых, выявлен факт предпочтения использования кибербуллинга в противовес буллингу: чем более высоко обучающиеся оценивали способность учителя вмешаться в ситуацию школьной травли, тем чаще она переносилась в интернет-пространство, в этой связи вмешательство выступало позитивным предиктором кибербуллинга [13].

Согласно результатам опросов школьников старших классов в возрасте 15–18 лет (n = 22 544), проведенных в 2008 году в общеобразовательных школах Стокгольма и восемнадцати муниципальных образованиях, расположенных в его окрестностях, установлено, что 5 % из них являлись жертвами кибербуллинга, 4 % – агрессорами, а 2 % – совмещали обе эти роли; обучающиеся, подвергающиеся нападкам одноклассников в школе, имеют высокий риск стать жертвами травли и в сети Интернет; кроме того, статус как жертвы, так и агрессоров связан с ухудшением показателей субъективного здоровья [14]. Дальнейшие исследования тех же авторов, проведенные в 2016 году в Стокгольме и ряде муниципалитетов среди учителей (n = 1251) и обучающихся из 58 средних школ в возрасте 17–18 лет (n = 6067), показывают, что высокий авторитет учителей и руководства школы связаны с меньшим количеством виктимизации и совершения актов кибербуллинга, другими словами, эффективное управление общеобразовательной организацией потенциально способно предотвратить кибертравлю среди обучающихся [15].

Многочисленные исследования, проведенные в разных странах, независимо друг от друга, указывают на прямую корреляционную взаимосвязь между кибербуллингом и психологическим здоровьем: изучение американских подростков 10–17 лет, подвергавшихся преследованиям в сети Интернет, выявило высокий уровень депрессии, стресса, самоповреждающего и самодеструктивного поведения [19]; в исследовании финских коллег установлена взаимосвязь между кибертравлей и повышенным риском возникновения психосоматических и психиатрических проблем у подростков 13–16 лет. Было доказано, что случаи издевательств связаны с ухудшением здоровья всех учащихся в классе, а не только жертв и обидчиков [18]. Для агрессоров характерны депрессивные состояния, расстройства питания, злоупотребление психоактивными веществами, низкий уровень эмпатии и просоциального поведения; для свидетелей травли – страх стать следующей жертвой, высокий уровень тревожности, низкая самооценка [4].

По данным отечественных ученых, выявлен гендерный аспект реагирования на кибербуллинг: мальчики более склонны к экстернализации, рискованным формам поведения, употреблению алкоголя и наркотических средств в то время, как девочки к интернализации, различным проявлениям дезадаптации, большей частоте попыток суицида (жертвы кибербуллинга в 2–4 раза чаще совершают попытки суицида по сравнению с общей популяцией того же возраста) [5]. На возникновение, течение и последствия кибербуллинга оказывают влияние взаимоотношения подростков с родителями и членами семьи: авторитарные, дистантные отношения в семье, строгий контроль в сочетании с эмоциональной холодностью провоцирует появление киберагрессоров [12].

Таким образом, результаты исследований зарубежных и отечественных ученых позволяют говорить о кибербуллинге как о распространенном социальном явлении среди

подростков и молодежи, которые большую часть времени проводят в общеобразовательной организации. Установлена прямая зависимость между буллингом в реальном пространстве школы и его продолжением в сети Интернет, что влечет за собой нарушений физического и психологического здоровья обучающихся, выступает угрозой их социальной и личной безопасности и требует управленческих мер по их выявлению, профилактике и устранению.

К профилактическим мерам можно отнести разработку и внедрение антибуллинговых программ, включающих информирование, обучение педагогов и обучающихся навыкам распознавания ситуации травли в онлайн-пространстве, принятие инструкций и распоряжений, регламентирующих алгоритм поведения всех субъектов образования – администрации, педагогов, обучающихся, родителей – в ситуации кибертравли, создание групп самопомощи для оказания поддержки жертвам, способствуя предотвращению распространения травли в системе общеобразовательной организации.

Литература

1. *Байкова Л.А.* Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория и практика: монография. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. – 224 с.
2. *Бебчук М.А., Басова А.Я., Ляпина Е.С., Безменов П.В., Бессчетнова О.В.* Социальные и медицинские проблемы детской психиатрии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Спецвыпуск. – Т. 29. – № 6. – С. 1498–1504.
3. *Болдырева М.Г., Соколова С.Б.* Особенности образа жизни и самочувствия подростков 15–18 лет Московской области с проблемным использованием социальных сетей // Медицина труда и экология человека. – 2024. – № 2. – С. 110–124.
4. *Волкова Е.Н., Волкова И.В., Голубовская А.С.* Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 71–81.
5. *Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А.* Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. – 2020. – Т. 11. – № 1(38). – С. 117–129.
6. *Катков А.Л.* Развивающая медицина – новый этап становления науки о социальном здоровье // Психология и экология человека: психологические факторы культуры мира и ненасилия современной России: тез. Междунар. конф. – М., 1999. – С. 97–102.
7. *Козырева П.М.* Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 24–36.
8. *Колпина Л.В., Сербай И.Н.* К вопросу об определении понятия «Социальное здоровье» // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 1. – С. 49–56.
9. *Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н.* Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 28–48.
10. *Никифоров Г.С.* Психология здоровья: учеб. для вузов. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.
11. *Смольницкая Н.Ю.* Общественное здоровье как социально-экономическая категория и методологический подход к изучению социального здоровья населения малых городов // Вестник Ивановского государственного университета. – 2023. – № 3(57). – С. 22–34.
12. *Солдатова Г.У., Ярмина А.Н.* Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3(35). – С. 17–31.
13. *Elledge L.C., Williford A., Boulton A.J., DePaolis K.J., Little T.D., Salmivalli C.* Individual and contextual predictors of cyberbullying: The influence of children's provictim attitudes and teachers' ability to intervene // J. Youth Adolesc. – 2013. – Volume 42. – Pp. 698–710.
14. *Låftman S.B., Modin B., Östberg V.* Cyberbullying and subjective health: A large-scale study of students in Stockholm, Sweden // Children and Youth Services Review. – 2013. – Volume 35. – Issue 1. – Pp. 112–119.

15. *Låftman S.B., Modin B., Östberg V.* School climate and exposure to bullying: A multilevel study // Sch. Eff. Sch. Improv. – 2017. – Volume 28. – Issue 1. – Pp. 153–164.
16. *Muijs D.* Can schools reduce bullying? The relationship between school characteristics and the prevalence of bullying behaviors // Br. J. Educ. Psychol. – 2017. – Volume 87. – Pp. 255–272.
17. *Saarento S., Kärnä A., Hodges E.V.E., Salmivalli C.* Student-, classroom-, and school-level risk factors for victimization // J. Sch. Psychol. – 2013. – Volume 51. – Pp. 421–434.
18. *Sourander A., Jensen P., Ronning J.A., Niemela S., Helenius H., Sillanmaki L.* What is the early adulthood outcome of boys who bully or are bullied in childhood? The Finnish "From a Boy to a Man" study // Pediatrics. – 2007. – Volume 120. – Issue 2. – Pp. 397–404.
19. *Wang J., Nansel T.R., Iannotti R.J.* Cyber and traditional bullying: differential association with depression // Journal of adolescent health. – 2011. – Volume 48. – Issue 4. – Pp. 415–417.
20. *Williams K.R., Guerra N.G.* Perceptions of collective efficacy and bullying perpetration in schools // Soc. Prob. – 2011. – Issue 58. – Pp. 126–143.

УДК 316.422

РАЗРЕШЕНИЕ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ У СТУДЕНТОВ

Булатова Милена Делюсовна,
Махмутова Резеда Гильмутдиновна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме разрешения внутриличностных конфликтов у студентов. Делается вывод, о том, что студенты осознают важность самопонимания, самоанализа, поддержки ближайшего социального окружения и необходимости обращения к специалистам, активно ищут методы, ресурсы и пути их разрешения и предотвращения внутриличностного конфликта, потенциал помогающих профессий задействован незначительно.

Ключевые слова: адаптация, ментальное здоровье, противоречия, продуктивность, мотивация, качество жизни.

Современный человек испытывает на себе действие множества факторов, влияющие на качество принимаемых решений. Важным показателем благополучия личности является умение выстраивать позитивные социальные контакты, конструктивно вести внутреннюю и внешнюю коммуникацию. Происходящие в обществе изменения способны вызвать затруднения и противоречия по линии группа – личность, личность – личность, и внутриличностный конфликт. Проблема поддержания психического здоровья молодых людей имеет стратегическое значение, так как молодёжь является движущей силой инноваций, общественного развития. Она рассматривается на уровне научного сообщества [1], органов управления образованием. Особой чувствительностью к изменениям и вызовам обладает студенчество, стремящееся к личной и профессиональной самореализации. Поддержание ментального здоровья в студенческой среде имеет особую значимость в связи с тем, что будущий специалист после окончания учебы привнесет трудовой коллектив последствия не решенных внутриличностных конфликтов, что отразиться на отношениях с будущими коллегами. Внутриличностные конфликты характеризующиеся противоречия между потребностями, мотивами, ценностями или целями человека является частью процесса развития личности. Вместе с тем низкая психологическая грамотность и отсутствие навыков саморегуляции отражается на стрессоустойчивости и продуктивности молодых людей. Исследования свидетельствует, о том, что что треть российских студентов сталкиваются с психологическими проблемами [2]. Согласно данным опроса основным способом справить с депрессией и плохим настроением является прибывание в одиночестве. Студенты так же прибегают к помощи близких, обращаются к специалистам, справляются с негативными эмоциями в компании, 17,3 % отметили, что

не предпринимают никаких действий для устранения депрессии [2]. Министерство науки и высшего образования РФ развивает психологические службы вузов, если в 2020 году их количество равнялось 256, то в 2024 году – 474 [3].

Данная статья посвящена выявлению способов разрешения внутриличностного конфликтов студентов Казанского (Приволжского) Федерального университета, что позволит выработать алгоритм разрешения внутриличностных конфликтов, который может использовать студент, не имея специальных психологических знаний в области саморегуляции. В опросе приняло участие 102 студентов – 78 девушек и 24 молодых человека в возрасте от 18 до 25 лет. Согласно данным опроса были определены следующие модели разрешения внутриличностных конфликтов – делились проблемой с друзьями, одногруппниками; находили поддержку в кругу семьи; выясняли мнение человека, который сталкивался с похожей ситуацией; обращались к специалистам (психолог, конфликтолог и т.д.); не ощущали потребности обсуждать свои внутриличностные конфликты с кем-либо; обращались к религиозным деятелям»; искали поддержку со стороны преподавателей, кураторов в Университете; делились ситуацией в социальных сетях, интернете, форумах и т.д. Работа по преодолению внутриличностного конфликта происходила так же при помощи перевода психологической энергии в другие виды деятельности – занятие спортом, творчеством, музыкой, преданию мечтам, фантазиям, уходу от действительности; подавлению чувств, устремлений, желаний; ухода от решения проблем; чтению профильной литературы, самостоятельного изучения информации по разрешению конфликтов; самоанализа и принятие решений способные разрешить внутриличностный конфликт.

Таким образом студенты преимущественно обращаются за поддержкой к семье, друзьям. Вместе с тем развитие навыков по конструктивному преодолению последствий низкой самооценки, решение проблемы отсутствия мотивации к учебе, проблем целеполагания происходит при помощи специалистов помогающих профессий, ресурс которых студентами осознается и используется в недостаточной степень. Студенты активно ищут способы, ресурсы и каналы для и разрешения и профилактики внутриличностных конфликтов, признавая важность самопонимания, самоанализа, поддержки близких и возможности консультирования со специалистами.

Литература

1. *O'Mara, L., Lind, C.* What do we know about school mental health promotion programmes for children and youth? // Advances in School Mental Health Promotion. – 2013. – Vol. 6. – № 3. – Pp. 203–224.
2. Группа компаний РБК. Треть студентов в России столкнулись с психологическими проблемами // Новости Татарстана: РБК: [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/society/01/07/-2022/62bdaecb9a794714db29dbb5 (дата обращения: 16.11.2024).
3. Представители психологических служб вузов 63 регионов РФ поделились опытом на Всероссийском семинаре-совещании. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/presscenter/-news/molodezhnayapolitika/84044/ (дата обращения: 16.11.2024).

УДК 316.422

ВЛИЯНИЕ ОПЫТА РАБОТЫ НА ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бурганова Лариса Агдасовна,
Юрьева Оксана Владимировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье выявляется связь между продолжительностью трудовой деятельности преподавателя и уровнем его включенности в цифровые инструменты преподавания.

Представлены результаты авторского социологического исследования. уровня цифровой компетентности преподавателей, работающих в различных университетах г. Казани; осуществлено сравнение по областям профессиональной цифровой компетенции с учетом такого фактора, как стаж работы. Доказано, что опыт способствует несколько более высоким результатам у преподавателей, работающих с цифровыми технологиями в течение большего количества лет. Вместе с тем это относится в меньшей степени к сотрудникам с самым большим стажем работы (свыше 30 лет), что может свидетельствовать о необходимости дополнительного обучения в указанных выше областях цифровой профессиональной компетенции.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровая компетентность, стаж работы, шкала Лайкерта.

Цифровая компетентность сегодня выступает в качестве обязательного требования к университетским преподавателям XX1 века и поэтому приобрела статус одного из самых популярных предметов социологического исследования. Однако многие аспекты анализа этой важной научной и практической проблемы еще ждут своего исследователя, в числе которых, в частности, факторы и переменные, оказывающие влияние на развития цифровой компетентности преподавателей: социально-демографические (пол, возраст), психологические, профессиональные, организационные, в том числе стаж работы. [] Целью данного исследование является выявление связи между продолжительностью трудовой деятельности преподавателя и уровнем его включенности в цифровые инструменты преподавания.

Наше исследование опиралось на количественный методологический подход – метод суммарных оценок шкалы Лайкерта [2]. Опрос проводился в 2024 году с помощью сервиса онлайн-анкетирования на платформе Анкетолог; опрос анонимный. Выборка неслучайная (целенаправленная), в исследовании приняли участие 102 преподавателя различных вузов г. Казани, осуществляющих занятия на социальных и гуманитарных направлениях бакалавриата и магистратуры. Группы в выборке по стажу работы представлены на рисунке 1.

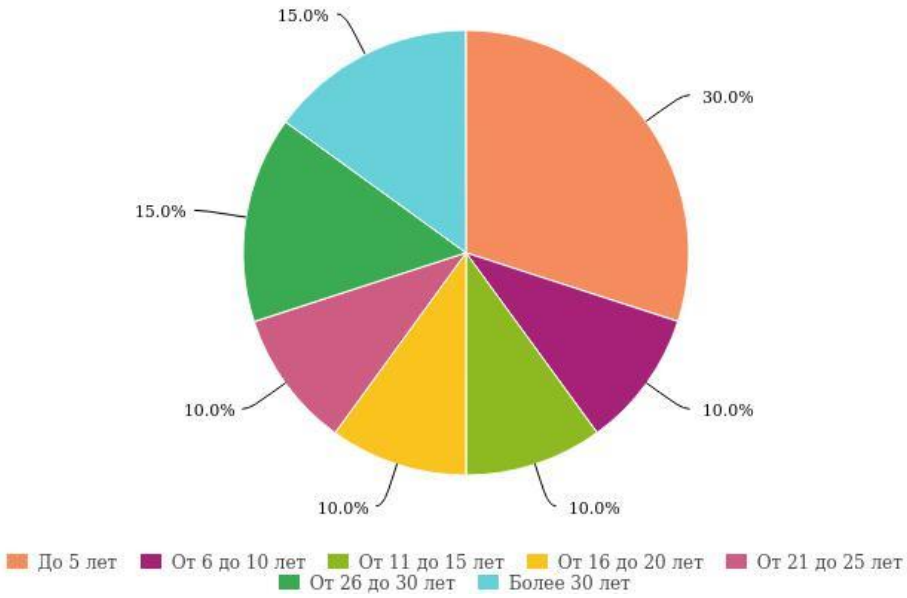


Рис. 1. Распределение преподавателей по стажу (в процентах)

Инструментом исследования послужил опросник DigCompEdu Check-In, в основе которого общеевропейская рамочная программа развития цифровых компетенций у преподавателей. Она призвана дать оценку следующих аспектов: 1) профессиональная вовлеченность; 2) цифровые ресурсы; 3) преподавание и обучение; 4) оценивание; 5) расширение возможностей учащихся; 6) развитие цифровой компетенции учащихся. Эти шесть областей профессиональных цифровых компетенций отражает анкета из 18 вопросов: с 1 по 3 вопросы

затрагивают первую область профессиональных компетенций; с 4 по 5 – вторую; с 6 по 9 – третью; с 10 по 11 – четвертую; с 12 по 15 – пятую; с 16 по 18 – шестую.

Результаты исследования. Значения различий в выше указанных шести областях компетенций преподавателей в соответствии с критерием «стаж работы» представлены в столбчатой диаграмме на рисунке 2.

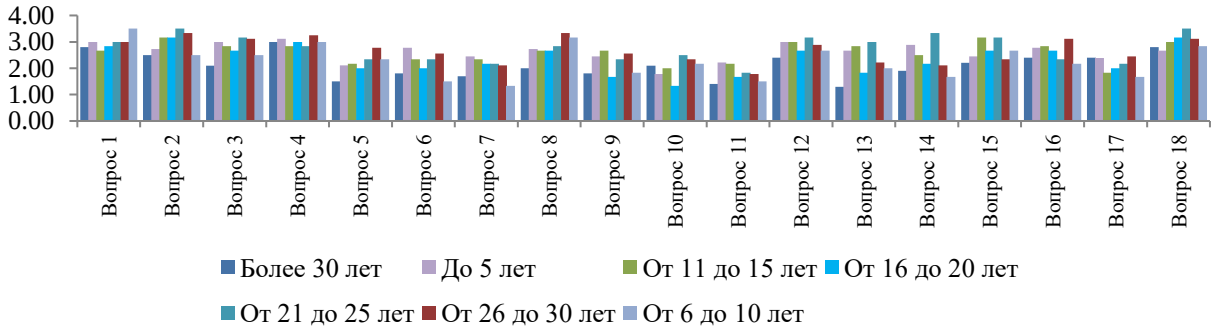


Рис. 2. Значения различий в компетенциях преподавателей в зависимости от стажа работы

Как видим из рисунка 2, опыт работы отрицательно коррелирует с цифровой грамотностью преподавателей. Особенно это заметно при ответах на вопросы 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 18.

В таблице 1 представлены средние числовые значения цифровых разрывов в зависимости от стажа работы.

Таблица 1

Значения разрывов в уровнях компетенции преподавателей
в зависимости от стажа работы

Стаж	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5	Вопрос 6	Вопрос 7
До 5 лет	3,00	2,72	3,00	3,11	2,11	2,78	2,44
От 6 до 10 лет	3,50	2,50	2,50	3,00	2,33	1,50	1,33
От 11 до 15 лет	2,67	3,17	2,83	2,83	2,17	2,33	2,33
От 16 до 20 лет	2,83	3,17	2,67	3,00	2,00	2,00	2,17
От 21 до 25 лет	3,00	3,50	3,17	2,83	2,33	2,33	2,17
От 26 до 30 лет	3,00	3,33	3,11	3,25	2,78	2,56	2,11
Более 30 лет	2,80	2,50	2,10	3,00	1,50	1,80	1,70

На основе представленных данных можно сделать следующие выводы об уровне цифровой вовлеченности различных групп преподавателей в зависимости от стажа работы:

1. До 5 лет. Это группа начинающих преподавателей, которая получила достаточно высокие и стабильные оценки по многим областям цифровой грамотности – особенно по вопросам 1, 3, 4, 12 (оценки 3 и выше). Это сферы первой, второй и пятой областей цифровой компетенции, а значит новички активно используют и внедряют ИКТ, уделяя большое внимания развитию собственных компетенций, и значительно меньше – использованию цифровых ресурсов, применению их в цифровом оценивании и при анализе данных студентов (вопросы 5, 10–11).

2. От 6 до 10 лет. В этой группе молодых преподавателей с определенным опытом работы оценки выглядят поскромнее: отметим высокие баллы на вопросы 1,4, 8 (выше 3 баллов) на одном полюсе, и очень скромные показатели (меньше 2 баллов) – в шести вопросах на другом – это вопросы с 6 по 11, 14 и 17. Это указывает на активное использование сотрудниками ИКТ для работы с коллегами и гораздо меньшее вовлечение в цифровые технологии при творческом взаимодействии со студентами.

3. От 11 до 15 лет: Группа более опытных преподавателей демонстрирует наиболее стабильные и равномерные оценки. Они особенно высоко оценивают вопросы 2 и 15 (3,17 и 3,17 баллов соответственно), что свидетельствует об активном использовании ИКТ для взаимодействия с коллегами, использования цифровых ресурсов, улучшения цифровых навыков и оценки надежности информации. В этой группе оценку ниже 2 баллов получил всего один вопрос – это № 17, связанный с формированием у учащихся модели безопасного поведения в интернете

4. От 16 до 20 лет: Эта группа преподавателей дала высокие оценки в вопросах 2, 4 и 18, и продемонстрировала вполне уверенные позиции в вопросах 1, 3, 8, 12, 15, 16. что указывает на активное использование цифровых каналов для улучшения общения с коллегами, задействование веб-сайтов и стратегий поиска, высокий уровень креативного использования ИКТ в образовательном процессе, использовании ИКТ для индивидуализации и активного участия студентов. Однако по сравнению с другими группами (кроме той, где самый солидный трудовой стаж) у нее гораздо больше оценок ниже 2-х баллов – речь идет о 9, 10, 11, 13 вопросах, что может указывать на проблемы с использованием ИКТ для взаимодействия со студентами при цифровом оценивании и анализе данных студентов.

5. От 21 до 25 лет: Сотрудники с более солидным стажем работы высоко оценивают свои цифровые навыки особенно по вопросам 2, 14 и 18, что свидетельствует о высокой вовлеченности в цифровые процессы и оценочные стратегии. Вопрос 18 получил наивысшую оценку (3,5 баллов), что является показателем высокого уровня креативного использования ИКТ в образовательном процессе.

6. От 26 до 30 лет: Эта группа преподавателей также демонстрирует вполне высокие результаты, особенно по вопросам 4 и 12 (3,25 и 2,88 баллов соответственно), что указывает на уверенность в планировании и использовании цифровых ресурсов. Преподаватели вовлечены в процессы взаимодействия с коллегами через ИКТ, о чем свидетельствует оценка в 2,55 балов при ответе на вопрос № 6.

7. Более 30 лет: Преподаватели с большим стажем работы дали низкие оценки многим областям своей цифровой компетентности, особенно это проявилось в вопросах 5 и 11 (1,5 и 1,4 баллов соответственно), что может указывать на слабое использование собственных цифровых образовательных ресурсов в преподавании и неэффективном использовании ИКТ для защиты конфиденциальной информации и при разработке стратегий оценки студентов. Вместе с тем самые опытные преподаватели оказались на высоте при решении следующих задач: они уверенно используют веб-ресурсы (4 вопрос – 3 балла) и уделяют большое внимание оценке надежности информации и безопасному поведению студентов в интернете, а также вовлечению студентов в творческую деятельность (16 и 17 вопросы по 2,40 баллов, 18 вопрос – 2.8 балла).

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно получить представление о том, каковы общие положительные тенденции в использовании ИКТ всеми возрастными группами университетских преподавателей и какие существуют различия в оценках ими проблем в конкретных областях их применения в зависимости от опыта работы. Вопросы 1, 3, 4, 18 получают высокие оценки среди всех групп преподавателей, независимо от опыта работы, что свидетельствует об успешном внедрении ИКТ всеми преподавателями в практику взаимодействия с коллегами, использовании различных цифровых каналов для совершенствования своих коммуникаций, об ориентации на развитие своих цифровых компетенций, на использование веб-сайтов и стратегий поиска, вовлечение студентов в творческое использование ИКТ в учебном процессе.

Исследование показывает, что опыт способствует несколько более высоким результатам у преподавателей, работающих с цифровыми технологиями в течение большего количества лет. Вместе с тем это относится в меньшей степени к сотрудникам с самым большим стажем работы (свыше 30 лет), что может свидетельствовать о необходимости дополнительного обучения в указанных выше областях цифровой профессиональной компетенции. Участники опроса, имеющие стаж работы меньше 5 лет, по данным исследования, дали более высокие оценки уровню своей компетенции почти по всем указанным ее областям, что на наш взгляд, можно объяснить более завышенной самооценкой, более низкой способностью к самокритике, что присуще молодому возрасту. Но эта гипотеза нуждается в проверке в ходе следующих исследований.

Литература

1. *Масалова Ю.А.* Цифровая компетентность преподавателей российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 33–44.
2. *Чеджемов Г.А., Ганеева Д.И.* Построение однородных итоговых рейтинговых шкал типа Лайкерта в соответствии с классической теорией измерения // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 3(164). – С. 297–300.

УДК 316.422

ВАЖНОСТЬ ЦИФРОВОГО ЭТИКЕТА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Валитова Ника Эдуардовна,
Гареев Эдуард Сагидуллович
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблематике современного цифрового мира – цифровому этикету (нетикету), который в значительной мере влияет на процесс социализации и становления современной молодежи как полноценных личностей, способных выстраивать эффективные коммуникации в виртуальном мире. В работе представлена история развития и становления цифрового этикета, приведены результаты некоторых исследований по изучаемой тематике. Также авторами представлено пилотное исследование студенческой молодежи (студенты первого курса университета) о том насколько они знакомы и применяют правила цифрового этикета в своей жизни.

Ключевые слова: этикет, цифровой этикет, нетикет, социализация, молодежь.

Цифровизация, пронизывающая сегодня практически все сферы жизнедеятельности, в том числе и появлении «цифровых двойников», диджитализации образования, внедрении новых сервисов, и программ в трудовую деятельность. Все эти процессы, безусловно, не могли не повлиять на коммуникационные процессы и соответственно сопровождались формированием определенных норм, правил и проблем в виртуальном общении.

В современном мире цифровой этикет выполняет одну из важнейших ролей как в профессиональной, так и в повседневной жизни. Цифровой этикет или «нетикет» представляет собой совокупность правил поведения, регулирующих взаимодействие людей в виртуальной среде. Он включает в себя нормы общения в интернете, использование социальных сетей, отправку электронных писем и сообщений, а также соблюдение приватности и уважение к личному пространству других пользователей. В отличие от традиционного этикета, который направлен главным образом на личные встречи, цифровой этикет касается взаимодействия в условиях, когда люди зачастую не всегда видят друг друга и общаются через текст, изображения или видео.

Обратимся к истории:

– 1980-е годы. В самом начале развития Интернета и его предшественников (например, ARPANET, конференции FIDO) появляются первые формы общения через электронную почту и форумы. Уже тогда пользователи начали отмечать важность вежливости в общении: использование эмотиконов для передачи эмоций, уважение к времени других (например, воздерживаться от отправки слишком длинных писем) и соблюдение общепринятых норм письменного общения.

– 1990-е годы. С развитием веб-браузеров, чат-румов и первых социальных сетей (например, AOL), начали формироваться первые стандарты цифрового этикета. Одним из популярных явлений стал термин «нетикет», объединяющий правила общения в электронных сетях. В это время активно распространяются рекомендации по поведению в email-корреспонденции и чатах.

– 2000-е и настоящее время. Век социальных медиа и мобильных приложений значительно расширил область применения цифрового этикета. Социальные сети становятся не только местами общения, но и платформами для ведения бизнеса и формирования новых норм поведения. В данный период появляются различные правила для использования хештегов, публикации личной информации, и сохранения конфиденциальности.

Более того, цифровой этикет – это не просто набор правил, но и необходимое условие для создания позитивной и безопасной онлайн-среды. Исследования и статистика подтверждают его важность и необходимость продолжения работы по повышению осведомленности о цифровом этикете и разработке эффективных механизмов для его реализации.

Аналитическая справка.

Исследования по цифровому этикету показывают, что соблюдение норм сетевого общения становится важной компетенцией в современном мире, особенно для студентов и сотрудников в профессиональной сфере. Цифровой этикет охватывает правила общения в мессенджерах, социальных сетях и на видеоконференциях. Эти правила включают уважение к собеседникам, использование реального имени вместо псевдонимов, включение камеры на видеовстречах и аккуратное отношение к оформлению профиля (например, предпочтение фото лица для аватара) [1].

К сожалению, достаточно репрезентативных исследований, посвященных цифровому этикету не так много. Но мы можем рассмотреть несколько направлений, которые дают нам представление о реальности за последние несколько лет:

1. Влияние цифрового этикета на отношения между людьми:

– 83 % опрошенных считают, что плохой цифровой этикет может испортить отношения (опрос Buffer).

– 70 % опрошенных отказались от общения с людьми из-за их грубости в онлайн-пространстве (опрос The Pew Research Center).

– 50 % считают, что грубость в интернете является «новой нормой» (опрос The Pew Research Center).

2. Диджитал-токсичность:

– 44 % пользователей социальных сетей сталкиваются с онлайн-издевательствами (опрос Pew Research Center).

– 26 % пользователей подвергаются угрозам и сексуальному домогательству в сети (опрос Pew Research Center).

– 60 % пользователей социальных сетей сталкиваются с фейковыми новостями (опрос Pew Research Center).

3. Потребность в цифровом этикете:

– 81 % сотрудников считают, что хороший цифровой этикет необходим для успешной карьеры (опрос Robert Half).

– 70 % компаниям важно уделять внимание цифровому этикету (опрос Microsoft).

– 90 % пользователей считают важным уважение к другим в сети (опрос Buffer).

4. Тенденции в цифровом этикете:

– 67 % пользователей не хотят видеть рекламу в своих лентах соцсетей (опрос HubSpot).

– 80 % пользователей не хотят получать спам (опрос HubSpot).

– 75 % пользователей раздражает постоянное переключение между платформами (опрос Buffer) [2].

Также, исследования показывают, что в 2023 году более 60 % работодателей использовали видео-конференции для проведения собеседований и рабочих встреч. Важно не только быть внимательным и вовремя отвечать на сообщения, но и уметь правильно выражать свои мысли, особенно в случае дистанционного общения. Например, американское исследование показало, что 58% работодателей обращают внимание на манеру общения кандидата в ходе интервью, включая грамотность и тактичность.

Одним из основных принципов цифрового этикета является уважение к собеседнику. Он предполагает правильный выбор времени и канала для общения, а также избегание агрессивных, уничижительных или оскорбительных высказываний. Например, согласно исследованию Pew Research Center, более 40 % интернет-пользователей заявляют, что сталкивались с кибербуллингом или агрессивным поведением в сети. Это подчеркивает важность поддержания культурного и уважительного общения в цифровой среде.

Согласно данным исследованиям Pew Research Center, более 60 % пользователей Интернета считают важным соблюдение этикета при общении в социальных сетях [3].

По данным Nielsen, 74 % пользователей Интернета ожидают, что бренды будут соблюдать цифровой этикет в своих кампаниях, например, использовать правильное время для отправки сообщений или реагировать на комментарии с уважением.

В 2023 году исследование, проведенное Microsoft, показало, что 54 % людей замечают ухудшение манер и этикета в сети, что свидетельствует о нарушении общепринятых норм.

Не менее важно соблюдение конфиденциальности и безопасности данных. В эпоху цифровых технологий и распространения социальных сетей каждый пользователь должен понимать, что личная информация может быть использована не только во благо, но и во вред. Исследования показывают, что 70 % пользователей Интернета считают важным защищать свою личную информацию в сети. Однако, несмотря на это, многие игнорируют простые правила безопасности, такие как создание надежных паролей или проверка настроек конфиденциальности на своих аккаунтах.

Важно отметить, что в системе образовании также возрастает усиление обучения цифровому этикету. Для школ и вузов разработаны стратегии, направленные на формирование навыков грамотного общения в сети. Образовательные программы стремятся помочь студентам освоить основы поведения в цифровом пространстве, что становится особенно важным для поколения Z, активно взаимодействующего онлайн [4].

Будучи сотрудниками высшего учебного заведения, мы решили проанализировать в какой мере студенты Уфимского государственного нефтяного технического университета знакомы с правилами поведения в онлайн пространстве.

Исследование проводилось в октябре 2024 года. В опросе приняли студенты первого курса бакалавриата направлений подготовки «Реклама и связи с общественностью», «Экономика», «Менджемент» и ряда других технических направлений. Выборочная совокупность составила 759 человек (66,4 % – девушки, 33,6 % – молодые люди).

Отвечая на вопрос «Знакомы ли вы с понятиями «Цифровой этикет» или «Нетикет»?», 67,4 % ответили да, 20,1 % – затрудняются ответить и 12.6 % не знакомы с данными понятиями.

Результаты полученных ответов на вопрос о необходимости соблюдения этикета при общении в Интернете представлены в таблице 1.

Ответы на вопрос, касающийся начала диалога в мессенджере, определились так:

– 68 % к каждому индивидуально;

– 24,9 % пишут «Привет»;

– 5,2 % придумываю что-то веселое;

– 1,9 % не здороваются.

Таблица 1

Соблюдаете ли Вы нетикет при общении в Интернете?

Вариант ответа	%
Да, всегда	74
Только с преподавателями	23
Не соблюдаю	1,9
Только со сверстниками	1,2

Следующий вопрос анкеты, по мнению ряда исследователей, является одним из наиболее дискуссионных и острых в сфере цифрового этикета – голосовые сообщения. Так, 40 % отправляют голосовые сообщения в зависимости от статуса и степени знакомства; 34,4 % иногда; практически всегда – 16,9 %; 8,8 % респондентов пользуются только текстовыми сообщениями.

Рассматривая, вопрос, кающийся голосового этикета, мы обнаружили исследование, на данную тематику, проведенное Ольгой Лукиновой, создателем телеграм-канала «Цифровой этикет» и автором книги «Цифровой этикет. Как не бесить друга друга в интернете». В опросе приняло участие более тысячи респондентов.

Так, 72 % респондентов ответили, что не отправляют голосовые сообщения или делают это за редким исключением. Причина этого довольно проста: 22 % считают, что голосовые сообщения полезны только для отправителя, а ровно половина респондентов полагает, что голосовые сообщения неудобно отправлять или получать. 23 % опрошенных заявили, что совсем не готовы получать голосовые сообщения, а 84,5 % респондентов считают, что готовы получать голосовые сообщения только от своих родственников, близких друзей и знакомых. Только 6,9 % респондентов считают, что готовы отправлять голосовые сообщения коллегам, клиентам, начальству и партнерам [5].

Сравнивая результаты этих исследований, мы видим значительные различия о допустимости голосовых сообщений среди обучающихся и респондентов более старшего поколения.

Следующий, не менее актуальный вопрос нашего исследования – использование смайликов в сообщениях. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Используете ли вы смайлики в сообщениях?

Вариант ответа	%
Только с близкими людьми	41,3
Отвечаю несколькими базовыми смайликами	28,6
Смайлик – если действительно что-то смешное	19,7
Стараюсь разбавлять разными смайликами	10,3

Отвечая на вопрос о выключении звука на устройствах во время учебных занятий и прочих мероприятиях, 76 % ответили – всегда, 11,5 % – в зависимости от важности мероприятия, 10,2 % – иногда и 2,4 % – никогда.

По заключительному вопросу анкеты: «Звоните/пишите ли вы преподавателям вне рабочего времени?», ответы распределились следующим образом: 72,7 % ответили, что это недопустимо; 24,8 % время от времени; 2,5 % часто позволяют себе задавать вопросы преподавателям после рабочего дня и в выходные.

Таким образом, цифровой этикет играет важную роль в успешной социализации молодежи в современном мире и согласно нашему исследованию большинство респондентов знакомы с данным понятием и в значительной мере применяют правила нетикета в своем общений.

В заключении, мы хотели особо подчеркнуть важность изучения проблемы нетикета и найти ответы на несколько ключевых вопросов, подтверждающих важность данного понятия.

Почему важно соблюдать цифровой этикет?

– Социальные нормы. В реальной жизни мы следуем определенным правилам поведения (например, при встрече с кем-то, мы здороваемся, слушаем собеседника, не перебиваем). В виртуальной среде эти правила переносятся, помогая сохранить уважение и создание комфортных условий для общения. Несоблюдение этих норм может привести к неприятным ситуациям, таким как блокировки аккаунтов или испорченной репутации.

– Саморегуляция общества. Несмотря на отсутствие строгих официальных рамок, большинство онлайн-платформ имеет свои правила, такие как условия использования и кодексы поведения, нарушение которых может привести к санкциям. Поэтому соблюдение цифрового этикета – это своего рода минимизация возможных негативных последствий.

– Психологический комфорт. Соблюдение цифрового этикета помогает избежать конфликтов и недоразумений. В сети люди склонны к большей анонимности, что порой провоцирует агрессию и грубость. Когда мы придерживаемся общих норм, мы облегчаем жизнь себе и другим.

– Влияние на карьеру и репутацию. В современных условиях цифровая репутация важна и для карьерного роста. Личное поведение в социальных сетях может оказывать влияние на восприятие работодателей, коллег или клиентов. Профессиональные сферы, такие как маркетинг, журналистика, наука и даже искусство также тесно связаны с цифровым миром. Поэтому соблюдение этикета важно для поддержания положительного имиджа.

Можно ли говорить о том, что цифровой этикет станет первостепенным в будущем?

С учетом того, как технологии продолжают развиваться, и появляется всё больше платформ для общения, правила цифрового этикета будут становиться все более актуальными. Однако, в будущем нормы могут стать более гибкими и адаптированными под разные типы взаимодействия, включая искусственный интеллект и виртуальную реальность.

Таким образом, очевидно, что цифровой этикет является важной частью жизни в цифровую эпоху. Цифровой этикет служит своего рода «мостом» между реальной жизнью и виртуальной, помогая минимизировать конфликтные ситуации и создавая комфортное пространство для всех участников онлайн-коммуникации.

Несмотря на то, что данные исследований о цифровом этикете еще не совершенны, они показывают нам необходимость развивать культуру цифрового уважения и ответственности.

Литература

1. *Гаше Е.А., Чалова А.С., Шульженко И.С., Лобачева А.С.* Исследование значимости цифрового этикета как компетенции современного сотрудника // УПИРР. – 2021. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-znachimosti-tsifrovogo-etiketa-kak-kompetentsii-sovremennogo-sotrudnika (дата обращения: 14.11.2024).
2. Интернет-сайт международного исследовательского агентства Pew Research Center: [сайт]. – URL: https://www.pewresearch.org/ (дата обращения: 06.11.2024).
3. Интернет-сайт международного исследовательского агентства Pew Research Center: [сайт]. – URL: https://www.pewresearch.org/internet/2007/06/27/cyberbullying/ (дата обращения: 04.11.2024).
4. *Почебут С.Н.* Цифровой этикет: образовательные стратегии // Дискурс. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 42–50. – URL: https://discourse.etu.ru/assets/files/diskurs_4_2022_42-50.pdf (дата обращения: 04.11.2024).
5. Журнал «Собака.ru»: [сайт]. – URL: https://www.sobaka.ru/health/health/103690 (дата обращения: 21.10.2024).

УДК 316.422

СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВЛАСТИ

Гвоздилов Павел Борисович
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. В настоящее время со стороны всех уровней власти можно наблюдать наращивание усилий в сфере информационной политики, куда входит как активное присутствие в социальных сетях, так и развитие диалоговой модели коммуникации с гражданами. Однако в этих условиях власть оказалась перед новыми вызовами, которые требуют адекватной реакции и оптимального управленческого решения.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, регион, Сибирь, власть, сообщества пользователей, социологические исследования, телеграм-каналы.

«Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»)»

Актуальность предложенной темы обусловлена тем, что содержание и направленность сетевой коммуникации, как правило, декларирует прозрачность осуществляемых действий региональной власти и позволяет эффективнее взаимодействовать с населением. Социальные сети являются значимым инструментом для формирования вариативных идентичностей среди пользователей: политической, профессиональной, региональной, вернакулярной. Идентичности сетевых пользовательских сообществ формируются под влиянием разнородных факторов. Таких как особенности региональных политических режимов, доли различных групп в общей структуре населения региона, характера принадлежности жителей к городской или сельской культуре, религия. Наряду с идентичностями, практическую важность представляет тот факт, что современное сетевое общество вступило в т.н. «эру постправды», где развитие информационно-коммуникационных технологий создало практически неограниченные возможности для создания контента, при этом влияя на формирование общественного мнения. Эти технологии стали инструментами для управления и контроля общественного дискурса, что задает ключевое направление в развитии социума. Одним из важных условий осуществления социального контроля посредством дискурса является контроль самого дискурса и его производства [6, с. 47]. Власть играет существенную роль в формировании каналов коммуникации, но при этом не обладает абсолютной монополией на то, чтобы производить представления о социальном мире среди населения [8, с. 316].

В феврале 2024 года нами было проведено экспертное интервью с целью изучения того, как социальная и политическая коммуникация воспринимается региональными сообществами в формате декларативных приемов, которые позволяют мобилизовать гражданский интерес и соответствующие ресурсы. Интервью проводилось дистанционно с помощью программ «Salute Jazz» и «Discord». В результате мы смогли выявить и обозначить некоторые вызовы, с которыми сталкивается региональная власть в современной сетевой среде при осуществлении социально-политической коммуникации с населением. Эти вызовы, на наш взгляд, заслуживают отдельного внимания и определенного рассмотрения. Приведем примеры высказываний интервьюируемых по поводу оценки потенциала сетевых пользовательских сообществ сибирских регионов ресурсного типа.

Андрей (26 лет, журналист издания, признанного в настоящее время иноагентом в России, администратор томского оппозиционного телеграм-канала, бывший глава аппарата отделения «Молодой гвардии» политической партии «Единая Россия» в Томской области,

с 2022 года проживает за пределами России): «Несмотря на все усилия, в регионах отсутствуют провластные лидеры общественного мнения (сокращённо ЛОМы), которые могут воздействовать на конкретные целевые аудитории и управлять повесткой. ЛОМы должны аккумулировать запрос снизу и продвигать единые нарративы, чтобы вовлекать как можно больше людей к социальной активности». Проиллюстрировал эксперт этот принцип на нескольких примерах из своего опыта.

Осенью 2022 года, уже находясь в эмиграции, Андрей оказывал медийную поддержку на своём ресурсе студентам, проживающим в общежитии Томского государственного университета. В то время администрация ВУЗа запретила использовать им собственные стиральные машинки. Студенты написали коллективное обращение руководству, а после организовали арт-акцию у стен главного корпуса [12].

После смерти Алексея Навального в феврале 2024 года у эксперта подписчики стали интересоваться, где в городе можно почтить память усопшего. Эксперт в свою очередь выложил пост в своём телеграм-канале с призывом возложить цветы к камню скорби (памятник жертвам политических репрессий в Томске) и на условиях анонимности присылать фото и видео с места ему в личные сообщения. Андрей отметил, что для населения важно, когда кто-либо представляет их интересы и отстаивает права вне зависимости от политических взглядов.

Также эксперт считает, что на региональном уровне чиновникам Томской области не хватает подлинного, человеческого взаимодействия с жителями. Хотя у губернатора и открыты комментарии в телеграме, часто ответы от властей остаются формальными и далекими от реальности, что вызывает недоверие у граждан. Отсутствие ярких, понятных спикеров среди региональных чиновников затрудняет общение с жителями. Если удастся устранить формализм в ответах и усилить взаимодействие в рамках стабильной политической системы, это, по мнению эксперта, положительно скажется на отношении к власти. Эксперт является представителем несистемной оппозиции и под стабильной политической системой понимает кардинальные перемены во внешней и внутренней политике страны, «прекращение поощрения со стороны государства культуры медиа-буллинга и доносительства», отказ от практик маргинализации и уголовного преследования оппозиционно настроенных групп населения.

Чтобы проанализировать генезис проблемы отсутствия у региональной власти ЛОМов, обратимся к теории коммуникации. Концепция двухступенчатого коммуникативного потока была описана в научной литературе в 1940-е годы. Пол Лазарсфельд со своими коллегами на основе исследования электорального поведения населения пришёл к выводу о том, что на выбор человека и общественное мнение сильно влияет горизонтальное (неформальное и иногда иерархическое) общение людей в микрогруппах. Центры таких микрогрупп – лидеры общественного мнения. Их влияние было обусловлено большей информированностью, авторитетом и похожестью на своё окружение [1, с. 31].

В чём же проблема рекрутинга в ЛОМы со стороны региональной власти? На наш взгляд, кандидаты в такие лидеры общественного мнения конечно же получат влияние, но оно не сможет превысить потенциальные репутационные издержки. Предполагается, что такой человек уже имеет свою устойчивую аудиторию, которая усмотрит в акте сотрудничества с властью – продвижение чужих интересов и отказ от независимости. С точки зрения структуралистского конструктивизма [2, с. 72], ЛОМ действует в разных полях, прежде всего политики. В зависимости от габитуса аудитории символический капитал ЛОМа может девальвироваться, а символическая власть ослабевать.

Интересна ситуация, когда ЛОМ, выражая лояльность по определённым вопросам, становится «противником власти» по другим темам и повесткам. Такое можно встретить у ЛОМов правых взглядов, которые называют себя русскими националистами в гражданском понимании нации и, с одной стороны, поддерживают проведение СВО, популяризируют традиционные ценности, организуют патриотические акции. А с другой, критикуют власть за всемогущество кавказских и среднеазиатских диаспор, опору в национальной политике страны на принцип многонациональности, возрождение советской топонимики в городах России. В 2024 году представитель национал-демократической организации «Общество. Будущее»

Савва Федосеев был не допущен до муниципальных выборов в Санкт-Петербурге по решению суда. Иск был подан оппонентом Федосеева на выборах Равшманбеком Курбановым, который является лидером городской узбекской диаспоры и членом Единой России. По этому поводу сокрушались различные правые ЛОМы, а консервативное СМИ «Царьград» оказало медийную поддержку Федосееву [9]. Вышеприведённый пример хоть и не совсем регионален, т. к. произошёл в городе федерального значения, но зато вполне красноречив. Что касается сибирских регионов, то в ХМАО и Тюменской области случались конфликты силовиков с руководителями «Русской Общины» по причине поведения последних. Проиллюстрируем данную ситуацию. Это обвинение членами общины в бездействии полиции в борьбе с наркомафией [5]; административный штраф лидеру общины Нижневартовска за демонстрацию нацистской символики [3]; самовольное патрулирование города в балаклавах членами организации в Тюмени [4].

В связи с этим встаёт вопрос: а как повлияет на дальнейшее общественное развитие ситуация, когда единство целей ЛОМов и власти не подкрепляется единством методов достижения? Инкорпорация ЛОМов, не проявивших полной лояльности к государственным идеологическим установкам, приведёт к изменениям внутри региональной политики, что может подорвать устоявшиеся тренды. Одним из которых является внутренняя политическая стабильность в условиях внешнеполитической обстановки. В 2019 году Д.И. Орлов высказывался о том, что социальная опора власти или ядро так называемого «Путинского большинства» формируется вследствие целенаправленной государственной политики по созданию лояльных социальных корпораций. Это консервативные группы населения: представители старшего поколения, силовики, бюджетники, сельские жители, а также организованные и поддерживаемые государством сферы промышленности и инфраструктуры [10, с. 18]. Данную ситуацию мы называем «узкоширокая социальная база» – опора власти на небольшое число групп, которые при этом в количественном выражении составляют большинство населения.

Таким образом, интеграцию в дискурс со стороны региональной власти менее консервативных групп населения и использование их в виде ресурса для собственной легитимации можно определить, как задачу повышенного уровня сложности для акторов внутренней политики регионов. Альтернативным нерискованным вариантом является выращивание в тепличных условиях с нуля лояльного ЛОМа, который вероятно будет иметь неопределённые перспективы у тех групп населения, для которых он «изготовлен». Это позволяет задуматься о целесообразности такого действия, особенно в условиях ограниченности ресурсов у региональных властей.

Следующий эксперт – Денис (45 лет, депутат Заксобрания Красноярского края, управляющий партнёр digital-агентства), рассуждая о роли лидеров мнений, модераторов сетей и активистов в формировании повестки в региональных сообществах, сказал: «Я думаю, что они, в лучшем случае, модераторы, удаляющие бранные и какие-то запрещенные комментарии. Я думаю, что до конца вот эти люди не контролируют повестку». Денис считает, что лидеры мнений должны играть руководящую роль, но на самом деле не все они являются таковыми. Эксперт поделился наблюдением как на примере Красноярска осуществляется переход активности с классического в сетевой формат. Это возросшая роль соседских чатов и районных телеграм-каналов, некоторые из которых по охвату превосходят городские. Это порождает новый тип горизонтальных коммуникаций и локальные сообщества. В этих условиях региональной власти нужно находить способы взаимодействия с новыми социальными общностями. Эксперт предлагает механизм мобилизации на основании engagement rate (коэффициент вовлечённости). Актору для эффективной мобилизации необходимо обращаться, например, не в городское сообщество с аудиторией 10 тысяч подписчиков, а выбрать 10 сообществ по 100 подписчиков. Статистика показывает, что в крупных группах или каналах с миллионом подписчиков уровень вовлеченности составляет примерно 1 %, то есть около 10 тысяч активных участников. Иллюстративно можно представить 100 пользователей со 100 друзьями, получается такая же вовлечённость – 10 тысяч человек. В следствии этого, вероятно лучше работать не с большими группами, а с малыми. Это связано с тем, что внутри малых сетевых

сообществ участники имеют более высокий уровень солидарности и структурной включенности, чем в больших.

Говоря о современных коммуникативных вызовах, эксперт заявил: «Политические администраторы никогда не могут быть уверены, что за разговорами о чем-то таком воздушном, ну или пусть даже проблемном, но аполитичном, через пять минут случайно или специально, или с помощью провокаторов, или сама по себе, не зародится какая-то без пяти минут протестная дискуссия или движение». Фактором, который влияет на любые дискуссии в интернете является стрессовая ситуация у пользователей, связанная с проведением специальной военной операции и соответствующими международными новостями. Эксперт считает, что данная проблема является актуальной и не решается такими действующими организациями, как «Центр управления регионом» и автономным некомерческим обществом «Диалог». Мы считаем, что для имиджа региональной власти данную проблему можно назвать институциональной. Институциональность заключается в неудачных попытках построить систему воспроизводящихся ролей, статусов и взаимоотношений.

Мы полагаем, что политическое обсуждение под неполитическими постами можно рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, это может являться признаком отсутствия нормальной общественной публичности, имитации диалога власти и населения и бутафорности публичной политики. Возрождением культуры кухонной политики и выстраиванием коммуникации в режиме «Сарафанного радио» [13, с. 53]. Мы можем наблюдать цифровое проявления данного процесса, когда пользователи ищут способы донесения своей позиции до окружающих различными способами. В контексте кухонной политики, рассмотрим ещё одну озвученную в ходе интервью мысль. Она заключается в том, что для организации деструктивного социального взаимодействия в сети используется приём «фейк-ньюс». Успех зависит от риторических способностей того или иного участника дискуссии. Используется этот приём по большей части пользователями не из злого умысла, а в силу несоблюдения информационной гигиены. Мерой по урегулированию данной проблемы эксперт называет открытость со стороны властей, приводя в пример ложную информацию, циркулировавшей в сети после пожара в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» и т.п.

Во-вторых, имеет место искусственная политизация значимых информационных событий – актуализация политической тематики за пределами влияния собственного сетевого ресурса актора. Однако наличие такого ресурса не является обязательным условием. Комментарии под постами в крупных региональных сообществах, являются каналом для коммуникации акторов с широкой, не политизированной аудиторией, которая подвержена «заражению» при восприятии, новых для себя, политически окрашенных комментариев.

Таким образом, региональная и федеральная власть не имеет институциональных рычагов урегулирования конкретных ситуаций, когда содержание комментариев с обсуждением повседневных тем модифицируется в острые политические дебаты и высказывания, носящие протестный характер, или обладает способностью приобрести политическую окраску. Парадоксальность положения заключается в том, что такое социально-политическое участие в интернет-дискусии является приемлемой практикой преодоления социальной напряженности для пользователей. Она снижает уровень социальной агрессии и помогает участникам и сообществам в целом справляться с различного рода депривациями. Следовательно, ситуация требует поиска баланса между потребностями различных акторов сетевого взаимодействия и ресурсами инициируемыми в сопровождение органами власти.

Эксперт – Екатерина (30 лет, специалист по политическому медиа-менеджменту из города Иркутска) выделила немногочисленный пласт людей, глубоко погруженных непосредственно в политическую повестку. Эти пользователи являются значительной частью аудитории соответствующих телеграмм-каналов, которые в Иркутской области очень развиты. Пользователей подкупает провокационная и оппозиционная риторика данных публикаций. «Это такая история больше для узких, понимающих кругов» – уточняет наш эксперт. Тема телеграм-каналов актуализируется благодаря усилиям государства по деанонимизации и выводу их из «серой зоны» для дальнейшего регулирования информацинной повестки. Телеграм-

каналы после возросшей популярности мессенджера, стали объектом пристального внимания со стороны государственных органов, так с 1 ноября 2024 года вступил в силу законопроект, обязывающий администарторов телеграм-каналов с аудиторией выше 10 тысяч подписчиков передавать о себе данные в Роскомнадзор. В противном случае будут применены ограничительные меры: рекламодатели не смогут размещать в них рекламу, а другие каналы не смогут репостить их сообщения. В поле нашего интереса лежат сибирские регионы ресурсного типа, на момент ноября 2024 года мы обнаружили 2 политических канала с оттенком «инсайдерства» подходящие под требования законодательства – это кузбасский «Открытый город» и тюменский «Наше ЛукоМоорьЕ». Мы делаем вывод о том, что региональные телеграм-каналы являются влиятельным инструментом, оказывающим значительное влияние на общественное мнение политизированных пользователей.

Вызов же заключается в отсутствии у населения интереса к политики и диалогу с властью, реактивный характер взаимодействия: «Аморфность, что ли, или амёбность в плане того, что жители готовы обсуждать какие-то проблемы, выражать свое недовольство, но если что-то касается положительных моментов или участия в голосовании за улучшение инфраструктуры, культурно-социальные проекты, то люди более медлительные, менее инициативные и не хотят участвовать в данных мероприятиях». Подчеркнём, что за последние годы ковидного, санкционного и транзитивнго состояния общества не проводилось крупных количественных исследований, напрямую подтверждающих интенцию размышления эксперта. А данные мониторинга, проведённого ВЦИОМ в 2021 году, напротив, показали, что на фоне общего снижения политической активности наблюдалось увеличение вовлеченности граждан России в общественную жизнь. Но любопытно взглянуть на топ-3 причины нежелания проявлять социальную активность, которые указали респонденты. Ими стали: отсутствие времени (28%), мнение о том, что политикой должны заниматься профессионалы (20 %), доверие президенту, который сам решит все проблемы в стране (19 %) [11]. На этом моменте мы попробуем обнаружить факторы, вероятно предопределяющие социальную пассивность населения.

П. Штомпка в своей работе «Социология изменений», используя разные ментальные характеристики жителей стран бывшего социалистического лагеря, употребляет термин «гомо советикус» – архетепический синндром адаптивной реакции, генерируемой тоталитарной системой. Исследователь связывает незаинтересованность в общественном участии с сохраняющими устойчивость под влиянием внешней среды и укоренившимися социальными установками. Показательный пример: раскол социального сознания поляков по принципу дихотомии «общественный – частный», когда люди в этих двух сферах ведут себя по-разному. Здесь ярко контрастирует расхлябанность и дисциплинированность в подходе к работе, беспомощность и уверенность в принятии решений, пренебрежение и забота по отношению к собственности и т. д. [15, с. 305–306]. Мы считаем уместным использовать эти антиномии и при описании повседневных практик бывших жителей советского союза т. к. на территории современной России правление коммунистической партии длилось на одно поколение дольше, чем в Польше. Политолог Е. А. Шапошникова смотрит на невысокую заинтересованность жителей муниципалитетов в разрешении местных проблем через призму компетенций. Сформировавшаяся в России управленческая культура патернализма и отсутствие у муниципальных чиновников навыков партнерского взаимоотношения с местным сообществом, является дополнением к отсутствию у жителей компетенций в управлении на уровне локальных сообществ, а также нежеланию активно вовлекаться в механизмы управления муниципальными структурами [14, с. 19]. В этом случае мы обратим внимание на восприятие власть имущих со стороны населения, как «они» против «нас». Группа социологов во главе с Е.А. Кранзеевой по результатам анализа данных интернет-платформ «Российская общественная инициатива» и Change.org за март 2020 – март 2021 гг., связывала патерналистскую практику регионального управления с малым количеством поданных инициатив и петиций в Северо-кавказском федеральном округе – их оказалось 18. Регионы Сибирского федерального округа же демонстрируют относительно высокий уровень гражданского активизма – 100; уступая за указанный период только Центральному федеральному округу – 372, Северо-западному – 124

и Приволжскому – 120 [7, с. 95]. Очевидно, что в заявительном плане потенциал участия жителей сибирских регионов в инновационных процессах довольно высок, а органам власти необходимо предпринять активные меры для того, чтобы не упустить возможность вовлечения граждан.

Возвращаясь к эксперту, перейдём к мнению об изменениях в сетевой коммуникационной практике Иркутской области, которые могут привести к улучшению социально-политического взаимодействия населения и власти. Екатерина считает, что со стороны власти – это стремление к открытости в общении, а не только к нейтрализации негативных настроений среди пользователей. В последнем можно усмотреть и реактивность самой региональной власти. Со слов эксперта, в Иркутской области дешёвые тарифы на электроэнергию, связано это с энерго-ресурсностью региона. Резонанс и негативную реакцию как сети, так и в оффлайн коммуникации вызывают новости о повышении тарифов. Но позиционированиие региональных чиновников, в качестве занимающих сторону населения, вызывает чаще положительные отклики. В вопросе развития социально-политической коммуникации многое зависит не только от региональной, но и федеральной власти. А со стороны пользователей – это еще и запрос на повышение культурного уровня.

Таким образом, предпосылки реактивности и в тоже время проявления пассивности со стороны населения выявляются в диапазоне от отсутствия интереса к изменениям до патернализма. В сетевом пространстве механизмы активизации проактивного гражданского участия должны отвечать критерию релевантности.

Подводя итог, мы акцентируем внимание на том, что сетевое взаимодействие жителей сибирских ресурсных регионов между собой и с властью является цифровой репрезентацией социальных процессов, сложившихся за последние десятилетия. Экспертный взгляд и анализ теоретических подходов показывают институциональную природу возникающих вызовов. Отсутствие в сибирских регионах лояльных власти и популярных среди различных групп населения ЛОМов, в виду институциональной инертности, ограничивает включение в официальный дискурс локальных аудиторий. Политизация повседневных тем, обсуждаемых в комментариях региональных сообществ в условиях «кухонности» политики, обязывает власть быть готовой к росту протестных настроений и потенциальному переходу активности из онлайна в офлайн. Наконец, социальная апатия пользователей в созидательном плане, не позволяет придать активный характер и субъектность российскому гражданскому обществу. Не преодолев вызовы, кризисной ситуации для разных уровней власти не возникнет, но институциональные барьеры могут затруднить достижение целей в управлении и сохранении устойчивости в усложняющейся многоакторной информационной среде.

Литература

1. *Бодрунова С.С.* Теория инфлюенсинга: от лидеров мнений к точкам кристаллизации общественного мнения // Социодиггер. – 2021. – Т. 2. – № 5(10). – С. 30–35.
2. *Бурдье П.* Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. В Нижневартовске суд оштрафовал главу «Русской общины» за нацистскую символику: [сайт]. – URL: https://ura.news/news/1052679343 (дата обращения: 27.10.2024).
4. В Тюмени общественники решили сами патрулировать город. За это их проверят на экстремизм: [сайт]. – URL: https://72.ru/text/gorod/2024/10/10/74192483/ (дата обращения: 27.10.2024).
5. В ХМАО «Русская Община» обвинила полицию в бездействии в борьбе с наркомафией: [сайт]. – URL: https://ura.news/news/1052672732 (дата обращения: 27.10.2024).
6. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

7. *Кранзеева Е.А.* Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 2. – С. 86–102.
8. *Куренной В.А.* Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под ред. В.А. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2009. – 367 с.
9. Кто в России власть: узбекская диаспора сняла с выборов русского патриота: [сайт]. – URL: https://kemerovo.tsargrad.tv/articles/kto-v-rossii-vlast-uzbekskaja-diaspora-snjala-s-vyborov-russkogo-patriota_1044478 (дата обращения: 27.10.2024).
10. *Орлов Д.И.* «Новое путинское большинство» накануне большого политического транзита // Выборы: теория и практика. – 2019. – № 4(52). – С. 9–18.
11. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring (дата обращения: 04.11.2024).
12. Студенты принесли к вузу стиральную машину из-за их запрета в общежитии: [сайт]. – URL: https://lenta.ru/news/2022/10/21/tomsk/ (дата обращения: 27.10.2024).
13. *Чернышов А.Г.* Политика явная и тайная: о «подводной» части современного публичного «пиар-айсберга» // Власть. – 2015. – № 8. – С. 52–58.

УДК 316.422

VR И AR ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ И ОБУЧЕНИИ ПЕРСОНАЛА

Гиззатуллина Эльвина Зульфатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрены возможности применения технологий дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности в обучении и развитии персонала. Раскрыта актуальность применения данных технологий и предложен вариант их поэтапного внедрения. Перечислены достоинства, а также риски и сложности их использования в процессе развития сотрудников. В рамках статьи изучен опыт внедрения некоторыми организациями VR- и AR-технологий в процесс обучения сотрудников и представлены их результаты.

Ключевые слова: VR-/AR-технологии, развитие персонала, обучение персонала, виртуальная реальность, дополненная реальность, иммерсивность.

В эпоху цифровой трансформации новые технологии всё более активно внедряются в бизнес-процессы, в том числе и в обучение персонала. Среди множества существующих инструментов развития сотрудников технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности особенно привлекают внимание ввиду формирования иммерсивного эффекта и создания более широкого круга возможностей для улучшения профессиональных навыков персонала. VR- и AR-технологии считаются одними из самых перспективных направлений, поскольку создают опыт полного погружения в изучаемый материал с помощью практического моделирования, а не просто изучения теоретической концепции. В силу значительного количества достоинств такого метода обучения, он ежегодно привлекает всё большее количество пользователей. Согласно данным исследования «Data Bridge Market Research» глобальный рынок AR и VR в обучении оценивался в 2094,08 млрд долларов США в 2023 году и, как ожидается, достигнет 139343,56 млрд долларов США к 2031 году, при этом среднегодовой темп роста составит 69 % в течение прогнозируемого периода 2024–2031 годов [1].

Виртуальная реальность (VR — Virtual Reality) — это комплексная технология, которая позволяет погрузить человека в иммерсивный (обеспечивающий полный эффект присутствия) виртуальный мир с помощью использования специализированных устройств, таких, как шлемы виртуальной реальности [2, с. 44.]. Технология VR позволяет сотруднику полностью

вникнуть в искусственно созданную ситуацию, где он может взаимодействовать с объектами этой среды, совершать разного рода действия, оказывающие влияние на него и получить опыт, близкий к реальному.

Дополненная реальность (AR – Augmented Reality) – это технология, которая позволяет интегрировать информацию с объектами реального мира в форме текста, компьютерной графики, аудио и иных представлений в режиме реального времени [2, с. 46.]. В данном случае технология не создаёт новый мир, а расширяет возможности взаимодействия с существующей окружающей средой, что достигается путём использования heads-up display (индикатора на лобовом стекле), очков или шлемов дополненной реальности (HMD) или иной формы проецирования графики для человека (например, смартфона или проекционного видеомэппинга) [2, с. 46.].

Данные технологии открывают массу возможностей для оптимизации процессов развития сотрудников, безопасного освоения инструментов и технологий работы, увеличения скорости усвоения нового материала и повышения конкурентоспособности организации.

К списку способов использования VR- и AR-технологий в развитии персонала относятся:

1. Ускорение адаптации сотрудников благодаря виртуальной экскурсии по офису и более близкому знакомству с самой организацией. Этот инструмент может быть полезен как при найме сотрудников из местного населения, так и при привлечении рабочей силы из других регионов, поскольку помогает им легче влиться в производственный процесс благодаря заблаговременному запоминанию планировки офиса, основных организационных объектов и виртуальному знакомству с коллегами и непосредственными руководителями. VR-/AR-технологии могут помочь работнику быстрее и лучше ознакомиться с корпоративной культурой компании, понять её цели, ценности и особенности. Такие новшества позволят оперативнее влиться в коллектив и стать не просто новым коллегой, а частью команды, они будут способствовать уменьшению текучести персонала и повышению привлекательности организации на рынке труда.
2. Освоение алгоритмов работы на новом оборудовании. С помощью технологии дополненной реальности можно разработать учебный материал, способный пошагово объяснить принцип и схемы работы с новыми инструментами и программами – это значительно ускорит освоение методов работы с ними, а также способов их обслуживания.
3. Оттачивание навыков работы и общения с клиентами. Персонал может совершенствовать способности общения с клиентами и партнёрами, повышать свою уверенность при взаимодействии с ними и развивать навыки презентации продуктов благодаря сценариям, воссозданным в виртуальной или дополненной реальности. Данные программы обучения будут способствовать улучшению качества клиентского обслуживания и навыков переговоров с разными категориями контрагентов.
4. Обучение и повышение квалификации персонала в областях с повышенным уровнем ответственности. Есть категории профессий, в которых ошибки, совершённые в ходе обучения, могут оказать наиболее ощутимое влияние на окружающих, к таким, например, относятся медицинские работники, пилоты и пожарные и т.п. В этом случае технологии VR и AR играют особую роль при развитии их навыков, поскольку они дают возможность воссоздать практически любые возможные сложные стечения обстоятельств, которые могут возникнуть в рабочей среде, и в безопасных условиях практиковать управление данными критическими ситуациями, не подвергая никого реальному риску.
5. Тренировка действий при чрезвычайных ситуациях. VR- и AR-технологии могут быть полезны и при проведении обучений по охране труда. Подобные тренинги могут снизить вероятность возникновения непредвиденных ситуаций и благодаря заранее отработанным алгоритмам действий помогут оперативнее реагировать при формировании стрессовой обстановки.
6. Проверка компетенций сотрудников. Благодаря передовым технологиям можно испытать уровень компетенций с помощью полного погружения персонала в сгенерированную ситуацию, воссоздать в виртуальной/дополненной реальности условия тестового кейса

и в полной мере исследовать поведение, действия сотрудника, что позволит проанализировать и дать наиболее точную обратную связь, указав на области для развития.

Способы использования технологий виртуальной и дополненной реальности этим списком не исчерпываются, однако это наиболее яркие примеры, позволяющие ознакомится с возможностями, которые открывают организациям эти инструменты.

Стоит раскрыть и этапы внедрения VR- и AR-технологий в процессы развития персонала организации.

Каждую попытку внедрения новшеств необходимо начинать с оценки потребностей и определения целей. Перед началом стоит выявить, какие компетенции персонала требуют развития, и знаний в какой области им не хватает для эффективной работы. Также важно определить цели внедрения новых технологий. Данные действия помогут создать целевую программу обучения.

Следующий этап – подготовка инфраструктуры и обеспечение необходимым оборудованием (очки, сенсоры, контроллеры). Выбор платформы для создания VR-/AR-контента и запуска учебных проектов согласно потребностям компании и организация доступа к соответствующему ПО – также является важной составляющей этого процесса [3].

Разработка контента, то есть создание виртуальной среды, обучающих программ и сценариев, которые позволят построить работу именно с целевыми компетенциями. Важно обеспечить соответствие контента интересам сотрудника и организации, а также учебным целям.

Подготовка персонала. Необходимо ознакомить сотрудников с внедряемыми изменениями, обосновав причины и цели, подготовить их работе с цифровым пространством, обучить инструкторов, которые будут направлять, регулировать и контролировать учебный процесс.

Тестирование созданных программ. Для выявления соответствия созданных проектов целям обучения и проверку исправности программ можно сначала провести их тестирование на небольшой группе сотрудников, что позволит выявить недочёты и своевременно внести коррективы до широкого внедрения в процесс работы с персоналом.

Далее – использование по целевому назначению, обновление и дополнение в ходе выявления областей для улучшения, в также при трансформации потребностей организации и персонала.

И последнее – оценка результатов применения новых технологий. Важно выявить эффективность проведённых программ обучения для принятия решения о возможности дальнейшего использования и при необходимости изменения и дополнения. Этот шаг можно осуществить с помощью проведения анкетирования, тестирования, оценки и сравнения производительности и ключевых показателей эффективности.

На сегодняшний день известны множество успешных практик использования VR- и AR-технологий в процессе развития персонала, одним из таковых является опыт российской компании BIOCAD. Вместо того, чтобы тратить при обучении дорогие расходные материалы для химического производства, сотрудники сначала отрабатывают свои навыки в виртуальной среде с помощью VR-тренажёров. Такой метод не только экономит ресурсы, но и способствует снижению тревожности сотрудников при выполнении новых задач. Результатом применения данного формата стало сокращение периода обучения обращению с оборудованием на 80 % [4].

Другим примером является компания по производству и продажи обуви ECCO. Они внедрили AR-обучение, которое происходит в реальном времени в контексте работы: сотрудники могут оперативно знакомиться с актуальной информацией об особенностях новых продуктов, не покидая торгового зала, просто наведя камеру на коробку интересующей модели. Также компания ECCO используют данную технологию для развития soft skills, делая мини рабочие тетради с размещением AR контента про продажи и переговоры в виде поведенческих кейсов. По итогу все эти действия привели к увеличению просмотра учебного контента в 17,5 раз, скорости доступа к информации в 60 раз, улучшению уровня удовлетворённости процессом обучения у сотрудников, применявших инструменты дополненной реальности, на 33 %, чем тех, кто использовал традиционные методы, сокращению времени изучения данных по одной модели с 7 до 2х минут, а также повышению уровня знаний о новой коллекции на 14 % по

сравнению с контрольной группой, и количества продаж новой коллекции на 17 % в тех магазинах, где проводилось пилотное внедрение [5].

Использование технологий VR- и AR- в развитии персонала имеет массу преимуществ, среди которых: поддержание высокого уровня вовлечённости обучаемых за счёт иммерсивности, что приводит к повышению качества и количества восприятия информации – запоминаемость материала в среднем увеличивается на 30 % [6], обеспечение возможности безопасного обучения в симулированных ситуациях опасности – это помогает на 70 % снизить производственные риски [6], сокращение затрат на материальные ресурсы (вместо того, чтобы создавать реальную обстановку, необходимую для обучения, и нанимать людей для тренировки коммуникативных способностей, можно просто воссоздать это с помощью программ в виртуальном мире) и возможность многократного повторного использования созданных материалов без вложение средств на генерацию и проектирование новых. Также к достоинствам данных методов можно отнести и их доступность: они дают возможность организовать обучение для персонала из разных географических точек в комфортной для них обстановке, без необходимости выезжать на тренинги за пределы офиса – это особенно удобно для больших компаний с множеством филиалов. Стоит упомянуть интерактивность и индивидуализацию обучения, поскольку VR- и AR-технологии позволяют адаптировать процесс под потребности сотрудников и организации, а также дают возможность корректировать учебные материалы по результатам анализа данных о прогрессе работников и предлагать дополнительные модули.

В то же время существуют и некоторые риски и сложности, связанные с их использованием и внедрением. В первую очередь это стоимость оборудования и первичной разработки учебных программ и сценариев – особенно этот пункт актуален для небольших компаний, где срок окупаемости вложений будет более долгим. Возможно возникновение технических проблем, связанных с несовместимостью с существующими системами обучения. Существует и угроза безопасности и сохранности корпоративных данных, используемых в системах, а также сбоя программного обеспечения, что приведёт к необходимости восстановления учебных материалов – это в свою очередь требует немалых ресурсов. Также адаптация сотрудников к новым методом обучения может проходить недостаточно быстро и сопровождаться неприятными ощущениями, связанными с воздействием на органы чувств VR-/AR-оборудования: головокружение, усталость глаз, временной потерей ощущения реальности, времени и ориентации в пространстве. Однако при внедрении с использованием комплексного подхода, учитывающего все нюансы, а также мнение персонала, способствуя их постепенной адаптации к изменениям, своевременном и рациональном использовании эти технологии позволят добиться ощутимых результатов и сделают процесс развития более эффективным.

Применение инновационных технологий виртуальной и дополненной реальности открывают большие перспективы в области развития и обучения персонала, позволяя совершенствовать производственные процессы и оперативнее внедрять новые методы работы, не отставая от трендов рынка. Они дают возможность не только со стороны изучать и анализировать новый материал, а погружаться в понимание её сути, получая совершенно иной опыт благодаря такому свойству VR и AR инструментов как иммерсивность. Данные технологии делают процесс развития более увлекательным, интерактивным, обеспечивают индивидуальный подход к каждому отдельно взятому случаю и безопасность освоения новых программ и методов работы. Использование инструментов VR и AR в процессе обучения сотрудников даёт организации конкурентные преимущества в динамично трансформирующемся мире бизнеса, благодаря быстрой адаптации к новым условиям рынка. Таким образом, технологии дополненной и виртуальной реальности постепенно становятся неотъемлемой частью стратегического развития персонала, способствуя не только повышению качества обучения, но и увеличению общей производительности компаний.

Литература

1. Глобальный AR и VR на рынке обучения – тенденции отрасли и прогноз до 2031 года // Data Bridge Market Research: [сайт]. – URL:

https://www.databridgemarketresearch.com/ru/reports/global-ar-and-vr-in-training-market (дата обращения: 16.10.2024).
2. Международная и российская практика управления финансовыми процессами в период цифровизации экономики: монография / под ред. В.А. Кунина. – СПб.: ИЭО СПбУТУиЭ, 2020. – ISBN 978-5-94047-803-4. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/246377 (дата обращения: 16.10.2024). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Инновации в обучении: VR и AR технологии для эффективного корпоративного обучения // Академия социальных технологий: [сайт]. – URL: https://ast-academy.ru/blog/innovacii_v_obucenii_vr_i_ar_tehnologij_dla_effektivnogo_korporativnogo_obucenia/ (дата обращения: 17.10.2024).
4. Эффективность VR в обучении персонала: отечественный рынок // Modum Lab: [сайт]. – URL: https://modumlab.com/modum-daily/efficiency-vr-3 (дата обращения: 17.10.2024).
5. Использование дополненной реальности для обучения торгового персонала компании ECCO // ARGUMENT: [сайт]. – URL: https://argument.digital/blog/obuchenie-torgovogo-personala-kompanii-ecco-s-pomoshchyu-dopolnennoj-realnosti/ (дата обращения: 18.10.2024).
6. Увидеть и запомнить: как крупные компании обучают сотрудников с помощью VR/AR // Хайтек: [сайт]. – URL: https://hightech.fm/2019/05/07/vr-ar-job (дата обращения: 18.10.2024).

УДК 316.422

ВЕКТОРЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ И КВАЗИ-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

Головацкий Евгений Васильевич
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Социально-политическое взаимодействие проявляется в механизмах самоорганизации населения, объединении в сообщества и группы для совместного решения проблем, демонстрации интересов и формулировки актуальных региональных запросов, символизации актуальных в т.ч. патриотических настроений. Патриотические и квази-патриотические проекты в региональных сетевых сообществах получают разноплановое содержание и направленность. Характеристикой регионального сегмента социальной и политической мобилизации выступают сетевые сообщества различного состава региональных / городских участников, государственных, политических и молодежных организаций, в интересах изучения которых был проведен структурный сетевой анализ. Результаты исследования показывают вероятные векторы патриотической повестки социально-политической мобилизации сетевых сообществ сибирских регионов ресурсного типа.

Ключевые слова: социально-политическая коммуникация, патриотизм, сетевые сообщества, социологические исследования, регион, Сибирь.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта» (руководитель доктор социологических наук, доцент Е. А. Кранзеева).

Развитие общества в условиях нестабильной динамики и множества социально-политических вызовов – это риски и неопределенности общественных отношений. Востребованными для управленцев и самих участников становятся точки сборки и платформы на базе которых возможна консолидации разнонаправленных сообществ, разных историй, связанных с развитием регионов. Сибирские регионы в силу непространственной консолидации и ресурсной

оснащенности выступают интересными социо-пространственными агрегациями, отличающимися своими характеристиками и уникальными примерами мобилизации социально-политической повестки.

Социально-политическая мобилизация, осуществляемая на пересечении (сочетании) государственных и гражданских интересов в своей теоретической направленности и практической реализации предполагают собирание социально активных участников, включая молодежь на фоне общеизвестных понятных и можно сказать популярных оснований.

Исследователи, анализируя результаты реализации российских программ патриотического воспитания общефедерального и регионального уровней помимо количественных показателей (количество и масштаб мероприятий, процент участия и объемы участников, финансовые вложения и пр.), и качественных (уровень оснащения мероприятий, отношение участников, тематическое разнообразие и др.), отмечают сочетание с патриотическими настроениями участников, представлениями и определенными коммуникативными реакциями [1, с. 61]. Речь идет и новых форматах власти, и способах ее формирования и реализации в современном мире. Власть в практическом плане представляет собой известную способность порождать целенаправленно те или иные эффекты. Отмечая существование власти над людьми и т.н. мертвой материей или нечеловеческими формами жизни (определяющая роль цифрового мира в этой связи не получила окончательной дефиниции социальных признаков). Общая классификация власти подразумевает существование власти над отдельными/конкретными людьми и по типу задействованной отдельной социальной структуры [2].

В современных условиях общественное производство трансформировалось в новый формат «постиндустриальный капитализм» скорее «символический капитализм». Когда представления о реальности воспринимаются и передаются виртуальной символикой Виртуальное захватывает внимание и стимулирует воображение. Виртуальные символы уплотняются, получая вещественную плотность. Речь о новой «виртуальной символической материи» [3, с. 62].

Относительно определения заявленных патриотических и квази-патриотических настроений (установок) общественного развития существенна оценка исследователями «неразберихи вследствие отсутствия целостного представления явления, четкого поля исследования патриотизма с адекватными в рамках современной реальности методологическими конструктами» [4, с. 102-103]. С учетом существующих подходов трактовки патриотического поведения можно предложить соответствующее тематическое оснащение: патриотизм как эмоциональное отношение к родине (государственная символика, ассоциации с территорией, праздничными и памятными событиями и пр.); патриотизм как социальное чувство (связанность культуры, семейно-родственных отношений, эмоциональная притягательность социокультурных или патриотических символов и пр.); патриотизм как уникальные ценности (артефакты, язык, топонимика территорий и пр.); рассмотрение патриотизма как определенного государственного ресурса (поддержка государственной власти ее проектов, мобилизационные ресурсы публичного участия либо общественной поддержки, запрос на сакрализацию социальной и политической памяти и пр.).

Патриотизм связывается с наличием некоторой надындивидуальной значимой сущностью (семья, двор, свои, родина, государство и пр.) и определенной деятельностью по поводу этой сущности, а также ценностная идентификация места, участников и самих событий (деятельных инициатив или соответствующих проявлений лояльности). Кумулятивно возможно обозначить патриотизм в качестве ощущение индивидом вхождения в надындивидуальное единство, понимание ценности этой идентичности и отстаивание ее в виде допустимом для ее членов. [5, с. 85–86]. Причем искусственное, навязанное для личности вхождение можем определить в качестве проявления квази-патриотизма.

Патриотические проекты и предпочтения участников социально-политического взаимодействия выступают в роли активного компонента системы развития: заданной политической культуры, признаков гражданской и политической толерантности, социальной памяти в обществе, общественной в целом, а также институциональной и организационной формам лояльности и др. В конечном счете патриотические повестки для детей и молодежи в современном

обществе являются одним из инструментов социально-политической мобилизации (собирания гражданских, групповых и в современных условиях также пользовательских интересов молодого поколения России). Безусловно целесообразно учитывать и в практическом плане разделять существующие в обществе слои патриотических интересов, принимая во внимание образование, возраст, территориальная принадлежность, а также сфера интересов, включающая сетевые / виртуальные коммуникативные практики. На наш взгляд на этом фоне именно молодежные патриотические представления являются в наибольшей мере актуальными для исследования и социологического сопровождения заданных целевых процессов.

В качестве примера приведем результаты запроса на парсер Яндекс WordStat, глубина поиска в «Рунете» составила один месяц: 24.08.2024–24.09.2024 года. Общее число запросов «СВОшник» составило 29 367. Однако среди первых 50 популярных обращений также присутствовали запросы, подчеркивающие деятельностно ориентированные темы: «дети свошников» (2 730 запросов), «жены свошников» (1 419 запросов), «свошники в вузах» (235 запросов), «свошник в школе» (174 запросов), «новости свошник» (154 запроса) и пр. Среди близких патриотическим запросам тем доминирует повестка ближайшего окружения участников проведения спецоперации, далее подается образовательно-воспитательный аспект, а также общий новостной шлейф запросов пользователей.

Важно учитывать, что в основе социально-политического взаимодействия базируются социальные и политические потребности, обладающие различной выраженностью и осознания сторонами-участниками. Социальный смысл диалога власти и населения заключается в объединении усилий для взаимодействия в условиях социальной реальности и продвижения к консолидированным параметрам развития и поддержания социально-политических отношений на территории (регионе). Социальное взаимодействие проявляется в механизмах самоорганизации населения, объединении в сообщества и группы для совместного решения проблем, символизации актуальных в т. ч. патриотических настроений.

Социально-политическое взаимодействие в современных условиях характеризуется высокой информационной нагруженностью каналов и участников. Мобилизационный потенциал региональных сетевых коммуникаций генерирует огромные массивы данных в связи с порядковым увеличением использования Интернета и различных интеллектуальных гаджетов, выводя исследовательский интерес на уровень больших данных (тематическое моделирование, data mining). В качестве регионального примера можно наблюдать результаты построения графа региональных активных пользовательских сообществ, сложных сплетений и связей участников сети в паутине социально-политических интересов (рис. 1.).

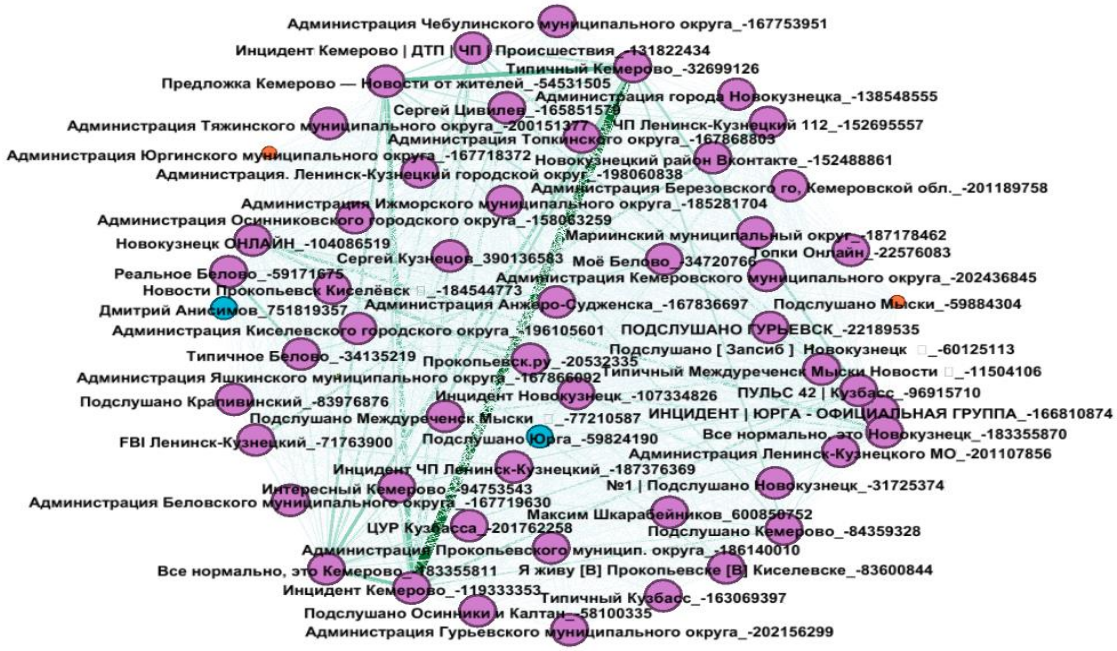


Рис. 1. Граф популярных сообществ Кемеровской области
(дата сборки январь 2024 г., программный продукт Gephy 9.0)

Полагаем, что необходимо рассматривать следующие ярусы сетевой социально-политической мобилизации:

а) непосредственно ярус пользовательской активности (региональные сетевые сообщества, структура и состав участников, тематика сетевых ресурсов);

б) участие сетевых сообществ в коммуникациях и разнообразной региональной повестке (текущие события, инициативы, формирование новостной событийной повестки);

в) региональный сетевой ярус (картирование, например, отраслевое или территориальное ролирование, ресурсы сторон-участников).

Территориально, предложенные в общем проекте исследования регионы (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Томская, Тюменская, Иркутская и Кемеровская область – Кузбасс, Красноярский край, республика Хакасия и республика Тыва) характеризуются определенной ресурсной специализацией, обособленностью территориального притяжения, удаленностью от точек силы (межрегиональной сборки), сочетанием рисков и угроз развития своих территорий и уникальных сетевых коммуникативных треков.

Социальное взаимодействие предполагает решение проблем через самоорганизацию, а политическое взаимодействие в свою очередь через обращение к органам власти. В то время как патриотические формы социально-политической мобилизации подразумевают проявление сочетаний идей и практических оснований, следов деятельности граждан и примеров взаимодействия с властью. Наблюдаемая практика демонстрирует, что в подавляющем большинстве случаев прямой вопрос о патриотических настроениях вызывает чаще всего получает позитивный ответ, понимание, что так и должно быть [6, с. 69].

Реальные условия социальных и политических коммуникаций характеризуются рядом особенностей: объемы и темпы социально-политической коммуникации участников взаимодействия, высокая структурная проводимость большинства участников взаимодействия, которая достигается за счет реактивной сетевой коммуникации, возможности взаимодействия «всех со всеми» из числа активных участников сети, а также темпоральный фактор, уникальное «подсвеченное» (по О. Н. Яницкому) участие пользователей.

В сообществе Telegram множество новостных каналов, освещающих актуальную политическую и собственно патриотическую тематику в Кузбассе. Топ-3 каналов по популярности: «Инцидент Кузбасс»: https://t. me/+sbG3vCGOLngzMjhi (110 203), «Кузбасс сегодня»: https://t.

me/kuzbass_sogodnya (46 722), «Новости Кузбасса»: https://t. me/kuzbass_news (41 373) Каналы глав городов не пользуются популярностью у жителей, однако используются в качестве своеобразного «информационного ящика». Самое большое количество подписчиков у прежнего губернатора области Сергея Цивилева: https://t. me/tsivilev_kuzbass (44 789) и у главы города Новокузнецка Сергея Кузнецова: https://t. me/skuznetsov_nvkz (26 825). Нынешний губернатор Кемеровский области – Кузбасса Илья Середюк: https://t.me/ilyaseredyuk будучи избранным на должность 12.09.2024 г., в настоящее время имеет 40 318 подписчиков. Патриотическая и квази-патриотическая тематика в сетевых сообществах и мессенджерах заключается в ретрансляции федеральных патриотических установок, региональных историях (сильные/раскрученные практики и патриотические предпочтения), а также вероятные уникальные индивидуально-личностные траектории региональных акторов (представителей власти, членов социальных и политических организаций, влиятельных экспертов, в т.ч. сетевых). В период пандемии (Covid-19), далее в посткавидный период и время проведения Россией спецоперации сложился обширный сетевой пул активных пользователей, включающих региональные сообщества.

Пользователи сетевых сообществ могут выступать не только реципиентами информации, размещаемой в данных сообществах, они также сами могут принимать участие в распространении социально-политической информации, инициировать формирование ряда горизонтальных связей, генерировать отношения посредством комментариев, интерпретировать информационно-политический контент сообщений в постах, визуализировать их и пр. Существенную роль в сборке целостных социокоммуникативных практик могут предлагать «живые» коммуникативные практики, которые будучи «не виртуальными» способные формировать и снижать сетевые риски и угрозы социальной коммуникации, в т.ч. представителей молодого поколения.

В сопровождении патриотической темы заметно присутствие ресурсов персонального участия (например, страницы мэра г. Новокузнецка С. Н. Кузнецова, Кемеровская область), а также преобладание обсуждения темы патриотизма в тюменских, тувинских информационных источниках, в сообществах ХМАО и ЯНАО (согласно приводимой символике вероятно и в национальноязычных сетевых ресурсах).

Требуется исследовательское сопровождение социальных последствий высокого информационного роста повседневных коммуникативных практик, включая интересы и возможности молодежного пользовательского контента. Молодежные организации и их лидеры существуют во взаимосвязи с патриотическими интересами, образуя сети, которые могут быть использованы ее участниками в целях привлечения ресурсов для решения задач в интересах регионального и общегосударственного развития. Влияние сетевых патриотических настроений на мобилизационные возможности ее участников может проявляться: в оказании помощи и содействии гражданской активности, как с формальной, так и с неформальной точки зрения; формальные способы взаимопомощи могут проявляться в привлечении к реализации проектов, грантов, а также в содействии к выдвижению на более высокие и значимые посты (например, поддержка региональных кандидатур на выборах). Неформальные практики представляют собой такие взаимодействия участников, которые базируются на основе личных связей и контактов (например, мобилизация «своих», целевое информирование об акциях и пр.).

В итоге, сетевые сообщества сибирских регионов позволяют формировать доверительные и относительно продолжительные отношения между участниками сети и «физическим миром», уменьшая ситуативную неопределенность в отношениях между ними. Предположим, что наличие личных знакомств, доверительных отношений, доменных, земляческих связей (одна из специфических форм поддержки своих в сибирских сообществах, отмечаемая еще в исследованиях П.П. Семенова-Тян-Шанского), обязательств, гарантий взаимной выгоды между участниками сетевых сообществ вероятно способствует поддержанию репутации участников коммуникации и получение результатов с минимумом расходов и внутренних (сетевых либо региональных) рисков.

Патриотическая повестка формируется с учетом следующих «цифровых локаций» и форматов региональных сетевых сообществ:

– три уровня социально-политической мобилизации – пользовательский, сетевых сообществ, и региональный;

– демонстративный формат «любить Родину» (патриотическая и квази-патриотическая повестки); участие в соответствующих преобразовательных практиках страны, региона, места;

– индифферентная лояльность патриотического участия (чаще консолидированные формы);

– «случайный патриотизм» (ситуативное или неявное участие, использование соответствующей политической / патриотической подсветки);

– «домашний патриотизм» (региональное (местное) надындивидуальное единство, осознанное поддержание сетевыми участниками поселенческого, гражданского, профессионального качества социально-политических отношений);

– несвязанные внешние патриотические истории (интеграция патриотических запросов в информационную структуру Интернет-ресурсов, деятельность электронных СМИ, реклама, «мусорные темы», закрытые цифровые ресурсы и пр.).

В социальных сетях регионов в режиме реальной, непрерывной коммуникации формируется поле социально-политических взаимодействий, которое в современных условиях становится не только источником информации, но за счет формирования горизонтальных связей сетевая коммуникация становится способом решения повседневных, и социально-политических проблем, упреждения рисков, «качества сети», описания практик реального и виртуального сообщества.

Литература

1. *Асеева Т.А.* Проблема институциональной эффективности системы патриотического воспитания в регионах Сибирского федерального округа // Социально-политические исследования. – 2022. – № 2(15). – С. 59–75. – DOI: 10.20323/2659-428X-2022-2-15-59-75. – EDN: WSYEDW.
2. *Russell B.* Power: A New Social Analysis. – London; New York: Taylor & Francis E-Library, 2004. – 258 p.
3. *Деменок С.* Символ и капитал (материализация символа). – 2-е изд. – СПб.: ООО «Страта», 2016. – 224 с.
4. *Асланов Я.А., Глушкова С.А.* Патриотизм в российском обществе: теоретико-методологические проблемы исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 11. – С. 99–105. – EDN: YNXFDN.
5. *Ивченкова М.С., Буханский И.И.* Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. – 2024. – Т. 15. – № 2. – С. 81–97.

УДК 316.422

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ГЛУБОКОГО ОБУЧЕНИЯ

Гончарова Оксана Владимировна

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

Аннотация. Цифровые технологии продолжают радикально преобразовывать процессы социализации, вводя новые формы коммуникации и взаимодействия. В связи с этим становится актуальным моделирование сценариев цифровой социализации с использованием передовых методов анализа данных. Традиционные методы исследования недостаточны

для обработки сложных и объемных данных, характерных для цифровой среды. Методы глубокого обучения, основанные на нейронных сетях, предоставляют эффективные инструменты для выявления скрытых зависимостей и закономерностей в больших наборах данных. Применение глубокого обучения к анализу текстовой информации из социальных сетей и онлайн-платформ позволяет глубже понять эмоциональные состояния, мнения и настроения пользователей. Это не только способствует анализу текущих тенденций, но и позволяет моделировать и прогнозировать будущие сценарии развития социальных взаимодействий. Такое понимание является критически важным для разработки эффективных стратегий в образовании, политике, маркетинге и других областях, где глубокое понимание цифровой социализации является ключевым фактором успеха.

Ключевые слова: цифровая социализация, глубокое обучение, нейронные сети, социальные сети, онлайн-коммуникация, анализ текста, большие данные, эмоциональные состояния, прогнозирование, цифровые технологии.

В последние десятилетия цифровые технологии кардинально преобразовали все аспекты человеческой жизни, включая способы общения, получения информации и формирования социальных связей [2]. Цифровая социализация, представляющая собой процесс интеграции индивидов в общество посредством использования цифровых средств коммуникации, стала неотъемлемой частью современного мира. Распространение социальных сетей, мобильных приложений и онлайн-платформ создало новые возможности для взаимодействия между людьми, но также вызвало ряд комплексных социальных и психологических вопросов.

Изменения в сценариях социализации требуют глубокого анализа и понимания для обеспечения благополучия общества. Традиционные методы исследования социальных процессов часто оказываются недостаточными для анализа огромных объемов данных и сложных паттернов взаимодействия, характерных для цифровой среды. В этой связи методы глубокого обучения открывают новые перспективы для моделирования и прогнозирования процессов цифровой социализации [4, с. 436–444].

Глубокое обучение, являющееся подмножеством методов машинного обучения, основано на использовании многослойных нейронных сетей, способных автоматически извлекать признаки и выявлять скрытые зависимости в данных. Это делает его особенно эффективным при анализе больших и сложных наборов данных, таких как социальные медиа, онлайн-общение и другие цифровые следы человеческой активности [3]. Применение глубокого обучения в социальной сфере позволяет не только анализировать текущие тенденции, но и создавать модели, способные прогнозировать будущие сценарии развития социальных взаимодействий [1, с. 52–74].

Понимание процессов цифровой социализации имеет ключевое значение для разработки эффективных стратегий образования, политики, маркетинга и многих других областей. С внедрением новых цифровых технологий изменяются не только способы коммуникации, но и сами ценности, нормы и социальные структуры. Это приводит к необходимости разработки новых моделей и методов анализа, способных отразить динамику и комплексность этих изменений.

Глубокое обучение предоставляет мощные инструменты для обработки нелинейных зависимостей и высокоразмерных данных, что открывает возможности для более точного и детального исследования процессов цифровой социализации. В условиях постоянно растущего объема информации и ускоряющихся темпов технологических изменений актуальность данного подхода значительно усиливается.

Одним из ключевых направлений исследований является анализ текстовых данных из социальных сетей и онлайн-платформ. Современные социальные сети стали неотъемлемой частью жизни миллионов людей по всему миру, генерируя огромные объемы текстовой информации. Эти данные отражают эмоциональные состояния, мнения и настроения пользователей, предоставляя уникальную возможность для глубокого понимания процессов цифровой социализации.

Понимание эмоционального состояния, мнений и настроений пользователей является важной задачей для маркетинга, социологии и психологии, где глубокое понимание аудитории служит ключевым фактором успеха. Анализ сообщений, комментариев и публикаций позволяет выявлять общие тенденции в обществе, определять эмоциональный фон по различным темам и предсказывать возможные изменения в настроениях определенных групп.

Для решения этой задачи активно используются методы обработки естественного языка (NLP) с применением моделей глубокого обучения. Обработка естественного языка позволяет компьютерам понимать и интерпретировать человеческий язык. С развитием глубокого обучения эффективность и точность NLP значительно повысились, что позволило обрабатывать большие объемы неструктурированных текстовых данных и выявлять сложные паттерны, недоступные при использовании традиционных методов анализа.

Особое внимание уделяется трансформер-моделям, таким как BERT и GPT-3, которые используются для понимания контекста и смысла текстов. Трансформер-модели произвели революцию в области NLP благодаря способности эффективно обрабатывать длинные последовательности текста и учитывать контекст на глобальном уровне. Модель BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) обучается на больших текстовых корпусах, анализируя слова в их контекстном окружении как слева, так и справа. Это позволяет улавливать тонкие нюансы языка и понимать полисемию слов, что особенно полезно в задачах классификации текста и распознавании именованных сущностей.

Модель GPT-3 (Generative Pre-trained Transformer 3) является одной из самых больших и мощных языковых моделей на сегодняшний день. Обладая 175 миллиардами параметров, GPT-3 способна генерировать связный и контекстно релевантный текст, продолжать заданные фразы и создавать сложные тексты на основе кратких подсказок. Это открывает возможности для создания чат-ботов, автоматического написания статей и даже для творческих задач, таких как написание стихов или сценариев.

Использование этих моделей позволяет исследователям и практикам глубже анализировать текстовые данные, понимать скрытые эмоциональные и семантические слои коммуникации, а также прогнозировать поведение пользователей на основе их цифровых следов. Это способствует разработке более точных и адаптивных стратегий в различных областях, включая образование, маркетинг и социальную политику.

Дополнительно, интеграция рекомендательных систем на основе глубокого обучения способствует созданию более интуитивно понятных и эффективных платформ, которые учитывают индивидуальные особенности пользователей. Рекомендательные системы, использующие методы глубокого обучения, способны анализировать большие объемы данных о поведении, предпочтениях и взаимодействиях пользователей с контентом. Это позволяет предоставлять персонализированные предложения и контент, максимально соответствующие интересам каждого отдельного пользователя.

Такой подход не только повышает удовлетворенность пользователей от взаимодействия с платформами, но и увеличивает их вовлеченность и лояльность. Персонализация сервисов создает более глубокую связь между платформой и аудиторией, что важно в условиях высокой конкуренции за внимание пользователей. Кроме того, рекомендательные системы генерируют ценные данные для исследователей, позволяя глубже изучать модели поведения, предпочтения и коммуникативные практики в цифровой среде.

Таким образом, применение методов глубокого обучения в анализе процессов цифровой социализации открывает новые горизонты в понимании сложных социальных феноменов. В условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения объема генерируемой информации дальнейшие исследования в этой области представляются особенно перспективными. Модели глубокого обучения демонстрируют высокую эффективность в обработке и интерпретации больших объемов текстовых данных, что позволяет создавать инновационные решения для актуальных задач современного общества.

Литература

1. *Hamilton W., Ying R., Leskovec J.* Representation Learning on Graphs: Methods and Applications // arXiv. – 2017. – arXiv:1709.05584. – DOI: 10.48550/arXiv.1709.05584.
2. *Kizilhan T., Bal S.* The Rise of the Network Society – The Information Age: Economy, Society, and Culture // Contemporary Educational Technology. – 2016. – DOI: 10.30935/cedtech/6177.
3. *Kumar S., Shah N.* False Information on Web and Social Media: A Survey // arXiv. – 2018. – arXiv:1804.08559. – DOI: 10.48550/arXiv.1804.08559.
4. *LeCun Y., Bengio Y., Hinton G.* Deep Learning // Nature. – 2015. – Vol. 521. – Pp. 436–444. – DOI: 10.1038/nature14539.

УДК 316.422

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Жолдошева Асель Шарипжановна

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В статье говорится о цифровой социализации студенческой молодежи Кыргызстана. С расширением использования цифровых технологий в повседневной жизни молодые люди постоянно сталкиваются с платформами социальных онлайн-сообществами и цифровыми средствами коммуникации. Прежде всего, важно знать, как цифровые технологии формируют процесс социализации молодежи. Это своевременный и важный вопрос, поскольку пандемия коронавируса ускорила внедрение онлайн-обучения и удаленной работы, что привело к еще большей зависимости от цифровых технологий для коммуникации и социализации.

Ключевые слова: молодежь, социализация, цифровизация, цифровые технологии, идентичность, интернет, социальные сети, информационная социализация.

Студенческая молодежь – это не просто демографическая группа, это мощная социальная сила, играющая значительную роль в общественной жизни и формировании будущего общества. Период студенчества – это критически важный этап развития личности, время самоопределения, поиска своего места в мире и построения будущей карьеры. Это люди, находящиеся в постоянном поиске, стремящиеся к самосовершенствованию и расширению своих знаний, часто демонстрирующие более высокую, по сравнению с другими возрастными группами, социальную активность. Они живут в уникальной среде, где сочетаются интенсивное обучение, социальные взаимодействия и формирование профессиональных навыков.

Эрик Эриксон, в рамках своей теории психосоциального развития, отмечает, что студенческий период – это этап поиска идентичности. Молодые люди активно ищут своё место в жизни, экспериментируют с разными ролями и ценностями, испытывают влияние различных социальных групп и приходят к пониманию своих личных убеждений и взглядов на мир. Этот период характеризуется острым ощущением неопределенности будущего, поиском смысла жизни и стремлением к самореализации. Выбор профессии, построение личных отношений, определение собственных ценностей – все это важные задачи, с которыми сталкивается студент. И успешное их решение во многом определяет его дальнейшую жизнь.

Важно также учитывать, что современная студенческая молодежь – это первое поколение, которое выросло в эпоху цифровых технологий и активно использует их во всех сферах жизни. Они воспринимают интернет не просто как источник информации, но и как среду общения, инструмент для самовыражения, площадку для построения социальных связей и формирования собственного имиджа. Цифровая социализация формирует у них специфические навыки, способы коммуникации и мышления. Это поколение живет в постоянно меняющемся

информационном пространстве, что влияет на их мировоззрение, способность к адаптации и скорость принятия решений.

Цифровая социализация – это понятие, обозначающее процесс социализации, происходящий в онлайн-среде, например, на платформах социальных сетей и виртуальных сообществах. Современный мир все глубже погружается в цифровую реальность. Пользователи интернета проводят онлайн все больше времени, что свидетельствует о растущей роли цифровых технологий в нашей жизни. Согласно исследованиям, более четверти опрошенных респондентов проводят в сети более 7 часов в сутки [1]. Такая высокая степень цифровой активности личности является характерной чертой нашего времени и требует пристального изучения.

Цифровая активность личности не ограничивается простым пребыванием в сети. Она включает в себя широкий спектр действий, таких как поиск информации, общение в социальных сетях, онлайн-шопинг, создание и потребление цифрового контента. Эта активность тесно связана с процессами социализации и самоидентификации, позволяя людям находить свое место в цифровом сообществе. Изучение цифровой активности приобретает особую актуальность, если рассматривать ее с психологической точки зрения. Цифровая среда оказывает значительное влияние на формирование личности, ее ценностей и мировоззрения. Важно понимать, как люди воспринимают и интерпретируют информацию, получаемую из сети, как они строят отношения в виртуальном пространстве и какие психологические механизмы лежат в основе их поведения.

Цифровая социализация формирует новый тип личности, который все больше ориентирован на получение и обработку информации. Информационная перегрузка, характерная для современного общества, может приводить к таким негативным последствиям, как информационный шум, дезинформация и манипуляция сознанием. Кроме того, чрезмерное увлечение виртуальным миром может отвлекать от реальной жизни и приводить к социальной изоляции.

Однако, цифровая среда несет и свои вызовы. Проблемы, связанные с зависимостью от социальных сетей, информационным перенасыщением и формированием искаженного представления о реальности, требуют внимательного изучения и разработки эффективных стратегий профилактики и решения. Студенты часто сталкиваются с проблемами онлайн-безопасности, защиты личной информации и формирования критического мышления по отношению к потоку информации. Можно сказать, что современная студенческая молодежь – это динамичная, многогранная и влиятельная социальная группа, стоящая на пороге вступления во взрослую жизнь. Понимание ее потребностей, проблем и особенностей жизни необходимо для разработки эффективных социальных и образовательных программ, способствующих их успешной социализации и интеграции в общество. Изучение студенчества с учетом воздействия цифровых технологий позволит более точно определить направления поддержки и создать условия для их полноценного развития и реализации их потенциала. Необходимо также исследовать влияние студенческой среды на формирование гражданской позиции и участие в общественных инициативах, чтобы понять, как лучше направлять их активность на благо общества. Более глубокое исследование связи между цифровой социализацией, психологическим благополучием и академической успеваемостью студентов также является необходимым шагом для оптимизации образовательного процесса и создания более комфортной и эффективной среды обучения.

Процесс формирования личности в цифровую эпоху можно условно разделить на два этапа. Первый этап – индивидуализация – связан с формированием уникального образа «Я» в цифровом пространстве. Человек выбирает себе аватар, формирует круг общения и создает определенный контент, который отражает его интересы и ценности. Второй этап – социализация – предполагает активное взаимодействие с другими пользователями, участие в онлайн-сообществах и формирование социальных связей. Понимание механизмов цифровой социализации позволит нам более эффективно адаптироваться к новым условиям жизни и использовать возможности, которые открывает перед нами цифровая среда.

Информационная, или цифровая, социализация – это сложный и многогранный процесс формирования личности в условиях доминирования цифровых технологий. Она неразрывно связана с феноменом цифровой культуры, которая, в свою очередь, является частью более широкой информационной культуры. Понимание информационной культуры требует многоуровневого подхода. В широком смысле, она представляет собой совокупность механизмов и принципов, обеспечивающих взаимодействие и интеграцию различных этнических и национальных культур в единый человеческий опыт. Это глобальный процесс, включающий в себя обмен информацией, идеями, ценностями и культурными артефактами через разнообразные каналы – от древних миграционных потоков до современных цифровых платформ. Информационная культура в этом контексте способствует формированию глобального культурного диалога, хотя и не без сложностей и противоречий, связанных с неравномерным доступом к информации и цифровым технологиям, а также с вопросами культурного империализма. В узком смысле информационная культура определяется как совокупность знаний, навыков и компетенций, необходимых для эффективного поиска, обработки, анализа и использования информации в различных сферах жизни. Это умение критически оценивать источники информации, различать достоверные и недостоверные данные, эффективно использовать информационные технологии для решения практических задач – от повседневных бытовых до сложных научных исследований. В современном мире, владение информационной культурой стало не просто желательным, а необходимым условием успешной социализации и профессиональной реализации.

Виртуальная социализация, будучи частью информационной культуры, существенно трансформирует традиционные социальные взаимодействия. Если раньше межличностные связи строились преимущественно на основе физического присутствия, то сейчас значительная часть общения происходит в цифровом пространстве – через социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры и другие цифровые платформы. Это приводит к появлению новых форм социальных групп, виртуальных сообществ, основанных на общих интересах, ценностях или профессиональной деятельности. Однако, виртуальная социализация не заменяет, а дополняет реальную, взаимодействуя с ней сложным и порой противоречивым образом.

Исследования, например, поведенческих паттернов китайской молодежи, проведенные зарубежными коллегами, демонстрируют влияние цифровых технологий на различные аспекты жизни. Выявлена корреляция между интенсивностью использования цифровых технологий и режимом сна. Установлено, что умеренная цифровая активность (менее 25 часов в неделю) может положительно влиять на качество сна, в то время как чрезмерное использование гаджетов приводит к нарушениям сна. Это подтверждает тезис о том, что ключевым фактором является не само наличие цифровых технологий, а умеренность и осознанность их использования. Кроме того, эти данные подчеркивают важность изучения возрастных особенностей восприятия и использования цифровых технологий. Молодежь, как правило, более адаптивна к новым цифровым средам и проводит в них больше времени, чем старшее поколение [2].

Однако это не означает, что молодежь менее подвержена негативному влиянию чрезмерного пользования гаджетами. Необходимо учитывать и риски, связанные с виртуальной социализацией, такие как: кибербуллинг, формирование зависимостей, распространение дезинформации, создание "эхо-камер" и поляризацию общественного мнения. Для минимизации этих рисков необходимо развивать критическое мышление, цифровую грамотность и пропагандировать ответственное использование цифровых технологий.

Важным аспектом является также формирование культуры цифрового этикета и уважительного общения в онлайн-пространстве. В заключение следует отметить, что информационная и виртуальная социализация являются неотъемлемыми частями современного мира. Они приносят как возможности, так и вызовы. Для успешной адаптации к условиям информационного общества необходимо развивать информационную культуру, повышать цифровую грамотность и пропагандировать ответственное и осознанное использование цифровых технологий, учитывая возрастные и индивидуальные особенности. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение долгосрочных эффектов виртуальной

социализации на развитие личности и общество в целом, а также на разработку эффективных стратегий предотвращения негативных последствий чрезмерного использования цифровых технологий. Особое внимание следует уделить исследованиям влияния виртуальной социализации на психическое здоровье различных возрастных групп, с учетом культурных и социоэкономических факторов.

Литература

1. *Sari A.I., Suryani N., Rochsantiningsih D., Suharno S.* Digital learning, smartphone usage, and digital culture in Indonesia education // Integration of Education. – 2020. – Vol. 24. – Issue 1(98). – Pp. 20–31. – DOI: 10.15507/1991-9468.098.024.202001.020-031.
2. *Zhao L., Wu L.* The relationship between digital activity and bedtime, sleep duration, and sleep quality in Chinese working youth // Nature and Science of Sleep. – 2023. – Vol. 15. – Pp. 419–432. – DOI: 10.2147/NSS.S348929.
3. *Чистяков А.В.* Социализация личности в обществе Интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис. … д-ра соц. наук / А.В. Чистяков. – Ростов-на-Дону, 2006. – 278 с.

УДК 316.422

УДАЛЕННЫЙ ФОРМАТ РАБОТЫ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

Зайнуллина Эмилия Рамилевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья рассматривает конфликты, которые вызваны в результате внедрения процесса цифровизации в современные рабочие среды, а именно переход на удаленный формат работы. Формируется сущность «удаленного» конфликта, а также исследуются источники его возникновения и способы разрешения в организациях.

Ключевые слова: конфликт, удаленный формат работы, удаленный конфликт, виртуальная среда, коммуникация.

Исследование организационных конфликтов обусловлено изменением трудовых отношений в результате возникновения информационного общества. Развитие информационных технологий способствовало формированию новых форм занятости.

Одним из современных вызовов для организаций является переход на удаленный формат работы. Пандемия коронавируса и появление новых технологий ускорили тенденцию к удаленной работе, при которой сотрудники выполняют свои обязанности вне офиса при поддержке специализированных технологий. Авторы выделяют как преимущества, так и недостатки при работе в таком формате. Для HR-менеджеров и руководителей необходимость поддерживать свои виртуальные команды в разрешении конфликтов быстро и неформально стала насущной проблемой.

Таким образом, изучение особенностей организационных конфликтов представляется нам достаточно актуальным подходом.

Для более глубокого исследования были проанализированы различные научные работы как отечественных авторов, так и зарубежных.

У множество зарубежных и отечественных авторов объектом исследования являлся организационный конфликт. Следует отметить таких зарубежных авторов как М. Вебер, Э. Шейн, М. Дойч, Ф. Тейлор, Д. Макгрегор и другие, которые внесли огромный вклад в изучение организационных конфликтов.

Такие авторы как Д. Белл, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, М. Маклюэна, Т. Стоуньера, П. Друкер основное внимание уделяли исследованию информационного общества и роли

информации. Основной вклад в изучении конфликта в информационном обществе и в условиях информатизации внесли социологи А. Турен и М. Кастельс.

Исследования в области возникновения конфликта в рамках дистанционного режима или удаленного формата работы отмечаются в работах следующих авторов: Фомченкова Л.В., Эммерлинг Т., Пол А., Сейффардт Д.

Цель данной статьи заключается в определении сущности «удаленного» конфликта и источников его возникновения.

Конфликты на рабочем месте традиционно возникают между коллегами, которые находятся в постоянном взаимодействии сотрудников лицом к лицу. Можно предположить, что при удаленном формате работы, когда целые команды распущены и работают из дома, организационные конфликты сведены к минимуму. Однако по мере того, как все больше организаций переходят на гибридный формат работы, информация о конфликтах в виртуальной среде растет и появляется новый термин «удаленный конфликт».

Пока в литературе нет единого и четкого научного определения, так как это относительно новый предмет исследования, поэтому рассмотрим несколько точек зрения по вопросу сущности данных конфликтов.

Дзараева Н.А. в работе «Конфликты в виртуальном дискурсе» под «виртуальном» конфликтом понимает «…конфликт, источник которого находится не в той реальности, в которой протекает сам конфликт, и он не может быть разрешен за счет средств, принадлежащих той реальности, в которой он протекает.» [4, с. 36].

Николаев Н.Р. в статье «Практики управления трудовыми конфликтами в условиях удаленной работы» под «удаленным» конфликтом понимает конфликты, которые протекают в условиях дистанционного формата работы, и возникают в результате недопонимания между подчиненными и руководителями, трудности в осуществлении контроля за соблюдением выполнения плана, несопоставимость результатов труда с ожиданиями и нестабильности сотрудников [9, с. 155].

Левина Е.В. в работе «Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения» рассматривает виртуальный конфликт как конфликт, вызванный результатом использования виртуальных коммуникационных средств, обеспечивающие невербальный контекст коммуникаций и вербальных коммуникационных средств (электроны почта, чаты) [7, с. 136–137]

Рассмотрев различные точки зрения на сущность «удаленных» организационных конфликтов, мы видим, что удаленный конфликт — это столкновение интересов, мнений, ценностей двух и более сторон (сотрудников организации), источник возникновения которого находится в виртуальной среде.

Неразрешенный конфликт на рабочем месте может оказать серьезное влияние на физическое и психологическое благополучие вовлеченных в него лиц. Это также может привести к значительным издержкам для бизнеса, поскольку влияет на коллектив в целом, снижает производительность и отнимает значительное количество времени, энергии и ресурсов.

Поскольку так много сотрудников сейчас "вне поля зрения", существует реальный риск того, что конфликт останется незамеченным или его будут избегать до тех пор, пока он не разрастется до неуправляемого уровня. Конфликт сопряжен с очевидными рисками, но он также открывает возможности для улучшения взаимоотношений на рабочем месте.

Рассмотрим, как возникают конфликты в удаленных командах. Конфликтные ситуации на рабочем месте могут возникать по целому ряду причин. Аспекты удаленной работы, которые могут являться источниками удаленного конфликта. М. Витченко в работе «Проблемы эффективности удаленной работы» представила результаты опроса по негативным аспектам дистанционного формата работы (рис. 1).

Рис. 1. Негативные аспекты дистанционного формата работы [с. 54]

Согласно рис. 1 можно отметить, что большинство считают, что главная проблема удаленного формата работы заключается в отсутствии личной коммуникации, отсутствие межличностного взаимодействия, на те социальные нити, которые связывают людей, работающих в одной компании.

Коммуникация — это одна из областей удаленной работы, которая обычно порождает или усугубляет конфликты. Это связано с тем, что механика виртуальной коммуникации отличается от взаимодействий сотрудников в офисе. В рамках дистанционного формата работы коммуникация персонала осуществляется с помощью таких IT-технологий, как электронная почта и платформы обмена сообщениями. Это является одним из источников организационных конфликтов [14, с. 35].

Основными причинами возникновения конфликтов при удаленном формате работы является коммуникационные сбои: двусмысленность в сообщениях и искаженное восприятие информации, в результате языковых различий, идиом или отсутствия невербальных знаков (интонаций, жестов, мимики, пауз). Это связано с тем, что в рамках дистанционного формата работы коммуникация персонала осуществляется с помощью таких IT-технологий, как электронная почта и платформы обмена сообщениями.

Для решения таких трудностей были разработаны различные компьютерные программы и приложения, обеспечивающие общий доступ к информации, возможности проводить собрания и конференции и удаленно общаться в режиме реального времени с большим количеством участников. В то же время при использовании различных технологий для видеоконференций сотрудники сталкиваются с проблемами. Читать язык тела гораздо сложнее, когда мы физически не находимся лицом к лицу. Отсутствие этих жизненно важных визуальных сигналов часто приводит к неправильному толкованию намерений коллег.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: сущность «удаленного» конфликта заключается в месте его возникновения, особенность которого заключается в его виртуальности.

Способами профилактики данных конфликтов могут выступить внедрение руководителями частых встреч с сотрудниками при помощи IT-технологий, что позволит не допустить искажения информации; использование современных IT-технологии, которые позволяет сотрудникам считывать интонации, жесты, эмоции оппонентов во время общения. Например, внедрение видеоконференций. Разработка мероприятий по модернизации взаимодействий

между персоналом компании при удаленном формате работы так же позволит снизить количество конфликтных ситуаций на рабочем месте, что положительно скажется на эффективности деятельности организации.

Литература

1. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе: сб. переводов / под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. – Т. 2 / сост., общ. ред. и вступ. ст. Л.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1971. – 582 с.
3. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 38 с.
4. *Дзараева Н.А., Смирнова Е.А.* Конфликты в виртуальном дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2016. – № 12. – С. 34–39.
5. *Друкер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – 640 с.
6. *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-пресс; Дом интеллектуал. кн., 2000. – 205 с.
7. *Левина Е.В.* Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9-1(51). – С. 135–139.
8. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003. – 464 с.
9. *Николаев Н.Р.* Практики управления трудовыми конфликтами в условиях удаленной работы // Международный научно-исследовательский журнал «Прогрессивная экономика». – 2024. – № 5. – С. 153–161.
10. *Стоуньер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе: сб. переводов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392–409.
11. *Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента / пер. с англ. А.И. Зака. – М.: Журн. «Контроллинг»; Изд-во стандартов, 1991. – 104 с.
12. *Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. – М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. – 795 с.
13. *Турен А.* Возвращение человека, действующего: очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
14. *Воротилова М.Ю.* Выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации в условиях удаленной работы // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 6-2. – С. 34–37.
15. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ.; под ред. В.А. Спивака. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.
16. Пять ошибок, которые мешают руководить удаленной командой [Электронный ресурс] // Harvard Business Review – Россия: [сайт]. – URL: https://hbr-russia.ru/karera/kommunikatsii/873002 (дата обращения: 24.10.2024).
17. *Giddens A.* The consequences of modernity. – Stanford, Calif., 1990. – 186 p.
18. *Habermas J.* The theory of communicative action. – Boston, 1987. – 562 p.
19. *Parsons T.* The concept of society: The components and their interrelations // Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. – 29 p.
20. *Vitchenko M.A.* Problems of efficiency of remote work // Management in Economic and Social Systems. – 2022. – No. 1(11). – Pp. 51–57.

УДК 316.422

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ: КЛЮЧ К УСПЕХУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Мухаметшин Рашид Маратович,
Максимова Ольга Александровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В условиях цифровизации общества, вопрос о цифровой компетентности все больше набирает значимость. Эксперты в области социальных наук отмечают, что владение цифровыми технологиями не только расширяет образовательные горизонты, но и формирует новые социальные практики. В современном мире успешность личности во многом определяется ее способностью и умением адаптироваться к изменениям, которые происходят непосредственно, касаясь цифрового мира, а именно в сфере труда, образования, общественного досуга и быта.

Ключевые слова: цифровая компетентность, образование, социализация, социальные трансформации, общество.

Цифровая компетентность в образовании становится все более актуальной в современном мире, поскольку цифровые технологии влияют на все сферы жизни, включая и затронутую нами сферу обучения и преподавания. Проанализируем ряд основных аспектов, выделяющих значимости представленного исследования:

– Интеграция технологий в образовательный процесс. Современные образовательные системы все чаще включают в себя цифровые инструменты и платформы, которые позволяют студентам и преподавателям взаимодействовать более эффективным способом. Понимание их устройства и умение пользоваться этими технологиями становятся необходимыми для успешного обучения.

– Подготовка к будущей профессиональной деятельности. Работодатели во многих областях предполагают наличие у работников умения и навыков деятельности в цифровой сфере. Изучение цифровой компетентности позволяет выявить, в какой степени образовательные учреждения готовят студентов к требованиям рынка труда.

– Формирование критического мышления и медиа грамотности. Цифровая компетентность включает не только технические навыки, но и умение критически анализировать информацию, что стало особенно важно в эпоху фейковых новостей и дизинформации [2, с. 23–24].

– Адаптация к изменениям. Стремительные переменны в технологиях требуют от обучающихся способности к постоянному самообучению и саморазвитию. Исследование может помочь в разработке методов преподавания, которые способствуют этим качествам. Изучение в этой области может выявить лучшие практики и способы улучшения образовательных программ.

В 2013 году был внесен проект о стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. [4] – этот документ определил основные направления и приоритеты в области информационных технологий, включая развитие цифровых образовательных ресурсов и решений, что должно содействовать улучшению качества образования и повышению доступности образовательных услуг. Эти нормативные инициативы акцентируют внимание на необходимости интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, улучшении инфраструктуры и разработке новых подходов к обучению, что важно для подготовки учащихся к современным вызовам. Вместо устаревшего документа «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.» целесообразно разработать актуализированную стратегию или программу, которая учитывает современные вызовы и тенденции в цифровой сфере российского общества.

Цифровая трансформация должна быть направлена на создание эффективной и прозрачной системы управления, которая бы способствовала улучшению качества жизни граждан. В ближайшем будущем экономике страны потребуются новые кадры, которые хорошо ориентируются в цифровой среде, которые понимают, как применять новейшие технологии, такие как искусственный интеллект, технологии дополненной реальности в профессиональной практике и в жизни.

Есть важные компоненты в представленном факте о цифровой компетентности. Это, в частности, технические знания, умение использовать различные устройства и программы. Информационная грамотность, способность находить и оценивать область применения информационных источников. Важны также коммуникационные навыки для эффективного взаимодействия в цифровой среде, включая использование социальных сетей и онлайн платформ. С помощью представленных процессов, роль интеграции цифровых систем в образовании возрастает. Если мы ознакомимся с паспортом современной цифровой образовательной среды (СЦОС), то увидим, что онлайн платформы являются важным аспектом стратегии развития российского образования, направленным на создание инновационного, доступного и качественного образовательного пространства [3]. Основной целью проекта является интеграция цифровых технологий в образовательный процесс, что позволит обеспечить индивидуализированное обучение и повысить качество образовательных услуг. Успешная реализация проекта повысит уровень цифровой грамотности как учащихся, так и преподавателей. Будет обеспечено равномерное распределение образовательных ресурсов по всей стране, что способствует уменьшению цифрового разрыва между регионами. Тем самым необходимо внедрять цифровые инструменты в образовательные учреждения, с целью подготовить студентов к реальным условиям работы. СЦОС становится неотъемлемым элементом национальной безопасности, обеспечивая подготовку квалифицированных специалистов, способных эффективно функционировать в условиях глобальных изменений и вызовов современности.

Несмотря на важность цифровой компетентности и ее внедрения в образовательный процесс, мы можем столкнуться с некоторыми проблемами:

Недостаток инфраструктуры. Во многих регионах отсутствует необходимая техническая база, что ограничивает доступ учащихся к цифровым ресурсам.

Образование учителей. Не все педагоги обладают достаточными цифровыми навыками. Поэтому необходимо проводить регулярные тренинги и курсы повышения квалификации. Проведение систематических курсов и семинаров для повышения профессионализма преподавателей в области цифровых технологий. Преподаватели, совершенствуя свои цифровые навыки, поспособствуют в эффективности обучения студентов.

Сопротивление изменениям. Некоторые учебные заведения и преподаватели могут быть консервативно настроены и не готовы к интеграции новых технологий в образовательный процесс.

Мы видим пути решения данных проблем в нескольких ее видах. Для успешного внедрения цифровой компетентности в образование необходимо:

Инвестиции в инфраструктуру, увеличение финансирования на модернизацию учебных заведений и обеспечение их современными технологиями;

Разработка учебных программ. Создание программ, направленных на развитие цифровых навыков у студентов, с учетом специфики различных дисциплин;

Стимулирование инициатив, поддержка и поощрение учебных заведений, которые активно внедряют инновационные подходы в образование.

Таким образом, исследование цифровой компетентности в образовании является важным направлением, способствующим не только улучшению образовательного процесса, но и подготовке студентов к вызовам, с которыми они столкнутся в будущем. По примеру за констатированной таблице, есть прирост всех важных элементов владения совершенными технологиями в цифровом процессе, что и является ключом к успеху в современном мире (таблица 1) [1, с. 18–19].

Таблица 1

Приобретенные способности в сочетании цифровой компетентности в рамках образовательного процесса

Когнитивные	Социальные и поведенческие	Технические
Компетентность и технически-математические навыки, когнитивные навыки более высокого уровня (например, логическое и креативное мышление)	Социально-эмоциональные навыки и личностные качества, социальная перцепция	Значительные навыки ручного труда, знание методов, умение работать с материалами, механизмами и инструментами
Умение решать проблемы, а не только знание, необходимое для решения проблем	Готовность получать новый опыт, добросовестность, экстраверсия, такт и эмоциональная стабильность	Технические навыки, приобретенные в процессе обучения или профессиональной подготовки, либо в процессе трудовой деятельности
Вербальная грамотность, умение считать, решение проблем, память и быстрота мышления	Саморегулирование, готовность к компромиссам, умонастроение, (например, принятие решений и навыки межличностного общения)	Навыки, необходимые для работы по конкретной профессии инженера, экономиста или специалиста по ИТ

В современном мире цифровая компетентность становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Она включает в себя умение использовать цифровые технологии для поиска, оценки, создания и обмена информацией. Кроме того, цифровая грамотность способствует развитию критического мышления, что, в свою очередь, формирует активного гражданина, способного осознанно участвовать в общественной жизни. Таким образом, цифровая компетентность не только открывает двери к новым возможностям, но и является обязательным элементом формирования успешной личной и профессиональной идентичности в современном обществе.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии», согласно государственному заданию, выданному Казанскому федеральному университету.

Литература

1. *Алессандро Б.* Цифровые навыки и компетенция, цифровое и онлайн обучение. – Турин: Европейский фонд образования, 2019. – 85 с.
2. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
3. Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации [Электронный ресурс]: паспорт приоритетного проекта, утвержденный Правительством РФ 25 октября 2016 г. – URL: http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 28.10.2024).
4. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р. – URL: https://rg.ru/2013/11/08/texnologii-site-dok.html (дата обращения: 29.10.2024).

УДК 316.422

СООТНОШЕНИЕ СЕТЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЕРАРХИЧЕСКИХ НАЧАЛ ВЛАСТВОВАНИЯ (СОЦИО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ)[1]

Никовская Лариса Игоревна,
Барац Алина Александровна
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация. Формирующееся сетевое общество (в широком смысле) актуализирует запрос на процессы самоорганизации социальных систем внутри управленческих схем, повышении значения коммуникативной эффективности государственного/муниципального управления. А это задает новые форматы в современном публичном управлении, которое осваивает алфавит «направленного влияния», факторы «умного», «мягкого» регулирования и координирования общественных процессов, снижающих негативный потенциал противоречия между монополизмом административно-бюрократических властных структур и растущим многообразием гражданских инициатив в публичной сфере. С точки зрения сетевого подхода, мы становимся свидетелями вызревания в новых условиях фундаментального противоречия между потребностью сохранения монолитности (суверенности) вертикали государственной власти и неумолимо растущим гражданским и общественным плюрализмом, который взывает к жизни формирующееся сетевое общество. Сложная природа государственной власти в нынешнее переходное время чаще всего является смешением *господства и руководства* – с одной стороны, *принятия и подчинения* – с другой. Это предопределяет изменение характера публичного управления в направлении *со-управления* (co-governance). Растущая в этих условиях автономность и многовекторность общественного участия все больше ориентируются на актуализацию понятий *со-управление и координация* как основных форм управленческого воздействия, которые предполагают взаимозависимость и заинтересованность акторов в совместных действиях. Выгодность совместных действий заключается в эффекте синергии, своеобразной «прибавочной стоимости», получаемой в результате таких действий, заметно снижающих социальное напряжение и конфликтный потенциал взаимодействия. Коммуникативный формат взаимодействия все больше апеллирует к диалоговым средствам общения, предполагающим гибкость и адресную адаптивность сетевых коммуникативных механизмов взаимодействия.

Ключевые слова: сетевое общество, сетевизация, сетевой подход, сетевая коммуникация, интернет-пространство, со-управление, соучастие, коммуникативная эффективность, государственное/муниципальное управление, делиберация.

Сетевизация общества представляет собой сложный и многогранный процесс, который обусловлен развитием информационных технологий и глобализацией. Этот феномен характеризуется переходом от традиционных форм социальной организации к более гибким и динамичным сетевым структурам, что в свою очередь влияет на все сферы жизни – от экономики до культуры и политики. В частности, сетевизация общества оказала значительное влияние на общественное участие. И это по сей день меняет представление о современном понятии гражданского общества в целом, его взаимодействии с государством, а также технологическим инструментарием, опосредующим это взаимодействие.

[1] Статья выполнена в рамках исследования по Госзаданию ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Информационная и технологическая революции конца XX-начала XXI столетий связаны с бурным развитием интернет-технологий, создающими основы глобальных коммуникаций. Коммуникации – явление социальное и всегда реализуется в рамках той или иной социально-политической системы. Социальные системы, по мнению немецкого социолога Н. Лумана, являются самовоспроизводящимися и самореферентными системами смысловой коммуникации [1]. Возникновение и развитие интернет-коммуникаций уничтожили исключительную прерогативу государства на информацию, ее распространение и интерпретацию. Современный Интернет синтезировал диалогические и монологические формы социально-политической коммуникации, превратившись в средство расширения механизмов прямой демократии, увеличения возможностей организации массового интернет-дискурса, активизации обратных связей государства и общества. Виртуальная реальность коммуникаций открыла новые возможности для политической идентификации самых разнообразных общественно-политических акторов и их инициатив. Это внесло коррективы в форматы и значимость современных социально-политических субъектов: усиливается политическое влияние малых групп и отдельных индивидов. Благодаря Интернету киберпространство становится самым быстрорастущим элементом политического офлайн-пространства, создавая новую конфигурацию информационного и политического пространства. Через сетевые платформы реализуются различные политические проекты, активизируются механизмы краудсорсинга [2, 3]. Так что сегодня есть все основания полагать, что Интернет превращается в системообразующий фактор жизни государства и социума.

Традиционные формы взаимодействия между гражданами и институтами власти претерпевают трансформацию. Офлайн, будучи до сих пор качественно лидирующим форматом общения, значительно разбавляется онлайн-форматом, обеспечивающим мгновенный доступ к информации и возможность взаимодействия в реальном времени, благодаря Интернету в целом, и в частности технологиям инцидент-платформ, социальным сетям и удобным мобильным приложениям. Онлайн-взаимодействие человека и государства позволяет приблизить власть к народу и создать для него опыт прямого общения с ответственными властными лицами. Таким образом, сетевизация упростила процесс сбора обратной связи от общества. Кроме того, появилось множество новых способов выражения гражданской позиции и новые каналы коммуникации власти с жителями на местном уровне. При правильном использовании ресурсов, власть способна вовлекать большое число людей в процессы общественной жизни. Основная из технологий, способная аккумулировать большой пласт человеческого интеллектуального потенциала территории и отражать срез общественного мнения – это технология краудсорсинга.

Краудсорсинг-платформы за редким исключением обладают интуитивным интерфейсом, как для активного жителя, так и для чиновника. Алгоритм действий пользователя платформ спроектирован максимально кратко и понятно для мгновенного реагирования – для того, чтобы житель «донес» свой запрос до ответственной инстанции наиболее продуктивно (через регламентированную норму информации, вложенную в интерфейс платформы), и для того, чтобы ответственный чиновник дал полноценную обратную связь в регламентированно короткие сроки. Институционализация подобного рода отношений между властью и гражданином позволяет установить некоторые рамки и правила взаимодействия, права и обязанности, которые субъекты ожидают друг от друга. А также укоренение краудсорсинговой практики позволяет создать для гражданина «универсальное окошко», в которое можно пожаловаться, и модератор индивидуально подберет ответственное лицо и самостоятельно передаст ему решение вопроса и дальнейшую коммуникацию. Подобная система значительно сокращает цепочку действий для гражданина и стимулирует его чаще обращаться – потому что это просто.

Возвращаясь к феномену сетевизации, важно упомянуть, что он несет в себе определенные вызовы. Увеличение зависимости от цифровых технологий создает риски, связанные с безопасностью данных и приватностью. И в этом контексте краудсорсинговые платформы обладают относительной безопасностью по той причине, что требуют от посетителя

идентификации личности через официальный портал «Госуслуг» или подобные технологии, обеспечивающие контроль. Это вызывает больше доверия к институции.

Иной вызов, неравномерный доступ к технологиям, теоретически может углублять существующие социальные неравенства и исключать корректную репрезентацию определенных групп, таких как, например, пенсионеры. Ответом на этот вызов является распространение инициатив местных властей и некоммерческих организаций, посвященных развитию компьютерной грамотности населения, как это делают в Ярославской области. Таким образом, сетевизация общества представляет собой как возможности для развития, так и новые вызовы, требующие комплексного подхода к их решению, и распространения уже существующих успешных практик. Краудсорсинг вписывается в новые реалии государственно-общественного взаимодействия в роли уже отлаженной технологии, образующей на своей основе новые аналитические методики. Например, объем геоинформационных данных, собранных на территории, позволяет автоматически создавать тепловые карты, которые отражают очаги общественного волнения на местности и предупреждают о приоритетных задачах. Краудсорсинг также собирает данные для конкурсов и делает конкурсный процесс более легитимным за счет публичности и возможности голосования или иного комментирования, хотя и не все платформы пока оснащены подобной функцией. Это точка для дальнейшего роста.

Краудсорсинг вполне практикуется и через офлайн-практики, в большинстве случаев будучи названным «ящик для предложений». Это своего рода компромисс для тех членов общества, кому традиционные форматы взаимодействия с государством ближе. Краудсорсинг также может быть организован и в формате официальных собраний, сессий, неформальных встреч и т. д. Крупным примером офлайн-краудсорсинга на местах может являться широко распространяющаяся практика соучаствующего проектирования: когда жители того или иного района собираются на встрече вместе с представителями власти, урбанистами и экспертами-медиаторами, и совместно планируют благоустройство общественных территорий своего района в согласии с ресурсами властей и профессиональным мнением градостроителей-оптимизаторов. Подобная технология уже утвердилась как успешная по признакам удовлетворенности жителей своей обновленной территорией, чувством самореализации и самоактуализации жителей, заботы о территории, идентификации себя с территорией, подъемом локального патриотизма и гражданской коллективной ответственности и уровня доверия к власти. При достаточной информационной осведомленности граждан о значимости вовлечения в управленческие процессы не только лишь в рамках благоустройства, есть высокий шанс получить отклик и продуктивный материал для работы.

Социальные сети и онлайн-платформы предоставляют гражданам инструменты для организации, координации действий и распространения информации, что значительно увеличивает уровень общественного участия. Граждане могут легко инициировать обсуждения, участвовать в акциях, а также влиять на принятие решений на различных уровнях. Это приводит к формированию новых форм коллективного действия, даже не требующих юридической формализации, таких как, например, виртуальные кампании и движения, которые могут быстро набирать популярность и оказывать давление на власти, внося дисбаланс в концепцию перпендикулярной зависимости вертикали власти и горизонтали общественного слоя.

Как ранее было уже упомянуто, сетевизация изменила представление о гражданском обществе, расширив его рамки за счет включения новых участников и форм взаимодействия. Традиционно гражданское общество понималось как совокупность некоммерческих организаций, активистов, ТОС, общественных советов и парламентов, объединяющих людей для достижения общих целей. Однако, в условиях сетевой организации гражданское общество становится более многообразным и многослойным, охватывающим не только некоммерческие организации и иные инициативные группы, но и индивидуальных активистов, блогеров, лидеров мнений, социально активных представителей бизнеса, а также сообщества в социальных сетях и т. д. [4].

С учетом вышеизложенного, можно предложить следующее определение гражданского общества в контексте сетевизации: гражданское общество – это динамичная сеть взаимосвязей

между индивидуумами и группами, основанная на принципах сотрудничества и участия, которая активно использует цифровые технологии для формирования общественного мнения, защиты интересов граждан и влияния на процессы принятия решений. Оно характеризуется многообразием форм организации, включая как традиционные институты, так и новые сетевые структуры, способствующие реализации гражданских прав и свобод. Характерной особенностью также является периодическая анонимность пользователей социальных сетей, которая позволяет им снять с себя ответственность за высказанное мнение, и невозможность осуществления полного цензурирования и модерации информационного поля властными структурами. Высокая представленность и активность общественности в социальных сетях приводит к институционализации присутствия официальных органов власти и должностных лиц в том же едином поле коммуникации. В этом проявляется открытость и доступность власти.

Переходя к вопросу о позиции власти в отношении происходящих в обществе изменений, важно отметить, что директивные методы управления, характеризующиеся централизованным принятием решений и иерархической структурой, в современных условиях сталкиваются с серьезными ограничениями в контексте управления сложными социальными системами. Эти ограничения обусловлены несколькими факторами, связанными с особенностями современного общества и его динамикой.

Во-первых, современное общество становится все более разнообразным и внутренне имеющим сложные связи, что требует гибкости и адаптивности в управлении. Директивные методы, основанные на жестких иерархиях и предсказуемых алгоритмах, не способны эффективно реагировать на быстро меняющиеся условия и разнообразие социальных взаимодействий. В условиях высокой неопределенности и сложности, которые характерны для сетевого общества, директивное управление часто оказывается неэффективным в краткосрочной перспективе, так как не успевает учитывать многообразие мнений и потребностей различных групп, и спонтанность и хаотичность интернет-активности через различные каналы. Для такой ситуации свойственно зарождение новых институтов и инноваций, поскольку существующие институты не способны покрыть всю текущую потребность.

Во-вторых, сетевизация общества, сопровождающаяся развитием информационных технологий и коммуникационных сетей, способствует укреплению и формированию новых горизонтальных структур взаимодействия. Эти структуры позволяют участникам обмениваться информацией и принимать решения на основе «коллективного разума» (того самого краудсорсинга, только неконтролируемого и неосознанно считываемого обществом активных пользователей социальных сетей). Горизонтальные методы, такие как кооперация и участие, способствуют более глубокому вовлечению всех заинтересованных сторон в процесс принятия решений, что, в свою очередь, приводит к более качественным и обоснованным результатам. Важно перевести это взаимодействие в нужное русло, собрать мнение, создать каналы, вовлечь, пригласить к общению и т.д., чтобы энергия и потенциал интернет-активистов не ушли зря или не трансформировались в негативные последствия. Власти необходимо научиться создавать устойчивые каналы коммуникации и ассертивно приглашать людей и субъектов иных секторов к взаимодействию.

В-третьих, директивные методы управления зачастую вынуждены игнорировать важность социальных связей и сетевых взаимодействий, которые становятся ключевыми в условиях глобализации и межкультурного обмена, в связи со своей загруженностью и «нехваткой рук», т.е. сокращением кадров. Современные организации и сообщества все чаще функционируют как сложные сети. Это создает необходимость в использовании более децентрализованных подходов к управлению, которые будут более горизонтальными, более партнерскими и равными (насколько этот термин применим в рамках безусловного неравенства власть имущего субъекта в отношении иных).

Таким образом, недостаточная способность директивных методов управления полноценно охватывать, воспринимать и адаптироваться к сложности современного общества приводит к их ослаблению. В то же время горизонтальные структуры управления, основанные

на сетевом взаимодействии и коллаборации, демонстрируют большую эффективность и устойчивость в условиях динамичного и многослойного современного социального контекста.

В стихийно бушующем в Интернете гражданском обществе можно найти ресурс, которым необходимо научиться продуктивно пользоваться. Интернет-взаимодействие пользователей на объединяющие их темы и боли приводит к формированию новых форм социального капитала, где связи и отношения в сетях становятся важнее, чем традиционные институты. Социальные сети могут сыграть существенную роль в мобилизации граждан, что можно наблюдать на примерах различных социальных движений.

Таким образом, сетевизация не только обогащает понятие гражданского общества, но и создает новые возможности для развития публичности, открытости и технологий вовлечения. Краудсорсинг является основной технологией, гибко адаптирующейся к изменениям и легко внедряемой в различных контекстах.

Нарастание фактора сетевых сообществ, значимости коммуникации и доверия существенно меняет характер государственного/муниципального управления. Не допускается *асимметрия* в принятии социально-политических решений, возрастает значение *делиберации*, процесса формирования *совместного* знания и решения. Ряд отечественных исследователей называет такой существенный сдвиг в системе властеотношений переходом к *общественно-государственному управлению*: «… это подход, модернизирующий политику, процедуры, структуры и системы управления и ведения государственных дел (всех видов деятельности) на всех уровнях исполнительной власти за счет развития публично-правовых институтов и механизмов, введения действенных процедур учета общественных интересов на основе изучения лучших практик, организации и расширения общественного участия и согласования межгрупповых отношений, обеспечивающих синергетический эффект, вследствие инкорпорирования принципов, моделей и механизмов публичной политики и межсекторного социального партнерства в процессы подготовки, принятия и реализации управленческих решений»[5, с. 125].

В обследуемых нами регионах (Ярославская, Вологодская области) выявлены различные модели социо-коммуникативного взаимодействия. Так, в Вологодской области через различные сетевые форматы, прежде всего краудсорсинговые, решались вопросы массового вовлечения активных граждан и организаций в процесс коллективного обсуждения стратегии развития области на ближайшие пять лет и формирования пакета проектов, реализующих эту стратегию. Активистская модель соучаствующего управления привлекла в данный процесс уже более трети граждан области. В Ярославской области зафиксирована картина выхолащивания активистской культуры общественного участия и снижение качества взаимодействия власти и гражданского общества, что сказалось на формализации коммуникативного репертуара общения, в том числе цифрового.

Литература

1. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
2. Крудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса: пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 296 с.
3. *Мирошниченко И.В.* Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – № 3. – С. 208–220.
4. *Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.
5. *Якимец В.Н.* Новые форматы общественно-государственного управления в России // Государство и граждане в электронной среде. – 2017. – Вып. 1. – С. 123–135.

УДК 316.422

ЦИФРОВЫЕ ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: СПЕЦИФИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА

Нятина Наталья Владимировна,
Лось Михаил Александрович
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Изучение современной социальной и политической мобилизации населения актуализирует новые исследовательские подходы, которые, основываясь на междисциплинарности, содействуют пониманию и объяснению общественных процессов и явлений. Являясь отражением реализуемых изменений посредством управленческих решений, мобилизация информирует о структурных преобразованиях, основанных на активности населения по поводу реализации общих и дифференцированных потребностей и интересов. Целью исследования является анализ цифровых проекций социальной и политической мобилизации с точки зрения междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: социальная мобилизация, политическая мобилизация, сетевые сообщества, междисциплинарный дискурс, цифровые проекции.

Современные форматы социальной и политической мобилизации населения носят сетевой характер, развиваются виртуально, поэтому для их изучения необходимо обновление и/или дополнение существующих подходов, основанных на сочетании интерпретаций политического, социального и информационного дискурса. Каждый из данных аспектов взаимодополняют друг друга. Политическая природа социальной мобилизации раскрывает характер взаимодействия населения и власти, специфику ресурсного потенциала, возможности гражданской инициативности и правового регулирования. В продолжении социальный дискурс отражает готовность к проявлению активности (в том числе и к слактивизму), солидаризации, оказанию практик помогающего поведения, которые особо востребованы в период социальный изменений. Информационное пространство в настоящее время – это поле диалога между политическими акторами, общественными организациями и самим населением. Имея определенную специфическую топологическую составляющую, оно помогает в короткие сроки заявлять жителям о противоречиях на местной территории, узнавать и оценивать социально значимые политические решения и сигнализирует о социальном настроении личности/группы.

Социальная и политическая мобилизация в современной социологической литературе имеет несколько ключевых подходов к пониманию:

– *мобилизация как ответ на тотальность социального порядка,* а именно в таком контексте она раскрывается через понятия механической солидарности, доминирования ценностей коллективизма (по Э. Юнгеру). При этом подразумевается использование и применение человеческих ресурсов в период доминирования единой институционально утвержденной цели общественного развития и средств ее достижения [10].

– *мобилизация как социально-психологический феномен*, который является отражением ценностного группового восприятия текущей социальной действительности и одновременно процессом, и результатом объединенного конструирования существующих противоречий и осмыслением их разрешения (по Г. Блумеру) [3]. В определенной мере подобная трактовка рассматривается в рамках концепции гражданского активизма и возможностей применения личностных и групповых ресурсов в целях реактивного реагирования и активизации мобилизационного потенциала в ответ на внешние вызовы социальной среды.

– *мобилизация как концентрация персонализированных ресурсов членов определенного социального объединения*, с последующим их накоплением и распоряжением в установленных заранее целях. В таком подходе аккумуляция и трансляция ресурсов определяется исходя из стратегий группового развития и соответствующего репертуара действий [11].

– мобилизация как отражение социально-политического сопротивления, конфликтов, которые проявляются во внешней социальной среде и требуют активизации человеческого потенциала (одновременно ресурсов) для поддержания равновесия общества как социальной системы [7].

Социальная и политическая мобилизация как объект социологического анализа рассматривается с точки зрения различных научных парадигм, но в связи с тем, что одновременно ее трансляция реализуется в сетевом пространстве, необходимо обратить внимание на следующие особенности междисциплинарного дискурса: социологическое обоснование, информационное сопровождение, визуальное представление.

Социологическое обоснование. Мобилизация сопровождает жизнедеятельность личности: первоначально в нестандартных малоструктурируемых жизненных ситуациях требуется активизация потенциала, ресурсов, возможностей в направлении преодоления рисков для поддержания состояния адаптивности, но, кроме этого, внешняя социальная среда, усиливая напряженность и акцентируя внимание на непредсказуемости социальных и политических изменений, задействует возможности группового гражданского и социального участия в решении данных противоречий. Ее реализация в сетевом пространстве характеризуется уникальными чертами. Так, траектория активности пользователей в социальной сети генерируются потребностью (психологический аспект) и изменившимися характеристиками габитуса (социологический аспект) [9]. Современная потребность каждого – это необходимость присутствия в виртуальном пространстве. В то время как габитус содействует изменениям в существующих структурах, реализуя собственные исходные «информационные» установки. Получается циркуляция своеобразного «замкнутого круга», а точнее, его видимость [4].

Информационное сопровождение. Для анализа социологического портрета личности на основе информации из социальных сетей, первым шагом необходимо провести законный сбор и обработку информации о человеке, организации, сообществе и т.п. из бесплатных общедоступных источников, как правило, в сети Интернет. Во многих литературных и электронных источниках такая методика имеет определение *разведка по открытым источникам* (англ. аббревиатура – OSINT) [8]. Реализация OSINT состоит из пяти этапов:

1. **Подготовка**, заключающаяся в определении цели и постановке задач к разведке, а также определении источников для поиска информации;

2. **Сбор** необходимой информации из определенных источников, который выполняется либо вручную, путем ручного поиска и просмотра источников, либо с использованием специализированных программных средств и алгоритмов, обеспечивающих автоматизацию поиск и сбор информации;

3. **Предобработка** собранной информации, заключающаяся в удалении повторяющихся, неактуальных или неточных данных, а также фильтрации и категоризации на основе заранее заданных параметров, подбираемых в зависимости от цели и задач исследования;

4. **Анализ данных** с целью выявления тенденций, закономерностей и взаимосвязей, подходящих под цель исследования и проверяемую гипотезу. Процесс анализа может включать в себя визуализацию данных, прогнозирование данных с использованием технологий машинного обучения, а также обработку естественного языка для нахождения значимой информации, подходящей под цель и гипотезу исследования;

5. **Распространение**, состоящее из формирования соответствующих отчетов на основе результатов анализа данных и предоставлении их заинтересованным лицам или организациям, как правило ставящим цель и задачи проводимого исследования.

По способу реализации OSINT различают *пассивный сбор*, при котором отсутствует непосредственное взаимодействие с субъектами сбора (люди, организации, сообщества и т.д.), а как следствие сбор данных происходит пассивным образом из открытых источников, и *активный сбор*, подразумевающий взаимодействие с субъектами и осуществляющийся со специальными правами и доступами, предоставляемыми этими субъектами [1].

На текущий момент, с развитием информационных технологий, наибольшую популярность набирает автоматизированный способ сбора и обработки данных, за счет экономии

времени, человеческих ресурсов, а также исключении человеческого фактора, заключающегося в субъективизме и опирании на собственный опыт в процессе поиска данных и их интерпретации.

Как правило, собранная информация из открытых источников представляет собой логически построенный набор данных (датасет) в виде электронных таблиц MS Excel, Google Sheets и др [2]. Анализ данных при этом может производиться как при помощи встроенной функциональности этих таблиц, реализующей данной анализ, так и языков программирования, например Python 3, в совокупности со специализированными библиотеками для обработки датасетов. Второй способ является более предпочтительным за счет относительно простого процесса изучения языка программирования, гибкости под разные типы задач, масштабируемости, т.е. внедрения дополнительной функциональности в приложение, а также обширной пользовательской базы. Но данный способ требует от специалиста дополнительных знаний в области анализа данных и программирования. В процессе анализа данных с использованием языка программирования Python используются следующие готовые программные библиотеки (др. названия: пакет, фреймворк, расширение), специально разработанные под данный тип задач [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]:

1. **NumPy** (англ. Numerical Python) – программная библиотека, позволяющая интерпретировать датасеты в виде одномерных и двумерных массивов данных. Помимо этого, позволяет производить необходимые преобразования данных и научные вычисления на многомерных массивах;

2. **SciPy** – программная библиотека, разработанная на основе функциональности пакета NumPy и позволяющая проводить более сложные статистические расчеты на основе комплексных математических алгоритмов, которые невозможно реализовать при помощи стандартных инструментов NumPy;

3. **Pandas** – фреймворк, позволяющий преобразовывать большие объемы данных различных форматов в структурированные массивы данных Python с целью их дальнейшей программной обработки и анализа. Программный код фреймворка основан на структурах пакетов SciPy и NumPy, таким образом данные библиотеки совместимы и могут использоваться для обработки одного формата данных. Pandas поддерживает преобразование электронных таблиц различных форматов, а также таблиц баз данных;

4. **Matplotlib** – программная библиотека, применимая для визуализации данных Python. Поддерживает множество стандартных средств для визуализации, представленных различными графиками и диаграммами. Помимо этого, обеспечивает гибкую настройку формируемых графических элементов посредством определения различных параметров, корректирующих структуру формируемых графиков, а также их внешний вид;

5. **Seaborn** – пакет для визуализации данных, основывающийся на алгоритмах работы Matplotlib. Помимо этого, позволяет находить зависимости между переменными в программном коде, а также проводить более комплексную визуализацию данных на основе математических и статистических алгоритмов. Поддерживает более обширный набор видов графиков и диаграмм, чем Matplotlib;

6. **Scikit-learn** – фреймворк, позволяющий создавать модели машинного обучения с учителем и без учителя для предсказания данных в датасете. Помимо этого, включает в себя программные модули для оценки качества работы алгоритмов;

7. **Keras** – программный пакет, реализующий методы глубокого обучения, которое используется при создании нейросетевых моделей. Поддерживает анализ и построение моделей на различных типах данных: тексты, изображения, аудио-файлы и др.

Выбор вышеизложенных программных библиотек при сборе OSINT обусловлен форматом данных в виде таблиц, в котором зачастую записывается информация, а также наиболее вероятными задачами, которые ставятся для поиска, анализа и группировки данных из этих файлов [4].

Визуальное представление. При выборе метода визуального представления коммуникации населения различных регионов на основе социально-политической мобилизации, был

выбран метод отображения в виде «графа коммуникации». Исходя из терминологии, граф – это математическая абстракция реальной системы любой природы, объекты которой обладают парными связями. Иными словами, граф – это совокупность двух множеств: множества самих объектов (вершины) и множества их парных связей (ребра). На рис. 1 представлен пример графа коммуникации, полученного в ходе анализа коммуникации пользователей Кемеровской области – Кузбасса в социальной сети VK из различных сообществ с разными тематиками.

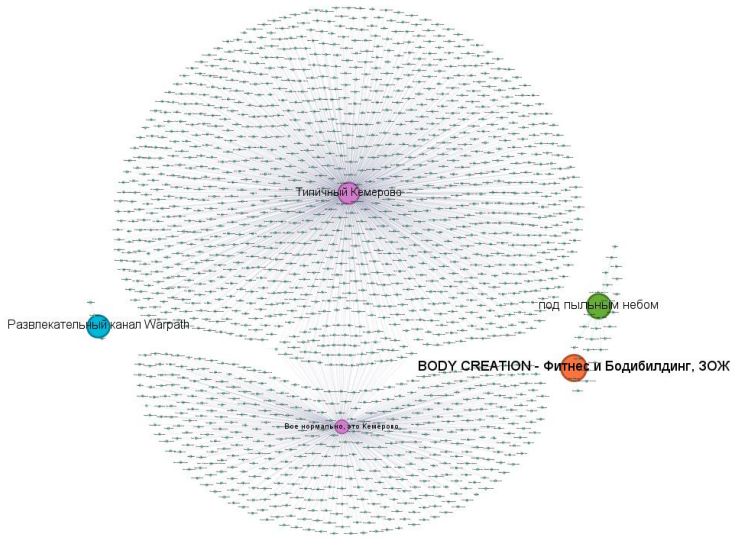


Рис. 1. Граф коммуникации пользователей Кемеровской области – Кузбасса из социальной сети VK
(период активности пользователей сетевых сообществ «ВКонтакте» составлял с 04.12.2023 по 15.03.2024 гг., время сбора данных: май-июнь 2024 года, построено в программной среде Gephi v.10)

На данном графе вершины представляют собой наиболее резонансные сообщества, в которых ведется коммуникация и обозначаются разноцветными круглыми фигурами с подписями. Так, на рис. 1, розовым цветом обозначены сообщества (вершины), связанные с городской тематикой и в которых поднимаются вопросы населения для данного города («Типичный Кемерово», «Все нормально, это Кемерово»). Оранжевым цветом обозначены сообщества, связанные со спортом и ЗОЖ («BODY CREATION - Фитнес и Бодибилдинг»). Зеленым цветом отмечены сообщества, связанные с культурной тематикой: музыка, живопись, фильмы и т. п. («Под пыльным небом»). Голубым цветом обозначены развлекательные сообществами, как правило связанные с компьютерными играми («Развлекательный канал Warpath»). Разделение вершин графа по цветам, в зависимости от тематики, позволяет оценить, какие темы наиболее интересны населению данного региона. Ребра на графе, представленном на рис. 1, являются ориентированными, с целью демонстрации направления коммуникации пользователей, и обозначают комментарии пользователей. Толщина ребра обозначает количество лайков, поставленных данному комментарию другими пользователями.

Несмотря на многообразие существующих подходов к пониманию мобилизации стоит отметить ее сущностные характеристики: историчность; инвариантность; динамичность; ресурсная составляющая; топологичность; мультимодальность; эклектичность; основана на солидаризации и аккумулировании человеческих ресурсов и инициатив, а также виртуализация и сетевой характер. Цифровые проекции имеют социально-психологическую природу, в основе которых закладывается механизм переноса реальной социальной практики, значимых эмоционально подкрепленных действий, оценки в формате междисциплинарного дискурса в виртуальное пространство. В аспекте социальной и политической мобилизации подобное проецирование отражает актуальную повестку коммуникации, избирательность сетевых интересов пользователей и полярность взаимодействия (конструктивное/деструктивное). При этом

сами проекции в формате междисциплинарного дискурса требуют определенной аккумуляции исследовательских подходов и особого информационного сопровождения.

Благодарности: Материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

Литература

1. Безопасные информационные технологии: сб. трудов X Междунар. науч.-техн. конф. (Москва, 03–04 дек. 2019 г.). – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана (нац. исслед. ун-т), 2019. – 409 с.
2. *Береснева И.В.* Методы статистического анализа данных и их реализация в табличном процессоре Microsoft Excel // Взаимодействие науки и общества в контексте междисциплинарных исследований: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. (Калуга, 20 дек. 2023 г.). – Уфа: ООО «Аэтерна», 2023. – С. 34–37.
3. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 173–179.
4. *Бурдье П.* Начала. Choses dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
5. *Григорьев Е.А., Климов Н.С.* Разведочный анализ данных с помощью Python // E-Scio. – 2020. – № 2(41). – С. 165–176.
6. *Иванов Д.Д., Чудаков О.Е.* Разработка методики поиска информации по человеку в социальных сетях // Региональная информатика (РИ-2020): XVII Санкт-Петербургская междунар. конф.: материалы конф. (Санкт-Петербург, 28–30 окт. 2020 г.). – СПб., 2020. – С. 190–192.
7. *Климов И.А.* Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 1. – С. 6–23.
8. *Минченко В., Вильдяйкин Г.Ф.* Разведка на основе открытых источников (OSINT) и ее методология в современных реалиях // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы III Всерос. нац. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3 ч. (Комсомольск-на-Амуре, 06–10 апр. 2020 г.) / редкол.: Э.А. Дмитриев (отв. ред.) [и др.]. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. ун-т, 2020. – Ч. 2. – С. 319–322.
9. *Чернавин Ю.А.* Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология / Digital Sociology. – 2021. – Т. 4. – № 2. – С. 4–12. – DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12.
10. *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Рабочий. Господство и гештальт. – СПб.: Наука, 2000. – 260 с.
11. *Obershall A.* Theory of Social Conflict // Annual Review of Sociology. – 1978. – Vol. 4. – Pp. 291–315.

СЕКЦИЯ «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ»

УДК 316.35

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Абдуллина Зишана Меметовна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы клипового мышления, его значения в процессах трансформации социально-культурных характеристик современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: клиповое мышление, молодежь, социально-культурная характеристика, многозадачность, восприятие информации, концентрация, технические средства.

В современном мире отчетливо наблюдаются тенденции ускорения и интенсификации социально-культурных процессов, когда одним из следствий становится очевидная склонность молодых людей к быстрому восприятию информации. Абсолютное большинство использует самые различные технологии для обеспечения более комфортного и динамичного способа усвоения огромного потока информации, рост популярности технических устройств активно влияет на поведение, уровень активности и качество социального взаимодействия в обществе. Одним из явлений, характерным для современной молодежи, становится клиповое мышление [1, с.150]. Клиповое мышление – способность быстро и эффективно воспринимать и обрабатывать информацию, представленную в виде коротких видеороликов, например, клипов [1, с. 220]. Человек в данном случае предпочитает сжатый формат и яркие образы, испытывая эффект быстрого переключения с одной информации на другую.

С целью выявления актуальности данной проблемы в разрезе трансформации социально-культурных характеристик современной молодежи было проведено исследование среди студентов гуманитарного профиля обучения. Важно отметить, что молодежь сама выбирает вопросы формирования клипового мышления с позиции актуальности и проблемности данного явления и обращает особое внимание, на тот факт, что феномен клипового мышления значительно трансформирует ценности современных молодых людей в сторону формирования привычки к быстрому принятию решений и снижению терпения к длительным процессам обучения и анализа.

Развитию клипового мышления во многом способствует популярность самых различных интернет-ресурсов, которые активно используются не только в повседневной жизни, но и в массовой культуре, особенно в развлекательном видеоконтенте [3, с. 60]. Среди опрашиваемых молодых людей более 80 % отметили, что часто смотрят короткие видео в социальных сетях. Около 76 % респондентов смотрят короткие видеоклипы более одного часа в день, что указывает на сильную привязанность к форматам быстрого потребления информации. При этом около 40 % респондентов отмечают, что короткий контент может вызывать зависимость и, возможно, мешать сосредоточенности на других видах жизнедеятельности.

На вопрос об уровне запоминания информации респонденты не дают однозначного ответа, указав, что каждый раз информация запоминается по-разному (87 %). В соотношении особенностей клипового мышления и возможности восприятия сложной информации мнения разделяются, причем половина опрашиваемых отмечают, что просмотр небольших видеоматериалов не позволяет содержательно углубится в просматриваемый контент.

При обсуждении проблем, связанных с клиповым мышлением, наблюдается обеспокоенность снижением концентрации молодых людей через призму быстрых реакций и потребления сжатого контента. Однако, 59 % респондентов заявляют, что не замечали изменений в своем

восприятии информации после длительного нахождения в интернете. 25 % опрошенных выделяют незначительные изменения, что указывает на то, что часть студентов все же сталкивается с последствиями долгого просмотра информации в интернете, возможно, в виде небольшой потери концентрации или изменения подхода к восприятию информации. Только 16 % людей определяют сильное изменение в восприятии информации. Полученные данные свидетельствуют, что нельзя безоговорочно констатировать негативное влияние клипового мышления на изменение уровня концентрации. Молодые люди отмечают, что наряду с затруднением глубокого анализа информации и формирования обоснованных выводов, клиповое мышление может способствовать развитию навыков быстрого анализа и критического мышления, а также развитию многозадачного подхода к решению различных проблем [4, с. 180–182].

Очевидно, что клиповое мышление становится неотъемлемым элементом жизнедеятельности молодежи, причем выявляются основные проблемы, такие как:

– молодые люди сталкиваются с избытком информации благодаря интернету и социальным сетям, что приводит к перегрузке мозга и затрудняет усвоение и внимание к важным задачам;

– привычка к быстрому потреблению коротких форматов контента формирует поверхностное отношение к теме и снижает способность сосредотачиваться на более сложных и «долгих» материалах;

– зависимость от технических средств, когда частое использование гаджетов с раннего возраста меняет привычки восприятия, легкость доступа к информации и развлечениям подрывает желание глубокого изучения;

– отвлекающие факторы, в том числе уведомления от приложений и социальных сетей постоянно отвлекающие от учебного процесса и мешающие сосредоточиться на конкретных задачах;

– недостаток интереса и мотивации: цели и интересы молодежи размываются в связи с отсутствием фокуса и увлечения в учебе или работе.

Таким образом, клиповое мышление – это многогранное явление, которое отражает изменения в восприятии информации и социальных взаимодействиях среди молодежи, формируя новое содержание ее социально-культурных характеристик. Понимание особенностей клипового мышления важно для разработки рекомендаций как на научном, так и на образовательном уровнях. Необходимо находить баланс между быстрым потреблением информации и глубоким осмыслением, чтобы подготовить молодежь к вызовам современного мира.

Литература

1. *Чусовлянова С.В.* Клиповое мышление современной молодежи: анализ научных исследований // Оригинальные исследования. – 2023. – № 9. – С. 150.
2. *Березовская И.П.* Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Terra Linguistica. – 2015. – № 2. – С. 220.
3. *Колобаев В.К., Синицына Т.А.* Клиповое мышление – новый этап в развитии мышления современных учащихся // Наукосфера. – 2022. – № 2(1). – С. 60.
4. *Мерзлякова А.В., Ястребова Е.Д.* Гипертекст и клиповое мышление // Казанская наука. – 2019. – № 12. – С. 180–182.

УДК 316.35

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Алиева Бика Шапиевна
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Аннотация. В статье проанализированы современные проблемы воспитания, связанные с возникновением феномена бездуховности, проявляющееся, в частности, в агрессивном невежестве, которое уничтожает духовный «код» нации и вызывают новую систему требований общества к личности. Взятый обществом курс на воспитание жизнеспособной личности, должен опираться на воспитательный потенциал традиции народной педагогики, способствующий самореализации в жизни. Авторами описаны педагогические условия воспитания жизнеспособности, использование которых способствует формированию жизнеспособности у подростков.

Ключевые слова: Воспитание, жизнеспособность подростков, традиции народной педагогики.

Актуальность исследуемой проблемы определяется ценностно-нормативной неопределенностью, присущей для современной социальной ситуации, что делает устойчивой негативную тенденцию усиления бездуховности, жестокости у молодежи, разрушения моральных устоев общества, роста преступности и наркомании, поэтому правовой нигилизм еще более усугубились среди молодежи. В последнее десятилетие на фоне разрушения привычных идеалов ценностей именно этнокультурные ценности явились системообразующим фактором формирования жизнеспособности современной молодежи. Рост национального самосознания, стремление к возрождению и развитию, а во многих случаях и сохранению наций и народностей, их языка и культуры сопровождается целым рядом негативных явлений в современном обществе, проявляющихся в разрушении традиционно сложившихся у народов нравственных идеалов и ценностей, насаждении средствами массовой информации идей насилия, сексуальной свободы, культа денег, вариативных моделей поведения.

Сегодня остро необходимо возвращать молодых людей в лоно национальной культуры, воспитывать уважение к ней, увлечение ею, а с этим вернется и национальное самосознание, и желание созидать, обустраивать свою страну. Тогда и станут актуальными споры и прогнозы о возрождении Великой России. Для возрождения нашего общества нужны не только умные и талантливые люди, нужен новый социокультурный «код». Этот код мы находим в трудах К.Д. Ушинского [12], а нравственный и интеллектуальный потенциал страны в первую очередь зависит от того, что будет заложено в наших детях. А воспитание подрастающего поколения должно основываться на принципе народности.

Молодежная субкультура настолько деформирована, что девиация становится нормой. Сегодня молодежь живет в условиях идейной бездорожности и учат их свободе от культуры, нравственности, жить по принципу: расслабляйся, бери от жизни все, с установкой ты никому ничего не должен. А ведь великий Иммануил Кант утверждал, что сердцем морали является ДОЛГ: перед родителями; перед родиной; перед самим собой, своей совестью. На сегодняшний день «социальный фон воспитания детей в современной России является кризисным и неблагоприятным», и именно поэтому проблема формирования жизнеспособности у подростков становится все более актуальной. И как отмечает доктор педагогических наук М.П.Гурьянова: «Идея формирования жизнеспособного поколения должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике» [8]. Пока же отечественные разработки по проблеме формирования жизнеспособности хоть и многочисленны, но эпизодичны, разрозненны и мало систематизированы. Поэтому мы

взялись за разработку и изучение проблемы «Этнокультурные ценности как средство формирования жизнеспособности современной молодежи».

Целью гуманизации системы современного непрерывного образования является переход к такой его модели, которая с большой вероятностью позволит обеспечить эффективное воспитание человека культуры. Другими словами, современное образование должно быть ориентировано на формирование такой личности, которая укоренена в национальной культуре и способна к культуротворческой деятельности [9].

Встает вопрос о необходимости возрождения и сохранения народных культур, усиления воспитательной проблематики в образовании. Обращение к традиционной культуре воспитания, к историческому опыту народов в области воспитания детей, интегрированному в учебно-воспитательный процесс, позволяет обновить систему воспитания, формирующую личность как достойного представителя своей нации, своего народа, носителя его языка, истории, нравственных, культурных, духовных, семейных и других традиций.

Вовлечение подростков в традиционные народные промыслы, в виде инновационной творческой досугово-трудовой деятельности, будет способствовать восстановлению личностного и социального статуса, изменению ценностных ориентаций подростков, формированию положительных стереотипов поведения и соответствие социальным ожиданиям [6].

В условиях современного глобализированного общества актуальность проблемы определяется поддержкой молодого поколения. От его мировоззренческих и нравственных позиций, ценностных ориентации, гражданственности, патриотизма зависит будущее России.

Одним из важнейших направлений национально-государственной политики является забота о молодежи, об этом свидетельствуют нормативно-правовые документы – принятый Федеральный закон от 22.04.2024 № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», а также Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года №2233-р утвердило Стратегию реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года.

Документ направлен на передачу от старшего поколения к младшему традиционной российской культуры, духовно-нравственных ценностей, воспитание ответственного и деятельного поколения патриотов своей Родины, максимальное раскрытие потенциала молодёжи в достижении национальных целей развития. Молодежная политика и образование определяют нравственный облик и судьбы новых поколений, будущее страны и судьбы человеческих цивилизаций. Для успеха реформ в Российской Федерации духовный, интеллектуальный потенциал молодежи значит многое. Об этом уже не раз говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин. Без учета реальных ценностных ориентации учащихся, основанных а на *российской* идеологии воспитания как системы социальных ценностей, официально имеющих национальный статус, которых придерживаются члены всего общества и которые интерпретируются через систему идей в ходе общественного развития, охраняются законом как исходное начало интеграции и сохранения целостности общества и государства, как главные ориентиры движения в будущее без развития молодежной инициативы нельзя сформировать сильную государственную политику, нельзя привести в движение творческий потенциал молодежи. Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи ("Молодежь России")», утвержденная правительством России направлена на поддержание молодежи, привлечение внимания общественности к их проблемам.

В основе всех социальных институтов в Российской Федерации лежат общие духовные платформы, которые принимает и закрепляет государство.

О ее значимости и необходимости разработки неоднократно указывали официальные документы Указе Президента Российской Федерации от 09.11. 2022г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2], «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года от 29 мая 2015 г. N 996-р г. *Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»,* Указ от 22 ноября 2023 г. № 875 Президентом России

Владимиром Путиным, подписавшим «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [3, 1], главный посыл которых выражается в том, что необходимо развивать высоконравственную толерантную личность, способной реализовать нравственный, интеллектуальный, физический потенциал в современном обществе, разделяющей традиционные российские духовные ценности, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира.

Сегодня как никогда нам необходимо занять нашу молодежь, направить их силу и энергию в созидательное русло. Все эти проблемы нашли отражение в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г. Как отметил В.В. Путин: «С сегодняшним Посланием я выступаю в сложное, рубежное для нашей страны время, в период кардинальных, необратимых перемен во всем мире. Ведущие политические силы консолидированы и едины в главном, а главное, основополагающее для всех нас – это безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы.

Общественный запрос, отраженный в ключевых государственных нормативно-правовых актах, связанных с воспитанием учащихся, подчеркивает актуальность ценностно-ориентированного (аксиологического) подхода к воспитанию. В процессе воспитания у воспитанника формируется социально-обусловленная и социально поддерживаемая система нравственных, моральных, культурных норм и ценностей.

Исследования ученых гуманитариев по проблемам духовно-нравственных основ современного общества показывает, что доля экономических факторов в кризисе нации составляет около 30 %, остальные 70 % – духовное неблагополучие, отказ от традиций, утрата нравственных ориентиров, неуважение к собственной истории. Отрыв общества и государства от тех духовных, исторических и идеологических корней, которыми оно до этого держалось и питалось, привел к бездуховности, безидейности, жестокости [5].

Утрата этой способности сравнима разве что с потерей живым организмом иммунной системы.

Этнокультурные ценности народов Дагестана – это духовные ценности, выработанные поколениями, основанные на историко-культурных традициях, погружающие его во всеобщий исторический развивающий дух народа, выраженные в нравственности и религии, философии, науке, искусстве и мифологии [3].

Этнокультурные ценности народов Дагестана – это духовные ценности, обусловленные историей, пройденной своим народом.

Одной из эффективных мер по борьбе за социальное неблагополучие человека может стать создание условий, обеспечивающих формирование социальной ответственности, как показатель жизнеспособности людей, подготовленных с успешной жизни в ситуации социальной неопределенности, нестабильности, кризиса.

Одним из таких условий является гуманизация педагогического процесса, создающего эмоционально благоприятную обстановку для развития каждого обучающегося, создание условий для самоопределения на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, норм и правил поведения. Воспитание подрастающего поколения должно основываться на принципе народности

Основными задачами системы образования и воспитания были и остаются создание наиболее благоприятных условий для вовлечения детей и молодежи в социальную практику и социально-значимую деятельность формирования ценностных установок социальной ответственности на основе социального партнерства семьи и школы как единого социокультурного пространства средствами этнокультурных традиций [10].

Этнокультурные ценности народов Дагестана – это духовные ценности, выработанные поколениями, основанные на историко-культурных традициях, погружающие его во всеобщий исторический развивающий дух народа, выраженные в нравственности и религии, философии, науке, искусстве и мифологии [5].

Этнокультурные ценности народов Дагестана – это духовные ценности, обусловленные историей, пройденной своим народом.

Что же такое, ценности и какова их роль в жизнедеятельности личности?

На вопрос: Что понимать под ценностями? – Н.Д.Никандров – экс-президент Российской академии образования отвечает следующим образом: «...Определение ценностей будет очень простым: это ценности, которые принимают все люди, их подавляющее большинство, весь род человеческий».

Дагестан – это уникальный уголок земли, где лучше всего может быть понят, принят и осуществлен этнопедагогический, этноконфессиональный диалог культур. В современных условиях в Дагестане на приемлемо возможном уровне достигнута межэтническая гармония.

По нашему мнению и мнению других исследователей, [1–4, 6, 10], реальным шагом на пути решения проблем воспитания является реализация разработанных и утвержденных государственных программ воспитания основанной на ментальных этнических ценностях дагестанского народов, которые выработаны и ориентированной на необходимости использования духовно-нравственных, этнокультурных, социальных, материальных ресурсов общества: ориентировать молодежь на лучшие, духовно обогащающие культурные традиции, так как это ведущая задача гражданского воспитания.

Общеизвестно, что воспитание всегда происходит не в какой-то мифической «воспитательной» деятельности, а в предметно-учебной, трудовой, физкультурно-спортивной, общественной и т. д. – при условии понимания и присвоения смысла этой деятельности, ее личностной значимости для организатора и исполнителя; – необходимо усилить воспитательную работу школы, представляющей собой как систему, предполагающей целенаправленное воздействие на все сферы личности школьника, разносторонне и гармонично развивая их – через разнообразное сочетание общешкольной и классной, фронтальной и дифференцированной, коллективной и индивидуальной, разнопредметной и воспитательной работы, позволяющей включить школьника в разнообразные виды деятельности, в разнообразные виды отношений; – необходимо осуществлять комплексные усилия по создании в образовательном учреждении особой воспитывающей среды [11]. Выводы.

Эффективность процесса воспитания ценностных установок как средство формирования социальной ответственности, как составляющей жизнеспособности современной молодежи на опыте работы образовательных учреждений г. Махачкала обеспечивается комплексом организационно-педагогических условий:

– создание системы социально-психологических практик по формированию жизнеспособности; – личное практическое участие в конкурсах: видеоролика, этнографического «Я-эхо своего деда: труженика горца, фестиваля «Салют талантов горцев», способствует снижению порога существующей социальной напряженности, позитивных общественных настроений, мотивацией на ценностную деятельность социально-психологического в школе;

– повышение уровня социально-трудовой активности, способствующей изменению ценностных ориентаций, формирование положительных стереотипов поведения;

– проведение психодиагностики по выявлению уровня сформированности социальной ответственности, как составляющей жизнеспособности, для формирования потребности к самовоспитанию;

– разработка "Технологии трудового воспитания с использованием традиционных промыслов народов Дагестана" в формировании социальной ответственности, как составляющей жизнеспособности подростков, на базе Центра "Я – эхо своего деда: труженника-горца";

– проведение выездных мастер-классов с использованием народных традиционных промыслов Дагестана (обучение ковроделию, бисероплетению, кубачинской вышивке резьбе по дереву, мастерству филиграни, искусству плетения кольчуг, золотой вышивке, гончарномуделу) для формирования социальной ответственности, как составляющей жизнеспособности;

– проведение профилактических бесед для психологической коррекции поведения на базе Центра "Я – эхо своегодеда: труженника-горца" с целью изменения ценностных ориентаций подростков, формирования положительных стереотипов поведения (раннее профессиональное просвещение, профориентация;

– проведение комплекса организационных мероприятий на базе Центра «Я – эхо своего деда: труженника-горца» подростков из неблагополучных семей склонных к правонарушению, на основе разработанной «Технологии трудового воспитания использованием традиционных промыслов Дагестана»; – профилактика агрессивного поведения подростков, склонных к правонарушению, посредством вовлечения в труд, проведение психологической коррекции поведения: тренинги аутотренинги, направленные на саморегуляцию, обучение техникам саморегуляции, арт-терапия организация поездок по Республике Дагестан (г. Дербент, Дахадаевский район, с. Кубачи, Унцукульский район, с. Унцукуль, Табасаранский район, с. Хучни) для знакомства со спецификой профессии на промыслах, стимулирования у подростков понимания ценности труда интереса к традиционным промыслам вовлечение учащихся, находящихся в группе риска, в созидательную и позитивную трудовую деятельность в рамках реализации образовательного маршрута, через проведение конкурсов (этнографического, видеоолика) «Я – эхо своего деда: труженника-горца; – применение инновационных педагогических технологий по решению учебно-творческих задач, способствующих формированию жизнеспособности у школьников на воспитательном потенциале педагогической культуры народов Дагестана (мастер-классы, проективные процедуры, деловые игры, портфолио);

– создание в образовательном пространстве воспитывающей среды: выстраивание системы педагогической поддержки формирования жизнеспособности через выявление характера ценностных ориентаций школьников; созданием ситуации успеха, стимулирующей эмоциональное восприятие этнокультурных ценностей;

– повышение уровня воспитательной компетентности педагога в вопросах воспитания жизнеспособности (семинары по вопросам семьи и брака; нетрадиционные технологии); – взаимодействие семьи и школы, обеспечивающее эмоционально-ценностное отношение подростков к ценностям жизни: здоровье, знание, красота; (психолого-педагогическое просвещение, конференции по обмену опытом, круглые столы, семинары-тренинги, дискуссии и др.); – разработка и внедрение в практику образовательных учреждений специальных программ, основанных на этнокультурном наследии Дагестана и пропаганда жизнеспособности (программа «Традиции и ценности дагестанского народа в современном социуме»).

Очень важно в условиях нынешней сложной геополитической ситуации, в которой оказалась наша страна сохранить нашу культурную идентичность, а проведение мероприятий межведомственного взаимодействия, способствует сохранению и дальнейшему развитию благоприятной культурно-образовательной среды. Взаимодействие семьи и школы в процессе воспитания жизнеспособности подростков в мультикультурной среде требует особого внимания и подходов.

Жизнеспособность включает в себя способность адаптироваться к изменениям, решать проблемы, устанавливать и поддерживать социальные связи, а также сохранять психологическое благополучие в условиях разнообразных культурных взаимодействий.

Предлагаю в каждом национальном проекте предусмотреть специальный раздел, направленный на поддержку молодых людей, молодежи, повышение уровня педагогической культуры родителей А теперь? Чтобы жить и успешно функционировать в чрезвычайно мобильном обществе, мы, молодежь должны обладать двумя противоположно направленными рядами качеств.

Во-первых, ми должны обладать устойчивым, твердым мировоззрением, социальными и нравственными убеждениями. Иначе на каждом крутом вираже жизненного пути – а их в жизненном пути будет предостаточно – мы будем, образно говоря, распадаться на составные части или реагировать на вызов жизни невротически.

Во-вторых, мы должны обладать высокой психологической лабильностью, гибкостью, способностью усваивать и перерабатывать новую информацию.

По ироническому замечанию В.О. Ключевского *«твердость убеждений – чаще инерция мысли, чем последовательность мышления».* В эпоху научно-технической революции мы должны проявлять самостоятельность, творческую инициативность и социальную ответственность, которые друг без друга невозможны.

Должны продолжать исследования активных поисков ориентиров в области ценностей, не подвергающихся сомнению и выдержавших многовековое испытание на прочность: православие (или другие религии), государственность, патриотизм, коллективизм, милосердие, взаимопомощь, благотворительность, а также ценностей нового времени: инициативность, социальная мобильность, предприимчивость, толерантность;

Позитивный результат воспитательной политики, направленной на формирование жизнеспособности у подростков в условиях нестабильного общества возможен на основе консолидированных условий всех социальных институтов. Каждый человек заинтересован в том, чтобы занять достойное место в жизни, чувствовать себя уверенно и защищено в постоянно меняющемся обществе. А это возможно благодаря знаниям, личным качествам, способностям, составляющим основу жизнеспособной личности.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809.
3. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи».
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р.
5. *Алиева Б.Ш.* Этнокультурные ценности как фактор профилактики правонарушений школьников: монография. – Махачкала: ООО «АЛЕФ», 2023. – 170 с.
6. *Алиева Б.Ш., Авшалумова Л.Х.* К проблеме формирования этнокультурных ценностей посредством вовлечения старшеклассников в социально-проектную деятельность // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 83. – С. 11.
7. *Алиева Б.Ш., Рабаданов М.Х.* Гуманитарное образование – ресурс развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации // Высшее образование сегодня. – 2022. – № 9.
8. *Гурьянова М.П.* Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. – 2004. – № 1. – С. 10–16.
9. *Данилюк А.Я.* Теория интеграции образования. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2000. – 439 с.
10. *Королева Ю.А.* Проблемы жизнеспособности детей и подростков в условиях современного общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015.
11. *Никандров Н.Д.* Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 230 с.
12. *Ушинский К.Д.* Педагогические сочинения: в 6 т. – Т. 1 / ред. кол.: С.Ф. Егоров и др.; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1988. – 414 с.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Антошкин Виктор Николаевич
Уфимский филиал ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», Уфа, Россия

Кочинашвили Марина Владимировна
МАОУ «Центр образования» № 69», Уфа, Россия

Аннотация. В статье излагаются результаты опроса студенческой молодёжи. Обнаружены следующие проблемы: жилищные условия, трудоустройство, дискриминация,

социальная идентичность. Показано, что развитие человеческого потенциала молодёжи зависит от качества образования и уровня зрелости общественной системы

Ключевые слова: студенческая молодёжь, социальные проблемы, социальная идентичность, самоидентификация, социальное реформирование, социологическая компетентность, социальная структура.

Цель статьи – анализ социальных проблем особой группы молодёжи – студентов-заочников, которые, как правило, имеют два основных социальных статуса – учащийся и работник. Эмпирической базой служит анкетирование студентов всех факультетов заочного отделения УУНиТ. Период проведения опроса – апрель–июнь 2024 года. Выборочная совокупность составляет 334 респондента. Социальное положение респондентов таково: самозанятые – 7 %, собственник своего дела – 9 %, наёмный работник – 35 %, учащийся – 46 %.

В условиях глобальных системных изменений и глобальных вызовов, роста социокультурных угроз на Евразийском пространстве, трансформаций на рынке труда РФ, важно рассмотреть положение молодёжи на предприятии и в сфере трудоустройства, проблемы социальной самоидентификации и оценки учащейся молодёжью своих жизненных перспектив.

По данным исследования, 52 % опрошенных молодых людей довольны своей сегодняшней работой и оплатой, остальные 48 % не удовлетворены своим сегодняшним социальным положением. Причём за последние 10 лет повышение по работе смогли получить только 41% респондентов. Однако намерение сменить профессию выразили лишь 25 %, 42 % не желают перемен, а 33 % затруднились с ответом. Среди причин смены профессии лидируют следующие: изменение интересов (21 %), малая зарплата (18 %), несоответствие личностным задаткам и характеру (16 %).

Постоянного места работы не имеет 51 % опрошенных студентов. Без работы в течение периода времени от одного до пяти месяцев находятся 29 % всей выборочной совокупности, от года и больше – 13 %, от 6 до 10 месяцев – 9 %. Однако официальную регистрацию в качестве безработного имеет сравнительно небольшая доля молодёжи – 18%. Половина респондентов заявила о том, что у них были трудности при трудоустройстве, а у одной трети не было никаких препятствий.

Предыдущие наши обследования выявили закономерность: чем выше уровень образования, тем больше склонность к занятию коммерческой деятельностью. Данное исследование подтвердило эту гипотезу. Основная часть учащейся молодёжи интегрирована в рыночную экономику. Об этом говорят результаты исследования. Так, 62 % заявили, что они предпочитают работать в частном секторе, коммерческих организациях, на государственный сектор и бюджетные организации ориентация гораздо ниже – 38 % /респондентов. Обнаружена достаточно большая доля желающих заниматься предпринимательством- около половины респондентов, и только 24 % не выразили такого желания. Среди желающих заниматься предпринимательской деятельностью доля лиц мужского пола выше, чем в женской совокупности респондентов. Причём студенты женского пола- выходцы из села- стремятся заняться бизнесом преимущественно в городе, в то время как сельчане-мужчины надеются найти себя в сельских территориальных общностях.

Ориентации на традиционные ценности уходят в прошлое [2, с. 51–53]. Так, на ранний брак и рождение детей ориентируются 32 % студентов женского пола, а абсолютное большинство (68 %) ориентируются на трудовую карьеру и образование. За последние 100 лет женщины получили равные права с мужчинами. В устных беседах респонденты женского пола говорили о том, что даже если их муж будет получать хорошую зарплату, они не намерены ограничиваться только семейными делами, полностью выключаться из экономической деятельности и отказываться от своих личных прав.

Социологическое исследование обнаружило феномен расхождения объективного и субъективного социального статуса студенческой молодёжи. Так, по уровню дохода к низшему социальному слою относится каждый пятый, а субъективно таковыми себя признали только 2 %. К бедным по уровню дохода можно отнести 53 % опрошенных,

а по самоидентификации – 19 %. К среднему классу себя отнесли 54 % респондентов, в то время как получаемые доходы соответствуют уровню обеспеченности только у 18 % студентов. И, наконец, 25 % считают, что они принадлежат к социальным слоям выше среднего и верхнего, а объективным показателям дохода на уровне богатого слоя соответствует не более 10 %. Таким образом, в молодёжной социальной группе существует проблема социальной идентичности, которая проявляется в том, что у определённой части студентов она характеризуется субъективностью и даже иллюзорностью, отличающейся от объективного социального положения в социальной структуре общества. Причины данного явления, по мнению авторов статьи, кроются в недостаточной социальной зрелости и социологической некомпетентности учащейся молодёжи. В устных беседах студенты посетовали на то, что такие предметы как социология и экономика изучаются только на профильных специальностях вуза, а в школе или колледже данных предметов не было в учебной программе.

Ещё один важный фактор, влияющий на социальное положение молодёжи – жилищные условия. Как показал проведённый опрос, жилищная проблема у многих является наследственной. Только 37 % студентов имели отдельную комнату в родительском доме. Что касается сегодняшних жилищных условий, то 64 % респондентов проживают сейчас или им приходилось ранее проживать в семье из нескольких поколений. Следовательно, основная часть молодёжи проживает в весьма стеснённых условиях. Об этом говорят данные о динамике изменения жилищных условий респондентов за последние 5 лет. Иерархия способов решения жилищной проблемы молодёжью такова: съёмное жильё при некоторой финансовой помощи родителей (31 %); полная финансовая поддержка родительской семьи, в том числе при покупке жилья (22 %); временное жильё по месту работы или учёбы (20 %); через ипотеку с длительным сроком выплаты (12 %).

Социальный прогресс неразрывно связан с таким критерием как свобода. В связи с этим мы предложили респондентам вопрос: «Изменения в месте работы, проживания, должности, образовании, зарплате в последние 10 лет были в основном добровольными или вынужденными?». Было получено следующее распределение ответов: «В основном изменения были добровольными (48 %); «Изменения в основном были вынужденными» (29 %); «В равной мере вынужденными и свободными» (23 %). Как видим, индекс свободы недостаточно высок в молодёжной среде. Эти данные в целом коррелируют с результатами ответа на прямой вопрос: «Чувствуете ли вы себя свободным человеком?» Немногим более половины молодёжи считают себя свободными людьми, 20 % – однозначно нет, 25 % затрудняются ответить на этот вопрос. Для сравнения: опрос более половины регионов РФ (база данных ФОМ) в 2004 г. показал, что 48 % чувствовали себя свободными. [1, с. 211–214]. Таким образом, существенных изменений за прошедшие два десятилетия не произошло, особенно, если учитывать недостаток жизненного опыта, сохранившиеся иллюзии и отмеченную выше проблему социальной идентичности молодёжи.

Одной из форм ограничения свободы выступает дискриминация. Об отсутствиии дискриминации, искусственных ограничений при приёме на работу молодёжи заявили 19 % участников опроса, а 52 % либо сами сталкивались, либо их знакомые рассказывали о фактах дискриминации. Формы дискриминации: меньшая оплата (27 %), отсутствие обратной связи, игнорирование мнений (23 %), работа в худших условиях (18 %), увольнение при сокращении (15 %).

Таким образом, несмотря на рост потребностей в кадрах и среднего уровня зарплаты в последние годы, жизненное пространство современной молодёжи содержит новые вызовы, проблемы развития человеческого потенциала, социальной идентичности, решение которых зависит от процессов развития и социального реформирования общественной системы в целом.

Литература

1. *Антошкин В.Н.* Модернизация общества. Законы и технологии прогресса. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 340 с.
2. *Антошкин В.Н.* Социология сельской школы: опыт региональных исследований. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. – 114 с.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМ КАПИТАЛОМ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩИХСЯ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Анучина Ольга Васильевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье кратко представлены основные тренды в исследовании дизайна цифровой повседневности общества, влияния цифрового «платформенного» капитализма и алгоритмического управления на социальные практики молодежи, включая критику данных явлений. Произведен вторичный анализ данных отечественных и зарубежных социологических исследований цифрового капитала молодежи. Осуществлена декомпозиция понятия «цифровой капитал», произведена его социологическая концептуализация. Раскрыта структура индекса цифрового капитала («digital capital index») и методики его измерения. Проанализированы данные индекса человеческого развития по федеральным округам РФ.

Ключевые слова: цифровой капитал, индекс цифрового капитала, digital capital index, человеческий капитал, капитал виртуальной мобильности, технодетерминизм, молодежь, цифровой капитализм, платформенный капитализм, алгоритмы, алгоритмическое управление, гаверментальная рациональность, цифровая рациональность, индекс человеческого развития, human development index, NBIC-конвергенция.

Ключевым элементом адаптации общества к пространству цифровой повседневности является выработка специфических качеств, интеллектуальных активов как релевантных решений для мягкого вхождения в электронную культуру и поворота к ее потенциалу для личностного совершенствования. Особенно это наблюдается в процессе социальной рутинизации и диффузии цифровых практик среди молодежи. Стержневым навыком человека является повседневная инновационность как ответ на вызовы цифровых метаморфоз общества (У.Бек). В трудах ряда современных ученых выделяются компетенции «будущего» в условиях цифровой экономики [1, с. 1881], ярко описываются проблемы нелинейно развивающейся социо-цифро-природной реальности и изменения функциональности общества, природы человеческого существования. Например, С.А. Кравченко выделяет следующие противоречия «микрофизики власти» (М. Фуко) цифры: общество / «антиобщество», человек / «античеловек». Амбивалентные последствия создания «цифрового двойника» и виртуального мира меняют онтологию объективной реальности – человек балансирует на грани цифровой и объективной реальностей, находясь в состоянии осцилляции.

Социологические импликации мышления теоретиков технодетерминизма представлены в научных трудах: Д. Чендлера [2] («тезис неизбежности» прогресса, признак нейтральности, редукционизма, реификации, универсализма «цифрового капитализма»; истоки «технологического императива» у Н. Постмана, М. Маклюена, М. Хайдеггера, К. Маркса); Камполо А., Кроуфорд К. [3, с. 5], которые используют концепт «расколдовывание мира» М. Вебера в отношении «deep learning» [4] (эклектика точности прогнозирования и «сверхъестественных» дискурсов по описанию сложных к пониманию механизмов, мифологизация). Социологическая концептуализация новых возможностей и гуманистических угроз цифровизации основывается на социологическом воображении и использовании аналитического потенциала классических теорий. Через призму теории формальной рационализации М. Вебера уточнены новые модусы дегуманизации в современном контексте – отчуждение, овеществление и ривалитет человека его собственным коммуникациям, интеллектуальным способностям и социальным действиям. Типология рациональности М. Вебера (практическая, теоретическая, этическая, формальная) позволяет уточнить новое понятие «цифровой рациональности».

Релевантным данному исследованию является концепт «гаверментальность» в теории «микрофизики власти» формальной рациональности дисциплинарного общества М. Фуко [5]. Власть цифры пронизывает материальность социальной среды и программирует многообразные социальные практики уникальных личностей в стандартные данные цифровых актантов. Бюрократизация привела к рационализации надзора и программированию поведения через паноптические системы (в цифровом обществе это платформы, «умные» алгоритмы). Побороть дегуманистическое начало программирования дисциплинарного общества поможет «гаверментальная рациональность» рефлексивного типа («управление» и «ментальность») – проявление взаимосвязи, отношения между технологиями и формами правления и технологиями самоорганизации, самоконтроля, саморефлексии (управление с учетом допустимости активного выражения субъектности индивидов, через их истину). Данный тип рациональности предполагает «трансформацию себя» субъектом, организацию управления телом, здоровьем, образом жизни, потреблением, питанием, коммуникациями, сексуальностью самим человеком, обществом, а не институтами, госструктурами.

Маршрутозависимость систем и капитал мобильностей Дж. Урри [6, с. 141] – следующая теория, позволяющая концептуализировать цифровизацию повседневности. В трудах «Мобильности» и «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия» под капиталом мобильностей определяется «совокупность возможностей» доступности человеку многообразных систем мобильности, наделяющих его специфическими преимуществами. Социолог выделяет пять видов мобильности (физическое перемещение людей в пространстве, физическое перемещение объектов, воображаемые путешествия («образов»), коммуникационные, виртуальные) и вводит дихотомию «мобильности-иммобильности». Согласно предположениям Дж. Урри (15-летней давности) возможны два сценария будущего: 1) «племенная сделка» как фрагментация глобального капитализма, регионизация, где глобальная мобильность доступна только сверхбогатым людям; 2) «цифровой паноптикон» усиление глобализированного мира и латентного надзора для сдерживания ускоряющегося развития систем мобильностей. Согласно В. Моско, надзирателями цифрового паноптикума выступают сложнейшие алгоритмы, анализирующие терабайты данных, а само наблюдение часто проходит незаметно, встроенное в привычные сервисы и гаджеты. Ключевую роль здесь играют алгоритмическое управление, рекомендательные алгоритмы и др. В. Радаев в своем выступлении этого года обозначил роль «платформенного капитализма»: «Мы с вами – источники сырья, а задача платформы – создать инфраструктуру, чтобы извлечь, оцифровать, сохранить, проанализировать и презентовать наши поведенческие данные» [7]. Это новый источник власти, основанный не на физическом принуждении или иерархической структуре, а на обработке больших данных и принятии решений на основе сложных математических моделей. Актуализировавшись в период пандемии цифровые практики продолжают трансформироваться и быть повсеместно востребованными.

Цифровой капитал – это гибридный, доминирующе нематериальный капитал, отражающий личную результативность деятельности в процессе цифровой социализации, представляющий совокупность доступа к цифровым технологиям (материальная составляющая) и умений их применять в профессиональной и личной жизни [8, с. 9] (нематериальная составляющая), формирование и изменение стоимости которого осуществляется на протяжении всей жизни человека. Данное определение сформулировано на основе компиляции всех представленных в современном отечественном академическом пространстве немногочисленных трактовок – Е.Л. Вартанова, А.А. Гладкова, Д.В. Дунас, Ярмак В.Е. [9, с. 95], которые основаны на методологическом интегрализме к человеческому капиталу С.А. Кравченко («сетевой капитал»), концепции капиталов П. Бурдье, подходу к цифровому капиталу как отдельному, самостоятельному виду капитала С. Парк (2017).

Первыми индекс цифрового капитала в России эмпирическим путем изучили исследователи Е.Л. Вартанова, А.А. Гладкова [10, с. 10] на основе адаптированной методики итальянских ученых. «Digital Capital Index» (Ragnedda, Ruiu, Addeo) поделили на два субиндекса – индекс уровня доступа к цифровым технологиям, наличие ИКТ («Digital Access Index»)

и индекс уровня цифровых компетенций пользователей («Digital Competence Index») – система цифровых компетенций личности. В методике М. Рагнедды субиндексы цифрового капитала включают для измерения ряд факторов: время, проведенное онлайн; наличие у пользователя специальной подготовки перед использованием Интернета и ИКТ; тип и количество устройств, с помощью которых осуществляется подключение; наличие специальных навыков и компетенций и т.п. Экспертные интервью в исследовании Е.Л. Вартановой и А.А. Гладковой во многом подтвердили результаты аналогичных исследований, в частности, данные оригинального социологического исследования британских интернет-пользователей ученых М. Рагнедды, М.Л. Руиу и Ф. Аддео [11] (N = 868 граждан Великобритании; 2019). Представив попытку эмпирически измерить цифровой капитал, они разбили его на конкретные компоненты, которые можно определить количественно. Второе, что сделали авторы – это скоррелировали данные субиндексы гибридного цифрового капитала с набором демографических и социально-экономических закономерностей. Исследование основывается на репрезентативной выборке, факторном, двумерном анализе и др. Было выявлено, что цифровое неравенство – это результат использования интернета с точки зрения получения выгоды от его применения отдельным индивидом, а не только физическая возможность подключения к сети. Уровень образования, место проживания (крупный город или сельская местность) влияют на восприятие ИКТ, доступ к интернету, а также на его качество и виды использования, в то время как пол респондента не имеет значения. Цифровой капитал положительно связан с социальной активностью и коммуникациями в интернете. При этом частота социальной, экономической, повседневной, развлекательной и политической деятельности положительно влияет на его увеличение. Городские пользователи с большей вероятностью будут обладать более высоким цифровым капиталом, чем сельские пользователи. Цифровой капитал положительно связан с доходом и отрицательно связан с возрастом. Авторы доказали, что цифровое неравенство и использование интернета отражают классовое расслоение в реальной жизни. Е.Л. Вартанова и А.А. Гладкова в своем исследовании подтвердили следующие гипотезы, релевантные условиям мультикультурного российского общества: 1) положительная связь цифрового капитала и региона проживания, размера населенного пункта. Жители мегаполисов имеют более высокий уровень цифрового капитала; 2) положительная связь с национальной принадлежностью (в сравнении с показателем цифрового капитала среди пользователей, которые обозначили свою этническую принадлежность как русские, индекс тех, кто идентифицировал себя с другими этническими группами, оказался немного выше). Эксперты обозначили критические факторы, влияющие на цифровой капитал: меры безопасности в цифровой среде; умение и возможность создавать и распространять контент в условиях гарантированной безопасности в цифровом пространстве. Также опрашиваемые обратили внимание на особенности наращивания цифрового капитала российского населения, которые детерминированы сложностью климата, огромными территориями и рядом других факторов.

Опыт смешанной стратегии эмпирического исследования социодинамики цифрового капитала студенческой молодежи в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19 представили П. П. Дерюгин, О. С. Баннова, Е. А. Камышина, Салфетник К. Е. [12, с. 47] (N = 205, 19–24 года, 130 студентов-программистов и 85 социологов; эссе и онлайн-опрос «ВКонтакте»). В исследовании выявлен уровень владения цифровыми технологиями, изменения качества своего цифрового капитала с позиции субъективной самооценки студенческой молодежью. Данная методика измерения цифрового капитала глубоко раскрывает цифровой капитал через следующие индикаторы – компетенции (всего 28): 1) работоспособность в условиях работы с ИКТ; 2) способность конролировать состояние здоровья в условиях работы с ИКТ; 3) способность контролировать стрессоустойчивость в условиях работы с ИКТ; 4) способность быть честным в цифровой среде; 5) способность быть порядочным в цифровой среде; 6) способность проявлять уважение к другим людям в цифровой среде и другие терминальные навыки (всего 14); 14 инструментальных: 7) навыки работы с профессиональным ПО; 8) навыки работы с компьютерным ПО; 9) навыки обучения в университете с использованием ИКТ; 10) навыки коммуникации (общение в социальных сетях) с использованием ИКТ;

11) умение обезопасить себя в цифровой среде и т. д. В результате были выявлены восемь групп цифровых компетенций (профессиональные, личные, командно-групповые, физические, коммуникативные, управленческие, моральные, информационные), их основные характеристики и тренды социодинамики формирования цифрового капитала студенческой молодежи РФ. 75 % студентов отметили рост инструментальных цифровых компетенций и 54 % – терминальных. Интересные данные полуформализованных интервью (N = 14 сотрудников промышленных предприятий в возрасте 25–35 лет) представлены в научных трудах В.Е. Ярмак. Большинство респондентов сошлось во мнении, что цифровой капитал априори не является подтверждением достижения высоких результатов в профессиональной деятельности, не менее определяющее значение имеют физическое здоровье, уровень образования, наличие связей, а цифровые навыки – это дополнительная нагрузка к данному ряду показателей, ответ на социальные запросы и соответствующие вызовы современности.

Актуальность темы обосновывается и тем, что многие из современных теоретиков человеческого капитала, в частности, цифрового, констатируют неполноту и неопределенность данного понятия, особенно в контексте новых смыслов. Человеческий капитал как часть социально-экономической системы находится под влиянием всеобщих мировых трендов, развиваясь в соответствии с динамикой потребностей быстро меняющегося общества и представляет собой «совокупность всех атрибутивных качеств, свойств, производительных способностей, сил, функциональных ролей и форм, рассматриваемых с позиции системной целостности, адекватных современному состоянию общества» [13, с. 5]. Значение ИЧР («Human Development Index») вычисляется по методике ООН, предложенной в 1990 г. и обновленной в 2019 г., через показатели – здоровье, образование и экономические условия, измеряемые 4 индикаторами на уровне страны – единый индекс образования (средние и ожидаемые годы обучения), продолжительность жизни при рождении (выживаемость), логарифм валового национального дохода на душу населения с учетом паритета покупательной способности. Прогнозы ИЧР до 2030 года и динамика за 1990-2018 годы по федеральным округам России представлены в научных трудах С.Г. Шульгина и Ю.В. Зинькиной [14, с. 887] (2021). Отметим, что в 1990 г. ПФО занимал 1 место в рейтинге по федеральным округам России, в 2018 г. – 5 место (0,805): 15,6 – ожидаемая продолжительность обучения, 12,1 – средняя продолжительность обучения, 9,80 – логарифм от ВНД на душу населения, общая продолжительность жизни – 71,90. При этом в 2024 году ПФО показал ИЧЖ 74,3 (в рейтинге Индекса человеческой жизни по федеральным округам РФ), при этом по прогнозам к 2030 году этот показатель вырастет до 76,9 лет. Индекс человеческого развития по Приволжскому федеральному округу – 0,805 (5 место), по России – 0,824.

На современном этапе общество проходит испытание на устойчивость к постправде после кульминации процесса интеллектуализации. Дискурсивная поляризация (Н. Хомский, С. Жижек) на тему NBIC-конвергенции и цифровизации повседневности, дебаты между сторонами, колеблющимися между грозящими угрозами и скрытыми шансами («human enhancement», беспрецедентное расширение человеческих возможностей, например, когнитивные технологии, развитие человеко-машинного интерфейса, «бестелесные» киберкоммуникации; эти технологии синергетично взаимодействуют) в академическом поле сегодня должны дополняться исследованиями по «новому антропоцентризму», выявлению сложных моделей и закономерностей социологического характера. Согласно Ж. Бодрийяру, «доверить свой интеллект машине – значит, освободиться от всякой претензии на знание» [15, с. 75].

Литература

1. *Кожухова Н.В., Серпухова Е.П., Веселова Ю.В., Кожухова Д.А.* Компетенции «будущего» в условиях цифровой экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 7. – С. 1875–1892.
2. Технологический и медиа детерминизм: [сайт]. – 1995. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265101073_Technological_or_Media_Determinism (дата обращения: 06.09.2024).

3. *Campolo A., Crawford K.* Enchanted determinism: Power without responsibility in artificial intelligence // Engaging Science, Technology, and Society. – 2020. – № 6. – Pp. 1–19. – URL: https://estsjournal.org/index.php/ests/article/view/277 (дата обращения: 06.09.2024).
4. *Анучина О.В.* Социально-этические аспекты применения ИТ в управлении на примере удаленных сотрудников // XVIII Ковалевские чтения «Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование»: материалы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 нояб. 2024 г.). – СПб., 2024. – С. 1333.
5. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
7. «Если бы Мишель Фуко дожил до эпохи цифровизации, он бы тронулся»: [сайт]. – URL: https://economics.hse.ru/ecjourn/news/785553936.html (дата обращения: 11.10.2024).
8. *Вартанова Е.Л.* Цифровой капитал как гибридный капитал: к вопросу о новых концепциях медиаисследований // Меди@льманах. – 2021. – № 4. – С. 8–19.
9. *Ярмак В.Е.* Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ // Дискурс. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 93–102.
10. *Вартанова Е.Л., Гладкова А.А.* Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 1.
11. *Ragnedda M., Ruiu M.L., Addeo F.* Measuring digital capital: An empirical investigation // New Media & Society. – 2020. – Vol. 22. – Issue 5. – Pp. 793–816.
12. *Дерюгин П.П., Баннова О.С., Камышина Е.А., Ярмак В.Е., Салфетник К.Е.* Социодинамика цифрового капитала студентов в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: опыт смешанной стратегии эмпирического исследования // Дискурс. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 45–57.
13. *Добрынин А.И., Дятлов С.А., Коннов В.А., Курганский С.А.* Производительные силы человека: структура и формы проявления. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 1993. – 164 с.
14. *Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.* Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. – Вып. 3. – С. 888–901.
15. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – 3-е изд. – М.: Добросвет; КДУ, 2009. – 257 с.

УДК 316.35

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КЕЙС

Винокурова Анна Викторовна,
Ардальянова Анна Юрьевна
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Аннотация. Представленное в данной работе исследование описывает основные повседневные практики мигрантов, проживающих на Дальнем Востоке. В качестве исследовательских кейсов нами были отобраны дальневосточные города – Якутск, Хабаровск, Владивосток. Внимание было сфокусировано на молодых мигрантах (18–35 лет) – выходцах из стран Центральной Азии. Исследование выполнено с опорой на качественные социологические методы (неформализованное интервью). Результаты показали, что повседневные практики мигрантов имеют некоторые различия в зависимости от их социального статуса, возраста, пола, рода

занятий и др. Повседневность формирует более прочные горизонтальные связи между вновь прибывшими мигрантами и теми, кто находится в дальневосточных городах более продолжительное время.

Ключевые слова: миграционные процессы, иностранная миграция, молодые мигранты, страны Центральной Азии, российский Дальний Восток, повседневные практики.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/

Дальний Восток России с точки зрения географии включает в себя территории, находящиеся на крайнем северо-востоке и юго-востоке Российской Федерации. Если говорить об административном делении, то Дальний Восток (ДВ) официально обозначается как Дальневосточный федеральный округ (ДФО), куда входят следующие российские регионы: Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; в 2018 году в Дальневосточный федеральный округ были включены Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в состав Сибирского федерального округа.

ДФО является наименее заселенным среди всех российских федеральных округов. На 1 января 2024 года численность населения Дальнего Востока составила 7 866 344 человека, сократившись по сравнению с аналогичным показателем 2023 года на 37 520 чел. Уменьшение обусловлено естественной убылью и миграционным оттоком [5]. Но в рамках основной тенденции, связанной с негативной динамикой миграционных процессов на российском ДВ, можно выделить некую общую закономерность: в то время как миграционный обмен с другими регионами РФ – отрицательный, с зарубежными странами, в первую очередь, с государствами СНГ – положительный, что неоднократно отмечалось в различных исследованиях, в том числе и проведенных при нашем непосредственном участии [см., напр.: 2; 3; 4; 8; 1].

В основном миграционный приток обеспечивается за счет выходцев из республик Центральной Азии: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые прибывают в Республику Саха (Якутия) – подавляющее большинство из них кыргызстанцы; в Хабаровский край – среди прибывших иностранных граждан доминируют таджикистанцы; в Приморье – основная доля приходится на узбекистанцев. Большинство из них оседают в региональных столицах: Якутске, Хабаровске, Владивостоке. Именно эти города и были отобраны нами в качестве основных кейсов.

Исследование выполнено с опорой на качественную методологию. Мы сфокусировали свое внимание на молодых мигрантах (возраст наших информантов составил 18–35 лет). Была проведена серия неформализованных интервью с выходцами из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые приехали на заработки и/или учебу в Якутск, Хабаровск, Владивосток. Полевые работы проводились в феврале – марте 2023 года и в марте – мае 2024 года, всего было проведено 18 интервью (n = 18). Также в качестве информантов выступили представители бизнес-сообщества, являющиеся работодателями для указанных категорий мигрантов; религиозные деятели и лидеры национальных диаспор на территории обозначенных дальневосточных городов, представители органов власти, которых мы больше позиционируем как экспертов. С ними в общей сложности было проведено 12 интервью (n = 12). Анализ данных проводился в логике обоснованной теории (grounded theory) [7]. Кодирование и последующая работа с массивом данных проводилось в программе MAXQDA.20.

Повседневность молодых мигрантов часто складывается из двух ключевых компонентов (категорий) – работа/учеба и досуг. Первая категория четко соотносится с целью пребывания мигрантов в регионе, практики достаточно типизированы и редко выходят за рамки привычных действий и сфер занятости молодых мигрантов (сфера обслуживания, транспорт, строительство и прочее). Досуг же в данном случае представляется нам более интересной и менее изученной частью повседневности мигрантской молодежи, к данной категории при анализе

были отнесены и духовные, в том числе религиозные практики, наличие которых является, на наш взгляд, отличительной чертой досуга молодых мигрантов.

С учетом выбранной нами исследовательской стратегии и тактики, следует дать общее описание досуговых и религиозных практик и их распространенность среди молодых мигрантов. Наиболее адаптированные мигранты, которым доступны практически все досуговые заведения и которые активно посещают кафе, рестораны, ночные клубы – это мигранты так называемого «полуторного поколения» [6]. Как правило, они прибыли в Россию вместе с работающими родителями уже в сознательном возрасте, но обучались в российских школах и достаточно хорошо знают язык и российскую культуру: *«Интересуют места в таком европейском формате, чтобы обстановка вокруг была располагающая, собственно, и для семейного отдыха, и для деловой какой-то встречи»* (муж., 21 год, совмещает учебу в вузе с работой в такси, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске).

В эту группу по мере социализации и адаптации включаются представители учащайся молодежи, которые прибыли в города Дальнего Востока в качестве образовательных мигрантов (иностранные студенты). Изначально досуг молодых людей, прибывших из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана на учебу в дальневосточные вузы, весьма пассивен, этому способствует высокий уровень цифровизации и доминирование цифровых досуговых практик в молодежной среде. Но к третьему–четвертому курсу, овладевая языком и культурными нормами, они начинают посещать «привычные» для современной российской молодежи места. «Свои кафешки» иностранные студенты посещают чаще всего именно потому, что там более привычная кухня, которую они любят и знают с детства: *«Я тоже по большей части раньше в такие же кафе ходил, к примеру, потому что там мне еда ближе… Там такой же плов. То, что я с детства ел, у меня потребность к этому. Мне это нравится, поэтому туда хожу»* (муж., 29 лет, специалист вузовского молодежного центра, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске). «*Ну тут вообще культурный шок был первое время, в общежитии пришел на общую кухню, а там девочки местные, ну кто сами якутки, приехали на учебу из районов, сел, режут радостно сырое мясо и предлагают мне: "Будешь?" Ага, прямо сейчас все бросил и стал есть* (смеется – прим. авт.). *Поэтому да, наши кафе – это такая отдушина, особенно на первых порах, когда сильно скучаешь по дому»* (муж., 28 лет, врач-ординатор, гражданин Кыргызстана, проживает в Якутске).

Вторая категория – это трудовые мигранты и мигранты первого поколения, имеющие достаточно свободный или относительно нормированный рабочий день, как правило, это работники общепита и сферы услуг, таксисты. Именно они становятся постоянными клиентами этнических кафе и клубов «для мигрантов», их досуговые практики редко выходят за пределы данных точек: *«Тут же как? Раз на раз не приходится, иногда работа идет, и поесть некогда, просто заскочил, купил что-то* (шаурма – прим. авт.) *и чай или кофе и дальше едешь… Иногда так все достанет, что просто хочется посидеть в тепле, особенно зимой, спокойно поговорить, первое время очень уставал, что постоянно русский язык везде* (смеется – прим. авт.)*»* (муж., 29 лет, таксист, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке). *«Да это вообще смена обстановки, тут у Арифа как дома, все свои»* (муж., 25 лет, таксист, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке).

Третья категория – это мигранты-вахтовики, работающие преимущественно на строительных объектах, которые находятся в некотором отдалении от города (пригородная зона), а иногда и достаточно далеко (сельские поселения, находящиеся на значительном расстоянии от дальневосточных столиц). Учитывая тяжесть выполняемых работ и ограниченность сроков их выполнения, данная категория мигрантов отдыхает только в возникающие «окна» в работе: *«Бывают такие моменты, что материала нет целыми днями, простои могут даже затянуться на неделю, а то и на десять дней»* (муж., 35 лет, руководитель строительной фирмы, нанимает на работу мигрантов из стран СНГ, россиянин, проживает в Якутске).

Именно в такие моменты мигранты покидают свои рабочие поселения и могут позволить себе посетить, например, кафе. Как правило, ходят небольшими группами в «свои», «проверенные» точки. Но чаще всего, по мнению экспертов, они просто отсыпаются и отдыхают

или находят иной приработок на время простоя: *«Просто тупо лежат у себя, физическая работа, реально тяжело, они сами говорят, что не хотят никуда, просто бы от работы отдохнуть, полежать, ничего не делать»* (муж., 53 года, руководитель торгово-промышленной компании, нанимает на работу мигрантов из стран СНГ, россиянин, проживает во Владивостоке).

Если говорить о религиозных практиках и посещении мечети/молитвенного дома, то данные практики актуализируются у мигрантов в более старшем молодом возрасте – 30+ лет. Эксперты связывают это с появлением семьи и детей, желанием жить «правильной» жизнью: *«Мотивирует ответственность, дети появляются, семья. Вот вчера я в такси ехал, познакомился с товарищем, ему 33 года, он не молился до этого, последние три месяца он только начал. Он почувствовал некую ответственность, что он же мусульманин… Он говорит, я задумался о жизни, о том, что у меня уже семья, надо примером быть для семьи в первую очередь»* (муж., 40 лет, имам мечети, россиянин, проживает во Владивостоке).

Более молодые ребята (18–30 лет), посещают мечеть только в качестве традиции, иногда только в пятницу или даже по праздникам: *«К сожалению, я не посещаю* (мечеть – прим. авт.). *Хотя надо бы, потому что я верю во Всевышнего, в Аллаха»* (муж., 22 года, совмещает учебу в вузе с работой в общепите, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске).

Таким образом, досуговые и религиозные повседневные практики молодых мигрантов имеют некоторые различия в зависимости от того, к какой социальной категории они относятся (студенты, занятые в сфере услуг, «работяги-вахтовики»), как давно они находятся на Дальнем Востоке (одно дело, если это мигранты «полуторного поколения», и совсем другое, если это мигранты первого поколения). Если же говорить о религиозных практиках молодых мигрантов, то они становятся более распространенными по мере перехода в более старшую возрастную группу, по мере смены социального статуса (создание собственной семьи, рождение детей).

В целом, досуговая и религиозная направленность повседневных практик мигрантов очень тесно связана с реализацией коммуникативной функции. Как мы уже отметили, в основном с целью проведения досуга мигранты посещают предприятия общепита этнической направленности, которые часто обозначаются в повседневно-бытовом дискурсе как «узбечки», «восточки» и т. п. Это своего рода центры неформального общения, которые служат важнейшей социальной инфраструктурой для поддержки дружеских связей между представителями мигрантских сообществ, объединяющихся по этническому признаку: *«Это же так приятно, просто посидеть со своими, поговорить на своем языке, поесть еды, к которой привык с детства»* (муж., 29 лет, специалист вузовского молодежного центра, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске). *«Мы обычно собираемся там* (кафе среднеазиатской кухни – прим. авт.) *с пацанами, с земляками, обмениваемся новостями, узнаем о последних событиях, что касаются наших и здесь, и на родине…»* (муж., 22 года, совмещает учебу в вузе с работой в общепите, гражданин Таджикистана, проживает в Хабаровске).

Можно сказать, что этнические кафе служат основным местом для общения с другими представителями мигрантского сообщества вне работы/учебы. Также, например, таджикские мигранты в Хабаровске создают временные форматы, которые обеспечивают возможность неформально взаимодействовать, в том числе и с более широким сообществом. Так, в ходе проведения интервью было отмечено, что периодически, как правило несколько раз в месяц, таджикские студенты вскладчину арендуют спортивный зал/площадку для того, чтобы поиграть в футбол. Иногда могут также вскладчину забронировать стол в бильярдной: *«Ходим в бильярд поиграть, не часто, но иногда случается, обычно в субботу, но как получится, иногда как-то спонтанно можем собраться, иногда хочется только с пацанами собраться, чтобы без старших побыть»* (муж., 29 лет, таксист, гражданин Узбекистана, проживает во Владивостоке). В какой-то мере такие практики выполняют функцию эмансипации от власти и авторитета представителей более старших поколений.

Мечеть или молельный дом также становятся местами для общения, и это не только площадки для «духовного наставления», но и для неформального общения, коллективных праздников и событий. Досуговые и религиозные практики поддерживают чувство сопричастности,

принадлежности к референтной группе, формируют более прочные горизонтальные связи между вновь прибывшими мигрантами и теми, кто находится в дальневосточных городах более продолжительное время.

Отметим, что повседневные практики мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в дальневосточных городах, характеризуется неоднородностью, вариативностью. В частности, там сохраняются традиционные социальные практики, например, соблюдение национальных обычаев. С другой стороны, наметилась тенденция к эмансипации от власти старших поколений, что проявляется в формировании специфических повседневных практик, которые больше свойственны именно мигрантской молодежи.

В целом, неформальные повседневные практики играют весьма значимую роль в оказании поддержки, обмене ресурсами и информацией как внутри мигрантской среды, так и между мигрантами и местными жителями, что может открывать новые возможности для устойчивого регионального и городского развития.

Литература

1. *Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю.* Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – № 4(67). – С. 11–22.
2. *Красинец Е.С., Шевцова Т.В.* Трудовая миграция в решении стратегических задач пространственного развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 11-4(69). – С. 251–255.
3. *Мищук С.Н.* Трудовая миграция на Дальнем Востоке: до и после 2020 года // Региональные проблемы. – 2021. – Т. 24. – № 2–3. – С. 171–174.
4. *Мотрич Е.Л.* Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 27–40.
5. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат): [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 21.04.2024).
6. *Мукомель В.И.* Особенности адаптации и интеграции представителей «полуторного поколения» мигрантов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. – М., 2012. – С. 8148–8156.
7. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 256 с.
8. *Храмова М.Н., Зорин Д.П.* Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах российского Дальнего Востока // Сегодня и завтра российской экономики. – 2022. – № 107–108. – С. 26–36.

УДК 316.35

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Гарипова Ляйсан Сириновна
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Досуг играет ключевую роль в жизни каждого человека, обеспечивая отдых, саморазвитие и удовлетворение потребностей. Однако для современных мусульманок в условиях быстро меняющегося общества выбор досуговых практик осложняется необходимостью соблюдения религиозных предписаний и соответствия общественным ожиданиям. Это исследование изучало стратегии организации досуга мусульманок в Республике Татарстан в

возрасте от 18 до 35 лет. Для этого были использованы три метода: неформализованные интервью с женщинами, как практикующими, так и непрактикующими мусульманками; экспертные интервью с исследователями образа жизни мусульманок и организаторами мероприятий для мусульманской молодежи; и включенное наблюдение за досуговыми мероприятиями для мусульманок. Анализ показал, что выбор досуговых практик мусульманок определяется такими факторами, как избегание контактов с незнакомыми мужчинами, отказ от алкоголя и недопустимость непристойного поведения. Предпочтительны мероприятия, предусматривающие время для молитвы, помещения для омовения и намаза, а также халяльное питание.

*Ключевые слова: д*осуг, женская мусульманская молодежь, ислам, верующие, стратегии досугового поведения.

Основу эмпирических материалов составили полученные в ходе неформализованного интервью с мусульманками от 18 до 35 лет, проживающих на территории Республики Татарстан, данные. В ходе научной работы было проведено 15 интервью с типичными мусульманками и 8 интервью с нетипичными. Под типичными мусульманками автором понимаются девушки, регулярно выполняющие обязательные практики ислама (намаз и ураза), и соблюдающие предписания в одежде (ношение хиджаба). К нетипичным мусульманкам автор относит девушек, относящих себя к мусульманкам, однако нерегулярно или вообще не соблюдающие предписания в религии. С информацией о базе информантов с указанием возраста можно ознакомиться в Приложении.

Автор ставит цель - выявить характер основных форм досугового поведения женщин-мусульманок от 18 до 35 лет, проживающих в Татарстане. Гайд неформализованного интервью включал в себя несколько основных смысловых блоков: характер проведения досуга, участие в клубах/организациях/сообществах/форумах, сложности, возникающие при выборе досуга, осведомленность о мероприятиях, проводимых для мусульманок в Татарстане.

Первой задачей в ходе данного исследования выступило выявление досуговых практик, преобладающих у соблюдающих мусульманок. Основными видами досуга мусульманки называли активные формы (прогулки, походы в кино, театр, встречи с друзьями).

Информантки отмечали свое участие в самых различных организациях: студенческие объединения, татарские книжные клубы, клуб по настольным играм, команда в MuslimQuiz, женском комьюнити «Кызлар», мероприятия от «SVET UMMA», MUSLIMMOL – «объединение мусульманской молодежной элиты», женский клуб «Бикә». Всероссийский форум мусульманской молодежи.

Следующей нашей задачей было - определить ограничения, связанные с проведением досуга. Среди барьеров для проведения досуга информанты отмечали финансовые, нормы шариата (сами верующие это ограничениями не называли), недостаток свободного времени, загруженность повседневными делами.

Барьерами, которые служили для категоричного отказа в участии в досуговом мероприятии были: наличие алкоголя, «смешение полов», в ходе которого случайным образом могли произойти «нежелательные прикосновения», участие лиц, с максимально отрытом ауратом.

Говоря об оценке осведомленности женщин-мусульманок о проводимых мероприятиях, информантки указывали на многообразие видом досуга для мусульманок. Так как почти у всех информанток был опыт проживания в разных городах Республики, а у некоторых даже в других регионах и странах, то оценку доступности сферы досуга в Татарстане, можно назвать сравнительной:

Столько разных мероприятий вообще в целом в Казани. Твои интересы и потребности учитывает, то есть нет каких-то там того, что хочется пойти, а мероприятий нету, в целом все есть, всем доступны, вот все виды. (интервью № 8, 23 года, типичная мусульманка). У нас с этим в Татарстане на много проще, конечно. В районах, конечно, не столько мероприятий, наверное, как в Казани. Но тут... Хочешь спортом занимайся, плавание, теннис, волейбол, хочешь в боулинг халяльный сходи. Вообще проблем нет. Даже общаясь со

знакомыми с Питера, Москвы, с Дагестана тоже, по-хорошему завидуют, как все устроено у нас. (Интервью №10, 27 лет, типичная мусульманка).

Среди каналов распространения информации о проведении мероприятий, новых доступных видах досуга информантки главным образом выделили: афиши в социальных сетях, рекомендации от родственников и друзей, рассылка мероприятий в университетах (в религиозных институтах и кафедрах).

Еще одной из задач эмпирической части работы послужило обозначения предложений конкретных досуговых практик в Татарстане для их посещения мусульманками. Главным видом досуга, отличающимся недостаточным количеством мероприятий стала спортивная сфера. Хоть и почти все информантки занимались спортом, однако не хватали занятия боксом, керлинг, скалолазание, аэротруба. Среди самых доступных видах спорта называют растяжку, плавание, фитнес.

Вот до того, как покрылась вообще любила боксом заниматься. А сейчас вот несколько лет уже ищу халяльный бокс. Там же в полностью закрытой форме неудобно, очень мешает заниматься (интервью №2, 19 лет, типичная мусульманка). Мечтаю заниматься скалолазанием, но там такое снаряжение, что в любом случае будет все облегать. Даже если девушка будет вести занятие, все равно мужчины могут проходить мимо или на соседней вершине заниматься (интервью №12, 29 лет, типичная мусульманка).

Говоря о различиях между досугом светской девушки и мусульманки, информантки отвечали наполнение досуга:

Ну, у нас, естественно, ничего нет харамного ни еды, ни смешения полов. Все начинаем с имени Всевышнего. Думаю, что наполнение разное (интервью №9, 26 лет). Просто здесь дело в том, что содержание меняется, остальное все такое же (интервью №7, 22 года). В основном нет различий, единственное, в мусульманских досугах нет того, что противоречит шариату. Например: пение, танцы, распитие алкогольных напитков, смешение полов и так далее. (интервью № 4, 20 лет).

Так, мы рассмотрели характер основных форм досугового поведения женщин-мусульманок от 18 до 35 лет, проживающих в Татарстане. Информантки отмечали активности во всех видах досуга: развлекательный – участие в квизах, встречи с друзьями, кино, театр, настольные игры и т.д., спортивный – плавание, растяжка, фитнес, занятия восточными танцами, конный спорт, прогулки, сноубординг, лыжный спорт и т.д., туризм – проводимый от ДУМ РТ, самостоятельный, с семьей, с друзьями, образовательный – участие в лекториях, мастер классах, тренингах, получение дополнительного образования и т.п. Отличие же в характере досуга типичной и нетипичной мусульманки заключалось в строгом соблюдение религиозных норм, характере мероприятия (если даже подняты нерелигозные темы, многие вещи рассматриваются с точки зрения ислама).

Таким образом, обозначим основные выводы по проведенному эмпирическому исследованию, которое заключалось в использовании 3 методов: 1)экспертное интервью с учеными, изучающих образ жизни мусульманок и с организаторами мероприятий для мусульманской молодежи, 2) включенное наблюдение досуговых мероприятий для мусульманок, 3) неформализованное интервью с практикующими и непрактикующими мусульманками. В ходе данного исследования мы рассмотрели организацию досуговой деятельности для женщин-мусульманок, выделили особенности проведения мероприятий для женщин-мусульманок и выявили основные формы их досугового поведения.

Таким образом, мы оценили состояние досуговых мероприятий на основе 8 наблюдений. В целом можно отметить широкий спектр организовываемых мероприятий для мусульманок молодежного возраста - развлекательный, образовательный, спортивный, религиозный виды досуга. При сравнении мероприятий, организованных «сверху» и «снизу» автором были замечены следующие отличия: 1) общение между организаторами и участницами мероприятиями ограничены в рамках мероприятий, инициированных институционально, также ощущается отстраненное поведение организаторов, их превосходство в уровне религиозных знаний; 2) мероприятия, организованные ДУМ РТ посещаются преимущественно практикующими

мусульманками, в других мероприятиях, организованных «снизу» участвуют новообращенные и мусульманки, которые хотят начать соблюдать религиозные каноны, но недостаточно осведомлены о них; 3) также в мероприятиях от ДУМ РТ обстановка более формальная, чем в других случаях, где проводятся еще и чаепитие; 4) в повторяющих мероприятиях, инициированных «снизу» мусульманки свободно в дискуссионном формате предлагали темы на будущие встречи, чего не было в других случаях; 5) также между группами мероприятий отличиями были значение досуга для участвующих мусульманок: более нестандартные цели были отмечены в собраниях, организованных «снизу».

К особенностям проведения досуговых мероприятий в Татарстане автор отнес уважение религиозных убеждений и культурных традиций, раздельные мероприятия для мужчин и женщин, предоставление таких дополнительных услуг, как помещения для омовения и молитвы, специальный вариант питания, подходящий людям, соблюдающим каноны ислама, чаще спикерами, ведущими выступают «успешные» и медийные женщины-мусульманки. Также при участии в досуге непрактикующих мусульманок для них выносятся рекомендации по скромности в одежде, уважении религиозных особенностей. Преимущественно мероприятия проводятся только для женщин в целях уединения, комфорта и безопасности. Также досуг проводится с учетом времени молитв, во время которых делаются перерывы.

Основные формы досуга мусульманских женщин от 18 до 35 лет мало чем отличаются от досуга девушек из других социальных групп. Так, мусульманки также включены в развлекательную, творческую, образовательную, волонтерскую, спортивную досуговую деятельность, туризм. Однако все мероприятия проводятся в соответствии с шариатскими нормами.

Литература

1. *Алексеев Н.П.* Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма / ред. кол.: А.Ф. Окулов (отв. ред.) и др. – М.: Мысль, 1967. – С. 131–150.
2. *Гибадуллина М.Р., Кусанова Д.С.* Женский мусульманский активизм в общественном дискурсе Республики Татарстан // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27. – № 2. – С. 74–80.
3. *Рязанова Э.Ф.* Приоритеты мусульманской молодежи в проведении свободного времени в современной Германии // Человек и культура. – 2020. – № 5. – С. 45–53.
4. *Штейнберг И.Е.* Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). – 2014. – № 38. – С. 38–71.

УДК 316.35

ИНФРАСТРУКТУРА СЧАСТЛИВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И БУДУЩЕГО МОЛОДЕЖИ

Гарифуллин Марат Вилевич

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье представлена классификация инфраструктуры счастливого образа жизни по возрастным группам и обоснована необходимость создания Министерства инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего способствующего реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Ключевые слова: классификация инфраструктуры счастливого образа жизни по возрастным группам, министерство инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего.

Введение.

В Указе Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Для достижения национальных целей разрабатываются соответствующие национальные проекты:

– «Продолжительная и активная жизнь»;
– «Семья»;
– «Молодежь и дети»;
– «Кадры»;
– «Инфраструктура для жизни»;
– «Эффективная транспортная система»;
– «Экологическое благополучие»;
– «Эффективная и конкурентная экономика»;
– «Туризм и гостеприимство»;
– «Международная кооперация и экспорт»;
– «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

«… до 1 июля 2025 г. разработать с использованием единой цифровой картографической основы Российской Федерации и утвердить комплексный план развития транспортной, энергетической, телекоммуникационной, **социальной и иной инфраструктуры на период до 2036 года, необходимой для реализации национальных целей;»** (1)

Теоретический анализ показывает, что для эффективной реализации следующих национальных проектов «Продолжительная и активная жизнь», «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры» и «Инфраструктура для жизни» необходимы соответствующие координация и управление, требуются новые органы федерального и регионального государственного управления, которые комплексно прогнозируют будущее страны и региона, формируют соответствующие инфраструктуры для создания условий по реализации национальных проектов до 2036 года.

В частности, также отметим актуальную проблему молодежной политики: «…отсутствие эффективной системы межведомственной координации в сфере молодежной политики и воспитания, обеспечивающей единство и непрерывность воспитательной работы на всех этапах взросления и становления личности, **начиная с раннего школьного возраста»** [3].

Методы.

Методами исследования являются общие методы познания, анализа и синтеза, позволяющие классифицировать инфраструктуры счастливого образа жизни по периодам жизни человека.

Результаты.

В Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены следующие национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (далее – национальные цели):

а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;

б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;

в) комфортная и безопасная среда для жизни;

г) экологическое благополучие;

д) устойчивая и динамичная экономика;

е) технологическое лидерство;

ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы;

Цели направлены на достижение общей стратегической цели страны – создание условий для самореализации каждого человека, благополучия каждой семьи, счастливого образа жизни в Российской Федерации.

Для достижения объединяющей стратегической цели предлагается внести дополнения в систему государственного и муниципального управления и создать интегративную инфраструктуру счастливого образа жизни и будущего, состоящую из элементов и процессов, обеспечивающих оптимальный способ жизнедеятельности каждого человека в стране.

Предлагаемое новое Министерство инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего, возглавляемое министром – 1 заместителем Председателя Правительства России, обеспечит координацию комплексного прогнозирования будущего страны, реализацию и своевременную корректировку национальных проектов «Продолжительная и активная жизнь», «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры», «Инфраструктура для жизни», «Эффективная транспортная система», «Экологическое благополучие», «Эффективная и конкурентная экономика», «Туризм и гостеприимство», «Международная кооперация и экспорт», «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Инфраструктура счастливого образа жизни и будущего – это целостный комплекс элементов и процессов, который включает в себя хозяйственно обустроенную территорию, сферу услуг, в составе учреждений и предприятий социальных отраслей и сервисной деятельности, научно-исследовательских институтов, законодательную базу, а также систему управления функционированием и развитием инфраструктуры, на основе комплексного прогнозирования будущего страны, создающей условия для оптимальной жизнедеятельности людей, с учётом генетических программ стремления к счастью и продолжения человеческого рода, направленной на интересную, полноценную и долгую счастливую жизнь, обеспечивающие самореализацию каждого человека, благополучие каждой семьи, счастливый образ жизни и , как следствие, регулярное возникновение состояния счастья.

Система управления инфраструктурой счастливого образа жизни и будущего, включающая второй контур обратной связи [4], обеспечивает колебания параметров от соответствия до несоответствия потребностей, способностей человека и действующего законодательства. В этом случае создаются оптимальные, благоприятные условия для жизнедеятельности населения и гармоничного развития страны.

Задача первого контура обратной связи – устойчивость системы. Второй контур обратной связи обеспечивает развитие системы, используя свой и иной опыт, своевременно совершенствует законодательство страны для развития способностей населения в соответствии с возрастающими потребностями. Необходимо опережающее развитие законодательства на основе комплексного прогнозирования будущего страны.

Предлагаем следующую периодизацию жизни человека:

– дошкольный период жизни (до 7 лет),

– школьный период жизни (от 7 лет до 16–18 лет),

– студенческий период жизни (от 16–18 лет до 20–24 лет),

– профессиональный и семейный период жизни человека (от 20–24 лет до 63–65 лет),

– пенсионный и семейный период жизни человека (старше 63–65 лет).

В соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации (В редакции Федерального закона от 22.04.2024 г. № 95-ФЗ) «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно…» (2).

Для каждого возрастного периода жизни необходима определённая инфраструктура счастливого образа жизни, создающая оптимальные, наиболее благоприятные условия жизнедеятельности человека, обеспечивающая интересную, полноценную и долгую счастливую жизнь.

Рассмотрим следующие виды инфраструктуры счастливого образа жизни по возрастным периодам жизни человека:

– инфраструктура счастливого образа жизни дошкольного периода жизни;

– инфраструктура счастливого образа жизни школьного периода жизни;

– инфраструктура счастливого образа жизни студенческого периода жизни;

– инфраструктура счастливого образа жизни профессионального и семейного периода жизни;

– инфраструктура счастливого образа жизни пенсионного и семейного периода жизни.

Интегрированная инфраструктура счастливого образа жизни и будущего молодежи охватывает часть школьного периода жизни, студенческого периода жизни и часть профессионального и семейного периода жизни и является системообразующей основой государственной инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего страны.

Обсуждение.

Анализ Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» и видов инфраструктуры счастливого образа жизни по возрастным периодам жизни человека показывает, что для достижения национальных целей, реализации национальных проектов до 2036 года необходимо дополнить существующую систему государственного управления — Министерством инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего Российской Федерации и соответствующими региональными министерствами.

Государственная и муниципальная инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего включает следующие структурные элементы и процессы:

– федеральное министерство инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего, возглавляемого министром – 1 заместителем Председателя Правительства РФ, с функциями координации и управления соответствующими министерствами;

– региональные министерства инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего, возглавляемые министрами – 1 заместителями Председателя Правительства регионов РФ, с функциями координации и управления соответствующими министерствами;

– формирование и развитие инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего, обеспечивающей комплексное прогнозирование будущего страны, региона и создание условий для самореализации каждого человека, благополучия каждой семьи и счастливого образа жизни в качестве приоритетной стратегической цели страны;

– профессиональный стандарт «Специалист по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего»;

– образовательный стандарт по направлению «Специалист по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего», организация подготовки и переподготовки специалистов по направлению «Специалист по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего» и магистров по направлению «Магистр по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего»;

– введение в общеобразовательных школах, колледжах и университетах дисциплины «Основы счастливого образа жизни и прогнозирования будущего»;

– введение в муниципальных образованиях должности специалиста по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего, с подчинением главе администрации, в городских округах (ГО) – отделов инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего, с подчинением главе администрации ГО, главная задача которых – комплексное прогнозирование будущего и развитие инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего в населённых пунктах;

– поправки в уставы муниципальных образований – установление в качестве приоритетной стратегической цели формирование и развития муниципальной инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего;

– критерии оценки деятельности руководителей регионов и муниципалитетов страны по индексу инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего;

– рейтинг регионов и муниципальных образований по индексу инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего и по индексу счастливого образа жизни населения [5].

Корпоративная инфраструктура счастливого образа жизни и будущего включает следующие структурные элементы и процессы:

– наличие должностей заместителя руководителя по инфраструктуре счастливого образа жизни и будущего;

– внесение поправок в уставы предприятий, организаций и учреждений в части одной из основных целей: создание условий для самореализации каждого сотрудника, благополучия семьи каждого сотрудника и счастливого образа жизни;

– рейтинг предприятий, организаций и учреждений по индексу корпоративной инфраструктуры счастливого образа жизни и будущего.

Заключение.

Достижение новых национальных целей, реализация национальных проектов возможно при наличии соответствующих органов государственного и муниципального управления. Для ускорения создания оптимальных условий по решению поставленных задач необходимо сформировать интегрированную инфраструктуру счастливого образа жизни и будущего молодежи обеспечивающей, в конечном счете, условия для самореализации каждого человека, благополучия каждой семьи и счастливого образа жизни в каждом муниципальном образовании, в каждом регионе и стране при минимальных затратах времени, финансовых и материальных ресурсов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/46328
2. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 22.04.2024 № 95-ФЗ): [сайт]. – URL: https://www.kremlin.ru/
3. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р.
4. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
5. *Гарифуллин М.В.* Инфраструктура счастливого образа жизни как фактор повышения жизнеспособности страны // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 5. – С. 174–177.

УДК 316.35

БАЛКАРСКИЙ КРАФТ: МОЛОДЕЖНОЕ УЧАСТИЕ

Гераев Хаким Камилевич,
Гераев Ильяс Хакимович
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 12)

Аннотация. Данная проблематика приобретает особую актуальность для миноритарных этносов, широко представленных в России и, в частности, в таком полиэтническом регионе как Северный Кавказ, как с точки зрения обеспечения межпоколенной трансмиссии в трансляции ценностей традиционной культуры, так и социализации молодежи в условиях интенсивного развития сферы креативной индустрии. Целью данного исследования является изучение балкарской крафт-индустрии с точки зрения ее исторических истоков и современного состояния, степени вовлеченности молодого поколения в данный сегмент предпринимательской деятельности. Исследование содержит вывод, что современное поколение балкарских крафт-

предпринимателей, с одной стороны, мировоззренчески ориентировано на ценности своей этнической культуры, с другой – на удовлетворение спроса со стороны как местного населения, так и гостей республики на продукцию ручного труда, несущего в себе элементы аутентичности с импровизированной стилизацией, что оставляет широкое поле для творческого самовыражения, а, значит, мотивирует какую-то часть молодежи к участию в данном сегменте креативной индустрии.

Ключевые слова: Балкарский крафт, молодежное участие, историко-культурное наследие, межпоколенная трансмиссия, традиционные ремесла, домашние промыслы.

Постсоветские десятилетия стали временем довольно интенсивного подъема этнического самосознания и интереса к историко-культурному наследию народов, проживающих в многонациональной и поликультурной Российской Федерации. Данная проблематика приобретает особую актуальность для миноритарных этносов, широко представленных в России и, в частности, в таком полиэтническом регионе как Северный Кавказ, на территории которого еще в древности сложились, ставшие затем всемирно известными, культуры бронзового и раннежелезного века (майкопская, дольменная, кобанская, северокавказская и др.), давшие высокие образцы в различных сферах ремесленного производства – оружейном, гончарном, металлообработке, ювелирном деле, каменном зодчестве, обработке шерсти и др.

Целью данного исследования является изучение балкарской крафт-индустрии с точки зрения ее исторических истоков и современного состояния, степени вовлеченности молодого поколения в данный сегмент предпринимательской деятельности. Обозначенная тема не стала пока предметом цельного монографического исследования, но имеются труды, в которых наши отражение различные аспекты генезиса и современного состояния декоративно-прикладного искусства балкарского народа. Это, в частности, работы А.Я. Кузнецовой, В.М. Батчаева, А.М. Султановой, Ж.М. Аппаевой [1], альбом «Живая связь времен. Декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии» [2]. В качестве методов исследования использовались такие, как историко-генетический; контент-анализа материалов средств массовой информации и социальных сетей; интервью с представителями балкарского народа, занятого в сфере крафт-предпринимательства.

Традиции ремесел и домашних промыслов народов Северного Кавказа, в той или степени, транслировались через многие поколения, подвергаясь при этом серьезным испытаниям со стороны исторических катаклизмов разных эпох. Балкарцы, как один их автохтонных, миноритарных этносов Северного Кавказа, в своих ремеслах и промыслах восприняли как собственно кавказские традиции, идущие по меньшей мере от носителей кобанской культуры, так и степные, идущие от многочисленных тюркских племенных союзов, доминировавших в значительной части Предкавказья и собственно Северного Кавказа, начиная с первых веков нашей эры и заканчивая поздним средневековьем. Таким образом, вся этническая культура балкарцев (балкаро-карачаевцев), как материальная, как и духовная, представляет собой переплетение кавказских и тюркских традиций. Наглядным тому примером являются ремесла и домашние промыслы балкарцев, в которых технологии, сюжеты и, наконец, терминология отражают сосуществование кавказского и тюркских пластов.

В этнографической лексике балкарцев, применительно к трудовой деятельности и, в том числе к занятиям ремеслами и домашними промыслами, широко употребляются понятия, производные от слова *къол – рука.* Например, *къолдан келген* – буквально то, что можно сделать руками, иначе – то, что посильно человеку; *къол уста* – мастер на все руки. Также широко употребимыми в народе стали понятия, обозначающие мастера *(уста)* с определенной специализацией: *агъач уста* – мастер по дереву; *темир уста* – кузнец и мастер по металлообработке; *таш уста* – мастер по обработке камня; *чепкенчи* – мастер (как правило – мастерица) по изготовлению мужской и женской одежды и др. Высокого уровня мастерства балкарцы достигли в изготовлении разнообразных изделий из шерсти и кожи, которые охватывали практически все элементы одежды – от головных уборов до обуви, а также такой важный аксессуар интерьера традиционного балкарского жилища как ковер из валяной шерсти – *кийиз*, ставший

важнейшим маркером этнической культуры. О роли кузнечного дела в балкарской традиционной культуре говорит один из главных героев нартского эпоса – кузнец Дебет. Символично, что кузнецом был и родоначальник балкарской письменной литературы Кязим Мечиев (1859–1944).

В годы советской модернизации, с ее унификацией и массовизацией многих сторон материальной культуры, урбанизационными процессами, традиционные ремесла и домашние промыслы балкарцев утрачивали свои позиции. Депортация в Казахстан и Среднюю Азию (1944–1957) нанесла значительный урон материальному и нематериальному наследию балкарского народа. К тому же, в первое десятилетие после возвращения на свою родину, балкарцы вынуждены были огромные усилия затрачивать на новое обустройство своего жизненного пространства, восполнения ресурсов жизнеобеспечения, получение образования, что также негативно сказывалось на межпоколенной преемственности в сохранении и воспроизводстве навыков традиционных ремесел и домашних промыслов. Здесь исключением и, своего рода, феноменом в условиях советской действительности стал такой вид традиционных домашних промыслов балкарцев, как обработка шерсти и изготовление вязаных изделий из нее: знаменитых балкарских пуховых платков, женских и мужских шапок, свитеров, кофт, носков и других изделий. Устойчивость данного промысла во времени объяснялась, во-первых, тем, что главной отраслью хозяйственной деятельности балкарцев на протяжении многих веков было отгонное скотоводство. с упором на разведение мелкого рогатого скота, что, в значительной мере, сохраняется и в наше время среди сельской части балкарского народа; во-вторых, обработка шерсти и изготовление изделий из нее являлись важным материальным подспорьем в жизнеобеспечении балкарских семей. Причем в данный производственный процесс, начиная от разведения скота и заканчивая производством, преимущественно ручным, готовых изделий из шерсти, были вовлечены все поколения балкарцев – от подростков до стариков и, надо отметить, не только сельское, но и даже немалая часть городского населения. Данный ручной, трудоемкий процесс, в условиях советской действительности, с ее запретами и ограничениями относительно частной трудовой деятельности, балкарцам удавалось поставить на коммерческую основу как в своем регионе, который издавна был привлекателен для туристов, так и через выездную торговлю даже в самые отдаленные районы СССР. Таким образом удавалось одновременно налаживать широкую сеть личных знакомств и дружеских отношений с представителями различных национальностей, проживавших в Союзе ССР, и, в то же время, расширять рынки сбыта для изделий из шерсти. К тому же, спросу на такие изделия благоприятствовала не лучшая ситуация с производством товаров широкого потребления советской легкой промышленностью.

В постперестроичный период, с либерализацией экономики и внешней торговли, относительным насыщением внутреннего рынка дешевой продукцией из стран зарубежной Азии, ослаблением связей между республиками бывшего СССР, в том числе и на уровне человеческих контактов, сокращением туристического потока на Северный Кавказ, вызванного, кроме экономических причин, нестабильностью политической обстановки в регионе, произошло значительное уменьшение объемов домашнего производства шерстяных изделий на продажу. Однако, со стабилизацией обстановки на Северном Кавказе, увеличением туристического потока, особенно в последнее десятилетие, удалось, хотя и не в прежних объемах, сохранить небольшой сегмент производства шерстяных изделий на продажу в горных балкарских селах.

Говоря о непростой судьбе шерстяных промыслов, мы, в то же время, отмечаем, что постперестроечные десятилетия для балкарского народа стали и временем появления плеяды мастеров, занятых в других отраслях крафт-предпринимательства, но также восходящих к традиционным ремеслам и домашним промыслам, занятия которыми в прежние десятилетия не поощрялись властями, особенно если это было связано с извлечением какого-то дополнительного дохода. Так, например, по степени узнаваемости на передний план стали выходить мастера-оружейники, медники, ювелиры, фолк-дизайнеры мужских и женских костюмов.

В последнее десятилетие XX века из балкарской среды вышел ряд мастеров, тогда еще достаточно молодых людей, родившихся либо в годы депортации, либо в первое десятилетие

после возвращения на свою родину. Их творчество гармонировало с тем всплеском интереса к своим историческим корням, национальной культуре и традициям, который имел место среди балкарцев в это время, особенно в контексте проблемы реабилитации народа, затрагивавшей все сферы жизни – экономику, политику, социальную и культурную сферы. Здесь, в частности, можно назвать имена таких известных мастеров из числа балкарцев, как кузнец, оружейник и ювелир, народный мастер России Хамзат Бачиев (1956 г. р.); оружейник, ювелир, резчик по дереву и кости Рашид Курданов (1964 г. р.); художник, музыкант, поэт, народный мастер России, работающий с различными породами дерева; Лариса Нурмагомедова (1954 г. р.) – художница, виртуозно работающая в технике батика – росписи тканей; Тахир Черкесов (1960 г. р.) – скульптор и самобытный прикладник [2, с. 35–163].

В 2000-е годы заявляет о себе новая молодая плеяда мастеров декоративно-прикладного искусства из числа балкарцев, которая, с одной стороны, восприняла традиции старших поколений, а с другой – ищет новые средства и приемы самовыражения, расширяет пространство стилизации, синтезирует различные техники, жанры, традиции, выходит в социальные сети. В указанный период сформировался целый ряд негосударственных фондов и общественных объединений балкарского народа, которые заняты сохранением историко-культурного наследия, его популяризацией, а также продвижением продукции мастеров, занятых в крафт-индустрии и в сфере декоративно-прикладного искусства. Среди такого рода некоммерческих организаций и общественных объединений можно назвать: Фонд поддержки развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид»; Фонд помощи сохранению памятников истории и культуры «Сто шагов к Кайсыну»; Фонд культуры имени Кязима Мечиева; Союз родов Балкарии «Бирлик» («Единство»). Они стали инициаторами ряда этнокультурных проектов, на площадках которых регулярно демонстрируются изделия мастеров разных поколений, жанров и стилей. Одним из таких проектов фонда «Сто шагов к Кайсыну» является фестиваль «Алтын къол» (в переводе – «золотые руки» или «умелые руки»), который проводится с 2015 г. в Черекском ущелье, на берегу глубочайшего в мире карстового озера Чирик-Кел, в туристической среде известное еще как Голубое озеро.

Есть также удачные примеры краудфандинга как финансового, так и людских ресурсов, при возведении объектов, связанных с историко-культурным наследием балкарского народа. Яркий тому пример – мемориальный комплекс «Сто шагов к Кайсыну», посвященный великому балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву, заложенный в высокогорном селении Эль-Тюбю в 2012 г. Как пример социального предпринимательства, связанного с декоративно-прикладным искусством балкарского народа, стоит отметить уникальную коллекцию балкарских шерстяных ковров-кийизов предпринимателя и мецената Рашида Локъяева, которая регулярно выставляется на мероприятиях, приуроченных к знаменательным датам в истории балкарского народа.

С целью обеспечения межпоколенной преемственности в ряде населенных пунктов с компактным проживанием балкарцев в 2000-е годы, по инициативе мастеров- энтузиастов и при поддержке местного самоуправления, были созданы площадки по обучению молодых людей основам технологии традиционных ремесел. Так, например, в высокогорном сел. Верхний Баксан Эльбрусского района в 2004 г. был создан Центр национальных ремесел и промыслов, который возглавляет Езетхан Джаппуева. «Дважды в неделю к нам на занятия приходят девочки из сельской школы, среди них есть такие, которые очень быстро схватывают. А ведь подобные центры надо открыть везде, во всех наших районах, как раньше – в каждом селе были свои мастерицы по изготовлению войлока. Изготовление войлока – уникальное ремесло балкарцев, то, что мы делаем веками, и наша цель – сохранить и передать именно древний способ, мы готовы поделиться своим опытом", – рассказывает Джаппуева [3]. Как мы видим, в словах наставника звучит проблема межпоколенной преемственности и молодежного участия в сохранении традиционных промыслов. Аналогичная работа с молодежным участием ведется также на базе средних общеобразовательных школ в сельских поселениях Верхняя Балкария (Черекский район), Аксу (балк. – Акъ-Суу (городской округ Нальчик)) [4].

Согласно материалам интервью, современные молодые балкарские крафт-предприниматели достаточно активно коммуницируют друг с другом и со своей потенциальной целевой аудиторией посредством социальных сетей, создавая как собственные аккаунты, так и объединяясь в профессиональные группы в мессенджерах.

Часть из них работает на дому, часть открыли небольшие цеховые производства. Все те из них, кто перешагнул возрастной рубеж в 40 лет, начинали заниматься своим ремеслом в более молодом возрасте. При этом никто из опрошенных нами крафт-предпринимателей не прибегал к каким-либо формам ресурсной поддержки со стороны государства, большей частью опираясь на свои материальные, интеллектуальные ресурсы и коммуникативные навыки. Современное поколение балкарских крафт-предпринимателей, с одной стороны, мировоззренчески ориентировано на ценности своей этнической культуры, с другой – на удовлетворение спроса со стороны как местного населения, так и гостей республики на продукцию ручного труда, несущего в себе элементы аутентичности с импровизированной стилизацией, что оставляет широкое поле для творческого самовыражения, а, значит, мотивирует какую-то часть молодежи к участию в данном сегменте креативной индустрии.

Литература

1. *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.
2. *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.
3. *Султанова А.М.* Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2016. – 120 с.
4. *Аппаева Ж.М.* Запечатленное время. – Нальчик: Принт-Центр, 2021. – 375 с.
5. Живая связь времен. Декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 193 с.
6. Красота балкарского войлока в коврах и бурках. Как в республике хранят народные традиции: [сайт]. – URL: https://tass.ru/v-strane/17680627 (дата обращения: 23.11.2024).
7. Древнее ремесло в Кабардино-Балкарии обретает новую жизнь // ГТРК «Ставрополье»: [сайт]. – URL: https://stavropolye.tv/news/192131 (дата обращения: 23.11.2024).

УДК 316.35

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГРУППЫ РИСКА, ФАКТОРЫ, ПРОФИЛАКТИКА

Дадаева Татьяна Михайловна

Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

Аннотация. В статье на основе данных мониторинга социальных медиа и количественного социологического исследования (онлайн-опроса) выявлены динамика упоминаемости ряда деструктивных практик, уровень распространения, причины и факторы вовлеченности в них студенческой молодежи, а также предлагаются механизмы профилактики деструктивного поведения.

Ключевые слова: деструктивные практики, цифровые угрозы, социальные медиа, социологическое исследование, мониторинг, онлайн-опрос, студенческая молодежь.

В современных условиях цифровой социализации молодежь сталкивается в социальных медиа с огромным количеством деструктивного контента, что пагубно влияет как на формирование мировоззренческих ценностных ориентаций, так и на поведение в молодежной среде.

Как справедливо отмечалось в Указе Президента Российской Федерации «Распространение деструктивной идеологии влечет за собой следующие риски: а) создание условий для саморазрушения общества, ослабление семейных, дружеских и иных социальных связей;…в) причинение вреда нравственному здоровью людей, навязывание представлений, предполагающих отрицание человеческого достоинства и ценности человеческой жизни; г) внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков» [1]. Мониторинг деструктивных практик в цифровом пространстве, выявление уровня их распространенности и факторов возникновения в молодежной среде выступает чрезвычайно актуальным. В условиях ведения специальной военной операции масштабы деструктивного контента в цифровом пространстве увеличились, выявление и мониторинг данного контента, определение факторов возникновения деструктивных практик в молодежной среде начинает выступать государственной задачей по защите национальной безопасности.

Степень разработанности. В социологическом аспекте исследование деструктивного поведения в цифровом пространстве отражено в работах А.В. Иванова [4], А.Х. Мингалиева, В.Е. Козлова [5], большое внимание уделяется выявлению воздействия социальных сетей на деструктивное поведение молодежи (Н.А. Польская, Д.К. Якубовская [6], О.В. Рогач, Е.В. Фролова [7], Н.В. Сиврикова, Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова [8]; Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.С. Огнев [и др.] [9]).

Основываясь на социокультурном подходе происхождения деструктивности, мы вслед за Э. Дюргеймом, Э. Фроммом и Р. Мертоном рассматриваем возникновение деструктивности в обществе как результат социальных процессов, оказывающих влияние на поведение человека. Под деструктивным практиками мы понимаем «насильственные действия или угрозу насильственных действий, обусловленные определенной идеологией (системой ценностей), приносящие вред здоровью, жизни и/или имуществу людей. Подобные практики могут совершаться по отношению к себе (своему телу, здоровью), единолично (в случае синих китов, солнцеедов и т.д.) либо в сообществе других (экстремистские организации и т. д.) и/или по отношению к другим» [2, с. 137]

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступают данные социологического онлайн-опроса «Отношение студентов к деструктивным практикам», проведенного в 2022 году среди студенческой молодежи (n = 1123) в Республике Мордовия, а также сводные отчеты данных мониторинга социальных медиа и СМИ с помощью системы Brand Analytics, который ведется с декабря 2021 года.

Мониторинг социальных медиа предполагает разработку поисковых запросов с использованием специальных операторов. Для мониторинга (выявления упоминаемости деструктивных практик) были подготовлены поисковые запросы на следующие темы: зацепинг, скулшутинг, околофутбольные фанаты, религиозный экстремизм.

Цель мониторинга – выявить упоминаемость деструктивных практик в социальных медиа и СМИ, отношение пользователей соцмедиа к данной проблеме, поскольку с одной стороны, социальные сети часто выступают основным механизмом вовлечения молодежи в деструктивные практики и сообщества, а с другой стороны, анализ социальных медиа выступает важным срезом общественного мнения о проблеме.

Сводный отчет осуществляется по следующим метрикам: количество сообщений, количество авторов, уровень вовлеченности (сумма комментариев, лайков и репостов), тональность (типы тональности: позитивный, нейтральный, негативный), индекс лояльности (отношение позитивных сообщений к негативным). Система Brand Analytics позволяет осуществить отбор данных на основе следующих фильтров: тип источников (социальные сети, форумы, микроблоги, медиафайлы и т.д.), тип автора (личный профиль, сообщества, сми аккаунт), социально-демографические характеристики автора (пол, возраст, при условии, что автор их указал), географическое местоположение (страна, регион, город), смысловые категории (агрессия, WOM). Использование тегов внутри темы (поискового запроса) позволяет

сформулировать единицы анализа, которые могут выступать гипотезами и дают возможность проверить их в рамках мониторинга.

Рассмотрим результаты мониторинга деструктивных практик на примере скулшутинга. Мы изучили посты, в которых упоминались скулшутинг и колумбайн (признано террористическим движением и запрещено в РФ) с 17 декабря 2021 года по 17 ноября 2024 года. За данный период вышло 297 805 сообщений, авторов – 185 991, уровень вовлеченности – 21 587 998, все три показателя в динамике характеризуются приростом по сравнению с предыдущим периодом (цифры под основными показателями) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных показателей мониторинга социальных медиа
по теме скулшутинга за период с 17.12.2021 -17.11.2024 г.

Временные периоды и сюжеты	Кол-во сообщений	Кол-во авторов	Вовлеченность
17 декабря 2021 г. по 17 ноября 2024	297 805 28 617.9%	185991 19 813.4%	21 587 998 34 451.3%
13.04.2023 г. Ильназ Галявиев получил пожизненный тюремный срок	4 893 1 247.9%	3 951 1 291.2%	545 265 8 718.8%
28.12.2022 г. Тимура Бекмансурова приговорили к пожизненному заключению	4149 1 847.9%	3280 1 795.9%	313 650 822.7%
9.08.2023 г. Ильназа Галявиева отправят в «Чёрный дельфин».	1 643 576.1%	1 507 578.8%	238 670 1 728.0%
11.05.2022 г. Первая годовщина трагедии в Казанской гимназии	682 323.6%	608 382.5%	222 356 3 258.9%
7.12.2023 г. Очередной скулшутинг в г. Брянске.	3 119 1 128.0%	2 690 1 020.8%	186 242 1 255.8%

В таблице представлены периоды, когда наблюдалась наибольшая активность: в эти дни было опубликовано наибольшее количество релевантных постов, вызвавших высокий уровень вовлеченности пользователей. Проблема скулшутинга вызывает большой интерес в социальных медиа. С 2014 года в России совершено 15 скулшутингов в результате которых погибло 60 человек, 236 получили ранения. По результатам мониторинга было выявлено, что одна часть пользователей активно комментирует последние события с Казанским и Пермским стрелками, другая часть пользователей присутствует в тематических группах, сообществах, посвященных колумбайну, симпатизируя участникам преступлений (в период мониторинга до 2 февраля 2022 г., когда движение колумбайн было признано террористическим и запрещен в Российской Федерации). В данных сообществах модераторами вербально осуществляется психологическое снятие морального запрета на применение агрессии, совершение убийства. Часто поддерживается и культивируется стремление к насилию, суициду как к средству для достижения своих целей.

Рост сообщений наблюдался в феврале, после того как сообщество колумбайн было признано террористическим. К тому же в феврале в разных регионах России задержаны 14 человек причастных к рассылке сообщений об угрозах взрыва в учебных заведениях. Рост был также в апреле 2023 года и в марте 2022, когда были вынесены приговоры казанскому и пермскому стрелкам. Резонансные (с высоким индексом вовлеченности) сообщения появлялись именно в эти периоды. Кроме того, событийность определяет рост сообщений, так в декабре 2023 года произошел новый случай скулшутинга в г. Брянске, совершенный восьмиклассницей Алиной. Однако мы видим, что уровень вовлеченности пользователей гораздо ниже, чем на посты, касающиеся приговоров Ильназа Галявиева и Тимура Бекмансурова. В какой-то степени в сознании пользователей очередной скулшутинг уже не вызывает большого резонанса, как это было раньше.

Данные по полу авторов сообщений представлены для 42,80 % пользователей (авторов тем) и разделились поровну (50 % мужчин и 50 % женщин). По возрасту (данные для 13,47 %

авторов темы) наибольшее количество сообщений представлено в возрастной группе от 18 до 24 лет (19,4 %) и 55 лет и старше (19,5 %), далее в возрасте от 25–34 лет (18,7 %), 35–44 лет (18,3 %), 45–54 лет (13,7 %) и до 18 лет (10,5 %).

На наш взгляд, инструменты системы Brand Analytics (основанные на машинном обучении, парсинге слов) содержат большие возможности по сбору и анализу больших данных в социологических исследовательских целях.

По данным социологического опроса большинство студентов в социальных сетях сталкивались со следующими негативными явлениями (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов о ситуациях, с которыми сталкивались студенты в социальных сетях, % (множественный выбор).

Вариант ответа	%
Распространение слухов, размещение ложной информации	71
Обман, мошенничество	62
Распространение вредоносных ссылок, содержащих вирус	55
Оскорбления в твой адрес или в адрес твоих знакомых	37
Распространение информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой национальности	28
Распространение информации, призывающей к акциям политического протеста	24
Размещение компромата (фото, видео) на друзей и знакомых	21
Распространение информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой религии	20
Распространение информации, содержащей пропаганду порнографии	16
Распространение информации, содержащей пропаганду суицида	10
Распространение идей нацизма (фашизма)	10
Распространение информации, содержащей пропаганду наркотиков	8
Распространение идей ваххабизма (исламизма)	5
Распространение информации, призывающей к скулшутингу	4
Я не зарегистрирован(а) ни в одной социальной сети.	1
Ни с одной из перечисленных ситуаций не сталкивался/ не сталкивалась	12

В топ-3 входят распространение слухов, ложной информации (71 %), обман, мошенничество (62 %), вредоносные ссылки, содержащие вирус (55 %), оскорбления в свой адрес или в адрес знакомых (37 %), распространение информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой национальности (28 %) [3, с. 113–114].

По мнению студентов, согласно он-лайн опросу 2022 года, популярность социальных сетей среди студенческой молодежи можно объяснить следующими причинами: «это легкий способ всегда оставаться на связи и общаться» (86 %), «в социальных сетях можно быстро найти интересующую информацию (в том числе по учебе)» (55 %), «в социальных сетях легко оставаться в курсе событий в жизни друзей» (54 %), «это способ избежать одиночества» (31 %), «в социальных сетях проще найти людей по интересам, единомышленников» (3 %), «в социальных сетях легче, чем в реальной жизни, найти компанию для осуществления какого-нибудь проекта (дела, мероприятия и т.п.)» (3 %) [3, с. 112–113].

В результате проведенного социологического исследования были сделаны выводы о взаимосвязи уровня коммуникации в группах (в семье) и индекса насилия с уровнем вовлеченности в деструктивные практики. Так в группе с индексом одобрения насилия выше среднего приоритет отдается таким ценностным ориентациям, как возможность управлять другими людьми, авторитет, уважение окружающих; они же чаще отмечали, что у них есть друзья, которые участвовали в деструктивных практиках. Именно данная категория опрошенных

попадает в группы риска, однако это требует дальнейшего исследования. В топ-3 причин участия молодежи в деструктивных сообществах респонденты отмечают наличие психических расстройств (48 %), проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье (43 %), внутреннее одиночество и желание с кем-то объединиться (40 %). Интерес к тем или иным деструктивным сообществам может складываться как под воздействием виртуального механизма, т. е. самих социальных сетей, распространяющих деструктивный контент, так и под влиянием конкретных социальных, макро- и микрофакторов, жизненных причин, способных ускорить процесс включения [3, с. 121–122].

Можно выделить три группы факторов, определяющих возникновение и распространение деструктивных практик в обществе: *1. Макрофакторы: культурный, социальный, экономический* уровень развития общества; *2. Мезофакторы (институциональный уровень)*: влияние институтов-агентов социализации: семья, школа, система образования, СМК (социальные сети, кинематограф); *3. Микрофакторы:* взаимодействие в семье (конфликты в семье), в школе (травля/ конфликты с учителями), заболевания (психические/психологические), наличие/отсутствие друзей.

На макроуровне это проявляется в снижении порога нетерпимости общества к распространению насилия в массовой культуре (в средствах массовой информации, социальных сетях, кинематографе, литературе, видеоиграх и т. д.), и это еще более усугубляется в условиях ведения СВО (когда обесценивается человеческая жизнь и есть в обществе запрос на агрессию).

На мезоуровне проявляется в проблемах взаимодействия с родителями (насилие в семье, асоциальные семьи, обесценивание проблем детей); конфликты в школе (с учителями, одноклассниками), буллинг (травля, издевательства, избиения); влияние социальных сетей (снижение подвижности, увеличение доли цифрового времени, ухудшение социальных навыков, травмирующие переживания приводят к депрессивному состоянию и психическим расстройствам; вхождение в деструктивные сообщества, поиск единомышленников и т.д.). На микроуровне: одиночество (отсутствие друзей), изоляция, острокизм; субъективная социальная маргинальность (неустойчивая самооценка, неуверенность в себе, повышенная агрессивность и т. д.).

В результате подросток не имеет поддержки ни в семье, ни среди друзей (сверстников), и не имеет личностного внутреннего ресурса. Группами риска как раз выступают те, кто состоят и/или осуществляет переписку в социальных сетях в сообществах деструктивного и агрессивного характера (шок-контент о массовых убийствах, самоубийствах, насилии, издевательствах, террористических актах), по сути, находясь в поисках единомышленников, поддержки, а также тех, кто публикует посты на тему «меня никто не понимает». Другими словами, социальная обособленность и низкий уровень коммуникации в определенных обстоятельствах могут привести к проявлению скрытой агрессии, направленной как против себя, так и против других.

В качестве профилактических мер можно предложить следующее: информационно-просветительская и воспитательная деятельность; работа психологов по разработке методик по измерению уровня агрессии и насилия среди школьников, студентов; мониторинг психологического климата в классе/группе, измерение внутригрупповой интеграции/ конфликтности, выявления психологического состояния школьников; мониторинг сети Интернет на предмет выявления деструктивных групп; усиление взаимодействия с молодежными и общественными организациями правоохранительной направленности; блокировка деструктивных групп и сообществ в социальных сетях.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: https://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 09.11.2022).

2. *Дадаева Т.М., Шумкова Н.В.* Факторы вовлеченности студентов в деструктивные практики в реальном и цифровом пространстве // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 137–142. – DOI: 10.31857/S013216250023446-3.
3. *Дадаева Т.М.* Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 108–125. – DOI: 10.14258/ssi(2022)4-06.
4. *Иванов А.В.* Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «колумбайн») // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4(141). – С. 274–279. – DOI: 10.34772/KOJ.2020.141.4.039.
5. *Козлов В.Е., Мингалиев А.Х.* Проблема научной репрезентации современных молодежных субкультур: от методологии к нарративу // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 1. – С. 255–263. – DOI: 10.34772/KOJ.2020.138.1.038.
6. *Польская Н.А., Якубовская Д.К.* Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 156–174. – DOI: 10.17759/cpp.20192703010.
7. *Рогач О.В., Фролова Е.В.* Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 2. – С. 305–314. – DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-305-314.
8. *Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Рослякова С.В. [и др.]* Социальные сети как фактор риска столкновения молодежи с радикальными идеями // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 7. – С. 18–22. – EDN: HXHRIJ.
9. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Огнев А.С. [и др.]* Нецифровые и цифровые маркеры риска вооруженного нападения на учебные заведения // Человеческий капитал. – 2021. – № 11(155). – С. 88–99. – DOI: 10.25629/HC.2021.11.09.

УДК 316.35

ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ

Ефлова Мария Юрьевна,
Закиров Аяз Маратович
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ ответов 526 респондентов из Приволжского федерального округа на вопросы о распространенности и личном опыте столкновения с проблемами в онлайн-среде. Исследование выявляет закономерности и различия в восприятии таких проблем, как обман, агрессия, преследование, влияние деструктивных групп и экономическое мошенничество. Результаты подчеркивают необходимость разработки мер по снижению негативного воздействия цифровой активности интернета на молодежь.

Ключевые слова: онлайн-проблемы, онлайн-среда, молодежь, социологический опрос, цифровая социализация.

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современной молодежи, предоставляя широкий спектр возможностей для общения, обучения и развлечений [1]. Однако, несмотря на все преимущества, онлайн-среда также таит в себе множество проблем, с которыми сталкиваются пользователи [2]. Молодежь часто сталкивается с такими проблемами, как обман и получение недостоверной информации, грубость и агрессия со стороны оппонентов, преследование в реальной жизни, опасность попасть под влияние деструктивных групп и экономическое мошенничество [3]. Эти проблемы могут существенно влиять на психологическое и социальное благополучие молодых людей, что делает их изучение особенно актуальным [4]. Кроме того,

молодежь часто недооценивает риски, связанные с онлайн-активностью, что может приводить к негативным последствиям [5].

Для проведения исследования был использован метод анкетирования, в рамках которого респондентам предлагалось ответить на два открытых вопроса с множественным выбором ответов. Первый вопрос касался общей оценки распространенности различных проблем в Интернете, а второй – личного опыта столкновения с этими проблемами. В каждом вопросе предлагалось восемь вариантов ответов, включая возможность указать свой вариант. Анкетирование проводилось в рамках всероссийского опроса, в котором приняли участие 2026 респондентов, из которых 526 из Приволжского федерального округа.

Рассмотрим оценки респондентов распространенности таких проблем в онлайн-среде, как «Обман или получение недостоверной информации о новостях и событиях», «Грубость или агрессия в интернете, со стороны тех, кто придерживается другого мнения о проблеме» и «Экономическое мошенничество» (рис. 1).

Рис. 1. Оценки респондентами распространенности в интернете проблем «Обман или получение недостоверной информации о новостях и событиях», «Грубость или агрессия в интернете, со стороны тех, кто придерживается другого мнения о проблеме» и «Экономическое мошенничество»

Из графика мы видим, что и обман, и агрессию примерно 75% респондентов считала распространенными проблемами в интернете (обман – 76 %, грубость и агрессия – 73 %). При этом лично с этими же проблемами сталкивались только около 52 % молодых людей (обман – 54 %, агрессия – 51 %). Если говорить об экономическом мошенничестве, то распространенной проблему считают 56 % молодых людей, а лично сталкивались с ней – 31 %. Таким образом, мы видим разницу между высокой оценкой распространенности обмана или получения недостоверной информации в интернете, а также грубости или агрессии в интернете, экономического мошенничества и личными контактами с данными проблемами примерно в 13–15 % респондентов. Этот разрыв между восприятием и личным опытом может быть объяснен несколькими факторами. Во-первых, респонденты могут быть более осведомлены о проблемах, связанных с обманом, агрессией и экономическим мошенничеством, через новости и социальные сети, что формирует у них общее восприятие этих проблем как широко распространенных. Во-вторых, личный опыт может не всегда совпадать с общим восприятием, так

как люди могут сталкиваться с этими проблемами реже, чем они думают. В-третьих, возможно, что респонденты склонны переоценивать распространенность негативных явлений, основываясь на эмоциональной реакции и восприятии рисков. Таким образом, данные показывают, что хотя обман, агрессия и экономическое мошенничество в интернете воспринимаются как значительные проблемы, личный опыт респондентов с этими проблемами не всегда соответствует их восприятию.

Рассмотрим оценки респондентов распространенности таких проблем в онлайн-среде, как «Преследование в реальной жизни со стороны онлайн оппонентов» и «Опасность попасть под влияние деструктивных групп или сообществ» (рис. 2).

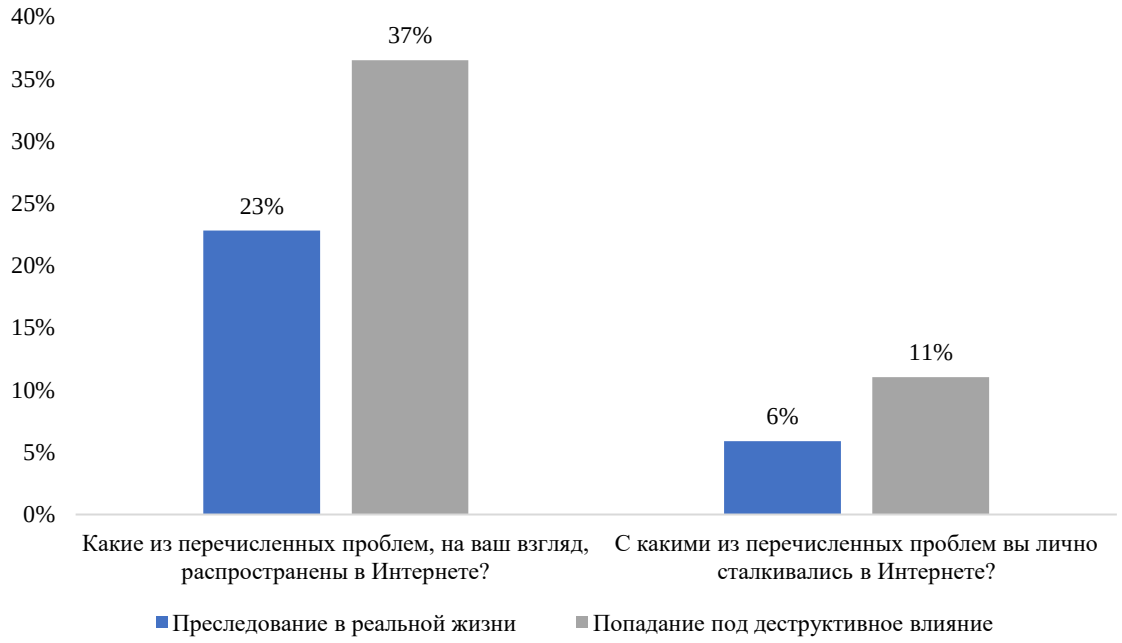


Рис. 2. Оценки респондентами распространенности в интернете проблем «Преследование в реальной жизни со стороны онлайн оппонентов» и «Опасность попасть под влияние деструктивных групп или сообществ»

Из графика мы видим, что между проблемой преследования со стороны онлайн-оппонентов в реальной жизни и проблемой попадания под влияние деструктивных сообществ существует ощутимая разница в 14 % (преследование – 23 %, попадание под деструктивное влияние – 37 %). При этом лично с этими же проблемами сталкивались не более 11 % (преследование – 6 %, попадание под деструктивное влияние– 11 %). Таким образом, мы видим существенную разницу между не очень высокой оценкой распространенности «преследования в реальной жизни со стороны онлайн оппонентов» и «опасности попасть под влияние деструктивных групп или сообществ» и личным контактом с данными проблемами в 17–26 % респондентов. Этот разрыв между восприятием и личным опытом может быть объяснен несколькими факторами. Во-первых, респонденты могут быть более осведомлены о проблемах, связанных с преследованием и деструктивным влиянием, через новости и социальные сети, что формирует у них общее восприятие этих проблем как широко распространенных. Во-вторых, личный опыт может не всегда совпадать с общим восприятием, так как люди могут сталкиваться с этими проблемами реже, чем они думают. В-третьих, возможно, что респонденты склонны переоценивать распространенность негативных явлений, основываясь на эмоциональной реакции и восприятии рисков.

Таким образом, исследование показало, что молодежь часто сталкивается с различными проблемами в интернете, такими как обман, агрессия, преследование и деструктивное влияние, которые могут существенно влиять на их психологическое и социальное благополучие.

Несмотря на высокую оценку распространенности этих проблем, личный опыт респондентов с ними не всегда соответствует их восприятию, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и разработки стратегий для повышения осведомленности и защиты пользователей в онлайн-среде.

Благодарность. Исследование выполнено за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Литература

1. *Ваганова М.Ю., Матвеева И.Ю.* Информационно-психологическая безопасность молодежи в интернете: проблема установок // Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – № 1(86). – С. 73–80. – DOI: 10.21510/1817-3292-2020-86-1-73-80. – EDN: JJVVTE.
2. *Абраменко Е.В.* Кибермоббинг как глобальная Интернет-проблема в молодежной среде // Primo Aspectu. – 2024. – № 2(58). – С. 31–39. – DOI: 10.35211/2500-2635-2024-2-58-31-39. – EDN: SLKLFP.
3. *Землянская А.В., Курских Е.П., Землянская Н.Е.* Отношение молодежи к конфликтам в интернет-пространстве // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Липецк, 20–21 окт. 2023 г.). – Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 5–11. – EDN: HOCSPR.
4. *Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Нурахмедова А.А.* Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 2(239). – С. 89–94. – EDN: ESUSJN.
5. *Киреева О.С.* Проблемы информационной безопасности в восприятии студенческой молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2020. – № 13. – С. 49–52. – EDN: TKHSHM.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ишмухаметов Ильгам Шакирзянович
Гимгазия-интернат № 13, Нижнекамск, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса формирования социальной памяти и коммеморативной культуры в процессе школьного образования. Школьное пространство, будучи неотъемлемой частью формирования социальной памяти, играет важную роль в процессе становления молодого поколения. Образование в школе оказывает влияние не только на умственное развитие, но и на формирование ценностей, которые впоследствии становятся частью общественной идентичности. Практики коммеморации играют важную роль в сохранении, передаче и обогащении социальной памяти.

Ключевые слова: социальная память; коммеморация; коммеморативные практики; коммеморативная культура; коммеморативный нарратив; школьное пространство; школьное образование; школьная среда.

Социальная память, воплощённая в коллективном восприятии событий и культурных аспектов, играет ключевую роль в формировании общественного сознания и идентичности. Школьное пространство становится значимым контекстом для формирования социальной

памяти у будущих поколений. В данной статье мы рассмотрим суть практик коммеморации, их роль в формировании и сохранении социальной памяти в контексте школьного пространства.

Социальная память – это понятие, которое относится к способности общества сохранять, передавать и интерпретировать знания, опыт, ценности и традиции [1, с. 14]. Она играет важную роль в формировании и поддержании социальной идентичности, культурного наследия и коллективной истории.

Школа играет ключевую роль в формировании социальной памяти новых поколений. Образовательные программы, методики преподавания и учебные материалы становятся инструментами передачи исторических знаний и формирования понимания культурных ценностей. Кроме того, школа способствует развитию критического мышления и аналитических навыков, необходимых для осмысленного восприятия социокультурной информации.

Школа, как социальный институт, сталкивающийся не только с образовательными задачами, но и с важной ролью социализации молодежи, формирования мировоззрения, гражданственности, и воспитания чувства патриотизма, принимает активное участие в процессе создания коммеморативной культуры. Именно в рамках школьной среды ребёнок начинает осознавать важность определённых исторических событий и вовлекаться в практики памяти.

Школа, таким образом, играет ключевую роль в формировании коммеморативных представлений у подрастающего поколения. Это место, где молодые люди приобретают понимание общественного наследия, осваивают обряды и традиции памяти, что влияет на их взгляды на прошлое и формирует их участие в общекультурных практиках коммеморации. Коммеморация – «это механизм, с помощью которого избранные события прошлого закрепляются в памяти членов общества» [2, с. 54]. Коммеморативная культура – «весь набор практик поминовения и увековечивания, который присущ данному обществу на протяжении определённого достаточно продолжительного периода времени» [2, с. 56].

Практики коммеморации представляют собой процессы воссоздания взаимодействия между прошлым и настоящим. Основная цель этих практик заключается в сохранении социальной памяти, включающей все аспекты, которые связывают человека с историческим прошлым. Эта социальная память охватывает не только фактические события, но и включает в себя символы, традиции, исторические нарративы и чувства, которые формируют связь между индивидуумами и их наследием. Практики коммеморации проливают свет на значения и интерпретации прошлого, акцентируя на общих ценностях и идентичности общества.

В ходе этих практик прошлое не только пересматривается, но и активно взаимодействует с современным контекстом. Коммеморативные практики могут включать в себя церемонии, памятные события, создание памятников и мемориальных мест, а также использование символов и знаков для передачи значимых исторических и культурных сообщений.

В результате, практики коммеморации оказывают влияние на формирование общественного сознания, укрепляя связь между прошлым и настоящим. Они становятся неотъемлемой частью культурного наследия, способствуя сохранению и передаче исторических навыков, ценностей и идентичности от поколения к поколению.

Практики коммеморации занимают важное место в жизни общества, обогащая его социальную память и способствуя увековечиванию значимых событий и личностей. Такие практики представляют собой систему обрядов, традиций, событий и символов, направленных на почитание и воспоминание о прошлых событиях, персоналиях или жертвах. Они становятся невидимым мостом между прошлым и настоящим, поддерживая связь с историческим наследием [3]. Различные общества и культуры используют ритуалы и обряды для выражения уважения и воспоминания. Это могут быть церемонии возложения цветов, минуты молчания, освещение свечей, создание памятных мест или мемориальных стел.

Годовщины значимых событий часто становятся поводом для коммеморации. Общества устраивают мероприятия, посвящённые годовщинам военных конфликтов, великих

достижений или трагических катастроф. Эти события объединяют людей в едином стремлении сохранить память о важных моментах в истории. Создание мемориальных мест и памятников является еще одним выразительным способом коммеморации. Эти объекты становятся местами, где люди могут собираться, чтобы почтить память и отразиться над прошлым. С развитием технологий появились новые формы коммеморации, такие как виртуальные мемориальные стены, электронные книги памяти и онлайн-платформы для выражения соболезнований и деления воспоминаниями.

Практики коммеморации играют ключевую роль в формировании общественного диалога. Они способствуют сознательному осмыслению прошлого, помогая обществу извлечь уроки и понять свою историю. Кроме того, они создают платформу для обсуждения значимых вопросов, связанных с историей, традициями и ценностями [4].

Наиболее продуктивными методами исследования коммемораций, по мнению учёных, являются следующие: *наблюдение* (включенное и невключенное), позволяющее увидеть внешнюю сторону акта вспоминания в контексте социального взаимодействия (применение данного метода необходимо при изучении коммеморативных практик как ритуальных действий, которые отделяют сферу сакрального от повседневной жизни); *контент-анализ* и *анкетный опрос* (выявление наиболее коммеморативно плотных тем в историческом нарративе, чтобы узнать, какие события прошлого актуализируются в определённой социальной группе, установить общее символическое пространство социальной памяти); *дискурс-анализ* (влияние социокультурных и институциональных контекстов на трансляцию исторических сюжетов [5], в частности, присутствие адресата и границ социального фрейма определяет содержание коммеморативного нарратива [6]).

Некоторые из современных праздников, такие как «День Национального единства», «День России» и «День государственного флага», пока не обрели устойчивого значения в культурной памяти общества и слабо способствуют его единству. Эти моменты подчеркивают необходимость активных усилий для укрепления связей между современными государственными коммеморациями и обществом, чтобы праздники стали более важными событиями, способствующими формированию единства и понимания в рамках общества [7].

В тоже время, стоит выделить положительный пример формирования героическо-патриотической парадигмы Великой Отечественной войны в национальной памяти. Идея введения символа военной мужественности и патриотизма, такого как георгиевская ленточка, является блестящим решением, а инициатива под названием «Бессмертный полк» оказалась весьма вдохновляющей. Тем не менее, некоторые исследователи обращают внимание на индивидуализацию памяти о павших и перенос коммеморации из общегосударственного контекста в семейный [8, с. 97].

Великая Отечественная война выделяется как один из ключевых факторов, способствующих объединению и примирению в разделённой политическими противоречиями современной России. Любые отрицательные воздействия на памятники Великой Отечественной войны рассматриваются на уровне государства как потенциальная угроза идентичности современного общества.

При этом Великая Отечественная война выступает не только как важное событие в истории, но и как символ национального единства и героизма. Любые попытки поставить под сомнение этот символ или его памятники часто воспринимаются обществом как атака на общенациональные ценности и единство.

Таким образом, сохранение и уважение памятников Великой Отечественной войны становится приоритетным вопросом на государственном уровне, поскольку это служит не только сохранению исторической памяти, но и поддержанию единства и стабильности в современном обществе.

Образование в школе играет важную роль в формировании социальной памяти каждого индивида. Через обучение и воспитание в учебной среде ученик приобретает не только набор информации, но и доступ к общественной памяти. Кроме того, он вовлекается в практики и действия, принятые в сообществе для сохранения и передачи определённых событий.

Школьное образование становится своеобразным мостом между индивидуальной памятью и общественной памятью. Учащийся, проходя через учебный процесс, не только осваивает конкретные факты, но и участвует в общекультурных обрядах и практиках коммеморации.

В этой ситуации выходом становится обращение к структуре коммеморативной практики: при опривычивании её элементов необходимо сделать так, чтобы акт вспоминания всегда удивлял и, тем самым, создавал новую «ауру» коммеморации. Если понятие коммеморативной практики всегда должно быть одинаковым, то необходимо менять форму выражения исторического материала – способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом.

Обусловленность формирования гражданской идентичности школьников социокультурными факторами предполагает актуализацию коммеморативных практик школьного образования:

– чтение аутентичных текстов (коммеморация через книги, письма, дневники);

– практика памятных речей (коммеморация через восхваление или порицание деяний прошлых поколений);

– «семейная сага» (коммеморация через семейную идентичность – путешествие по историческим местам жизни семьи, ритуалы и традиции семейных праздников и т. д.);

– легендаризация образа героя (коммеморация через исследование биографии предков);

– «школа – это твой дом» (коммеморация через локальную идентичность – создание воспитательных «очагов» школы, формирование школьной укладности, становление детско-взрослой общности и т. д.);

– «машина времени» (коммеморация через изучение краеведения – музеи, памятные места города (села), история традиционного крестьянского быта и т. д.);

– «диалоги памяти» (коммеморация через организацию межпоколенного диалога на «территориях силы» («мест памяти») – памятники, места захоронений, иные объекты исторической памяти);

– «планеты детства» (коммеморация через оформление выставок детской игрушки, детских писем и дневников, фотографий, мастер-классы детских игр разных исторических периодов);

– фоновые коммеморативные практики (коммеморация через средообразование, различные виды традиционного досуга – коллекционирование, ремесло, художественные практики, спорт);

– календарные коммеморативные практики (коммеморация через школьные и семейные праздники, юбилеи, памятные исторические события, культурные события – появление книги, фильма или спектакля, посвящённых определённой исторической теме).

Практики памяти будут способствовать поддержанию в обществе единого отношения к прошлому народа и государства, в том числе и к прошлому «локальному».

В целом изучение коммеморации позволяет обозначить основные направления развития социальной памяти социума, определить специфику её наполнения и формы реализации, спрогнозировать возможные сценарии будущего.

Таким образом, школа формирует не только знания, но и общественные ценности, способствуя увековечиванию определённых событий в социальной памяти.

Социальная память в контексте школьного пространства означает общий опыт, знания и представления, которые формируются учащимися в ходе обучения и взаимодействия в школе. Основные аспекты социальной памяти в школьном контексте:

1. *Школьная культура и традиции*. Школы часто разрабатывают свои собственные культурные особенности и традиции, которые формируют социальную память учащихся – это могут быть ежегодные события, праздники, традиции, связанные с учебным процессом и внеурочными мероприятиями. Школьные мероприятия, такие как спортивные соревнования, концерты, театральные постановки, школьные проекты и выставки, становятся частью социальной памяти учащихся – они создают общий опыт и воспоминания.

2. *Учебные программы и предметы*. Знания, полученные в ходе учебы, также влияют на социальную память учащихся. История, литература, обществознание и другие предметы формируют представления о культуре, истории и обществе.

3. *Взаимодействие с учителями и сверстниками*. Отношения с учителями и сверстниками играют важную роль в формировании социальной памяти. Взаимодействия в классе, школьных клубах, спортивных командах создают определенные социальные динамики и влияют на общий опыт. Принадлежность к школьной общности и формирование школьной идентичности также являются частью социальной памяти. Это может включать в себя чувство гордости за свою школу, участие в традициях и поддержку школьных ценностей [4].

Школа является основным институтом, предоставляющим образование и передающим знания о культуре, истории, литературе и других аспектах общества. Учебные программы оформляются таким образом, чтобы передавать ключевые элементы социокультурного наследия. Школьные программы включают изучение истории, что помогает учащимся понять прошлое своего общества и его влияние на настоящее.

С течением времени школьные программы могут меняться, чтобы отражать современные технологические изменения и социокультурные тенденции. Это позволяет новому поколению воспринимать и формировать свою социальную память с учётом современных реалий. Онлайн-учеба, электронные ресурсы и другие технологические инновации формируют особенности школьного опыта.

Значительная роль в формировании социальной памяти школьников отводится учителям. Учитель не только передает фактические знания, но и помогает ученикам развивать социокультурные компетенции, такие как критическое мышление, умение анализа и толерантность. Учитель создаёт образовательную среду, которая способствует формированию позитивных социальных взаимодействий.

Поведение учителя, его ценности и отношение к учёбе оказывают сильное влияние на формирование социальной памяти учеников. Личный пример учителя может стать образцом для подражания и оказать долгосрочное воздействие на учеников.

Сохранение социальной памяти школьников – это процесс, который требует внимания со стороны учителя как образователя и образцового члена общества. Учитель может стать ключевым фактором в формировании понимания и оценки учениками своей собственной роли в обществе.

Школа играет решающую роль в формировании социальной памяти, предоставляя учащимся контекст для освоения исторических, культурных и социальных событий. Учебные программы, посвященные истории и обществознанию, являются средством передачи социальной памяти от поколения к поколению. Они способствуют усвоению основных ценностей и традиций, закладывая основы для формирования гражданской идентичности.

Школьная среда также служит площадкой для социальной интеграции, где ученики активно участвуют в образовании социальной памяти через взаимодействие, общение и совместные мероприятия. Коллективные памятные события, такие как празднование исторических дат, возложение цветов к памятникам, создание проектов на основе исторических фактов, способствуют формированию общего восприятия истории и культуры.

Современные технологии, внедрённые в учебный процесс, также играют роль в формировании социальной памяти. Использование мультимедийных ресурсов, виртуальных экскурсий, интерактивных образовательных платформ позволяет создавать более насыщенное визуальное восприятие исторических событий, делая обучение более привлекательным и эффективным.

Таким образом, школьное пространство, будучи неотъемлемой частью формирования социальной памяти, играет важную роль в процессе становления молодого поколения. Образование в школе оказывает влияние не только на умственное развитие, но и на формирование ценностей, которые впоследствии становятся частью общественной идентичности. Школа несёт ответственность за передачу и сохранение социальной памяти, формируя осознанных и вовлеченных граждан. Практики коммеморации играют важную роль в сохранении,

передаче и обогащении социальной памяти. Они объединяют людей в уважении к прошлому и создают возможность для открытого диалога, способствуя формированию более осознанного и взаимопонимающего общества.

Литература

1. *Давлетшина Д.Г.* Социальная память как основа нравственности человека: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Уфа, 2016. – 14 с.
2. *Павлова Ю.В.* Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 4. – С. 52–59.
3. Как люди делают себя: обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. – М.: Логос, 2010. – 388 с.
4. *Храпов А.С.* Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства // Вестник Тверского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 69–74.
5. *Степанова А.А., Сыманюк Э.Э.* Этнокультурный тренинг как фактор профилактики этнической отчужденности личности // Образование и наука. – 2019. – Т. 21. – № 5. – С. 157–200.
6. *Аникин Д.А.* Пространство социальной памяти: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Саратов, 2008. – 20 с.
7. Историческая политика в России: почему она разобщает, а не объединяет: [сайт]. – URL: http://carnegieendowment.org/files/Article_Kolesnikov.pdf (дата обращения: 22.10.2023).
8. *Габович М.* Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 3. – С. 97.

УДК 316.35

АУТОАГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ФАКТОРЫ РИСКА

Комарова Оксана Николаевна

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к изучению аутоагрессии как психологического феномена, выделена и описана специфика аутоагрессии подростков, выявлены детерминанты возникновения аутоагрессивности подростков. В исследовании приняли участие 480 обучающиеся 7 – 11 классов. Сбор данных производился с использованием методики социально-психологического тестирования (СПТ), опросника «Ауто и гетероагрессии» Е.П. Ильина, методики «Изучения склонности подростков к суицидальному поведению» М.В. Горской. Установлены основные факторы риска аутоагрессивного поведения подростков: высокая тревожность, импульсивность, состояние фрустрации, импульсивность, склонность к риску, ригидность. Необходима профилактика возникновения аутоагрессивного поведения на начальном этапе. Профилактическая работа способствует развитию внутренних и внешних ресурсов личности, подростки приобретают возможность самостоятельно противостоять возникшим кризисным ситуациям и совладать с их последствиями, а также расширяют свои социальные компетенции.

Ключевые слова: аутоагрессия, аутоагрессивное поведение, тревожность, фрустрация.

В настоящее время одной из важнейших проблем, активно исследуемых социологами и психологами, является аутоагрессия среди молодежи. Внимание к данной проблеме обусловлено её крайней опасностью, так как «конечной» формой проявления агрессии нередко является суицид.

Психика подростков, юношей и девушек, которая ввиду возрастных особенностей является неустойчивой и недостаточно пластичной, часто не успевает быстро адаптироваться к стремительным изменениям условий жизни, а также к изменениям физического и психологического характера. Жизнь молодого человека наполнена эмоциями, которые он проживает порой более резко и сильно, чем младшие дети и взрослые люди. Данные факторы в совокупности с иными являются одной из первопричин развития аутоагрессии как формы отклонения в поведении личности в подростковом и юношеском возрасте.

В самом общем смысле аутоагрессию можно определить как внутреннюю, скрываемую от внешнего мира агрессию, которую индивид направляет в отношении самого себя. Иными словами, аутоагрессия находится в тесной взаимосвязи с самоповреждающим (аутоагрессивным) поведением [4, с. 23].

Анализируя исследования отечественных авторов, следует подчеркнуть, что многие авторы различно интерпретируют сущность аутоагрессии, неодинаково подходят к вычленению форм и причин аутоагрессивных проявлений.

К примеру, Н.Н. Толстых считает аутоагрессию и аутоагрессивное поведение одним из проявлений девиантного поведения личности. В качестве причин развития самоповреждающего поведения у подростков автор называет неуспехи в учёбе, негативную оценку подростка педагогами и одноклассниками, завышенные требования родителей, неразделённую любовь и иные [5, с. 76].

И.Ф. Шиляева перечисляет признаки, по которым можно распознать подростков с девиантным поведением и подростков, которые способны продемонстрировать склонность к самоагресии [6, с. 72]. В наибольшей степени для данных категорий подростков присущи такие специфические психологические отличительные черты: неспособность справлять с неудачами и трудностями, пониженный уровень самокритичности и самоконтроля, высокая предрасположенность к деструктивным реакциям в отношении ситуаций, которые расшатывают привычный жизненный строй. И данные поведенческие нарушения приводят подростков к употреблению веществ, изменяющих сознание и склонности к суицидальному поведению. Далее автор пишет, одной из главных причин для таких поведенческих особенностей у подростков – это желание манипулировать окружающими людьми для достижения своих целей. В таком случае аутоагрессивное поведение становится поведенческой стратегией.

В трудах Р.В. Овчаровой аутоагрессия отождествляется с суицидальными попытками и реальным самоубийством. По причине дезадаптации в социальных и психологических сферах зарождается суицидальная форма поведения. Лабильность психики к неблагоприятным внешним факторам, высокая степень критического отношения к окружающей действительности, субъективные шаблоны личности, деструктивные личности в окружающей – данные признаки приводят к нарушениям в социальных и психологических сферах [2, с. 175].

Значительная часть авторов, которые занимались исследованиям вопрос об аутогагрессивном поведении, соглашаются с тем, что причиной причиной такого поведения становится дезадаптация. В своих работах, к примеру, А.В. Иванов и В.Ф. Матвеев, поддерживая данную позицию, пишут, что для подростков, которые склонны впадать в состояние фрустрации чаще всего подвержены аутоагрессивному или саморазрушающему поведению. Последствия данного поведения могут иметь неограниченные ни в чем проявления – от пропусков школьных занятий до суицидального поведения. К словам авторов можно добавить, что данные проявления у подростков могут стать причиной, позволяющей им не участвовать в активной социальной жизни, но всё равно данное поведение – это следствие дезадаптации, нарушенной социализации в процессе становления и взросления личности.

В работах А.А. Реан аутоагрессивность определяется личностном комплексом, которой имеет проявления на разных уровнях. А.А. Реан первым ввёл определение «аутоагрессивный паттерн личности». В данное определение А.А. Реан включил четыре субблока:

1. Характерологический субблок аутоагрессивного паттерна. Включает в себя высокую интроверсию, депрессивность, педантичность и пр.

2. Самооценочный субблок. Связан с уровнем общей самооценки личности.

3. Интерактивный субблок. Связан с социальной адаптацией личности.

4. Социально-перцептивный субблок. Выражен в специфике восприятия индивидом окружающих в сочетании с негативностью представлений о том, каким его видят другие люди [3, с. 205].

Обобщая представленные выше подходы отечественных исследователей к изучению феномена аутоагрессии и аутоагрессивности подростков, можно сделать вывод, что часто возникновение аутоагрессии в рамках исследуемой возрастной группы обуславливается нарушениями социальных взаимоотношений, взаимодействий, социальной дезадаптацией и иными факторами, которые неблагоприятно воздействуют на жизнедеятельность подростка в обществе.

Зарубежные исследователи в качестве основных детерминант появления аутоагрессии у молодежи выделяют проблемы в межличностных отношениях, высокий уровень социальной тревожности, проблемы в семьи, в учебной деятельности, а также трудности экзистенциального порядка (мысли о жизни и смерти, о будущем, о смысле существования, счастье и пр.). В качестве группы риска исследователи определяют тех подростков, которые имеют низкий уровень поддержки в семье, низкую самооценку и самоуважение.

При этом, как отмечают зарубежные авторы, аутоагрессивное поведение у подростков может быть следствием близкого взаимодействия с друзьями, склонными к аутоагрессивному поведению, принадлежностью к группе, в которой самоповреждающее поведение является нормой. В данном случае аутоагрессия, за исключением возможных личных причин, будет носить характер адаптации подростка к его социальному окружению.

Мы провели эмпирическое исследование уровня аутоагрессии у обучающиеся 7–11 классов (480 обучающихся). Были выбраны следующие психодиагностические методики: социально-психологическое тестирование (СПТ), опросник «Ауто и гетероагрессии» Е.П. Ильина, методика «Изучение склонности подростков к суицидальному поведению» М.В. Горской.

По результатам «Социально-психологического тестирования» по шкале «Аутодеструктивное поведение» было выявлено 68 школьников (14,5%). Мы наблюдали, что высокая склонность к аутоагрессивным мыслям и тенденция к суицидальному поведению проявляется в психологической неустойчивости при возникновении трудных жизненных обстоятельств и склонности прибегать к дезадаптивным способам поведения. Также полученный результат может быть следствием высокого уровня стресса и тревожности, и может быть связано с нехваткой ресурсов для эффективного решения внутренних конфликтов и проблем. Важно отметить, что суицидальное поведение может быть одним из признаков психических расстройств, которые требуют профессионального вмешательства. Для оптимизации психологического состояния подростков нужно обратить пристальное внимание на их потребности, развивать адаптивные стратегии поведения в трудных ситуациях и создать лёгкий доступ к психологической помощи [1].

Отдельно были проанализированы факторы риска у подростков с высоким показателем аутодеструктивного поведения. По всем шкалам, кроме шкалы «потребность в одобрении», среднее значение результатов – выше нормы. В процентном соотношении на передний план выходят показатели по шкалам «импульсивность – 90 %», «тревожность – 88 %», «фрустрация – 86%». У подростков на фоне повышенной тревожности, разочаровании при недостижении поставленных целей и неоправданных ожиданиях, отсутствуют навыки самоконтроля, выражены импульсивность, раздражительность, конфликтность. Подобное состояние влияет на склонность подростков к проявлениям агрессии, выражающихся в неадекватных реакциях на определенные ситуации, в частности, на конфликты. Они уходят в себя, закрываются от внешнего мира, становятся более замкнутыми и не общительными, это приводит к ухудшению отношений с окружающими и негативу во взаимоотношениях с родителями.

Для подтверждения у выявленных подростков предрасположенности к одному из видов агрессивного поведения был использован опросник «Ауто- и гетероагрессии» Е.П. Ильина. В группе у 89,7 % (61 человек) явно выражена аутоагрессия, у остальных 10,3 % (7 человек) присутствуют проявления гетероагрессии. Это свидетельствует о том, что подростки с

выраженной гетероагрессией в определённых ситуациях могут демонстрировать негативные действия по отношению к другим людям. Проявляется это в виде физического воздействия, угроз и оскорблений. Агрессия быть спровоцирована такими факторами как расхождение между ожиданиями и реальностью, несоответствием ожиданий и требований со стороны близких и окружения, проблемными ситуациями в семье, низкой самооценкой, отсутствием поддержки и близости с родителями. Такие подростки могут подвергаться издевательствам со стороны сверстников, что приводит к увеличению отрицательных эмоций и чувств. Когда подросток самостоятельно не в силах справиться с конфликтной ситуацией, в качестве защитного механизма начинает включаться аутоагрессия. Для таких подростков характерны чувство вины по отношению к себе, раскаяние, угрызения совести. Проявляется это в форме неадекватной самокритики и самообвинении, возникает желание причинить себе физическую боль и увечья, в виде самоповреждения. Подросток при помощи аутоагрессии пытается справиться со своими внутренними переживаниями, эмоциональным напряжением, тревожным состоянием, иногда намеренно привлекает к себе внимание окружения данным способом. Необходимо оказать помощь и обучить подростков управлять собственными эмоциями, высказывать свои чувства и смягчать возникшие негативные мысли, а также создать пространство, где он сможет получить поддержку, понимание и принятие.

Остановимся на результатах диагностики по методике «Изучение склонности подростков к суицидальному поведению» М.В. Горской. Показатели по шкале «Тревожность» демонстрируют преобладание высокого уровня – 75 % (51 человек), средний уровень у 19 % (13 человек), низкий уровень 6 % (4 человека). Большая часть респондентов проявляет чувствительность, обидчивость и ранимость, беспокойство, а также присутствует нестабильность в проявлении эмоций, что в свою очередь обостряет восприятие несправедливости жизни. Высокий уровень тревожности у подростка может говорить о различных проблемах, которые необходимо решать совместно с родителями и о наличии серьезных разногласий между родителем и ребенком, что может вызывать напряженность и конфликты в отношениях. Одинаковые показатели на высоком и среднем уровне наблюдаются по шкале «Фрустрация» – по 44 % (30 человек). 12 % (8 человек) показали низкий уровень фрустрации. Подростки с особой чувствительностью переносят ситуацию когнитивного диссонанса и внешнего конфликта, часто конфликт переносится ими сложнее, чем взрослыми. Конфликтные ситуации создают для них большую нагрузку и вызывают чувство бессилия и беспомощности. Высокие показатели были выявлены по шкале «Агрессия». У 69 % (47 человек) наблюдается высокий уровень, у 28 % (19 человек) – средний, у 3 % (2 человека) агрессия на низком уровне. В поведении подростков отмечается недоброжелательность, агрессивность, которая может создавать негативные последствия как для самих себя, так и для окружающих людей. Проявляется это в словесных оскорблениях, физических увечьях, в манипуляциях, психологическом давлении. Причиной возникновения такого поведения может являться низкая самооценка, проблемы в контакте и близости с семьей, ситуации стресса, сложности адаптации в обществе, подверженность влиянию группы и многое другое. По шкале «Ригидность» высокие показатели выявлены у 53 % (36 человек), это говорит, о сложностях, которые подростки испытывают в адаптации к изменениям и быстрой коррекции своих планов, у них слабо развиты навыки гибкости мышления. Они могут ощущать стресс и дискомфорт, когда ситуация требует изменения своих решений и действий. Средние показатели у 40 % (27 человек), низкий уровень был выражен только у 7 % (5 человек).

На основе проведенной диагностической работы, можно сделать вывод, что к аутоагрессивным тенденциям и факторам, формирующим суицидальные намерения, можно отнести такие психологические особенности личности как тревожность, фрустрацию, потребность в принятии социумом и родителям.

Необходимо воспитывать у подростков уважение к себе и окружающим, развивать умение справляться с разочарованиями и конфликтами без применения агрессивных методов, обучать навыкам эмоционального интеллекта, саморегуляции и управления конфликтами, чтобы

подросток мог обращаться с негативными эмоциями и стрессом более конструктивными способами.

Литература

1. *Komarova O.N.* Issues of physical and social health in modern psychology // Человек: преступление и наказание. – 2009. – No. 1(64). – Pp. 166–170.
2. *Овчарова Р.В.* Практическая психология образования. – М.: Юрайт, 2023. – 465 с.
3. *Реан А.А.* Психология личности. – М.: Питер, 2016. – 286 с.
4. *Руженков В.А.* К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение» // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2008. – № 32. – С. 20–24.
5. *Толстых Н.Н.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 406 с.
6. *Шиляева И.Ф.* Личностные факторы рискованного поведения подростков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2019. – № 1(36). – С. 69–74.

УДК 316.35

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ

Литвинова Екатерина Юрьевна,
Соколова Наталья Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается формирование предпринимательских компетенций у молодежи. Проанализирована деятельность центра молодежных инициатив «Форум» Красноярского края по развитию молодежного предпринимательства в регионе.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательские компетенции, молодежное предпринимательства.

Молодежь является основной социальной базой развития предпринимательства. Количество индивидуальных предпринимателей и физических лиц в возрасте до 35 лет в 2023 году по сравнению с 2022 годом возросло на 29 процентов и составило 6,32 млн человек. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, представленным в рамках федерального статистического наблюдения в сфере молодежной политики, в 2022 году поддержку в форме субсидии (гранта) получили 1918 молодых предпринимателей, еще 5024 молодых предпринимателя получили поддержку от исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Формирование предпринимательских компетенций у молодежи играет важную роль в развитии экономики и общества в целом. Предпринимательские компетенции включают в себя навыки и знания, необходимые для успешного предпринимательского деятельности, такие как умение принимать решения, управлять рисками, разрабатывать бизнес-планы, коммуникационные навыки, умение работать в команде, а также осознание важности инноваций и предпринимательской активности для развития общества.

Для формирования предпринимательских компетенций у молодежи необходимо создание специальных образовательных программ, курсов и тренингов, направленных на развитие навыков предпринимательства. Это может быть как часть учебных программ в школах и вузах, так и специализированные курсы и мастер-классы.

Создание базовых условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи, в том числе социального, а также создание и поддержка деятельности общественных объединений, направленной на развитие социально ориентированного молодежного

предпринимательства, является одним из приоритетных направлений реализации молодежной политики [3].

Стоит отметить тот факт, что по данным статистики «Россия страна возможностей» и ГК «ЭФКО» в 2021 году 61 % студентов российских вузов рассматривают возможность начать свое дело, при этом четверть планируют стать предпринимателями уже в ближайшее время [1]. Что подчеркивает мысль о том, что молодежи интересна тема предпринимательства и они хотят развиваться в этой деятельности. К сожалению, не у всех молодых людей есть возможность открыть свое дело, не все знают, как и с чего начать. Именно поэтому в молодежной политике Красноярского края делается большой уклон на развитие предпринимательских компетенций у молодежи. Также можно заметить, что существует совпадение интересов молодежи и государства, что приводит к необходимости создания благоприятных условий для развития предпринимательских компетенций.

В Красноярском крае высокий уровень информативности, большое количество площадок развития молодежного предпринимательства: Молодежная палата Красноярского краевого регионального отделения Общероссийской Общественной организации «Деловая Россия», Программа развития молодежного предпринимательства в Красноярском крае «Я В ДЕЛЕ»; отдел развития и поддержки предпринимательства КГАУ «ЦМИ "Форум"», Бизнес-клуб молодых предпринимателей Красноярска «Улей», созданный на базе Центра поддержки общественных и предпринимательских инициатив (далее ЦСП), Клуб молодых предпринимателей Росмолодежь.бизнес, Клуб Терра, Частный бизнес-акселератор ЦСП, Бизнес-клуб СФУ и т. д.

Более подробно рассмотрим деятельность отдела поддержки предпринимательства КГАУ «Центр молодежных инициатив «Форум». Целью работы данного отдела является популяризация предпринимательской деятельности и развитие молодежного предпринимательства в Красноярском крае, формирование положительного образа предпринимательства среди населения Красноярского края. Задачами деятельности являются: вовлечение молодых людей в предпринимательскую деятельность; обеспечение качественного отбора талантливой молодежи, обладающей деловой активностью и предпринимательскими способностями и выявление предпринимательских способностей [2].

В ходе реализации данного направления молодежной политики Красноярского края активно применяется такая технология работы с молодежью, как организация просветительских мероприятий в форме: лекций, семинаров, мастер-классов, круглых столов, стратегических сессий, конференций и иных форматов.

На протяжение нескольких лет в Красноярском крае реализуется выездной проект «Школа молодого предпринимателя». В течение дня молодые люди от 14 до 35 лет успевают посетить просветительские лекции от высококвалифицированных экспертов данной области, поиграть в деловую игру и решить практические задания (кейсы). NPS данного формата мероприятия в 2023 году составил 92%. Применение такой технологии работы с молодежью позволяет не только повысить уровень предпринимательских компетенций молодежи, но и выявить трудности и пробелы в знаниях.

Кроме того, важным элементом формирования предпринимательских компетенций является практический опыт. Молодежные стартапы, бизнес-инкубаторы, акселераторы и другие организации могут предоставить молодым людям возможность попробовать себя в роли предпринимателя, получить опыт работы над реальными проектами и научиться преодолевать трудности, с которыми сталкиваются предприниматели.

Так, в Красноярском крае активно набирает популярность формат инвестиционных сессии с приглашением потенциальных инвесторов. ЦСП «Улей» организует мероприятие «Фабрика проектов». Команда «Улей» помогает молодому предпринимателю упаковать бизнес-идею для презентации ее на «Фабрика проектов» и поиска финансовой поддержки.

В целом, формирование предпринимательских компетенций у молодежи требует комплексного подхода, который включает в себя образовательные программы, практический опыт

и наставничество. Это поможет подготовить новое поколение предпринимателей, способных вносить значительный вклад в экономическое развитие и социальное благополучие общества.

Литература

1. Агранович М.А. Более 60% российских студентов планируют стать предпринимателями // Российская газета: [сайт]. – 2021. – URL: https://rg.ru/2021/01/25/bolee-60-rossijskih-studentov-planiruiut-stat-predprinimateliami.html (дата обращения: 30.10.2024).
2. Официальный сайт КГАУ «Центр молодежных инициатив „Форум“»: [сайт]. – URL: http://www.futureagency.krskstate.ru/podved/forum (дата обращения: 30.10.2024).
3. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Информационно-правовой портал «Гарант.ру»: [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/ (дата обращения: 30.10.2024).
4. Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция № 182): [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (дата обращения: 15.07.2023).
5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
6. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – 264 p.

УДК 316.35

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Ломекин Дмитрий Олегович

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. В статье рассматривается сущность явления патриотизма как социально значимого качества личности среди молодежи, расширение форм и методов формирования патриотизма путем использования интернет-технологий. Рассмотрены аспекты взаимодействия людей в онлайн-сообществах, а также принципы создания сетевых программ, направленных на формирование патриотизма молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические настроения, патриотическое воспитание, молодежь, сетевые сообщества, интернет, социальные сети.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»).

Понятие «патриотизм» исследуется в научном сообществе различными авторами в многоплановом аспекте. Оно интерпретируется как социально важное свойство личности, выражающееся в определённой черте характера. Суть патриотизма включается в себя:

1. Приверженность своему Отечеству, Родине, народу, его истории, культуре, обычаям и традициям, как современным, так и прошлым;

2. Желание вносить вклад в служение стране через осуществление конкретных действий и поступков, которые способствуют ее развитию, процветанию и независимости.

Разнообразие трактовок патриотизма несомненно влияет на различные методы его прививания. Однако, исходя из анализа научных источников, сущность патриотического образования остается понятной и однозначной. Этот процесс заключается в целеустремленном и систематическом воспитании морально-психологических и индивидуальных качеств, которые

являются неотъемленными для решения задач, направленных на гарантирование безопасности Родины, личности, общества и государства [1, с. 57].

В динамично развивающемся современном обществе вопрос развития патриотизма, стоящего в ряду фундаментальных столпов социальной структуры общества, становится чрезвычайно важным. Развитие морально-этических установок и патриотической идентичности у граждан как основополагающего элемента их мировосприятия и активности приобретает возрастающую значимость и получает акцентированное внимание на самом высоком уровне государственной власти. Президент РФ В.В. Путин в своих выступлениях многократно акцентировал внимание на значимости формирования системы патриотического воспитания: «Нужно воспитывать у молодого поколения уважение к героическим страницам отечественной истории, чувство гордости за богатейшее духовное и культурное наследие нашего народа» [2, с. 137].

В последние десятилетия в Российской федерации и во многих других государствах значительно возросла важность задач, направленных на формирование гражданско-патриотических качеств у молодежи. По данным ВЦИОМ от 11.04.2023 года, 42 процента молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет безусловно характеризуют себя как патриотов своей страны, 44 же процента также считают себя патриотами, ответив «Скорее да», отсюда следует значимость и актуальность вопроса патриотизма среди молодежи [3]. Значимость вовлечения молодежи в патриотическую деятельность во многом определяется процессами социального, культурного, экономического и политического преобразования, которые являются характерными для текущего этапа развития общества. Прежде всего, общественные изменения сказываются на молодежи, у которой, несмотря на фактические современные отношения между странами, формируется иррациональное мнение о себе как о «гражданине мира» – речь идет об индивиде, утратившем органическую связь с Отечеством и подлинную гражданскую идентичность. Подобная тенденция не только разрушает общественную консолидацию, но и существенно препятствует развитию гражданских институтов.

Современное интернет-пространство открывает перед молодежью широкие горизонты ля получения разнообразной информации, а также предоставляет своеобразные формы и способы коммуникации. В частности, данное явление объясняется теми возможностями, которые предоставляют социальные сети и общее использование интернета молодыми людьми для формирования качеств, умений, навыков и компетенций, наиболее востребованных в современном обществе. Однако формальные агенты социализации, такие как семья и образовательные учреждения, не всегда готовы к активному формированию этих навыков. В данной ситуации интерактивное общение в социальных сетях часто оказывается способным компенсировать недостаточную динамичность формальных институтов социализации [4, с. 3].

Современная молодежь проводит значительное количество времени в интернете. Таким образом, при разработке программ и проектов, направленных на патриотическое воспитание, важно принимать во внимание сетевые принципы, характерные для взаимодействия пользователей в цифровой среде. Онлайн-пространство представляет собой один из действенных способов формирования патриотических ценностей, особенно среди молодежи. В интернете имеется большое количество ресурсов, ориентированных на развитие патриотизма и духовно-нравственного воспитания молодежи. Некоторые ресурсы активно поддерживают государственную политику, в то время как другие сосредотачиваются на воспитании и развитии лидерских качеств. Тем не менее, в интернете также имеется множество сайтов с контентом, который нацелен на формирование и использование протестных настроений среди молодежи [5, с. 45].

Непрерывное развитие цифровых технологий в современном мире позволяет каждому человеку расширять свою социальную среду через онлайн-сообщества. Благодаря этим платформам пользователи могут легко находить новые идеи и знания, а также делиться своими

достижениями и мнениями. В результате сетевое сообщество предоставляет возможность достигать разнообразных профессиональных, личных и социальных целей.

По мнению Сергеева А.Н., сетевое сообщество – это группа людей, взаимодействующих на основе коммуникаций Интернета, имеющих общие связи между собой, способных к проявлению совместных форм активности и саморефлексии [6, с. 5]. А. М. Сапов определяет основную характеристику сетевых сообществ – это использование интернет-коммуникаций как инструмента социально-политического взаимодействия, позволяющего осуществлять координацию информационных потоков и регулировать взаимоотношения между участниками социального пространства [7, с. 3].

Говоря о патриотическом воспитании в Интернете, следует прежде всего акцентировать внимание на деятельности в социальных сетях и популярных мессенджерах. Эти платформы благодаря своей распространенности и удобству использования, являются наиболее привлекательными интернет-ресурсами для современной молодежи. Ученые подчеркивают, что патриотические чувства развиваются посредством применения ряда эффективных методов:

1. Реализация широкомасштабной информационной кампании в социальных сетях, направленной на повышение заинтересованности молодого поколения в изучении исторического наследия и культурных ценностей региона и государства в целом;

2. Формирование позитивных образцов поведения посредством освещения героических подвигов и значимых исторических событий, а также внедрение комплексной системы стимулирования, побуждающей молодое поколение к деятельному участию в общественно-политических процессах;

3. Обеспечение координации публичных обсуждений с целью предоставления гражданам возможности выражения общественного мнения, а также реализация целевых исследований и организация опросов для определения персональных позиций участников по значимых социальным вопросам, в дальнейшем возможное обеспечение их активного участия в деятельности патриотических объединений и привлечение к организуемым общественным инициативам и мероприятиям.

Высокую эффективности в патриотическом воспитании молодежи демонстрирует применение проектной деятельности, в рамках которой молодые люди выступают в роли организаторов и модераторов патриотических страниц в социальных сетях [8, с. 119]. В данном контексте проектная деятельность ориентирована на формирование патриотических чувств и идентичности, особое внимание уделяется развитию гражданских навыков, необходимых для активного участия в жизни страны и т. д.

В государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» среди важнейших задач подчеркнуты важность улучшения информационного обеспечения патриотического воспитания на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Для выполнения данной задачи требуется разработать условия, которые будут способствовать развитию игровых и медиапрограмм, нацеленных на патриотическое воспитание граждан России. Кроме того, необходимо активно задействовать возможности интернета для взаимодействия с молодежной аудиторией. Было установлено, что реализация программ должна строиться на следующих принципах:

Ё. Принцип системности, обеспечивающего согласованное и целенаправленное сотрудничество всех государственных и негосударственных структур, включая общественные организации, в сфере патриотического воспитания;

2. Принцип адресности, предусматривающего использование особых форм и методов патриотической работы с учетом каждой возрастной, социальной, профессиональной, этнической и других групп населений;

3. Принцип активности, предполагающего целеустремленность и разумную активность в изменении мировосприятия граждан и их ценностных ориентиров, направленных на защиту национальных интересов России;

4. Принцип универсальности основных направлений патриотического воспитания, включающего, в частности, использование такого аспекта формирования патриотизма, как значимый опыт предыдущих поколений, который способствует развитию чувства гордости за своих предков, а также за национальные традиции в повседневной жизни, внутрисемейных отношениях, обучении и подходах к труду;

5. Принципа учета региональных условий в укреплении прежде всего общероссийского патриотизма, а также патриотизма регионального, характеризующегося привязанностью к родному краю и месту жительства, желанием глубже понять историю и современность своей малой Родины, а также активным участием в процессах ее развития, включая добровольческие движения, общественные мероприятия и акции [9, с. 48–49].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что возможность использования онлайн-технологий в интернете улучшает видимость и обеспечивает доступность патриотической деятельности для молодежи. Данная практика позволяет формировать интернет-ресурсы и реализовывать множество онлайн-инициатив, также она обеспечивает расширение мобильности в области патриотического воспитания. Кроме того, такой подход существенно расширяет вовлеченность молодежи в социальные проекты, что представляет собой ключевой элемент в данной сфере.

Литература

1. *Константинов С.А.* Совершенствование патриотического воспитания современных российских школьников // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 4. – С. 56–62.
2. *Крылова Е.Л.* Методы изучения патриотического сознания молодежи // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2019. – № 2. – С. 137–147.
3. ВЦИОМ. Аналитические обзоры: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring (дата обращения: 29.10.2024).
4. *Чебунина О.А.* Социальные интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: автореф. дис. … канд. социол. наук / О.А. Чебунина. – Ростов-на-Дону, 2019. – 34 с.
5. *Шаповалова А.М., Вагина В.О.* Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве // Caucasian Science Bridge. – 2021. – № 3. – С. 44–52.
6. *Сергеев А.Н.* Сетевое сообщество как субъект образовательной деятельности в сети интернет // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7475 (дата обращения: 04.11.2024).
7. *Сапов А.М.* Влияние интернет-коммуникаций на процесс формирования сообщества российских трейдеров (социологический анализ): автореф. дис. … канд. социол. наук / А.М. Сапов. – Новочеркасск, 2004. – 28 с.
8. *Ляукина Г.А.* Социосетевые технологии в патриотическом воспитании студентов вуза // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2019. – № 2. – С. 116–124.
9. *Лунева Е.В., Фомичев К.А., Хрипунова О.Г.* Использование интернет-проектов в гражданско-патриотическом воспитании молодежи // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 7. – С. 48–55.

УДК 316.35

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПО ВОСПРИЯТИЮ УЧИТЕЛЯМИ, ШКОЛЬНИКАМИ СТАРШЕКЛАССНИКАМИ И РОДИТЕЛЯМИ ШКОЛЬНИКОВ УГРОЗ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ВОСПРИЯТИЯ МЕР, ПРОВОДИМЫХ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН)

Малучиев Гаджи Сафижуллаевич
Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия

Аннотация. В современных условиях идеология терроризма является одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации, что определяет необходимость противодействия ему на всех направлениях. Для успешной реализации комплексно программы противодействия терроризму и его идеологии необходимо четкое понимание, как оценивает население РФ и РД угрозы распространения идеологии терроризма и как народ воспринимает меры по противодействию идеологии терроризма. Значительная часть работы по противодействию идеологии терроризма реализуется, через учреждения системы образования. Необходимо четкое понимание как учителя и педагоги в целом, школьники и непосредственно старшеклассники, а также родители учащихся в образовательных организациях воспринимают политику, проводимую государством по противодействию распространения идеологии терроризма.

Ключевые сова: учащиеся ОО, старшеклассники, дагестанская молодежь, учителя ОО, родители школьников, угроза терроризма, отношение к террористам, идеология терроризма, противодействие терроризму.

Осознавая реальную угрозу распространения идеологии терроризма среди учащейся молодежи следует изучить тенденции по восприятию данной угрозы среди непосредственных участников социальных институтов занимающихся воспитанием школьников, а именно учителей, старшеклассников и родителей школьников и не только угроз распространения идеологии терроризма, но и восприятия мер, проводимых государством и обществом по противодействию идеологии терроризма в молодежной среде РД.

Цель исследования: сбор и анализ информации, позволяющей изучить тенденции по восприятию учителями, школьниками старшеклассниками и родителями школьников угроз распространения идеологии терроризма и восприятия мер, проводимых государством и обществом по противодействию идеологии терроризма в молодежной среде РД.

Полевой этап исследования проводился марте – апреле 2023 г. География опроса: опрос проводился во всех 10 городах РД и в 28 районах в 69 населенных пунктах. В ходе опроса удалось опросить 1300 человек, 74 анкеты оказались бракованы (заполнены частично, или несерьезное отношение к заполнению), т.о. при расчетах было использовано 1226 анкет.

Возраст респондентов от 14 до 80 лет из них учителя – 602 (49,1 %), старшеклассники – 312 (25,4 %) и родители школьников 312 (25,43 %). Средний возраст старшеклассников 16 лет, учителей 48 год, родителей учащихся ОО 39 года.

Опрос проводился как на бумажных носителях, так и по электронной ссылке (использовались гугл-формы).

Скорее всего, явное преобладание в группах «учителя» и «родители учащихся» женщин объясняется системным доминирование представителей женского пола среди учителей в ОО и низкой коммуникативностью в процессе опроса отцов школьников.

Национальный состав респондентов по статистическим параметрам соответствует социально-демографическим показателям РД.

Как видно из таблицы 1 старшеклассники в 1,6 раза чаще воспринимают участие в политических партиях и движениях как активный способ воздействия на органы власти и в два

с половиной раза меньше доля школьников, в сравнении со взрослыми респондентами, не верящих в существование эффективных способов влиять на власть в РД. Так же в отличии от взрослых (учителей и родителей учащихся) дети школьники два раза реже воспринимают жёсткое противодействие нынешней власти силами подготовленных людей, как эффективный способ воздействия на органы власти.

Следует обратить внимание на то, что 0,7 % респондентов учителей и 1,9 % родителей школьников и 0,6 % старшеклассников выбрали пункты, относящиеся к *незаконным методам воздействия на власть* при отстаивании своих интересов – «участие в несанкционированных митингах и столкновениях;», «жесткое противодействие нынешней власти силами подготовленных людей».

Таблица 1

Результаты опроса

Какие из способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективными? * КТО ВЫ?					
		Учитель;	Старшеклассник;	Родитель учащегося.	Всего
6. Какие из способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективными?	а) Участие в политических партиях и движениях;	29,7%	46,8%	25,0%	32,9%
	б) Участие в выборах и референдумах;	28,6%	27,6%	24,0%	27,2%
	в) Добиться приема у руководителя органа власти;	16,4%	7,7%	19,2%	14,9%
	г) Написать письмо в органы власти;	9,5%	7,4%	13,5%	10,0%
	д) Обращение в СМИ;	5,5%	4,8%	7,4%	5,8%
	е) Участие в митингах	0,7%	1,3%	0,6%	0,8%
	ж) Эффективных способов влиять на власть в РД не существует;	9,0%	3,8%	8,3%	7,5%
	з) Участие в несанкционированных митингах и столкновениях;			0,3%	0,1%
	и) Жёсткое противодействие нынешней власти силами подготовленных людей;	0,7%	0,6%	1,6%	0,9%
Всего		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Анализ ответов на отрытый вопрос, в котором просят назвать наиболее влиятельных политиков в районе/городе постоянного проживания, пользующихся наибольшим авторитетом (ФИО, должность, род занятий), т.е. так называемых ЛОМов (лидеров общественного мнения) позволяет говорить, что учителя и родители школьников, как более взрослое население чаще называет ЛОМами по району или городу глав администраций ныне функционирующих, либо с приставкой – экс; либо главу РД Меликова С.А., Сулейманова Керима А., или депутатов районных или народных собраний Российской Федерации. Среди ответов школьников доминирует ответ «не знаю», помимо этого ответа школьники указывают фамилии глав районов, муфтия РД (чаще всего без фамилии и инициалов) и фамилии известных спортсменов (Хабиб Нурмагомедов, Абдурашид Саадулаев и пр.) имена или название должностей министров, а также главу региона – Меликова С.А. Взрослые респонденты часто называли лица, находящиеся в розыске или в местах лишения свободы (например, Амиров С.Д.).

Как видно из данных таблицы №2 каждый четвертый опрошенный независимо от возраста и профессионального положения считает, что организатором террористических актов в России являются представители американских спецслужб, так же практически не расходятся мнения в оценке деструктивной деятельности радикальных исламских группировок, расквартированные как за рубежом, так и в России. Несмотря на то, что доли респондентов по вариантам ответов «г) Российские спецслужбы» и «ж) Обычные люди, доведенные до отчаяния;»

незначительны, для точного понимания происходящего следует обратить внимание на расхождения почти в 50% старшеклассников и взрослых (учителей и родителей учащихся).

Таблица 2

Результаты опроса

Кто является организатором терактов в России? * КТО ВЫ?					
		Учитель;	Старшеклассник;	Родитель учащегося.	Всего
7. Кто является организатором террористических актов в России?	а) Радикальные исламские группировки, находящие за пределами России;	13,5%	8,0%	12,8%	11,9%
	б) Радикальные исламские группировки, находящие на территории России;	5,1%	6,4%	4,2%	5,2%
	в) Американские спецслужбы;	20,9%	27,2%	24,4%	23,4%
	г) Российские спецслужбы;	2,2%	1,6%	1,3%	1,8%
	д) Русские националистические организации;	2,5%	2,2%	1,9%	2,3%
	е) Политические противники режима;	7,3%	5,8%	5,1%	6,4%
	ж) Обычные люди, доведенные до отчаяния;	7,0%	7,1%	4,8%	6,4%
	з) Другое;	3,7%	4,5%	3,5%	3,8%
	и) Затрудняюсь ответить.	37,9%	37,2%	42,0%	38,7%
Всего		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Анализ ответов на вопрос «что приводит обычных людей в радикальные, террористические организации/группы» отраженные в таблице 3 позволяет говорить о том, что школьники-старшеклассники (41,3%) в два раза чаще, чем их родители и учителя (в среднем 22,3%) видят основной причиной приводящей обычных людей в ряды террористических организаций эмоциональное состояние формирующее желание отомстить. На втором месте по частоте ответов «безрассудство», достаточно странным является то, что так думает каждый пятый педагог, который, являясь работником ОО РД, несомненно участвует не только в образовании, но и в воспитании личности. Вариант ответа, отчаяние и безысходность указывает каждый шестой взрослый респондент, в то время лишь каждый десятый школьник. Впрочем, разработчикам стратегии и тактики профилактической работы следует призадуматься над тем, что именно вызывает такие отчаяние и безысходность, которые приводят молодежь на путь разрушения и саморазрушения? Старшеклассники значительно реже (в три-четыре раза) взрослых считают, что на путь террора людей приводят религиозные идеи.

Ответы на вопрос «Как по-вашему надо поступать с террористом?» почти каждый второй участник опроса (48,5 %) довольствуется наказанием согласно деяниям по законам РФ, старшеклассники в два раза чаще чем взрослые респонденты, предлагают сажать на срок от 20 лет до пожизненного предлагают почти. Каждый шестой опрошенный (16,3 %) так ли иначе (по суду или без суда), предлагает ликвидировать террориста. Родители школьников и учителя чаще затрудняются с выбором по данному вопросу, чем учащиеся школ.

Как видно из данных диаграммы на рисунке 1 каждый третий старшеклассник и только каждый пятый взрослый (учителя и родителя учеников) не согласен, с тем, что его права личности и некоторые свободы могут быть ограничены с целью обеспечения безопасности граждан и государства.

Таблица 3

Результаты опроса

Как Вы думаете, что приводит обычных людей в радикальные, террористические организации/группы? * КТО ВЫ?		Учитель;	Старшеклассник;	Родитель учащегося.	Всего
11. Как Вы думаете, что приводит обычных людей в радикальные, террористические организации/группы?	а) Желание отомстить;	19,9%	41,3%	24,7%	26,6%
	б) Отчаяние, безысходность;	17,70%	9,10%	15,80%	15,0%
	в) Безрассудство;	20,9%	18,6%	14,4%	18,7%
	г) Служение идеалам;	6,1%	3,2%	5,1%	5,1%
	д) Материальное вознаграждение;	8,1%	6,1%	7,7%	7,5%
	е) Готовность к самопожертвованию;	0,3%	2,2%	0,3%	0,8%
	ж) Неверие в то, что проблему можно решить мирно;	4,0%	2,6%	2,2%	3,2%
	з) Религиозные идеи;	2,2%	0,6%	2,6%	1,9%
	и) Ощущение несправедливости и произвола;	1,2%	1,0%	1,0%	1,1%
	к) Это жертвы шантажа и насилия;	0,7%		2,6%	1,0%
	л) Затрудняюсь ответить;	17,1%	12,2%	20,5%	16,7%
	м) Другое.	1,8%	2,9%	3,2%	2,4%
Всего		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

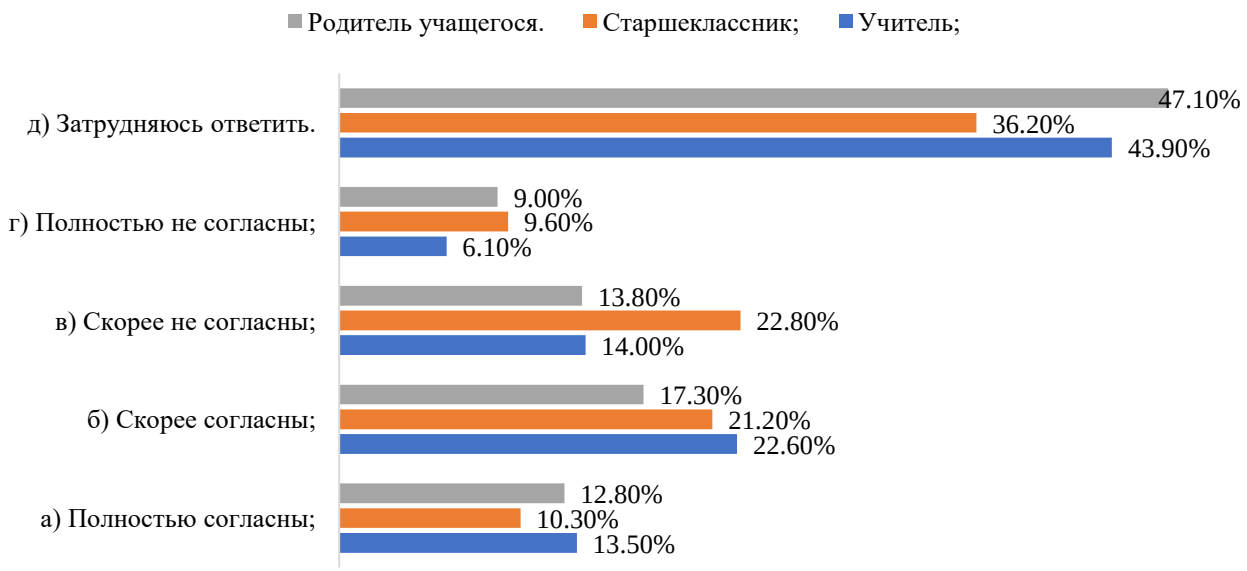


Рис. 1. Результаты ответа на вопрос «Как Вы относитесь к точке зрения, что во имя обеспечения безопасности можно ограничить ряд прав и свобод граждан?»

По данным таблицы 4 можно говорить, что все варианты «меню» ответов можно сгруппировать со знаком «плюс» и «минус» по личному отношению респондента к террористам, таким образом старшеклассники в 2 раза чаще отмечают своё отношение к террористам как положительное (симпатии, солидарность, готовность присоединиться). По многим вопросам мнения педагогов и родителей учащихся совпадали, однако по отношению к террористам наблюдается значительная разница во мнениях родителей и учителей.

Таблица 4

Результаты опроса

Какие чувства Вы испытываете по отношению к террористам? *КТО ВЫ?					
		Учитель;	Старшеклассник;	Родитель учащегося.	
15. Какие чувства Вы испытываете по отношению к террористам?	а) Желание противостоять;	44,7%	51,9%	32,7%	43,5%
	б) Злость;	24,1%	17,9%	28,2%	23,6%
	в) Страх;	10,6%	7,1%	14,4%	10,7%
	г) Бессилие;	0,8%	2,9%	1,6%	1,5%
	д) Симпатию;	**0,2%**	**0,6%**	**0,3%**	0,3%
	е) Солидарность;	**0,2%**		**0,3%**	0,2%
	ж) Готовность присоединиться к ним;		**0,3%**		0,1%
	з) Другое;	4,0%	5,1%	5,8%	4,7%
	и) Затрудняюсь ответить.	15,4%	14,1%	16,7%	15,4%
Всего		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В ходе исследования установлено, что большинство (около 90 % взрослого населения и 80 % молодежи) случайно столкнувшись в своей жизни с информацией полезной для спецслужб, обаятельно сообщат в органы. Еще 3–7 % учителей и родителей школьников и 10,6 % старшеклассников (что в 2 раза больше, чем у взрослого населения) готовы заниматься поиском информации полезной для спецслужб специально. От 1 до 3 процентов населения готово получать выгоду предполагая продавать полезную информацию спецслужбам, использование которой будет наносить вред террористическому подполью. Также в ходе опроса установлено, что каждый 16-й респондент считает позорным «доносить» и «стучать» силовикам.

Таблица 5

Результаты опроса

Если Вы считаете, что граждане должны помогать спецслужбам в борьбе с терроризмом, то укажите как именно? * КТО ВЫ?					
		Учитель;	Старшеклассник;	Родитель учащегося.	Всего
16. Если Вы считаете, что граждане должны помогать спецслужбам в борьбе с терроризмом, то укажите как именно?	а) Узнав случайно информацию полезную для спецслужб, то сообщите её анонимно;	66,9%	50,3%	61,2%	61,3%
	б) Узнав случайно информацию полезную для спецслужб, то сообщите её персонально;	24,4%	30,4%	20,5%	25,0%
	в) Специально искать информацию среди знакомых и сообщать ее спецслужбам;	2,0%	5,8%	4,5%	3,6%
	г) Специально искать информацию среди незнакомых и сообщать ее спецслужбам;	0,7%	4,8%	2,6%	2,2%
	д) Полученную каким-либо способом информацию полезную в борьбе с терроризмом сообщать её только за денежное или др.	1,3%	1,9%	2,9%	1,9%
	е) Позор тем, кто «стучит» на сограждан силовикам.	**4,7%**	**6,7%**	**8,3%**	**6,1%**
Всего		100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Старшеклассники в 1,5 раза чаще доверяют сотрудникам правоохранительных органов, чем их родители и учителя. Соответственно не доверяют сотрудникам МВД, СК, прокуратуры и пр. ¼ учителей ОО и родителей учащихся, в то время как недоверием к сотрудникам правоохранительных органов РД охвачен один из шести старшеклассников. При этом четверть опрошенных затруднились с ответом.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, салафизм – это»

Согласно данным диаграммы на рисунке 2 почти одна треть старшеклассников отмечают салафизм как «чистый» ислам (30 %), среди взрослых такого же мнения придерживаемся в два раза меньше участников опроса. Во всех трех группах респондентов 1/3 заявляет, что салафизм-обычное направление в исламе.

Лишь пятая часть старшеклассников и родителей учащихся воспринимают салафизм как секту, которая неправильно, крайне радикально трактует Ислам. Таких же убеждений каждый четвертый учитель ОО.

Таблица 6

Результаты опроса

Как Вы полагаете, какие внутренние причины, мотивы толкают человека на то, чтобы стать экстремистом/террористом? * КТО ВЫ?		Учитель;	Старше-классник;	Родитель уча-щегося.	Всего
23.Как Вы полагаете, какие внутренние причины, мотивы толкают человека на то, чтобы стать экстремистом/террористом?	а) Стремление распространить свою веру, религиозные убеждения;	19,10%	9,30%	27,90%	18,80%
	б) Стремление достичь материального благополучия;	21,80%	12,80%	14,10%	17,50%
	в) Стремление переделать мир;	9,00%	13,10%	12,80%	11,00%
	г) Стремление достичь справедливости;	6,80%	5,80%	7,10%	6,60%
	д) Стремление ощутить власть над людьми;	24,30%	37,20%	20,20%	26,50%
	е) Любовь к острым ощущениям, риску и т.д.;	2,50%	6,40%	5,80%	4,30%
	ж) Стремление обрести соратников, быть частью какой-то группы;	8,00%	6,40%	4,80%	6,80%
	з) Стремление к самореализации.	8,60%	9,00%	7,40%	8,40%
	Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

По мнению одной трети старшеклассников стремление ощутить власть над людьми является основным внутренним мотивом толкающем человека на то, чтобы стать экстремистом/террористом, что в 1,5 раза больше доли учителей и родителей учащихся, имеющих такое же мнение. Вторым по значимости мотивом приводящий в экстремисты, и террористы учителя и родители школьников признают религиозные убеждения и стремление распространить свою веру, но в тоже время доля старшеклассников, думающих так же в два раза меньше. Третьим по значимости мотивом, приводящим в ряды террористов, согласно мнению взрослого контингента опрошенных, является желание молодежи из группы риска достичь материального благополучия, однако и по этому пункту у школьников в два раза меньше думающих аналогично.

Половина респондентов непосредственно из системы образования (учителя и старшеклассники) значительно чаще родителей учеников, доверяют спецслужбам и особенно ФСБ, как силе способной от имени государства противодействовать радикальным взглядам, идеологии террористов.

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан). – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН; Издательский дом «Дагестан», 2021. – 289 с.
2. *Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М.* Патриотические установки в массовом сознании дагестанской молодежи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2013. – № 4(36). – С. 91–100.
3. *Гаматаева С.Х., Малучиев Г.С.* Социально-политические взгляды учителей истории и обществознания как потенциальный фактор формирования патриотических предпочтений учащейся молодежи // Актуальные вопросы истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хасавюрт, 2013). – С. 29–36.
4. *Малучиев Г.С.* Учителя истории о социально-политической ситуации в Дагестане, вызванной ростом экстремизма // Образование против экстремизма. – Махачкала, 2011. – С. 221–229.

УДК 316.35

«ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ СИНИЙ»: ВОСПРИЯТИЕ ВУЗА И ГОРОДА ЧЕРЕЗ ЦВЕТ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ (КЕЙС ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Маяковская Анастасия Владимировна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению роли города Казани и Казанского федерального университета в процессе адаптации. В данной статье анализируется, как символическое восприятие вуза и города через цвет коррелирует с оценкой процесса адаптация иногородними студентами. Автор предпринимает попытку измерения социальных процессов через бессознательное. Вуз и город ассоциируются у информантов с цветами, имеющими семантически благоприятные характеристики (синий и зеленый), в то же время эти информанты отмечают успешный и легкий процесс адаптации в вузе и городе.

Ключевые слова: социальная адаптация, иногородние студенты, цветовое восприятие, символическое восприятие, Казань, Казанский федеральный университет.

Характер социальной адаптации студентов в вузе играет важную роль в формировании эмоционального и психологического состояния молодых людей, а также в процессе их

дальнейшей интеграции во взрослую жизнь. Период обучения в вузе характеризируется интенсивным выстраиванием новых социальных связей, которые в дальнейшем могут способствовать личному и профессиональному росту, поэтому важно, чтобы этот процесс проходил в благоприятной и комфортной для студентов атмосфере [1, с. 123]. Процесс социальной адаптации включает в себя множество аспектов приспособления студентов к жизни в университете – это адаптация к образовательному процессу, психологическая адаптация к новом ролям и статусам, выстраивание социального взаимодействия и межличностной коммуникации, освоение профессиональных компетенций и навыков. По мимо указанных выше составляющих социальной адаптации иногородние студенты сталкиваются с необходимостью адаптироваться в новом городе и самостоятельно выстраивать быт.

Различные методики цветовосприятия широко используется в психологических науках для замера социальных отношений и социальной напряженности в малых группах, и оценке психологического состояния и идентичности, как правило среди детей и подростков. З.В. Сикевич отмечает, что психологические методы могут быть использованы для проведения социологических исследований [2, с. 9]. Опираясь на междисциплинарный подход, в статье анализируются цветовые ассоциации студентов с Казанью и Казанским федеральным университетом и предпринимается попытка сопоставить цветовое восприятие вуза и города с характером социальной адаптации иногородних студентов. Эмпирической базой выступили ответы информантов на вопросы интервью. В опросе приняли участие 11 студентов Казанского федерального университета вторых и третьих курсов, которые были отобраны методом снежного кома. Пять информантов родом из регионов республики Татарстан (за исключением Казани), остальные шесть человек приехали из других регионов России. Сбор данных проводился в июле 2023 г.

В ходе нашего исследования мы получили следующие результаты. Наиболее часто Казань ассоциируется у студентов с зелёным цветом, его назвали восемь раз. Второй по частоте упоминаний – белый цвет, он был назван четыре раза. На третьем месте –голубой цвет, его выбрали три раза. Оранжевый назвали два раза и желтый с бордовым по одному разу. Из 11 информантов 6 назвали зеленый цвет, как единственный ассоциировавшийся с Казанью, остальные 5 человек, называли насколько цветов. Эти ассоциации можно условно поделить на две категории – ассоциации с конкретными физическими объектами и объективное соотнесение цвета и объекта (мечеть Кул-Шариф, парки, природа, закаты) и эмоциональное и символическое, субъективное восприятие города через цвет (свободный, независимый, умиротворяющий, развиты, татарский).

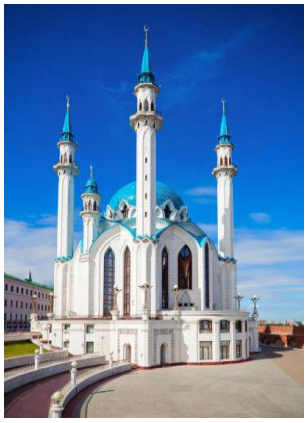
У всех информантов ассоциации с Казанью носят положительную окраску, цвета, использованные при описании города и их интерпретация самими информантами имеет положительную коннотацию согласно методике З. В. Сикевич и Ю. А. Поссель «Цветовая картина социального мира» [3, с. 242–248] и в большинстве случаев воспроизводят архетипическое восприятие того или иного цвета. Так зеленый цвет, наиболее часто к ассоциирующийся с Казанью, так интерпретируется с точки зрения архитипической семантики цвета «Зеленый символизирует прохладу, свежесть, природу в целом, в которой доминируют оттенки зеленого. Объективно он воспринимается как мирный, связанный с удивлением и заинтересованностью, но в то же время несколько консервативный и статичный» [2, с. 55–56].

Казанский федеральный университет у 8 респондентов из 11 ассоциируется с синим цветом, желтый и серый выбрали по одному разу, один информант не назвал ассоциаций с цветом. Синий цвет, как наиболее часто упоминаемый при ассоциации с КФУ имеет следующую интерпретацию с точки зрения З.В. Сикевич: «Синий – цвет духовности и мысли. Объективные ассоциации – это меланхолия, созерцательность, отстраненность, субъективно – уныние, боязливость и скрытность. В известном смысле синий как цвет вечности и привязанности …» [2, с. 56].

Ассоциации студентов о КФУ, также, как и ассоциации о Казани можно разделить на две условные категории - первая отражает объективное восприятие цвета, соотнесение его с конкретным физическим объектом (сайт, символика (герб) КФУ, стены вуза), вторая отражает чувственное и эмоционально окрашенное восприятие (радость, спокойствие, престиж, скука). В Таблице 1 представлены примеры ассоциаций цвета с конкретными физическими объектами

Таблица 1

Примеры упомянутых в интервью ассоциаций с цветом

Мечеть Кул-Шариф	Флаг и герб Татарстана, как атрибуты татарской культуры	Фирменная символика КФУ	Сайт КФУ
			

Теперь обратимся к оценке социальной адаптации студентов, для дальнейшей корреляции цветовых ассоциаций и характера социальной адаптации. Все информанты отмечают, что на данный момент они полностью адаптировались в Казани. Так как исследование проводилось среди студентов 2–3 курса, такая оценка вполне ожидаема, студенты проживают в Казани более 1 года, это достаточный срок для того, чтобы изучить город, а именно район обучения и проживания. Также ряд факторов, таких как обширная география расположения учебных зданий КФУ [4], удаленность общежитий от основных корпусов университета, посещение торгово-развлекательных центров, кафе, кинотеатров, которые расположены в разных районах города, встречи с друзьям и одногруппниками, проживающими в разных частях Казани способствуют «знакомству» с городом через освоение городского пространства, изучение маршрутов общественного транспорта, названия улиц и районов города. То, что первое время незнакомо, вызывает непонимание, дезориентирует и иногда пугает, со временем становится знакомым и понятным. Процесс социальной адаптации проходит через реализацию вышеуказанных практик.

Оценки характера процесса адаптации информантов можно поделить на три условные группы: 1) адаптация проходила легко (3 информанта), 2) адаптация проходила легко, но были трудности (4 информанта), 3) адаптация проходила очень тяжело и вызывала эмоциональный дискомфорт (4 информанта). Мы можем отметить, что процесс адаптации в вузе для студентов является стрессовым событием и проходит труднее, чем адаптация к новому городу.

Интерпретация значения выбранного цвета в некоторых случаях отличалась от общепринятых характеристик цвета, что по мнению З.В. Сикевич также допустимо, так как «каждый человек наполняет цветовую семантику еще и индивидуальным опытом» [2, с 56]. Поэтому, например, в ответах одного из информантов присутствует несовпадение выбранных цветов (белый, желтый, зеленый) и их семантических значении (положительных) с оценкой адаптации в городе как трудной.

Подводя итог можно отметить, что цветовые ассоциации в большинстве ответов информантов соответствуют общепринятым характеристикам цветов согласно их семантическим и архетипическим значениям. Это позволяет нам сделать предположение, что характер процесса адаптации играет роль в бессознательной ассоциации города или вуза с тем или иным цветом.

Так если процесс адаптации оценивался информантами как легкий, или с незначительными трудностями, то и цвет, ассоциирующийся с городом или вузом, будет иметь благоприятное семантическое значение. Также отметим, что ассоциации с цветом интерпретировались информантами самостоятельно и относились как к физическим объектам, (например, часто при ассоциации с КФУ синий цвет ассоциировался с символикой КФУ, а при ассоциации с Казанью зеленый цвет с природой и лесом), так и к символическому восприятию цвета (синий цвет КФУ – это стабильность, престиж, умиротворенность, зеленый цвет для Казани – это процветание, развитие, татарский народ). Именно поэтому синий цвет, ассоциирующийся с КФУ, выбирали и те информанты, которые оценивают адаптацию в вузе как трудную, и те, кто считает, что она прошла достаточно легко. Цветовые ассоциации с городом и вузом достаточно устойчивые. Большинство информантов выбрали традиционный для Казани цвет-зеленый, а для КФУ – синий. Оценка процесса социальной адаптации оценивается большинством информантов в городе и вузе как успешная, что подтверждается выбором цветов (зеленый и синий) с семантически положительной характеристикой.

Литература

1. *Кириллова Н.Л.* Философские аспекты социальной адаптации // МНКО. – 2010. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-sotsialnoy-adaptatsii (дата обращения: 01.11.2024).
2. *Сикевич З.В.* Психологические методы в социологическом исследовании: учебно-методическое пособие для вузов. – 2-е изд., доп. – СПб.: Лань, 2022. – 128 с. – ISBN 978-5-8114-8567-3.
3. *Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.* Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. – СПб.: Питер, 2005. – 266 с. – ISBN 5-469-00427-9.
4. Официальный сайт Казанского федерального университета: [сайт]. – URL: https://kpfu.ru/about_university/karta-vseh-obektov (дата обращения: 06.11.2024).

УДК 316.35

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ДОКТРИНЫ: ОПЫТ БРАЧНЫХ АГЕНТСТВ

Насыбуллина Камиля Артуровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В анализе матримониального поведения, характеризующего особенности брачного выбора, брачные знакомства, отношение к регистрации брака, нас интересует влияние религиозного аспекта, поскольку в своей работе мы опираемся на исторический материал, дающий нам возможность проследить этапы эволюции семейной структуры. В нашей работе мы сопоставили социологическую теорию с нормативно-правовой системой семейной доктрины в Исламе.

Ключевые слова: матримониальное поведения, брак, брачные установки, брачный выбор, брачные знакомства, социальная доктрина, Ислам, мусульмане.

Кризис семьи – явление, о котором свидетельствует демографическая обстановка в нашей стране и различные исследования, которые изучают разные аспекты матримониального (брачного) поведения, являющегося одним из основных факторов, влияющих на демографическую ситуацию. Официальная статистика в фокусе демографических показателей определяет не только способность оперативной реакции на появляющиеся внешние вызовы и скорость адаптации к сложившимся обстоятельствам, но и умение на фоне неблагоприятной

ситуации своевременно решать проблемы, возникающие в социальной сфере, сохранять позитивную динамику продвижения к намеченным целям, решать ключевые задачи развития [1, с. 75]. По словам П. Сорокина, средством выхода из кризиса должна служить «моральная реконструкция» человечества, наполняющая старые формы относительно «новым» содержанием. Большую часть его оценок и предпочтений последнего периода справедливо отнести к умеренному консерватизму, традиционализму. Лучше всего это характеризует афоризм, разделяемый П. Сорокиным: «Семья — это малая церковь». Он убежден, что именно такая семья необходима человечеству для спасения от грозящего ему кризиса. [2:130 ,131].

Основными мотивами и ценностями матримониального поведения современной молодежи стали свобода самовыражения, любовь, ценности потребления и гедонизма, не ограниченная моралью и нравственностью сексуальность [5:107].

Важным индикатором матримониального поведения является отношение молодежи к сожительству без официальной регистрации брака. По данным исследования ВЦИОМ, 46% совершеннолетних россиян не возражают против сожительства без регистрации, а среди 18-24-летних эта доля сегодня составляет 59% [4].

В современных социологических исследованиях принято выделять три основные модели матримониального поведения, которые определяются ценностными установками личности, мотивами матримониального поведения, его направленностью и интенсивностью. К ним относятся промискуитетная модель, модель доминирования (традиционная) и модель либеральная (равных прав) [5:107].

В данном контексте нам представляется актуальным исследования П. Сорокина, который в свое время ставил следующую исследовательскую цель: дать краткий очерк форм групповой семьи и брака, найти их следы в современной моногамной семье.

Социолог дал характеристики различных форм группового брака. В нашем исследовании мы приведем в пример наиболее древнюю описанную им форму первобытного брака, известную также под названием коммунальный брак. Сущность его состояла в следующем: Все племя обычно делилось на две половины, в каждой из которых имелось определенное число мужчин и женщин. Мужчины и женщины одной такой части не могли вступать в половые отношения друг с другом, ибо они считались между собой братьями и сестрами. Но зато каждый взрослый мужчина считал своей женой каждую взрослую женщину другой половины, и наоборот. Таким образом, каждый мужчина в обеих группах имеет не одну жену, а несколько (юридически все женщины другой половины являются его женами) и соответственно каждая женщина в каждой группе имеет не одного мужа, а многих. На наш взгляд содержание коррелирует с современной промискуитентной моделью, характеризующейся ранними внебрачными сексуальными связями, частой сменой партнеров, откладыванием регистрации брака в органах загса и откладывание рождения детей на более поздний период. Мотивы поведения в данной модели имеют в основном гедонистический и потребительский характер [2].

Целью нашего исследования является выявление принципов и эталона брачного поведения, согласно исламской социальной доктрине.

Следует начать со стратегических целей Ислама [5:25]. Выделяют шесть целей, в контексте нашей темы мы выделили четыре из них – сохранение веры, достоинства, чести человеческой личности, здоровья и потомства.

Для осуществления этих целей существует комплексный метод воздействия: побуждение к женитьбе (никяху), который способствует сохранению всех четырех целей. Во втором источнике исламского законодательства именуемым: «сунна», в котором собраны высказывания, образ действий главного наставника мусульман Пророка Мухаммада (мир ему), переданные его учениками и приближенными. В одной из подобных книг, ему приписывают высказывание: «Всякий вступивший в брак, уже оградил половину своей религии». Это связано с тем, что прелюбодеяние является грехом, который может повлиять на веру человека. А единственно легализованной формой сексуальных и репродуктивных отношений в Исламе является брак.

Анализируя эволюцию форм брака, нужно отметить рациональность исламских принципов в отношении условий заключения брака, которые способствуют сохранению здоровья и потомства. Если возвращаться к описанию коммунального «брака» и современной промискуитетной модели, то при таких отношениях существует большой риск генетических заболеваний, так как при свободных половых отношениях женщина не может установить отцовство, ребенок-девочка в будущем может вступить в такие же сексуальные отношения с потенциальным отцом или кровным братом. Во избежание таких прецедентов Коран регламентировал следующие запреты: «Не женитесь на тех, на ком были женаты ваши отцы. Это [женитьба на жене покойного отца или после развода его с ней] является развратом, скверным путем и вызывает гнев [Божий]. Запрещается вам брать в жены матерей ваших [бабушек, прабабушек], дочерей ваших [внучек, правнучек], сестер ваших [кровных или родных лишь по отцу или матери], теток по отцу и по матери, дочерей братьев и дочерей сестер ваших [то есть племянниц], тех, кто кормил вас своим молоком, а также сестер молочных и матерей ваших жен.[Запрещается брать в жены] приемных дочерей, оставленных на ваше попечение, от жен, с которыми вступили вы уже в супружескую связь.[Запрещается брать в жены] супруг родных сыновей [то есть невесток, супруг родных внуков] и вместе — двух родных сестер [а также девушку с ее тетей или племянницей] [6].

В социологии существуют различные теоретические интерпретации процесса брачного выбора, мы сопоставили теорию обмена Дж. Хоманса с особенностями брачного выбора в исламском семейном праве.

Согласно Хомансу, каждому обществу присуща некая шкала ценностей, в соответствии с которой строится человеческое поведение. Эти ценности могут быть вовлечены в «обмен». Человек «обменивает» некоторые свои качества на качества или свойства других людей: физическую привлекательность на благосостояние, богатство на громкий титул и т.п. [2:298-299].

Соответственно этому, теория брачного обмена постулирует, что в основе брачного выбора лежит процесс оценивания качеств (личностных и социальных) возможного партнера и определения того, кто из возможных партнеров может принести больший выигрыш при меньших затратах. Характеристики индивида при этом рассматриваются как некое благо, «выставленное на продажу» и потому приобретающее на «брачном рынке» вполне определенную рыночную цену. В качестве такого блага может выступать в принципе все, что угодно, но в контексте нашей темы, мы выделили приоритетные критерии, выделенные семейным правом в исламе.

«Женятся на женщине [девушке, как и выходят замуж за юношей, мужчин], выбирая по четырем [характеристикам]: (1) материальный достаток, (2) знатность происхождения [воспитанность], (3) красота и (4) религиозность (вера). [Но] особое внимание обрати [о юноша или девушка] на религиозность (наличие веры) [у своей избранницы, избранника]! [Если проигнорируешь четвертую характеристику, соблазнившись на одну из первых трех] руки твои покроются пылью (землею). [будет много проблем, рано или поздно они возникнут]» [7].

Также учитывается принцип равенства (кафаат) мужчины женщине. Исламский закон не требует от женщины равенства мужчине, однако требует от мужчины превосходства или равенства женщине в следующих аспектах:

1.Вера. Брак с неверующим считается недействительным, а с новообращенным мусульманином при определенных условиях и с дозволения опекуна.

2.Благочестие. Человек, который не следует положениям Шариата – грешник, нечестивец, алкоголик, развратник – не может считаться равным благочестивой, целомудренной и религиозной женщине.

3.Богатство. Гарантия некоторой финансовой стабильности в будущем не ставится обязательным условием. Тем не менее, содержание жены – это обязательное условие для мужчины. Не обязательно, чтобы мужчина находился в точно таком же финансовом положении, что и женщина.

4.Равенство в роде деятельности. То есть между заключающими брак, согласно обычаям и традициям, не должно быть большого разрыва в роде их деятельности.

Если женщина или девушка выходит замуж за того, кто не равен ей в вопросах, перечисленных выше, без одобрения, получения согласия своего вали (опекуна) до заключения никаха, то такой союз считается недействительным.

Автором в 2024 году проведено исследование в форме интервью с представителями исламских брачных агентств, специализирующихся на поиске брачных партнеров между мусульманами. Переходя к результатам изученных нами кейсов брачных агентств, и центра создания семьи города Казани, которые работают с практикующими и этническими верующими, было выяснено, что некоторые принципы и этикет знакомств, предписанный в Исламе, обрел новые формы.

В целях сохранения чести девушки и юноши, на этапе знакомства обязательна организация встречи потенциальных супругов в людном месте, знакомство мужчины с отцом невесты или добавление его в общий чат группы в мессенджере. Современным верующим при обращении в брачное агентство предоставляют на этапе первого знакомства услугу совместного созвона со специалистом брачного агентства, который сопровождает пару, помогает в разрешении конфликтных ситуаций, задает неудобные вопросы и т.д.

Как уже было упомянуто, обращаются в центры и светские, и практикующие мусульмане, отдельную статистику по соблюдающим и этническим верующим в центрах не ведут, представленные ниже выводы обобщенные.

Так, первоначально сотрудники центра создания семьи «Ханума» ориентировались на работу с соблюдающими верующими, но в их практике бывают случаи образовавшихся пар, которые поспособствовали приобщению друг друга к религиозной практике.

«Бывает, что к нам обращаются воспитанные несоблюдающие молодые люди с намерением женится и бывает так, что этнический мусульманин выбирает соблюдающую женщину, и он тоже становится соблюдающим…» (Информант 1. Руководитель центра создания семьи «Ханума», город Казань. Опыт работы 14 лет).

В отношении вопроса о тенденции антисемейных установок, связанных с заключением брака или появлением новых форм брачных договоров, информант 1 связывает их с европейскими стандартами, которые до сих пор являлись эталоном и оказывали свое влияние на сознание людей, что проявлялось в утрате своей культуры, традиций.

Сваха с теологическим образованием причины откладывания официального брака связывает: *«…с упадком нравственности, ослаблением моральных устоев и недостатком знаний религиозных принципов построения семейных отношений»* (Информант 2. Бывший руководитель брачного агентства, сейчас ведет частную практику. Опыт работы 24 года).

Причинами откладывания официального брака данным информантом были названы: воспитание, негативный опыт брачных отношений, возможность получать государственную помощь матерью одиночкой, большие запросы девушек в отношении материальных благ, а у мужчин высокие требования к внешним данным.

Информантами была не раз отмечена тенденция откладывания брака до 35-40 лет, связанная с высокими неоправданными ожиданиями от партнера: *«Такое чувство что мы живем в мире принцесс и принцев, татарских девушек воспитывают капризными, а мужчина, дослужившись до определённого социального положения уверен, что ему по статусу положена девушка с определёнными внешними характеристиками…»*; *«…родители обеспечивают дочери автономные условия, которые не соответствуют материальному положению данной семьи…»* (Информант 3, Специалист брачного агентства «Башкода», город Москва. Опыт работы 10 лет) – следовательно преодолевать какие-то материальные трудности с будущим супругом она не подготовлена, инфантильна, что, как нам видится, является последствием нуклеарной семьи. Расширенная семья, включающая в состав не только родителей и ребенка, но и бабушек, дедушек, приучает молодых к быту, навыкам коммуникации и ответственности. В исламской риторике для подобных случаев предоставляется возможность вступить в брак второй или третьей женой, тогда потребность потребительского характера устраняется посредством расширения круга потенциальных женихов.

«Выгоднее быть матерью одиночкой чем замужней, чтобы получить больше поддержки от государства» (Информант 3. Специалист брачного агентства «Башкода», город Москва. Опыт работы 10 лет).

«Обращался мужчина, дважды был женат официально, и дважды оставлял дом бывшим женам. В третий раз не хочет идти в загс, потому что есть вероятность развода, а никах – это возможность узнать друг друга получше...» (Информант 1).

Такая установка свидетельствует об ориентации на нестабильные отношения и неумение решать конфликтные ситуации, для безопасности от такого рода отношений выходом может служить брачный договор, опирающийся на имущественно-правовые каноны Ислама.

Так же, как в светском праве существует термин «презумпция невиновности» в Коране приводится следующий наказ, о котором мы полагаем некоторые мусульмане не осведомлены:

«О, верующие! Избегайте подозрений, ведь некоторые подозрения — это грех. Не следите друг за другом и не злословьте за спиной друг друга…» [9].

На вопрос относительно, того, что мешает построить семью, руководитель центра создания семьи ответила, что: *«мужчинам нужно меньше замечать женских недостатков…»,* что напомнило строки из Корана: «Живите с женами в соответствии с общепринятыми морально-нравственными нормами. А если что-то вам не понравится в них, [например, тяжелый характер, вредные привычки, наклонности; обнаружатся физические недостатки и т. п.], то [учтите, примите во внимание], что в том или ином, порицаемом вами, Господь может заложить много блага. [Никоим образом не спешите разрушать семью, проявите терпение и благоразумие, ведь вы и сами не идеальны.]» [8].

Заключая, можно отметить, что наблюдаются различные тенденции. Все же если говорить о причинах откладывания брака, опираясь на многолетний опыт специалистов брачных центров – превалирует тенденция западноцентричного индивидуализма и потребления. В перспективе интересно было бы проследить статистику официальных браков в среде практикующих верующих.

Литература

1. *Нагматуллина Л.К., Максимова О.А.* Динамика изменения социально-демографических процессов российского общества в статистике переписей населения // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 6(57). – С. 75–81.
2. Социология семьи: учебник / под ред. проф. А.И. Антонова. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 637 с.
3. Сура Корана «Комнаты»: [сайт]. – URL: https://azan.ru/tafsir/al-hudzhurat/1-18/12 (дата обращения: 02.11.2024).
4. Брак и сожительство: ставим знак тождества: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva (дата обращения: 28.10.2024).
5. *Пельменева С.П.* Управление матримониальным поведением молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 174–176.
6. *Муратов М.Р.* Религиозно-правовые вопросы в современном исламском праве: учеб. пособие. – Казань: РИИ, 2020. – 188 с.
7. Недозволительные браки: [сайт]. – URL: https://umma.ru/nedozvolitelnye-braki (дата обращения: 02.11.2024).
8. Рекомендации духовного порядка по созданию семьи: [сайт]. – URL: https://umma.ru/rekomendatsii-duhovnogo-poryadka-po-sozdaniyu-semi (дата обращения: 02.11.2024).
9. Сура Корана «Женщины»: [сайт]. – URL: https://umma.ru/sura-4-an-nisa-zhenshhiny (дата обращения: 30.10.2024).
10. *Пельменева С.П., Романова Н.П.* Матримониальное поведение молодежи. – Чита: РИК ЧитГУ, 2011. – С. 106–110.

УДК 316.35

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рожкова Лилия Валерьевна
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. В современных внешнеполитических условиях актуальным направлением исследований является анализ, как векторов проводимого Россией внешнеполитического курса, так и внешнеполитических ориентаций россиян, поскольку проводимая внешняя политика, подкрепленная поддержкой со стороны общества, будет иметь более «твердую» основу, способствовать ее целенаправленности и результативности. Эмпирическую базу статьи составили материалы авторских социологических исследований 2024 гг. среди молодежи российских регионов: Пензенская, Тюменская, Саратовская области.

Ключевые слова – внешняя политика, внешнеполитические ориентации, молодежь, Россия, регионы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере общественно-политических наук в 2024 г. проект «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи: устойчивость vs лабильность в условиях геополитических вызовов и международной напряженности» (FSGE-2024-0005) 1024021300038-2-5.4.1;5.6.1 (рег № 124082600006-9).

Отношение россиян к внешней политике раскрывается в ряде общероссийских исследований: ВЦИОМ, ФОМ и др. Вместе с тем комплексный социологический анализ внешнеполитических ориентаций особой группы – молодежи представлен сегодня не достаточно. Анализ научной литературы позволил определить внешнеполитические ориентации как совокупность знаний, представлений и оценок индивидов в отношении внешнеполитических процессов, проводимого страной внешнеполитического курса. Как справедливо отмечает С. Чугров «в реальности присутствует переплетение образов, различные блоки, пласты внешнеполитических … ориентаций, которые причудливо сочетаются в сознании человека, накладываясь друг на друга [1, с. 57].

По данным ВЦИОМ (апрель, 2023 г.) России сегодня необходимо проводить независимую и последовательную внешнюю политику (67 %); этого мнения придерживаются 56 % молодых людей в возрасте 18-24 года и 53 % респондентов в возрасте 25-34 года. 59 % россиян полагают, что нашей стране удается отстаивать свои национальные интересы [2]. По результатам ФОМ (июнь, 2024 г.) 50 % россиян следят за внешней политикой, а 60 % респондентов уверены в том, что ей уделяется должное внимание со стороны руководства страны. 52 % опрошенных указывают на то, что в последнее время во внешней политике РФ было больше успехов, отмечая такие достижения, как укрепление отношений с Китаем, странами Азии и Африки, успехи в проведении СВО [3]. В целом социологические замеры 2023 г. позволяют говорить о том, что сегодня «российское общество обладает высоким ресурсом социально-политической устойчивости и консолидации» [4, с. 113].

В 2024 г. были проведены авторские исследования среди молодежи регионов России: Пензенская, Саратовская, Тюменская области. Основная цель – изучение характера, особенностей, направленности внешнеполитических ориентаций молодых людей. Внешнеполитические ориентации рассматривались на нескольких уровнях: когнитивный, эмоционально-оценочный и деятельностный.

По результатам авторских социологических исследований 2024 гг. было определено, что современные молодые люди следят за политической ситуаций в России и мире (59,1 %); 58,4

% знакомы с документами по внешней политике РФ. 70,1 % молодых людей знают, где найти актуальную информацию о внешнеполитических событиях, а основной канал информации – Telegram-каналы (61,4 %), Сайты Интернет-СМИ (54,3 %). Подобные данные были получены и по авторским исследованиям 2023 г. (анкетные опросы и фокус-групповые дискуссии среди молодежи Пензенской области): современная молодежь проявляет значительный интерес к политическим мировым событиям.

В Концепции внешней политики РФ 2023 г. представлены основные внешнеполитические приоритеты, которые в целом коррелируют с представлениями о них молодежи [5]. Так, 77,6 % респондентов выделили мирное и безопасное существование РФ в качестве главного приоритета внешней политики, а 61,6 % опрошенных главным национальный интересом определили защиту российского суверенитета и территориальной целостности. Понятие «многополярность», являющееся ведущей категорией в российской риторике в области миропорядка, молодые люди понимают как суверенное равенство стран (42,8 %), сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды (36,6 %). По мнению 50,4 % респондентов наиболее приемлемой моделью международной безопасности является многополярная модель, а стабильности международной системе будет способствовать противодействие политике двойных стандартов (45,4 %), для чего, по мнению молодежи, необходимо использовать мирные средства разрешения конфликтных ситуаций (42,1 %). Говоря о роли ООН, респонденты считают ее основным фундаментом в обеспечении безопасного и мирного развития стран (46,4 %)

Политические вызовы молодые люди считают главной угрозой России (60,4 %). Наибольшую тревожность у молодых россиян вызывают распространение международного терроризма (48,1 % испытывают сильную тревогу), продолжение конфликта с Украиной (49,4 %). Интересно, что усиление влияния США и Китая гораздо меньше волнуют молодых людей. Однако 51,4 % молодых людей считают НАТО основной угрозой безопасности РФ.

По данным опроса 45,7 % респондентов считают, что сегодня Россия проводит независимую внешнюю политику, а 62,6 % молодых людей полностью согласны в роль России в качестве мирового лидера по поддержанию мира и безопасности. 38,9 % опрошенных сравнивают сегодня Россию с США и Китаем по своему потенциалу и возможностям.

Молодые люди поддерживают смену вектора внешнеполитического курса РФ со смещением акцентов на Восток. 35,4 % респондентов считают наиболее важным выстраивание отношений со странами Азии, а 20,6 % приоритетным направлением выделяют постсоветское пространство, глее Россия – гарант мира и стабильности (36,5 %).

Деятельностный уровень сложно поддается измерению, в особенности в срезе оценки внешнеполитических ориентаций. В целом только треть молодежи участвуют в политической жизни страны. Вместе с тем они принимают участие в различных мероприятиях, которые связаны с реализацией различных внешнеполитических приоритетов РФ, например, оказывают помощь участникам СВО. Молодые люди готовы ради укрепления статуса России на международной арене отказаться от туристических поездок и хранения денег в иностранной валюте. Только треть молодых людей готовы воевать за свою страну; и этот показатель ваимосвязан с патриотической самоидентификацией.

По данным анализа опросов 2023 и 2024 гг. было выявлено, что внешнеполитические ориентации молодежи являются достаточно устойчивыми. Результаты показали, что они более взаимосвязаны с полом, материальным положением, возрастом и профессиональным статусом респондентов, однако значительных региональных отличий не наблюдается.

Литература

1. *Чугров С.* Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. – 2007. – № 4. – С. 46–65.
2. Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет. Опрос ВЦИОМ (10.04.2023): [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet (дата обращения: 28.06.2024).

3. Россия на международной арене: оценка внешней политики. Опрос ФОМ (14.06.2024): [сайт]. – URL: https://fom.ru/Politika/15032 (дата обращения: 28.06.2024).
4. *Левашов В.К.* Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 113–127. – DOI: 10.31857/S0132162524040107.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.04.2023. – № 14. – Ст. 2406.

УДК 316.35

ВЛИЯНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА НА СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЁЖИ

Сагдатуллина Альфия Каюмовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние кибербуллинга на социальное здоровье молодежи. Анализируются различные аспекты проблемы, включая психологические последствия, социальную изоляцию, снижение академической успеваемости и долгосрочные негативные последствия для психического и физического здоровья. В статье подчеркивается важность осознания масштабов проблемы и необходимости профилактических мер для создания безопасной среды для молодых людей.

Ключевые слова: кибербуллинг, социальное здоровье, молодежь, психологическое воздействие, психологические проблемы, социальная изоляция, социальная адаптация, профилактика, социальная конфликтология.

Здоровье человека многогранно. Для полноценной счастливой жизни человек должен быть здоров не только физически и психически, но и социально. Социальное здоровье включает в себя возможности для самореализации, получения образования и медицинской помощи и определяется как состояние организма, дающее человеку возможность контактировать с социумом.

Актуальность исследования темы влияния кибербуллинга на социальное здоровье молодёжи обусловлена рядом факторов. С развитием информационных технологий и широким распространением интернета, особенно среди молодых людей, возросла значимость проблем, связанных с кибербуллингом. Влияние виртуального пространства на психологическое благополучие и поведение молодежи трудно переоценить. Кибербуллинг может вызвать серьёзные психологические проблемы, включая депрессию, тревожность и даже суицидальные мысли. В современном мире подростки всё чаще сталкиваются с угрозами и преследованиями онлайн, что влияет на их социальную адаптацию, взаимоотношения со сверстниками и общую ментальную устойчивость – все эти факторы негативно влияют на общее социальное здоровье молодёжи.

Понимание влияния кибербуллинга на социальное здоровье молодёжи важно для разработки эффективных стратегий и политики по профилактике и борьбе с этим явлением. Только через всесторонний анализ и понимание этой проблемы возможно создание безопасной онлайн-среды, которая обеспечит благополучие подрастающего поколения.

Кибербуллинг представляет собой вид психологической агрессии, которая развивается в онлайн-среде и в основном нацелена на молодежь. Это явление серьезно угрожает физическому и эмоциональному состоянию подростков, приводя к долгосрочным негативным последствиям. Отличительные черты кибербуллинга включают различные формы агрессивного поведения, такие как оскорбления, угрозы, распространение ложных сведений или клеветы о жертве. Кибербуллинг может осуществляться через социальные сети, мессенджеры или электронную почту [3].

Главное отличие кибербуллинга от традиционных форм агрессии — в его анонимности. Злоумышленники скрываются за псевдонимами и поддельными учетными записями, что усложняет их выявление и привлечение к ответственности.

Кибербуллинг оказывает глубокое психологическое воздействие на жертву. Постоянные унижения, издевательства и угрозы в интернете могут привести к возникновению стресса, тревожности, депрессии и других психических расстройств. Молодые люди, страдающие от кибербуллинга, часто чувствуют себя одинокими и отвергнутыми сверстниками, что может привести к социальной изоляции [3].

Кроме того, последствия кибербуллинга затрагивают не только жертв, но и все общество. Как правило, такие случаи вызывают возмущение и беспокойство у родителей, учителей и законодателей. Это может привести к изменению законов и принятию мер по борьбе с кибербуллингом, включая обучение безопасному и ответственному поведению в интернете.

Влияние кибербуллинга на социальное здоровье молодежи проявляется в ряде серьезных психологических и социальных проблем. Постоянное воздействие агрессивного поведения в сети, включая оскорбления, угрозы и унижения, создает длительное психологическое давление на подростков. Это может привести к развитию тревожных расстройств, депрессии и снизить уровень самооценки [2, с.117].

Психологический ущерб от кибербуллинга выражается не только в ухудшении эмоционального состояния жертв, но и в их социальной изоляции. Подростки, подвергшиеся агрессии в интернете, нередко начинают избегать общения и замыкаться в себе, что ухудшает их способность к социальному взаимодействию. Это может отрицательно сказаться на формировании дружеских отношений и навыков межличностного общения, особенно в контексте школьной среды.

Кроме того, кибербуллинг может повлиять на академическую успеваемость, снижая мотивацию к учебе и приводя к пропускам занятий. Подростки, столкнувшиеся с кибербуллингом, могут ощущать снижение мотивации и интереса к учебе, что приводит к ухудшению успеваемости [2, с.118].

В долгосрочной перспективе воздействие кибербуллинга может вызывать хронические стрессовые реакции, приводить к нарушениям сна и даже вызвать психосоматические заболевания. Это также может повлиять на будущие социальные взаимодействия, вызывая трудности в установлении доверительных отношений и адаптации к взрослой жизни [4, с.224].

Стратегии и методы предупреждения кибербуллинга среди молодежи играют ключевую роль в обеспечении безопасности и благополучия подростков в онлайн-пространстве. Одна из таких стратегий — повышение осведомленности и образование. Подростки должны быть осведомлены о том, что представляет собой кибербуллинг, как его распознать и насколько он опасен. Для этого можно использовать различные форматы: лекции, тренинги или общественные мероприятия, которые учат молодых людей выявлять признаки кибержестокости и рассказывают о возможных последствиях для жертвы.

Еще одной важной стратегией является создание безопасной онлайн-среды. Молодежь должна понимать, что они находятся под защитой сообщества, где каждый имеет право быть услышанным и уважаемым. Разработка политик нулевой терпимости к кибербуллингу и вмешательства на платформах социальных сетей может помочь создать безопасное пространство для всех пользователей. Также важно обучать молодежь навыкам цифровой этики и эмоционального интеллекта. Молодые люди должны осознавать, что их действия в онлайн-пространстве имеют реальные последствия для окружающих.

Литература

1. *Бутовская М.Л., Русакова Г.С.* Буллинг и буллеры в современной российской школе // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 99–115.
2. *Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А.* Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 117–129.

3. Киберугрозы, киберагрессия, кибербуллинг: различия в восприятии, оценке и поведении у разных групп населения Российской Федерации // Аналитика РАЭК: [сайт]. – 2017. – URL: https://raec.ru/activity/analytics/9880/ (дата обращения: 27.10.2024).
4. Социальная коммуникация в современном российском обществе: сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20 окт. 2022 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц; ред. Е.Ю. Иванова, П.С. Юрьев. – М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2023. – 567 с.

УДК 316.35

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЖИЗНЕННОЕ ВРЕМЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Снежко Галина Евгеньевна
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

Аннотация. В статье выделены новые характеристики жизненного пространства и жизненного времени современной молодёжи. Рассматриваются последствия придания значений конкретным местам реального пространства; фиксируется усложнение жизненного пространства и жизненного времени по мере взросления индивида; прослеживается формирование множественных идентичностей в виртуальном пространстве Интернета, расширение кругов общения, не ограниченных временем. Показано, что изменение отношения общества к подрастающему поколению в XX–XXI в. носит противоречивый характер, что привело к такому темпоральному следствию как замедление процесса взросления. Делается вывод о способности новых характеристик жизненного пространства и жизненного времени трансформировать пространство и время всего общества.

Ключевые слова: жизненное пространство, жизненное время, подростки.

Понятие «жизненное пространство» является широковостребованным во многих областях социогуманитарного знания – от социально-экономической географии и теории геополитики (Ф.Ратцель) до социологии, философии и психологии [3]. Это связано с осознанием ценности человеческой жизни как на уровне больших социальных общностей, так и на уровне отдельного индивида. Человеческая жизнь разворачивается не только в конкретных местах географического пространства, а также слоях пространства социального, но осуществляется благодаря формирующимся в ходе приобретения жизненного опыта представлениям, фантазиям, страхам, желаниям, выступающих «запускающим механизмом» человеческого поведения. Придание того или иного значения конкретному месту реального пространства влечёт за собой и соответствующее поведение в нём. Такая «контекстуальность» поведения не является безграничной, но тем не менее, обрисовывает спектр возможных превращений поведенческих актов.

При этом пространство не существует вне времени: жизненное пространство постоянно изменяется, а время выступает формой переживаний этих изменений со стороны их продолжительности, ритмичности, направленности, скорости и т.д. Усложнение жизненного пространства по мере взросления индивида сопровождается и усложнением жизненного времени: дифференциацией прошлого и настоящего, уточнением длительностей всех процессов, происходящих с человеком и переживаемых им, предвосхищением и планированием будущего.

В современную эпоху жизненное пространство обогащается ещё одной областью – виртуальным пространством Интернета. Оно высвечивает те возможности, которые ранее были в свёрнутом виде присущи жизненному пространству, но не проявлялись столь очевидным образом. Действительно, множественные идентичности, которые стали осуществимы в виртуальном мире, позволяют временно проживать разные жизни, находиться в разных местах или

даже «вне мест». Проживать чужую жизнь, примерять на себя ину́ю роль можно было и раньше, например, с помощью маски. И если с древнейших времён маска позволяла изменять внешние характеристики и поведение личности ситуативно, то в виртуальном пространстве Интернета эта ситуативность сменяется на константность: пребывать в образе выбранной маски можно практически постоянно.

То же самое можно сказать и о компьютерных играх. В игре актор виртуального мира может перемещаться из точки «теперь» как в прошлое, так и в будущее. Причём сами прошлое и будущее могут быть далёкими или близкими, устрашающими или желательными, притягивающими или отталкивающими. Они могут выступать условиями настоящего или, напротив, быть результатом его осуществления. Благодаря этим возможностям, предоставленным компьютерными программами и воображением их создателей и самого игрока, жизненное время обретает дополнительные измерения, а также свойство обратимости.

Подобные превращения происходят и с жизненным пространством игрока. Он может мысленно перемещаться из точки «здесь» в другие пространства, что умножает размерности виртуального пространства. Множество мест и времён, в которых может оказываться игрок, превращаются в лабиринт, затягивающий и привлекательный, нахождение в нём занимает всё больше реального часового времени. Потеря ориентиров, размывание границ реального и виртуального трансформируют жизненное пространство и жизненное время индивида.

Интернет открывает и другие возможности: например, сетевое общение. Социальные сети, формирующиеся в Интернете, позволяют осуществлять общение с другими людьми не в реальных, а в виртуальных пространствах. Это особенно удобно для подростков: встречи в неформальной обстановке осуществляются сегодня не только в торговых центрах или на стадионах, но и в сетевых публичных кругах общения [1]. Расширение этих кругов ограничивается интересом и возможностями самого субъекта, но не временем.

Такое свойство современного мира, как рефлексивность, на которую обратил внимание Э.Гидденс, привело к проникновению рефлексивности «внутрь» личности: «личность становится рефлексивным проектом» [4, с.32]. Другими словами, ответственность за создание и сохранение собственной личности приобретает всеобъемлющий характер. Одновременно ответственность умаляется: «нырок» в виртуальный мир может осуществлять один и тот же человек, но находиться в нём будет уже совсем другой. В связи с этим возникает вопрос: когда можно говорить о сформировавшейся рефлексивности? Этот же вопрос можно задать и иначе: как прививается подросткам мера ответственности за свои поступки? Это – вопросы одного порядка и связаны они с «замедлением процесса взросления» [1, с.150], явившимся одним из результатов изменения отношения общества к подрастающему поколению, произошедшем в XX веке.

Забота взрослых о подрастающем поколении проявляется в разнонаправленных действиях: с одной стороны, жизненное пространство подростков расширялось благодаря повышению интереса к вопросам благополучия детей и вытекающему отсюда введению запретов на детский труд, внедрению обязательного среднего образования и формированию ювенальной юстиции (в разных странах – в разное время). Так, с 1973 г. были приняты Конвенции и Рекомендации о минимальном возрасте детского труда. В целях эффективного искоренения наихудших форм детского труда Международной организацией труда в 1999 г. была принята Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, согласно этой Конвенции термин «ребенок» предлагается применять ко всем лицам в возрасте до 18 лет. К «наихудшим формам детского труда» относятся все формы рабства, принудительный или обязательный труд; использование ребенка для занятия проституцией, для занятия противоправной деятельностью (в частности, для производства и продажи наркотиков); работа, которая по своему характеру может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей [2].

С другой стороны, опасения за детей и подростков заставляют государственные органы вводить новые ограничения, что сужает их жизненное пространство и время. Эти ограничения могут касаться допустимого времени нахождения на улице, необходимости разрешения

родителей на некоторые виды деятельности и т.п. На это противоречие (между расширением и сжатием жизненного пространства и времени) накладывается всё более усиливающийся разрыв между требованиями социального окружения по отношению к подросткам и их стремлением быть независимым от этих требований.

Таким образом, жизненное время приобретает сегодня действительно новые характеристики: обратимость вместо необратимости, многомерность вместо одномерности, всё бóльший разрыв с реальным временем (вытекающий, в том числе, из возможности продолжать личное общение между близкими по интересам и духу людьми, не согласовывая это с астрономическим временем и т.д.). А жизненное пространство испытывает противоречивые воздействия со стороны и общества, и индивидов. Всё это в совокупности будет трансформировать пространство и время всего общества.

Литература

1. *Бойд Д.* Всё сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 352 с.
2. Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Конвенция 182]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/-convention182.shtml (дата обращения: 15.07.23)
3. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
4. *Giddens, A.* Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. – Stanford University Press, CA, 1991. – 264 p.

УДК 316.35

СИНЕМАЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ У МОЛОДЁЖИ СПОСОБНОСТИ К ЗАЩИТЕ ОТ МАНИПУЛЯЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Соколова Ксения Юрьевна,
Шибанова Наталья Александровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Оскилко Юлия Вячеславовна
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен проект, реализованный в рамках гранта «Синемология. Под углом», и направленный на развитие у молодежи критического мышления и защите от манипуляций в условиях современного цифрового общества. В рамках диалог-исследования студенты ВУЗов и ССУЗов Республики Татарстан распознавали манипуляции, используемые героями сериала, учились реагировать на них, рефлексировали. Экспресс опрос по завершению проекта показал востребованность данного проекта, его перспективность при масштабировании.

Ключевые слова: синемалогия, кинотерапия, фильмы, сериалы, молодежь, эмоции, манипуляции.

Современная молодежь сталкивается с новыми вызовами и угрозами, исходящими из самой природы информационного общества. Широкое распространение информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», появление онлайн-кинотеатров и получение возможности безлимитного просмотра фильмов и сериалов способствовало колоссальному росту информационного потока, обрушившегося на новое поколение. Мощный поток информации разрушил многие барьеры, обеспечивавшие фильтрацию информации, ее критический анализ и осознанное потребление. Постоянный безграничный доступ к информации

приводит к ее обесцениванию, расширяет возможности использования ее в деструктивных целях (манипуляции, троллинг, буллинг и т.д.), способствует негативным явлениям и процессам в различны сферах жизни (от цветных революций до разрушения духовных ценностей, угрозы здоровью и жизни отдельного человека).

Многих исследователей привлекает вопрос влияния потока информации именно на молодежь, на тех, кто будет принимать ключевые решения в ближайшем будущем. Часть авторов делает акцент на негативных последствиях и утверждает, что «медийное пространство часто транслирует противоречивые нравственные идеалы, ценности, образцы поведения, что не может не сказаться на ценностных ориентациях юношества… Молодое поколение в своем большинстве придерживается гедонистического образа жизни, ценности которых – получение наслаждения, максимального комфорта в своей жизни, где удовольствие считается высшим благом» [1, с. 369]. Другие ученые подчеркивают, что «популярность онлайн-платформ для общения ведет к риску возникновения чувства одиночества, тревожности, снижению уровня коммуникации в обычной жизни [2, с. 1]. Однако необходимо учитывать бинарность последствий роста информационного потока: при критическом подходе и необходимой фильтрации информация выступает как благо, как источник развития и возможностей, а непосредственно просмотр кинокартин способствует «возвращению целостности сознания» [3, с. 15].

В настоящее время, когда выбор фильмов и сериалов не ограничен границами государства и языковыми барьерами, молодежь, как правило, подходит к выбору кинопродукции без тщательного анализа произведения и без последующей саморефлексии. По результатам всероссийского онлайн-опроса 2024 года важнейшими критериями при выборе фильмов и сериалов оказался сюжет (66%) и игра актеров (52%), для 71% опрошенной молодежи просветительская функция кино оказалась важной; при этом молодежь предпочитает комедии (48%), фэнтези (46%) и приключения (35%) [4]. Исследователи отмечают, что возможности «современного кинематографа позволяют эффективно внедрять новые ценности и поведенческие паттерны в массовое сознание и бессознательное. Эмоциональное воздействие образа позволяет ему легко преодолевать барьеры восприятия и рефлексивную критику сознания» [5, с. 12]. Исходя из понимания силы воздействия современного кинематографа на молодежь, мы поставили перед собой задачу – оценить в рамках синемалогии возможности кинопродукции в формировании у молодежи компетенции критического мышления, способности защиты от манипуляций и негативного воздействия СМИ, способности экологично проживать собственные эмоции. При решении поставленной задачи, мы согласно трактовке А. Менегетти, понимали под синемалогией процесс дешифрования образных посланий кинопродукции и осуществления адекватного самооценивания, извлечения и закрепления полученной информации [6, с.131]. Молодежь как объект исследования была выбрана по нескольким причинам: широкая доступность кинематографа во время взросления данного поколения; сниженные требования к способам фильтрации полученной в ходе просмотра информации; низкая способность экологично проживать собственные эмоции – неугодные и ненужные эмоции подавляются. И необходимое для психологического здоровья «единство «внешнего» и «внутреннего» компонентов эмоций» не происходит. Подавленное внешнее проявление эмоций способствует переполнению внутренней составляющий. На данную особенность в 1972 году обратил внимание А. Менегетти, который утверждал, что при просмотре кинокартины наиболее откликаются эмоциональные моменты, совпадающие с актуальными у зрителей, таким образом, человек проживает свои проблемы [7, с. 39-41].

Исследование было реализовано в рамках грантового проекта «Синемология. Под углом» от «Росмолодежь. Гранты» в 2024 году. Выборка составила 1 800 человек (обучающихся ВУЗов и ССУЗов, расположенных на территории Республики Татарстан). Одна сессия диалог-исследования длилась 1,5 часа и состояла из трех блоков: 1) теоретического; 2) просмотр сериала и анализ действий и слов героев; 3) подведения итогов. В теоретическом блоке определялся основной понятийный аппарат исследования, участников знакомили с видами и способами манипулятивных тактик, а также способами противодействия. Подача материала осуществлялась нативно, обыденным языком, через интерактивное взаимодействие

с присутствующими. Отметим, что теоретический блок и предварительный психологический разбор поведения героев подготовлен при содействии практикующего психолога. Во втором блоке был показан отрывок из сериала «Жить жизнь», проанализированы слова, действия и мимика героев, с психологической точки зрения. Участники выявили использованные манипулятивные тактики и «крючки». Сериал, выбранный для просмотра, был знаком единицам, однако, на наш взгляд это оказало положительное влияние на исследование, поскольку абсолютное большинство участников находились в идентичных условиях. В заключительном блоке исследования подводились итоги, были смоделированы схожие ситуации, о которых присутствующие могли высказать собственное мнение на основе ранее полученной информации.

После проведения каждой сессии диалог-исследования с помощью QR-кодов была собрана обратная связь по трем вопросам касательно исследования и предложения по улучшению программы мероприятия. Абсолютное большинство респондентов отметили пользу данного мероприятия для собственного развития (90%) и выразили готовность в дальнейшем участвовать в подобных мероприятия (74%). Также большинство респондентов положительно оценили перспективу масштабирования данного мероприятия и охвата им школьников, возможно путем введения в школьную программу (табл.1). Важно помнить, что хотя первое погружение в информационную среду происходит еще в дошкольном возрасте, школьный период характеризуется активным потреблением информационного контента. Представляется, что именно в школе необходимо закладывать основы критического мышления, для защиты молодежи от деструктивного влияния сети, обучению конструктивной работы с возможностями информационного потока.

Таблица 1

Оценка респондентами мероприятия (n = 1800 чел.)

	Принесло ли диалог-исследование пользу для вашего развития	Хотели ли бы вы участвовать в дальнейшем в похожих мероприятиях	Считаете ли вы полезным внедрение подобных мероприятий в школьную программу
Да	1620 (90%)	1332 (74%)	1620 (90%)
Нет	72 (4%)	180 (10%)	54 (3%)
Затрудняюсь ответить	108 (6%)	288 (16%)	126 (7%)

Данные опроса позволили оценить подобное мероприятие как перспективное. В последующем в диалог-исследования авторы планируют добавить игровые элементы, призы за активное участие и правильные ответы, а также больше жизненных примеров – именно такие пожелания озвучили участники проекта.

В современных условиях, когда «кино, телевидение и интернет являются основными источниками информации и развлечений для молодежи» [8, с. 2] синемология способна не только обеспечить психологическую разгрузку молодежи через экологичное проживания «запретных», «вытесняемых» эмоций, но и дать участника набор теоретических знаний и практических навыков, которые они могут эффективно использовать в личной и профессиональной сферах.

Литература

1. *Суворова О.В., Горелова К.А.* Ценностные ориентации и предпочтения кинопродукции у современной молодежи // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-1. – С. 369–372.

2. *Ионова М.С., Резепова Н.В., Курдюкова А.А.* Кинотренинг как средство развития коммуникативной сферы студентов, склонных к интернет-зависимому поведению // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – № 1. – С. 1–13.
3. *Туманова О.И., Кулагина И.В.* Развитие и становление кинотерапии как инновационный метод в арт-терапии // Universum: психология и образование. – 2021. – № 4(82). – С. 14–15.
4. Официальный сайт Российского общества «Знание»: [сайт]. – URL: https://znanierussia.ru/news/ne-tolko-razvlechenie-83-rossiyan-smotryat-kino-s-celyu-polucheniya-novyh-znanij (дата обращения: 12.10.2024).
5. *Авдеенко Е.В.* Художественное кино как инструмент манипуляции поведением личности и общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2024. – № 1(221). – С. 4–15.
6. *Босов Д.В., Доля Р.Ю.* Анализ научных подходов к рассмотрению потенциала кинотерапии в работе с детьми, имеющими психические отклонения. Часть 2. Комплексный социологический анализ теоретических основ оказания адресной помощи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2020. – № 1. – С. 130–139.
7. *Лаврентьева М.Ю.* Роль кинофильмов в актуализации и проживании эмоций // Вестник науки. – 2020. – № 7(28). – С. 37–44.
8. *Михалева Г.В.* Сюжетный анализ образа семьи и семейного воспитания в отечественном игровом кинематографе (1920–2020) в контексте медиаобразования // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2024. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetnyy-analiz-obraza-semi-i-semeynogo-vospitaniya-v-otechestvennom-igrovom-kinematografe-1920-2020-v-kontekste (дата обращения: 05.10.2024).

УДК 316.35

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тазетдинова Наталья Леонидовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

*Аннотация***.** В статье рассматривается цифровое неравенство в системе высшего образования, его последствия и риски. В статье проведен вторичный анализ эмпирических исследований, рассмотрены современные подходы, сделаны выводы о необходимости эффективной разработки «новой грамотности».

Ключевые слова: цифровизация, цифровое неравенство, институт высшего образования, цифровая образовательная среда, информационный разрыв.

Произошедшая в XX веке цифровая революция, привнесла изменения во все сферы жизнедеятельности общества. Изменилась структура общества, формат коммуникации между людьми, изменилась повседневность людей. Кроме того, трансформировались ценности, жизненные устои, привычки. В современных реалиях ученные и исследователи все больше говорят о техногенном обществе, обществе риска, сетевом обществе, ведут споры об обществе модерна и постмодерна.

Особенно актуальной проблемой в современном обществе становится увеличивающая социальная дифференциация, обостряющаяся ограниченным доступом к современным информационным технологиям, Интернету, использованию возможностей искусственного интеллекта. Проблемы цифрового неравенства особенно актуальными являются в России. Множество факторов способствуют этому, например, обширные территории страны, которые диспропорционально сказываются на доступности информационных технологий – отдаленность

регионов от Москвы влияют на неравномерное распределение технологий, доступных населению [1, с. 207].

В системе высшего образования с каждым годом все больше актуализируется проблема цифрового неравенства, ведь за последние несколько лет институт высшего образования встретился с множеством вызовов, среди которых: дистанционный формат обучения, внедрение цифровых технологий, появление возможностей применения искусственного интеллекта, необходимость разработки отечественного программного обеспечения.

Среди факторов обуславливающих цифровой разрыв, ученые отмечают социально-экономические и демографические характеристики. Так, например, Н. Зилен и Э. Харгиттаи приходят к выводу, что работающие люди реже пользуются сетью Интернет. А. ван Дорсен и Я. ван Дейк отмечают, что люди с высоким уровнем образования чаще используют сеть Интернет для обучения, повышения своих навыков, чем люди с низким уровнем образования [2, с. 50].

Цифровой разрыв ощутим между разными группами студентов, а также между студентами и преподавателями. На уровень компетенций влияют различные факторы: умение коммуницировать, наличие практических навыков работы с разными цифровыми инструментами и платформами, готовность к обучению и непрерывной адаптации и т.д. Безусловно, имеет значение уровень материального обеспечения студентов, ведь студенты из малообеспеченных семей или отдаленных регионов могут не иметь доступа к качественным образовательным ресурсам. Кроме того, важным аспектом является осведомленность об этике цифрового поведения – умение общаться и взаимодействовать в цифровой среде в онлайн-формате требует развитых навыков взаимодействия и знаний об этике цифровых технологий.

Исследовательский вектор в научном сообществе сейчас направлен на исследование проблем интеграции инновационных технологий в учебный процесс. Существует точка зрения, что внедрение цифровых технологий будет открывать новые образовательные возможности, повышать качество образования и делать его доступнее, нивелируя социальные проблемы института высшего образования [3, с. 30]. Однако, учитывая неопределенность социально-экономической ситуации, вопросы образовательного потенциала остаются неопределенными, глубоко не изученными.

В целях определения оценки студентами цифрового обучения с позиции его перспектив, было проведено социологическое пилотное исследование А. Новсковой, Д. Голоуховой, Е. Кузьминой в работе «Неравенства в образовании и перспективы цифрового обучения в оценках студентов» [4, С. 29]. По результатам исследования, в выборке которого участвовало 400 студентов, авторами был сделан вывод об увеличивающейся социально-образовательной дифференциации, связанной с обладанием цифрового капитала. Оценки перспектив развития цифровизации высшей школы неоднозначны.

В работе «Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения» авторы апробируют трехуровневую модель цифрового разрыва на примере Республики Татарстан [5, с. 41]. Исследователями было отмечено, что трехуровневая теория подходит для изучения цифрового разрыва в российских регионах. Авторами сделан вывод о многосложности проблемы цифрового неравенства в российском обществе – цифровое неравенство не ограничивается доступом к Интернету и ИКТ. Для комплексного рассмотрения проблемы, необходимо обращаться также к второму и третьему уровням цифрового неравенства – выявлять взаимосвязь цифровой включенности индивида с его статусом в обществе, возможностями для самореализации.

Одним из новых подходов рассмотрения проблем цифровой грамотности является четырехкомпонентная модель цифровой грамотности [6, с. 87]. Так, А. Шариков в своей работе «О четырехкомпонентной моделицифровой грамотности» рассматривает цифровую грамотность в пространстве конструктов: технико-технологическое/социогуманитарное и возможности/угрозы. Таким образом автор делает попытку охватить теоретические и практические подходы цифровой грамотности и описать ее при помощи четырех компонентов. На основе данной модели можно проводить эмпирические исследования по измерению уровня грамотности.

Таким образом, проблема цифрового неравенства, находясь под пристальным вниманием исследователей и ученых, с каждым годом актуализируется и поднимает необходимость формирования «новой грамотности» в контексте цифровых технологий, ведь для высокого уровня цифровой грамотности необходимы знания, навыки социально-психологического и этического характера.

Литература

1. *Айнуллина Е.Р.* Цифровое неравенство в России: причины и последствия // Сборник статей по материалам II Международного научного онлайн-форума (Белгород, 15–17 февр. 2023 г.). – 2023. – С. 205–216.
2. *Костина Н.Б., Чижов А.А.* Цифровое неравенство при цифровизации образовательного процесса: социологический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 48–59.
3. Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». – URL: http://neorusedu.ru (дата обращения: 11.11.2024).
4. *Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И.* Неравенства в образовании и перспективы цифрового обучения в оценках студентов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 62. – С. 29–39.
5. *Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Массимо Р.* Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. – 2019. – № 4. – С. 41–72.
6. *Шариков А.В.* О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – № 1. – С. 87–98.

УДК 316.35

ЛОВУШКА ДОСТУПНОСТИ: КАК ПРОБЛЕМА ЖИЛЬЯ ФОРМИРУЕТ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТАРНСТВО МОЛОДЕЖИ

Хазиева Айгуль Маратовна

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

Аннотация. Статья анализирует проблему доступности жилья для современной молодежи, раскрывает негативные стороны отсутствия жилья, подчеркивая, что жилье - не просто физическое пространство, а фундамент для построения семьи, самореализации и построения карьеры. Рассматриваются факторы, усугубляющие проблему, а также предлагаются комплексы мер для решения проблемы.

Ключевые слова: доступность жилья, молодежь, самореализация, финансовое положение, нехватка доступного жилья, государственная поддержка, социальная политика

Молодость – время самоопределения, мечт и планов. Но что происходит, когда основные жизненные ресурсы недоступны? Сегодня проблема доступности жилья для молодежи становится все более острой и влияет не только на финансовое положение, но и формирует жизненное пространство целого поколения.

Не просто крыша над головой: Доступность жилья – это не просто физическое пространство, это основа для развития личности и самореализации. Жилье влияет на возможности строительства карьеры, создания семьи, участия в общественной жизни и даже на психологическое благополучие.

Факторы, усугубляющие проблему:

1) Высокие цены на жилье: В большинстве городов стоимость жилья несопоставима с зарплатами молодых людей. Недвижимость становится не более чем недостижимой мечтой.

2) Нехватка доступного жилья: Количество жилья, доступного по ценам, соответствующим доходам молодежи, ограничено.

3) Сложности с ипотекой: Ипотечные кредиты часто имеют высокую процентную ставку и требуют значительного первоначального взноса, что делает их недоступными для многих молодых людей.

4) Неустойчивая финансовая ситуация: Молодежь часто встречается с неустойчивой финансовой ситуацией ввиду нестабильной работы, отсутствия достаточного опыта и необходимости создавать "стартовый капитал".

5) Социальное давление: Общество часто ожидает от молодых людей быстрой и успешной карьеры, создания семьи и приобретения собственного жилья, что создает дополнительное психологическое давление и негативно влияет на их жизненное пространство.

Последствия проблемы доступности жилья:

1) Ограниченные возможности самореализации: Невозможность приобрести собственное жилье ограничивает возможности молодых людей строительства карьеры, переезда в другие города и создания семьи.

2) Финансовые трудности: Молодые люди часто тратят значительную часть своего дохода на аренду жилья, что ограничивает их возможности экономить и инвестировать в будущее.

3) Психологическое давление: Отсутствие собственного жилья может вызывать чувство неуверенности, тревоги и беспокойства за будущее.

4) Нарушение социальных связей: Невозможность жить самостоятельно может ограничивать возможности молодых людей строить собственные отношения и создавать собственную семью.

5) Увеличение неравенства: Проблема доступности жилья усугубляет социальное неравенство, так как молодые люди из бедных и средних семей имеют меньше возможностей приобрести собственное жилье, чем их более зажиточные сверстники.
Решения:

1) Государственная поддержка: Правительство может предоставлять финансовую помощь молодым людям для приобретения жилья, например, в виде субсидий, льготных кредитов и программ социального жилья.

2) Развитие доступного жилья: необходимо создавать больше доступного жилья по ценам, соответствующим доходам молодежи.

3) Регулирование рынка недвижимости: необходимо ввести меры, которые ограничат рост цен на жилье и сделают рынок более доступным для молодежи.

4) Стимулирование предпринимательства: необходимо создавать условия для развития предпринимательства среди молодежи, чтобы увеличить их доходы и возможности приобрести собственное жилье.

5) Социальная политика: необходимо развивать социальную политику, которая будет направлена на улучшение жизненных условий молодежи, в том числя предоставление качественного образования и медицинской помощи.

Заключение:

Проблема доступности жилья является одной из наиболее актуальных проблем современной молодежи. Она не только влияет на финансовое положение молодых людей, но и ограничивает их возможности самореализации, формирует их жизненное пространство и влияет на их психологическое благополучие. Для решения этой проблемы необходимо принять комплексные меры, направленные на улучшение доступности жилья и создание более справедливых и устойчивых условий жизни для молодежи.

Литература

1. *Левин Ю.А.* Муниципальный лизинг: поиск новых возможностей и формирование рынка доступного жилья // Система государственного и муниципального управления: проблемы и перспективы развития: материалы конф. (Москва, 3 дек. 2008 г.). – 2008. – С. 7–8.

2. *Дядченко С.Ф.* Современное жилье: в поисках нового стандарта // Архитектурное наследие: традиции и инновации: материалы конф. (Саратов, 9 февр. 2018 г.). – 2018. – С. 36.
3. *Губина С.А., Карпова Е.Г.* Социальная роль доступности жилья для молодежи как фактор социальной идентичности в мегаполисе // Пространство идентичности: материалы конф. (Москва, 3 дек. 2023 г.). – 2023. – С. 28.
4. *Попова А.В.* Ипотечное кредитование как эффективный инструмент решения проблем жилья для молодежи // Державинские чтения: материалы конф. (Тамбов, 29 апр. 2020 г.). – 2020. – С. 15–18.
5. *Давыдов И.Д., Налимова Е.Д., Степанова Н.Р.* Влияние цифровизации на рынок жилья для молодежи // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–19 апр. 2022 г.). – 2022. – С. 5.
6. Информационное агентство ТАСС: [сайт]. – URL: https://tass.ru/nedvizhimost/22298051 (дата обращения: 02.11.2024).

УДК 316.35

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Шаповалов Алексей Викторович
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье представлены данные социологического опроса молодёжи Ставропольского края (N = 12 825 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет). На основании анализа ценностей, авторитетов и значимых сторон добровольческой деятельности, отмечаемых молодыми людьми, предлагаются рекомендации по совершенствованию качества добровольческих проектов и программ. Особое внимание уделяется позиции работающего с молодёжью организатора добровольческой деятельности.

Ключевые слова: ценности, молодёжь, социальная активность, добровольчество, добровольческая (волонтерская) деятельность.

Социологическое изучение молодёжи как социальной группы, обладающей огромным потенциалом социальной активности и мобильности приобретает особую актуальность в периоды вызовов социуму. При этом важны как региональные исследовательские и практические кейсы активизации молодёжного социального участия [2], так и интеграция отдельных инструментов повышения социальной активности молодёжи в комплекс необходимых мер общероссийского масштаба.

В социологическом опросе[2], материалы которого представлены в данной работе, приняло участие 12 825 респондентов – представителей молодёжи Ставропольского края (возраст от 14 до 35 лет). Социологический опрос выполнен при поддержке Министерства молодёжной политики Ставропольского края. Задачей настоящего исследования стало рассмотрение активной жизненной позиции молодёжи (в том числе, участие её в добровольческой деятельности) как одной из важных, значимых сторон жизни молодого поколения.

Согласно данным проведенного исследования, только 47,5 % опрошенных принимают участие в добровольческой деятельности. При этом – см. таблицу 1, участие в общественной жизни как важную часть своей жизни отмечают 6 % опрошенных (данная ценностная установка занимает последнее место в распределении ответов участников опроса), а

[2] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

рассматривают добровольческую деятельность как ресурс для профессионального роста только 5 % опрошенных (см. таблицу 3).

Предпочтительными ценностями (сторонами жизни) для молодёжи являются здоровье – 72,7 % опрошенных в целом по совокупности. На «втором» месте – семья и родственники – у 64,5 % респондентов. Безопасность как важную сторону жизни отмечают 29,9 % участников исследования. Досуг и дружба как значимая часть жизни молодого поколения значимы для 26,1 % и для 25,7 % опрошенных соответственно.

Наименее значимыми ценностями (получившими менее 10 % мнений опрошенных) были обозначены правовая защищенность (7,9 %), экология (7,3 %), творческая самореализация (6,9 %) и участие в общественной жизни (6 %). Мы предполагаем, что эти ценности не выходят на первый план, поскольку, данный вопрос у опрошенных либо не стоит остро в качестве проблемы (как в случае с экологией), либо данная ценность уже реализована в виде успешной, удовлетворяющей индивида социальной практики (как в случае с участием активной молодёжи в общественной жизни). При этом, добровольческая деятельность как ресурс для профессионального роста интересует только 5 % опрошенных (суммарно, по двум группам опрошенных).

Таблица 1

Кросс-распределение ответов респондентов на вопросы
«Участвуете ли Вы в добровольческой (волонтерской) деятельности?»
и «Какие стороны Вашей жизни наиболее важны для Вас в настоящее время?», %

Какие стороны Вашей жизни наиболее важны для Вас в настоящее время?	**Участие в добровольческой деятельности**	
	Да	**Нет**
Здоровье (твоё и членов семьи)	34,6	38,1
Семья, близкие родственники	31,6	32,9
Безопасность (личная и родных)	14,3	15,6
Досуг (свободное время) и возможность его проведения	11,9	14,3
Дружба, общение с окружающими (друзьями, близкими)	12,5	13,2
Материальное благосостояние (деньги)	10,1	12,8
События, происходящие в стране	10,9	10,2
Хобби (любимое дело, увлечения)	9,3	9,2
Любовь	9,1	9,2
Образование	8,8	8,6
Профессиональное развитие (карьера)	8	8,6
Твоя личностная самостоятельность	7,8	8,6
Порядок и стабильность	7,3	8,4
Твой статус, положение в обществе	7,3	7,5
Религия	5,4	6,2
Свобода слова	4,6	6
Профессиональная ориентация / самоопределение (выбор будущей профессии)	5,4	5,1
Занятия спортом	5,4	5,2
Уважение других людей (то, как к тебе относятся / воспринимают тебя другие)	5,3	5,1
Правовая защищённость	3,7	4,2
Экология в месте твоего проживания	3,9	3,4

Творческая самореализация в наиболее интересующей тебя области	3,7	3,3
Участие в общественной жизни (помощь другим людям)	4,1	1,9
Отказ респондента от ответа	0,1	0,1

В категории «Другое» респондентами были выделены (дополнительно) семь следующих вариантов ответа – ценностей для современной молодёжи: *«собственное жильё», «дружелюбие», «патриотизм», «промышленность», «табак»* и *«проблема современной культуры и упадка уровня исторического и социального образования в обществе».*

Социальные субъекты, (см. таблицу 2) пользующиеся авторитетом у современной молодёжи (по мнению опрошенных) представлены (по степени значимости), в первую очередь, членами семьи (51,5 %), блогерами (50 %), друзьями (19,8 %).

Обращает на себя внимание несколько любопытных фактов из данного распределения:

- авторитет блогеров у молодых людей, не занимающихся добровольчеством выше, чем у молодёжи, участвующей в добровольческой деятельности;
- у подгруппы молодёжи, не принимающей участие в добровольческой деятельности, авторитет блогеров выше, чем членов семьи (на 0,8 %);
- авторитет представителей криминального мира на 0,3 % выше у подгруппы молодых людей, не занимающихся добровольчеством;
- авторитет представителей общественных организаций (НКО), общественных деятелей выше (на 0,7 %) среди представителей молодёжи, не занимающихся добровольчеством. Возможно, данное обстоятельство связано со «стажем» участия в добровольческой деятельности: чем дольше человек принимает участие в волонтёрских программах, тем больше он воспринимает представителей общественных организаций, зачастую выступающих в качестве организаторов добровольческой деятельности как своё привычное социальное окружение.

Таблица 2

Кросс-распределение ответов респондентов на вопросы «Участвуете ли Вы в добровольческой (волонтерской) деятельности?» и «Кто на Ваш взгляд, в настоящее время, пользуется наибольшим авторитетом у современной молодёжи?», %

Кто на Ваш взгляд, в настоящее время, пользуется наибольшим авторитетом у современной молодёжи?	**Участие в добровольческой деятельности**	
	Да	**Нет**
Члены семьи (родители, родственники)	24,9	26,5
Блогеры	22,7	27,3
Друзья, знакомые	19,8	21,8
Деятели культуры и искусства	12,4	13,7
Педагоги	9,7	8,8
Представители коммерческого сектора (бизнесмены, предприниматели)	7,5	7,2
Представители силовых структур	6,6	6,9
Политические деятели, представители политических партий	6,3	6,8
Представители общественных организаций (НКО), общественные деятели	4	4,7
Представители криминального мира	2,8	3,1
Другое	0,2	0,3
Отказ респондента от ответа	0,1	0,3

Наиболее привлекательными сторонами волонтерской деятельности выступают (для опрошенной молодёжи) желание участвовать в современном молодёжном движении – 45,1 %. На втором месте – желание помогать нуждающимся людям – 42,8 %. Подобным образом описывают ситуацию и результаты общероссийских социологических опросов ВЦИОМ [1]. При этом отметим, что у потенциальных волонтеров (тех, кто пока не вовлечен в волонтерскую деятельность) – восприятие привлекательности различных сторон добровольческой деятельности выше, чем у опрошенных, принимающих в ней участие – см. таблицу 3. Только патриотический мотив и потребность в реализации творческого потенциала «совпадает» по значимости у представителей двух групп.

Есть риски «выгорания» волонтеров, на которые необходимо обращать внимание организаторам добровольческой деятельности. Вторым признаком данной угрозы является больший процент отказов от ответа, присутствующий именно в группе участников добровольческих практик.

Таблица 3

Кросс-распределение ответов респондентов на вопросы «Участвуете ли Вы в добровольческой (волонтерской) деятельности?» и «Что кажется Вам наиболее привлекательным в добровольческой (волонтёрской) деятельности?», %

Что кажется Вам наиболее привлекательным в добровольческой (волонтёрской) деятельности?	**Участие в добровольческой деятельности**	
	Да	**Нет**
Желание участвовать в современном молодежном движении	20,8	24,3
Желание помогать нуждающимся людям	18,7	24,1
Желание быть полезным своему Отечеству	19,4	19,4
Желание выявить свои возможности, лучше узнать и понять себя	8,5	10,3
Возможность знакомиться и общаться с большим кругом сверстников	6,3	9,2
Понимание того, что это философия и стиль жизни третьего тысячелетия	5,9	6,9
Желание весело и активно проводить время	5,2	6,6
Профессиональное развитие (выбранное направление добровольческой работы развивает меня как специалиста)	4,6	6,2
Потребность в реализации своего творческого потенциала	5,2	5,2
Получение поощрений (приглашений на мероприятия, поездки и другое)	2,8	4,6
Добровольческая (волонтёрская) деятельность меня интересует как ресурс карьерного роста	2,3	2,8
Другое	0,1	0,1
Отказ респондента от ответа	4,7	1,4

Таким образом, по результатам проведенного исследования мы можем сделать выводы о том, что добровольческая деятельность как важная сторона жизни современной молодёжи вступает в «конкурентную борьбу» со временем, проводимым в обществе семьи, блогеров

(время, проводимое в сети Интернет) и друзей (особенно у представителей молодёжи, не участвующими в волонтёрской деятельности. Это необходимо учитывать организаторам молодёжных волонтерских проектов и программ, «наполняя» добровольческие практики соответствующим полезным для представителей молодого поколения, качественным ценностным содержанием.

При вовлечении молодёжи в волонтёрскую деятельность огромную роль играют «теплые контакты»: семья, друзья (в том числе, пример родительского участия и одобрение родителями участия детей в добровольческих движениях и практиках), позволяющие говорить о доверии к добровольческим организациям и практикам (проектам и программам). Авторитет педагогов у молодёжи, занимающейся добровольчеством выше, чем у ровесников, не вовлеченных в волонтерскую социальную активность. Возможно рассмотрение организаторами добровольческих проектов и программ (при наличии необходимых ресурсов и условий) данных кандидатур «ресурсных значимых взрослых» (в том числе, усиление данных позиций у организаторов добровольческой деятельности) как социальных агентов влияния на молодёжь с целью вовлечения последней в волонтёрскую деятельность. Необходим поиск позитивных примеров привлечения социально значимых для молодёжи персон для привлечения молодых людей в добровольческие проекты и программы.

Необходимо формирование добровольческих проектов и программ на базе мотивов и ценностей молодёжи, а также наиболее привлекательных сторон добровольческой деятельности. Вместе с тем, в работе с волонтерами (в том числе, и с потенциальными) необходимо уделять внимание программам профилактики выгорания (у потенциальных волонтеров – выше восприятие привлекательности различных сторон добровольческой деятельности – см. таблицу 3).

Учитывая все вышеизложенное, мы приходим к пониманию необходимости взаимодействия организаторов добровольческой деятельности (даже действующих на базе НКО) с государственными институтами, поскольку соблюдение вышеуказанных условий требует серьёзного ресурсного обеспечения.

Литература

1. Волонтёры России: мониторинг (4 декабря 2023 г.) // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring (дата обращения: 30.10.2024).
2. *Певная М.В., Тарасова А.Н.* Предрасположенность молодежи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 55–68.

УДК 316.35

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ

Шагидуллин Марсель Тальгатович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию воздействия цифровизации на социальную жизнь современной молодёжи. В работе анализируются как положительные, так и отрицательные аспекты этого процесса. С одной стороны, цифровые технологии открывают перед молодым поколением широкие возможности для коммуникации, доступа к информации и самовыражения. Интернет-платформы и социальные сети способствуют формированию новых форм сообществ, расширяют кругозор и позволяют участвовать в глобальных дискуссиях. С другой стороны, цифровизация может привести к социальной изоляции, зависимости от виртуальной реальности и распространению дезинформации. Также исследуются стратегии

адаптации к цифровым вызовам и способы минимизации негативных последствий. На основе анализа полученных данных делаются выводы о необходимости развития цифровой грамотности у молодёжи и создания безопасной и этичной digital-среды.

Ключевые слова: социальная жизнь, цифровизация, молодежь, интернет-коммуникация, социальные сети, информационная перегрузка, Интернет.

Цифровизация, стремительно проникающая во все сферы жизни, оказывает глубокое влияние на социальную жизнь молодежи, трансформируя способы коммуникации, формирования идентичности и построения отношений. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной реальности молодых людей, открывая перед ними новые возможности, но одновременно порождая и новые вызовы.

Влияние цифровизации на коммуникацию молодежи многогранно. С одной стороны, интернет и мессенджеры позволяют поддерживать связь с друзьями и семьей, независимо от расстояния, а также знакомиться с людьми со схожими интересами. Социальные сети предоставляют платформу для обмена идеями, мнениями и опытом, способствуя расширению кругозора и развитию критического мышления.

Так, доступ к информации и образовательным ресурсам благодаря интернету стал беспрецедентным. Молодежь может получать знания из различных источников, участвовать в онлайн-курсах, изучать иностранные языки и развивать свои навыки. Это способствует расширению кругозора, повышению уровня образованности и конкурентоспособности на рынке труда.

Цифровизация открывает новые возможности для гражданского участия и активной позиции. Молодежь может присоединяться к онлайн-кампаниям, подписывать петиции, участвовать в дискуссиях и выражать свое мнение по актуальным вопросам. Это способствует развитию демократических ценностей, вовлечению молодежи в общественную жизнь и формированию гражданской ответственности.

Однако, важно отметить, что цифровизация также несет в себе определенные риски. Виртуальная коммуникация может привести к дефициту face-to-face взаимодействия, что негативно сказывается на развитии социальных навыков и эмпатии. Постоянное пребывание в онлайн-пространстве может вызвать зависимость от социальных сетей, ведущую к изоляции и одиночеству.

Так, в это трудно поверить, но именно гаджеты, а не наркотики и алкоголь, сегодня являются основной причиной физического и психического истощения целого поколения молодых людей. Последствия «пристрастия к устройствам» уже проявляются в самых разных областях. Молодые люди ни к чему не стремятся и в финансовом отношении очень зависят от своих родителей. Согласно последним исследованиям, обычный подросток проводит девять часов в день за электронными устройствами (смартфоном, планшетом, компьютером, телевизором, видеоприставкой). Ообычный подросток тратит менее 15 минут из 9 часов ежедневного использования гаджетов на что-то действительно полезное [1].

Попробуем немного структурировать понятие цифровизации в целом.

Цифровизация, как понятие, прочно вошло в наш лексикон и стало неотъемлемой частью современного мира. В широком смысле, цифровизация означает переход от аналоговых к цифровым технологиям и процессам. Однако современное понимание этого термина выходит далеко за рамки простой замены физических носителей информации на электронные.

Цифровизация в XXI веке представляет собой глубокую трансформацию всех сфер жизни общества: экономики, образования, здравоохранения, культуры и др. Она предполагает не только использование цифровых технологий, но и изменение бизнес-моделей, организационных структур, а также менталитета людей.

Ключевым элементом цифровизации является сбор, анализ и использование больших объемов данных (Big Data). Благодаря развитию технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения, данные превращаются в ценный ресурс, позволяющий принимать более обоснованные решения, оптимизировать процессы и создавать новые продукты и услуги.

Следует отметить, что современное информационное общество претерпевает изменения в социальных связях между людьми. Это, по мнению М. Н. Бычковой и Г. А. Окушовой находит свое проявление в нелинейности и разновекторности и зависит от коммуникативной компетентности собеседников, степени информированности, владения электронными технологиями [2, с. 20-23].

Выделяют следующие особенности межкультурной интернет-коммуникации:

1. Наличие большого количества содержаний (сайты, форумы, мессенджеры).
2. Синхронность коммуникации (общение в реальном времени, снижение географических и коммуникативных барьеров в общении).
3. Фокусировка или концентрация (объединение участников по всему миру для обсуждения различной информации).
4. Многообразие (доступ к информации разного типа).
5. Возможность свободно высказывать личное мнение (право на высказывание мнения, право на выбор предоставляемой о себе информации).
6. Технические возможности (в том числе снижение языковых барьеров в общении).
7. Общение «один на один» (возможность к диалоговой речи без ограничений во времени).
8. Расширенная работа различных гиперссылок, упрощающая поиск информации и переход между вкладками.

Особенности интернет-пространства как коммуникативного пространства является: коммуникативность, интерактивность, информативность и удобство, своевременность и полиязычность.

Цифровизация также оказывает существенное влияние на формирование идентичности молодежи. Социальные сети предоставляют молодым людям возможность самовыражения и создания собственного образа. Они могут экспериментировать с различными ролями и персонами, находя свою нишу в виртуальном сообществе. Однако постоянное сравнение себя с другими пользователями может привести к неуверенности в себе и формированию нереалистичных ожиданий.

Построение отношений в цифровом веке также претерпевает изменения. Интернет-знакомства становятся все более популярными, расширяя возможности для поиска партнеров. Однако виртуальная коммуникация не всегда способна заменить живое общение, что может привести к недопониманию и разочарованию.

Важно отметить, что влияние цифровизации на социальную жизнь молодежи неоднозначно. Она открывает новые возможности для общения, самовыражения и развития, но одновременно таит в себе риски, связанные с зависимостью, изоляцией и искажением восприятия реальности.

Более того, распространение фейковой информации и кибербуллинга в онлайн-среде представляет серьезную угрозу для психического здоровья и безопасности молодежи. Важно развивать критический взгляд на информацию, а также учить молодых людей распознавать и противостоять онлайн-агрессии.

Правильное развитие цифровизации в сфере социальной жизни молодежи должно опираться на несколько ключевых принципов:

1. Доступность и инклюзивность: цифровые ресурсы и сервисы должны быть доступны для всех молодых людей, независимо от их социального статуса, места проживания или физических возможностей. Необходима разработка инклюзивных технологий и программ, которые учитывают индивидуальные потребности пользователей.
2. Безопасность и защита данных: важно обеспечить защиту личных данных молодежи в онлайн-пространстве, бороться с кибербуллингом и распространением вредоносного контента. Необходимо развивать цифровую грамотность среди молодых людей, обучая их безопасному поведению в Интернете.

3. Развитие критического мышления: цифровая среда изобилует дезинформацией и манипуляцией. Молодые люди должны быть способны критически оценивать информацию, отличать факты от мнений, понимать механизмы работы алгоритмов и социальных сетей.

4. Поощрение креативности и инноваций: цифровые технологии предоставляют огромные возможности для самовыражения, творчества и реализации идей. Важно поддерживать проекты, направленные на развитие цифровых навыков у молодежи, стимулировать создание инновационных решений в различных областях.

5. Баланс между онлайн и офлайн: необходимо поощрять здоровый баланс между виртуальным и реальным миром, чтобы цифровизация не вытесняла личное общение, физическую активность и участие в офлайн-мероприятиях.

Реализация этих принципов потребует тесного сотрудничества государства, бизнеса, образовательных учреждений и самих молодых людей. Только совместными усилиями мы сможем создать цифровую среду, которая будет способствовать развитию социальной активности, креативности и благополучия молодежи.

В заключение отметим, что цифровизация – это не самоцель, а инструмент, который может быть использован как для блага, так и во вред. От того, как мы будем развивать цифровую среду, зависит будущее социальной жизни молодежи.

Литература

1. Влияние современных технологий на развитие молодёжи // VC.ru: [сайт]. – URL: https://vc.ru/u/1745016-aleksandr-bocharov/666386-vliyanie-sovremennyh-tehnologii-na-razvitie-molodezhi (дата обращения: 23.10.2024).
2. *Бычкова М.Н., Окушова Г.А.* Коммуникативное пространство Интернета и молодежь: от «клипового» сознания до добровольческих комьюнити // Connect-Universum – 2012: влияние новых медиа на сознание и поведение молодежи: междисциплинарный подход: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / науч. ред. И.П. Кужелева-Саган. – 2012. – С. 20–23.

УДК 316.35

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Шамсутдинова Ильсия Ильдусовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В современных условиях, связанных с возрастанием роли цифровых технологий как в обществе в целом, так и в системе высшего образования в частности, меняются функции и роли преподавателя в образовательном процессе. С помощью авторского исследования методом опроса профессорско-преподавательского состава (n=360) Казанского (Приволжского) федерального университета, были выявлены как противоречия, так и общие представления о статусе и роли преподавателя вуза в условиях цифровизации образования.

Ключевые слова: Цифровизация, роль преподавателя, цифровые технологии.

Глобальные изменения в системе образования, обусловленные как непрерывными реформами, так и стремительной цифровизацией, кардинально перестраивают мировоззрение как преподавателей, так и студентов. Традиционная модель передачи знаний, где преподаватель выступает в роли единственного источника информации, уходит в прошлое. На смену ей приходит более гибкая и интерактивная модель, где студент активно участвует в процессе познания, а преподаватель выступает в качестве куратора и наставника. Этот сдвиг парадигмы затрагивает не только содержание образовательного процесса, но и его организацию,

формируя новые требования к компетенциям как преподавательского состава, так и самих студентов. В этом контексте преподаватели высших учебных заведений превращаются из носителей знаний в навигаторов, которые помогают ориентироваться в этой базе знаний. Современные преподавателя должны учить тому, как приобретать знания и как использовать эти знания в своей будущей профессиональной деятельности. Социальные ожидания относительно реализации демократических свобод и повышения качества образовательного процесса связаны с личностью преподавателя. В этом контексте преподаватель вуза должен обладать цифровой грамотностью и быть способным создавать и применять контекст с помощью цифровых технологий.

Особенность института высшего образования заключается в том, что студенты приходят в университет с определенными знаниями, мировоззрением и ценностно-нравственными ориентирами, но они все еще находятся на стадии становления. Для этого образовательный процесс должен быть личностно-ориентированным. В институте высшего образования растет научный интерес к вопросам, связанным с профессиональным развитием преподавателей. Повышение конкурентоспособности российского института высшего образования в мире является одним из долгосрочных стратегических ориентиров государства и задает ему интеллектуальный капитал на ближайшее будущее. На практике повышение качества образования зависит от эффективной государственной политики, и от профессионального участия преподавателей в развитии инновационных процессов. Вопрос о соответствующем состоянии социального статуса и роли преподавателя вуза на современном этапе представляет интерес.

Реализация задач исследования потребовала обратиться к трудам, посвященным рассмотрению трансформации роли преподавателя вуза. Авторами таких трудов стали Т. Л. Маркова [4], которая на основе эмпирических данных изучает профессиональную деятельность преподавателей вуза, С.М. Климова [3] рассматривает фундаментальные различия между ценностями двух поколений профессорско-преподавательского состава вузов, А.А. Вербицкий [1] выделяет проблемы, связанные с компетентностью преподавателя вуза. Г.Г. Джавадян [2] анализирует новые требования к личности сотрудника вуза. В. В. Фурсова [5] в работе «Социальное самочувствие преподавателей вузов в современной России» рассматривает статус и социальное самочувствие преподавателей, связанного с низким уровнем жизни, бюрократизацией и чрезмерной загруженностью.

Для выявления представлений преподавателей вуза о роли преподавателя в современном образовательном процессе автором в 2024 году было проведено социологическое исследование. В анкетировании участвовали 360 преподавателей Казанского (Приволжского) федерального университета, представляющих различные половозрастные группы. Преподавательский стаж большинства участвовавших в опросе преподавателей более 16 лет (43%), от 11 до 15 лет – 18%, от 6 до 10 лет – 15%, остальные преподают менее пяти лет.

Более половины участников опроса согласились, что условия цифровизации, меняя образовательный формат, в некоторых моментах облегчающие жизнь преподавателя, в других влекущие за собой проблемы и трудности повлияли и на изменения в преподавательской роли, с чем согласились более половины участников опроса. Прежде всего, это сказалось на процессе коммуникации преподавателей со студентами, которая выросла за счет появления мессенджеров, социальных сетей, почтовых сервисов и стала неотъемлемой частью жизни преподавателя, с чем полностью согласны 51% опрошенных и скорее согласны 44%, заметивших перемены в роли преподавателя, с чем полностью согласны 51% опрошенных.

Более очевидных изменений коснулись, по мнению 80% респондентов, в роли преподавателя в качестве появившейся необходимости использовать компьютерные технологии в ходе занятия, то есть электронные презентации, видеофильмы, интерактивные площадки и т.п., для привлечения внимания студентов. Большинство ответивших на вопрос о переменах в роли преподавателя не выражают согласие с этом высказыванием, вероятно, придерживаясь более традиционных взглядов по данному вопросу.

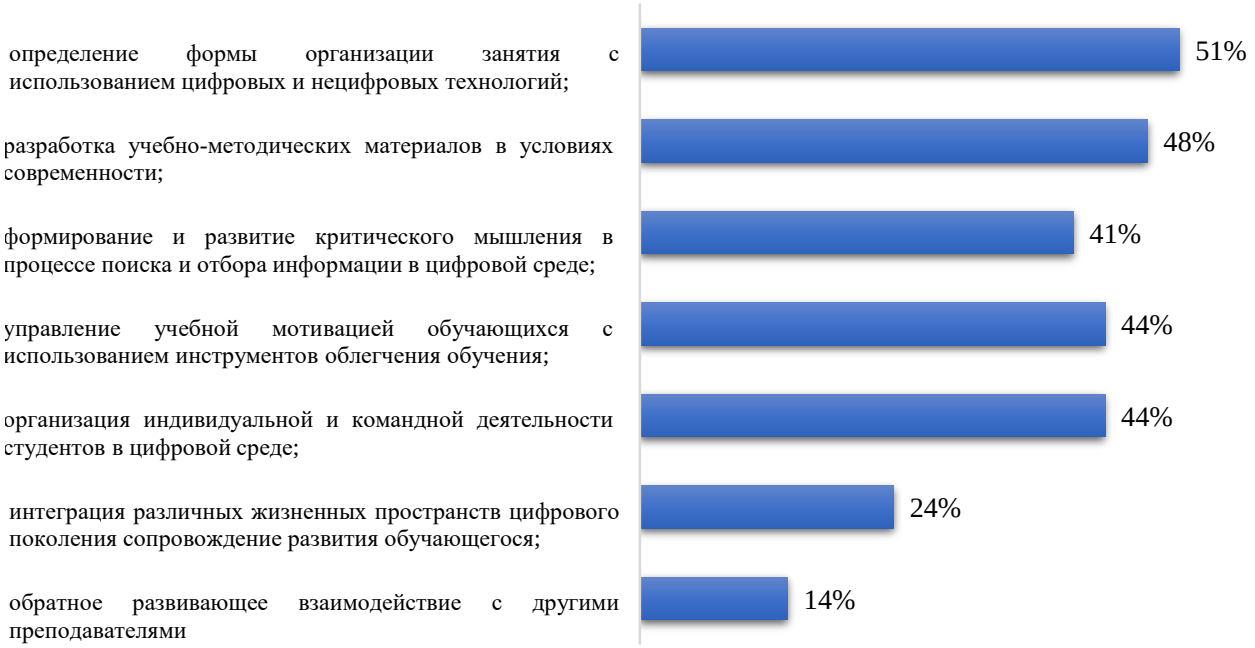


Рис. 1. На Ваш взгляд, какие функции преподавателя стали ведущими в условиях цифровизации образования?

Как можно заметить на рис.1, с небольшим отрывом в 51% респондентов лидирует функция определения формы организации занятия с использованием цифровых и нецифровых технологий, так как наличие информационно-коммуникационных технологий предоставляет преподавателю больший пространств при выборе средств для проведения занятия, причем не принуждая к обязательному их использованию в своей преподавательской деятельности. Функция разработки учебно-методических материалов в условиях современности набрала немного меньший процент. Появление этой преподавательской задачи среди ведущих функции в условиях цифровизации образования обусловлено доступом студентов к информационному пространству сети Интернет, в котором они могут наткнуться на более актуальную информацию, что не только понижает авторитет преподавателя в глазах студентов, но и делает последнего не столь необходимым в процессе образования.

Один из участников опроса высказался насчет общей тенденции снижения роли профессорско-преподавательского состава в образовательном процессе, что крайне негативно сказывается на качестве обучения. В дальнейшем мнение одного респондента подтвердится 40,6% участвовавших в опросе преподавателей. Ученые отметили ослабление роли преподавателя в учебном процессе.

На основании данных опроса можно сделать вывод, что преподаватели в настоящее время ощущают значительное влияние цифровизации на свою профессиональную деятельность. Это влияние не только затрагивает методы преподавания, но и приводит к трансформации статуса и роли преподавателя в образовательном процессе. Традиционная функция передачи теоретических знаний постепенно теряет свою актуальность, уступая место более современным и студенто-ориентированным подходам. Важным аспектом этого изменения становится возросшая роль наставничества, где преподаватели становятся не только источником знаний, но и проводниками для студентов в мире информации и технологий.

Участники опроса отметили, что престиж профессии преподавателя снизился, и это явление во многом связано с цифровизацией образования. В условиях, когда информация доступна в любой момент и в любом месте, роль преподавателя как единственного источника знаний начинает терять свою значимость. Однако несмотря на осознание этого факта, респонденты демонстрируют оптимистичный взгляд на будущее. Они считают, что введение

дополнительных курсов и программ повышения квалификации может существенно изменить ситуацию к лучшему.

Эти курсы могут не только повысить уровень информированности преподавателей о современных информационно-коммуникационных технологиях, но и способствовать их более глубокому освоению. В результате, у преподавателей появятся новые возможности для облегчения их профессиональной деятельности. Применение цифровых технологий в обучении может повысить удобство, скорость и качество преподавания. Кроме того, это может привести к росту компетентности преподавателей, так как использование цифровых средств позволяет внедрять инновационные методы обучения, такие как смешанное обучение, онлайн-курсы и интерактивные платформы.

Таким образом, несмотря на вызовы, стоящие перед профессией, цифровизация может стать катализатором изменений, способствующих развитию преподавательского состава. Преподаватели могут адаптироваться к новым условиям, используя цифровые инструменты для создания более интерактивной и вовлекающей образовательной среды. Это поможет не только улучшить качество образования, но и вернуть престиж профессии, сделав ее более актуальной и востребованной в современном мире. Важно, чтобы образовательные учреждения поддерживали своих преподавателей в этом процессе, предоставляя ресурсы и возможности для профессионального роста и развития.

Литература

1. *Вербицкий А.А.* Парадоксы реформирования образования // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2012. – Т. 8. – № 10.2. – С. 4–7.
2. *Джавадян Г.Г.* Трансформация роли преподавателя «инновационного вуза» // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 8(51). – С. 112–114.
3. *Климова С.М.* Реформа высшего образования: «свои» и «чужие» // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85. – № 1. – С. 57–61.
4. *Маркова Т.Л.* Профессиональная деятельность преподавателей высшей школы России и США: сравнительный анализ: дис. … канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2012. – 181 с.
5. *Фурсова В.В.* Социальное самочувствие преподавателей вузов в современной России // Ақпараттық технологиялар заманауи білім беру үдерісінде: материалы междунар. науч.-практ. конф. (онлайн) (Қызылорда, 15–16 апр. 2021 г.). – Қызылорда, 2021. – С. 43–49.

УДК 316.35

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Шибанова Наталья Александровна,
Лебеденко Влада Анатольевна
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия

Аннотация. Современное цифровое общество характеризуется наличием ряда угроз для безопасности молодежи. Статья посвящена анализу угрозы вовлечения молодежи в преступную экстремистскую деятельность посредством использования манипуляций. В работе представлены факторы современного молодежного экстремизма, при этом феномен экстремизма трактуется как деструктивный способ разрешения конфликта и конфликтоген одновременно. На основе проведенного контент-анализа Telegram-каналов, представлены наиболее распространенные манипулятивные технологии, направленные на вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность. Предложены методы противодействия манипуляциям, одновременно являющиеся средствами защиты молодежи и общества в целом от угроз экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, манипуляции, факторы экстремисткой деятельности, конфликт, профилактика экстремизма.

Переход к информационному обществу и цифровизация принесли не только различные блага и новые возможности для молодежи, но и ряд вызовов и угроз, в том числе выросла возможность для манипуляций индивидуальным и общественным сознанием. [1, с. 223]. Наблюдается активность экстремистских организаций и сообществ, совершаются преступления террористического характера и экстремистской направленности с участием молодежи, чему способствуют, в том числе, распространение и гибкость интернета. Так, 2023 г. в Российской Федерации на 29,7 % возросло количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с 2022 годом [2, 3, с. 240].

В виду ряда причин молодежь, «цифророжденные» [4, с. 95] становятся более уязвимыми к манипуляционным практикам, используемым для вовлечения в экстремистскую деятельность. В российской социологической традиции молодежь определяется как особая социально-демографическая группа, включающая людей в возрасте от 14 до 30 лет и этот период можно охарактеризовать как переходный [5, с.42]. Молодые люди проходят через процессы социализации, выбора жизненного пути, самоопределения и формирования своих ценностей, переживают особенности своего социального положения (отсутствие знаний, опыта и экономической независимости) и особенности восприятия информации (изменение сенсорной модальности – восприятия после стимула, клиповость мышления, когнитивная ригидность, отсутствие критического анализа к информации, идущей из авторитетного для них источника, избирательность внимания и запоминания), эмоциональная лабильность, неустойчивая самооценка [6, с. 103-104, 7, с. 64]. Указанные причины снимают ряд барьеров для манипулятивного воздействия, а дифференциация молодежи по возрасту, полу, виду деятельности, социально-экономическому положению и месту жительства делает данную группу еще более притягательной для вербовщиков экстремистских сообществ.

Существует несколько подходов к пониманию сущности экстремизма и экстремисткой деятельности. Молодежный экстремизм – есть форма активности людей, являющаяся деструктивным способом разрешения конфликта, провоцирующий новые конфликты так как представляет угрозу и наносит вред, как социальной системе, так и человеку. Как отмечают современные исследователи, экстремизм питает радикальные идеи, пропагандирует ненависть и вражду, и, таким образом, подпитывает крайние формы сепаратизма, национализма, шовинизма, терроризма, религиозного фанатизма, фундаментализма и других деструктивных общественно-политических и социальных течений [8, с. 69]. Другими словами, экстремизм представляет собой деструктивный способ разрешения конфликта и конфликтоген одновременно, что еще больше раскрывает разрушительную природу данной деятельности.

Все многообразие факторов молодежного экстремизма можно свети к внешним и внутренним [9, с.17]. К внешним факторам относится социально-экономическая и политическая ситуация в стране, отношения в семье и в учебном (рабочем) коллективе, отношения со сверстниками, конкуренция культур и систем ценностей в обществе и др. К внутренним факторам – особенности психологического состояния человека, сущностные черты юности (период «бури и натиска» по определению У.Штерна), поиск идентичности, ее неустойчивый характер, переживание психологических травм и пр. Эти факторы хорошо осознают вербовщики и активно используют их в своей деятельности – обещая решить указанные сложности.

Манипулятивные практики, применяемые вербовщиками экстремистских сообществ, принимают различные формы, но, как правило, направлены на псевдоразрешение переживаемого человеком конфликта, на псевдоудовлетворение фрустрируемых в конфликте потребностей (обещание социальной поддержки, демонстрация принятия особенностей и ценности молодых людей, обеспечение групповой принадлежности, формирование устойчивой идентичности и смысла жизни и др.). Псевдоразрешение конфликта не снимает конфликт, но расширяет его локализацию во времени, пространстве, объекте и участниках, что приводит к негативным последствиям, как для человека, так и для общества в целом.

Вовлечение молодежи в экстремистские организации является серьезной проблемой, требующей внимания различных специалистов, в том числе конфликтологов. Изучение этих манипуляций способствует повышению эффективности мер противодействия и профилактики деструктивных явлений.

Существует широкий спектр определений манипуляций, мы остановимся на понимании манипуляции как скрытого психологического воздействия на психическое состояние, установки и настроения объекта манипуляций, направленное на побуждение человека к действиям, не совпадающим с его истинными желаниями, но соответствующим скрытым целям манипулятора [10. с. 40, 11. с. 56]. Известные российские исследователи феномена манипуляции сознанием и поведением, такие как Кара-Мурза С.Г., Дзялошинский И.М., Зелинский С.А. предлагают различные классификации видов манипуляций, манипуляционных практик, только перечисление которых, привело бы к превышению допустимого объем статьи [12, 13, 14]. Данные классификации послужили основой для идентификации манипулятивных практик, используемых в Telegram-каналах двух экстремистской организацией.

В ходе проведенного исследования были прогнозированы сообщения, размещенные в Telegram-канале политической организации «Навальный LIVE»*(является экстремистской организацией и запрещена на территории РФ) и в Telegram-канале ЛГБТ сообщества «ЛГБТК+ группа «Выход»*» (является экстремистской организацией и запрещена на территории РФ). Оба Telegram-канала имеют существенные различия в тематике, при этом действуют с целью распространения оппозиционных и экстремистских идеологий, а также налаживание контактов с потенциальными сторонниками для последующего вовлечения их в экстремистскую деятельность.

Не смотря на различие в тематике рассматриваемых Telegram-каналов они используют одинаковые манипулятивные приемы:

- создание пугающих заголовков и тем, охватывающих различные сферы жизни;
- создание образа врага в лице власти, через негативные оценки любых действий власти;
- наклеивание ярлыков, «закрепление прозвищ»;
- высмеивание политиков;
- методика «пробного шара», эксплуатирующее чувство долга и ответственности;
- отбор и фильтрация информации для создания ложных фактов и аргументов, впоследствии подающиеся аудитории в утвердительной форме, чаще всего для эмоционального накала;
- смещение фокуса внимания: смещение акцентов с главных новостей, при фокусировке на показной проблематике

На обоих каналах пропаганда оппозиционных идей осуществляется через групповое давление на аудиторию с помощью частого повторения негативно поданной информации.

Находимо отметить, что обоими каналами используется лже-диалог с аудиторией. Оба канала регулярно проводят опросы, обсуждения и прямые эфиры, администраторы применяют активную обратную связь. У аудитории формируется ложное чувство заинтересованности каналов в их мнениях и проблемах. Однако истинная цель каналов - привлечение новых участников, при этом открытый диалог подменяется скрытым закреплением убеждений и норм сообщества. Можно сказать, что основная цель всех манипуляций — воздействие на эмоциональное состояние подписчиков, создание «инфо-пузырей» с целью формирования и закрепления оппозиционных идей и настроений против государства и власти, а также распространение нетрадиционных ценностей.

Анализ манипулятивных практик, используемых для вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, показывает, что они являются мощными инструментами для формирования радикальных установок и поведения. Эти методы не только способствуют радикализации, но и способны подрывать социальную стабильность, создавая внутриличностные, межличностные конфликты и конфликты внутри общества.

Понимание этих манипулятивных стратегий является ключевым для разработки эффективных мер, которые могут помочь в защите молодежи от экстремистских влияний. Важным аспектом является необходимость комплексного подхода, включающего образовательные, просветительские и законодательные инициативы, информационную безопасность и поддержку обществ, что позволит создать условия для здорового диалога и конструктивного взаимодействия. Развивать компетенции распознавать и обезвреживать манипуляции в СМИ, интернете, межличностном общении, на наш взгляд, необходимо со школьной скамьи. Эффективному формированию данной компетенции будут способствовать не только классические уроки или лекции в рамках учебных заведений среднего и высшего образования, но и применение игровых технологий, практикумов, заполнения специализированных рабочих тетрадей и т.д. Интерактивный формат образовательной и просветительской деятельности в этой сфере более соответствует особенностям «цифророжденных». Важно отметить, навык защиты от манипуляций, способствует развитию информационной и медиаграмотности, что чрезвычайно актуально в современном цифровом обществе, стимулирует аналитические способности, критическое мышление, вырабатывает навык принятия грамотных решений в самых различных сферах. Более того, развитие обозначенных навыков способствует развитию профессионального роста, росту конкурентоспособности и востребованности на рынке труда молодых людей. Осознание и анализ манипулятивных практик — это первый шаг к формированию устойчивого информированного общества, где информация – ценность, способствующая индивидуальному и общественному развитию.

Литература

1. *Карсавина Н.А.* Молодежь в цифровом обществе: риски и возможности // Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–11 окт. 2019 г.). – СПб.: Реноме, 2019. – С. 222–229.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года: [сайт]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 12.10.2024).
3. *Руденкин Д.В.* Интернетизация социальной реальности российской молодежи на повестке дня // Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–11 окт. 2019 г.). – СПб.: Реноме, 2019. – С. 235–249.
4. *Кугай А.И., Михайлова В.В.* «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7(127). – С. 1–??.
5. *Шилина С.А., Сапегина Е.А., Чивильдеева О.О., Шилин А.М.* Социологический аспект молодежных студенческих проблем // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 2(34). – С. 42–54.
6. *Судоргин О.А., Агафонов А.В.* Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства // Управление. – 2024. – № 2. – С. 99–108.
7. *Антонов И.А., Кульпин А.А.* Вовлечение несовершеннолетних в преступления экстремистской направленности: социально-психологическая детерминированность и вопросы противодействия // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 3. – С. 62–67.
8. *Печатнова Ю.В., Стародубцев М.А., Пинчук А.П.* К вопросу о понятии экстремизма // Юрислингвистика. – 2023. – № 28(39). – С. 68–72.
9. *Мешев И.Х.* Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия // Международный научный вестник. – 2024. – № 9. – С. 15–19.
10. *Суконный В.А.* Классические и современные представления о природе и сущности феномена манипуляции // Архонт. – 2024. – № 2. – С. 39–42.
11. *Саенко В.Н.* Развитие социологических представлений о признаках манипуляции сознанием // Социология и право. – 2020. – № 4(50). – С. 55–64.

12. *Дзялошинский И.М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–55.
13. *Зелинский С.А.* Управление психикой посредством манипулятивного воздействия: субминальные механизмы манипулятивного воздействия на психику индивида и масс с целью программирования на совершение заданных действий. – М.: Скифия, 2018. – 529 с.
14. *Кара-Мурза С.Г.* Краткий курс манипуляции сознанием. – М.: Эксмо, 2022. – 464 с.

УДК 316.35

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Япарова Инера Сабирьяновна
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье выявлены основные тенденции межкультурного взаимодействия в условиях современной глобализации. Перечислены факторы, влияющие на особенности межкультурного взаимодействия. Дается характеристика понятиям этноцентризм, полицентризм, геоцентризм и компаративистика в межкультурном взаимодействии народов. Определены социально-управленческие принципы межкультурного взаимодействия в современной России с учетом этнокультурных особенностей каждого региона. Автором отмечается опасность как форсирования межкультурных взаимодействий, так и запаздывания (стихийность) в этих процессах.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, этноцентризм, полицентризм, геоцентризм, компаративистика, национально-культурный суверенитет, интернационализм, этнокультурное многообразие.

В условиях современной глобализации вопросы развития культуры отдельных народов, сохранения их национальной идентичности и обеспечения гармоничного взаимодействия с другими народами актуализируются и выходят на первый план. В Российской Федерации проживают более 190 народов. Какие же факторы влияют на особенности межкультурных и межэтнических взаимодействий сегодня?

В последние десятилетия усилились социальная, демографическая, миграционная мобильность населения. Если раньше преобладал у большинства людей принцип «где родился там и пригодился», то сейчас на первый план выходит, особенно у молодежи, принцип «рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше». При этом процессы этнокультурного взаимодействия внутри страны происходят одновременно с межкультурным взаимодействием с народами зарубежных стран. Недостаточно эффективное управление этими процессами может привести к росту напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях, а также к ассимиляции одних культур другими, потере национальной самобытности, усилению национального шовинизма и снобизма.

Основные тенденции межкультурного взаимодействия в условиях роста этнокультурного многообразия могут проявиться в следующих формах:

1. ассимиляция одних культур другими;
2. агрессивное противостояние одной культуры другой в целях защиты национально-культурной самобытности;
3. равноправное и справедливое этнокультурное взаимодействие и сотрудничество;
4. форсированное межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение, которое, в конечном счете, также может привести к этнокультурной ассимиляции и формированию различных субкультур.

В этой связи в теории межкультурного взаимодействия сформировались несколько методологических подходов: этноцентрический, полицентрический, геоцентрический и сравнительный (компаравистика). Этноцентризм предполагает абсолютизацию национально-культурной идентичности народов. Геоцентризм подразумевает подавление слабых культур (особенно малочисленных этносов) сильными через распространение массовой культуры. Полицентрический подход отражает культурное многообразие народов и их развитие в автономном режиме. А компаравистика предполагает сотрудничество и взаимопроникновение различных культур. На сегодняшний день в условиях роста глобализации в масштабах всей планеты, к сожалению, преобладают тенденции геоцентризма – навязывание массовой культуры и субкультур различным народам, вытеснение высокой культуры и размывание культурного разнообразия. Эти процессы усиливаются также под влиянием формирования глобального цифрового пространства, межрегиональной интеграции и развития транснациональных экономик и глобальных рынков. Национально-культурное своеобразие народов иной раз начинает рассматриваться как своего рода барьер в интернационализации рыночной экономики: растут тенденции унификации, стандартизации и космополитизации культурной среды.

В развитии любой культуры можно выделить две тенденции: внутреннее развитие на основе самоорганизации, своего потенциала и способность совершенствования национальной культуры на основе межкультурного взаимодействия. В каждый исторический момент в силу разных объективных и субъективных причин одна из этих тенденций может превалировать, а на определенных этапах - они могут и конкурировать между собой.

Кроме глобальных общепланетарных тенденций в межкультурном взаимодействии в каждой национальной культуре можно выделить специфические черты и особенности. Практически в каждом субъекте Российской Федерации на сегодняшний день наблюдается большое этнокультурное разнообразие. Поэтому особенно актуальным является вопрос о сохранении и развитии гармонии межкультурного взаимодействия, при этом, не форсируя и не запаздывая в этих процессах. Развитие культурного многообразия, взаимообогащение и диалог культур становятся главными задачами культурной политики государства и системы социального управления в целом. Советский интернационализм, каким бы он универсальным не представлялся, невозможно в условиях динамического развития общества механически использовать для развития межнациональных и межкультурных отношений, хотя этот опыт заслуживает определенного внимания. Абсолютизация национально-культурного суверенитета в условиях усиления влияния культур других народов также может привести к негативным проявлениям в виде роста национализма и экстремизма со стороны малых народов.

Таким образом, в современных условиях глобализации, усиления вненациональных факторов, роста турбулентности и неопределенности в этнокультурных процессах, стирании различий между национальными культурами, угасании самобытности национальных культур с особой остротой актуализируются вопросы разработки методологических аспектов межкультурного взаимодействия. Это особенно важно для российских регионов с выраженным этнокультурным многообразием, что отражено и в Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г. [1].

Литература

1. О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р // Информационно-правовой портал «Гарант.ру»: [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/ (дата обращения: 12.11.2024).

УДК 316

ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СЕМЬЯХ: КОНФЛИКТОГЕННЫЙ АНАЛИЗ

Яхина Милана Руслановна,
Гизатуллина Диана Наилевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется процесс социализации детей в межэтнических семьях. Определяются основные этнические идентичности личности.

Ключевые слова: межэтническая семья, социализация, этническая идентичность.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что институт семьи является важнейшем институтом по первичной социализации подрастающего индивида, то есть его дальнейшего развития и становления как личности. Из этого следует, что институт семьи является одной из неотъемлемых, базовых ступеней в формировании, развитии и интеграции любого человека в жизнь современного социума. Именно поэтому и в наше время изучение института семьи не потеряло своей актуальности. Нужно отметить, что в современной традиции исследования существует дифференциация семьи на различные виды. В данной работе мы рассматриваем межэтническую семью. По данным Росстата в г. Казани на 2023 год каждый третий брак является межэтническим и именно поэтому исследования межэтнических семей и поныне являются актуальными. Здесь нужно отметить, что в полиэтничных регионах, где проживают представители различных народов, и, соответственно, возникают межэтнические семьи, индивиды с ранних лет начинают усваивать определенные модели и стратегии поведения для поддержания межкультурного диалога в межэтнической и межконфессиональной среде. В процессе социализации происходит формирование норм и установок, которые ведут к пониманию культурного разнообразия других народов. Следовательно, с малых лет происходит формирование этнической идентичности ребенка, что и является ключевым механизмом, который способствует развитию этнокультурной социализации. Однако этнокультурные различия родителей в межэтнических семьях отражаются в аспектах повседневной жизни, например, таких как языки, традиции, обычаи, что приводит к возрастанию уровня конфликтогенности в отдельно взятой семье и следствием чего является возникновение конфликта. Развитие конфликта на межнациональной основе в процессе взросления и социализации индивида является причиной формирования различных психологических травм, приводящих к определённым проблемам таким, как незавершённая социализация, девиантное поведение, социальная изоляция, буллинг, анклавность, различные фобии, нарциссизм, перфекционизм, стресс, апатия, депрессия, суицидальные наклонности.

Роль института семьи в формировании и становлении личности: выстраивание стратегии поведения и методов воспитания

Семье как базовому социальному институту принадлежит роль формирования морально – нравственных норм и установок, и жизненных принципов ребенка. Посредством института семьи происходит формирование и развитие личности ребенка на первых этапах взросления его как индивида. Однако, институт семьи может функционировать деструктивно, например, во время чрезвычайных ситуаций, формирования конфликтов или началом бракоразводного процесса, что приводит к разрушению индивида, так как во власти членов семьи как функции укрепления, так и функции подрывания психологической целостности индивида.

Влияние института семьи на начальной стадии жизни ребенка во многом превышает все другие последующие воспитательные процессы. Родители-первые воспитатели ребенка. Еще Ж-Ж. Руссо утверждал, что каждый последующий воспитатель оказывает на ребенка меньшее влияние, чем предыдущий. Родители являются предыдущими по отношению ко всем остальным; воспитателю детского сада, учителю начальных классов и учителям-предметникам.

Обеспечение семейного воспитания, его содержательные и организационные аспекты являются вечной и очень ответственной задачей человечества.

1.2 Социализация в межэтнических семьях: особенности механизмов коммуникации

Межэтническая семья представляет различные этнические и культурные аспекты, которые являются достаточно конфликтогенными факторами в социализации детей.

Стоит выделить некоторые особенности межэтнических семей:

1. Межэтнические семьи часто сталкиваются с негативными суждениями со стороны социальной группы, наиболее критичны представители старшего поколения, т.к. старшее поколение привыкло к консервативным этнокультурным установкам своей этнической группы.
2. Межэтнические семьи имеют различия в культуре, традициях, языке и религии, которые способствуют формированию конфликтогенности в процессе совместной повседневной жизни и воспитания детей. Мультикультурная среда является для ребенка хорошей возможностью адаптироваться к различным поведенческим стратегиям в социуме.
3. Двойная этническая идентичность (биэтническая идентичность). Дети могут испытывать трудности в процессе определения своей этнической идентичности, так как окружены многообразием культур, религий, традиций и обычаев в семье, что может стать как проблемой, так и возможностью для развития личности в поликультурной среде.
4. Многие дети владеют двумя языками, так как росли в межэтнических семьях. Данный фактор является важным аспектом развития когнитивных и умственных способностей.

Этническая социализация включает в себя процесс смешения культур, языков и традиций, которые взаимопроникают и формируют новое этническое существование межнациональной семьи. Цель этнической социализации-формирование самосознания и саморазвития личности под влиянием этносоциальных факторов: культуры и межэтнических отношений, принятых в обществе. Существуют следующие виды этнической самоидентификации: моноэтническая идентичность (отождествление себя с каким-либо народом) носит позитивный характер, однако в гипертрофированном ключе может привести к негативным последствиям; биэтническая идентичность предполагает членство в двух этнических группах одновременно, может быть позитивным фактором, когда человек становится посредником разных культур, так и негативным, который формирует отрицательные установки по отношению к каким-либо культурам. Отказ от этнической самоидентификации в пользу гражданской носит третий тип этнического самоопределения, который достаточно распространен на территории Российской Федерации.

Жан Пиаже выделяет три этапа в формировании этнической идентичности:

1) 6-7 лет. В этом возрасте ребенок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. Наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна или этническая группа; 2) в 8-9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – этническая принадлежность родителей, место проживания, родной язык; 3) в младшем подростковом возрасте (10-11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.

В современной науке принято выделять два вида этнической идентичности

1) маргинальная – в этом случае человек не включен ни в одну из этнических групп, потому что у этого нет определенных элементов этнической культуры (отсутствие знания языка, обычаев, традиций и т.д.); 2) амбивалентная – в этом случае, человек принадлежит к двум этническим общностям.

Отечественные исследователи выделяют следующую классификацию:

Нормальная этническая идентичность-положительный образ своего народа сочетается с положительным образом другого; Этноцентрическая идентичность- акцентирование на

значимости собственной этнической идентичности, контакты с другими возможны, но не всегда приветствуются; Этнодоминирующая идентичность- этничность воспринимается как безусловно доминирующая, появляются дискриминирующие установки в отношении других народов; Этнический фанатизм- крайняя форма этнической агрессии, готовность на любые жертвы ради своего народа; Меняющаяся идентичность- смена национальности по каким-либо внешним факторам; Этническая индифферентность- равнодушие к собственным и иным идентичностям, независимость от норм и традиций. Этноущемленная идентичность- отрицание по разным причинам своей принадлежности к этнической группе, отрицание этнокультурных ценностей. Нужно отметить, что при формировании межэтнической толерантности, в восприятии традиций обоих родителей ребенка необходимо участвовать всем: родителям, старшим родственникам и педагогам, которые наделены обязанностью регулировать вопросы воспитания с самого начала. Данные вопросы актуальны для всех смешанных браков, где религиозный и культурный аспекты воспитания играют главенствующую роль. Однако существует большое количество примеров, когда влияние старшего поколения, а также социального окружения становится сильнее чувств и желаний ребенка, что может привести к конфликтному или девиантному поведению.

Литература

1. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. М.А. Энгельгардта. – СПб.: Газ. «Шк. и жизнь», 1912. – 327 с.
2. *Тюкавкина Н.В.* Роль семьи в развитии этнокультурной социализации ребенка младшего школьного возраста // Актуальные задачи педагогики: материалы II Междунар. науч. конф. (Чита, июнь 2012 г.). – Чита: Издательство «Молодой ученый», 2012. – С. 84–90.
3. *Осипова О.В.* Этническая идентичность: особенности самоопределения межнациональных браков // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – С. 45–47.
4. *Михайлова И.В., Прокопьева М.М.* Формирование этнической идентичности средствами национального костюма детей Саха. – Якутск. – С. 80.
5. Этнология / под ред. Т.А. Титовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 190–191.

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ»

УДК 316.45

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ КРУПНОГО ГОРОДА

Абдульзянов Артур Рашидович
Государственный Совет Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. В центре внимания автора системный анализ как методологический инструмент анализа транспортной системы крупного города. Основное внимание уделяется одному из основных теоретических источников системного мышления - метатеории систем американского биолога фон Л. Берталанфи как фундаментальной науки, исследующей проблемы систем различной природы, в том числе и социальной системы. Определяется вклад представителей чикагской социологической школы в разработку оригинальной системной экологической теории общества, в обоснование важной роли транспорта в формировании и развитии городов. Транспортная сеть города, представляющая собой многофункциональную структуру, является связующим звеном, обеспечивающим городу системность.

Ключевые слова: транспортная система, методология системного анализа, Л. фон Берталанфи, Чикагская школа социологии.

Исследование проблем функционирования транспортной системы крупного города предполагает обращения к анализу методологических основ её изучения. Отметим прежде всего что транспортная система – предмет междисциплинарного исследования и изучается техническими дисциплинами, естественными науками, а также дисциплинами социогуманитарного профиля. Предметом внимания технических наук являются такие аспекты, как конструкции транспортных средств, способы их строительства и эксплуатации. Естественные науки, а мы в данном аспекте рассматриваем прежде всего вклад географии в изучении данной проблемы, изучают транспорт и транспортную мобильность в территориальном аспекте, учитывая влияние, оказываемое на них конкретными природными и социально-экономическими условиями. Дисциплины социогуманитарного знания фокусируются на философском, культурно-антропологическом, социально-экономическом, социально-культурологическом, социально-психологическом аспектах развития и использования транспортных систем.

В исследовании дорожно-транспортной системы в рамках каждой из вышеперечисленных научных дисциплин основополагающим выступил системный анализ. Методология системного подхода изначально подразумевает, что объектом исследования выступает сложная и многогранная социальная система, в которой необходимо установить компоненты, структуру, построить обобщённую модель системы, выявить механизмы её эффективного функционирования, многообразие социальных связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой.

Среди основных источников системного мышления значительное место занимает общая теория систем (метатеория систем) американского биолога немецкого происхождения фон Л. Берталанфи, который в 1930-е годы предложил оригинальную концепцию открытой системы как альтернативы биологическому редукционизму в системном анализе. Учёный обосновал, что «открытые системы» в отличие от «закрытых систем», изучаемых классической физикой, подпитываются потоком материи и энергии из окружающей среды. Он выделил два важных аспекта исследуемых объектов – их организованность и многообразие типов связи, а в качестве

ключевого свойства всех открытых систем назвал «эквифинальность», то есть способность сложных развивающихся систем при разных начальных условиях переходить в одно и то же финальное состояние. Это допускает наличие разных начальных условий и различных путей достижения одного и того же конечного состояния. Иначе говоря, финальное состояние и предстаёт как цель формирования, перехода [1, с. 196]. Фон Берталанфи рассматривал общую теорию систем в качестве фундаментальной науки, исследующей проблемы систем различной природы, в том числе и социальной системы.

В этом отношении заслуживает внимания проблема рецепции идей системного анализа, в частности, теории открытой системы фон Берталанфи в социологическую науку США. Учёный, будучи профессором Чикагского университета, внёс большой вклад в популяризацию своих идей в университетском сообществе США. В этом университете, как известно, сложилась знаменитая социологическая школа под руководством Р.Э. Парка, проявлявшая значительный интерес к вопросам методологии исследования в изучении проблем города и представившая научному сообществу свою социально-экологическую теорию, согласно которой поведение человека объясняется влиянием физических факторов окружающей среды и существующими социальными структурами. Несмотря на то что ее основоположники не оставили после себя целостного изложения своей теории подобно тому, как это сделал Т. Парсонс, а их концептуальная экологическая модель анализа общества содержит в своей основе разные теоретические основания, можно утверждать, что в рамках Чикагской школы сложилась оригинальная системная экологическая теория общества. Как справедливо указывает В.Г. Николаев, чикагскими социологами «экологические связи видятся как вплетённые в целостный комплекс социальных связей, изучаемый социологией как общей наукой, и преобразованные самим этим вплетением. В этом преобразованном виде они не могут изучаться средствами биоэкологии и, более того, не могут быть полностью поняты никакой специальной дисциплиной; в этом смысле человеческая экология не дисциплина, а одна из перспектив, вплетённых в социологию, выстроенную на основе единой 5многомерной и синтетической “точки зрения”» [2, с. 19].

Интересующая нас проблема транспортной системы в рамках экологической системной концепции Чикагской школы рассматривается в качестве важнейшего фактора роста городов. Как указывает Р.Д. Маккензи, «с расширением транспортных систем расширяется и зона города, всё больше людей совершают частые поездки из более отдалённых мест в деловые центры, что усиливает плотность населения в центре в дневные часы» [3, с. 41]. Американские социологи обратили внимание на такой факт: на рост городов «может оказывать влияние не только увеличение численности населения, но и характер и специфика местной транспортной системы». Как тонко подметил Р. Парк, «зоны городской застройки имеют особенность располагаться вдоль берегов рек, на перекрестке торговых и транспортных путей транспортной системы». Ученый выявляет закономерность в развитии городов, связанную с влиянием транспортной системой на с мобильность населения: «расширение транспортной системы и умножение транспортных средств, связывающих окраины города с центром, обычно приводят к росту масштаба и частоты перемещений людей в центральный деловой район. Это усиливает скученность населения в центре и увеличивает высоту офисных зданий и цены на землю, на которой они стоят». [4, с. 12]. Другая закономерность в изменении локальной географии города, по Р. Парку, состоит в «неразрывной связи железных дорог и других основных транспортных средств с крупнейшими отраслями промышленности, что также определяет общие контуры городской планировки» [4, с. 14].

Э.У. Берджесс приводит следующие данные, характеризующие динамику развития различных видов городского транспорта: «в 1860 г. в Нью-Йорке трамваи с конной тягой перевезли около 50 млн пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд пассажиров» [5, с. 31]. Ученый приводит факты, указывающие на стремительно увеличивающееся год от года общее годовое число поездок в Чикаго: «общее годовое число поездок на душу населения (на наземном и надземном транспорте)

составляло: в 1890 г. – 164, в 1900 – 215; в 1910 – 320; в 1921 г. – 338. Кроме того, среднедушевое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Нужно учитывать и возросшее пользование автомобилями: например, число автомобилей в Иллинойсе за период с 1915 по 1923 г. возросло со 131140 до 8339203» [5, с. 31].

Таким образом, чикагские социологи обосновали, что городской общественный транспорт выступает не только важнейшим механизмом социальных взаимодействий, регулятором социальной дистанции в физическом пространстве. Транспортная сеть города, представляющая собой многофункциональную структуру, является связующим звеном, обеспечивающим городу системность.

Литература

1. *Огурцов А.П.* Системный анализ науки: идеи эквифинальности и человекоразмерности // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 38. – № 3. – С. 190–204.
2. *Николаев В.Г.* Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55.
3. *Маккензи Р.Д.* Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Чикагская социология: сб. переводов / РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2015. – С. 35–51.
4. *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 11–18.
5. *Берджесс Э.У.* Рост города: введение в исследовательский проект // Чикагская социология: сб. переводов / РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2015. – С. 20–34.

УДК 316.45

ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА

Григорик Никита Николаевич

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Социально-политическое взаимодействие в регионах ресурсного типа активно реализуется в диалоговом формате между населением и местной властью. В условиях цифровизации диалога между населением и властью их взаимодействие и коммуникация переходят в сетевую онлайн среду. Благодаря реализации местным сообществом общественной власти на разных уровнях общественного участия формируются уникальные сетевые практики общественной оценки, которые приобретают характер целостной социальной информации и необходимы для объединения интересов участников регионального социально-политического взаимодействия в развитии местных территорий.

Ключевые слова: местная власть; население; общественная власть; общественная оценка; общественное участие; регион ресурсного типа, сетевые сообщества, социально-политическое взаимодействие.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»).

Социально-политическое взаимодействие, реализующееся в регионах, в настоящее время характеризуется как разнонаправленное, динамичное, ориентированное на диалог участников, демонстрирует устойчивый рост социальной активности населения [1, с. 25-26]. Регионы с формирующимися и действующими в них сетевыми сообществами являются сложной средой, в которой совмещаются особенности и черты социально-политического взаимодействия субъектов регионального и муниципального управления. Социальная активность, общественные проекты и инициативы населения, их реализация при совместном участии органов местной (региональной и муниципальной) власти играют важную роль в социальном и политическом развитии анализируемых территорий.

В подобных местных сообществах присутствует устойчивое социальное и политическое взаимодействие, специфической чертой которого на региональном уровне выступает использование институтов и органов власти для реализации интересов участников взаимодействия. Население стремится удовлетворить разной степени выраженности и осознанности социально-политические потребности. Это становится возможным в ситуациях, которым свойственны ответные реакции и взаимовлияние всех участников друг на друга, а также обратная связь от каждой стороны на различные ситуации и условия взаимодействия. В сложившейся ситуации регионы способны выступать маркерами соответствия региональной политики и деятельности власти ожиданиям местных сообществ, а также демонстрировать работоспособность властной вертикали с учетом оценок и инициатив самих граждан.

Регионы ресурсного типа представляют особый исследовательский интерес в силу своего ресурсного потенциала и различных конфигурации сетей сообществ, в которых реализуются вариативные практики социального взаимодействия. Особенность ресурсно-отраслевой структуры экономики регионов определяет специфику отношений между участниками социально-политического взаимодействия. Регионы ресурсного типа обладают значимым природно-ресурсным потенциалом, ведущая отрасль задает виды профессиональной занятости местного населения, а также уровень его благосостояния. При этом ресурсная специфика территории, географические и климатические особенности, а также развитие промышленного сектора задают основные социальные проблемы, которые становятся предметным полем участников взаимодействия.

В условиях масштабной цифровизации политики и общественных коммуникаций форматы взаимодействия все чаще переходят в цифровую среду. Это приводит к тому, что в регионах растет значимость и актуальность цифровых сетевых практик социально-политического взаимодействия. Практики использования и применения цифровых технологий и средств, онлайн среды демонстрируют усиление интегративных и групповых процессов в сетевых сообществах [2, с. 18-19]. Потенциал сетевого социально-политического участия способствует наиболее выразительным формам проявления активности, что мобилизует сообщества к взаимодействию друг с другом и властью в как рамках Интернет-пространства, так и в реальной жизни [3, с. 170-171]. Цифровая среда формирует уникальные каналы и приемы социально-политического взаимодействия, способствует успешной реализации социальных и политических проектов. Кроме того, она стимулирует развитие инициативности и активности, а также сокращение социальной дистанции между сетевыми коммуникантами.

Здесь важно сказать о том, что в сетевом социально-политическом взаимодействии существуют свои противоречия. Так, преимущества цифрового взаимодействия (например, уменьшение положенного (нормативами) и реально затрачиваемого времени на рассмотрение жалоб, обращений, предложений, комментариев от населения, снижение уровня конфликтности и социального напряжения, увеличение числа доступных и используемых для коммуникации сетевых платформ, площадок, ресурсов и инструментов между местными сообществами и органами власти и т. д.) стимулируют устойчивое формирование и развитие конструктивных и доверительных отношений между участниками социально-политических отношений, а также способствуют сокращению социальной дистанции между ними. С другой стороны, недостаточно одного доверия и минимизации барьеров во взаимодействии, необходимо понимание интересов, ценностей, потребностей, целей участников [3, с. 168]. Важна обратная связь,

правильное функционирование которой демонстрирует реальную компетентность представителей органов власти, а также заинтересованность, активность и участие местных сообществ в региональных управленческих процессах.

В силу того, что местные сообщества принимают участие в деятельности социально-политических институтов (в разных форматах), а также оказывают воздействие на нее, возникают особые ситуации социально-политического взаимодействия, формирующие коммуникативные системы между органами власти и местными сообществами. Подобное влияние населения может иметь оценочный формат, приобретать характер повторяемый, мониторинговый (в некоторых случаях институционализированный) или экспертный. Подобное воздействие определяет стремление сообществ к формированию групп и объединений, которые влияют на социально-политическую ситуацию на региональном уровне, на принимаемые решения органами власти. Общественная оценка, возникающая в результате осуществления социально-политического взаимодействия и являющаяся его основанием, становится важным условием развития регионов, учета динамики обновления способов и приемов коммуникации местных сообществ и власти, осуществления оптимального управления данными территориями.

С точки зрения изучения общественной оценки органов власти в регионах ресурсного типа можно отметить, что исследовательский интерес задают процессы регионального развития, которые протекают в определенной степени противоречивых условиях:

- Во-первых, в регионах ресурсного типа характер взаимодействий участников социально-политических отношений определяется в большей мере социально-экономическими и политическими процессами. В рамках подобной ориентации основным требованием к организации систем управления, их деятельности и коммуникации является нацеленность на достижение устойчивости социально-эколого-экономического развития в результате освоения и использования природных ресурсов, в том числе и для реализации общественно значимых проектов и программ;
- Во-вторых, могут наблюдаться рассогласования или несовпадения ожиданий населения от деятельности органов местной власти, когда например, реализуемые проекты благоустройства городской среды вызывают неоднозначные реакции местного сообщества. Мобилизационные практики, как ответ на непонимание, несогласие (либо в противном случае, одобрение), носят коммуникативный и оценочный характер [4]. Обратная ситуация возникает, когда местная власть выступает против общественных инициатив [5, 6]. Цифровая среда как сложная и нелинейная, труднопрогнозируемая, определяет необходимость адаптации к изменяющимся формам социально-политического взаимодействия и способам, условиям возникновения и реализации общественной оценки местной власти;
- В-третьих, переход к новым, динамичным и «реактивным» взаимодействиям местных сообществ и власти, а также общественным оценкам на их фоне, устанавливает необходимость отхода от устоявшихся способов и методик определения оценок и отношения населения к деятельности властных органов.

Высокую актуальность общественная оценка местной власти в регионах ресурсного типа приобретает также за счет того, что само взаимодействие местных сообществ и власти носит комплексный характер, обусловлено практиками коммуникации в сетевой цифровой среде, вовлекает население в систему управления регионом. Общественное участие как социально-политическое явление актуализирует подобные практики формирования, выражения и реализации общественной оценки местной власти. Анализируя общественное участие населения, необходимо выделить следующие процессы, способствующие их возникновению [7, с. 42]:

- местные сообщества могут транслировать местной власти свое отношение к их деятельности в виде разного рода информации;
- инициация общественной самоорганизации как объединение людей для достижения разделяемых целей, ценностей коллективным способом;
- организация и согласование интересов в ходе конструктивного совместного взаимодействия с местной властью для регулирования различных аспектов жизни и деятельности местных сообществ.

При этом практики реализации общественного участия на разных уровнях, описанным выше, могут приобретать разное содержание относительно способов влияния на местную власть. Здесь можно говорить об общественной власти как об общественном воздействии, оказываемом на властные органы с целью достижения сообществами своих целей. Общественная власть может быть реализована населением в виде определения, выражения, согласования ценностной позиции с органами власти; регулярной диагностики, аудита деятельности местной власти, а также реализации экспертного потенциала в качестве источника социальной информации силами самих сообществ или с участием их в исследовательско-аналитических группах [7, с. 43-46].

В качестве иллюстративного примера практик реализации общественной оценки местной власти в сибирском регионе ресурсного типа можно выделить социально-политическое взаимодействие населения и власти Кемеровской области. Кузбасс относится к регионам с высоким уровнем ресурсной зависимости [8, с. 101]. Основными типами ресурсов, которые определяют промышленную направленность территории, являются нефть и уголь. При этом, кроме активного оборота природных ресурсов, в регионе наблюдаются процессы развития туристического сектора и преобразования социальной инфраструктуры муниципальных образований. Последнее обнаруживает разнообразные ситуации взаимодействия местных сообществ и местной (муниципальной и региональной) власти. В частности, кейсы благоустройства городской среды столицы региона демонстрируют сложность и многоуровневость общественной оценки решений органов власти.

Неоднозначность решений, связанных с установкой арт-объектов и памятников (арт-объект «Я люблю Кемерово», установлен в 2016 году, арт-объект «Кемерово 100 лет», установлен в 2017 году, статуя св. Варвары, установлена в 2018 г. и т. д.), вызвало недовольство жителей Кемерово и негативную общественную оценку действий местной власти [9]. Примеры демонстрируют переход как между уровнями общественного участия, так и между формами общественной власти. Информирование местных властей было реализовано посредством комментариев, постов, лайков/дизлайков в социальных сетях. Общеразделяемая обеспокоенность городского сообщества относительно целостности и сохранности соснового бора стала поводом для мобилизации инициативных групп. Оценочная коммуникация по поводу проектов благоустройства городской среды приобрела регулярный характер благодаря частоте ответов местных властей, которые становились поводом для возобновления (или продолжения) обсуждения деятельности властных органов вплоть до смены их решения. Мобилизовались не только инициативные группы из числа горожан, во взаимодействие включились и общественные объединения, бизнес-сообщества, исследовательские группы.

Таким образом, особенности сетевой коммуникации в регионах ресурсного типа объясняются высоким уровнем реактивности социально-политических отношений местных сообществ и власти. Можно говорить об общественной оценке как об особых ситуациях социально-политического взаимодействия, формирующих коммуникативные системы между органами власти и местными сообществами. Эти ситуации представляются нам в виде практик реализации общественной власти на разных уровнях общественного участия. Актуализируется общественный запрос на сопровождение управленческих решений, процессов развития территорий и распределения ресурсов, проектов благоустройства городской среды и т. д. в том числе посредством форм и приемов общественной оценки в сетевом пространстве.

Литература

1. *Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В.* Реактивное взаимодействие власти и населения в социальных сетях: транспортная реформа г. Новокузнецк // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 24–30.
2. *Дмитриев С.С.* Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. – 2021. – № 2(146). – С. 18–25.

3. *Нятина Н.В., Григорик Н.Н., Молчанов А.А.* Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 167–174.
4. Кемеровчане организовали сбор подписей для петиции с целью отмены решения местных властей, а также написали письмо в приемную губернатора Кемеровской области: [сайт]. – URL: https://gazeta.a42.ru/lenta/news/41249-izvestnye-kuzbassovcy-obratilis-k-gubernatoru-s-prosboi-ne-v (дата обращения: 10.11.2024).
5. «Кот да Винчи», «Рыба Шагала», чаепитие на парковке и борьба за советские витражи. Как активистка спасает культуру в Кемерове: [сайт]. – URL: https://takiedela.ru/news/2021/01/13/khozyayka-kota (дата обращения: 10.11.2024).
6. *Давыдов Д.А.* Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 5. – С. 72–93.
7. *Григорик Н.Н.* Модель общественной оценки местной власти // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 35–49.
8. *Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В.* Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 89–106.
9. Свято место: где, если не в бору, установить скульптуру Варвары: [сайт]. – URL: https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/41697-svyato-mesto-gde-esli-ne-v-boru-ustanovit-skulpturu-varvary (дата обращения: 12.11.2024).

УДК 316.45

ИНСТИТУТ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В РЕГИОНЕ

Зайдуллин Роман Ринатович
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан», Уфа, Россия

Аннотация. Муниципально-частное партнерство (МЧП) представляет собой эффективный механизм взаимодействия государственных органов и частного сектора. В условиях быстро меняющегося экономического и социального контекста, особенно для таких регионов, как Республика Башкортостан, данный институт может сыграть ключевую роль в реализации социальных программ, направленных на улучшение качества жизни населения. Настоящая статья посвящена анализу роли МЧП в контексте социальных инициатив в Башкортостане, а также возможностям и вызовам, связанным с его внедрением.

Ключевые слова: муниципально-частное партнерство, государство, социальные программы, Республика Башкортостан, проекты муниципально-частного партнерства, государственная деятельность.

Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года предусматривает применение инструментов муниципально -частного партнерства (далее – МЧП). Кроме того, создание объектов на условиях МЧП заложено в программных документах на республиканском и муниципальных уровнях. Муниципально-частное партнерство представляет собой одно из эффективных решений для преодоления недостатков бюджетного финансирования государственных и муниципальных социальных программ. Республика Башкортостан с её богатым природным и культурным потенциалом, а также разнообразными социальными проблемами, требует поиска новых форм взаимодействия между государственным и частным секторами.

В теоретическом аспекте одним из наиболее многообещающих и эффективных направлений для улучшения сотрудничества между бизнесом и республикой является их объединение в решении актуальных социально-экономических проблем, за которые республика несет ответственность перед обществом в рамках муниципально-частного партнерства. В ходе этой интеграции осуществляется взаимодействие двух субъектов, которые, с одной стороны, преодолевают недостатки, присущие им как собственникам различных форм собственности, а с другой стороны, достигают синергетического эффекта [2]. Таким образом, преобладание интересов частного собственника, стремящегося к получению максимальной прибыли, игнорирует социальные последствия, которые важны для республики. В то же время субъекты государственной собственности часто не имеют достаточной мотивации для эффективного использования, сохранения и увеличения ресурсов, что является типичным для бизнеса. Муниципально-частное партнерство, сосредоточенное на реализации проектов, которые помогают осуществлять общегосударственные цели, дает возможность учесть интересы и возможные выгоды как для государства, так и для бизнеса, а также для общества в целом. [3].

В последние годы в Республике Башкортостан наблюдается активное развитие института муниципально-частного партнерства. Увеличение работ в этом направлении как в регионе, так и на уровне всей страны стартовало с 2015 года, когда в федеральное законодательство были внесены изменения, расширяющие возможности использования концессионных соглашений.

С 2015 года в Республике Башкортостан утверждены и реализуются нормативно-правовые акты, регламентирующие процедуру подготовки, рассмотрения и реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП), муниципально-частного партнерства (МЧП):

1. Закон Республики Башкортостан от 17 июня 2016 года № 386-з «Об участии Республики Башкортостан в проектах государственно-частного партнерства»;

2. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 16 августа 2016 года № 336 «О Порядке межведомственного взаимодействия при подготовке и реализации проектов государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан»;

3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2017 года № 56 «Об утверждении нормативных правовых актов в целях реализации Федерального закона «О концессионных соглашениях» на территории Республики Башкортостан»

На уровне правительства для координации данных вопросов функционирует Межведомственная комиссия, занимающаяся подготовкой и реализацией инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства (ГЧП), муниципально-частного партнерства (МЧП). В состав комиссии входят депутаты Государственного Собрания - Курултай Республики Башкортостан, представители республиканских исполнительных органов власти, антимонопольного ведомства, а также банковские учреждения и организации. Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан было назначено уполномоченным органом по координации механизмов МЧП (ГЧП).

Деятельность по сопровождению инвестиционных проектов по принципу «одного окна», в том числе проектов МЧП (ГЧП), осуществляет АО «Корпорация развития Республики Башкортостан».

По итогам оценки уровня развития ГЧП (МЧП) в 2023 году в субъектах Российской Федерации, согласно результатам интегральной оценки трех факторов (динамика реализации проектов ГЧП (МЧП), накопленный опыт реализации проектов ГЧП (МЧП), состояние нормативно-институциональной среды), Республика Башкортостан снизилась на шесть пунктов и заняла 12 место из 85 регионов (Рис. 1). Данный рейтинг составляется Национальным центром ГЧП совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации. Рейтинг рассчитывается на основании методики, утвержденной Приказом Министерства.

Согласно данным реестра концессионных соглашений, представленным на официальном сайте Министерства экономического развития, в Республике Башкортостан в 2023 году заключено 3 проекта (Табл. 1). Всего с участием республики в текущий период реализуется 69 проектов, основные сферы развития – транспортная инфраструктура (включая транспорт общественного пользования), коммунальная инфраструктура, здравоохранение, экологическая

инфраструктура (в части обработки, утилизации, обезвреживания, размещения твердых коммунальных отходов), образование, культура, спорт и туризм, социальное обслуживание населения.

Прежде Республика Башкортостан делала акцент на иностранных инвесторов и их капитал. Однако в условиях текущего социально-экономического климата, характеризующегося оттоком иностранных инвестиций, приоритетом становится поиск внутренних источников финансирования. В связи с тем, что реализация проектов муниципально-частного партнерства требует инвестиций, а также кредитных ресурсов, в данное время ведется активное сотрудничество с банковским сектором, где рассматриваются кредитные продукты и банковские предложения, готовые поддержать инвестиционные инициативы. Параллельно проводятся переговоры для привлечения финансовых ресурсов не только внутри, но и за пределами региона.

Место (2023)[i]	Субъект Российской Федерации	Уровень развития ГЧП, баллы	Оценка факторов (2023)			Изменение (2023/2022)		
			Динамика, баллы	Накопленный опыт, баллы	НИС, баллы	Место (2022)		Δ
1	г. Москва	**98,9**	100,0	100,0	88,6	67	▲	+66
2	Нижегородская область	**53,2**	68,9	31,8	79,3	1	▼	-1
3	г. Санкт-Петербург	**42,6**	10,3	78,8	24,9	10	▲	+7
4	Ленинградская область	**42,0**	55,0	17,3	94,2	28	▲	+24
5	Пермский край	**39,5**	36,4	32,5	85,5	5	—	—
6	Московская область	**37,5**	2,6	62,9	79,9	22	▲	+16
7	Самарская область	**33,9**	18,4	37,2	89,0	20	▲	+13
8	Республика Саха (Якутия)	**26,4**	10,3	29,2	86,6	21	▲	+13
9	Сахалинская область	**23,4**	23,7	11,1	77,4	15	▲	+6
10	Республика Татарстан	**23,3**	0,5	29,3	98,6	4	▼	-6
11	Краснодарский край	**22,6**	25,6	8,0	74,9	7	▼	-4
12	Республика Башкортостан	**22,5**	10,8	22,8	74,0	6	▼	-6
13	Ростовская область	**22,5**	29,6	3,3	76,7	55	▲	+42
14	Свердловская область	**22,4**	11,8	16,4	97,2	25	▲	+11
15	Ямало-Ненецкий автономный округ	**22,0**	13,2	13,4	100,0	9	▼	-6

Рис. 1. Итоговый рейтинг субъектов Российской Федерации
по уровню развития ГЧП за 2023 год [5]

Ниже привожится выдержка из реестра концессионных соглашений, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (на 31.12.2023) [1].

Наименование проекта	Дата заключения соглашения	Наименование концедента	Наименование концессионера	Отрасль реализации	Срок реализации (лет)	Общая стоимость создания объекта (млн/руб)
Создание негосударственного пансионата стационарного обслуживания для пожилых и инвалидов в с. Старогумерово муниципального района Кушнаренковский район	28.12.2023	Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан	АНО «СОФИ»	Культура и отдых	45	35
Создание объектов обработки и размещения (захоронения) ТКО вблизи г. Уфа	06.06.2023	Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан	ООО «РУСЭКО-ГРУПП-УФА»	Коммунальная инфраструктура	27	5 934
Создание объектов обработки и размещения (захоронения) ТКО на территории Кармаскалинского района	12.04.2023	Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан	ООО "РУСЭКО-ГРУПП - КРАСНОКАМСК"	Коммунальная инфраструктура	27	1 932

Итак, институт муниципально-частного партнерства представляет собой мощный инструмент для реализации социальных программ в Республике Башкортостан. Несмотря на существующие проблемы и вызовы, у него есть все шансы на успешное развитие в 2024 году. Важно продолжать работу по расширению возможностей для частного сектора и повышению доверия со стороны населения, чтобы сделать социальные программы более доступными и качественными для всех жителей республики.

Литература

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (с изм. От 22.07.2024): [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 10.10.2024).
2. Закон Республики Башкортостан от 17.06.2016 № 386-з «Об участии Республики Башкортостан в проектах государственно-частного партнерства» (с изм. от 26.02.2024): [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/439090898 (дата обращения: 10.10.2024).
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 16.08.2016 № 336 «О Порядке межведомственного взаимодействия при подготовке и реализации проектов государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан» (с изм. от 16.08.2024): [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/441631371 (дата обращения: 10.10.2024).
4. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21.02.2017 № 56 «Об утверждении нормативных правовых актов в целях реализации Федерального закона

„О концессионных соглашениях“ на территории Республики Башкортостан» (с изм. От 27.06.2022): [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/446154954 (дата обращения: 10.10.2024).
5. Минэкономразвития России: [сайт]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8-1ecb4b3ed1952d358c2d3396c21b9fc/reiting_gchp_2023.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

УДК 316.45

СУБЪЕКТНОСТЬ ГОРОЖАН: УТОЧНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ОЦЕНКИ

Костко Наталья Анатольевна,
Печеркина Ирина Федоровна
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Значение активности, вовлечения и участия населения в управлении городами не вызывает сомнения. Фокус исследования направлен на субъектность горожан как его базовое свойство, обосновывающее активное участие в управлении. Цель исследования: представить параметры, определяющие суть субъектности горожан. Вклад исследования: уточнение параметров субъектности горожан. Результаты исследования построены на основании анкетного опроса по шести городам Тюменской области, выборка составила 2963 респондентов.

Ключевые слова: субъектность, город, управление.

Основанием для исследования являются положения о том, что город является сложной социальной, замкнутой, но не закрытой системой (согласно идеям Н.Лумана) [8, с.211] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития. Мы исходим, из учета сложности и неоднородности социальной системы коей является город, и необходимости принять наличие взаимовлияния материально-вещественных и нематериальных элементов пространства согласно традиции П.Бурдье [3, с.137; 4]. Социальное пространство города - это совокупность социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, столкновения интересов разных групп горожан, ключевыми характеристиками которого, являются социальная активность горожан, их идентичность с городом, уровень доверия и солидарности между активными субъектами городского сообщества [7]. Классическим основанием, обосновывающим возможность и необходимость выстраивания механизмов взаимодействия между властью, управленческими структурами и населением, проектированием социального пространства и учета его состояния и развития в практике муниципального управления развитием города является теория социального действия, теория структурации Э.Гидденса, Р.Бхаскара [6; 5].

Для определения характера взаимодействия между населением и органами управления использованы идеи Болтански Л. и Тевено Л. [2;13] о порядке ценностей применительно к разным мирам, в том числе к гражданскому миру, который может стремиться к согласию через солидарность, равенство и коллективные интересы, о формировании условий и механизмов для выработки согласия. Такая постановка вопроса во многом обусловила выбор направленности исследования. В литературе существует широкий консенсус относительно важности вовлечения граждан в процесс разработки политики, участия в управлении развитием города [14]

«Концепция участия в городском управлении превратилась в совместное творчество и совместное производство при активной помощи граждан и партнерских организаций. Это привело к изменению понимания ролей граждан: от пассивных субъектов к активным субъектам, которые влияют на решения и требуют, между прочим, более широких, прозрачных и подотчетных процессов» [14]

В управленческой практике на муниципальном уровне, расширение участия граждан в принятии решений и соответствующее реагирование на социальные проблемы

обеспечивается, например, за счет параметров роста охвата большего числа граждан и различных групп людей. С одной стороны, можно выбрать такой вариант управленческого действия. Однако остается вопрос о том, насколько такой экстенсивный подход решает проблемы как участия, так и развития собственно города. С другой стороны, слабое участие граждан в управлении развитием города ведет к сосредоточению энергию на внедрении процедур участия — процедурализма [15, p..10]. Как следствие, управленческие действия сфокусированы на поиске механизмов, новых технологий, средств вовлечения и соучастия населения в управлении развитием города.

Значимым видится обращение к сути, к характеристикам главного актора этих процессов, а именно к активному горожанину. Именно он, обладая активистскими свойствами выступает в качестве ведущего элемента городской системы управления. Однако активизм сам по себе не приводит к участию в управлении. Для этого гражданин должен обладать субъектностью. Субъектность, в рамках теории социального действия М.Вебера, представлена как рациональное поведение человека, основание для реализации его управленческого потенциала [1].

Субъектность как свойство включает в себя момент самоконституирования, самосозида-ния, отсутствующий в таких категориях, как личность, актор, агент, "действующий человек" [12].

Субъектность в управлении определяется как способность человека, с одной стороны, интернализировать "нормы и ценности общества", а с другой, "воздействовать на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности" [11].

Субъектности в управлении выделяют три группы показателей ее оценки: оценка работы властных структур по решению значимых проблем [11, с.11]; оценка возможности трансформации социальной группы, индивида в деятельностного актора (ресурсы, доверие к группе) [10, с. 104]; оценка особенностей межсубъектного взаимодействия (коммуникация, совместное обсуждение, участие, активность, информированность) [9].

Согласимся с мнением коллег о том, что «точно так же, как неолиберализм включает в себя не только набор экономической и государственной политики, но и производство неолиберального субъекта, *homo economicus* , который поддерживает и оживляет эту политику, так и постнеолиберальное общество не возникнет, пока не будут созданы альтернативные субъектности» [16, p. 2150]. К традиционным способам замера субъектности через социальную активность, вовлечение и участие горожан в управлении, предлагается дополнить показателями городской идентичности горожан, доверия и солидарности. Понятия не новые, но их сочетание и взаимовлияние между собой, синергизм, характеризующий состояние социального пространства города, принимаются в качестве параметров, обеспечивающих развитие городской социальной системы. Еще один аргумент в пользу использования данных параметров, необходимость учета контекста каждого города, что невозможно, опять же без знания состояния его социального пространства.

В рамках научного проекта «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования» в 2020 и 2021 гг. был проведен опрос жителей шести городов «большой» Тюменской области - Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда и Нового Уренгоя. В качестве генеральной совокупности выступили жители названных городов с 18 до 70 лет. Выборки строились отдельно для каждого города на основании данных государственной статистики как репрезентативные по признакам пола и возраста. Всего было опрошено более 3000 человек, отобрано для анализа 2963 анкет. Выборка репрезентирует население каждого города по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5% по одному признаку.

Индексы «городской идентичности» рассчитаны исходя из того, что 1 соответствует характеристике - «все полностью согласны», 0 - «все полностью не согласны». Индексы составлены по формуле = (0* «Полностью не согласен» +0,25* «Скорее не согласен» +0,5* «И да, и

нет» +0,75* «Скорее согласен» + «Полностью согласен»). Сводный индекс городской идентичности горожан равен сумме всех индексов, деленная на их количество. Значение сводных индексов городской идентичности и идентичности с городским сообществом в разрезе городов представлен на рисунке 3.

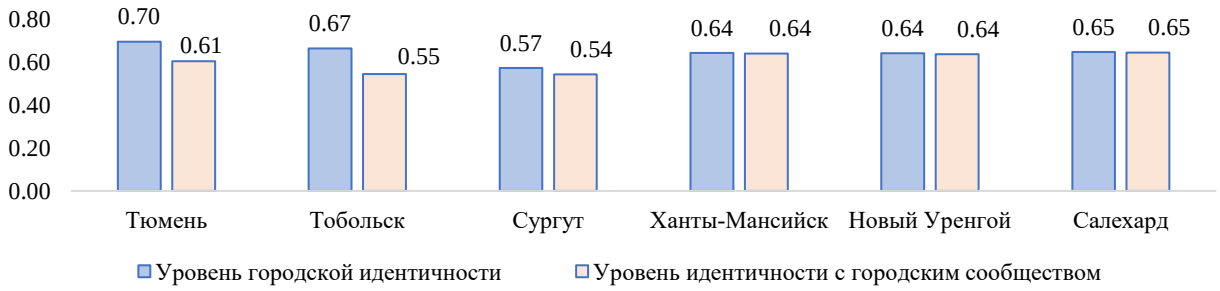


Рис. 3. Уровень идентичности, сводный индекс

Данные индекса меньше 0,5 оценивались как низкий показатель городской идентичности горожан, от 0,51 до 0,8 – как средний, и больше 0,8 – как высокий. Респонденты были распределены по этому признаку на соответствующие группы и далее анализ проходил в разрезе этих групп.

Уровень идентичности оказывает влияние не просто на участие в общественных организациях и практиках, а прежде всего на уровень активности этого участия (рис. 6).

Рис. 6-7. Уровень идентичности в группах с разным уровнем участия в организациях и социальных практиках, сводный индекс.

Жители исследуемых городов выразили высокую готовность к сотрудничеству как с городскими властями, так и с другими людьми – рис. 8-9. Больше 50% респондентов из всех городов готовы сотрудничать с местной властью, хотели бы участвовать в разработке стратегии своего города, больше 40% - готовы сотрудничать с другими жителями города, объединяться для совместных действий, если интересы совпадают.

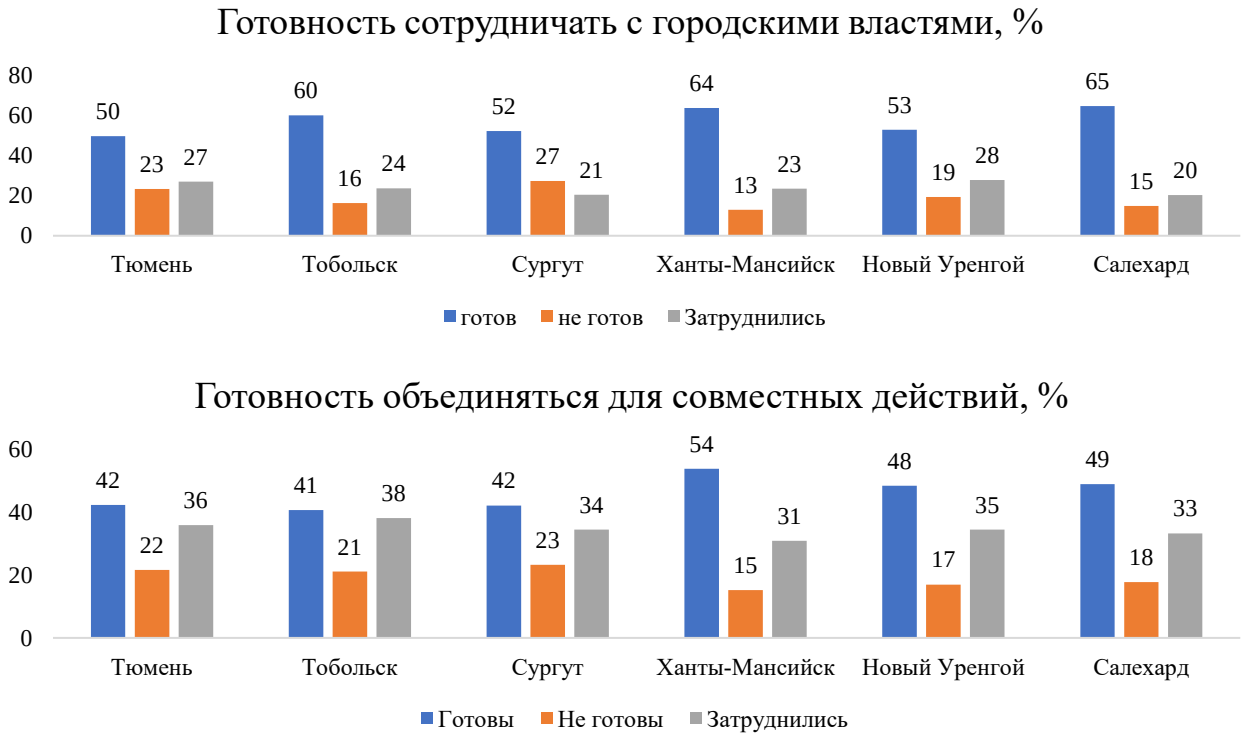


Рис. 8-9. Готовность к сотрудничеству, %

Высокий уровень и городской идентичности, и идентичности с городским сообществом повышает готовность к сотрудничеству (табл. 4). Выраженная связь фиксируется между уровнем идентичности горожан и установкой на сотрудничество как с субъектами управления городом, так и с жителями города (своими соседями, коллегами, знакомыми и незнакомыми людьми).

Мы предположили, что если доверие делает проверку идентичности [17], то в продолжении мысли Дж.Х. Тернера, можно говорить о том, что доверие позволяет понять характер направленности, целеориентации активности горожан (таблица 7).

Таблица 7

Индексы доверия в группах с разным уровнем участия в жизни города

Сводные индексы:	Участвуют в принятии решений, важных для города	Участвуют в принятии решений по месту жительства, работы	Не участвуют	Не участвуют и не видят в этом необходимости
Институционального доверия	0,7	0,61	0,55	0,45
Обобщенного доверия	0,67	0,62	0,56	0,5
Доверия к ближнему кругу	0,67	0,62	0,56	0,5

Доверия к инструментам участия в управлении городом	0,68	0,6	0,52	0,42

Таким образом, высокий уровень городской идентичности, подкрепленный доверием и солидарностью с членами городского сообщества, и субъектами управления городом обеспечивает продуктивность и созидательную направленность социальной активности горожан, и как следствие развитие субъектности жителей города.

Литература

1. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
2. *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3. – № 3. – С. 66–83.
3. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.
4. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. – М., 2005.
5. *Бхаскар Р.* Общества // Социо-Логос: пер. с англ., нем., франц.: сб. – М.: Прогресс, 1991. – С. 219–240.
6. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2003. – 185 с.
7. *Костко Н.А., Печеркина И.Ф.* Взаимовлияние социальных норм и социальной активности горожан как маркер социального пространства города // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Вологда, 29 марта – 2 апр. 2021 г.): в 2 ч. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. – Ч. 2. – С. 213–219.
8. *Луман Н.* Теория общества // Теория общества. – М.: «КАНАО-пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999.
9. *Мерзляков А.А.* К вопросу о показателях исследования субъектности в социологии управления // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2020. – № 5(30). – С. 75–89.
10. *Певная М.В., Шуклина Е.А., Черникова-Бука М.* Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной субъектности (на материалах международного исследования) // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 101–113. – DOI: 10.31857/S013216250018512-6.
11. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 348 с.
12. *Старикова М.М.* Социологический дискурс субъектных свойств личности (на примере западных социологических концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 124–131.
13. *Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человека // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3. – № 3. – С. 84–111.
14. *Correia D., Feio J.E., Marques J., Teixeira L.* Participatory methodology guidelines to promote citizens participation in decision-making: Evidence based on a Portuguese case study // Cities. – 2023. – Vol. 135. – DOI: 10.1016/j.cities.2023.104213.
15. *Roth L., Russell B., Thompson M.* Politicising proximity: Radical municipalism as a strategy in crisis // Urban Studies. – 2023. – Pp. 1–27. – DOI: 10.1177/00420980231173825.
16. *Russell B., Milburn K., Heron K.* Strategies for a new municipalism: Public–common partnerships against the new enclosures // Urban Studies. – 2023. – Vol. 60. – Issue 11. – Pp. 2133–2157. – DOI: 10.1177/00420980221094700.
17. *Turner J.H.* Theoretical principles of sociology. – 2010. – Vol. 2: Microdynamics. – DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6.

УДК 316.45

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Кофанова Вера Сергеевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ современного прочтения конфликтов, что позволяет исследовать актуальные подходы в урегулировании данных социальных явлений. Особое внимание уделяется институту альтернативных методов урегулирования конфликтов. В частности, освещается влияние медиации и восстановительного посредничества как альтернативных технологий урегулирования споров на формирование социальной структуры современного общества.

Ключевые слова: конфликт, спор, общество, альтернативное урегулирование конфликтов, медиация, посредничество, развитие социальной структуры.

На протяжении всей жизни человека, его социализации, становления личности возникает большое количество конфликтов. Выбор способов их разрешения в обществе всегда был значимой темой для определения тенденций его развития. Как известно, в современном социуме регулирование социальных действий самостоятельно, без вмешательства государства, сталкивается с вопросом выбора наиболее приемлемого метода разрешения конфликтов. Рассмотрение явлений современного социума позволяет предопределить наличие силовых методов урегулирования конфликтов, которые можно охарактеризовать определенным минимумом: уровень социального антагонизма, кровопролитность метода и его неопределенная результативность. Так, данная группа методов не является приемлемой для цивилизованного общества.

Важно отметить, что определение точного понятия конфликта не представляется возможным, поскольку существует полярное восприятие данного социального явления. Конфликты, с которыми человек может сталкиваться на протяжении жизни, имеют различные типы и формы. К примеру, русский социолог и культуролог Сорокин П.А. определял конфликт как социальное явление, поддающееся управлению и разрешению. Так, конфликт основывался на неудовлетворении базовых потребностей человека. Другая точка зрения представлена немецким социологом Дарендорфом Р.Г. Предполагалось, что конфликт выступал эффективным способом социального развития [1, с. 44]. Таким образом, предопределялась невозможность разрешения конфликта, а лишь его урегулирование. Важно также отметить роль внутриличностных конфликтов, которые с течением времени и благодаря совокупности факторов могут переквалифицироваться в межличностные, а также межгрупповые. Отсюда наблюдается необходимость в освещении способов урегулирования социальных конфликтов.

Начиная с самых ранних веков, где можно отследить наличие конфликтов, человечество сталкивается с острой необходимостью поиска наиболее приемлемых способов их урегулирования. Отмечается, что в Древние и Средние века конфликтное взаимодействие рассматривалось с точки зрения антагонизма, что имеет свой отпечаток на методах и способах урегулирования. Технологии данных эпох отличались большой кровопролитностью и жестокостью [2, с. 247-251]. Восприятие конфликтов в Древнем мире и Средневековье позволяет провести аналогию с XX веком, где выбор сторонами-участниками методов урегулирования конфликтов обусловливался ограничениями, зафиксированными в нормативно-правовых документах. Спектр способов урегулирования конфликтов был расширен путем изменений законов, подзаконных актов и приказов. Опыт таких стран, как Россия, Франция, Австралия, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, позволяет отметить роль судебных реформ в правовом опыте государств, который поспособствовал появлению альтернативных методов урегулирования конфликтов различных отраслей права. Примечательно, что колоссальное развитие система альтернативных технологий урегулирования споров и конфликтов получила только в

середине XX столетия после окончания Второй мировой войны. Развитие новой системы разрешения конфликтов было быстротечным, как и последующее внедрение возможных разработок в практику. Необходимо отметить, что в России альтернативные методы урегулирования и разрешения конфликтов положили свое начало в развитии и популяризации только в конце XX века. В настоящее время институт альтернативных методов урегулирования конфликтов включает обширное количество технологий. К наиболее эффективным способам можно отнести медиацию, восстановительное посредничество, переговоры, нотариат, третейское разбирательство и др.

Современной мировой практикой предопределяется преобладающие преимущества таких процедур, как медиация и восстановительное посредничество. Процедурный фактор данных альтернативных технологий базируется на реализации ключевых принципов работы 3-ей нейтральной стороны. Посредник, выступающий модератором процедуры медиации или восстановительного посредничества, реализовывает свою деятельность на регламентированных законом и профессиональной этикой принципах: конфиденциальность, нейтральность, добровольность, равноправие. Именно эти принципы работы посредника позволяют сторонам конфликтного взаимодействия погрузиться и в «положительную» интерпретацию конфликта, когда участник затрачивает меньшее количество ресурсов для разрешения своей ситуации, сохраняет базовую коммуникацию с оппонентом и достигает взаимоприемлемого решения [3, с. 73-77]. Уделяя особое внимание восстановительному посредничеству, можно отметить возможность реализации правовых и социальных целей гражданского общества на пути совершенствования современной социальной структуры.

Так, подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что с течением времени и развитием общества количество конфликтов не сокращается, а их тяжесть увеличивается, отсюда возникает все большая необходимость в их урегулировании, в частности, посредством обращения к системе альтернативных методов урегулирования конфликтов. Особое значение в развитии методов разрешения конфликтов, возвышающих человеческую личность, обретают инструменты, не коррелирующие с судебными формами урегулирования конфликтов. Это обусловливается существующей практикой пенитенциарной системы, основывающейся на совокупности факторов приверженности к правовым семьям. Особе внимание удается уделить преимуществам альтернативных технологий урегулирования конфликтов после проработки процедурных принципов, которые, по аналогии с чашами весов, становятся в противовес группе судебных методов разрешения споров. Со стороны института альтернативных способов урегулирования конфликтов освещается и морально-нравственный вопрос эффективности достигнутых решений. Именно взаимоприемлемый вариант позволяет произвести пролонгированный и профилактический эффект деструктивного содержания конфликта в будущем. Также отмечается наиболее значимый результат эволюционного пути человечества, который характеризуется выбором в пользу альтернативных способов урегулирования и разрешения конфликтов, что еще более ярко характеризует современный социум, как гуманный и осознающий ценность прав и свобод человека.

Литература

1. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: очерк политики свободы: учебник для вузов. – М.: РОССПЭН, 2002. – 440 с.
2. *Меркулов П.А., Гашина Н.Н.* Управление альтернативными разрешениями споров в России: история и современность // Вопросы управления. Блок «Право». – 2015. – № 3. – С. 247–251.
3. *Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н.* История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2007. – № 2. – С. 73–77.

УДК 316.45

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: ОТ ФИЗИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА К СОЦИАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ

Майорова Резеда Тагировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Городское пространство можно рассматривать не только как физическое, но и как социальное. В статье рассматривается город как пространство, включающее в себя культурный, политический, экономический и потребительский слои, что делает необходимым комплексный подход к социологическому изучению города и городской среды.

Ключевые слова: город, социальное пространство, социология города, городская среда.

Город представляет собой сложную социальную систему, в которой взаимодействуют различные группы людей, экономические процессы, культурные практики и политические структуры. В этом контексте город становится местом сосредоточения различных социальных групп, классов и этнических сообществ, что создает уникальные динамики взаимодействия, конфликта и сотрудничества. Кроме того, город служит центром экономической деятельности, включая производство, торговлю и услуги. Социологи исследуют жилище и социальные аспекты совместного проживания и взаимодействия людей, начиная с классического этапа социологии, с одной стороны [1]. С другой, их интересуют проблемы неравенства и качества жизни горожан.

Социальные и экономические трансформации в России, произошедшие в результате изменения политического устройства в начале 1990-х годов, оказали значительное влияние на структуру и динамику российских городов. В советский период города воспринимались как объекты централизованного планирования, где решения принимались на уровне государственной власти без учета местных особенностей. Однако в новой социально-политической системе города стали самостоятельными агентами, способными адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям. Эти изменения открыли новые горизонты для социологического анализа городов как объектов исследования. Городские пространства начали рассматриваться не только как физические ландшафты, но и как социальные конструкты, в которых взаимодействуют различные группы населения, формируются новые идентичности и возникают уникальные культурные практики. Социологи стали изучать, как местные сообщества реагируют на экономические вызовы, такие как миграция, изменение рынка труда и социальное неравенство, а также как эти факторы влияют на качество жизни горожан.

Таким образом, города стали полем для исследования сложных взаимосвязей между экономическими процессами и социальными структурами, что позволяет глубже понять, как трансформации на уровне государства отражаются на жизни отдельных людей и сообществ. В этом контексте важно учитывать не только экономические показатели, но и культурные, исторические и политические аспекты, которые формируют уникальный облик каждого города.

Город также является пространством для культурного обмена и творчества, где сосредоточены театры, музеи, галереи и другие культурные учреждения, которые влияют на идентичность и самовыражение жителей. Важную роль в формировании городской жизни играет городская политика, включая вопросы управления, планирования и распределения ресурсов, что также является предметом анализа социологов, которые исследуют, как политические решения воздействуют на различные группы населения.

Физическая структура города, включая районы, улицы и общественные пространства, также имеет значение, поскольку социологи изучают, как эти пространственные характеристики влияют на социальные взаимодействия. Наконец, современные города становятся глобализированными, что влечет за собой новые вызовы и возможности, и социологи исследуют, как глобальные процессы влияют на местные сообщества и их идентичность.

Изучение городов как объектов социологического анализа включает в себя важное направление, касающееся формирования общества потребления в российских городах. Это направление охватывает широкий спектр вопросов, связанных с возникновением новых стилей жизни и изменением восприятия социальных различий в городской среде. Перспективным подходом для анализа этих вопросов является исследование пространств потребления в современных городах, поскольку именно архитектурные и функциональные характеристики этих пространств наиболее ярко иллюстрируют социальную структуру и организацию повседневной жизни горожан.

В частности, рост и распространение торговых центров и торгово-развлекательных комплексов содействуют развитию культуры потребления, формируя новое отношение к покупкам и досугу. Это, в свою очередь, способствует утверждению стиля и интенсивности потребления как ключевых индикаторов социального положения жителей.

При реконструировании городского пространства также следует учитывать эмоциональную составляющую горожан, их аффективно насыщенные образы прошлого и будущего, связанного с определенной территорией, что влияет на возможности солидаризации и борьбы за свой вариант будущего городской среды [2].

Нельзя также не отметить, что крупные города являются движущей силой экономик. Мегаполисы генерируют непропорционально более высокие темпы экономического роста, чем в сельской местности. Они генерируют более 80 процентов мирового ВВП сегодня, из которых на 100 крупнейших мегаполисов приходится 35 процентов мирового ВВП [3].

Кроме того, значимой тенденцией является коммерциализация общественных пространств городов. Все меньшее количество территорий остается открытыми и доступными для населения, поскольку они постепенно занимают заведения общественного питания, досуга и торговли. Этот процесс представляет интерес как для исследований городской повседневности, так и для городского управления, поскольку в него вовлечены крупные коммерческие компании, которые выступают в роли одного из основных двигателей развития городов в условиях капиталистической экономики.

Таким образом, изучение городов как объектов социологического анализа требует комплексного подхода, учитывающего взаимодействие социальных, экономических и культурных факторов, формирующих современное городское пространство. Это позволит более глубоко понять динамику изменений в городской среде и их влияние на жизнь общества.

Литература

1. *Литвинцев Д.Б.* Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 1. – С. 9–11.
2. *Желнина А.А.* «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4. – № 2. – С. 21–36.
3. Статистическая база данных Всемирного банка [Электронный ресурс]: [сайт]. – URL: http://databank.worldbank.org/data/views/variableselection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators (дата обращения: 16.10.2024).

УДК 316.45

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Нагимова Айсылу Мирзарифовна

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Современное общество все более активно продвигается в направлении цифровизации самых разных сфер жизни, включая социальную сферу, что безусловно отражается

на качестве жизни населения. Новые цифровые технологии нацелены на сокращение ресурсных затрат в производстве различных благ и услуг, повышение конкурентоспособности предприятий и организации, обеспечение высокой эффективности производственных и бизнес-процессов. Результатами данных процессов выступает совершенствование управления социальной системой, и как результат – повышение уровня и качества жизни людей. Указанные процессы постепенно внедряются и в той или иной степени присутствуют и в системе здравоохранения, степень вовлеченности в процесс цифровизации данной отрасли общественной жизни планируется рассмотреть в данной статье опираясь на результатах исследования общественного мнения и проведенного автором экспертного опроса среди медицинских работников.

Ключевые слова: цифровизация, социальное пространство, цифровизация социального пространства, система здравоохранения, городская система здравоохранения, эффективность функционирования системы здравоохранения, компьютеризация, цифровая трансформация.

Основным трендом развития мировой экономики за последние годы стала цифровизация и цифровая трансформация всех сфер общественно-экономических систем. Более того, данный процесс получил название новой промышленной революции, нацеленной на выведение масштабов производства, но совершенно новый, несравнимый с предыдущими скачками уровень. Данные процессы внедрились и в систему государственного и муниципального управления, в том числе и в управление социальной сферой. В России данные процессы активизировались еще в 2002 году, прежде всего, с внедрения «электронного правительства» и создания «Совета при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в Российской Федерации», нацеленных на информатизацию российского общества. Однако цифровая трансформация российского общества идет неравномерными темпами в разных сферах общества, а часто вообще приобретая формализованный вид, направленный на упрощение информационной поддержки процессов, а не улучшая их содержание и не приводя к существенному повышению качества жизни населения. Рассмотрим данные процессы на примере системы здравоохранения крупного города.

Процессы цифровизации в системе здравоохранения России характеризовались, прежде всего, внедрением в лечебно-диагностический процесс ИТ-технологий, а также трансформацией системы управления здравоохранением путем включения в нее цифровых сервисов и элементов мобильного здравоохранения и телездравоохранения [7, с.9]. Если отдельные направления цифровизации в виде электронных очередей и электронных медкарт и отдельные элементы высокотехнологичной медицины являются очевидными для простого обывателя, то ряд других направлений остаются за полем внимания внешнего наблюдателя. Это прежде всего создание систем облачной безопасности и применение возможностей таких программных продуктов как Big Data, различных приложений для поддержания физического и психического здоровья населения, внедрение в практику лечения больных различных инструментов телемедицины и др. Все это в конечном итоге отражается в актуальной цели цифровизации системы здравоохранения – создании максимально комфортных условий для работы медицинских специалистов и обеспечение их передовыми медицинскими технологиями: «… «цифровая зрелость» должна быть достигнута во всех основных отраслях государственной системы, в том числе и в медицине» [8, с.45-48]. Важным этапом в формировании цифровой медицинской среды выступило создание медицинских информационных систем (МИС). Уже в 2007 году на рынке МИС заявили о себе 57 разработчиков, предлагающих более 100 единиц собственной продукции, [9, с.12] а к 2024 году планировалось расширение программного обеспечения системы здравоохранения в рамках федеральной программы «Создание единого цифрового контура» [11, с.34]. В результате использования в процессе управления МИС были обнаружены и серьезные барьеры, препятствующие повышению эффективности оказания медицинских услуг населению. Данные барьеры можно было бы подразделять на барьеры технико-технологического характера (недостаточная слаженность функционала систем между собой, необходимость дублирования бумажного и электронного документооборота, трудности в

использовании на практике Big Data и др.) и барьеры субъективного характера (неготовность работников системы здравоохранения к изменениям, увеличение нагрузки вследствие внедрения новых технологий, снижение удовлетворенности населения качеством оказываемых услуг и др.)[1, с.28-47].

Одной из важнейших проблем современного здравоохранения в свете упомянутых изменений является неготовность медицинского персонала к подобного рода изменениям. Зачастую уровень подготовленности в части компьютерной грамотности даже врачей оставляет желать лучшего. Данная тенденция актуальна не только для России, но и для большинства развитых стран, вследствие чего в этих странах обращают большое внимание повышению профессиональных компетенций медицинских работников в сфере IT[4, с.207-214; 5, с.21]. В связи с вышеуказанной проблемой нами был проведен опрос среди медицинского персонала по выявлению оценочных показателей компьютерной грамотности врачей, работающих в муниципальных поликлиниках. Исследование было проведено в 2022 году в городах Набережные Челны и Казань методом анкетного опроса среди медицинского персонала муниципальных поликлиник (n=348 из них 125 врачей, 223 средний медперсонал). Выборочная совокупность сформирована применением метода снежного кома в местах пребывания целевой аудитории. В опросе участвовало 125 врачей, ответы которых распределились следующим образом. Относительное большинство опрошенных оценили собственный уровень компьютерной грамотности как средний (43,2%), а примерно каждый четвертый – ниже среднего (22,9%), 15,3% - как низкий. Примерно столько же (14,8%) оценили уровень собственных компетенций в данной сфере как выше среднего, всего лишь 3,8% респондентов дали высокую оценку (Рис.1).

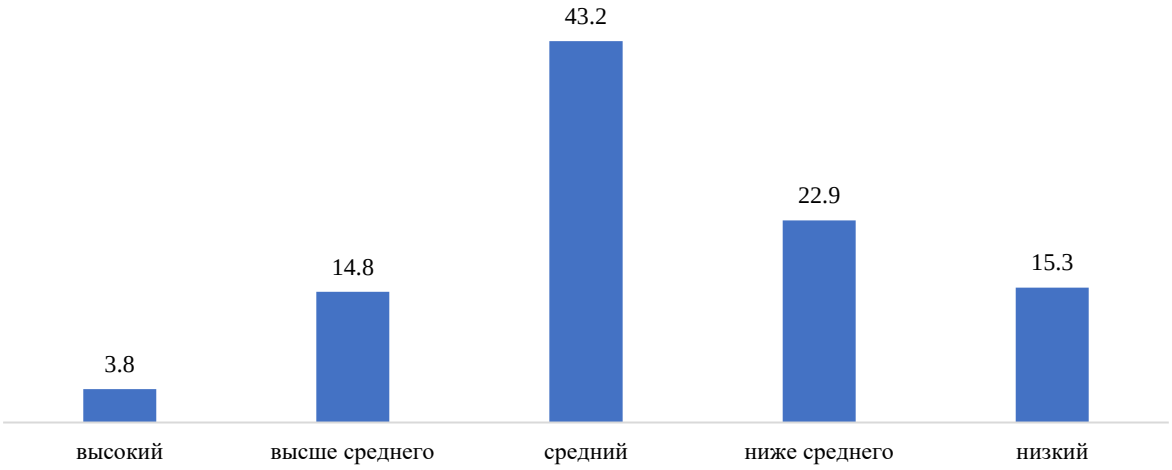


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете собственный уровень компьютерной грамотности?» («)

Интересным является тот факт, что среди врачей, оценивших свою компьютерную грамотность как высокую и выше среднего, 78,2% совмещают прием в поликлинике и работу на стационаре. По мнению самих врачей, стационарная работа в большей степени способствует более интенсивному освоению новых навыков и методов, в том числе и в части IT-технологий.

Также значимым фактором в владении компьютерной грамотностью оказался возраст респондентов. Нами выявлена следующая тенденция: среди слабо владеющих компьютерной грамотности большинство составляют люди старше 45 лет и предпенсионного возраста (Рис.2). Безусловно, данный факт не позволяет утверждать что в целом данная категория людей не владеет базовыми компетенциями компьютерной грамотности. Так, согласно результатам всероссийского исследования «Комплексное наблюдение условий жизни населения –

2020» [6, с.27-29] 89% врачей и 91% представителей среднего медицинского персонала пользуются социальными сетями, 78% врачей и 73% медсестер проводят различные финансовые операции в онлайн режиме, 52% врачей и 38% средний медперсонал пользуются услугами маркетплейсов [6, с.27-29]. Когда мы ставили вопрос об уровне компьютерной грамотности, нами было уточнено, что в под этим понятием мы подразумеваем наличие специализированных навыков, необходимых при работе в МИС или владение специализированными навыками проведения различных медицинских манипуляций с применением компьютеров и/или связанной с ним техникой.

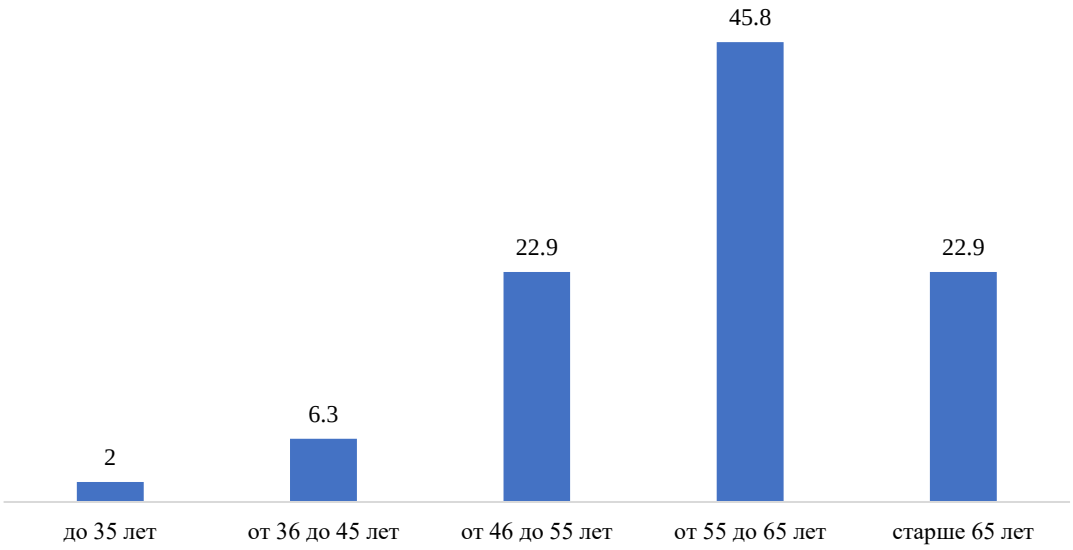


Рис. 2. Распределение по возрастному признаку ответов респондентов, оценивших свою компьютерную грамотность как низкую и ниже среднего (%)

Изучая причины низкой компьютерной грамотности у части медицинского персонала, ряд исследователей пришли к выводу о том, что одной из основных причин того является сниженная мотивация к адаптации в новых условиях цифровизации социального пространства[3, с.843-852]. Мы также задали аналогичный вопрос и выявили основные причины заниженной вовлеченности работников системы здравоохранения в IT-технологии. Как и ожидалось, наиболее популярный ответ – причиной слабой вовлеченности врачей в IT-технологии является большая загруженность на работе (69,5%). В части пояснения врачи жаловались на сложности, связанные с необходимостью дублирования информации на бумажных и электронных носителях, что значительно замедляет работу, что, в частности, также приводит к спешности в общении с пациентом и как результат – приводит к росту неудовлетворенности пациентов качеством приема у врача. Чуть более трети респондентов (34,8%) заявили, что работа в МИС довольно сложна и требует специальных компетенций, которыми необходимо завладеть в течение рабочего времени, а специальные обучающие курсы не всегда имеются. На данную проблему указали также 11,5%респондентов («отсутствуют обучающие курсы или не направляют на повышение квалификации по данному направлению»).16,7% участников опроса по своим функциональным обязанностям практически не работают за компьютером и тем более не имеют отношения к МИС. 8,4% респондентов старшего возраста заявили, что скоро планируют прекращать профессиональную деятельность в связи с уходом на пенсию, и, по их мнению, нет смысла приобретать компьютерную грамотность. В части «Другое» респонденты указали на такие причины как «нет желания», «больше внимания уделяю пациентам, за компьютером работает медсестра», «очень большая нагрузка» и др.(Рис.3).

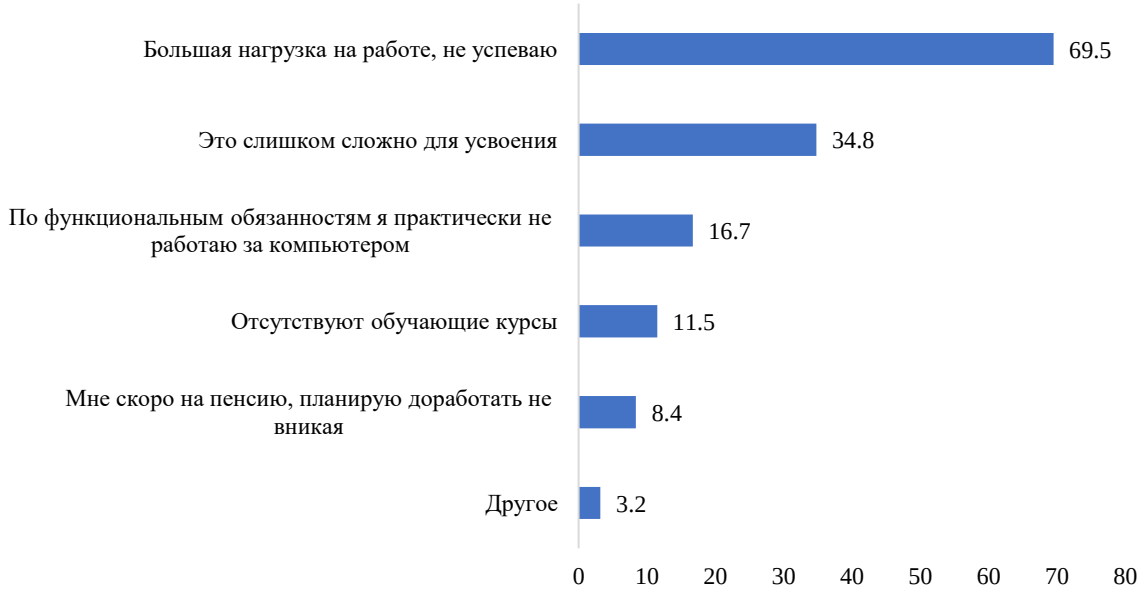


Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «По какой причине ваша компьютерная грамотность на недостаточно высоком уровне?» (в процентах. Множественный вариант ответа)

Таким образом, несмотря на заявленную государством стратегию цифровизации системы здравоохранения, наблюдаются значительные барьеры на пути ее реализации. Если технико-технологические барьеры (в виде недостаточности программных продуктов, неотлаженности некоторых элементов МИС, а местами и нехватки технических средств и материально-технической базы для реализации поставленной цели и др.) представляется возможным преодолеть в ближайшей перспективе, то барьеры субъективного характера требуют к себе более внимательного отношения и их преодоление, как полагается, будет идти в более длительный период времени. Как выявило исследование, уровень компьютерной грамотности у большинства врачей достаточно низкий: около 40% респондентов оценивают уровень своей компьютерной грамотности как ниже среднего или низкий, примерно столько же опрошенных оценили ее лишь как средний. Большинство респондентов, имеющих недостаточный уровень компьютерной грамотности – люди среднего и старшего возрастов. Все это говорит о том, что необходимо разработать комплексные меры по повышению практикоориентированной компьютерной грамотности специалистов на регулярной основе, при этом, учитывая современные реалии на рынке труда, связанные с нехваткой квалифицированных специалистов, особенно в таких сферах как здравоохранение, требуется особо внимательное отношение к сотрудникам старшего возраста, используя при этом действенные мотивационные рычаги для повышения их заинтересованности в овладении новыми знаниями в этой сфере.

Литература

1. *Гусев А.В.* Государственные закупки программного обеспечения и услуг по информатизации здравоохранения в 2013–2017 гг. // Врач и информационные технологии. – 2018. – S1. – С. 28–47. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-programmnogo-obespecheniya-i-uslug-po-informatizatsii-zdravoohraneniyav-2013-2017-gg (дата обращения: 28.10.2024).
2. *Гусев А.В., Владзимирский А.В., Голубев Н.А., Зарубина Т.В.* Информатизация здравоохранения Российской Федерации: история и результаты развития // Национальное здравоохранение. – 2021. – Т. 2. – № 3. – С. 5–17. – DOI: 10.47093/2713-069X.2021.2.3.5-17 (дата обращения: 28.10.2024).
3. *Дудин М.Н., Голышко П.В., Вашаломидзе Е.В., Гурцкой Д.А., Гурцкой Л.Д.* Развитие цифровых компетенций медицинских работников в контексте всеобщей цифровизации российского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории

медицины. – 2022. – Т. 30. – № 5. – С. 843–852. – DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-5-843-852 (дата обращения: 28.10.2024).
4. *Adler-Milstein J., Kvedar J., Bates D.W.* Telehealth among US hospitals: several factors, including state reimbursement and licensure policies, influence adoption // Health Affairs. – 2014. – Vol. 33. – Issue 2. – Pp. 207–215. – DOI: 10.1377/hlthaff.2013.1054 (дата обращения: 25.10.2024).
5. *Schreiweis B., Pobiruchin M., Strotbaum V., Suleder J., Wiesner M., Bergh B.* Barriers and facilitators to the implementation of eHealth services: systematic literature analysis // Journal of Medical Internet Research. – 2019. – Vol. 21. – DOI: 10.2196/14197 (дата обращения: 25.10.2024).
6. Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2020: [сайт]. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 25.10.2024).
7. Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: приказ Минздрава РФ от 30.11.2017 № 965н: [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71751294/ (дата обращения: 25.10.2024).
8. Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)»: [сайт]. – 2019. – URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/tsifra (дата обращения: 25.10.2024).
9. Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов: приказ Минздрава РФ от 07.09.2020 № 947н: [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400083202/ (дата обращения: 25.10.2024).
10. Паспорт Стратегии цифровой трансформации отрасли «Здравоохранение» до 2024 года и на плановый период до 2030 года: [сайт]. – 2021. – URL: https://static.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/057/382/original/ (дата обращения: 25.10.2024).
11. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 25.10.2024).

УДК 316.45

РУССКИЕ ДАГЕСТАНА: ПРИЧИНЫ ОТТОКА ИЗ РЕГИОНА, МЕРЫ ПО ИХ ПОДДЕРЖКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)[3]

Сефербеков Руслан Ибрагимович
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

Аннотация. В статье на основе общенаучных и специальных методов истории, этнологии и социологии, проведенного в сельских районах *Кизлярщин*ы (нынешние Кизлярский, Тарумовский районы и г. Кизляр) и городах Республики Дагестан экспертного опроса исследованы причины исхода русского и русскоязычного населения из Дагестана в 90-е гг. XX в. и в 2000-е гг., проанализированы меры по их поддержке, даны рекомендации по возвращению в регион ранее уехавших. Экспертный опрос был проведен в связи с тем, что массовый опрос респондентов был невозможен и неэффективен. Результаты опроса свидетельствуют о том, что главной причиной массового выезда русских из края является сложная общественно-

[3] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

политическая, социально-экономическая, межэтническая и межконфессиональная ситуация в республике, усиливающееся во многих сферах культуры и быта влияние мусульманской религии, неэффективность государственной программы по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения. Как считают респонденты, для решения существующей проблемы в Дагестане должны быть созданы безопасные и комфортные условия для проживания русских, восстановление утраченного ими в постсоветский период высокого статуса в этносоциальной иерархии Дагестана и Северного Кавказа.

Перспективы этнического развития русских в Дагестане всё же обнадёживают. В последние годы масштабы и темпы миграции русского населения из республики несколько уменьшились, что вселяет определенную надежду на его возвращение в Дагестан.

*Ключевые слова***:** русские Дагестана, этнические и демографические процессы, новейшее время, миграции.

Введение

Одной из важных государственных и региональных проблем Северного Кавказа новейшего времени является отток русского и русскоязычного населения из региона. Он обусловлен рядом объективных и субъективных причин. Целью данного исследования является выявление по результатам экспертного опроса причин оттока русского и русскоязычного населения из Республики Дагестан и выработки комплекса мер по их поддержке. Реализация данной цели предполагает решение ряда задач: 1) установить главные причины оттока русскоязычного населения из региона за последние 33 года; 2) определить эффективность, принятой правительством Республики Дагестан в 2013 г. государственной программы по поддержке проживающего и возвращающегося в Дагестан русского населения; 3) разработать комплекс необходимых мер, которые должны быть предприняты, чтобы приостановить отток русских и русскоязычных из Дагестана и возвратить их в исконные места проживания.

Актуальность данного исследования диктуется глобальными вызовами современности, повышением уровня этнической, национальной, культурной, религиозной, территориальной идентичности русского населения в связи со сложной общественно-политической и социально-экономической ситуацией в Дагестане, стране и мире.

Следует подчеркнуть, что проблемы социального самочувствия русского и русскоязычного населения Дагестана и Северного Кавказа в позднее советское и новейшее время всегда находились в центре внимания российских историков, этнологов, социологов и демографов [1, с. 160–168; 2; 3, с. 8–13; 4, с. 296, 302, 311; 5, с. 74–95; 6, с. 147–153; 7; 8, с. 145–149; 9, с. 180–187; 10, с. 104–111; 11, с. 468–472].

Однако в условиях стремительно меняющейся реальности и вызовов современности они в последние 10 лет не изучались, чем и объясняется проведение данного исследования.

Изучая обозначенную проблему, мы пользовались как общенаучными (традиционные исторические методы), так и специальными методами этнологии и социологии. Сравнительное историческое исследование позволило нам выявить причины изучаемых явлений в сравнении с другими историческими и социокультурными событиями новейшего времени; историко-системный метод дал возможность проанализировать «русский вопрос в Дагестане» как целостную систему с оценкой его структуры и функций, генезиса и морфологии; метод диахронного анализа – изучить происходящие с русским населением Дагестана исторические процессы как сущностно-временные изменения. Специальные этнологические и социологические методы включали в себя очный (свободное интервьюирование, анкетирование, «мозговой штурм») и заочный (почтовый и через социальные сети) опрос и интервьюирование респондентов. При интервьюировании информация собиралась в реальном режиме. Опрос (сбор количественных данных) проводился в форме анкетирования (опросные листы). Разновидностью опроса является *экспертный опрос* заранее отобранных, имеющих значительный стаж научной, образовательной и служебной работы компетентных и образованных специалистов. Такой опрос, в котором участвовали государственные и муниципальные служащие, специалисты и научные сотрудники, преподаватели вузов, средних специальных учреждений и общеобразовательных

школ, работники культуры, служащие и рабочие был проведен и нами. Подбор экспертов в рабочую группу производился экспериментальным (тестирование) и документальным (по социально-демографическим данным) методами и при помощи самооценки.

Экспертный опрос был проведен в связи с тем, что массовый опрос респондентов был невозможен и неэффективен. Степень достоверности ранее проведенных массовых опросов [5] не вызывал сомнений. Однако после их проведения прошло около 10 лет, что в условиях глобальных вызовов современности и постоянно меняющейся реальности делает необходимым проведение дополнительных исследований в реальном времени.

Анализ исследуемой ситуации предполагает изучение давней и важной проблемы – выяснения причин оттока русских и русскоязычного населения из Дагестана. Для анализа проблемы были разработаны специальные опросные листы, в которых были изложено 22 вопроса открытого типа и не применялись вопросы-ловушки.

В основе данной статьи положены результаты экспертного опроса городского и сельского русского и русскоязычного населения Дагестана (фокус-группа), проживающего в местах их компактного и дисперсного проживания: гг. Махачкала, Каспийск, Кизляр, Буйнакск, Дербент, Дагестанские Огни и Южно-Сухокумск; ст. Александрия, сс. Аверьяновка, Малая Арешевка, Черняевка Кизлярского района; сс. Калиновка, Таловка, Ново-Георгиевка, Ново-Романовка Тарумовского района. Всего в 7 городах и 8 сёлах республики было опрошено 43 человека: 30 человек в городах – Махачкале (10 человек), Каспийске (2), Кизляре (2), Буйнакске (8), Дербенте (5), Дагестанских Огнях (2) и Южно-Сухокумске (1); 4 человека в ст. Александрия (1), сс. Аверьяновка (1), с. Малая Арешевка (1), с. Черняевка (1) Кизлярского района и 9 человек в сс. Калиновка (4), Таловка (3), Ново-Георгиевка (1), Ново-Романовка (1) Тарумовского района.

Из 43 человек 5 были мужского пола, а 38 – женского. По возрасту: молодёжи (до 35 лет) было двое, среднего возраста (от 35 до 60 лет) – 26 человек, пожилых (61 год и выше) – 15 чел. По национальности: 41 опрощенных были русскими, 1 – белоруска и 1 – армянка.

Образовательный уровень был представлен следующим образом: 31 человек имели высшее образование, 11 – среднее-специальное и 1 – среднее образование.

Профессиональный состав опрощенных выглядел следующим образом: кандидатов исторических (2) и экономических (1) наук – 3, научных сотрудников Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (ДФИЦ РАН) – 3; специалистов ДФИЦ РАН – 4; кандидатов исторических наук, доцентов вуза – 1; преподавателей колледжей – 3, учителей среднеобразовательных школ – 4, работников городских и районных администраций – 2, сотрудников музеев – 3, работников Домов культуры – 1, служащих – 11, косметологов – 1, рабочих –1, временно неработающих – 1, работающих пенсионеров – 3, пенсионеров – 5.

Таким образом обеспечивалась репрезентативность результатов опроса, в ходе которых среди опрашиваемых ныне живущих и проживавших ранее в Дагестане были разные половозрастные (молодежь, люди среднего и старших возрастов) и профессиональные (рабочие, служащие, интеллигенция, пенсионеры) группы русского и русскоязычного (белорусы, армяне) населения.

Результаты экспертного опроса подтвердили изложенные нами ранее в виде научной статьи [12, с. 372–385] основные причины оттока русского и русскоязычного населения из Дагестана и рекомендации по их решению. Это – своеобразный повторный замер с сопоставлением результатов информации, полученной другими (этнологическими и социологическими) методами. В тоже время они дали новый материал для анализа и решения проблемы.

Результаты экспертного опроса

Как видно из результатов опроса, основными причинами оттока русского и русскоязычного населения из Дагестана явился комплекс проблем общественно-политического и социально-экономического характера: смена парадигмы государственного и общественного устройства России после распада СССР, последствия «либеральных экономических реформ», низкий уровень социально-экономического развития республики, невостребованности русских как специалистов, распространение в Дагестане радикальных религиозных течений,

незащищенность территории исторического проживания русских, вероятность выхода Дагестана из состава РФ, бытовой национализм, отсутствие перспектив для проживания и развития для русской молодежи, утрата высокого статуса «русских» в местной этносоциальной иерархии.

Предпринятая правительством Республики Дагестан в 2013 г. государственная программа по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения подавляющим числом респондентов признана неэффективной или недостаточно эффективной. Основное внимание респондентов уделялось созданию безопасных и комфортных условий для проживания русского населения в регионе, восстановлению традиционных хозяйственных занятий и промыслов, создание агропромышленных предприятий и др. Более трети опрошенных считают, что республиканские власти саботируют или недостаточно эффективно исполняют Указы Президента РФ от 9 июля 2020 г. № 505 и от 21 июля 2020 г. № 474.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что Дагестан как часть Кавказа, один из его «регионов, где сильны традиции воспроизводства этнического, религиозного и регионального самосознания, которые зачастую сопряжены политизацией этих категорий идентичности» [13, с. 281], является «контактной зоной цивилизаций и культур», «периферией российской цивилизации, не лишенной повышенной конфликтности», «где этнокультурный процесс протекает на фоне синтеза традиций и модернизации, отчасти и воспроизводства традиционной культуры» [14, с. 370].

Высказываемые респондентами опасения по поводу распространения радикальных религиозных течений в Дагестане, сложной межэтнической и религиозной ситуации в республике далеко не беспочвенны в свете недавних событий, связанных с нападением боевиков на Дагестан, когда неизвестные атаковали два храма, синагогу и пост ДПС в Дербенте и Махачкале, погибли полицейские, священнослужитель и рядовые граждане [15].

Современный Дагестан нельзя представить без религиозной составляющей. Выросло целое поколение молодых людей, которые считают религию неотъемлемо частью своей жизни. Возрождение религиозных ценностей больше отразилось в развитии религиозной инфраструктуры, связанной с открытием исламских учебных заведений, строительством мечетей, растущим числом паломников в хадж. Однако, процветает внешняя атрибутивная форма проявления религии, поверхностное проникновение в сущность веры не приводит к качественному духовному возрождению современного мусульманского сообщества [16, с. 156].

Современная религиозность на Северном Кавказе «признается результатом амбивалентного процесса, характеризующегося смешением глобализации и локализации […]. В век высоких технологий и информации человек придает большее значение внешним проявлениям и атрибутам религии, чем истинной сущности веры» [17, с. 166]. Особенности морального самосознания дагестанцев зависят от этнокультурных ценностей: в культуре Дагестана особо выражены *партикуляризм* и *традиционализм*, которые обуславливают собой *феномен двойной морали*, способствующий сохранению многих, сложившихся в истории, стереотипов, в том числе и негативных (кровная месть, эндогамия и проч.) [18, с. 310]. Несмотря на усиление позиций мусульманской религии в республике, в которой «этнические мусульмане составляют 94% состава ее населения» [16, с. 228], «абсолютное большинство дагестанцев не желают жить в исламской республике Дагестан, в которой все сферы жизнедеятельности регулировались бы шариатом» [19, с. 321].

Значительное место в мерах по приостановлению миграции русских из региона респонденты отводят экономической составляющей. Как считают специалисты, «динамичное и устойчивое социально-экономическое развитие регионов СКФО возможно только при активном государственном регулировании, при наличии тщательно разработанной долгосрочной стратегии, четком определении общих целей и приоритетов, путей и методов их реализации» [19, с. 5]. В связи с этим они предлагают «пересмотреть действующую Стратегию социально-экономического развития СКФО до 2025 года и разработать новую Стратегию СКФО до 2030 г., ориентирующую на прорывное развитие, преодоление отставания и вывод регионов СКФО на среднероссийские социально-экономические показатели развития, занятости и уровня

жизни населения [20, с. 151]. Одним из целевых индикаторов указанной «приоритетной стратегической цели обеспечения устойчивого развития является переориентация существующего производства в сторону ответственного отношения к окружающей среде и ответственного потребления» [21, с. 142–143].

Указанные приоритеты должны быть тесно увязаны со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [22].

Как считают исследователи, «если на федеральном уровне не будет сформирована действенная программа этнонациональной и миграционной политики, то и не будет остановлен в ближайшее время отток русского и нетитульного населения из северокавказских республик, какие бы программы по их закреплению в республиках не принимались» [4, с. 311]. И тогда может претвориться в жизнь «современная дагестанская народная мудрость – «где нет русских, там уже никогда не будет России» [23, с. 100–101].

Перспективы этнического развития русских в Дагестане, имеющие на своем пути определенные трудности, связанные с обшей социально-политической обстановкой в стране, тем не менее обнадёживают. В последнее время масштабы и темпы миграции русского населения из республики несколько уменьшились» [24, с. 558].

Заключение

Таким образом, результаты экспертного опроса в целом совпадают с мнением специалистов, изучавших данную проблему. Они ещё раз подтвердили важность решения прежде всего экономических и социальных проблем в северокавказском регионе. Реализация на практике в СКФО обозначенных стратегий социально-экономического развития и государственной национальной политики РФ будет способствовать восстановлению утраченного русскими высокого статуса в местной этносоциальной иерархии.

Литература

1. *Ибрагимов М.-Р.А.* Этническая демография русских Дагестана // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века: сб. науч. ст. – Вып. 2 / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 160–168.
2. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2003. – 352 с.
3. *Шевцов А.В.* Северный регион: достижения и проблемы // Возрождение: республиканский научно-популярный журнал. – 2009. – № 11–12. – С. 8–13.
4. *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.
5. *Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М.* Проблемы формирования межэтнического согласия в Республике Дагестан: состояние и тенденции (по результатам социологических исследований) // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН) / отв. ред. М.-Р.А. Ибрагимов; ред. и сост. А.С. Халилова. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 74–95.
6. *Халидова О.Б.* «Дагестанские русские» в регионах Юга России в 1980–2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 147–153.
7. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Алеф», 2015. – 320 с.
8. *Данилюк М.Ю., Халидова О.Б., Мишина Н.В.* Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. – 2017. – № 1. – С. 145–149.

9. *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980–2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3(116). – С. 180–187.
10. *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4(41). – С. 104–111.
11. *Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р.* Динамика численности русских Дагестана (по материалам Всероссийской переписи населения 2021 г.) // Общество, наука и образование в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Кизляр, 14 апр. 2023 г.). – Кизляр: ДГУ; Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2023. – С. 468–472.
12. *Сефербеков Р.И.* Дагестанские русские в эпоху социокультурных трансформаций (конец XX – начало XXI в.): последствия и пути преодоления негативных тенденций // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 372–385.
13. *Сущий С.Я.* Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: Ленанд, 2013. – 432 с.
14. *Хубиев Б.Б., Атабиева З.А.* Социокультурные преобразования на Северном Кавказе в постсоветский период: вопросы теории // Проблемы истории, методологии, историографии и источниковедения народов Северного Кавказа: опыт и уроки: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Нальчик, 30 июня – 2 июля 2022 г.) / под ред. П.А. Кузьминова. – Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова; «Принт Центр», 2022. – С. 366–371.
15. Нападение боевиков в Дагестане [Электронный ресурс] // Interfax Information Group: [сайт]. – URL: https://www.interfax.ru/chronicle/napadenie-boevikov-v-dagestane.html (дата обращения: 22.08.2024).
16. Этнополитические и конфессиональные процессы на Северном Кавказе в контексте развития общероссийской социокультурной идентичности: коллективная монография. – Махачкала: РЦЭИ ДФИЦ РАН, 2021. – 246 с.
17. *Магомедова М.З.* Диверсификация идентичности в северокавказском социуме: религиозный и этнический уровни. – Махачкала: Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН; «Алеф», 2022. – 178 с.
18. *Гаджимурадова З.М.* Феноменология этнического самосознания дагестанцев (в ретроспективе истории и в начале XXI века). – Махачкала: Даггоспедуниверситет; Изд-во «Алеф», 2022. – 344 с.
19. *Абдулагатов З.М.* Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности. – Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; Изд. дом «Дагестан», 2022. – 328 с.
20. *Ахмедуев А.Ш., Арсланов Ш.Д., Амирова Э.А., Гаджиева А.Г., Меджидов З.У.* Совершенствование социально-экономической политики в регионах СКФО. – Махачкала: Изд-во «Апробация», 2022. – 168 с.
21. *Алиева З.М., Сулейманов М.М.* Формирование механизма устойчивого развития территорий в условиях современных вызовов. – М.: Перо, 2022. – 160 с.
22. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666: [сайт]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36633 (дата обращения: 24.08.2024).
23. *Дзадзиев А.Б.* Русское население республик Северного Кавказа: факторы вынужденной миграции // Северный Кавказ: профилактика конфликтов. – М., 2008. – С. 83–101.
24. *Лугуев С.А., Мансуров М.Х.* Русские // Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. – С. 540–558.

УДК 316.45

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТСТВА «РОСМОЛОДЕЖЬ»

Сулейманова Адиля Магеррамовна,
Сайбаталова Лия Азаматовна,
Габдулхакова Рита Виллуновна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются визуальные инструменты коммуникации с молодёжной аудиторией на примере государственной программы агентства «Росмолодёжь». Анализируются особенности использования визуальных элементов в рекламных кампаниях. Статья подчёркивает важность визуального аспекта в привлечении внимания молодёжи и формировании положительного имиджа государственной программы.

Ключевые слова: молодежь, информационные потребности, визуальные коммуникации, продвижение, социальные проекты, Росмолодёжь.

Молодежь представляет собой активную и динамичную социальную группу, чьи потребности и интересы играют ключевую роль в формировании будущего. Самореализация и личностное развитие являются одними из основных стремлений молодых людей. Они стремятся к приобретению новых знаний, навыков и опыта, а также к раскрытию своего творческого и интеллектуального потенциала. Они проявляют интерес к решению актуальных социальных проблем, участию в процессах принятия решений на различных уровнях и созданию более справедливого общества. Это связано с их стремлением к равенству, справедливости и уважению прав человека. Неотъемлемой частью жизни современной молодежи являются технологичность и инновации. Они выросли в эпоху цифровых технологий и свободно ориентируются в цифровой среде.

При этом заметное влияние на информационные потребности и особенности восприятия информации оказывает развитие информационно-коммуникативных технологий, где все большее значение приобретают визуальные инструменты.

Визуальные инструменты – это средства коммуникации, которые основаны на визуальной информации, такие как фотографии, видео, анимации, инфографика и др. Они позволяют передавать информацию более наглядно и понятно, чем текстовая информация. Одним из основных преимуществ использования визуальных инструментов является их способность к привлечению внимания и созданию эмоциональной связи с аудиторией. Фотографии и видео, например, могут передать важные сообщения и вызвать сильные эмоции у аудитории. Кроме того, визуальные инструменты позволяют донести свои идеи и мнения более творчески и оригинально. Эти эффекты особенно важны при работе с молодежью, где информационный шум и конкуренция за внимание аудитории очень высоки.

Мы рассмотрели тенденции визуализации контента коммуникаций с молодежной аудиторией на примере продвижения всероссийского конкурса «Большая Перемена», запущенного "Росмолодежью" в 2020 году Федеральным агентством по делам молодежи «Росмолодежь».

По нашему мнению, проект получил широкую популярность благодаря продуманной стратегии коммуникаций, в которой важное место занимает использование визуальных инструментов привлечения внимания – таких как яркая запоминающаяся айдентика, видеоконтент, фотографии, интерактивность, VR/AR технологии. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Яркая и запоминающаяся айдентика: к ней относят логотип (см. рис. 1), цветовую гамму и шрифты. У "Большой Перемены" свой уникальный логотип, который ассоциируется с проектом, его ценностями (движение, развитие, позитив) и создает узнаваемый образ; в цветовой гамме преобладают яркие цвета, такие как синий, оранжевый, зеленый, используются

в оформлении материалов, создавая ощущение позитива и динамики; Шрифты используются современные, легко читаемые и привлекательные для молодежной аудитории.

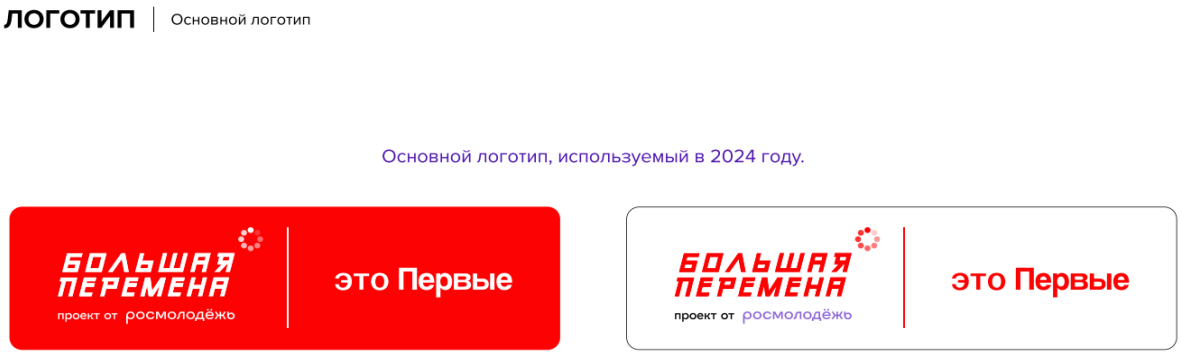


Рис. 1 Логотип

Для видеоконтента проекта характерно использование коротких видеороликов. презентационных видео, прямых эфиров в социальных сетях и др. Динамичные и вдохновляющие видео рассказывают о проекте, его участниках, достижениях и мотивируют молодежь к участию. Презентационные видео рассказывают о целях, механизмах участия и результатах "Большой Перемены", а также о том, как проект помогает молодым людям развиваться. Прямые эфиры используются как канал общения с участниками, ответов на вопросы, обмена информацией и создания атмосферы непосредственного участия.

Активизации внимания к проекту способствуют фоторепортажи, визуальные сторис, фотоконкурсы. Качественные фотографии с мероприятий (см. Рис. 2) "Большой Перемены", отражающие эмоции, динамику и успех проекта, рассказывают историю участников и их достижений. Визуальные сторис – короткие, яркие визуальные истории в социальных сетях – делают проект более живым и доступным для молодежи. А проводимые в рамках проекта фотоконкурсы стимулируют участников "Большой Перемены" к творчеству и самовыражению.

Рис. 2 Фотография с мероприятия

В целом коммуникации строятся на принципе интерактивности, участия и вовлечения в диалог – проводятся онлайн- конкурсы, а также опросы и голосования, чтобы узнать мнение участников, их интересы и предпочтения.

Этот формат также связан с визуализацией. В проекте «Большая перемена» чтобы привлечь внимание молодежи и сделать проект более доступным и привлекательным, добавить эмоциональную интонацию в сообщения и посты, активно используются мемы, стикеры и эмодзи в социальных сетях.

В проектах «Росмолодежи» также используются технологии VR/AR. В рамках проекта «Большая перемена» VR-технологии используются для проведения виртуальных туров по местам "Большой Перемены", чтобы участники могли погрузиться в атмосферу проекта и увидеть его изнутри, и дополненную реальность. AR-технологии используются для создания интерактивных игр и приложений, которые делают "Большую Перемену" более интересной и привлекательной для молодежи.

Однако нельзя обойти стороной факторы, которые могут влиять на эффективность коммуникаций. Как и у всех крупных проектов, у "Большой Перемены" есть определенные проблемы, связанные с доступностью. Не все учебные заведения имеют доступ к компьютерам, планшетам и качественному интернету, необходимому для работы с визуальными инструментами. Также не все учебные заведения имеют лицензии на необходимые программы, а бесплатные версии могут быть ограничены в функционале или не обладать необходимой стабильностью.

Также на эффективность коммуникаций влияют качество контента и нехватка профессиональных кадров. Проект предполагает создание визуального контента (видео, презентации, инфографика), однако качество этого контента может быть разным. Необходимо обеспечить доступ участников к ресурсам, обучению и инструментам, которые помогут им создавать качественный контент. Преподаватели и учителя могут не обладать достаточными знаниями и опытом в работе с визуальными инструментами, что приводит к созданию неэффективных и некачественных материалов.

Доступность ресурсов. Не всегда в свободном доступе есть качественные учебные материалы по работе с визуальными инструментами, адаптированные под нужды проекта. Проблема поиска заключается в том, что не всегда легко найти подходящие визуальные материалы, свободные от авторских прав, чтобы использовать их в проекте.

Доступность сопровождения. Недостаток технической поддержки может затруднить получение своевременной помощи в случае технических проблем с визуальными инструментами. Проблемы с обратной связью могут снизить мотивацию и эффективность проекта.

Требует решения и необходимость программ поддержки: предоставление школам и вузам оборудования для работы с визуальными инструментами (компьютеры, планшеты, доступ в интернет) на льготных условиях.

Необходимо создание цифровых площадок: разработка единых цифровых платформ для хранения, редактирования и обмена визуальным контентом, доступных для всех участников проекта.

Повышение эффективности коммуникаций связано также с разработкой доступных и качественных образовательных онлайн-курсов по работе с визуальными инструментами, мастер-классов и конкурсов, обеспечения доступа к лицензионному программному обеспечению для работы с визуальными инструментами на льготных условиях для образовательных учреждений; созданием единой библиотеки качественных визуальных материалов (изображения, видео, звуки), свободных от авторских прав и доступных для использования в проекте; разработкой удобных инструментов поиска визуальных материалов, интегрированных в платформы проекта; круглосуточной технической поддержкой и др.

Все эти меры должны быть интегрированы в единую стратегию развития проекта «Большая перемена» и реализовываться комплексно, с привлечением государства, образовательных учреждений, разработчиков технологий и профессионального сообщества. Только так можно

обеспечить эффективное и справедливое использование визуальных инструментов в рамках этой образовательной инициативы.

Мы рассмотрели важность использования визуальных инструментов для продвижения социальных проектов среди молодёжи. Проектная деятельность «Росмолодёжи» является ярким примером успешного применения таких инструментов. Визуальные материалы, такие как видеоролики, инфографика, баннеры и другие, привлекают внимание молодёжи и делают информацию более запоминающейся. Они помогают донести до молодых людей основные идеи и ценности проекта, а также мотивируют их к участию. В статье приводятся конкретные примеры визуальных инструментов, используемых «Росмолодёжью» в своей работе. Это позволяет увидеть, как они могут быть адаптированы и применены другими организациями для продвижения своих социальных проектов. Бесспорно, что успех визуальных инструментов зависит от их качества и соответствия целевой аудитории. Поэтому важно тщательно продумывать и разрабатывать визуальные материалы, чтобы они были максимально эффективными.

Литература

1. *Алешина И.В.* Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетеров. – М.: ООО «Гном-пресс», 1997. – С. 97–125.
2. *Бове К.Л., Аренс У.Ф.* Современная реклама. – Тольятти: Изд-во «Довгань», 1995. – С. 90–145.
3. *Горкина М.Б., Мармонтов А.А., Манн И.Б.* PR на все 100 %: как стать хорошим менеджером по PR. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 95–110.
4. *Кафтанджиев Х.* Тексты печатной рекламы. – М.: Смысл, 1995. – С. 28–65.
5. *Коханенко А.И.* Имидж рекламных персонажей. – М.: МарТ, 2004. – С. 55–98.
6. «Большая перемена» в сезоне-2022 установила рекорд по количеству участников [Электронный ресурс]. – URL: https://news.rambler.ru/education/48826096-bolshaya-peremena-v-sezone-2022-ustanovila-rekord-po-kolichestvu-uchastnikov/ (дата обращения: 30.10.2024).
7. Большая перемена. Руководство по использованию фирменного стиля [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/doc760610567_672351623 (дата обращения: 28.10.2024).
8. Страница проектов «Большая перемена» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/bpcontest (дата обращения: 28.10.2024).

УДК 316.45

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСТОРИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ В ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Тимофеева Олеся Владиславовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается пересечение истории и современности в рамках изучения города, значение и проявления историчности в современном городе, влияние историчности на восприятие города и формирование его образа. Особое внимание уделяется преимуществам междисциплинарных работ в области городских исследований.

Ключевые слова: городские исследования, город, историчность, городская история.

За последние десятилетия количество городских исследований с абсолютно разнообразным и широким предметным полем только растёт. Происходит это благодаря высокому интересу к городской проблематике, потому что город – это совокупность повседневных практик, благодаря которым конструируется жизнь его горожан [1, С.31], соответственно, это то, с чем мы сталкиваемся ежедневно, и в наших интересах знать, как устроены те или иные механизмы внутри города, как влиять на грамотное и гармоничное развитие городов, что является

удачным примером комфортного для жизни города и многое другое. Одной из важных задач является определить границы модерности и историчности, которые связывают прошлое, настоящее и будущее, роли культурных и социальных практик, а также агентов, сообществ и медиа в формировании образа городов.

По причине усложнения представлений о городе как о структурах определённого прожитого опыта и выработанных практик, необходимо подходить к его изучению в контексте многообразия агентов, социальных групп и сообществ, которые взаимодействуют в городском пространстве [1, С.33]. Одним из примеров такого подхода может быть перспектива изучения городской повседневности В. Беньямина через воспринимающего субъекта, которым является фланер. Появилось это понятие благодаря французскому философу В. Беньямину, определял он его следующим образом, фланер – это представитель развитого капиталистического общества, представитель общества «высокого капитализма», житель большого города, свободно владеющий информацией и способный даже управлять и манипулировать ей, создавая новые образы в массовом сознании» [3, С.112]. Одна из главных особенностей фланера – быть в толпе, но в то же время оставаться независимым от неё. В нашем случае нам интересен будет социальный фланер, с социологической точки зрения, – это человек, который находится в состоянии поиска новой группы для принятия их норм соотнесения себя с ними [2, С.61].

В этой статье будет рассмотрена взаимосвязь двух проблематик: истории и города. Городская история может рассматривать город как индивидуальный и единый объект, так и как совокупность социальных и культурных процессов. Выделяют два подхода к изучению города в рамках городской истории: первый пытался описать город, то есть написать биографию, а второй строил анализ на социальных процессах и взаимодействиях. В дальнейшем эти два подхода вылились в одно общее понятие – «собственная логика городов», которое было предложено Х. Беркингом и М. Лёв. «Понятие “собственная логика городов” подчёркивает и своеобразие развития конкретного города, и вытекающую из этого развития творческую силу, с которой он структурирует практику. Это понятие подчёркивает устойчивые диспозиции, которые связаны с социальностью и материальностью городов» [4, С.53]. Примерами концепций, относящихся к этому подходу, могут быть: Л. Вирт, изучающий город как историческую индивидуальность, П. Бурдье, который ввёл такие понятия как «городские габитус и докса», Р. Уильямс, который писал про «структуры чувствования». «Собственная логика городов» – это не задаваемая переменная, это производство смыслов, которое находится в зависимости от рутины и сформированных практик различных общественных групп, где эти группы людей являются как сопроизводителями конкретной логики города, но в том числе остаются её продуктом [4, С.56].

Б. Степанов рассматривает два пути рассмотрения городской историчности: история в городе и город в истории. Первое направление связано с идеей прогресса, которая была основой для развития модерного общества. Для такого общества характерны разнообразные темпоральные режимы, которые в большинстве своём указывают на унификацию и ускорение жизни современного горожанина, что в последствии является причиной фрагментарности существующей культуры, например, появление разнообразных архитектурных стилей. Также автор утверждает, что связью между историчностью и городом выступает феномен наследия, то есть комплекс материальных, культурных и социальных ценностей, которые характеризуют город. В рамках идеи наследия актуальными стали задачи анализа исторических объектов и включения их в жизнь современного города. Рефлексия городской проблематики в рамках историчности позволяет глубже проанализировать повседневные практики горожан, помогает осознать значимую роль локального и социального контекста в рамках городского взаимодействия. Второе направление, город в истории, рассматривает феномен города с точки зрения исторической индивидуальности, когда город уходит от устаревших смыслов и становится отражением существующей современности. Однако для одних идеальным город казался в прошлых воплощениях, а другие, наоборот, уходят в размышления о будущем, но возникающие противоречия и проблемы современной городской жизни стараются разрешить, обращаясь к прошлому опыту. Поэтому город можно рассматривать как своеобразный источник появления историчности. Б. Степанов писал: «Если история понимается антропологически как

совокупность средств ориентации человека во времени, то понятие историчности становится инструментом анализа того, как реализуется эта ориентация с учётом многообразия временных горизонтов и значений современной культуры» [1, С.13]. Для городской истории важны два аспекта: первый аспект связан с локальным контекстом, когда исследователю важен процесс переживания города как определённого места, где предметом исследования выступают повседневные, рутинные практики, которые в том числе имеют материальные проявления, это тексты, архитектура, памятники, формирование идентичности жителей, также отражение городских мифов и аутентичности в обыденной жизни горожан; второй – память, этот аспект напрямую связан с историей и необходим не только при выявлении идентичности горожан, но и для построения грамотной политики развития города.

Преимуществом при исследовании городской проблематики может стать междисциплинарный подход. Благодаря таким пересечениям и стимулированию диалога между городской историей, социологией города, социологией повседневности, публичной истории, другими областями и дисциплинами мы получаем новые понятия, термины, методы и концепции, которые помогают понять современность, создавая почву для благоприятного сотрудничества дисциплин. Полезным также будет использование как социологических, так и статистических данных, количественные методы анализа.

Таким образом, современность остаётся зависима от процессов, которые происходили в прошлом, в особенности это отражается на развитии современных городов. Феномены наследия и памяти оказывают сильное влияние на формирование городской идентичности и образа города, благодаря им жителям легче организовать пространство вокруг себя так, чтобы в нём было комфортно находиться, выражается это в процессе воспроизведения и создания чего-то постоянного. Город – это отражение не только тех процессов, которые происходят в настоящем, но и тех, которые произошли в прошлом. Невозможно изучить и понять город, не заглянув в его историю, не познакомившись с его жителями и их практиками. Именно поэтому в городских исследованиях применение междисциплинарного подхода оправдано и необходимо.

Литература

1. HistoriCity: Городские исследования и история современности. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 456 с.
2. *Герасимова М.А.* К вопросу о возникновении социальных фланеров в эпоху постмодерна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2015. – № 4. – С. 60–62.
3. *Смирнов Д.А.* Научная и общественная деятельность Вальтера Беньямина (1920-е – 1930-е гг.): интеллектуальный фланер в лабиринте культур и времен: дис. … д-ра ист. наук. – Иваново, 2013. – 517 с.
4. Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике: сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 424 с.

УДК 316.45

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ураев Раиль Рауфович

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье представлен краткий анализ устойчивого развития сельских территорий в регионе с акцентом на их кадровое и научное обеспечение.

Ключевые слова: устойчивое развитие сельских территорий, кадровое обеспечение, научное обеспечение, Башкирский государственный аграрный университет, программа «Приоритет 2030».

Одним из основных приоритетов современной государственной политики Российской Федерации, прежде всего, является создание комфортной и безопасной среды для жизни. Согласно Послания Президента РФ от 2024 года «...особое внимание нужно уделить сельским территориям, регионам, где продолжительность жизни пока ниже, чем в среднем по России». Под устойчивым развитием сельских территорий, с соответствии со Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Правительством РФ в 2015 году, понимается стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объёма производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель [1].

На сегодняшний день сельское население в Российской Федерации составляет 36,8 млн человек (25,1 % от общей численности населения), тогда как в Республике Башкортостан доля сельского населения несколько выше и составляет 37,7 % (1,53 млн человек) при общей численности населения примерно 4,06 млн [2]. Причем, с каждым годом возрастает естественная убыль населения как в регионах, так и в целом по России, что, несомненно, выступает одной из наиболее актуальных проблем, препятствующих эффективному развитию нашего государства.

В рамках различных программ устойчивого развития сельских территорий в нашей стране уже создано 248 школ, 155 детских садов, 66 ФАПов, амбулаторий, поликлиник, 338 домов культуры, 1190 объектов инженерной инфраструктуры, включая 660 объектов водоснабжения и водоотведения, и почти 2000 километров сельских дорог [3].

Научное обеспечение развития сельского хозяйства в республике реализуется, прежде всего, Башкирским государственным аграрным университетом, который на сегодняшний день является одним из флагманских научно-образовательных центров, который обеспечивает кадрами не только республику, но и другие регионы страны. В этом году вуз прошел конкурсный отбор по программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» наряду с 10 ведущими аграрными вузами страны. Согласно Программе развития вуза, стратегическая цель – это развитие научно-технического и инновационного потенциала народного хозяйства России, подготовка высококвалифицированных конкурентоспособных кадров, способных к профессиональному росту и мобильности. В соответствии с целью определены следующие задачи, которые необходимо достигнуть к 2030 году [4]:

- инновационный AgroBioTech университет;
- научно-образовательная среда полного цикла на Евразийском пространстве в области ускоренной селекции и воспроизводства конкурентоспособных сортов сельскохозяйственных культур;
- центр формирования отечественных биоинформационных баз данных генотипов племенных животных, цифровых платформ и сервисов селективной гибридизации;
- современная кампусная среда;
- центр притяжения талантливой молодежи.

В рамках Программы «Приоритет 2030» в БашГАУ реализуются три проекта:

1. Ускоренная селекция и воспроизводство сельскохозяйственных культур (горох) с заданными хозяйственно-полезными признаками.

2. Цифровая трансформация в селекции и генотипировании животных.

3. Трансформация агрообразования с формированием цифровых компетенций и активной гражданской позиции обучающихся.

Соответственно, в результате реализации данной Программы планируется сделать весомый вклад в социально-экономическое развитие Республике Башкортостан по следующим направлениям:

- кадровое обеспечение сельских населенных территорий;
- внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в производство;
- формирование социально-ориентированной активной молодежи сельских территорий.

Одним из наиболее значимых факторов развития сельских территорий выступает система подготовки специалистов для агропромышленного комплекса. Прежде всего, кадровое обеспечение сельских населенных территорий реализуется в рамках национального проекта «Кадры в АПК», который направлен на создание системы подготовки специалистов через агроклассы, среднее профессиональное образование (СПО) и университеты. Сегодня в нашей стране функционирует около 600 агроклассов, причем более 130 из них расположены в Башкортостане, к 2030 году планируется создать порядка 18 тысяч таких классов по всей стране. В дальнейшем Министерство сельского хозяйства республики Башкортостан планирует направлять средства на их оснащение, установить доплаты учителям. Агроклассы должны иметь специализацию в зависимости от того, какое направление сельского хозяйства развито на этой территории. Данный проект признан одним из лучших в России и получил золотую медаль на международной выставке «Золотая осень - 2022» в г. Москва.

Одной из важнейших задач также является формирование системы подготовки аграрных кадров с обеспечением необходимого для них качества жизни на сельских территориях. Общая модернизация сельского хозяйства и запуск современных высокотехнологичных объектов позволяет сделать отрасль более привлекательной для молодого поколения. В данном контексте активно используются возможности государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий». В 2024 году в Республике Башкортостан на реализацию направления «Содействие занятости сельского населения» программы «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ) выделили 20,5 млн рублей, господдержку получили 80 предприятий агропромышленного комплекса, и это наибольшая сумма среди всех субъектов Российской Федерации [5].

В рамках данного направления группа компаний «Таврос» собирается построить для рабочих своих предприятий поселок из индивидуальных жилых домов на площади свыше 100 га. Местоположением так называемой «агродеревни» выбрано село Еремеево Чишминского района республики. Предприятия группы компаний «Таврос» занимаются растениеводством, производством сахара, столового яйца, куриного мяса, а также свиноводством, производством комбикорма, мясопереработкой. Большая часть активов холдинга расположены в Башкирии, в том числе «Башкирская мясная компания», «Башкир-агроинвест», «Раевский комбинат «Альшей-мясо», «Уфимский СГЦ», «Птицефабрика „Башкирская“», «Чишминский сахарный завод», «Башкир-молоко» и другие.

Первые 100 домов на участке около 20 га планируется построить до 2026 года (по 50 в год). Площадь каждого дома составит 72 кв. м. Первая очередь проекта будет реализовываться при поддержке госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий»: 570 млн руб. будут выделены из федерального бюджета, 55 млн руб. предоставит республика, 17 млн руб. – муниципалитет, а сам «Таврос» вложит в строительство более 250 млн руб. В группе компаний ожидают, что строительство поселка позволит закрыть до 98% вакансий. Кроме жилья, в «агродеревне» должны появиться школа, детский сад, клиника, конференц-центр, коворкинг, гостиница, кафе, магазины и спортивно-рекреационные объекты.

Таким образом, необходима эффективная системная работа по устойчивому развитию сельских территорий в современных жестких условиях, особенно в свете реализации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Литература

1. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: http://government.ru/docs/all/94785/ (дата обращения: 24.10.2024).
2. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – URL: https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491 (дата обращения: 24.10.2024).

3. Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/75456 (дата обращения: 31.10.2024).
4. Официальный сайт Башкирского государственного аграрного университета. – URL: https://www.bsau.ru/priority2030/programs/ (дата обращения: 25.10.2024).
5. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: https://mcx.gov.ru/press-service/regions/na-sodeystvie-zanyatosti-selskogo-naseleniya-v-bashkortostane-vydelili-bolee-20-mln-rubley/ (дата обращения: 24.10.2024).

УДК 316.45

МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ – ОСНОВНЫЕ ДРАЙВЕРЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Якимец Владимир Николаевич
Российская академия народного хозяйства и госслужбы, Москва, Россия
Институт проблем передачи информации РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждается тематика общественного участия в процессах принятия решений и при решении социально значимых проблем. Обосновывается необходимость развития общественно-государственного управления. Обсуждаются механизмы общественного участия – межсекторные партнерские, публичной политики, инициативного бюджетирования, которые становятся драйверами для общественно-государственного управления. Приведены примеры конструктивного участия государства в продвижении концепции общественно-государственного управления.

Ключевые слова: общественное участие, институты, механизмы, практики, межсекторное социальное партнерство, инициативное бюджетирование, публичная политика, общественно-государственное управление.

Последние 8-10 лет в большинстве субъектов России и на уровне муниципальных образований наблюдается масштабный рост и применение механизмов и практик общественного участия как при выработке и принятии значимых управленческих решений, так и в ходе их реализации, сопровождаемой разными формами гражданского контроля. Происходит становление инновационной системы общественно-государственного управления (далее ОГУ), которая призвана модернизировать действующую модель государственного управления. О тренде развития общественно-государственного управления были опубликованы статьи и представлены доклады на конференциях [1,2,3].

Развитие механизмов общественного участия шло по трем направлениям:

1. Развитие и реализация соответствующих государственных программ;
2. Разработка системных процедур и механизмов при продвижении новых подходов к решению проблем общественного развития;
3. Подготовка и принятие нормативных и правовых актов, легитимизирующих общественное участие в процессах управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В рамках первого направления отметим следующие госпрограммы: формирование комфортной городской среды; содействие развитию гражданского общества; комплексное развитие сельских территорий; развитие экономики и промышленности; развитие транспортной системы;развитие образования; развитие культуры и туризма; развитие физкультуры и спорта**; с**оциальная защита населения; развитие молодежной политики; совершенствование социально-экономической политики и экология.

Второе направление связано с обоснованием ряда новых научно-практических разработок, увязывающих решение проблемных задач с общественным участием:

- м*ежсекторное социальное партнерство* (далее МСП)*;*
- *инициативное бюджетирование* (далее ИБ)*;*
- *публичная политика (*далее ПП) - *развитие публичных институтов и механизмов и обучение субъектов и соучастие акторов в подготовке и принятии решений;*
- *релевантный социологический инструментарий* (далее РСИ).

Очертим кратко тематику названных направлений:

- *межсекторное социальное партнерство* – разработка и продвижение механизмов и процедур партнерского взаимодействия организаций и учреждений из двух или трех секторов (государство и муниципальные образования, бизнес и общество) [4, 5];

- и*нициативное бюджетирование* – разработка и применение на региональном и муниципальном уровнях механизмов и практик общественного участия при решении значимых социальных задач в формате инициативных проектов [6];

- *публичная политика (далее ПП)* – развитие публично-правовых институтов и механизмов, а также совместное обучение субъектов и акторов ПП (соучастие) при подготовке и принятии решений [7, 8, 9, 10];

- *релевантный социологический инструментарий* – создание и использование современных аналитико-оценочных цифровых решений (порталы, платформы, рейтинги, индексы, системы мониторинга, …) [5, 6 ,9,10].

В рамках третьего направления отметим статьи Конституции РФ (в редакции 2020 г.):

- Статья 32.1:«Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей».
- Статья 32.2: «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы место самоуправления, а также участвовать в референдуме.
- Статья 32.4: «Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.
- Статья 132.3: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Из содержания статей следует, что граждане России имеют конституционное право непосредственного участия в государственном управлении.

Определение [1,2,3]: «Общественно-государственное управление - это подход, модернизирующий институты государственного управления и партнерские механизмы за счет введения действенных практик учета общественных интересов, общественного участия и согласования межгрупповых отношений, благодаря синергетическому эффекту при подготовке, принятии и реализации управленческих решений». За последние 8-10 лет была заложена теоретическая основа ОГУ и обоснованы и апробированы многочисленные механизмы и практики общественного участия.

Концептуально МСП [4,5]состоит в конструктивном взаимодействии организаций из двух или трех **секторов** (государство, бизнес, общество) при решении социальных проблем, значимых для населения территории и сторон и обеспечивающих синергетический эффект от сложения разных ресурсов. Сложились три варианта двухсекторных партнерств: государственно-частное партнерство **(ГЧП)**, общественно – государственное партнерство **(ОГП)**, общественно - частное партнерство **(ОЧП)**.

В отношении каждого варианта разработаны и приняты нормативные и правовые акты, включая федеральные законы, отработаны действенные механизмы реализации партнерских программ, определены возможности и условия их применения.

Приведем ниже примеры действующих механизмов общественно-государственного партнерства (ОГП), пять типов которых нам удалось выделить [4,5]:

1. *Конкурсные механизмы*

Президентские гранты/Фед субсидии субъектам РФ и СОНКО/ Конкурсы в субъектах

РФ/Корпоративные конкурсы/Государственный (муниципальный) социальный заказ/ Региональный (городской, муниципальный) социальный грант (субсидия)/Конкурс НКО/ Конкурс вариативных авторских программ…

2. Социально-технологические механизмы

Программа «Дорога к дому» профилактика социального сиротства и безнадзорности, приемные семьи/Паллиативная медицина - хосписы / экологические экспертизы/ технологии социализации детей-инвалидов (иппотерация и пр.) / психологическая реабилитация алкоголиков и наркоманов / реабилитация для несовершеннолетних группы риска / гериартрическая реабилитация на дому /Модели раннего вмешательства…

3.Организационно-структурные механизмы

Центры "Социальное партнерство" / Центр "Дети улицы" (против детской безнадзорности)/Центр общественных объединений/ Фонды поддержки малого предпринимательства/ Добровольческие центры …

4.Консультативно-переговорные механизмы

Общественные Палаты / Общественные Советы при ФОИВ и РОИВ / Форумы граждан/ Координационные советы / Общественные. парламенты / Круглые столы / Губернские собрания общественности/ Палаты социального бизнеса / Общественные слушания…

5.Комплексные или комбинированные механизмы

Инициативное бюджетирование/ Господдержка СО НКО/ Фонды целевого капитала/ Фонды местного сообщества/ Социальное предпринмательство/…

Дадим пример социально-технологических механизмов Фонда «Дорога к дому» [11]:

- Родительская академия - для родителей, испытывающих трудности в воспитании детей, здесь осознают как строить ответственные и доверительные отношения в семье.
- Социально – развивающий курс для подростков от 11 до 17 лет «СоРоКа» - для их социальной адаптации, повышению ответственности, развитию личностных ресурсов.
- Биржа труда для юношей и девушек от 16 до 18 лет, поиск места работы.
- Школа воспитания здорового ребенка - **н**а базе детских поликлиник помогает юным родителям по вопросам, связанным со здоровьем детей.
- Социальная скорая помощь - для помощи детям при возникновении угрозы их жизни и здоровью, работа с семьями, где родители уклоняются от своих обязанностей, злоупотребляют алкоголем и жестоко обращаются с детьми.
- Проект «Вместе с мамой» - профилактика ранних отказов от новорожденных, оказание социально-психологической поддержки беременным и семьям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации.
- Школа приемных родителей для желающих усыновить ребенка, оформить опеку, создать приемную семью.

Приведем сведения с сайта Фонда по оценке социального эффекта от его работы [11]:

- «19 лет поддерживаем неблагополучные семьи в трудных жизненных ситуациях, ведем профилактику детской преступности и помогаем развивать таланты»,
- 565 семей, в которых ведется работа,
- 4557 благополучателей в программах Фонда за 6 месяцев 2024 г.,
- 6 822 989 рублей нам пожертвовали,
- Нам помогают ежегодно более 300 добровольцев разных возрастов и занятий.

Инициативное бюджетирование – это яркий и масштабный пример работы института МСП в России по охвату регионов и муниципальных образований, по продуктивности взаимодействия власти с вовлеченными гражданами, бизнесом и НКО при решении социальных проблем. Приведем данные из Доклада за 2023 год [6]:

- В целях развития механизма ИБ утверждены 6 НПА субъектов РФ в сфере стратегического планирования социально-экономического развития регионов;
- По данным мониторинга Минфина РФ участниками реализации программ ИБ в 2023 году стали 78 субъектов РФ (в 2022 г. – 76 регионов);
- В 2023 году граждане участвовали в выборе и реализации 33 640 проектов ИБ – это на

14,6 % больше, чем в 2022 г.;

• Общая стоимость реализованных проектов в 2023 году составила 58,48 млрд.руб. Это на 24 % выше, чем в 2022 году.

Вклад бюджетов субъектов РФ – основной. Объемы средств из федеральных и местных бюджетов ниже, растет финансирование со стороны юрлиц и софинансирование в форме инициативных платежей. В 2023 году применялись следующие формы финансирования проектов ИБ [6]: *субсидии* из бюджетов субъектов РФ (122 из 156 практик), иные *межбюджетные трансферты* (25 практик), *субвенции* в Омской области, *дотации* в Краснодарском крае и Владимирской области и гранты муниципальным образованиям в Алтайском и Хабаровском краях, Липецкой и Тверской областях и в г. Севастополе.

В таблице 1 показана динамика применения практик ИБ в субъектах и муниципальных образованиях России. По 6 из 9 практик наблюдается устойчивый рост. Отмечено отсутствие роста по практике самообложения. По инициативным проектам не было данных за 2020 год.

Таблица 1

Типология и динамика применения практик инициативного бюджетирования

Типы практик	Практики субъектов РФ			Практики муниципальных образований			Всего		
	2020		***2023***	*2020*		***2023***	*2020*		***2023***
Инициативное бюджетирование	62		**74**	151		**88**	213		**162**
Инициативные проекты						**232**			**232**
ШкИБ, МИБ, СтИБ, ++	4		**23**	6		**58**	10		**81**
Поддержка проектов ТОС	8		**9**	14		**15**	10		**81**
Разв.сельских территор.- *МСХ*	16		**21**				16		**21**
Практики ФКГС_ Минстрой	15		**25**				15		**25**
Самообложение, 50/50	3		**3**	1		**1**	4		**4**
Тематические практики	2		**3**			**6**	2		**9**
Поддержка проектов НКО	5		**4**	15		**8**	20		**12**

Сформировано на основе источника [6], с.10

Масштабы общественного участия оценим, сопоставляя количество участников процедур сбора (и отбора) проектных идей в региональных и муниципальных практиках в 2023 г. В таблице 2 показано, что на уровне субъектов и муниципальных образований доминируют три процедуры сбора – анкетирование, опросы граждан и подписи, а также очные встречи и обсуждение, подача идей инициативной группой граждан через Интернет.

Таблица 2

Количество участников процедур сбора проектных идей
в региональных и муниципальных практиках в 2023 г., чел.

Процедуры и инструменты сбора	Практики регионов	Муниципальные практики	ИТОГО
1.Анкеты, опросы граждан, подписи	**2 920 259**	**233 698**	**3 143 957**
2.Очные встречи и обсуждение, подача идей инициативной группой граждан	**2 886 806**	**125 490**	**3 012 296**
3. Подача в органы ТОС, собрание ТОС	119 643	60 251	179 894
4.Выдвижение идей сельскими старостами	8 138	189	8 327
5. Ящики для сбора проектных идей	242 131	18 819	260 950

6. Подача проектных идей через Интернет	**1 081 041**	1 601	**1 082 642**
7. Подача в обществ.приемные и депутатам	22 905	2 819	25 724
8. Иной - прием у Главы, соцсети, класс.собр.	219 530	**66 876**	286 406
ИТОГО	**7 500 453**	**499 743**	**8 000 196**

Источник: данные ЦИБ НИФИ, Минфин РФ, Доклад [6], с. 59

Заметим, что для субъектов РФ на третьем месте подача проектных идей через Интернет, а на муниципальном уровне третье место у иной процедуры – на приеме у Главы образования, через соцсети, на классных собраниях и др. Отметим также, что количество участников при сборе на уровне регионов составило 7 500 453 человека, что в 15 раз больше, чем на муниципальном уровне (499 743 чел.). Менее всего выдвинуто идей сельскими старостами. Составлена таблица и для подсчета участников отбора проектов [6, с.59]. Здесь «свои» процедуры отбора. Но число участников отбора в совокупности больше на полтора миллиона человек по сравнению со сбором проектных идей.

В заключении назовем примеры конструктивного участия государства в развитии общественно-государственного управления (ОГУ):

- Комплексная поддержка СОНКО (Минэкономразвития),
- Открытость государства (Счетная палата РФ),
- Инфраструктура продвижения ИБ (Минфин РФ и региональные Минфины),
- Государственный (муниципальный) социальный заказ (Минфин РФ и регионов),
- Финансовая грамотность (Минфин РФ и региональные Минфины),
- ФКГС (формирование комфортной городской среды) – Москва и сотни городов,
- Стандарт вовлечения граждан в ФКГС (АСИ и Минстрой),
- Краудсорсинговые платформы (Москва и десятки регионов),
- КРСТ–Комплексное развитие сельских территорий (Минсельхоз РФ),
- «Административная гильотина» - трехстороннее МСП (Пермский край),
- Поддержка НКО - Фонд Президентских грантов и Фонд культурных инициатив,
- Индексы, рейтинги, аналитика, … (Агентства совместно с ОП РФ и др.),
- Обучение бакалавров, магистров, служащих в вузах по темам МСП, ПП, Индексам, институтам и механизмам - во многих вузах России.

Литература

1. *Якимец В.Н.* Общественно-государственное управление // Государственное управление: РФ в современном мире. – М.: НИЦ Инфра-М, 2015. – 725 с. – С. 214–219. – URL: http://znanium.com/bookread2.php?book=514674 (дата обращения: 22.10.2024).
2. *Якимец В.Н.* Государственное управление и публичная политика в России // Модели и механизмы государственного и муниципального управления стран Запада, Востока и России: сравнительный анализ / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Аналитик, 2015. – С. 134–143.
3. *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Государственное управление и межсекторное партнерство // Гражданский сектор государственного управления / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аргамак-Медиа, 2018. – 440 с. – С. 207–224.
4. *Якимец В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 382 с.
5. Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика: труды Института системного анализа РАН. – Т. 57 / под ред. В.Н. Якимца. – М.: Красанд, 2010. – 200 с.
6. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. – М.: Минфин РФ, 2024. – 112 с.

7. *Якимец В.Н.* Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 101–113.
8. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 80–92.
9. *Якимец В.Н.* Состояние и направления развития публичной политики в России: механизмы, примеры, проблемы и перспективы // Управление публичной политикой / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 319 с. – С. 240–251.
10. *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Индексный подход к оценке публичной политики // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 349 с. – С. 73–99.
11. Официальный сайт Благотворительного фонда «Дорога к дому». – URL: http://www.dorogakdomu.ru (дата обращения: 30.10.2024).

СЕКЦИЯ «ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»

УДК 316.342.6

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Валеева Эльвира Дамировна,
Нурулина Эльмира Ринатовна
Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Аннотация. Проблема формирования гендерных стереотипов представляет острую актуальность в контексте социокультурных и психологических процессов, моделирующих представления и поведение молодого поколения. Она связана с изменяющейся социальной динамикой и влиянием средств массовой информации на формирование гендерных ролей [1].

Ключевые слова: гендерный стереотип, социальная роль, маскулинность, феминность, феминизм, прогрессивность.

Формирование гендерных стереотипов представляет собой актуальную проблему, требующую комплексного исследования. В современной научной литературе гендерные стереотипы определяются как устойчивые представления о характерных чертах поведения, интересов, способностей мужчин и женщин, которые создаются и поддерживаются в обществе. Так, в докладе управления верховного комиссара Организации Объединенных Наций (ООН) «Гендерные стереотипы/формирование стереотипов и права женщин» дается следующее определение: «Гендерные стереотипы являются распространенным мнением или предубеждением о свойствах и характеристиках, которым обладают или должны обладать женщины и мужчины, а также о ролях, которые они выполняют или должны выполнять. Гендерные стереотипы могут быть как позитивными, так и негативными, например, женщины заботливы или женщины слабы» [2]. Формирование гендерных стереотипов подразумевает практику приписывать женщинам и мужчинам конкретные свойства, качества или роли лишь на основании их принадлежности к социальной группе женщин или мужчин. Такое явление, как гендерный стереотип по своей сути, является убеждением, и человек, имеющий такое убеждение, может делать предположения о лицах, принадлежащих к конкретной группе, о женщинах и/или мужчинах. И наоборот, формирование гендерных стереотипов – это практика применения стереотипного убеждения к человеку.

Формирование стереотипов считается культурным явлением, выработанным в течение длительного периода времени под действием уклада жизни общества в разные исторические периоды. Формирование гендерных ролей объясняется современными социологами необходимостью разделения труда для успешного сосуществования как членов общества, так и общества в целом. В менее прогрессивные периоды истории человечества до индустриального прорыва мужской и женский труд строго различались по степени физической нагрузки. Роль мужчины, как наиболее физически развитого члена общества заключалась в выполнении тяжелых работы, в то же время вся оставшаяся работа доставалась женщинам. Также, стоит отметить существенное влияние религии на формирование образа жизни и обычаев того или иного общества. Примером можно назвать древний Рим, где у женщин не было никаких прав, женщина имела строгую социальную и гендерную роль, отрицание которой являлось нарушением закона. В то же время, в древней Скандинавии гендерная роль женщины была несколько свободнее, им позволялось принимать участия в сражениях, иметь некоторые права и быть полноценной частью общества наравне с мужчинами [3].

Развитие прогресса и изменение традиционного склада жизни большинства стран мира оказала значительный вклад в изменение гендерных ролей. Так, благодаря механизации тяжелого физического труда, женщины стали способны выполнять «мужскую» работу на производстве [4]. Наибольшим прорывом женской правовой борьбы внесло такое общественное движение, как женский социально-политический союз (WSPU). Целями данного общественного движения являлось предоставления женщинам избирательных прав и искоренение дискриминации женщин в политической и экономической сферах. К концу XIX века женщины получили право голоса в нескольких странах [5]. Именно данное движение привело к тому, что большая часть цивилизованного мира предоставляет одинаковые права женщинам и мужчинам. Стоит отметить, что в разных государствах разнятся и права женщин, как граждан. Необходимо также упомянуть движение, являющееся современным наследником женского социально-политического союза – феминизм, который является спектром идеологий, политических и социальных движений, направленных на расширение прав женщин во всех областях деятельности человека.

В современной России проблема гендерных стереотипов стала острой лишь за последние 10 лет, в то время как в западной науке данная стала тема изучаться гораздо раньше. Развитие «женского вопроса» в американских странах развилось до такой степени, что возникли тематические специализированные журналы, такие как A. Journal of Research и Sex-Roles. Важнейшими личностями, вложившие в развитие данной темы можно назвать S. Basow, H. Lips, R. Asmore, F. Del Boca, I. H. Freeze, C. Stoll, G. Fauconnier, S. L. Gilman, K. Deaux, L. Lewis [6].

Решение проблемы гендерного неравенства требует работы как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Важно снять гендерные стереотипы, предпринять меры для обеспечения равных возможностей для всех, независимо от их пола, и создать более справедливое и равноправное общество, обучать людей критическому мышлению и помогать им понимать, что роли и поведение мужчин и женщин не должны быть строго определены социальными ожиданиями и стереотипами. Также необходимо поддерживать и поощрять разнообразие и индивидуальность в обществе, принимая каждого человека независимо от его пола. Не стоит забывать, что каждый человек уникален и имеет право на самовыражение и самореализацию, не согласно стереотипам и ожиданиям общества.

Для преодоления гендерного неравенства необходимо пересмотреть сложившиеся гендерные представления и стереотипы, которые требуют комплексного подхода, включая пересмотр устоявшихся представлений и активное изменение социокультурной среды. Образование играет ключевую роль в этом процессе, так как оно может формировать новое поколение, свободное от предрассудков и стереотипов. СМИ также имеют огромное влияние на общественное сознание и могут быть использованы для продвижения положительных образов и разрушения негативных стереотипов. Когда общественное мнение и культура будут отражать равные возможности для обоих полов, это сможет помочь устранить стереотипы и повысить уровень гендерного равенства. Создание поддерживающей среды для мужчин и женщин также важно для достижения равенства. Это может включать разработку социальных программ, которые помогут с проблемами с уходом за детьми, преодолением препятствий на работе и обеспечением доступа ко всем видам образования и здравоохранения.

Литература

1. *Максимова О.Б.* Гендерные роли и гендерные стереотипы как социокультурные категории: репрезентационный смысл // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 2.
2. Гендерные стереотипы: формирование стереотипов и права женщин [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/-Gender_stereotyping_ru.pdf (дата обращения: 31.05.2024).
3. *Akhmetbekova A.M., Serikbayeva A.D.* Gender stereotypes in the sphere of education // Science and World. – 2022. – № 2(102). – P. 81–84.

4. *Sofronova O.O.* Women's image through patriarchy and gender stereotypes (on the example of Sophocles' "Antigone") // Материалы научной конференции. – 2023. – P. 349–354.
5. *Tsyganenko K.* How gender stereotypes at school affect children's future // Психология человека и общества. – 2021. – № 2(31). – P. 28–32.
6. *Щербич Л.И.* Гендерный порядок и гендерные стереотипы: к постановке проблемы // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2010. – Т. 28. – № 4. – С. 30–34.

УДК 316.342.6

НОВАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Войтенко Валерия Петровна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В материале представлены результаты контент-анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации, регламентирующих различные вопросы присоединения к России новых территорий – Республики Крым, Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Ключевые слова: новая территориальность, ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область, нормативно-правовые акты.

5 октября 2022 года вступили в силу федеральные конституционные законы о вхождении новых регионов – Донецкой и Луганской народных областей, Запорожской и Херсонской областей – в состав Российской Федерации. Новая территориальность современной России сопряжена с трансформацией всей системы национальной и международной безопасности, глобальными изменениями с сфере экономических отношений, конструированием новых смыслов и интерпретаций социальных и политических процессов [1, с. 35]. Происходит ослабление привычных адаптационных и идентификационных механизмов поведения людей в новой социетальной системе. Подобная ситуация актуализирует обращение научного сообщества к исследованию гражданской идентичности, государственно-гражданской интеграции и адаптационных практик современного российского общества в условиях трансформации государственно-гражданского статуса населения территорий нового приграничья [1, с. 35].

Анализ содержания корпуса нормативных документов был проведен в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» FENW-2023-0061 (внутренний номер ГЗ0110/23-14-РГ) и в соответствии со следующими прикладными исследовательскими задачами: 1) выявить изменение принципов функционирования государства в условиях включения в состав России новых регионов, которые отражены в новых нормативно-правовых документах; 2) выявить отсутствие/наличие в нормативно-правовых документах, опубликованных со времени включения новых регионов в состав России, практик пропаганды национальной идеи в разрезе пропаганды государственной точки зрения в системе образования; 3) выявить отсутствие/наличие в нормативно-правовых документах, опубликованных со времени включения новых регионов в состав России, наличие практик пропаганды национальной идеи в разрезе осуществления государственного контроля в сфере национальной идеи (формальные негативные санкции, предусмотренные по отношению к лицам/организациям проводящим контрпропаганду; формальные позитивные санкции, предусмотренные по отношению

к лицам организациям проводящим пропаганду в русле государственной трактовки); 4) выявить отсутствие/наличие в нормативно-правовых документах, опубликованных со времени включения новых регионов в состав России, практик формирования правосознания молодежи в системе образования; 5) выявить отсутствие/наличие в нормативно-правовых документах, опубликованных со времени включения новых регионов в состав России, принципов, определяющих отношения между государством и индивидом/обществом (в частности, выявление наличия/отсутствия декларирования в нормативно-правовых документах таких принципов как: солидарность, доверие, справедливость, историческая справедливость, соблюдение прав и свобод).

В процессе контент-анализа было проанализировано 54 нормативно-правовых актов, изданных в период с 02.10.2022 (со дня подписания Президентом РФ Федеральных конституционных законов о принятии в состав России новых регионов) по 31.08.2022 гг., из которых 29 нормативно-правовых актов (53,7%) федерального уровня и 25 нормативно-правовых актов (46,3%) уровня региональной и муниципальной власти.

Таблица 1

Виды отобранных нормативно-правовых актов

Вид нормативно-правового акта		
	Частота	Проценты
Федеральные законы	16	29,6
Указы Президента	2	3,7
Постановления Правительства	8	14,8
Приказы федеральных министерств	1	1,9
Региональное законодательство и муниципальные акты	25	46,3
Федеральный конституционный закон	1	1,9
Перечень поручений Президента РФ	1	1,9
Всего	54	100

Нормативно-правовые акты регионального и муниципального уровней представлены 10 НПА (18,5%), изданными в Республике Крым; 7 НПА (13%), изданными в Луганской Народной Республике; 5 НПА (9,3%), изданными в Ростовской области; 3 НПА (5,6%), изданными в Донецкой Народной Республике.

Таблица 2

Уровни отобранных нормативно-правовых актов (федеральный/региональный)

Уровень нормативно-правового акта		
	Частота	Проценты
Федеральный	29	53,7
ДНР	3	5,6
ЛНР	7	13
Республика Крым	10	18,5
Ростовская область	5	9,3
Всего	54	100

Можно выделить следующие основные сферы регулирования нормативно-правовых актов: социальная поддержка участников СВО (в том числе мобилизованных) и членов их семей; социальная поддержка граждан ДНР, ЛНР, Украины и лиц без гражданства, вынужденно

покинувших ДНР, ЛНР, Украину, и прибывшими на территорию РФ; социальная поддержка членов семей граждан, погибших в результате террористического акта, совершенного 8 октября на 2022 года на Крымском мосту; отсрочка от мобилизации и воинской службы; правовое положение беженцев в РФ и граждан РФ, имеющих гражданство Украины; образование в условиях новой территориальности; медицина в ДНР и ЛНР; вхождение новых территорий в состав Российской Федераций; отдельные вопросы, связанные с условиями новой территориальности.

Таблица 3

Сферы регулирования отобранных нормативно-правовых актов

Сфера регулирования нормативно-правового акта		
	Частота	Проценты
Социальная поддержка участников СВО (в том числе мобилизованных) и членов и их семей	25	47,4
Социальная поддержка граждан ДНР, ЛНР, Украины и лиц без гражданства, вынужденно покинувших ДНР, ЛНР, Украину, и прибивших на территорию РФ	5	9,5
Социальная поддержка членов семей граждан, погибших в результате террористического акта, совершенного 8 октября на 2022 года на Крымском мосту	1	1,9
Отсрочка от мобилизации и воинской службы	1	1,9
Правовое положение беженцев в РФ и граждан РФ, имеющих гражданство Украины	2	3,8
Образование в условиях новой территориальности	2	3,8
Медицина в ДНР и ЛНР	1	1,9
Вхождение новых территорий в состав Российской Федерации	10	19
Отдельные вопросы, связанные с условиями новой территориальности	7	13,3
Всего	54	100

Социальная поддержка участников СВО (в том числе мобилизованных) и членов их семей связана с реализацией следующих задач:

1) предоставление единовременных денежных выплат военнослужащим РФ, принимающим участие в СВО;

2) предоставление социальной выплаты и жилищного сертификата военнослужащим, принимающим участие в СВО;

3) предоставление единовременной денежной выплаты родственникам погибших госслужащих и муниципальных служащих, направленных или командированных в зону СВО;

4) включение лиц, проходящих военную службу в зоне СВО, в перечень лиц, имеющих право получить удостоверение и права / льготы ветерана боевых действий;

5) внесение изменений в Гражданский кодекс РФ (в части признания безвестно отсутствующим, объявления умершим лица, проходившего службу в зоне СВО);

6) возможность получения бесплатной юридической помощи лицами, мобилизованными для участия в СВО, заключившими контракт для участия в СВО, принимающими участие в боевых действиях в соответствии с решениями органов государственности власти ДНР, ЛНР, ЗО и ХО, в части льгот, социальных гарантий, денежных компенсаций (также прописана

возможность получения бесплатной юридической помощи для членов семей погибших по части признания безвестно отсутствующими или умершими родственников, принимавших участие в СВО);

7) освобождение военных – участников СВО, служащих по контракту, а также мобилизованных для службы в ВС РФ и членов их семей от начисления пеней в случае несвоевременной оплаты коммунальных услуг и взносов за капитальный ремонт;

8) сохранение средней заработной платы, установление дополнительных расходов и возможности выплачивать безотчетные суммы гражданам-госслужащим, направленным в служебную командировку в ДНР, ЛНР, ЗО и ХО;

9) предоставление отсрочки оплаты аренды для мобилизованных в зону СВО;

10) утверждение порядка приостановления трудового договора работника, призванного / мобилизованного для участия в СВО (выплата заработной платы и причитающихся выплат за предшествующий период работы, сохранение социально-трудовых гарантий на период мобилизации, процедура возобновления / прекращения трудового договора после окончания службы в зоне СВО);

11) приостановление исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) на льготный период для лиц, призванных в ВС РФ по мобилизации, лиц, принимающих участие в СВО, а также членов их семей;

12) создание межведомственной комиссии по поддержке участников СВО и членов их семей;

13) редакция законодательства, связанного с выдачей документов о смерти, страхованием жизни военнослужащих, денежным довольствием и выплатами военнослужащим, а также выплатами семьям военнослужащих, погибшим в зоне проведения СВО.

Социальная поддержка граждан ДНР, ЛНР, Украины и лиц без гражданства, вынужденно покинувших ДНР, ЛНР, Украину, и прибывшими на территорию РФ также связана с определенным перечнем задач:

1) реализация права на пенсионное и дополнительное социальное обеспечение граждан РФ, постоянно проживающих на территории ДНР, ЛНР, ЗО и ХО;

2) реализации права на пенсионное обеспечение в связи с прохождением военной службы лиц, постоянно проживающих на территории ДНР, ЛНР, ХО и ЗО;

3) предоставление выплат гражданам ДНР, ЛНР, Украины и лицам без гражданства, прибывшим на территорию РФ;

4) внесение изменений в порядок выдачи удостоверений ветеранам боевых действий (включение граждан ДНР, ЛНР, ЗО и ХО);

5) создание штаба по вопросам предоставления мер поддержки жителям Херсонской области, прибывшим на территорию РФ;

6) внесение сотрудников органов внутренних дел и служащих национальной гвардии ДНР, ЛНР, ЗО и ХО в пункты перечня особых условий службы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и установление предельных размеров ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия службы;

7) включение в список лиц для регулирования исчисления стажа и размера надбавки к окладу сотрудников ВС и военно-гражданских администраций ДНР, ЛНР, ХО и ЗО;

8) внесение изменений в порядок выдачи удостоверений ветеранов боевых действий (включение граждан ДНР, ЛНР, ЗО и ХО).

Социальная поддержка членов семей граждан, погибших в результате террористического акта, совершенного 8 октября на 2022 года на Крымском мосту заключалась в установлении порядка, условий назначения и размера выплаты единовременного пособия членам семей граждан, погибших в результате террористического акта, совершенного 8 октября на 2022 года на Крымском мосту.

Условия отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации регламентированы Указом Президента Российской Федерации от 05.10.2022 №712 «О внесении изменений в Указ

Президента Российской Федерации от 24 сентября 2022 г. №664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации».

Законодательством федерального уровня также внесены изменения в статью 12 Федерального закона «О беженцах» и статьи 8 и 15-1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», исключающие граждан ДНР и ЛНР из данной категории. Также установлен порядок отказа от украинского гражданства (Приказ МВД России от 1 июня 2023 г. № 351 «Об определении формы заявления о нежелании состоять в гражданстве Украины, порядка подачи указанного заявления, перечня представляемых вместе с ним документов, порядка учета и срока хранения такого заявления и представляемых вместе с ним документов»).

Нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы образования в условиях новой территориальности, решают следующие задачи:

1) введение в систему высшего образования курса «Основы российской государственности»;

2) утверждение правил приема на обучение по образовательным программам высшего образования и аспирантуры граждан РФ, и распространение правил приема на граждан РФ, проживающих на территории ДНР, ЛНР, ЗО и ХО;

3) утверждение особенностей правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в РФ ДНР, ЛНР, ЗО и ХО (соответствие образовательных, образовательно-квалификационных уровней, ученых степеней и ученых званий).

Федеральный закон от 17.02.2023 № 16-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах охраны здоровья, обязательного медицинского страхования, обращения лекарственных средств и обращения медицинских изделий в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» регламентирует отношения в сфере здравоохранения и медицины в новых регионах РФ.

Отдельный пласт нормативно-правовых актов решает задачи вхождения новых территорий в состав РФ (с точки зрения соответствия законодательства новых регионов Конституции РФ):

1) утверждение административно-территориального устройства новых территорий и порядка его изменения;

2) включение в систему арбитражных судов РФ и судов общей юрисдикции РФ арбитражных судов и судов общей юрисдикции ДНР, ЛНР, ЗО и ХО;

3) утверждение особенностей замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы в ДНР, ЛНР, ЗО и ХО; упразднение органов исполнительной власти ДНР, ЛНР, ЗО, ХО, установленных до 30.09.2022 г.; создание на территории ЛНР, ДНР, ЗО и ХО органов и подразделений по профилактике коррупционных правонарушений; формирование комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов;

4) утверждение компетенций, состава, структуры органов исполнительной власти новых территорий, порядка их деятельности и отношений с федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов РФ;

5) утверждение порядка избрания глав новых территорий;

6) утверждение порядка обнародования и вступления в силу конституций ДНР, ЛНР, законов ДНР, ЛНР, официального опубликования и вступления в силу иных нормативно-правовых актов ДНР и ЛНР;

7) установление порядка подготовки и проведения выборов в законодательные органы власти новых территорий;

8) уголовное судопроизводство и уголовное законодательство на территориях ДНР, ЛНР, ЗО и ХО.

Также существует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные вопросы, связанные с государственной регистрацией транспортных средств и выдачей водительских удостоверений гражданам РФ, проживающим на территории ДНР, ЛНР, ЗО и ХО; действием разрешительных документов в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, выданных органами внутренних дел Украины, ДНР и ЛНР; а также утверждением автомобильных пунктов пропуска и процедуры их прохождения для граждан РФ и лиц без гражданства РФ.

Также следует отметить, что в ЛНР был утвержден Указ Главы Луганской Народной Республики «О проведении в Луганской народной Республике Года русского языка и культуры» (Регистрационный номер: УГ-156/23 от 21 февраля 2023).

В исследованной нормативно-правовой базе отсутствуют практики пропаганды национальной идеи в разрезе пропаганды государственной точки зрения в системе образования; отсутствуют практики пропаганды национальной идеи в разрезе осуществления государственного контроля в сфере национальной идеи. Также отсутствуют практики формирования правосознания молодежи в системе образования.

В целом, нормотворчество в РФ в указанный период в основном решало задачи социальной поддержки участников СВО и членов их семей (47,4%), что можно расценивать как декларирование принципа взаимной ответственности государства и гражданина.

Литература

1. *Войтенко, В. П.* Репрезентация новой территориальности российского общества в российских федеральных СМИ / В. П. Войтенко, В. Г. Пантелеев // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 33-46. – DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.2.

УДК 316.342.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОЗАЩИТНОЙДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гайсина Зульфия Рифовна
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье исследовано понятие правозащитной деятельности, выделены ее субъекты, проанализированы проблемы функционирования общественных правозащитных институтов и роль гражданского общества в развитии демократических основ современной России. Предложены основные механизмы повышения эффективности негосударственных сообществ, осуществляющих защиту прав человека, заключающейся в большей степени во взаимодействии между субъектами и реализации просветительской и воспитательной функции.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, гражданское общество, неправительственные правозащитные организации, функции правозащитной деятельности.

В современном мире наблюдается множество проблем, касающихся прав человека, которые требуют тщательного анализа и глубокого понимания. Отсутствие надлежащего соблюдения принципов прав человека часто приводит к злоупотреблениям, как со стороны государственных органов, так и со стороны частных лиц. Это преимущественно связано с серьезными политическими, экономическими и социокультурными факторами, которые определяют местный контекст.

Еще одной важной проблемой является недостаточное финансирование правозащитных организаций и их эффективность в условиях кризиса. Важно отметить, что многие

правозащитные организации работают в одиночку, без создания коалиций и сетей, что также ослабляет их влияние. В современных условиях необходимо не только искать источники финансирования и разрабатывать отдельные программы, но и стремиться к более тесному сотрудничеству между организациями, что даст возможность объединить усилия по защите прав человека. Таким образом, перед правозащитными организациями стоит задача не только выявления и анализа нарушений прав человека, но и активного налаживания контактов и сетевого взаимодействия для повышения своей эффективности и видимости на международной арене, что позволит улучшить ситуацию в области прав человека в глобальном масштабе.

Конституция Российской Федерации определяет основы конституционного строя и закрепляет принципы организации государства, обусловливающие его отношения с личностью и гражданским обществом [4].

Приоритет человека перед государством составляет основу конституционного строя России: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Правозащитная деятельность - это систематическая работа различных субъектов правозащитной структуры России (публичных - государственных и муниципальных органов, и непубличных – институтов гражданского общества), направленная на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина[4] - так ее определяет М.Ю.Калнина.

По мнению И.В. Голованёва, выделяют следующие признаки, характеризующие правозащитную деятельность: а) она направлена на восстановление нарушенных прав и свобод граждан; б) в ней должны использоваться только правовые средства и способы защиты прав и интересов граждан; в) защищаются права граждан Российской Федерации, хотя законодательство допускает участие в общественно- политической жизни в России иностранных граждан и лиц без гражданства, и их права в таких случаях должны быть защищены в той же мере, что и права российских граждан[4]

Д. И. Авдеев полагает, что правозащитную деятельность невозможно представить без восстановления нарушенных прав.

П. В. Анисимов считает, что под правозащитной деятельностью следует понимать деятельность, осуществляемую компетентными, правомочными субъектами, которые в рамках правозащитного производства, посредством применения организационно-правозащитных и иных регулятивно-правозащитных средств, оказывают юридически результативное воздействие на общественные отношения, возникающие из факта реализации права человека на защиту [4].

В.В. Чуксина определяет правозащитную деятельность государства в широком смысле как законодательную и правоприменительную практику государства в области прав человека, отражающую специфические историко-культурные традиции и уровень социально-экономического развития страны. В узком смысле – это совокупность контрольных механизмов, представленных определёнными организационными структурами (судом, правоохранительными органами, различными учреждениями по рассмотрению обращений граждан и др.), специализированных правозащитных институтов (комиссии по правам человека, омбудсмены) и процедур, определяющих методы, порядок рассмотрения, проверки, подготовки предложений и принятия решений по жалобам, заявлениям и иной информации о нарушениях прав человека, базирующихся на конституционных и отраслевых нормах внутреннего права государства [5].

Защита (англ. Defence, protection) — предусмотренная национальным законодательством комплексная система мер, применяемых для обеспечения свободной и надлежащей реализации субъективных прав, включающая в себя судебную защиту, законодательные, экономические, организационно-технические и другие средства и мероприятия, а также самозащиту гражданских прав [6].

Право — в объективном смысле система общеобязательных социальных норм (правил поведения), установленных государством и обеспечиваемых силой его принуждения (позитивное право) либо вытекающих из самой природы, человеческого разума; императив, стоящий над государством и законом (естественное право). 2) в субъективном смысле вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта (юридическое право) [7].

Деятельность — специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противополагает себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратившись из материала в продукт деятельности.

Таким образом, с учетом мнения ряда авторов и положений Конституции Российской Федерации, правозащитная деятельность — это совокупность мер, направленных на признание, соблюдение, восстановление, обеспечение и содействие в реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Правозащитная деятельность может осуществляться как субъектами, чья деятельность регламентирована законодательством, так и институтами гражданского общества, функционирование которых относительно независимо от органов власти.

К числу первых относятся система органов власти Российской Федерации (законодательная исполнительная, судебная), правоохранительные органы, адвокатура, нотариат, уполномоченные по правам человека, ребенка, предпринимателей, общественные палаты, советы по правам человека.

Институты гражданского общества, осуществляющие правозащитную, деятельность могут быть в виде некоммерческих организаций, незарегистрированных общественных объединений, отдельных общественных деятелей.

При этом, если деятельность первых в бjльшей степени нацелена на защиту и восстановление прав конкретных индивидов, то вторые выступают в интересах сообществ граждан, объединенных или разрозненных групп с одинаковыми потребностями и вопросами признания, соблюдения, обеспечения, содействия в реализации их прав и свобод. Обладая относительной независимостью от органов власти, правозащитные институты гражданского общества не ограничены в выборе законных способов своей деятельности, что в свою очередь позволяет использовать широкие инструменты для привлечения внимания органов власти к существующим недочетам законодательства или нарушениям, неправильному применению норм права. В то же время обличительная суть такой деятельности создает впечатление оппозиционности к власти и отождествляет правозащитников с диссидентами постсоветского периода. Развитое гражданское общество неразрывно связано с понятием правового государства, институты же гражданского общества формируются на добровольных началах, не преследуют цель извлечение прибыли, независимы от органов власти, формируют общественное мнение и неполитизированы.

К факторам, сдерживающим развитие гражданского общества, можно отнести несколько аспектов:

1) исторический: патерналистическое и конформистское мышление и сознание населения сложилось под влиянием векового запугивания;

2) социально-экономический: отсутствие стабильности в финансовой сфере не позволяет проявлять гражданскую активность и ограничивает в возможностях, что привело к пассивности и безразличию, а общество убеждено, что не может никаким образом повлиять на органы власти;

3) политический: до принятия изменений в Конституцию Российской Федерации от 01 июля 2020г. основной закон имел перевес интересов личности над интересами государства и общества, вследствии чего выработался индивидуализм.

Между тем, гражданское общества, а именно правозащитная его часть восполняют неповоротливость систем государственного управления, выполняя широкий спектр функций: просветительскую, воспитательную, исследовательскую, регулятивную, коммуникативную, превентивную, охранительную, восстановительную и др.

Непубличные субъекты правозащитной деятельности не ограничиваются защитной прав отдельных индивидов, а влияют на общественное мнение, разъясняют особенности правоприменительной практики и формы реализации прав, структурируют и конкретизируют недовольство определенных групп населения, формируют предложения о необходимых изменениях в определенных сферах жизнедеятельности, участвуют в процессах реформирования и нормотворчества с учетом интересов общества. Несмотря на независимость от государственных структур, эффективность восполнения недостатков системы зависит от наличия тесного взаимодействия органов власти и правоохранительных органов с элементами гражданского общества. Необходимость диалога и взаимодействия обусловлена конституционной обязанностью государства обеспечивать признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина через органы власти (законодательной, исполнительной и судебной) и правоохранительную систему.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, являясь гарантом Конституции, прав и свобод человека, и гражданина неоднократно отмечал в своих выступлениях, что гражданское общество это основа суверенитета нашей страны.

Эффективные механизмы защиты прав человека играют ключевую роль в создании справедливого общества и предотвращении нарушений прав и свобод граждан. В условиях глобализации и быстрых изменений в социально-политической обстановке все чаще возникают ситуации, требующие оперативного вмешательства правозащитных организаций и государственных структур. Одним из наиболее действенных подходов к защите прав человека является развитие правовой базы в совокупности с созданием эффективных механизмов мониторинга и оценки состояния прав человека. Для этого следует использовать правозащитные отчеты, наблюдательные миссии, а также активное привлечение общественности к обсуждению текущих проблем. Важно отметить, что эффективная защита прав человека должна учитывать культурные, исторические и социальные особенности страны и регионов, поэтому универсальные решения могут не всегда быть эффективными. В этом контексте особое значение имеет разработка социально ориентированных программ, которые учитывают потребности различных групп населения, включая социально уязвимые категории. Эти программы должны включать мероприятия по обучению правам человека, юридическую помощь, а также поддержку инициатив, направленных на защиту прав этих групп. Таким образом, создание комплексной системы защиты прав человека требует не только принятия эффективных законодательных актов, но и инклюзивного подхода к подходам, которые позволят вовлечь всех заинтересованных участников в процесс их защиты.

Другим важным аспектом эффективной защиты прав человека является роль современных технологий. Создание безопасных платформ для сообщения о нарушениях и поддержка анонимности и конфиденциальности являются неотъемлемой частью эффективной защиты прав человека.

Повышение правовой грамотности населения является одной из ключевых задач в области правозащитной деятельности. В условиях современного мира, характеризующегося быстрыми изменениями политической и социальной среды, понимание основ прав человека и правового регулирования становится необходимым для каждого гражданина. Образовательные программы, направленные на повышение правовой грамотности, должны включать в себя освещение основных принципов прав человека, механизмов их защиты и способов обращения за помощью, когда права оказываются нарушенными.

Социальные кампании играют важную роль в повышении правовой грамотности. В условиях распространения информации через интернет и социальных сетей, правозащитные организации могут эффективно использовать эти платформы для создания образовательного контента, который достигает целевой аудитории. С помощью видеороликов, инфографики и статей можно привлечь внимание к важным вопросам прав человека и необходимости их защиты. Такого рода информационные акции не только информируют население о его правах, но и формируют у людей такую позицию, что нарушение прав становится социально неприемлемым явлением.

В итоге, повышение правовой грамотности населения — это многогранный процесс, требующий комплексного подхода, сотрудничества между правительственными органами, неправительственными организациями и обществом в целом.

В современном мире правозащитная деятельность сталкивается с множеством вызовов, и для повышения её эффективности важна качественная информационная поддержка. Правозащитники работают в условиях постоянного недостатка ресурсов и финансирования. В таких условиях доступ к актуальной и достоверной информации играет ключевую роль. Информационные технологии открывают новые горизонты для правозащитников, позволяя им собирать и распространять информацию, организовывать кампании и находить поддержку среди общественности. Информационная поддержка требует комплексного подхода, в котором объединяются усилия правозащитников, СМИ и сообщества, чтобы создать устойчивую сеть защиты прав человека и распространения информации о соблюдении прав и свобод.

Сотрудничество между правозащитными организациями является важнейшим аспектом успешной правозащитной деятельности. Такое взаимодействие находит свое выражение в обмене опытом, совместных акциях и кампаниях, а также в координации усилий для защиты прав человека на разных уровнях. Опыт успешного сотрудничества может продемонстрировать важность консолидации ресурсов, знаний и влияния для достижения общих целей. Кроме того, обмен информацией между правозащитными организациями может оказать значительное влияние на эффективность работы этих организаций. Сотрудничество открывает новые горизонты для действия и позволяет реагировать на кризисные моменты гораздо быстрее и эффективнее.Несмотря на очевидные преимущества сотрудничества, существует множество препятствий, которые мешают эффективному взаимодействию правозащитных организаций. Одним из главных препятствий является конкуренция за финансирование и ресурсы, которая приводит к конфликтам интересов и затрудняет совместные усилия. Лишь через формирование доверительных отношений и предоставление взаимной поддержки можно будет преодолеть эти барьеры и улучшить обстановку в области прав человека.

Партнерства между государственными и неправительственными структурами также играют значимую роль в создании эффективных правозащитных механизмов. Важно, чтобы правительства признавали важность работы НПО и сотрудничали с ними в разработке правозащитных программ и инициатив. Совместно проводимые исследования и аналитические отчёты могут быть эффективными инструментами для информирования правительственных структур о необходимости изменений в политике и законодательстве. Природа этих сотрудничеств должна основываться на транспарентности и взаимном уважении, что позволяет не только защищать права человека, но и повышать доверие населения к государственным институтам.

Обмен опытом и ресурсами является важным аспектом правозащитной деятельности, особенно в условиях глобализации и быстро меняющегося мира. Важность этого обмена сложно переоценить, так как он позволяет правозащитным организациям находить эффективные решения для взаимодействия с государственными структурами и улучшения доступа к правосудию для граждан. КПД правозащитной работы во многом зависит от того, какие знания и методы применяются на практике: успешные примеры правового оборота, организация мероприятий, использование информационных технологий для мониторинга правонарушений. Обмен опытом не только укрепляет внутреннюю координацию на уровне

одного региона страны, но и дает возможность привлекать внимание федеральных структур к проблемам, существующим на локальном уровне. Обмен опытом и ресурсами становится неоценимым в контексте привлечения инвестиций, государственной помощи и создания разнообразных консорциумов для совместной работы над актуальными проектами, способными менять жизнь граждан к лучшему.

Литература

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. на 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Калнина М.Ю.* Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. – 2009.
3. *Голованёв И.В.* Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. – 2007. – № 4. – С. 17–23.
4. *Анисимов П.В., Медведицкова Л.В.* Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации: монография / П.В. Анисимов, Л.В. Медведицкова. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – С. 32–33.
5. *Чуксина В.В.* Несудебная защита прав человека в системе национальной правозащитной деятельности Российской Федерации и зарубежных государств // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 6. – С. 17–28.
6. *Корнев А.В.* Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4. – С. 26–40.
7. *Красиков В.И.* Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 65–83.
8. *Кресс В.В.* Категория «объекты гражданских прав» в дореволюционной доктрине // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 68–79.
9. *Черников В.В.* Судебные, правоохранительные и контрольные органы России: учебник. Изд. 2-е. – М.: ТК Велби, 2002. – 686 с.
10. *Экимов А.И.* Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. – 2013. – № 2 (307). – С. 51–61.
11. *Кресс В.В.* Категория «объекты гражданских прав» в дореволюционной доктрине // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 68–79.
12. *Синюков В.Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. – 2021. – № 2 (171). – С. 9–19.

УДК 316.342.6

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Гареев Эдуард Сагидуллович,
Костылева Елена Геннадиевна,
Губанова Ксения Юрьевна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. Авторы рассматривают предпосылки развития предпринимательской деятельности и предпринимательства как социальной группы. Важным условием развития предпринимательства имеет участие государства как со стороны нормативно-законодательного регулирования, так и финансовой поддержки в качестве кредитного финансирования,

налогового и таможенного регулирования. Проведя аналогию увеличения численности предпринимателей, как в Российской империи, так и в современной России, несмотря на отдельные экономические проблемы, предпринимательская деятельность развивается, принимает новые формы и идет в ногу с технологическим прогрессом.

Ключевые слова: предпринимательство как социальная группа, прибыль, купеческие корпорации, товарищество, артели.

Предприниматели как социальная группа в России зародились достаточно давно, и первоначально они появились в торговой сфере. Всем известный еще со школьной скамьи международный торговый пусть "из варяг в греки" во многом способствовал созданию и развитию предпринимательской деятельности в первую очередь среди купечества Руси. Именно тогда русские князья взяли на себя ответственность за развитие основ предпринимательства как самостоятельного вида деятельности, создание первоначальных основ законодательной базы во взаимоотношениях предпринимательского сообщества и государства и т. п.

Со становлением Российской империи в XVII в. начинается новый период развития промышленного предпринимательства, конечно не без участия государства. Именно в этот период закладываются основы социального статуса бизнесмена, а на смену привилегированным купеческим корпорациям появляется гильдейское купечество. Конечно, развитие предпринимательства в тот период в значительной степени сдерживало крепостное право, не давая развиваться промышленности и замедляя внедрение инновационных технологий. Бизнес, как и сейчас, испытывал кадровый голод.

После отмены в 1861 г. крепостного права и проведения целой серии реформ начинается расцвет всех форм предпринимательства: торгового, промышленного и финансового. Происходят существенные изменения в составе участников предпринимательской деятельности. Термин купечество вытесняется единым понятием буржуазия, имеющим внесословный характер и отношение ко всем видам предпринимательской деятельности [1].

Государственная поддержка предпринимательской деятельности была очень важным моментом в развитии законодательных основ предпринимательства и главными из них была налоговая и таможенная политика.

В Россию из Европы пришли кооперативные идеи.Первые попытки создания кооперативов предпринимались интеллигенцией в виде потребительских, промысловых, страховых, финансовых, сбытовых ассоциаций и т.п. Ярким примером был маслодельный кооператив организованный Н.В. Верещагиным, который самостоятельно изучил молочное дело в Швейцарии и совместно с братьями Бландовыми организовал маслодельные кооперативы. Верещагин Н.В. организовал около 40 кооперативных сыроварен и маслодельных заводов по всей территории Российской империи. На всех заводах он внедрял инновационные технологии, например, новейшие для того времени сепараторы Г. Лаваря. По ряду причин, с середины 1870-х годов верещагинские артели закрываются, а многие преобразовываются в частные предприятия, где новое руководство постаралось сохранить профессиональный кадровый и управленческий состав [2].

Еще одним успешным примером корпоративного товарищества можно отметить “Товарищество Бр. Нобель”, которое контролировало больше половины нефтяной промышленности в России. На своих производственных мощностях Товарищество получало треть сырой нефти в России и 40% продуктов ее перегонки, поставляло две трети товара, потребляемого на внутреннем рынке. Компания построила первый российский завод по производству бензола и взрывчатого вещества толуола. При этом в том же 1916 г. в Товариществе выплатили по дивидендам рекордную сумму в 40% [2].

Появляется новый тип русского крестьянина в качестве современного предпринимателя. Динамика кооперативного строительства в те годы во многом определялась динамической активностью развития кредитных и ссудно-сберегательных товариществ и главную роль здесь играло опять государство.

Надо отметить, что средства ссудо-сберегательных товариществ составлялись почти полностью из паевых взносов их членов. Кредитные товарищества на две трети зависели от правительственных ссуд, но все на одну треть были обеспечены собственными средствами. Это позволяло развивать закупочные операции кредитных кооперативов, в том числе закупки сельскохозяйственных машин и орудий[1].

По данным статистики, предпринимательство создавалось и развивалось определенными темпами. Так, если на 1 января 1905 г. насчитывалось 1430 кредитных кооперативов с общей численностью 564 тыс. человек, то к 1924 году – уже более 13 тыс. кооперативов и 8255 тыс. человек [5].

В современных условиях для развития предпринимательской деятельности в России государство предоставляет достаточно большие возможности от нормативно-законодательной базы, до различных субсидий и льготных налоговых преференций.

Проанализируем развитие предпринимательства как социальной группы в современной России по отраслям. По данным исследователя Бессолицына А.А., в 2021 году очевидным лидером по развитию российского предпринимательства является сфера торговли – процент численности составляет 36,9%, как и в далеком 1924 году. На втором месте находится транспортировка и хранение – 12,51%. Далее располагаются консультационная и научно-техническая деятельность – 7,81%; строительство – 6,39%; недвижимость – 5,99%[1].

Масштабы и темпы развития предпринимательской деятельности, как в Российской империи, так и в современной России зависят от развития инноваций. Но современные темпы намного выше, чем в XIX веке. По мнению экспертов, с появлением цифровых технологий открылись новые горизонты для предпринимательской активности [6], [7].

Цифровизация повлияла на то, что большая доля предпринимателей перенесла свою деятельность в интернет пространство. Это в свою очередь увеличило численность предпринимателей и долю капитала, задействованную в производстве.

Проанализировав статистические отчеты различных экспертов, мы отметили, что данные по численности предпринимателей в России разнятся [2]. Несмотря на интересные государственные меры поддержки предпринимательства, реализованные в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», бурного роста числа предпринимателей, как отмечают эксперты не было [5]. Но все же положительные показатели свидетельствуют о росте малых и средних предпринимательств (МСП) [5].

По данным Федеральной налоговой службы, по состоянию на 10 апреля 2024 года численность МСП и самозанятых в России достигла 16,5млн. — это максимальное значение за время действия Единого реестра МСП с 2016 года. Наибольший вклад обеспечен бурным ростом числа плательщиков налога на профессиональный доход: еще в апреле 2023 года их насчитывалось 7,4млн., а в апреле этого года - уже 10млн. При этом в апреле 2023 года насчитывалось 6,2млн. субъектов МСП, в этом году - 6,5млн. [3].

Таблица 1

Численность субъектов МСП (по состоянию на 10.01.2023)

	На 10.01.2023	На 10.01.2022	Динамика к 2022г., в %	Динамика к 2022г., в абс.значении
Число МСП	5 991349	5 866 703	+ 2,1 %	+ 124 646
Микро предприятия	5 761 069	5 636 297	+ 2,2 %	+ 124 772
Малые предприятия	212 271	212 429	- 0,1 %	- 158
Средние предприятия	18 009	17 977	+ 0,2 %	+ 32
Число юр. лиц	2 305 387	2 314 058	- 0,4 %	- 8 671
Число ИП	3 685 962	3 552 645	+ 3,8 %	+ 133 317

Источник: данные Единого реестра субъектов МСП (по состоянию на 10.01.2023) // https://opora.ru/site/assets/files/42057/statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf

Проанализировав рынок предпринимательской деятельности, а именно численность предпринимателей в РФ, можно констатировать, что число субъектов МСП увеличилось на 2,1% и составило 5 991 349 предприятий. При этом число юридических лиц сократилось на 0,4% или на 8 671 предприятий, зато количество индивидуальных предпринимателей выросло на 3,8% и составило 133 317предприятий.

Таким образом, имея положительный исторический опыт именитых российских предпринимателей, можно сказать, что, несмотря на существовавшие в прошлом и существующие в настоящем сложности в развитии предпринимательства важно не останавливаться, а искать и находить новые инновационные подходы по развитию предпринимательской деятельности в России.

Литература

1. *Бессолицын А.А.* История российского предпринимательства : учебник для бакалавров / А.А. Бессолицын. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Первая Образцовая типография», филиал «Ульяновский Дом печати», 2019. – С. 446–447.
2. *Гареев Э.С., Костылева Е.Г.* Средний класс как элемент устойчивости социальной иерархии российского общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2016. – № 3 (131). – С. 73–77.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: https://opora.ru/site/assets/files/42057/statistika_razvitiya_msp_v_rf.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
4. *Осбринк Б.* Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. – М., 2003. – С. 243.
5. Статистика и показатели предпринимательства в России в 2024 году: исследование по отраслям. – URL: https://hf.ru/blog/allinfo/izmenenie_v_biznes_sfere (дата обращения: 10.10.2024).
6. *Kostyleva E.G., Grogulenko N.V., Valitova N.E., Gareev E.S.* Impact of the process of digitalization of the economy on deviant forms of economic behavior // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. – Cham, 2022. – P. 433–438.
7. *Kostyleva E.G., Grogulenko N.V., Valitova N.E., Gareev E.S.* Social responsibility of engineering staff workers as a factor in the economic growth of the national economy // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. – Cham, 2022. – P. 81–86.

УДК 31642.6

ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОПЫТ АНАЛИЗА МЕДИАПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Горшенин Максим Леонидович
Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется образ и положение мигрантов в Республике Татарстан через призму репрезентации их образа в медиапространстве региона. Изучению подвергались отдельно взятые пространства интернет-СМИ, социальных сетей и мессенджеров республики. В результате были получены выводы о складывающемся негативном образе мигрантов в риторике пользователей, что не совпадает с официальным дискурсом касательно иностранного населения Татарстана.

Ключевые слова: мигранты, медиапространство, этнические конфликты, низкоквалифицированная рабочая сила, нарративный анализ, контент-анализ.

Актуальность данного исследования заключается в устойчивой тенденции заключения международных форматов сотрудничества в Республике Татарстан, а также в силу укрепления проблемы кадрового кризиса в регионе, решаемой за счет привлечения иностранных граждан к выполнению трудовых функций в РТ. Отсюда можно сказать, что проблема изучения положения мигрантов в Татарстане обусловлена растущими темпами трудовой миграции в регионе. Трудовая миграция имеет исключительное экономическое, социальное, политическое и культурное значение в современном мире. Транспортная доступность, развитие капиталистических отношений и открытость границ стали условиями реализации права каждого человека на свободу передвижения и изменение своего жизненного уклада. Сегодня трудовая миграция выступает одним из главных каналов социальной мобильности. Миграционные процессы занимают одну из центральных позиций в повестке дня государственной политики, средств массовой информации, академических симпозиумов. Миграция стала не только частью повседневной и профессиональной жизни людей, но и сформировала широкий спектр волнующих и часть проблемных вопросов, исследование и решение которых представляется перспективным [4].

Множество исследований посвящено причинам и формам трудовой миграции, а также ее последствиям и рискам, с которым связаны смена места жительства и гражданского статуса [1]. Поскольку большая часть мигрантов относится к категории трудоспособного населения, большое внимание уделяется экономическим аспектам миграции [2]. Исследования повседневных практик мигрантов интересую антропологов и социологов. В первую очередь в фокусе анализа оказываются внутренние и внешние факторы миграции (так называемые puch- и pull- факторы). Авторы обращаются к механизмам миграции – каким образом люди выбирают стратегию переезда, на какой тип пребывания (краткосрочный или долгосрочный) они ориентированы, какие ресурсы необходимы, чтобы осуществить переезд, какие каналы коммуникации используются для поддержания связей с семьей и внутри сообщества [3]. Для нас же представляют интерес не причины миграции, а ее следствия в виде репрезентации общественного сознания касательно темы мигрантов

Для понимания того, какое отражение находят инфоповоды о мигрантах в медиапространстве Татарстана было проанализировано более 5500 публикаций за период 01.12.2023 – 19.08.2024 методами контент-анализа и нарративного анализа. По платформам инфоповоды распределись следующим образом: социальные сети (ВКонтакте) – 50%, мессенджеры (Telegram) – 45% и СМИ – 5%. Сбор публикаций производился через сервисы TargetHunter, TGStat и через поиск упоминаний в интернет-СМИ. Такое распределение обусловлено крайне узкой направленностью публикаций в СМИ по теме мигрантов – было установлено, что в соцсетях и мессенджерах распространяется примерно в 15 раз больше инфоповодов о преступлениях, совершенных мигрантами.

В ходе анализа в медиапространстве РТ было обнаружено более 160 уникальных инфоповодов, связанных с темой миграционного фона, которые были разделены на следующие категории: статистические данные относительно доли мигрантов среди местных жителей; работа УФМС и Следственного комитета в области поиска и высылки нелегальных мигрантов; вынесение новых законодательных актов в сфере миграционной политики; различные правонарушения, преимущественно криминальные, связанные с активностью мигрантов (по разным основаниям, включая убийства, разбои, педофилию и так далее); работа РТ в сфере применения рабочей силы в лице мигрантов.

На федеральном уровне ключевыми темами в отношении мигрантов являются: отчеты УФМС и СК РФ по проделанной работе в отношении нелегальных мигрантов; описание новых законодательных инициатив, связанных с регулированием миграционной обстановки в стране; предоставление статистических данных о доле мигрантов среди населения страны.

Региональное поле зачастую повторяет федеральную повестку, при этом наблюдаются специфические для Татарстана темы: описание криминальных событий, субъектами которых являются мигранты; представление работы Правительства РТ в области регулирования миграционного фона региона.

Лидером в формировании региональной повестки касательно мигрантов является издание «Бизнес Онлайн» – около 47% публикаций в СМИ принадлежит ему. На второе место можно поставить издание «InKazan», чьи публикации занимают 23% массива СМИ. При этом в его работе замечена ярко выраженная негативно-нейтральная заинтересованность в освещении проблемы мигрантов – на сайте публикуются «спецпроекты» по разным темам, раскрывающие положение приезжих из Средней Азии в РТ. Остальные региональные издания («Вечерняя Казань», «Реальное время», «Казанские ведомости», «Chelny biz» и т. д.) примерно в равной малой степени освещают проблему мигрантов. При этом публикации ресурсов АО «Татмедиа» данную тему не затрагивают.

Теракт в «Крокус Сити Холле» стал чертой, разграничивающей два дискурса относительно положения мигрантов на территории РФ и РТ – позитивно-нейтральный, оправдывающий их присутствие в силу нехватки рабочей силы (материал «Бизнес Онлайн» ««Отказаться от мигрантов мы не можем…»: как прошла первая коллегия МВД после ухода Хохорина»), и негативно-нейтральный, демонстрирующий преступный характер данного слоя населения (материал «Бизнес Онлайн» «СКР: Число экстремистских преступлений, совершенных мигрантами, за полгода подскочило на 55%»). Также изменилось и отношение к мигрантам, уже получившим российское гражданство – если раньше их рассматривали как залог успешного улучшения демографической ситуации в стране, то после теракта актуализировалась тема возвращения долга стране в виде службы в армии, в том числе на СВО, которую мигранты стремятся избегать.

В это же время на площадках соцсетей и мессенджеров восприятие мигрантов из ближнего зарубежья остается стабильно негативным – пользователи на протяжении всего анализируемого периода воспринимали мигрантов только как угрозу благополучия страны и региона.

Среди реакций пользователей на различные инфоповоды, связанные с мигрантами, картина складывается достаточно однородная. Была зафиксирована и активность реальных пользователей (около 80%), выражающая сугубо негативную реакцию на произошедшую ситуацию, и активность ботов (около 20%), стремящихся улучшить репутационный образ мигрантов.

Также был замечен довольно высокий интерес пользователей к данной проблеме – в среднем, публикации по этой теме набирают примерно в 1,5 раза больше просмотров по сравнению с предыдущими и последующими материалами, а активность в комментариях приблизительно выше в 2 раза.

Среди распространяемых тезисов реальных пользователей можно выделить следующие: мигранты игнорируют правила поведения в российском обществе; малость к мигрантам недопустима; мигранты приезжают не работать, а получать блага от РФ; мигрантов необходимо депортировать из страны в срочном порядке; диаспоры мигрантов являются национальными ОПГ; в РФ нельзя пускать мигрантов; мигранты являются ключевыми источниками криминала; мигранты должны изучать русский язык с детства на коммерческой основе; мигранты должны говорить на государственных языках; мигранты должны участвовать в СВО наравне с местным населением.

Среди распространяемых тезисов нереальных пользователей (ботов) можно выделить следующие: мигранты не так часто приезжают в города РФ; мигранты помогают поддерживать необходимый уровень рождаемости; мигранты приезжают работать в РФ, что не является преступлением; мигранты поддерживают уровень экономики региона; мигранты выполняют ту работу, за которые не готовы браться местные жители.

При этом на любые материалы, направленные на сглаживание проблемы с мигрантами, пользователи решительно осуждают, присваивая автору таких тезисов статус русофоба и врага

России. Сам позитив практически отсутствует – было обнаружено всего одно упоминание мигрантов в качестве добросовестных разнорабочих, в отличие от местного населения.

Немаловажными являются и практики объединения местного населения в борьбе с нежелательным поведением мигрантов. Так на площадках соцсетей и мессенджеров пользователи озвучивают призывы осуществить свой гражданский долг по избавлению России от миграционной угрозы.

В ходе реализации данного исследования была замечена подобная активность в комментариях под публикацией «Екатерина использует свою дочь в качестве секс-игрушки с мусульманином Зоирджоном» об инциденте в Казани. Пользователи самостоятельно инициировали поиск фигурантов данной публикации для осуществления правосудия. На момент написания данной работы комментарии уже были удалены по неизвестным причинам. Они объединялись под предлогом необходимости защиты «Русской общиной» русского общества. «Русская община» – неструктурированное сетевое объединение граждан русской национальности, осуществляющее деятельность по сохранению русской идентичности и национального самосознания. Его представители не локализованы в каких-либо городах. Они активизируются и прекращают активность стихийно, в зависимости от наличия ситуации, требующей их вмешательства.

Полученный в результате анализа медиапространства образ восприятия мигрантов со стороны реальных пользователей вступает в противоречие с официальным видением межнациональных отношений в РФ. Так в июле 2024 года ВЦИОМ опубликовал результаты исследования «Межнациональные отношения и проблема иммиграции», в которых отмечена довольно слабая неприязнь местного населения к приезжему – только 13% опрошенных испытывают страх перед мигрантами, 17% считают их присутствие дестабилизирующим фактором общественного порядка и около 12% испытывают к ним неприязнь. Данные цифры идут вразрез с той картиной, что была обнаружена на площадках коммуникации – по итогам исследования было выявлено, что практически в 100% случаев аудитория реагирует на все «мигрантские» инфоповоды негативно, выражает свое желание депортировать источник общественных беспокойств.

Также была обнаружена и разница в позиционировании мигрантов в зависимости от площадки распространения информации. Так, в СМИ не обнаружены упоминания конкретной национальности мигрантов. При этом в пространстве соцсетей и мессенджеров пользователи в свободной форме раскрывают образ мигранта через конкретные национальности. Наиболее часто под мигрантами понимают таджиков, узбеков и кыргызов. При этом сами пользователи не разграничивают мигрантов, которые уже некогда получили гражданство РФ и в течение долгого времени проживают на территории страны, и тех, кто только приехал и не имеет статус полноправного россиянина. Для пользователей ключевыми факторами определения мигрантов становится принадлежность к национальности (таджики, узбеки, кыргызы) и противоправное поведение в отношении местного населения.

Комментарий о негативе в адрес таджиков после теракта в «Крокус Сити Холле» прокомментировала таджикская диаспора в лице заместителя национально-культурной автономии таджиков РТ Мирали Джонбекова. По его словам, таджики в РТ не испытывают давления и травли со стороны местного населения – фон остался дружелюбным, как и раньше. Участников теракта таджикская община назвала врагами России, выполняющими заказ от западных стран, и призвал всех таджиков РТ не поддаваться провокациям в дальнейшем. Деятельность автономий, в основном, направлена на интеграцию представителей молодежи национальностей в родную культуру за пределами национального государства. Основной ресурс каждой из автономий – официальный сайт, материалы с которого дублируются в социальные сети с довольно низкой периодичностью (1 публикация в 3-4 месяца). В социальных сетях активность пользователей низкая – в среднем публикации набирают от 5 до 10 лайков, около 5 комментариев. Негатив в адрес представителей других национальностей не замечен. В комментариях можно заметить размещенные предложения низкоквалифицированной работы.

Автономии открыто выражают поддержку действующему Правительству РФ – так, член таджикской диаспоры стал инициатором записи клипа «Такого как Путин»

Источники распространяемой информации на сайтах и ресурсах автономий можно разделить на две категории: пресс-службы правительства РФ и РТ, публикующие новые законодательные акты в области миграционной политики, а также изменения в существующих; собственные пресс-службы автономий, публикующие материалы о деятельности организаций.

Ни в одном из ресурсов автономий не были обнаружены попытки сглаживания межнациональных конфликтов и общего негативного фона восприятия мигрантов в регионе.

На платформах TikTok и YouTube тематика мигрантов среди блогеров практически не освещается. В TikTok был обнаружен блогер «Oversize» распространяющий негатив в адрес неблагополучного положения мигрантов на территории РФ в сравнении с другими странами, тем самым оказывая иностранцам поддержку. В одном из своих роликов он рассказал об опыте использования казанского общественного транспорта и такси, в котором выделил особенности работы русских и татарских водителей и кондукторов. По его мнению, они конфликтные и очень громкие, в то время как мигранты на этих позициях ведут себя гораздо приличнее и спокойнее. Другие упоминания о мигрантах в РТ на канале блогера и в целом на платформе не обнаружены.

На платформе YouTube тематика мигрантов освещается блогером Сахбиевом Тимуром на канале «Эмигрант». Блогер рассказывает о трудностях, с которыми мигранты могут столкнуться в чужой стране, приводя примеры из личного жизненного опыта. Объясняет, как следует себя вести, как правильно заключать договоры с работодателями, какой банк выгоднее использовать для перевода денежных средств, предлагает авиабилеты по низкой цене для граждан СНГ. Кроме того, автор активно защищает и отстаивает трудовые права мигрантов, в этой связи значительная часть контента его ресурсов – освещение фактов незаконных действий подрядчиков в отношении иностранных рабочих, случаев лишения их обманным путем зарплаты и документов, обсуждение решений о том, как помочь пострадавшим.

Пользователи отмечают, что в своих публикациях Сахбиев Т. Т. часто выделяет преимущества рабочих из Узбекистана, Таджикистана и других национальных республик, противопоставляя их в этом аспекте русскоязычному населению. В комментариях к материалам автора выявлено большое количество просьб о помощи, благодарных отзывов и в целом положительных оценок его деятельности.

В ходе данного исследования удалось установить, что проблема миграционного потока в РТ и последствий данного процесса является актуальной для медиапространства региона. На протяжении всего анализируемого периода публикации выходили систематически, однако выходы заметно участились после теракта в «Крокус Сити Холле» 22.03.2024 года – частота появления инфоповодов увеличилась примерно в 4 раза. В региональном поле зачастую дублируется вся федеральная повестка (около 80% от общего числа инфоповодов), однако встречаются и специфические для Татарстана темы – преступления, субъектами которых являются мигранты, а также представление работы Правительства РТ в области регулирования миграционного фона региона. Публикации практически во всех региональных СМИ идентичны и по содержанию, и по частоте выходов, все они носят нейтрально-негативный характер. Среди реакций пользователей на различные инфоповоды, связанные с мигрантами, картина складывается достаточно однородная. Была зафиксирована и активность реальных пользователей (около 80%), выражающая сугубо негативную реакцию и активность ботов (около 20%), стремящихся улучшить репутационный образ мигрантов.

Была обнаружена и разница в позиционировании мигрантов в зависимости от площадки распространения информации. Так, в СМИ не выявлена конкретика в определении принадлежности мигрантов к конкретной национальности. При этом в пространстве соцсетей и мессенджеров пользователи в свободной форме раскрывают образ мигранта через конкретные национальности. Наиболее часто под мигрантами понимают таджиков, узбеков и кыргызов.

Литература

1. *Гришунина Е.В.* Когнитивно-эмоциональная структура переживаний сложных жизненных ситуаций // Консультативная психология и психотерапия. – 2011. – № 4. – С. 130–152.
2. *Илимбетова А.А.* Женщины-мигранты на российском рынке труда // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 25–29.
3. *Титова Т.А., Козлов В.Е., Фролова Е.В.* Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. – Казань: ЗАО «Мир без границ», 2013. – С. 155–212.
4. *Титова Т.А., Фролова Е.В., Зеленеев Ю.А.* Мигранты в Республике Татарстан: этническая идентичность и языковое поведение // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 4–2. – С. 135–139.

УДК 316.342.6

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Григорян Геворк Григорьевич,
Бинеева Наталья Камильевна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Молодежь является социально-демографической группой, представляющей свои интересы и ценности, оказывающие влияние на развитие общества и формирование новой социальной среды. В данной статье исследуются основы формирования социальной культуры молодежи, основные аспекты и тенденции развития.

Ключевые слова: молодежь, социальная культура, социум, общество, общественные отношения, тенденции развития.

Вопрос о формировании социальной культуры молодежи долгое время является центральным в рамках исследования отечественных и зарубежных социологов. Сложность и противоречия формирования социальной культуры молодого поколения основываются на различии взглядов на социальные, политические и общественные процессы, влекущие за собой новые вызовы.

Молодежь, как социально-демографическая группа, обладает определенными возрастными, психологическими и социальными критериями и положением в обществе. Молодежь является активным субъектом политических и социальных процессов, поэтому приобщение данной социальной группы к нормам культуры общества – одна из основных задач органов государственной власти, общественных и политических институтов.

Играя важную роль в социокультурном, экономическом, демографическом и политическом развитии общества, молодежь определяет стратегию развития государства, дальнейшие перспективы развития.

Проблема «определения» молодежи в обществе во все времена имела свои особенности. Так как, молодежь наименее интегрирована в социальную жизнь государства, подвержена деструктивному влиянию и имеет свои определенные взгляды, касательно тех или иных политических действий и решений [1, С. 33].

Важным аспектом является также то, что в кризисные периоды развития общества, молодежная субкультура перерастает в контркультуру со своими специфичными ценностными ориентирами, образом жизни.

Отечественные социологи С.И. Григорьева и Л.С. Гуслякова определяют социальную культуру как способ жизнеощуствления человека во взаимодействии человека с другими

людьми, организацию социума, его функционирование и развитие в соответствии с пространственно-временными ориентировками и общественными потребностями.

Социальная культура – это система социальных норм, ценностей, институтов, обеспечивающих функционирование общества как целостной системы. Система социальной культуры является частью формирования общественных отношений и норм, которые позволяют обеспечивать постоянное взаимодействие между всеми общественными группами [2, С.206].

Формирование социальной культуры сложный процесс, он включает в себя механизмы взаимодействия и регулирования общественных отношений, выявления новых возможностей для молодежи и их использование с целью развития молодого поколения, общества и государства.

Основными субъектами формирования социальной культуры молодежи являются общество, государство, общественные и политические институты, институты первичной и вторичной социализации личности в процессе ее перехода от одной возрастной категории в другую.

Специфика социальной культуры отражается ее представлением на двух уровнях: индивидуальном и общественном: [2, С. 204].

Индивидуальный уровень характеризуется формирование социальной культуры в процессе социализации через овладение навыками, нормами и ценностями. На данном уровне человек осваивает все правила поведения, а также выбирает ту социальную роль, которая в большей мере отражает его как личность. В основе социальной культуры человека лежит индивидуальная система ориентиров, представлений о порядке, справедливости, государстве, обществ и всех тех комплексных элементов, входящих в общественные отношения.

На уровне общества социальная культура молодежи рассматривается как самостоятельная системы бытия, механизм осуществления общественной жизни и социального взаимодействия. В обществе социальная культура выступает как контрольно-регулятивный механизм, направленный на организацию грамотного взаимодействия в обществе.

Формирование социальной культуры молодежи происходит при реализации определенных функций, направленных на приобщение молодого поколения к нормам, закреплённым в обществе.

Основными функциями социальной культуры являются следующие:

Во-первых, адаптивная функция, позволяющая обеспечить взаимодействие людей со средой своей жизнедеятельности. Адаптация помогает выработать способы поведения человека, которые помогут ему включится в общество и стать частью единого социального пространства. Для молодежи, адаптация выступает основой развития в тех условиях, которые представлены обществом и государством.

Во-вторых, информационная функция социальной культуры, направленная на формирование социальной памяти человека, включая знания, традиции, понятия, определяющие взаимосвязь поколений через передачу «социальной памяти».

В-третьих, регулятивная функция выступает способом самоконтроля за действиями и решениями, которые могут оказать влияние на общество и дезинтеграцию общественных отношений.

Данные функции являются основными в рамках определения влияния социальной культуры на молодежь. Они позволяют сформировать единый подход приобщения молодежи к нормам общества, позволяют выработать систему противодействия возможным субкультурным проявлениям и сгладить их последствия.

В рамках исследования социальной культуры молодежи, особую роль играет институализация общества. Институализация общества – это процесс формирования и развития институтов государственного и негосударственного характера, регулирующих и организующих жизнь общества. Социальная культура занимает в данном процессе особое место, так как является негосударственным сектором, который защищает права и интересы граждан, участвует в принятии решений и формирует общественное мнение.

Важно, чтобы социальная культура функционировала как социальный ресурс и имела возможность свободно функционировать и не подвергалось нежелательному влиянию со стороны государства или бизнеса, чтобы эффективно выполнять свои функции в институциональной системе общества [3, С. 20].

Тенденциями развития социальной культуры молодежи являются индивидуальность личности, гарантированность своих прав и свобод, приобщение к молодежным, социальным движениям, решение экологических социальных проблем, гуманизм, здоровый образ жизни.

Также важной тенденцией развития молодежи и ее социокультурных возможностей является использования медиа для выражения собственных мыслей, идей, а также поднятия важных проблем молодежи и поиск их решения.

Еще одним трендом социокультурного развития молодежи, который следует выделить, является вступление в некоммерческие организации, позволяющие молодежи реализовать свой потенциал и направить его в нужное русло. Данный тренд является наиболее значимым для определения своего места в обществе и приобретения собственной социальной роли для каждого представителя молодого поколения.

Перечисленные тенденции положительным образом влияют на молодое поколение, формируя новые ценности и ориентиры.

Однако, не всегда молодежь полностью подвержена новым тенденциям. При формировании социальной культуры молодежи возникают проблемы, связанные с отреченностью молодого поколения от общественных процессов или же возникновении полного неприятия социальной жизни. В таком случае молодежь популяризирует собственную контркультуру, оказывающую деструктивное влияние на развитие общества и государства.

Во избежание данных проблем, разрабатываются молодежные программы, профилактического характера, грантовые конкурсы и социальные проекты, способствующие формированию новых ценностей, актуальных для молодого поколения.

Данные программы утверждены в рамках Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», в котором определены цели и задачи молодежной политики, основные направления, программы и возможности для реализации потенциала молодого поколения в России [4].

Таким образом, исследование основ формирования социальной культуры молодежи, определение тенденций развития и проблем, возникающих при приобщении молодого поколения к общественной и социальной жизни, является особо актуальным в рамках социологии и социологических наук.

Молодежь проявляет интерес к саморазвитию, социальной активности и ответственности как перед обществом, так и перед государством. Молодое поколение стремится к внесению позитивного вклада в общество и закреплению своих достижений в социокультурном пространстве.

Литература

1. *Белый О.И.* Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. – 2023. – С. 30–36.
2. *Абоимова И.С., Бакшеев А.И., Александрова И.Б.* Культура современной молодежи: социальный аспект и основные тенденции развития // Социология. – 2023. – С. 200–208.
3. *Алипа В.Н.* Взаимосвязь молодежной политики и социологии молодежи: историко-культурологический экскурс // Культура Мира. – 2023. – С. 10–23.
4. *Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ* «О государственной молодежной политике в Российской Федерации».
5. *Каландаришвили З.Н.* Роль правовых средств и социального контроля в совершенствовании культуры молодежи // Мир юридической науки. – 2021. – С. 5–12.

УДК 316.342.6

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНЦЕВ

Жусубалиев Абдикайым Рысбаевич,
Матиев Болот Тилебалдыевич,
Малтабаров Бакыт Амирович
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизия

Аннотация. В статья анализируется в этническом срезе некоторые вопросы относительно места и роли государственного языка в кыргызском обществе, в частности, правового положения государственного языка в общественном мнении кыргызстанцев. Авторы обращает внимание на отношения респондентов к государственному и официальному языков КР. Также проанализированы, на основе эмпирических материалов социологического исследования, некоторые региональные, половозрастные и этнические особенности взглядов, отношений и оценок респондентов языковой ситуации в Кыргызстане.

Ключевые слова: государственный язык, языковоя ситуация, официальный язык этническая группа, этническая идентичность, языковая идентичность, интеграция.

На основе процесса глобализации целые государства стали взаимозависимыми не только в экономическом, информационно-технологическом плане, но и в духовном, или социокультурном плане. Кыргызское общество не осталось в стороне от этих процессов. Он также, как составная часть глобального мирового сообщества, подвержен влиянию явлений, происходящих в мире, и проводит относительно независимую внутреннюю политику на своей территории.

В этом смысле языковая ситуация, процессы и явления в ней, с одной стороны, и в кыргызском обществе можно проследить такие общемировые тенденции, как интеграция в международное сообщество, в том числе языковые (например, влияние и распространение английского и других иностранных языков в нашем обществе). С другой стороны, он характеризуется социальной классификацией, особенностями самоизоляции государств, присущими только ему самому. Например, тенденция распространения кыргызского языка для сохранения, развития государственного языка и приведения его в доминирующее положение в нашем обществе, расширения ареала его использования. Несмотря на то, что это вопрос внутренней политики государства, мы стали свидетелями того, как ряд зарубежных стран обратились к руководству государства с жалобой на внесение дополнений в закон О государственном языке. В таком состоянии языка определение характера и параметров взаимодействия глобальных и национальных тенденций, их учет являются важным условием реализации языковой политики современного кыргызского государства и обеспечения единства граждан, стабильности в стране.

Процессы, происходящие в духовной сфере, особенно те, которые связаны с социальной классификацией и сплоченностью общества, могут иметь серьезные последствия. Каждая социальная группа формируется на основе собственных объективных интересов. Эти интересы могут не совпадать или даже противоречить интересам других групп. Их активность и стремление к собственным интересам определяют вектор развития общества. Для поддержания стабильности в обществе и обеспечения его развития государство должно знать интересы, потребности этнических, социальных групп, регулировать их и управлять ими в случае необходимости. Запрет языка какой-либо этнической общности может привести к конфликтам в обществе, вплоть до вооруженных столкновений, если это необходимо, и международных конфликтов. Российско-украинский конфликт, одной из причин которого была запрет русского языка, тому подтверждение. В свете этих событий мы еще раз

убеждаемся в том, что языковая политика не может быть реализована насильственно и что государство должно выполнять функции, которые объединяют общество, обеспечивают гармонию.

В целях охвата всех регионов Кыргызстана научно-исследовательская работа (НИР) проводился в три этапа. На первый этапе (2022 г.) была проделана большая работа по анализу теоретико-методологических и методических основ исследования, разработке инструментариев и подготовке к проведению пилотажных исследований для проверки инструментария. Согласованны вопросы анкеты с Национальной комиссией по государственному языку и языковой политике при президенте Кыргызской Республики (далее - Национальная комиссия по государственному языку и языковой политике), проведены полевые исследования в городах Бишкек и Ош, Чуйской и Ошской областях.

Второй этап (2023 г.) полевые исследования, начатые в первом полугодии, в Баткенской и Джалал-Абадской областях завершены. Были выполнены проверки на годность к обработке анкет, собранных из этих регионов, создание статистической базы данных.

Третий, заключительный этап (2024 г.)) в первом полугодии были завершены исследования по Нарынской, Иссык-Кульской и Таласской областям и на основе собранных эмпирических материалов создана единая база данных по всей республике.

Анкета включала в себе следующих трех блоков, направленных на изучение вопросов, связанных с государственным языком. Они:

I. Блок вопросов, связанных с правовым положением государственного языка (9 вопросов, связанных с законодательством, нормативными правовыми актами, определяющими место и роль, статус языка);

II. Блок вопросов, связанных со знанием и использованием языка (8 вопросов, посвященных вопросам влияния традиционных, гражданских, семейных, духовно-культурных, ценностных ориентиров населения на языковую ситуацию, дискриминации по языковым признакам) ;

III. Возможности и условия изучения языка (8 вопросов связанных учебно-методическая литература, различные языковые курсы, словари, качество подготовки специалистов и т.д.).

Общество как социальная система включает в себя другие элементы: этнические, демографические, социальные, профессиональные, конфессиональные группы, слои и формируется из их взаимоотношений, взаимодействия. А основой для взаимоотношений, взаимодействия является общение. Общение социальных групп, слоев происходит только с помощью языка.

Наше социологическое исследование места и роли государственного языка в обеспечении сплоченности кыргызского общества в условиях глобализации, языковой политики в Кыргызской Республике было проведено на основе “программы развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2021-2025 годы”. Проводилось на основе определенных в нем принципов, поставленных задач. В частности, были изучены языковая ситуация в Кыргызстане, общественное мнение о языковой политике, исполнение государственным языком своих услуг, мнение респондентов по уровню использования языка.

В ходе исследования было опрошено 2176 респондентов возрасте 14 лет и старше, и после выбраковки, из них были признаны действительными 2150 анкет. География исследования охватывала полностью северные и южные регионы страны, опрос проводился во всех 7 областях и 2 городах республиканского значения.

В социологическом исследовании применен выборочный метод исследования. Надежность выборки основывалась по таблице репрезентативной выборки Паниотто, с допустимой погрешностью до 5%. Репрезентативность отбора, которая была важна в соответствии с целями и задачами исследования, обеспечивалась *четырьмя* характеристиками: половым, возрастным, этническим и территориальным,. Кроме того, был проведен анализ по таким признакам, как образование, семейное положение, профессия и отрасль экономики, религиозная принадлежность респондентов.

В следующих таблицах приведены количественные процентные показатели отклонения количества респондентов в исследовании от выборки, фактического и выборочного. Отклонения по какому-либо признаку, как показывают таблицы, не достигли допустимого предела или 5%, определенного в программе исследования.

Первый вопрос респондентам был о государственном языке КР, на который правильно ответили “кыргызский язык” почти 97% опрошенных, а 28 человек ответили “русский язык”. В основном это молодые люди (50%) в возрасте до 29 лет (комбинированная таблица 2.1).

Таблица 1

Какой язык в Кыргызской Республике является государственным языком?

		Кол-во	**%**
0	Нет ответа	33	1,5
1	Кыргызский язык	2084	96,9
2	Русский язык	28	1,3
3	Английский язык	1	,0
4	Другой	4	,2
	ВСЕГО	**2150**	**100,0**

Трое респондентов считают, что существует два государственных языка - кыргызский и русский. При знании опрошенными государственного языка КР не наблюдается различий по демографическим признакам, за исключением возраста. Существует значительное влияние места жительства на второй позиции, поскольку 92,9% тех, кто выбирает государственный язык как ”русский", являются горожанами. Таким образом, абсолютное большинство населения (96,9%) знает, что кыргызский язык является государственным языком КР.

I.2. Второй вопрос анкеты “Насколько вы знакомы с Законом Кыргызской Республики О государственном языке?" – связанный с правовой основой государственного языка, показал степень знакомства респондентов с ним. Этот вопрос связан с 6-м вопросом анкеты и является контрольным (фильтр) вопросом, поскольку он в определенном смысле помогает уточнить и определить истинность ответов на него.

Что касается ответов респондентов, то лишь немногим более 1/3 или 36% из них знакомы с “законом О государственном языке КР”, а 2/5 (41,2%) слышали о законе, но не знакомы с ним, а 15,1%, или 234 респондента, заявили, что не знали о существовании такого “закона”, еще 7,8% (167 человек) не дали ответа (рисунок 1).

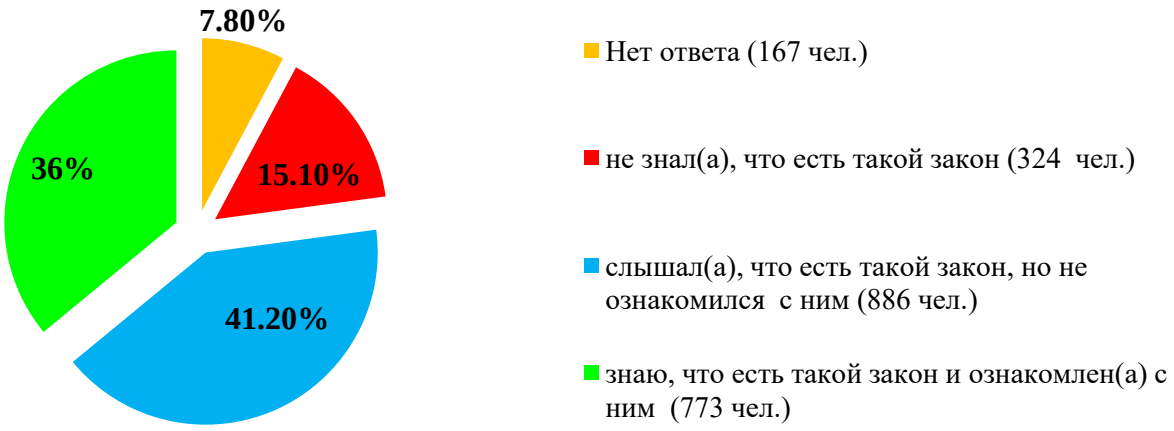


Рис. 1. Знакомы ли Вы с законом Кыргызской Республики о государственном языке?

Анализ ответов по социально-демографическим признакам респондентов показал следующее: в разрезе ***по полу*** женщины по сравнению с мужчинами оказались в выигрышном положении, их доля составила большинство как среди тех, кто знаком с законом (соответственно, 38,9%, 32,8%,), так и среди тех, кто слышал о законе, но не знаком с ним (соответственно, 42%, 40,4%,). Даже среди тех, кто совершенно не осведомлен об этом законе, с показателями, соответственно 12,5%, и 17,9%, женщины снова оказались в положительном положении; наблюдается разница и в ***возрастном*** разрезе, т.е. с увеличением возраста респондентов доля тех, кто знаком с законом “О государственном языке”, увеличивается до 5,8% чем в молодой возрастной категории. Напротив, доля респондентов, которые совершенно не осведомлен об этом законе, продолжала снижаться с возрастом, в то время как разница между самым низким и самым высоким показателями возрастных когорт достигла 10% пункта. Следовательно, мы наблюдаем противоположный вектор направления у молодого и старшего поколения; по ***этническому*** признаку, мы наблюдаем разницу от средней у всех представителей нетитулованной нации среди тех, кто знаком с законом и не знает о нем, т.е. по сравнению с общим показателем, доля русских знакомых с законом на 9,2% меньше, доля узбеков – на 7,5%, 1/5 узбеков выбрали ответ “я не знал, что закон существует”. А у русских и представителей других этносов, которые "не знали о существовании закона", показатель ниже среднего, на 1% и 3% соответственно. Но доля тех, кто не знаком с законом, как правило, на 15,5% и 8,8% больше, чем в целом по стране. Таким образом, несмотря на то, что представители нетитулованного этноса имеют информацию об этом законе, доля незаинтересованных и незнакомых людей по сравнению с кыргызстанцами выше у русских на 18,1%, у других национальностей-на 11,2%, у узбеков - на 2%. И наоборот, у респондентов, имеющих знакомство с законодательством, их доля ниже, чем у лиц кыргызской национальности, - от 8,1% до 12%. Следовательно, этническая принадлежность респондентов оказывает значительное влияние на их знакомство с законом О государственном языке (рисунок 2).

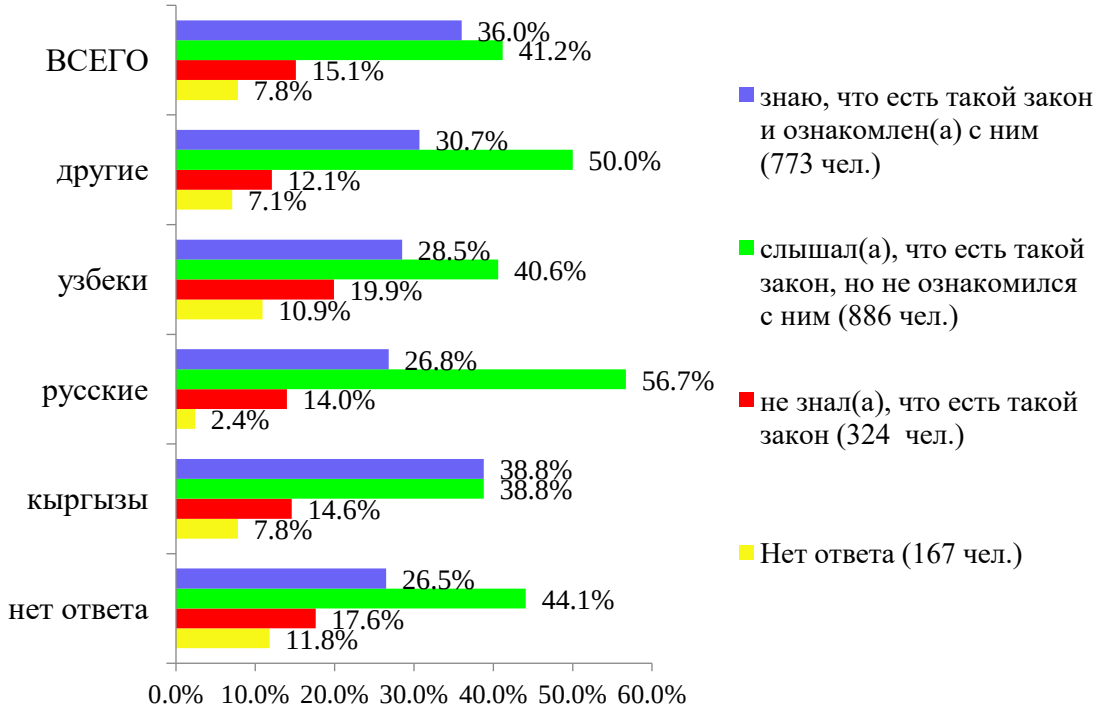


Рис. 2. Знакомы ли Вы с законом Кыргызской Республики о государственном языке?
(в разрезе по этнической принадлежности респондентов)

I.5. Ответы на вопрос анкеты: “как вы думаете, государственный язык в КР выполняет свои функции на государственном уровне?"- направлен на изучение того, как государственный язык, с точки зрения респондентов, выполняет свои функции в обществе. Ответы на него были следующими (табл. 2):

Таблица 2

Как вы думаете, государственный язык в КР выполняет свои функции на государственном уровне?

		Кол-во	**%**
0	Нет ответа	37	1,7
1	не выполняет свои функции	270	12,6
2	выполняет свои функции лишь частично	1219	56,7
3	в полной мере выполняет свои функции	574	26,7
4	другое	50	2,3
	ВСЕГО	2150	100,0

На этот вопрос 1/4 респондентов, или 26,7%, согласились с тем, что они “полностью выполняют свои функции”, а еще больше половины, или 56,7%, заявили, что государственный язык “выполняет свои функции лишь частично”, в то время как 270 человек заявили, что он “не выполняет свои функции”, когда мы проанализировали их по региону проживания и возрасту, выявили, что модальным показателем является позиция ”лишь частично выполняет свои функции", которую высказало большинство респондентов, независимо от региона проживания. Доля выбравших данную позицию и в северном, и в южном регионах, за исключением Джалал-Абадской области, превышает 55%.

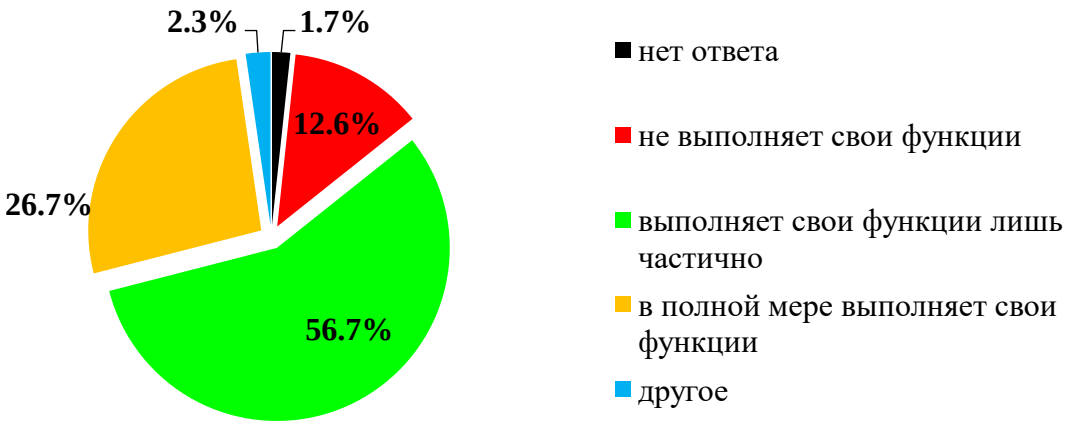


Рис 3. Как вы думаете, государственный язык в КР выполняет свои функции на государственном уровне?

2) Доля выбравших позиции ”выполняет свой функции в полной мере" и "не выполняет свой функции", диаметрально противоположны в центральном и периферийном регионах республики. Особенно в южном регионе, позиции государственного языка прочнее. Ведь в Бишкеке и в Чуйской области доли тех, кто придерживается мнения государственный язык "не выполняет свой функции" преобладает в разы, а доля позиционирующихся “государственный язык в полной мере выполняет свои функции", наоборот, уступают в разы. Например, доля тех, кто выбрал в этой позиции положительный ответ, в Баткенской области составляет, соответственно, 3,8% и 37,4%, а в Бишкеке 20,8% и 15%, в городе Оше – 15,4% и 23,1, Чуйской области – 8,6% и 19,4% соответственно.

Выводы. Развитие кыргызского языка, его сохранение, широкое и полномасштабное внедрение в жизнь общества зависит не только от специалистов-филологов. Это долг каждого из нас, начиная с семьи, школы, университетов и других общественных институтов. Необходимо обеспечить активное участие всех слоев общества в реализации языковой политики государства.

Анализ языковой ситуации в Кыргызской Республике показал, что кыргызский язык не в полной мере справляется с возложенными на него задачами в качестве государственного языка, в определенных отношениях уступая место русскому языку, имеющему официальный статус языка. Например, в плане межэтнического общения среди этнических сообществ Кыргызстана.

Задача состоит в популяризации государственного языка в кыргызском обществе и привлечении всех слоев населения к знанию кыргызского языка и кыргызскому общению. Она осуществляется через пропаганду государственного языка и расширение сфер его функционирования, формирование языковой культуры. Со своей стороны государство должно создавать и обеспечивать условия для развития кыргызского языка как языка культуры и межэтнического общения.

В этом направлении также необходима реализация механизмов защиты и развития государственного языка в государственных и муниципальных органах, учреждениях в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, в общественно-культурной сфере; целесообразно повышение качества и активизация использования кыргызского языка в информационном пространстве, особенно в средствах массовой информации и цифровой сфере.

В Кыргызской Республике долгое время не проводилось фундаментальных исследований по изучению языковой ситуации, места и роли государственного языка в обществе. Этот проект в определенной степени был направлен на заполнение этой информационной пустаты. Но исследования показывают, что таких разовых исследований в этой области недостаточно. Язык как динамичное, живое явление обладает свойством в полной мере отражать все социальные проблемы, события, поворотные моменты, поступающие новости, изменения. Поэтому его постоянно изучают в русле социальных изменений, о.э. стало ясно, что на основе критериев оценки, категорий, отражающих состояние языка, необходимы регулярные мониторинговые исследования.

Литература

1. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг.
2. Программа развития государственного языка и совершенствования языковой политики в Кыргызской Республике на 2021–2025 годы: утв. постановлением Правительства КР от 1 октября 2020 г. № 510.
3. Концепция развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» на период 2021–2026 гг. – Бишкек, 2020, ноябрь.
4. Кыргызстан в цифрах. 2024 г.: стат. сборник НСК КР.
5. Уровень жизни населения КР: статистический сборник НСК КР. 2018–2022 гг. – 139 с.
6. *Жаран кантип идентттешет?* (соавт.). – Бишкек : Maxprint, 2016. – 346 с.
7. *Паниотто В.И.* Качество социологической информации. – Киев: Наукова думка, 1986. – 206 с.
8. *Жусубалиев А.Р.* Социально-этническая дифференциация и самочувствие этнических групп в современном кыргызском обществе / Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. – М. : РОС, 2016. – С. 4551–4558.
9. *Жусубалиев А.Р., Матиев Б.Т.* Дифференциация населения в современном кыргызском обществе / Материалы VI Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. – М. : РОС, 2020. – С. 5152–5157.

10. Прожиточный минимум для основных социально-демографических групп населения по регионам Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.kg/stat.files/din.files/living/5040008.pdf (заголовок с экрана).
11. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года : Книга I. Основные социально-демографические характеристики населения. – Бишкек, 2023. – 189 с.
12. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года: Книга II (ч. 1): Население Кыргызстана (таблицы). – Бишкек, 2023. – 381 с. – ISBN 978-9967-28-708-2.

УДК 316.342.6

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ)

Заляев Рустем Ильхамович,
Заляев Рамиль Ильхамович,
Гаянова Айгуль Фаритовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается социально-культурная технология «Диалог культур» как способ обеспечения мира и согласия в обществе. Обосновывается эффективность применения социально-культурной технологии «Диалог культур» в укреплении межэтнического согласия. Особое внимание уделяется применению социально-культурной технологии «Диалог культур» в общеобразовательных школах.

Ключевые слова: межэтническое согласие, социально-культурная технология, диалог культур, общеобразовательная школа.

В связи с постоянными изменениями в нашем современном мире во всех областях: социальной, экономической, политической, культурной, необходимо преобразовывать и усовершенствовать формы, методы и технологии гармоничного взаимодействия и межэтнического согласия.

Формирование гармоничного взаимоотношения начинается с самых ранних периодов жизни человека, когда родители ребенка учат таким понятиям как доброта, дружелюбие, уважение. Далее в развитие личности вступают воспитатели и учителя. Именно школа помогает формировать всесторонне развитую личность путем применения различных технологий и методик. Несомненно, школьная среда развивает в ученике чувство толерантного отношения и уважения к друг-другу, к различным культурам, народам мира.

Безусловно, одним из главных институтов воспитания в жизни каждого человека является школа. Школа не только развивает индивида в интеллектуальном направлении, но и формирует с духовно-нравственной стороны. Именно школа является общепризнанной социальной организацией, которая имеет свои характерные черты как определенного учреждения: четкая иерархия, распределение обязанностей и ролей, наличие управленческой системы, нормативно-правовые документы, особая корпоративная культура, которая касается не только сотрудников школы, но и учащихся. В школьной среде ученика обучают коммуникации, деловому стилю, прилежному виду, уважительному отношению, заинтересованности в изучении различных народов, культур, языков, традиций и обычаев.

Коммуникация происходит на протяжении всей жизнедеятельности человека. Особенно общение важно в подростковом возрасте, так как происходит активное формирование личности. В данном возрасте человек в большей части проводит время в общеобразовательных школах, где учится коммуницировать с другими людьми, уважать, испытывать чувство

толерантности. Несомненно, важную роль будут играть в школьном пространстве педагогические работники, которые олицетворяют отношение к определенной ситуации. Поэтому школа представляет собой особое пространство для развития межнационального согласия среди подрастающего поколения, которое является будущим страны.

Стоит отметить, что формирование чувства толерантности, уважение, дружелюбие ко всем людям особенно важно привить с малого возраста, когда происходит формирование личности. В данном процессе, несомненно, огромную роль в воспитании, развитии и обучении подрастающего поколения имеют общеобразовательные школы.

Школа является особой социальной общепризнанной организацией. Школа – это учебное учреждение, благодаря которому происходит получение знаний учащимися.

Несомненно, школа является определенной корпорацией, которая имеет несколько характерных черт:

1. В школьной среде существует управленческая система, которая характеризуется особой стратегией по распределению обязанностей работников;
2. Наличие управленческих цепей: директору подчиняется заместители директора по учебной и воспитательной части, они руководят учителями;
3. Существует определенная иерархия в школе;
4. Школьную деятельность регулируют нормативно-правовые локальные акты;
5. Наличие корпоративной школьной культуры, которая касается не только учителей, но и учеников.
6. В школе существует возрастная иерархия среди учащихся общеобразовательного учреждения.

В современном мире в школьном пространстве могут возникать множество различных противоречивых и негативных процессов, в том числе межэтнических конфликтов. Способами профилактики и урегулирования конфликтов могут выступать различные социально-культурные технологии, одним из которых является социально-культурная технология «Диалог культур» как способ обеспечения мира и согласия.

Диалог представляет собой способ коммуникации двух и более людей, социальных групп, с помощью которого происходит восприятие и взаимопонимание. Также диалог основывается на репликах, человеческих эмоциях, мыслях. Характерной чертой диалога является обращение к кому-либо, а также временная особенность, когда произнесена информация в конкретное время, только тогда диалог приобретает смысл [1, С. 47].

Признаками диалога необходимо назвать:

1. слияние разных убеждений в одно целое;
2. культуры не теряются, а, наоборот, сохраняют и приобретают еще более уникальность;
3. равноправное взаимодействие между культурными системами;
4. опирается на такие качества как толерантность и уважение [2, С. 118].

Механизм диалога культур основывается на интеграции народов, который сопровождается обменом опытом, взаимообогащением и сотрудничеством [3, С. 10]. Благодаря данному понятию формируется и прогрессирует новая целая культура общения, когда этносы перенимают другие совершенно новые для них убеждения, традиции, правила.

Диалог культур имеет четыре уровня: цивилизационный, личностный, этнический, межнациональный, каждый из которых входит в отношения с различными категориями [4, С. 299].

Цель диалога культур - интеграция культур в единое пространство, взаиморазвитие и обмен опытом. Необходимо отметить, что важным принципом является равноправие каждого народа, применение уважение ко всем этносам, их культуре, взглядам и убеждениям [5, с. 24].

Диалог культур представляет собой общение различных этносов, благодаря которому происходит их интеграция, взаимообогащение, изучение опыта, культуры, традиций и обычаев у других народов [6, с.123].

Несомненно, для укрепления межнационального согласия в условиях школьной среды необходимо использовать различные технологии. Одной из эффективных разновидностей

социально-культурных технологий в школьном пространстве необходимо отметить технологию диалога культур, направленного на развитие межнационального согласия среди учащихся.

Литература

1. *Фатыхова Р.М.* Культура как диалог и диалог в культуре // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 1 (39). – С. 35–61.
2. *Чупина О.В.* От культуры диалога к диалогу культур // Актуальные направления развития научной и образовательной деятельности : II сб. науч. тр. (Чебоксары, 1 июля 2014 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – 167 с.
3. *Антонова С.В.* Диалог культур и культура диалога // Педагогические и социально-психологические основы научного развития общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа : ООО «Аэтерна», 2017. – Ч. 1. – С. 8–11.
4. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М. : Политиздат, 1990. – 412 с.
5. *Меликов И.М., Гезалов А.А.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 24–34.
6. *Buber M.* Between Man and Man. – New York, 2002. – 288 p.

УДК 316.342.6

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОСТ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ПРАКТИКАХ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Латышев Дмитрий Михайлович

Центр историко-культурных исследований «Астра», Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье проанализированы темы репрезентаций православного поста в социальных медиа (Youtube, Вконтакте). результаты анализа интервью с молодыми верующими Урала. По результатам дополнительного анализа выявлено, какие темы высказываний о православном посте воспроизводит молодежь, а какие из них молодыми верующими не воспринимаются.

Ключевые слова: православие, православная молодежь, православный пост, практики поста, социальные медиа.

Молодые верующие нашей страны имеют специфические оценку своего состояние здоровья и отношение к предписаниям Церкви, что выражается также и в их решении поститься или не поститься. В имеющихся социологических исследованиях выявлено, что для части молодежных групп (18-25 лет) свойственно оценивать и репрезентировать своё здоровье как «очень хорошее», что связано с воспроизводством «имиджа здоровья». По мере социализации здоровье интерпретируется молодежью как результат самостоятельной, самодеятельной активности, которая в большей степени определяется личным самочувствием, что далее закрепляется в отношении к здоровью во взрослый период [3].

Тот же механизм с установками на самостоятельность и самодеятельность у молодежи распространяется и на отношение к религии, её практикам и предписаниям. Социологами установлены тенденции постепенной секуляризации её мировоззрения, сопровождаемые слабой информированностью молодых о религиозном образе жизни. Однако при этом для части молодых религиозные организации, и православие в том числе, становятся привлекательным способом устройства досуга, своеобразной «разгрузки» [6]. Так, постепенно укрупняется противоречие, возникающее между исходными предписаниями чиноначалия в

пост и теми возможностями организации собственного питания и досуга, которые открываются молодёжи сегодня.

В этой связи возникает исследовательский вопрос: какова специфика репрезентации и восприятия православного поста для православной молодежи при том обстоятельстве, что часть социально значимой информации потребляется ими из социальных сетей, мессенджеров и сайтов? Иссследовательское решение состоит из совмещения анализа социальных медиа как источников информации о православном посте и результатов интервью, в которых, предположительно, молодые верующие воспроизводят часть циркулирующих в инфополе пассажей. Нами предположено, что в силу представленных возрастных установок, молодые верующие будут стремиться уходить от соблюдения поста или модифицировать его под свои пищевые предпочтения и особенности здоровья.

В качестве социологической разведки привлекался анализ социальных медиа, а именно Youtube и Вконтакте, где цифровые авторы как светской, так и религиозной социализации активно высказываются по теме православных постов (Великого, Петропавлова, Успенского и Рождественского). В частности, через поиск по ключевым словосочетаниям «постные дни», «как поститься», «православный пост», «Рождественский пост», «Великий пост», «Успенский пост», «Петров пост» было выгружено в массив генеральной совокупности 28471 комментарий и пост. Далее анализ записей проходил согласно методике, озвученной в работе И. В. Богдана [1]. При помощи генератора случайных чисел было отобрано для контент-анализа 800 комментариев в Youtube и записей во Вконтакте.

Согласно полученным результатам (см. Табл. 1), весомую часть сообщений по теме православного поста составляют различные короткие и развернутые (на один или два абзаца) молитвенные выражения (49%), например, «*Слава Богу за Всё!!! Храни Всех Господь!!!*». Далее по частоте следуют молебствия за родственников-военнослужащих (9,1%), работающих в зоне Специальной военной операции. Тематически данные сообщения связаны с записями о православном посте тем обстоятельством, что чиноначалием предписывается усиленная молитва и забота о ближнем в дни поста. Примером такого речения может выступать следующее: «*Господи спаси и помилуй раба божия воина Евгения, и всех наших воинов*». Помимо этого широко представлены по вышеуказанным мотивам и молитвенные речения за здравие разных родственников, оставляемые в пост цифровыми авторами: *«ПОМОГИ ГОСПОДИ РАБАМ ГЕОРГИЕ И ГАЛИНЕ ИСЦЕЛИТСЯ ОТ БОЛЕЗНИ СПАСИ И СОХРАНИ НАС ОТ ОНКОЛОГИИ АМИНЬ».*

Следующий по частотности тематический блок сообщений (5,2%) повествует о сложностях держания поста, преимущественно сводящимися к описанию проблем:

1) коммуникации с родственниками и членами семьи;
2) держать пост в семье, где остальные не постятся;
3) поститься и соблюдать диету, предписания врачей;
4) соблюдать пост во время праздничного застолья;
5) держать пост и «не срываться на детей».

Данные сообщения демонстрируют мотивированность цифровых авторов поститься согласно предписаниям клириков, но из-за приведенных сложностей или обстоятельств, процесс поста «разрывается» или прерывается на совсем. В некоторых записях цифровые авторы указывают на сложность воспроизведения православного поста, разработанного в IV-V вв. н. э., в наши дни, когда окружение и среда совсем другие. Также цифровыми авторами критикуется принятое в российском православии «уравнивание» поста для мирян с Иерусалимским уставом. Необходимость в послаблении поста для взрослых мирян была отмечена и в результатах исследований А. В. Митрофановой [7].

Таблица 1

Основные темы сообщений про православный пост
в социальных медиа (Youtube, Вконтакте)

Тема	Тон	%
Молитвенное выражение	Нейтральный	49,0
Молитва за воинов	Нейтральный	9,1
Молитва за здоровье	Нейтральный	7,1
Сложности в соблюдении поста	Негативный	5,2
Важен пост духовный	Нейтральный	6,1
Индивидуальный пост	Положительный	4,3
Борьба со страстями, зависимостями, воздержание	Нейтральный	4,0
Пост придуман человеком, а не Богом	Негативный	2,0
Постимся постом приятным	Положительный	2,0
Все предопределено Богом, в пост необходимо покаяние	Нейтральный	1,5
Важен пост телесный	Негативный	1,1
Пост вреден для человека	Негативный	1,1
Разное	Нет	7,5

Следующий тематический блок (22,1%) сообщений в информационном поле посвящён различным аспектам православного поста, на которые уделяется повышенное внимание. Контрастно предписаниям чиноначалия в сообщениях ставится важным пост духовный (5%), заключающийся в чтении молитв, обращении к текстам Ветхого и Нового Завета, чтении акафистов и многим другим практикам, при этом пост телесный считается малозначимым. По церковным рекомендациям, данные пассажи интерпретируются как ориентирующие на «послабленный пост» [5]. Помимо этого тезиса также являются распространенными речения о приоритетности индивидуального поста. В высказываниях проговаривается, что:

– необходимо делать пост самостоятельно, а не в виде «обязательного»;

– необходимо поститься тогда, когда человек посчитает нужным и важным, без привязки к определённым праздникам и обстоятельствам;

– необходимо поститься по состоянию здоровья (данный аспект соответствует медицинским рекомендациям в пост).

Отчасти данный набор пассажей может соотноситься с зафиксированными исследователями проявлениями «сакрального индивидуализма» широко наблюдаемого в практиках современной российской православной общины [4]

Другой аспект православного поста в сообщениях представлен в виде борьбы со своими зависимостями и страстями, «грехами» (4%) («*Хотя пост в еде, не самое главное, а главное и первостепенное это работа с грехами, которых у нас с вами уйма. Вот тут работы непочатый край. И не один год*»). В записях также можно заметить призывы авторов «следить за своими устами» и воззвания «покаяться».

Также сюда примыкает небольшая группа сообщений, акцентирующих только «практики покаяния» во время поста (1,5%), поскольку, по мнению цифровых авторов, в мире действует «Божье предопределение».

Любопытна и тематическая группа сообщений, которые были промаркированы повторяющимся словосочетанием «Постимся постом приятным» (2%). Основные пассажи нацелены на совмещение устоявшихся пищевых привычек и соблюдение поста. Сравнивая это с рекомендациями чиноначалия [2], можно отметить, что это своего рода «подготовительный период» к посту, растягивание которого на указанное количество дней интерпретируется в инфополе как «соблюдение поста»: «*Только… вечером я ем кашу постную, утром с изюмом и сливочным маслом, например. На полдник что-нибудь мясное или рыбное. Обычно с овощами*».

Малочисленными являются речения, выделяющие отдельно и физическую (1,1%) «пользу православного поста», выражающуюся в следовании телесному посту и ограничении сексуальных контактов.

Отдельно можно выделить ряд сообщений, которые показывают протестно-настроенных цифровых авторов (2%). В своих пассажах они обличают духовенство и высказываются о полной бесполезности православных постов, обосновывая это «следованием фарисеям»: «*Для вас истина с Библии – это ересь, но зато убийства на войне и благословение оружия, православные праздники, посты, традиции и ритуалы – это дорогое для вас. Как раз вы похожи на фарисеев. Они придумали традиции и стали их насаждать людям*».

Другие «протестные» немногочисленные речения (1,1%) сконцентрированы на тезисе о вредности поста для человека с позиции медицинских рекомендаций: «*плоды поста очевидны: нарушение обмена веществ и снижение эффективности работы мозга, вследствие чего повышается внушаемость, что попам и требуется...*».

Специфику перцепции православного поста в соцмедиа дополнил проведенный анализ лемм и биграмм (слов и словосочетаний без учета морфологических вариантов). Так, из релевантных лемм получился следующий частотный набор: (благодарить (134), спасти (111), пост (98), человек (93), батюшка (74), поститься (64), помиловать (47), помощь (39), простить (36), ребёнок (36)). Из частотных релевантных биграмм выявлены отборы (грешный+аминь+благодарить, помиловать+грешный, согрешение+вольная, Господь+помочь, спасти+сохранить+Господь+воин, пост+обязательный, простить+Всемилостивый+Господь). Соответственно, наборы сложились из распространённых молитвенных высказываний. По ним отображаются несколько популярных тематик восприятия поста: помилование грешных, помощь Господа, прощение Господа, благодарение от грешных, поститься за согрешения вольные и невольные.

Поскольку молодые верующие в интервью указали, что в поисках информации о практиках в православии (и посте в том числе) обращаются также к социальным сетям, мессенджерам и сайтам православной тематики, то мы решили выяснить, какие интерпретации поста, распространённые в соцмедиа, усваиваются и воспроизводятся ими?

Обратимся к результатам полуформализованных интервью с представителями православной молодежи. Проводились интервью с молодежью православных приходов Екатеринбурга (2019-2022). Отбирались информанты в возрасте от 18 до 25 лет, кто несколько раз в месяц приступали к причастию и те, кто делали это реже (2-3 раза в несколько месяцев) (N=18).

Важно отметить, что критическое отношение к православному посту встречается в речениях воцерковленных молодых, которые держат пост многие годы и осведомлены в части богословских дискуссий:

«*У нас семья православная, у нас принято поститься, но дело в том, что современный постный календарь устарел с того момента, как был к нам принесен Иерусалимский устав, т. к. он не учитывает наш северный климат и возводится в догмат, игнорируя и каноны в том числе, в отношении поста в субботу и в воскресенье в дни Великого поста. Вред идет от уравнивания монашеского поста с мирянским. Еще Афанасий Сахаров предлагал сделать послабление для мирян, когда устав разрешает вино, разрешать мирянам молочные продукты – молоко, кефир и т. п*» (М., 21 г.).

Некоторые молодые православные, которые разочаровались в религии, не постятся и указывают на то, что во время ограничений их социальное окружение не стремится улучшить себя и развиваться и пребывает в «вечном гомеостазе»:

«*Я поста не держу, так это бессмысленная трата времени... В 19 лет я снял крест, просто положил его на стол во время обеда и сказал: «как и хотите, так и живите, но я этот крест больше никогда не надену!». Потому что я видел, что эти люди, которые называют себя православными, считают себя таковыми, они ходят в церковь, постятся... но это ничего им не даёт, они не развиваются духовно, они не меняются, абсолютно, они продолжают делать то же самое»* (М., 24 г.).

Помимо этого православные молодые нередко стремятся игнорировать уставные предписания и «поститься строго». В некоторых случаях респонденты отмечают, что важным фактором при решении поститься для них являются медицинские противопоказания, а не протест против Церкви:

«*Пост я не держу. В постной [еде] почти ничего меня не привлекает, можно так сказать, потому что это ни мясо, ни молоко – это всё то, что моё нелюбимое. Нелюбимое не потому, что я не хочу, просто у меня непереносимость молочного белка… Если о психологическом состоянии, то чувствую себя лучше, легче, если я поем гречку, прям рыбку и так далее, прям если мясом наемся. Только вот из-за этого*» (Ж., 23 г.).

В других случаях, по мнению информантов, православный пост ими воспринимается как ограничение личной свободы, как вред для здоровья человека:

«Вот постное я не ела. И я в этом участия не принимала. Я считаю, что пост — это вредно для здоровья, ограничивать себя в чем-то, насколько это ограничивает людей, издевательства над людьми» (Ж., 21 г.).

Таким образом, в речениях молодых верующих, под воздействием негативного эмоционального фона или конфликта с социальным окружением они стремятся уходить от соблюдения поста. При этом в высказываниях актуализируются пассажи из соцмедиа, указывающие на вред поста для здоровья, указывающие на индивидуализацию поста и сложности в его соблюдении, обусловленные следованием чиноначалия Иерусалимскому уставу. В целом, можно отметить, что на материалах интервью прослеживается частично «эмоциональный» протест молодежи против практик поста, в то время как в инфополе тиражируются немногочисленные сообщения, характеризующие протест против поста, основывающийся на неприятии самой церковной иерархии и доверии медицинским специалистам. Ещё одно существенное различие разворачивается в восприятии молодыми верующими именно телесного поста, в то время как в соцмедиа речения сконцентрированы вокруг поста духовного. Фрагментарно репрезентированным в инфополе, но не проговоренным в текстах информантов является тезис, согласно которому православный пост следует «подстраивать под себя», произвольно выбирая для него некоторое время и место, самостоятельно смешивая в меню и постную, и непостную пищу.

Данные различия также объясняются и тем фактом, что тезисы в информационном поле и предписания чиноначалия адресованы преимущественно взрослой аудитории, в то время как молодежные группы и их специфика попадают в «слепую зону» данных речений.

Литература

1. *Богдан И.В.* Образ фельдшера в социальных медиа и в восприятии населения Москвы // Здоровье мегаполиса. – 2023. – Т. 4, вып. 4. – С. 77–85.
2. Великий Пост. – URL: https://pravoslavie.ru/36495.html (дата обращения 10.11.2024).
3. *Груздева М. А., Короленко А. В.* Поведенческие факторы сохранения здоровья молодежи // Анализ риска здоровью. - 2018. - Вып. 2. - С. 41–51.
4. *Забаев И. В.* «Сакральный индивидуализм» и община в современном русском православии // Невидимая Церковь: социальные эффекты приходской общины в российском православии: Сб. ст. исследовательского семинара «Социология религии» (2011-2014). М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 31-49.
5. *Попов Н.* Пост – узда на наши страсти. Беседа с Андреем Овчинниковым. – URL: https://pravoslavie.ru/99578.html (Дата обращения 10.11.2024).
6. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. – 907 с.
7. *Mitrofanova A.* Orthodox Fasting in a Postsecular Society: The Case of Contemporary Russia // Religions. – 2018. – Vol. 9 (9). – Pp. 1–22.

УДК 316.342.6

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Низамова Лилия Равильевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. На материалах массового репрезентативного опроса по языковой проблематике с выборкой в 2000 респондентов – жителей в возрасте 18 лет и старше – раскрываются основные черты культурно-языковой идентичности населения Республики Татарстан, определяющие самобытность региона. В силу сложносоставного и многоуровневого характера коллективной идентичности оценка языкового компонента рассматривается в увязке с индикаторами территориального, этнического и национально-государственного самосознания граждан.

Ключевые слова: социальная идентичность, русский язык, татарский язык, билингвизм, Республика Татарстан, массовый опрос.

Социальная идентичность регионального сообщества в России является сложносоставной и включает этническую, религиозную, языковую, территориальную и пр. компоненты, по-особому преломляющиеся в национальном и глобальном контекстах; обладает устойчивостью во времени, не будучи при этом статичным явлением. Своеобразие и узнаваемость Татарстану как национальной республики Российской Федерации придает культурно-языковая составляющая идентичности, связанная с соседством и взаимодействием славянских, тюркских, финно-угорских и других народов (прежде всего русских и татар), православия и ислама, многочисленных языков и локальных сообществ. Социальная идентичность не только конструируется усилиями элит и закрепляется в региональном бренде [1], но также выражается в субъективных представлениях и самооценках жителей и раскрывается в данных массовых социологических опросов.

Репрезентативный опрос с выборкой 2000 респондентов, проведенный социологами Казанского федерального университета в 2018 году (Л.Р.Низамова, А.Н.Нурутдинова, А.М.Гараева), позволил раскрыть значимые характеристики прежде всего культурно-языковой идентичности, затронув и более широкую перспективу национально-государственного самоопределения жителей республики. Последняя связана с дискуссиями о мере совместимости или конфликтности национально-государственной (российской) и региональной идентичности, о приверженности своему региону или локальному сообществу как факторе поддержания или размывания общенациональной идентичности.

Татарстан в XXI веке по-прежнему остается двуязычной республикой, в которой население говорит не только на русском, но и на татарском языках. Другие – «третьи языки» – тоже применяются, но крайне мало. Более половины жителей Татарстана (53%) сообщили, что в населенном пункте, где они живут, большинство населения говорит, как на татарском, так и на русском языках, еще 24% – на русском языке, почти 20% – на татарском языке, менее 2% – как на русском, так и на другом языке, и полпроцента – на другом языке (то есть чувашском, удмуртском и пр.). Использование языков в городе и селе заметно разнится: если в городе более 60% опрошенных сообщили о двуязычности своих земляков, то на селе преобладающим стало применение татарского языка – 64% говорят на нем. Соответственно, в сельской местности реже можно встретить русский монолингвизм (10%) или русско-татарское двуязычие (21%); 3% упомянули иное двуязычие: использование русского и своего языка, еще почти 2% – другого языка.

Русский и татарский языки в Татарстане не просто соседствуют, но одновременно используются большинством жителей. Превалирующая доля опрошенных (66%) считает, что население республики можно назвать билингвами, не согласных с этим – 18%, затруднилась с ответом представительная доля в 16,5%. Примечательно, что этнические татары заметно чаще сообщали о билингвальности татарстанцев (73%, среди русских таковых было 58%), реже

возражали – 15% и затруднялись с ответом – 12%. Кроме того, интересно, что заметно бóльшая доля сельчан (73%) в отличие от горожан (63%) соглашалась с тем, что большинство жителей Татарстана являются билингвами, то есть применяют и русский, и татарский языки. Почти такое же распределение можно видеть и в оценках языковых практик большинства жителей места своего проживания: на селе 72% респондентов полагали, что большинство земляков являются билингвами. Это, как кажется, противоречит вышеприведенным данным о преобладании татарской речи в сельской местности, но объясняется тем, что языковые компетенции не сводятся к умению говорить, но предполагают также компетенции понимания, чтения и письма, освоенные сельчанами и на русском языке.

Межэтнические отношения в Татарстане оценивались как преимущественно спокойные (45%) и гармоничные (28%); проявляли озабоченность, квалифицируя их как напряженные и кризисные, менее 4% опрошенных. Каждый пятый назвал их удовлетворительными. Примечательно, что ситуация в республике воспринималась более позитивно, чем в стране в целом. В оценках состояния межэтнических отношений в России наиболее распространенными определениями были: спокойные (42%) и удовлетворительные (26%); гармоничными и благоприятными их сочли около четверти (23%) жителей Татарстана, а напряженными и кризисными – около 5%. Представители двух основных этнических групп Татарстана – татары и русские – не расходились сколь-нибудь существенно в своих оценках состояния межэтнических отношений в республике (различия не превышают величину статистической погрешности), однако можно заметить, что доля татар, считающих межкультурный климат в регионе гармоничным и благоприятным, на 5% превышает данный показатель у этнических русских. Аналогично жители Казани чуть чаще (на 5%), чем сельчане, дают наиболее позитивную оценку ситуации и, напротив, среди сельчан на 7% больше доля, выбравших удовлетворительную оценку (23%, в Казани таковых – 16%). Объяснение территориальных различий требует дополнительных исследований, так как они не связаны с большей интенсивностью межкультурных контактов на селе, но могут иметь причиной более широкий круг социальных проблем, вызывающих чувство социально-экономической депривации у жителей села, которая в свою очередь проецируется в пространство межкультурных отношений.

Национально-государственная составляющая социальной идентичности жителей Татарстана замерялась вопросом: «Кем Вы себя больше чувствуете – татарстанцем или россиянином?» Наиболее распространенным стал ответ «в равной мере татарстанцем и россиянином» (47%), свидетельствующий о том, что общенациональная и региональная идентичности очень часто являются не конкурирующими, а взаимодополняющими. Еще почти 28% выбрали ответ «больше россиянином», а 23% – «больше татарстанцем» при небольшой доле затруднившихся ответить. Примечательны территориальные различия в ответах на этот вопрос. Хотя идентификация одновременно с россиянами и жителями республики была преобладающей во всех типах поселений (г. Казань, другие города, село), казанцы отмечали ее чуть реже, чем живущие вне региональной столицы, часто выбирая приверженность только стране в целом (38%, тогда как среди сельчан себя так ощущают лишь 12%). И наоборот, среди сельчан вторым по распространенности стал ответ «больше татарстанцем» (39%, в Казани такой выбор сделали 16% опрошенных). Среди возрастных групп особую лояльность своему региону демонстрирует старшее поколение в возрасте 55 лет и старше (28% в отличие от молодежи – 20%). Второй по распространенности среди молодежи ответ – «больше россиянином» (28%); его разделяют около четверти представителей старшего поколения.

Подавляющее большинство респондентов соглашались с предположением, что билингвальность жителей Татарстана позволяет предотвращать конфликты на языковой почве (59%). С разной степенью уверенности этому возражал каждый пятый, причем наибольшая доля уверенных противников была присуща региональной столице – г. Казань, где об этом сообщили 13% (тогда как на селе таких около 4%). Социологический опрос позволил не только выявить фактические установки, мнения и практики жителей Татарстана, но и разделяемые ими образы будущего. Перспективы развития языковой ситуации в Татарстане большинство связывают с тем, что Татарстан в будущем должен оставаться двуязычной республикой (71%). Заметно

реже озвучивались ожидания, что «русский язык должен стать основным во всех сферах жизни» (19%) или что на главенствующую роль может претендовать татарский язык (5%).

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что социальная идентичность жителей Республики Татарстан, как и в предшествующие десятилетия, имеет многоуровневый характер и сложное устроение, которое следует принимать во внимание как политикам, так и ученым.

Литература

1. *Макарова Г.И.* Образ Татарстана в стратегиях региональных элит и в массовом сознании: монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. – 308 с.

УДК 316.342.6

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ СИБИРИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Орлова Анна Владимировна
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы формирования этнической идентичности через национальные интернет-сообщества. Описывается значимость виртуальной коммуникации в процессах идентичности. Приводится анализ национальных интернет-сообществ Сибири в социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, интернет-сообщества, Сибирь.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»)

Формирование идентичности происходит в процессе взаимодействия человека с институтами, которые исторически сложились в данном обществе, с господствующей идеологией, а также с людьми с которыми он вступает в различные контакты (экономические, психологические, семейно-бытовые). Большое влияние на формирование идентичности оказывает и национальная принадлежность, которая формируется в рамках определенного социального и символического пространства, в процессах межличностного общения и взаимодействия индивида с членами своей референтной группы. Необходимость человека идентифицировать себя с определенной социальной группой, ролью и т. д. связана с потребностью упорядочить свою жизнедеятельность, удовлетворить которую возможно только в сообществе других людей. А для этого ему необходимо выбрать из множества господствующих в сообществе видов норм, привычек, культурных ценностей, которые приняты принадлежащими данному сообществу людьми. Принятие существующих в обществе норм, ценностей, идеалов, помогает в выборе типа и манеры общения. Человек, идентифицируя себя с какой-либо группой, общностью сам того не осознавая, становится ее частью, начинает жить по ее правилам, происходит деление «на своих» и «чужих». Обладая схожими признаками, мы быстрее находим контакт, общий язык с собеседником, что позволяет быстрее наладить коммуникацию [5, с. 62].

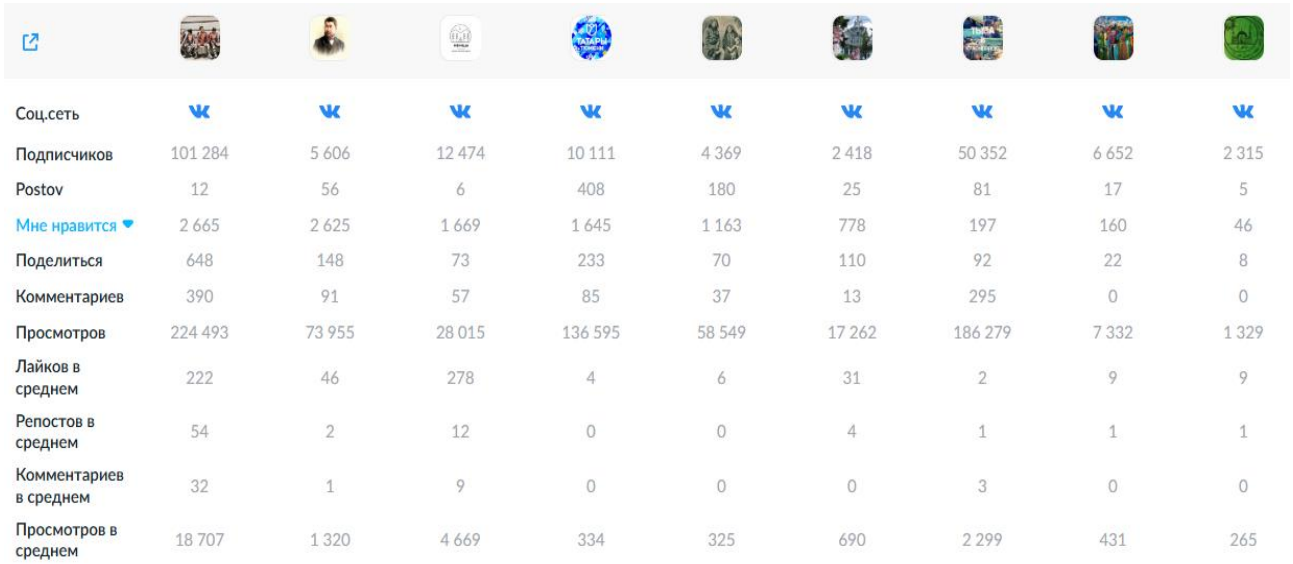
В современном мире цифровое пространство начинает играть одну из основных ролей как в профессиональной, так и в повседневной жизни. Именно социальные сети становятся площадкой для коммуникации. В них пользователи могут восполнять недостаток общения, близости со значимыми людьми [4, с. 56]. Виртуальное пространство становится также и площадкой для сохранения культуры и истории, через сообщества, где размещаются архивные и современные фото- и видеоматериалы, организуются виртуальные и реальные экскурсии [2].

Через социальные сети есть возможность ознакомить другие сообщества с национальной культурой, рассказать о традициях и выйти с локального на региональный уровень.

Формирование этнической идентичности происходит всю жизнь и ее «выраженность зачастую зависит от особенностей этно-контактной зоны, чем более разнообразной по этническому составу является среда общения, тем больший потенциал создается для формирования этнической идентичности» [3, с. 261].

Данные о пользователях интернета и социальных сетей в России свидетельствуют о широком вовлечении общества в социальные сети. Так, в апреле 2024 г. 73,5 % жителей России являлись пользователями социальных сетей [1]. В тройку лидеров социальных медиа входит «ВКонтакте» (месячный охват – 74,3 % населения) [6]. Эта сеть является крупнейшим и быстрым способом общения с широким набором возможностей создавать как личные страницы, так и сообщества, объединяющие разных людей. Нами были проанализированы национальные сообщества Сибири в «ВКонтакте», учитывались лишь «живые» сообщества, то есть те, в которых самая поздняя дата последней публикации – март 2024 г. Всего было проанализировано 119 сообществ, из них в ЯНАО – 14; ХМАО – 8; Тюменская обл. – 15; Кемеровская обл. – 32; Иркутская обл. – 9; Томская обл. – 8; Красноярский край – 13; Республика Хакасия – 3; Республика Тыва – 17. По среднему количеству подписчиков лидируют интернет-сообщества Республики Тыва (41 117,2 чел.), наименьшее среднее количество в Кемеровской области (562,8 чел.). Что может говорить о большой вовлеченности жителей Тывы в социальные сети. Большинство сообществ отражают культуру коренных народов региона (60 сообществ). Публикация постов, а также общение внутри сообществ осуществляется преимущественно на русском языке, что позволяет использовать больше возможностей узнать о культуре малых этносов. Также, сообщества не являющиеся национальными по составу так или иначе отражают культуру своих регионов: освещают национальные праздники, обычаи, традиции. Это в эпоху глобализации позволяет сохранять и транслировать этнические культуры.

Нами также было проведено пилотажное сравнение самых больших сообществ (по количеству подписчиков) с помощью сервиса для сетевого анализа сообществ в различных социальных сетях – Popsters (https://popsters.ru/). Результаты этого сравнения говорят о том, что не всегда сообщества с большим количеством подписчиков являются активными (количество просмотров, реакций на посты). Это требует дополнительного анализа, в частности, насколько активно и как проявляются национальные, либо этнокультурные коммуникации в регионе, какие проблемы актуальны и обсуждаемы национальными сообществами и т. д.



Соц.сеть									
Подписчиков	101 284	5 606	12 474	10 111	4 369	2 418	50 352	6 652	2 315
Postov	12	56	6	408	180	25	81	17	5
Мне нравится	2 665	2 625	1 669	1 645	1 163	778	197	160	46
Поделиться	648	148	73	233	70	110	92	22	8
Комментариев	390	91	57	85	37	13	295	0	0
Просмотров	224 493	73 955	28 015	136 595	58 549	17 262	186 279	7 332	1 329
Лайков в среднем	222	46	278	4	6	31	2	9	9
Репостов в среднем	54	2	12	0	0	4	1	1	1
Комментариев в среднем	32	1	9	0	0	0	3	0	0
Просмотров в среднем	18 707	1 320	4 669	334	325	690	2 299	431	265

Рис. 1. Анализ сообществ Сибири в сети «ВКонтакте»
(данные сервиса Popsters (https://popsters.ru/)

Таким образом, можно говорить о широкой распространенности в социальных сетях этнической тематики (национальные сообщества; демонстрация участия населения регионов в национальных праздниках (фото и видео), посты, творчество и т. п.). Свободный доступ к информации об особенностях различных культур, общение с представителями разных народов позволяет человеку расширить представления об этносах, а, следовательно, и идентифицировать себя.

Литература

1. Цифровая Россия 2024: интернет и социальные сети в цифрах. – URL: https://blog.manufact.pro/2024/07/01/digital-russia-2024/ (дата обращения: 17.11.2024).
2. *Гладченко И.А.* Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Terra Linguistica. – 2019. – № 2. – С. 30–43.
3. *Иванова Н.* Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования // Журнал этнологии и культурологии. – 2006. – Т. 1. – С. 259–265.
4. *Тарасова Т.В., Тарасов Р.С., Мухадинов В.Р., Саушев И.В.* Использование социальных сетей в реализации коммуникативной функции общения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2015. – № 4(32). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sotsialnyh-setey-v-realizatsii-kommunikativnoy-funktsii-obscheniya (дата обращения: 17.11.2024).
5. *Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность в когнитивно-эпистемической системе культурологии (начало) // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 62–67.
6. Mediascope. – URL: https://mediascope.net/data/ (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 316.342.6

СИМУЛЯКР ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Петросян Давид Сергеевич

Северо-Кавказский Федеральный Университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Статья посвящена разбору теоретических концепций, лежащих в основе построения концепции цифрового общества, в условиях которого идентичность может выступать как симулякр. Становясь гиперреальным, цифровое общество оказывает воздействие на человеческое поведение и восприятие, что приводит к изменению представления об идентичности. Идентичность как симулякр проявляется в онлайн-взаимодействии. С одной стороны, она выступает как симулякр на основе взаимодействия не столько реальных людей, а скорее их аватаров, с другой, позволяет неопределённость реальности собственной идентичности постоянно подталкивает пользователи на её переосмысление и выход из-под влияния симуляции через диалог с другими пользователями.

Ключевые слова: цифровое общество, дискурс, язык, идентичность, симулякры.

Достижение комплексности методологии, лежащей в основе эмпирических исследований в области социологии, осуществляется за счёт регулярного обращения и пересмотра содержания фундаментальных теоретических концепций. Это позволяет понять, к каким методам целесообразно обращаться в ходе изучения того или иного социального феномена. Когда его изучение привязано к какому-либо дискурсу, необходимо в первую очередь объяснить, что в нашей логике построения рассуждений понимается под дискурсом. В данном случае, чтобы понять, почему идентичность может рассматриваться как симулякр, необходимо разобраться с тем, чем является дискурс цифрового общества. Перед этим важно уточнить, что рассмотрение

идентичности как симулякра не является единственным представлением о данном феномене в условиях цифрового общества.

Термин «цифровое общество» используется в данной работе в попытке не допустить ошибку, о которой говорил Э. Тоффлер в «Третьей Волне», а также об ошибке социологических исследований, которая объясняется во «Введении в акторно-сетевую теорию» Б. Латура. Так, в «Третьей Волне» Тоффлер критикует все ранее выдвинутые (в том числе и свою идею о супериндустриальном обществе [8, с. 32]) попытки дать название новому «типу» общества. Объясняет учёный это тем, что подобные действия не передают комплексность той реальности, которая формируется в результате новых глобальных социальных преобразований, вызванных скачком научно-технического прогресса. Общество становится сложнее, следовательно и происходящие в нём процессы не совсем корректно изучать, опираясь на сведение его к какому-либо типу. В совокупности с этим актуальна и критика социологических теорий Б. Латура. Учёный объясняет, что слабая сторона многих социологических теорий заключается в постоянном цикле между определением реального и искусственного. На примере с процессом группообразования Латур объясняет, что во многих социологических работах исследование начинается с какой-либо «привилегированной» группы, которой отдаётся предпочтение. Он выступает против данного подхода, объясняя это тем, что в исследовании таким образом существует риск доминирования доводов ученого над изучаемым объектом (в данном случае над содержанием поведения и речью акторов) [6, с. 45]. Иными словами, то, что провозглашается в результатах исследования реальным, на самом деле может являться скорее навязанным как реальное. Так, содержание общей ошибки, выведенной на основе положений из работ Тоффлера и Латура, заключается в том, чтобы не допустить сведение аргументации к доводам о единственной истинности выдвигаемых суждений, что позволит добиться представления большей комплексности изучаемого феномена.

Перейдём к содержанию термина «цифровое общество». В обороте он стал использоваться после концепции Н. Негропонте о «цифровом бытие», изложенной в работе «Быть цифровым» [12, с. 84]. Полноценное определение можно найти в переводе «Акта о формировании Цифрового Общества» японского законодательства. Под цифровым обществом понимается следующее [10]: «… Общество, в котором творческое и здоровое развитие достигается во всех сферах через бесплатное и безопасное глобальное приобретение, обмен и передачу широкого диапазона информации и знаний с помощью Интернета и других коммуникативных сетей, а также за счёт использования информационных и коммуникативных технологий, включая искусственный интеллект, Интернет вещей, сервисы облачного вычисления, а также других продвинутых технологий, обеспечивающих более высокую пропускную способность обработки данных, чтобы надлежащим образом и эффективно пользоваться электронной информацией или хранящейся на магнитной записи…». Особенно внимание в данном определении, на наш взгляд, следует обратить на вариативность транслируемых информации и знаний по соответствующим каналам с характерными для них особенностями. Это позволит сформировать представление о том, в каком виде передаётся контекст сообщений, а следовательно, понять, почему в дискурсе цифрового общества идентичность может пониматься как симулякр.

Разберёмся, что мы подразумеваем под дискурсом цифрового общества в данной работе. В науке понятие дискурса связано с системой исторически-сложившегося научного знания. Исходя из этого, вероятно, что под дискурсом цифрового общества понимается совокупность тех научных знаний, которая отражает особенности и характеристику бытия в условиях влияния цифровизации на общество. Если бы общество, особенно в эпоху современности и грядущих преобразований, строилось сугубо на основе опыта, полученного методом научного познания, мы бы могли с уверенностью так утверждать. Благодаря вкладу М. Фуко в изучение истории развития знания, о котором писал Ж. Делёз в «Фуко», представление о дискурсе претерпевает существенные изменения. Его археологический метод позволил, как отмечает Делёз, доказать, что знание остаётся знанием, независимо от того, к какой сфере оно принадлежит, будь то научные тезисы, повседневные высказывания, «шизофреническая бессмыслица» [5, с. 44], литература и т.д. Следует отметить, что у знаний всё равно отсутствует «дискурсивная

эквивалентность», что, во-первых, объясняется на основе лингвистического взгляда Т. Ван Дейка. Существование экстралингвистических факторов [4, с. 8] приводит к тому, что у акторов коммуникативных процессов изначально выстраиваются разные представления об окружающем мире. Во-вторых, отсутствие дискурсивной эквивалентности знаний можно объяснить на основе фундаментальных преобразований языка. Так, в работе «Слова и вещи» Фуко отмечает, что язык становится отдельной реальностью, возвышающейся над человеческой субъективностью. Выступая отдельной реальностью, язык формирует в человеческом сознании неосознанное представление о том, что в ходе коммуникативного обмена контекст транслируемых сообщений подчиняется его воле [9, с. 322]. Язык как отдельная реальность становится фундаментом, на который в дальнейшем надстраиваются социокультурные механизмы. Следовательно, язык и определяет то, как будут формироваться компоненты общественной системы. На примере можно объяснить, что предметная область знаний аналитика данных сформирует у него представление о цифровом обществе, отличающееся от того, что сложилось у шеф-повара, но это не означает, что последний живёт в другом мире или имеет неправильное представление о нём, как и наоборот. И так, дискурсом может являться не конкретное научное знание, оно лишь его вид. В понятие дискурса входит вся потенциально возможная вариативность накопленных и вырабатываемых знаний, транслируемых по коммуникативным сетям в различных формах. При их воздействии на участников коммуникативных процессов вырабатываются ценности, идеи, идеалы, установки, формируется мировоззрение и другие компоненты, влияющие на процесс формирования идентичности. В цифровом обществе они передаются не только в форме речевых сообщений в их традиционном понимании. Цифровизация меняет характер коммуникации, создавая платформы для бесконечного воспроизводства символического обмена между участниками коммуникативных процессов. Поэтому меняется и характер самой окружающей действительности. Условия бесконечного воспроизводства знаков отсылают нас к идеям о гиперреальности, симулякрах и симуляции, изучаемых Ж. Бодрийяром, которые позволят подытожить, что входит в понятие дискурса цифрового общества. Ж. Бодрийяр разбирает контекстуальное значение понятия «реальность» и приходит к тому, что на высшем уровне она становится гиперреальной, то есть заранее воспроизведённым пространством посредством бесконечного обмена симулякрами с целью достижения эйфории от симуляции [2, с. 152]. Условия для данного направления развития общества (Бодрийяр это называл «гиперреальной цивилизацией» [3, с. 22]) формировались ещё с начала второй половины XX столетия, но полноценно проявляться стали с возникновением Интернета, преобразовавшем процессы и систему коммуникативного обмена. Ещё до его возникновения существовали различного рода возможности манипуляции человеческим сознанием и восприятием через масс-медиа и опору на фетишизацию воображаемого [7, с. 46], о чём писал в своей работе «Понимание медиа» М. Маклюэн. На основе вышеизложенных положений мы приходим к тому, что дискурс цифрового общества составляют знания об окружающей действительности, которые транслируются по различного рода каналам и информационным источникам, при этом содержащие в себе аспект манипуляции человеческим сознанием за счёт погружения участников коммуникативных процессов в систему бесконечного символического обмена. Как всё это в совокупности позволяет нам говорить об идентичности как о симулякре? Для этого сравним классическое представление об идентичности с тем, как оно преобразовалось под влиянием изменений, обозначенных в работах выше.

Если обращаться к классическим социологическим теориям, то у Дж. Мида в работе «Разум, Я и Общество» объясняется, что идентичность у индивида в обществе вырабатывается через реакцию окружающих на его действия, когда он подстраивается под условия ситуации. В качестве примера Мид ссылается на случай, когда группа людей помогает утопающему [11, с. 273]. Присоединившийся к группе человек на основе чувства достижения группового результата идентифицирует себя согласно взаимодействию с этой группой. Поскольку в обществе люди повязаны социальными связями, определяющими характер и назначение их деятельности, построение идентичности тесно связано с тем, как действия одного человека соотносятся с окружающими людьми. Важный вклад в представление об идентичности вносит

социальный конструктивизм. В работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана выработка идентичности (или «целостного Я», как учёные её называют) рассматривается авторами в контексте её смысла и возможности реифицирования. Идентичность имеет смысл только тогда, когда она соотносится с определённой системой знания [1, с. 112]. Возможность её реифицирования связана с формирования у окружающих предварительно сложившихся предрассудков на основе соотнесения индивида по его идентичности к какой-либо типизации [1, с. 150]. Как изменяется представление об идентичности в условиях цифрового общества? Для этого обратимся к трудам Ш. Тёркл «Жизнь за экраном: идентичность в эпоху Интернета» и «Одиноки вместе: почему мы ожидаем больше от технологий и меньше друг от друга». В «Жизни за экраном» Тёркл подчёркивает такую значимую роль симуляции в преобразовании человеческой повседневности как ответ на человеческую усталость от образа реальности. Она называет это «эффект искусственного крокодила» [14, с. 237]. Заключается он в том, что фальшивое становится для человеческого сознания привлекательнее, чем реальное. Тёркл объясняет это, как масс-медиа влияет на человеческое восприятия посредством определённых технологий манипуляции. Опыт непосредственного взаимодействия, который в некоторой степени обесценивается, обычно является неразобранным и предполагает от индивидов составление своего представления. В медиа же информация уже передаётся интерпретированной и является чьим-то представлением о реальности. Так работают институты, занимающиеся той или иной пропагандой, навязывая компоненты, которые ложатся в основу формирования идентичности. Но тогда здесь напрашивается вопрос, а можно ли тогда идентичность считать симулякром, если у неё есть источник? В данном контексте медиа выступает скорее посредником или каналом, который транслирует именно образ того, что произойдёт с человеком, если он будет следовать предложенным инструкциям. Так работает реклама, мода с громкими лозунгами об изменении своей жизни при приобретении товара или услуги на определённой платформе. Эффект воздействия виртуальности на человеческое восприятие, как замечает Тёркл, может быть настолько привлекателен, что у пользователя формируется представление о достижении в цифровой среде большего, чем у него есть за её пределами [14, с. 238]. Она в этом контексте приводит примеры людей, которые осуществляли деятельность под противоположным гендером, чтобы «понять, какого это принадлежать к противоположному полу». Несмотря на то, что учёная понимает смысл этих действий, она всё же делает акцент на том, что физиологические особенности организма невозможно симулировать. Можно сколько-угодно по разным причинам идентифицировать себя с определённым гендером, но физиологические особенности организма доминируют над эффектом симуляции (если, конечно, не учитывать случаи, когда подобные «игры в идентичность» являются серьёзным заболеванием, требующим медикаментозного лечения). В «Одиноких вместе» Тёркл приводит пример о том, как онлайн-деятельность молодого человека в группе друзей повлияла на его поведение в реальной жизни. Все в группе знали друг о друге за пределами онлайн-пространства, поэтому изменение поведения молодого человека выглядело для остальных смешным и совсем не в его манере поведения, но это привело к испорченным отношениям между в группе [13, с. 195]. На основе другой секции примеров с построением идентичности вокруг обустройства деталей своего профиля в соцсети Тёркл выдвигает тезис о том, что это для опрошенных возможно является единственным обдуманным процессом до их погружения в активное коммуникативное пространство Интернета. Идентичность в этом контексте также выступает симулякром, поскольку в ходе коммуникативных процессов взаимодействуют не реальные люди и носители пересекающихся атрибутов, а аватары с набором предписаний на их страницах. Здесь возможно напрашивается вывод о том, что Интернете способствуют усугублению проблемы разрыва между реальным и виртуальным. Тёркл сама утверждает, что простого ответа на вопрос, является ли Интернет тем пространством, где необходимо выполнять осознанные действия, не существует. С другой стороны, эта неопределённость создаёт основания для начала диалога между пользователями, как в противовес подмечает учёная [13, с. 277]. Они заключаются как раз в том, что перед ними возникает необходимость размышления над тем, какие ценности определяют смысл их жизни. Даже если их идентичность первоначально является симулякром, при

осознанном подходе существует возможность выхода из цикла эстетических наслаждений симуляцией.

Таким образом, рассмотрение понятия идентичности в дискурсе цифрового общества как симулякра связано с особенностями коммуникативного пространства, в которое попадают акторы. Существование симуляции абсолютной свободы, которое достигается путём активного воздействия на общество информационно-компьютерными технологиями, формирует неопределённость в представлении о собственной идентичности, о самих её истоках и о том, пересекается ли она качественно с личностными чертами пользователя за пределами его виртуальной жизни. С другой стороны, симуляция создаёт основания для стимуляции переосмысления смысла собственной жизни, помещая пользователей в коммуникативную систему цифрового общества.

Литература

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М. : Медиум, 1995. – 337 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М. : Добросвет, 2000. – 390 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. – М. : ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
4. *Ван Дейк Т.* Язык, познание, коммуникация. – Казань : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
5. *Делёз Ж.* Фуко. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
6. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М. : Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
7. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. – 464 с.
8. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.
9. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. – СПб. : A-cad, 1994. – 408 с.
10. Japanese Law Translation. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4447/en (дата обращения: 17.11.2024).
11. *Mead G.H.* Mind, self, and society. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 401 p.
12. *Negroponte N.* Being Digital. – London: Hodder & Stoughton, 1995. – 243 p.
13. *Turkle S.* Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – New York: Basic Books, 2011. – 360 p.
14. *Turkle S.* Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – New York: Touchstone Books, 1997. – 352 p.

УДК 316.342.6

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА РЫНКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Русанова Екатерина Игоревна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Российская правовая система взаимодействует с Евразийским экономическим и правовым пространством посредством сформированной современной международной правовой системы. Рынок юридических услуг России имеет свои исключительные особенности, которые оказывают воздействие на выстраивание социального взаимодействия в среде глобальных межстрановых изменений. Социальное программирование находится в основе институционального взаимодействия социальных институтов и их влияния на целевые группы,

на социальную структуру населения в целом, а также на социальную культуру и правовое сознание населения нашей страны, которое поддерживает вектор международной интеграции.

Ключевые слова: юридические услуги, рынок, правовая система, социальное программирование, социальные институты, функции, дисфункции.

В пределах социальной организации современного типа общества общеобязательные правовые нормы закрепляют порядок социального взаимодействия между индивидами, социальными группами, формальными и неформальными общностями, социальными институтами и социальными слоями, а также определяют по социальным категориям и признакам либо, как допускаемые в обществе отношения, либо, как асоциальные взаимодействия. Необходимо указать на то, что в границах экономического и правового сотрудничества некоторых стран на территории Евразийского пространства (ЕАЭС) действует процедура реадмиссии, то есть принудительного возвращения мигрантов. Подобная международная юридическая процедура обеспечивается за счет не только выстроенной в России функционирующей системы права, но и официально поддерживаемого курса правовой и миграционной политики, где государство поддерживает социальный порядок внутри общества, воздействуя тем самым на миграционную привлекательность среди стран-участниц на арене международной конкуренции и Евразийского пространства [1, с.162]. При этом организационно-структурные элементы института права в лице органов исполнительной власти фактически удерживают социальный порядок внутри общества, в том числе и благодаря социальному контролю со стороны многонационального населения.

Политической системой общества признается комплексный конституционно-правовой институт [2, с.500]. Состав фактических структурно-функциональных элементов социальных институтов определяется и строится под влиянием правовой политики государства. После смены коммунистической формации исторически сохраняется право государства (в лице государственного аппарата и его должностных лиц) на принятие государственно-значимых решений, это право проистекает из самой сущности государственной власти и государственного влияния. Вместе с тем современное социальное программирование в России обеспечивает структурную гибкость отечественных институтов власти и права для решения социальных проблем и удовлетворения социальных потребностей [3, с.9]. Таким образом, государственные структуры используют социальное программирование в качестве инструмента в части правовой политики. Центральное место в социальном программировании отдается социальным потребностям, то есть особенному виду потребностей индивидуума, а именно таких, которые созданы самим обществом. Все человеческие потребности прорастают по ходу общественно-исторического процесса развития [4, с.571-572.]. Современное социальное программирование имеет своей направленностью разрешение возникающих социальных проблем в обществе согласно форме общественного правосознания с одной стороны и государственного принуждения с другой. Следует отметить, что социальные программы могут нести в себе двойственность и неясность, так как в основе находится нравственность, а не сложные технологические процессы и/или процедуры технологий. То есть, социальное программирование в России – это различные виды программ, которые всегда направлены на решение признанных в обществе социальных проблем. Социальные программы могут быть направлены на изменение взаимоотношений и общественного поведения, человеческих знаний, ценностей личностей, организаций и институтов. Реализация социальных программ подразумевает социально-экономический эффект в виде удовлетворения потребностей социума, где главным критерием выступает степень их удовлетворения [5, с.55].

Современные российские социальные программы проходят этап подготовки в виде социологической экспертизы. Но уже достаточно давно озвучена научная точка зрения о недостаточности социологической экспертизы и необходимости институционализации российской гуманитарной экспертизы социальных программ, проектов и государственно-значимых решений, и такая гуманитарная экспертиза в инновационную эпоху человечества должна строиться

на широком диалоге с обществом для обеспечения потребностей и интересов людей [6, с.116-117].

Социальное программирование, как научно обоснованный процесс планового решения актуальных проблем на всех уровнях социальной организации общества, позволяет внедрять новые социальные институты, которые способны обеспечить развитие социума [7, с.418]. Социальная программа может включать несколько социальных проектов, также она имеет свою особенную цель, задачи, паспорт программы, структуру программы и план. Конечно, далеко не все социальные проблемы решаемы в стране, поэтому социальное программирование предназначается для смягчения и/или профилактики возникновения социально-значимых проблем в обществе. Более того, с социологической точки зрения социальное программирование следует относить к социальным механизмам посредством функциональных требований (потребностей и предпосылок существования) [8, с.429]. Так как государство говорит со своим социумом на языке права, то даже при статике социальной структуры общества, внедряя программы/проекты/решения через организационно-структурные элементы социальных институтов в обществе наблюдаются последствия, способствующие адаптации или приспособлению социальной системы (то есть функций или функциональные последствия), а также в случаях уменьшения адаптации или приспособления (то есть дисфункций или дисфункциональные последствия) [8, с.428].

В социальном программировании подразумевается воздействие на определенные целевые группы внутри социальной реальности, что логически должно более точно и правильно обеспечивать защиту общества от дисфункций системы и повышать уровень качества жизни благодаря выполнению функциональных требований общества. Таким образом, государство как бы внедряет альтернативу или эквивалент государственно-правового контроля через реализацию актуальных социальных программ, подталкивая к функциональным изменениям и совершенствованию в местах напряжения или деформаций в социуме.

Институты права поделены на отраслевые и смешанные (межотраслевые) институты по отраслям права, они регулируют однородные общественные отношения. К примеру, как орудие социального контроля, нормы уголовного права занимают особое место в структуре системы права, они наделяют государство властью над жизнью, свободой, честью и достоинством людей, а также над собственностью [9, с.362].

Современная система институтов права разделяется на отрасли права: конституционное, уголовное, административное, гражданское, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, трудовое, налоговое, земельное, экологическое, авторское, патентное и многие другие. В каждую отрасль права включаются нормы, которые объединяются, составляя базис системы права, и отражают собой правовую жизнь общества [10, с.10]. В системе права каждая отрасль права закладывает первооснову для института права, так как любая отрасль регулирует, как уже выше указано, однородные общественные отношения посредством норм права. Российская правовая система, как настроенный порядок организации и расположения элементно-структурных единиц социально-правовых институтов, включает помимо системы норм права по отраслям специальных знаний юриспруденции также юридическую практику, правосознание, правовую культуру, правовую идеологию.

Следует перейти к описанию институционального взаимодействия в рамках правовой системы РФ, также необходимо углубиться до построения современного российского рынка юридических услуг, чтобы выявить некоторые уникальные особенности в границах национальной системы права, взаимодействующей в международном пространстве. Ведь взаимоотношения акторов на рынке юридических услуг являются не только примером рациональной организации порядка через законодательные нормы согласно государственно-правового устройства, но и порядком, основанном на законах рыночной экономики и обычаях делового оборота [11, с.21]. Более того, в России общепринято, что взаимоотношения, построенные на соглашении либо договоре, относятся к области института частного права (то есть в рамках гражданского, гражданско-процессуального отраслей права), такие отношения предполагаются по горизонтали между личностями. Но при иерархии и субординации речь идет о

вертикальной ветви государственной власти, где государство и его структурные органы распространяют власть над любой личностью в обществе и такие отношения между государством и индивидуумом относят к области действия института публичного права (в него входит уголовное право, административное право и другие).

Согласно государственно-правового устройства по вертикали власти в РФ в систему функционирующих структурно-организационных элементов института права в области оказания юридических услуг (в том числе юридической помощи) на территории РФ следует отнести: Президента РФ (включая совещательные и консультативные органы при Президенте РФ, к примеру, Совет по развитию гражданского общества и правам человека); Федеральное Собрание РФ; Правительство РФ (включая Правительственные комиссии по различным вопросам); Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; Федеральные суды общей юрисдикции; Федеральные арбитражные суды; мировые судьи общей юрисдикции субъектов РФ; Министерство юстиции РФ и территориальные органы; Министерство внутренних дел РФ и территориальные органы; Генеральная прокуратура РФ, нижестоящие прокуроры и территориальные органы; Уполномоченный по правам человека в РФ (включая Аппарат уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ); Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка (включая Уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ); органы исполнительной власти РФ и субъектов РФ, а также подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро; государственные нотариусы; местные органы власти. По горизонтали общественных отношений в систему функционирующих структурно-организационных элементов института права в области оказания юридических услуг на территории РФ следует отнести: Нотариат (частно-практикующие нотариусы, Федеральная нотариальная палата РФ, Нотариальные палаты субъектов РФ); Адвокатура (юристы в статусе адвокатов, Федеральная палата адвокатов и палаты адвокатов субъектов РФ, а также коллегии адвокатов, адвокатские кабинеты и адвокатские бюро на территории субъектов РФ); юридические бизнес-фирмы (ИП, ООО – юридические лица); профессиональные юристы (ИП, самозанятые – физические лица); профессиональные ассоциации юристов (Ассоциация юристов России); кабинеты медико-социальной и правовой помощи; правозащитные центры и организации (в том числе АНО, финансируемые государством); негосударственные центры юридической помощи; СМИ; образовательные и научные учреждения в сфере юриспруденции (студенческие юридические бюро, консультационные юридические бюро).

Таким образом, каждый выше перечисленный функционирующий в пределах правовой системы общества структурно-организационный элемент института права в области оказания юридических услуг следует определять, как социальный институт, так как каждая структурная единица имеет учрежденную организационную форму согласно законодательства РФ, порядок действия для лиц разных форм фактической организации, а также ресурсное обеспечение и материальное снабжение, и самое важное это то, что их деятельность направлена на удовлетворение социальных потребностей общества. Взаимоотношения акторов рынка юридических услуг переплетаются в системах действующей современной бесплатной юридической помощи (то есть действуют отношения по вертикали госвласти) и системе предоставления платных юридических услуг (то есть по горизонтали договорных отношений между акторами потребительского рынка).

Функциональный анализ структурных элементов института права и институциональных форм власти в области оказания юридических услуг показывает, что рынок юридических услуг в России предполагает договорные отношения по взаимным соглашениям между лицами, оказывающими профессиональные юридические услуги, то есть специалистами в области юриспруденции, и заказчиками (потребителями) таких услуг. Подобные правоотношения охраняются законоположениями Конституции РФ и источниками права, как: Гражданский кодекс РФ, ФЗ «О защите прав потребителей» [12]. Согласно перечню нормативных правовых актов в области оказания услуг на территории РФ отсутствуют иные законоположения, подходящие для защиты прав интересов потребителей юридических услуг в сравнении с областью

медицинского обслуживания или образовательных услуг, или с областью страхования. Даже при сравнении с системой бесплатной юридической помощи система платных юридических услуг в России не позволяет в полном объеме обеспечить надежную правовую защиту прав и интересов потребителей в сфере юридических услуг.

По сути официально прописанных функциональных обязательств правовую защиту интересов потребителей платных юридических услуг в России оказывают только органы правосудия посредством гражданского судопроизводства и правоохранительные органы (но не во всех случаях и в дальнейшем итоговое решение остается всегда за судом). Также обращения о нарушении прав потребителей данных услуг могут быть направлены в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (при которой действуют Консультационный совет по защите прав потребителей и Консультативный совет по защите прав потребителей – участников СНГ), Федеральную антимонопольную службу РФ, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии.

Особое место в системе исполнительных органов государственной власти принадлежит Министерству юстиции РФ и всем его территориальным подразделениям в субъектах РФ, данный организационно-структурный элемент института права несет функцию регулирования отношений государства с обществами, организациями, физическими лицами и учреждениями, которые способствуют охране прав и интересов членов общества и оказывающими юридическую помощь населению, территориальные органы юстиции ведут реестры адвокатов, осуществляют государственный надзор за системой нотариата. При Главном управлении Министерства юстиции РФ действует Координационный совет по федеральному округу [13].

Реализация социального программирования в области юридических услуг выглядит на сегодняшний день не наилучшим образом. Госпрограмма РФ «Юстиция», где Министерство юстиции РФ является ответственным исполнителем, была обновлена в этом году, в которой государство придерживается развития бесплатной юридической помощи через увеличение числа государственных юридических бюро (на 2023г. их насчитывалось 49 по стране). За 2023г. было совершено 483 489 случая оказания бесплатной юридической помощи, посредством участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи в России, но это только в отношении льготных категорий граждан [14].

Объем рынка оказания платных деловых услуг продолжает уверенно расти [15]. Но федеральное законодательство в данной сфере не видоизменяется, что ущемляет интересы потребителей подобных услуг, оставляя их в положении более экономически слабой стороны среди правоотношений в данной области прав и обязанностей, то есть государство не наделяет самих потребителей юридических услуг дополнительной правовой защитой и не передает полномочия государственного контроля и надзора исполнительным органам государственной власти, а защита интересов в таких горизонтальных типах отношений возможна в большинстве случаев только принудительно и через суд РФ. Очевидно, что выявляются некоторые дисфункции взаимодействий социальных институтов на рынке юридических услуг. Также в России отсутствует национальный стандарт оказания юридических услуг, кроме письменных этических предписаний, предусмотренных для некоторых акторов рынка юридических услуг, как нотариусы, адвокаты, судьи. Нет и лицензирования данного вида деятельности, не требуется и сертификации. Тем самым такое невыгодное правовое положение потребителей юридических услуг может ухудшать инвестиционный климат и снижать инвестиционную активность особенно в условиях глобальных вызов, что также выражается в незащищенности деловых сторон в рамках международных сотрудничеств особенно в отношении ближайших партеров и стран-соседей на Евразийском пространстве.

Литература

1. *Письменная Е.Е., Русанова Е.И.* Девиантное поведение мигрантов и лиц без гражданства в России: динамика и структура миграционной преступности, механизмы межстрановой регуляции // Экономика. Право. Общество. – 2023. – № 4. – С. 153–166.

2. Экономический словарь для специалистов по рыночной экономике. – М.: Изд-во Рос. Акад., 2006. – 664 с.
3. *Щукина Н.П.* Технологии разработки и реализации социальных программ: учебное пособие / *Н.П. Щукина*. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 250 с. – (Высшее образование: Магистратура).
4. Энциклопедический социологический словарь. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с.
5. *Абазиева К.Г.* Методологические подходы к оценке эффективности социальных программ // Terra Economicus. – 2011. – № 1 (Т. 9). – С. 55–59.
6. *Луков В.А.* От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 114–118.
7. *Тощенко Ж.Т.* Социальное программирование // Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / *Л.Ф. Адилова, Р.И. Анисимов, Н.И. Белова* [и др.]; под ред. *Ж.Т. Тощенко*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 489 с.
8. Американская социологическая мысль: тексты / под ред. *В.И. Добренькова*. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – 560 с.
9. *Яковлев А.М.* Социальная структура общества и право: учеб. пособие / *А.М. Яковлев*. – М.: Норма, 2012. – 368 с.
10. *Ушанова Н.В.* Возможность и действительность в российской правовой системе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / *Н.В. Ушанова*. – Саратов, 2009. – 27 с.
11. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 17.11.2024).
12. Официальный сайт Министерства юстиции РФ. На совещании Координационного совета обсудили развитие бесплатной юридической помощи в Южном федеральном округе. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50406/ (дата обращения: 17.11.2024).
13. Проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Юстиция”» (подготовлен Минюстом России 07.10.2024) // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56903605/ (дата обращения: 17.11.2024).
14. Официальный сайт Forbes. Исследование: за год спрос на услуги юристов и бухгалтеров вырос в 2 раза. – URL: https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/491177-issledovanie-za-god-spros-na-uslugi-uristov-i-buhgalterov-vyros-v-2-raza (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 316.342.6

РОЛЬ САМОСОЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

Файзуллин Фаниль Саитович
Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

Аннотация. В статье анализируется роль ценностей самосознания в современном этническом сообществе. Исследуются сложные переплетения традиционных и либеральных ценностей, противоречия между ними и их воздействие на процесс этнической идентификации. Этническое самосознание выступает не только как способ идентификации индивида, но и как возможность приобщать сообщество к собственной национальной культуре и традициям.

Ключевые слова: самосознание этноса, константы самосознания, традиционные и либеральные ценности, идентификация, трансформация ценностей

Социальная практика свидетельствует о том, что трансформация системы общественных отношений, происходящая в нашей стране, оказывает существенное влияние на все стороны

жизни населения. Меняются условия бытия, меняются ценности, идеалы, как свидетельствует практика, но существуют некие инварианты, которые помогают сохраниться социальным сообществам как части общества. Одним из таких факторов являются самосознание членов сообщества и их мировоззрение. Для одних социальных образований оно стало ценностью, сакрально-эзотерической идеей, помогающей воспроизводить себя вновь и вновь, для других – не более чем показателем идентичности.

Что же касается этнических сообществ, то для них как обнаруживает исследование является важнейшим показателем, демонстрирующим их способность противостоять вызовам времени. Именно самосознание, и его структурный элемент – мировоззрение, возведенное в ранг высшей идеи, стали той ценностью, которая позволяет общностям не только адаптироваться к происходящим изменениям, но и получить определенные преференции перед другими коллективами в виде духовного единства общности.

Поскольку наш мир не является идеальной картиной с одинаковыми ценностными ориентирами, то и отношение к данным феноменам у различных людей различное. Восприятие понятий и явлений зависит от координат ценностей и мировоззрения каждой отдельно взятой личности. Для индивидов, в аксиологическом отношении ориентированных на традицию, это может быть аксиомой, для тех, которые считают себя более продвинутыми и предпочтение отдают либеральным ценностям, – архаизмом.

В полиэтнических государствах, где население еще не стало единой гражданской нацией, роль этнического самосознания слишком очевидна. В них этническое самосознание выступает не только как способ идентификации индивида, но и как возможность общности реализовать собственную национальную культуру, ценности, мировоззрение, традиции. Именно в традиционных обществах этническое самосознание превращается в эпистему, основную идею в системе мировоззрения, парадигму, позволяющую самовоспроизводить общность снова и снова в новых поколениях. Этнические коды, символы, концепты передаются от отца к сыну, от матери к дочери, фиксируясь в языке, культуре, традициях, стереотипах, затрагивая при этом внутренний мир индивида. И все это закрепляется в так называемых ценностях, системе мировоззрений, которые социализируют личность, дают ей возможность не только пользоваться данными достижениями, но и приумножать и транслировать их дальше.

Исследования свидетельствуют, что сторонники либеральных ценностей – приверженцы демократии, гражданского общества, правового государства, частной собственности, свободных половых и сексуальных отношений. Люди придерживающиеся традиционных ценностей выступают в большей мере за примат государства над личностью, наличие сильной авторитарной власти, коллективистской формы собственности, унитарной идеологии, культуры, семейных и духовных традиций. Противоположность ценностей, их разновекторность существенно затрудняют их совмещение.

Поэтому для личности в области идентичности сложилась сложная альтернатива – выбор между двумя системами ценностей и самосознаниями.

В российском социуме либеральные идеи и ценности до сих пор не получили достаточно широкого распространения. Это можно объяснить тем, что в государстве сильны именно традиционалистская идеология, патриархальный тип мышления, преклонение перед традициями и т.д. Фрагменты либерализации все же в нашем обществе есть, они проявляются в виде выборности органов власти, демократизации некоторых сторон жизни, предоставлении свободы слова, совести, многопартийности, введении института частной собственности, разговорах о гражданском обществе и т.д. Но они не являются сегодня еще доминантными в жизни общества и не возведены в ранг определяющих системы ценностей и мировоззрения. Поэтому в нашем обществе в плане идентификации к своему этническому сообществу индивиду гораздо легче, несмотря на трансформацию системы ценностей [1, с. 127; 2, с. 236].

Перед индивидом в российском обществе, по вышеуказанным причинам, альтернативы выбора между цивилизационными и традициональными ценностями остаются узкими. Выбор осуществляется на уровне ценностей традиционного общества и своей этнической общности. Отсюда мы имеем тот тип мировоззрения, который и характерен для подавляющего

большинства нашего населения: традиционалистский. К этому можно относиться по- разному, но, как показывают многочисленные социологические исследования, такова реальность.

В последнее время много говорится о трудовых мигрантах, которые якобы оказывают нежелательное влияние на ценности российского общества. Но они в подавляющем большинстве выходцы из общества подобного типа, где преимущественно господствуют ценности традиционного общества. Конфликты, возникающие между ними и россиянами, – это столкновение традиций, а не цивилизаций. Трудовые мигранты, вливающиеся в иную социальную среду, продолжают исполнять и воспроизводить в новых условиях прежние собственные традиции, на новом месте они не стали еще интегрированными в местные культурные ценности. Так происходит и в Европе, и в Америке, и других странах и континентах. Таким образом, конфликты данного типа основаны на уровне признания или непризнания традиций друг друга, а ценности у этих групп одинаковые – этнотрадиционные, но существенно отличающиеся между собой.

Этнос как явление не может существовать без атрибутики, как и другие явления общественной жизни. Этническое самосознание и есть тот атрибут, та ценность, которая творит, цементирует, поддерживает этнос. Этническое самосознание и мировоззрение, ставшие ценностями-инвариантами, главными и важнейшими факторами социализации и идентичности в условиях глобализации, стали главными элементами этнического сознания. Такая трансформация стала возможной не вопреки, а благодаря процессам глобализации, соперничеству ценностей. Так называемые процессы «локализации», или реализации этничности в пределах ограниченных территорий, еще раз доказывают, что этническое самосознание даже в современных условиях не растворяется в цивилизационных ценностях [3, с.146], а само становится обновленной ценностью, которую нужно защищать, отстаивать и постоянно воспроизводить. Все это должно учитываться при разработке социальной и национальной политики в России и ее регионах. Однако этот вопрос до сих пор не стал одним из главных приоритетов как в практике государственных органов управления, так и в научно- исследовательских программах вузовских и академических учреждений. В связи с этим необходимо активизировать научно-исследовательскую работу и активно внедрять ее результаты в практику разработки национальной политики.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН 075-00570-24-91 на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 годов.

Литература

1. *Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я.* Этнос как субъект общественных отношений. – Уфа: Гилем, 2013. – 325 с.
2. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 344 с.
3. *Гезалов А.А.* Трансформация общества в эпоху глобализации. – М.: «Канон+», 2009. – 288 с.

СЕКЦИЯ «РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ПРЕУМНОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛАЧЕРЕЗ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ: ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ»

УДК 316.44

КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Батырова Рания Фаритовна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей кадровых технологий в условиях классической и неоклассической управленческой парадигмы. Выявлены причины перехода к кадровым технологиям управления человеческими ресурсами(УЧР). Дана содержательная характеристика кадровых технологий УЧР на различных этапах кадрового менеджмента.

Ключевые слова: управленческая парадигма, кадровые технологии, управление человеческими ресурсами, управление кадрами, управление персоналом.

Повышение роли человеческого фактора в социальных системах было связано в 70-х годах XX века с ростом потребностей в интеллектуальных ресурсах. Если в период индустриального этапа развития экономик многих стран на первом плане находились технические и технологические факторы, то на постиндустриальном этапе - человеческий фактор. Соответственно, это привело к тихой «управленческой революции» во многих развитых странах мира, сопровождающейся сменой управленческой парадигмы от классической к неоклассической.[1]. В кадровом менеджменте в зависимости от отношения системы управления к людям обычно выделяют три этапа развития: управление кадрами (вплоть до конца 40-х годов XX века), управление персоналом (50-70 гг XX века) и управление человеческими ресурсами и человеческим капиталом (с 70-х годов XX века по настоящее время). В управлении кадрами предпочтение дается профессиональным качествам работников; наемный работник рассматривается как «придаток» производства. А управление персоналом предусматривает учет и личностно-психологических качеств личности. Для системы управления человеческими ресурсами и человеческим капиталом работник выступает как один из основных ресурсов развития организации и объект инвестирования его развития.

Большинство кадровых технологий, обслуживающих классическую управленческую парадигму, были направлены на мотивацию работников через удовлетворение материальных потребностей и принудительную систему воздействия. Предпочтения при наборе персонала отдавались профессиональным компетенциям (так называемые hard skills) и исполнительской дисциплине персонала, включая его лояльность к руководству. Классическая управленческая парадигма отличается централизацией управления, авторитарным стилем лидерства, преобладанием линейно-функциональных организационно-управленческих структур, недооценкой социально-психологических факторов развития организации и организационной культуры, теневой и закрытой кадровой политикой, формально-статусным характером обучения персонала и продвижения кадров «по заслугам», управленческим отчуждением работников от системы принятия решений, монополией руководства на информацию и т.д. Системой управления поощряются такие социально-психологические характеристики персонала как исполнительность, лояльность, послушность, консервативность, приверженность к стабильности и соблюдению установленных правил и процедур, превалирование в отношениях формальных норм и авторитет к иерархии, недемократичность и т.д. Инновационно-творческий потенциал

работников был востребован в ограниченных масштабах в зависимости от проведения технологических и организационных изменений.

Постиндустриальный этап развития рыночной экономики на первый план выдвигает инновационно-технологическую конкуренцию хозяйствующих субъектов, основанную на развитии интеллектуально-творческого потенциала персонала. Соответственно, появляется объективная потребность в новых управленческих и кадровых технологиях, направленных на раскрытие и развитие этого потенциала. Принципиально меняется и структура потребностей работников: насыщение гигиенических факторов приводит к изменению стратегии мотивации. Постепенно меняются требования к базовому профилю работников и структуре их компетенций: предпочтения отдаются soft skills (ответственность, лидерство, самостоятельность, инициативность, инновационность, демократичность, гибкость, коммуникабельность, командное взаимодействие, умение принимать решения, самомотивация и др.). С одной стороны, новое поколение работников конкурируют на рынке труда между собой, а с другой – с набирающим силу и популярность искусственным интеллектом.

Какие же новые кадровые технологии управления человеческими ресурсами появились в соответствии с изменившейся управленческой парадигмой? Рассмотрим эти технологии в соответствии с этапами управления персоналом и человеческими ресурсами.

Управление человеческими ресурсами как система и процесс начинается с планирования потребности в персонале. На этом этапе субъект управления определяет не только количественные параметры набора персонала, но и прежде всего, качественный состав, компетентностный профиль и личностно-психологический портрет работников. В конечном счете, эти требования определяются стратегическими целями и задачами развития социальных систем в условиях обостряющейся инновационно-технологической конкуренции на разных уровнях.

Поиск, подбор, отбор и набор персонала объединяются в современном понятии «рекрутмент», в котором отражаются особенности управления человеческими ресурсами. В рамках рекрутмента используются такие методы как маркетинг персонала, структурированное интервью, резюме, творческое эссе, конкурсный отбор, профайлинг, тестирование, использование полиграфа и др. Они все направлены не только на выявление профессиональных компетенций, но и на глубинных личностно-психологических качеств претендентов. Если предыдущие технологии в основном учитывали биографические и формально-статусные характеристики, то современные - ориентированы на определение ценностных качеств и творческого потенциала личности. Вторая особенность современных кадровых технологий связана с созданием ситуации активного взаимодействия работодателей и будущих работников уже на первых этапах кадрового менеджмента. Для работников нового типа важны не только размеры заработной платы, но и содержание будущей работы и социально-психологические особенности организации и организационная культура.

Следующий этап управления человеческими ресурсами включает в себя расстановку и адаптацию персонала. Испытательный срок устанавливается не столько для определения профессиональной пригодности работника, а сколько для синхронизации компетенции персонала содержанию и функциональным особенностям работы. Большую роль играют в этих процессах адаптационные технологии к работе и организации с двух сторон: со стороны организации и со стороны работника. В последнее время появилась потребность в активном использовании такой кадровой технологии как наставничество, которое ускоряет процессы активной адаптации взаимодействующих субъектов. Адаптация является важным методом управления человеческими ресурсами для линейных руководителей и функцией кадровой службы не только при приеме на работе, но и на всех этапах дальнейшего кадрового продвижения персонала.

Развитие персонала как кадровая технология состоит из карьерного продвижения, обучения, самообразования и участия в процессах управления организацией. В карьерном развитии важное значение имеют объективные и обоснованные критерии продвижения, с которыми ознакомлены все работники и эти критерии ими взяты на вооружение в повседневной работе. В отличие от формирования и использования системы резерва кадров, управление карьерой как технология УЧР дает возможность персоналу активно участвовать во всех процессах

карьерного развития. Меняется характер и обучения сотрудников в системе УЧР. В предшествующих технологиях кадрового менеджмента преимущественное внимание уделяется компетентностным моделям обучения персонала с опорой на развитие профессиональных способностей. В новой системе УЧР открываются возможности развития социальных и личностно-психологических качеств работников на основе инновационных методов обучения: тренингов, деловых игр, мозговых штурмов, коучинга и др. Вовлечение сотрудников в процессы управления организацией (т.н. партисипативное управление) способствует формированию и развитию организационно-управленческих качеств работников. В этих условиях организационная культура, социально-психологический климат становятся важными факторами развития человеческого потенциала. Квинтэссенцией такого развития выступают самообучающиеся организации [2].

Переход к УЧР обуславливает, таким образом, перестройку всей системы кадрового менеджмента организации: от планирования потребностей в кадрах до новой системы мотивации через различные формы оплаты труда и стимулирования на основе разнообразных методов оценки и контроля персонала (ассесмент, KPI, грейдинг, комплаенс-менеджмент, аудит, управленческий учет и др.).

Формирование и развитие системы УЧР берет свое начало в США и Японии, а затем широко распространяется в западноевропейских странах[3].Но при этом в каждой стране УЧР имеет свои особенности, связанные с культурно-историческим и социально-экономическим развитием. В современной России с ее развивающейся рыночной экономикой представлены в менеджменте кадровые технологии, как классической управленческой парадигмы, так и неоклассической. В инновационно ориентированных компаниях, активно использующих цифровые технологии, предприятиях, тесно взаимодействующих с иностранными партнерами, на сегодняшний день широко используются современные кадровые технологии УЧР. Необходимость развития технологического суверенитета России актуализирует проблему эффективного внедрения кадровых технологий управления человеческими ресурсами.

Литература

1. *Рысаев И.Ш.* Управленческая парадигма как методологический принцип анализа социально-управленческих процессов // Экономика и управление. – 2022. – № 5. – С. 84–87.
2. *Сенге П.* Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации. – М.: Олимп-Бизнес, 2009. – 417 с.
3. Управление человеческими ресурсами: энциклопедия. – СПб.: Питер, 2002. – 1200 с.

УДК 316.44

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РАБОТНИКА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Волкова Татьяна Павловна

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития личностного и трудового потенциала работника как фактор социально-экономической устойчивости организации. Отмечены междисциплинарные подходы в изучении данного вопроса, показаны как положительные, так и отдельные негативные тенденции цифровой трансформации в обществе, влияющие на уменьшение рабочих мест в некоторых отраслях, снижение востребованности на рынке труда, поиск квалифицированных специалистов, умеющих исследовать, анализировать, работать в команде, внедрять новое, иметь лидерские качества. Подчеркнута необходимость социологического мониторинга изучения потребностей, интересов, мотивов работников в сегодняшней трудовой сфере.

Ключевые слова: личностный, трудовой потенциал работника, социально-экономическая устойчивость организации, цифровые технологии развития персонала.

В настоящий период социология труда все чаще обращается к рассмотрению вопросов личностного потенциала работника, включающего 3 основных составляющих: психофизиологические, трудовые и творческие возможности работника. Не остается в стороне и проблема социально-экономической устойчивости организации. Появляются новые подходы изучения и термины в социологии: «трудовое равновесие», «трудовая устойчивость» человека на протяжении жизненного пути [1, с. 42-43].

Обращает на себя внимание междисциплинарный подход в решении подобных вопросов среди психологов, экономистов и социологов, рассматривающих личностный потенциал со своих предметных позиций.

В условиях конкуренции организаций возрастающую роль играет трудовой потенциал работающего, охватывающий способности к труду в рыночных условиях, профессиональные знания, умения и навыки, мотивы трудовой деятельности, проблемы идентификации с коллективом и многое другое. Об этом пишут ученые, издаются учебники для вузов, учебно-методические пособия и научные статьи [2, с.98-99; 3, с.21;3,с.41-47].

Обращая внимание на трудовой потенциал работника, отметим его главные компоненты, позволяющие анализировать количественные и качественные показатели на уровне отдельного человека, что дает возможность переносить компоненты на предприятие и общество в целом. На уровне отдельного человека - это образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени, активность, здоровье и многое др. [2, с.96-99].

Подчеркнем, что конкурентоспособность организации зависит не только от наличия финансовых и производственных ресурсов, но и имеющегося трудового потенциала компании, играющего существенную роль на рынке товаров и услуг.

Трудовой потенциал работника – это не только его знания и умения, личностные характеристики с психофизиологическими особенностями, его квалификация и профессионализм, но и возможность развития имеющихся компетенций, адаптация к новым технологиям и экономическому пространству.

Фактически формирование трудового потенциала – это количественное и качественное его становление. Инвестиции во внутреннее развитие и профессиональный рост сотрудников позволяют сформировать сильную команду, которая способна осуществлять инновационные проекты, приносить организации стабильную прибыль. При этом основную роль в этом процессе играет развитие внутреннего потенциала сотрудников.

Другими словами, конкурентоспособность компании, напрямую зависит от трудового потенциала сотрудников. Трудовой потенциал сотрудника включает уникальный набор врожденных качеств, приобретенных и приобретаемых в течение жизни знаний, умений и навыков.

Особый интерес представляет развитие личностного потенциала работника в условиях цифровизации трудовых функций. «При цифровой трансформации сократится время на коммуникации, ускорятся все процессы экономической и производственной деятельности…Цифровая трансформация экономики приведет к существенным изменениям на предприятиях, в бизнесе, в отношениях между людьми, управлении персоналом» [5, с.18-19]. Авторы очень верно подмечают положительные и отдельные негативные тенденции в социуме за счет цифровизации. Среди последних: уменьшение рабочих мест и профессий в отдельных отраслях, снижение востребованности на рынке труда, дефицит компетентных кадров при найме на работу, разрыв между образованием в вузе и производством.

Вместе с тем, разрабатываются методики оценки личностного потенциала сотрудника в условиях возрастания уровня стресса на рабочем месте, непростой ситуации на рынке труда, повышения уровня неопределенности и натиска внешней среды [6, с. 40-41].

Отметим, что личностный потенциал работника характеризуется внутренней физической и духовной энергией, его деятельной позицией, направленной на творческое самовыражение, самореализацию. Рассматривая вопрос о личностном потенциале сотрудников, в том

числе и в период адаптации нового работника, нельзя забывать, что распознавание руководителем потенциально эффективных сотрудников, привлекает инвестиции и способствует более эффективному и устойчивому функционированию предприятия.

Существующие групповые методы обучения в развитии персонала в организации, такие как тренинги, семинары, мастер-классы, курсы повышения квалификации и переподготовки, дают возможность обучения на практических ситуациях отработать необходимые (новые) компетенции, с помощью обратной связи получить необходимые навыки и правильные способы поведения, а руководителям высшего звена принимать рациональные управленческие решения.

Индивидуальные методы обучения и развития персонала включают не только стажировки, индивидуальные планы развития, наставничество, коучинг, саморазвитие, но и развивающие задания, помощь HP-специалистов.

Другими словами, конкурентоспособность современной компании зависит от эффективной стратегии развития персонала. Современные технологии в цифровую эпоху формируют новые требования к уровню профессиональных компетенций работников, соответственно развитие и обучение в организации все больше реализуется через цифровые инструменты, онлайн-обучение. И конечно, инвестиции в сотрудников с высоким трудовым потенциалом приведут фирму или крупную организацию к возможности эффективного выполнения задач в период неопределенности и нестабильности, изменения внешней среды.

Изучая устойчивость организации, мы прежде всего, отмечаем, что она является одним из проявлений свойств целостности системы и определяется как способность системы сохранять свое существование, поддерживая основные параметры на заданном уровне [7, с. . 78-80]. Как часто подчеркивается, процессу развития в большей степени соответствует динамическая устойчивость, которая характеризует процесс развития организаций в постоянном движении во времени. И, безусловно, «устойчивость» следует рассматривать как обобщающую характеристику жизнеспособности предприятия. Обратимся к понятию «социальная устойчивость», на промышленных предприятиях она является важной составляющей общей экономической устойчивости и предполагает социальную отчетность, социальный мониторинг и социальный аудит.

Отметим также, что в нашем транспортном вузе регулярно проводятся социологические опросы, в том числе, и в области социологии труда. Это может быть, выпускная квалификационная работа, опросы абитуриентов о главных причинах выбора обучения в университете, о проблемах мотивации сотрудников [8, с.72-73]. Так в одном из подразделений локомотивного депо было проведено анкетирование об удовлетворенности своей профессиональной деятельностью, где 76,9% опрошенных ответили положительно. В строительной компании, где проходил преддипломную практику выпускник, им был организован опрос. 5% – очень удовлетворены условиями для профессионального обучения; 17% – удовлетворены; 44% не очень удовлетворены; 34% – не удовлетворены. Это позволило управленческому персоналу дать соответствующие рекомендации по совершенствованию профессионального обучения и развития.

Литература

1. *Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л.* Трудовые биографии российских рабочих // Социологические исследования. – 2024. – № 8. – С. 37–48.
2. *Егорова Л.Г.* Социология труда и экономическая социология / *Л.Г. Егорова*. – Казань: Казан. ун-т, 2021. – 97 с.
3. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда: учебник / *Б.М. Генкин*. – 8-е изд. – М.: Норма, 2009. – 464 с.
4. *Шукшина Л.В., Шукшина Т.А.* Личностный потенциал сотрудника как фактор эффективности организации // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 4. – С. 41–47.
5. Управление персоналом в цифровой среде: монография / *Н.А. Александрова, О.Ю. Брюхова, Л.И. Васильцова* и др.; под ред. *Л.И. Васильцовой, Н.А. Александровой*. – Екатеринбург: УрГУПС, 2021. – 122 с.

6. *Чиркина Ю.Д., Казанцева Г.Г.* Оценка личностного потенциала персонала как фактора успешной реализации кадровой политики организации // Менеджмент социальных и экономических систем. – 2018. – № 4. – С. 39–45.
7. *Надтока Т.Б., Виноградов А.Г.* Устойчивость социально-экономического развития – определяющее свойство предприятия как системы // Вестник института экономических исследований. – 2017. – № 1. – С. 76–82.
8. *Александрова Н.А., Махт Н.Ф.* Корпоративные мероприятия как инструмент нематериальной мотивации труда работников локомотивных бригад // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2021. – № 1 (49). – С. 72–81.

УДК 316.44

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ КООПЕРАТИВ: ПОНЯТИЙНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ

Гусев Алексей Николаевич
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье анализируются понятия «потребительская кооперация», «потребительское общество», «потребительский кооператив» с точки зрения их истолкования в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Выявлены определенные преимущества и особенности их деятельности. Дана характеристика понятийно-юридическим коллизиям в истолковании данных терминов и обоснована необходимость внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты. Предложены рекомендации по дальнейшему развитию потребкооперации в Российской Федерации.

Ключевые слова: кооператив, потребительская кооперация, потребительское общество, потребительский кооператив, нормативно-правовой акт, понятийно-юридические коллизии.

Кооператив – это добровольное объединение людей для удовлетворения своих общих экономических, социальных и культурных потребностей на совместно созданном предприятии. Кооперативное движение можно рассматривать как особый третий сектор рыночной экономики в отличие от государственной или частной собственности. В современном мире кооперативное движение распространено достаточно широко. В чем-то кооператив напоминает акционерное общество. Однако, он имеет принципиальные отличия: в кооперативе пайщик принимает личное участие в хозяйственной деятельности и имеет один голос и кооператив не имеет цели извлечения прибыли.

Современная классификация кооперативов выглядит достаточно разноплановой: по способу вовлечения участников, по характеру деятельности, по целям создания и др. Первые кооперативные объединения сформировались в Великобритании в начале XIX в., а в России кооперативное движение берет начало со второй половины XIX в. В настоящее время в России больше всего зарегистрировано потребительских кооперативов.

Потребительский кооператив, в соответствии со ст. 123.2. Гражданского Кодекса Российской Федерации, это объединение физических или юридических лиц на добровольной основе. Цель организации потребительского кооператива – удовлетворение материальных или иных потребностей организации путем объединения имущественных паевых взносов.

Потребительская кооперация, в соответствии с Законом Российской Федерации «О потребительской кооперации в Российской Федерации» от 19.06.1992 г. №3085-1, это система организации потребительской кооперации, созданных в целях удовлетворения материальных

и иных потребностей их членов.

Таким образом, потребительский кооператив и потребительская кооперация - это в определенной степени разные понятия. Понятие потребительская кооперация более шире, чем потребительский кооператив. Кооперация – это способ объединения, взаимодействия людей, форма их организации. Потребительский кооператив создается на основе кооперирования (объединения) людей.

Кроме этих понятий, в законе о потребкооперации часто используется термин «потребительское общество». Потребительское общество - добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное, как правило, по территориальному признаку, на основе членства путем объединения его членами имущественных паевых взносов для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов. Чем же отличается потребительское общество от потребительского кооператива?

В определении «потребительское общество» присутствуют признаки территориальности объединения и специфики вида деятельности. Деятельность потребительского общества не регулируется Центробанком. Таким образом, вполне обоснованно можно и нужно полагать, что потребительское общество есть потребительский кооператив, но с неограниченным перечнем видов уставной деятельности, не являющийся специализированным, что выгодно отличает потребительское общество от остальной массы потребительских кооперативов.

Очевидно, что преимущество потребительского общества как общественной организации заключается в том, оно может вести коммерческую деятельность, хотя не является коммерческим объединением. Потребительское общество выгодно юридическим и физическим лицам благодаря свободе от дополнительной уплаты налогов и юридической защищенности.

Часто в литературе и в судебной практике путают эти два понятия, то отождествляя, то противопоставляя их. Если учесть положения Гражданского кодекса (ГК), то в соответствии с п. 2 ст. 3 потребительские общества могут создаваться и действовать в организационно-правовой форме потребительских кооперативов. Учитывая главенство норм ГК РФ по отношению к нормам Закона РФ от 19.06.1992 N 3085-1, можно говорить о праве осуществлять потребительским обществом любой вид уставной деятельности, если оно при этом не нарушает закон (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Тем самым устраняется противоречие об истолковании юридического статуса потребительского общества и потребительского кооператива.

Выявленные нормативно-правовые противоречия в истолковании понятий «потребительская кооперация», «потребительское общество» и «потребительский кооператив» создают определенные трудности не только в правоприменении, но и в практической организации деятельности этих сообществ. Мы считаем, что назрела необходимость внесения соответствующих изменений в вышеуказанные нормативно-правовые акты с целью более точного уточнения юридического статуса потребительских кооперативов. В реальной практике большинство потребительских кооперативов не ведут коммерческую деятельность. Но это не гарантирует их финансовую безопасность при выполнении социальных задач, которые часто связаны с осуществлением хозяйственной деятельности. Отсутствие достаточных средств на ведение хозяйственной деятельности является одной из распространенных причин прекращения деятельности потребительского кооператива. Этому способствует и несогласованность норм гражданского и налогового законодательства по этому вопросу.

Несмотря на ряд нерешенных понятийно-юридических коллизий, в целом потребительская кооперация является перспективной и эффективной формой самоорганизации граждан и юридических лиц. Главными преимуществами кооперативного движения являются демократический характер управления, равенство прав всех членов, экономическая заинтересованность и мотивация в развитии кооператива, коллективная собственность, участие всех в распределении доходов, автономия и независимость, самостоятельность, забота об интересах своих членов и др. Потребительская кооперация как особая система социальной самоорганизации граждан в условиях рыночной экономики является, на наш взгляд, наиболее гуманной и справедливой формой их деятельности.

Таким образом, сегодня дальнейшему развитию потребкооперации мешают отсутствие единых подходов на федеральном уровне, противоречия в кооперативном законодательстве, ограниченные возможности кооперативов в получении кредитов, недостаточная кадровая поддержка и др. Необходимо принять программу развития потребкооперации в Российской Федерации, которая бы включала в себя меры поддержки для сбытового направления потребительской кооперации, чтобы тем самым охватить всех участников логистической, товаропроводящей цепи, включая потребителя. В рамках реализации Концепции развития оптовых продовольственных рынков в Российской Федерации (Республика Башкортостан является регионом-пилотом проекта по созданию ОПР) необходимо принять федеральную программу развития торгового дома «ЦЕНТРКООП».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2024).
2. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 19.06.1992 № 3085-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.10.2024).
3. Об утверждении Концепции развития оптовых продовольственных рынков в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 27.09.2021 № 2689-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2024).

УДК 316.44

АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТА С ДРУГИМИ СУБЪЕКТАМИ ЭКОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Ефимова Галина Зиновьевна

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены социально-экономические и организационные аспекты взаимодействия учреждений высшего образования с другими субъектами экосистемы образования взрослых. Особое внимание уделяется актуальной практике, перспективам взаимодействия, возникающим проблемам и возможным вызовам, с которыми сталкиваются университеты в процессе интеракции с прочими субъектами образовательной экосистемы. Статья может быть полезна административно-управленческому персоналу вузов; представителям органов исполнительной власти и реального сектора экономики; научно-педагогическим работникам, ориентированных на изучение непрерывного образования взрослых.

Ключевые слова: университет, образование взрослых, высшее образование, социология образования, дополнительное профессиональное образование, профессиональное образование, непрерывное образование, повышение квалификации, образовательная экосистема.

Актуальность изучения взаимодействия университета с прочими субъектами экосистемы образования взрослых объясняется комплексом причин. Во-первых, глобальными социально-экономическими вызовами, что требует от образовательных учреждений интенсивной адаптации к новым требованиям сложного и динамичного мира. Эффективное взаимодействие субъектов экосистемы образования взрослых позволяет адекватно реагировать на глобальные вызовы и изменения. Во-вторых, развитие цифровых технологий и цифровизация образования

коренным образом влияет на способы обучения и обеспечивает сотрудничество университетов с другими образовательными учреждениями, коммерческими компаниями, органами исполнительной власти для разработки современных образовательных решений. В-третьих, разнообразие образовательных потребностей взрослого населения стимулирует обучение, адаптированное к индивидуальным потребностям обучающихся (персонализированные образовательные программы), создание и реализация которых затруднительна без сотрудничества университета с иными субъектами экосистемы.

В современном мире возрастает значимость образования для успешной карьеры работника и его гармоничного личного развития. Университет (как социальный институт) занимает особое место в образовательной экосистеме. Он отвечает на вызовы социально-экономической сферы, агрегируя запросы работодателей, родителей, студентов и иных субъектов, заинтересованных в подготовке высококвалифицированных специалистов для экономики и непосредственно участвующих в этом процессе.

На протяжении последнего столетия университет оставался тем учреждением, где молодежь получала профессиональные знания. Среди населения по-прежнему распространено стереотипное объединение социальных групп: «студент» и «молодежь». Но не каждый представитель молодого поколения может быть студентом и не каждый студент относится к молодому поколению. В международных законодательных нормах отсутствует ограничение максимального возраста для получения высшего образования. Соответственно «студенческая молодежь» – лишь часть разнообразного студенческого контингента.

Тем не менее, сегодня для людей среднего и старшего возраста, поступающих на обучение (например, на программы магистратуры), характерны опасения, что их будущая учебная группа будет состоять преимущественно из молодежи. Здесь речь не об эйджизме, а об имеющемся уровне образования и профессиональном опыте обучающихся. Студент со стажем работы по специальности и конкретными вопросами, имеющими опору на практические ситуации, может испытывать определённую степень обоюдного дискомфорта и разочарования при обучении с теми, кто данным опытом не обладает. Также трудности могут возникнуть и у преподавателей, которые столкнутся со сложностями, чтобы преподнести учебный материал в одинаково понятной форме тем, кто обладает меньшим профессиональным уровнем и при этом не рассказывать «давно известное» профессионалам с многолетним стажем.

При этом важно понимать, что не все университеты могут удовлетворить образовательные потребности взрослых, отчасти потому, что программы обучения не адаптированы к их потребностям. Поэтому важно изучать взаимодействие университета с другими субъектами экосистемы образования взрослых, чтобы создать более эффективные и инновационные программы обучения для взрослых.

Вместе с тем, в современном мире стремительно меняются технологии и требования к навыкам и компетенциям работников [1], [2]. Трудоустроенные взрослые люди, должны постоянно обновлять знания и навыки, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Сотрудничество университета с прочими субъектами экосистемы образования взрослых позволяет создавать программы обучения, которые соответствуют потребностям рынка труда и помогают взрослым людям сохранять востребованность на рынке труда.

В рамках третьей миссии университетов, в современном мире все больше внимания уделяется социальной ответственности [3]. Сотрудничество университета с другими субъектами экосистемы образования взрослых позволяет развивать общество и способствовать решению социальных проблем. Так, университет может сотрудничать с некоммерческими организациями (НКО), разрабатывая образовательные программы направленные на снижение безработицы, возрастной дискриминации и пр.

Образование взрослых способствует поддержке их личностного развития, так как оно не ограничивается исключительно получением новых знаний, но и способствует развитию личности, самоопределению и самореализации. Взаимодействие университета с другими участниками экосистемы позволяет создать условия для комплексного развития взрослого

населения, а также их социальной интеграции в общество и способствуя расширению социальных связей.

Исходя из актуального контекста современной отечественной сферы высшего образования и ориентации на повышение мобильности вузов и скорости их «отклика» на социально-экономические изменения, требования рынка труда и отдельных работодателей, эксперты в сфере стратегического развития университетов отмечают перспективное направление трансформации университетов в открытые акционерные общества (И.Ф. Коршенко, А.И. Коршенко) [4] и публичные акционерные общества с государственным участием (А.С. Латышев) [5].

Среди субъектов экосистемы непрерывного образования взрослых обозначим: организации, предлагающие населению курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки; компании, заинтересованные в обучении сотрудников новым навыкам и знаниям; государственные органы, курирующие вопросы развития образования и науки в регионе; некоммерческие и общественные организации; частные лица, желающие получить дополнительное образование или повысить свою квалификацию и другие университеты.

Векторы взаимодействия университета с каждым из обозначенных субъектов, задействованными в образовании взрослых, могут быть следующими: (1) предоставлять на коммерческой основе аудиторный фонд для проведения занятий; (2) привлекать преподавателей для чтения лекций на сторонних площадках; (3) предложить программы обучения, адаптированные под потребности конкретной компании; (4) содействие разработке образовательных программ, направленных на поддержку образования взрослых; (5) сотрудничество по проектам, направленным на улучшение качества образования для взрослых; (6) индивидуальный подход к обучению и гибкий график занятий; (7) проведение совместных мероприятий; (8) обмен опытом и ресурсами, расширение доступа к образованию; (9) проведение образовательных мероприятий; (10) разработка социальных программ и участие в общественных инициативах; (11) установление и поддержание партнерских отношений с другими вузами, для создания совместных программ и доступа к ресурсам университетов; (12) обмен студентами и преподавателями, академическая мобильность.

Обозначим некоторые рекомендации, направленные на оптимизацию стратегий взаимодействия университета с другими участниками образовательной экосистемы взрослых и развитие образовательной среды в целом.

1. Установление и поддержание партнерских отношений с субъектами экосистемы образования взрослых для совместной работы над образовательными программами и проектами (участие университета в различных сетевых организациях и партнерствах с иными образовательными учреждениями, организациями и предприятиями).

2. Разработка совместных образовательных продуктов (программ повышения квалификации, профессиональной переподготовки и дополнительного образования, тренингов, мастер-классов и др.);

3. Организация совместных мероприятий (конференции, семинары, тренинги и др.), направленных на обмен опытом, трансляцию знаний, привлечение обучающихся и повышение субъектов экосистемы образования взрослых);

4. Использование технологий искусственного интеллекта для анализа образовательных потребностей взрослого населения и генерирования персональных рекомендаций и подбора образовательных программ и для оценки эффективности обучения;

5. Внедрение в образовательную практику инновационных методов обучения (геймификация, виртуальная реальность, микрообучение, адаптивное обучение и пр.), а также гибких образовательных программ, которые позволяют обучающимся из числа взрослого населения выбирать тематику образовательных программ и формат обучения в соответствии с их потребностями и возможностями, позволяя привлекать иных субъектов экосистемы образования взрослых в рамках мультидисциплинарных проектов.

Обозначенные рекомендации могут быть включены как элементы в комплексную стратегию университетов, направленную на выстраивание взаимодействия с другими

учреждениями образования взрослых, определить цели, задачи и ожидаемые результаты. При этом важно регулярно оценивать количественные и качественные результаты сотрудничества и корректировать стратегию в соответствии с достигнутыми целями.

Не все российские университеты в полной мере реализуют имеющийся у них потенциал в отношении осуществления программ образования взрослых. Тем самым они не только лишаются возможности привлечь в свои стены (реальные или виртуальные) многочисленный контингент обучающихся, но и неосознанно «отпускают» свою потенциальную аудиторию взрослого населения к коммерческим субъектам образовательной экосистемы, которые оказываются более активными в плане маркетинговых акций и «считывания» актуальных потребностей целевой группы. Вследствие низкой, по сравнению с университетами, бюрократической нагрузки коммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц, их влияние в образовательной экосистеме стремительно возрастает.

В условиях стремительных социально-экономических трансформаций возрастает интенсивность деятельности университетов в отношении поддержания высокого уровня готовности населения к новым вызовам и перманентное обновление их навыков и компетенций для повышения эффективности и результативности их работы. Для обеспечения этой цели обратим внимание на академическое развитие научно-педагогических работников.

В связи с динамическим изменением контура обязательств университета, которые он выполняет по отношению ко всем прочим социальным институтам, возникает ряд напряжений и обозначаются потенциальные рисковые зоны. Среди наиболее актуальных:

1. Неэффективное управление персоналом университета и отсутствие стратегической координации кадровой политики, что может привести к нестабильности в кадровом составе университета и неоптимальному развитию человеческого капитала работников университета (в особенности научно-педагогических работников, деятельность которых имеет стратегический приоритет в функционировании университета) и спровоцирует снижение качества результатов образовательной, научно-исследовательской и иной деятельности вуза;

2. Трудности в поддержании продуктивного партнерства с промышленными партнерами, представителями государственного сектора, некоммерческими организациями и пр. Недостаток «прозрачности» взаимодействия с контрагентами;

3. Неоптимальное распределение материально-технических и финансовых ресурсов;

4. Риск неэффективного использования новых образовательных технологий и методов обучения;

5. По причине сложной организационной структуры университета могут возникнуть / возникают трудности в координации между различными подразделениями и программами внутри университета. Это может затруднить эффективное выполнение "третьей миссии" и привести к дублированию усилий;

6. Концентрация на достижении определенных показателей, определенных в соответствии с приоритетами стратегического развития и игнорирование широкого спектра прочих индикаторов;

7. Репутационные риски, способные негативно отразиться на доверии к университету со стороны студентов, преподавателей, партнеров и других значимых субъектов.

Совершенствование взаимодействия университета с прочими субъектами экосистемы образования взрослых позволит оптимизировать процессы обучения и повысить качество образования для взрослого населения, за счет расширения возможностей и ресурсов., чтобы создать более эффективные и инновационные программы обучения. Это может привести к более широкому доступу к образованию для взрослых, которые могут не иметь возможности получить образование в традиционных условиях.

Объединение усилий различных субъектов образовательной экосистемы для реализации образовательных практик взрослого населения, помогает университету адаптироваться к изменяющимся потребностям рынка труда, модернизации технологий и требований к компетенциям работников. Сотрудничество с различными субъектами экосистемы образования

взрослых позволяет университету оставаться в курсе имеющихся и перспективных изменений, разрабатывая образовательные программы, соответствующие потребностям рынка труда.

Благодарность: статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Институциональный дизайн экосистемы образования взрослых: концептуальная архитектура и вариативные модели для цифрового общества» (соглашение №23-78-10085). https://rscf.ru/project/23-78-10085/

Литература

1. *Унгер М., Полт В.* «Треугольник знаний» между сферами науки, образования и инноваций: концептуальная дискуссия // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 10–26.
2. *Сохраняева Т.В.* Университет как пространство социального взаимодействия: современный контекст проблемы // Философия образования. – 2017. – № 2 (71). – С. 24–33.
3. *Сафронов Р.О.* Предпринимательский университет как воплощение «третьей миссии» университета: pros and cons. Ч. I. «Третья миссия» и «предпринимательский университет»: история понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 2. – № 3. – С. 197–206.
4. *Коршенко И.Ф., Коршенко А.И.* Исследовательский университет в форме открытого акционерного общества // Креативная экономика. – 2010. – № 4. – С. 68–71.
5. I Саммит HR-директоров ТЭК «ЛЮДИ — НОВАЯ НЕФТЬ». Промышленно-энергетический форум TNF 2022. – URL: https://www.utmn.ru/upload/medialibrary/a9b/TNF2022_summit.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 316.44

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА И РЫНКА ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Зарипова Эльмира Амировна
Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. Статья содержит анализ современных тенденций на рынке труда в Республике Татарстан. Проведена количественная оценка уровня занятости в разрезе отраслей экономики. Рассмотрено нормативно-правовое ругелирование отрасли, а также влияние процессов цифровизации на трансформации рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, образование, цифровизация, цифровая экономика, фриланс, бизнес-процессы.

Для Республики Татарстан человеческий капитал является драйвером роста современной экономики.

Республика Татарстан характеризуется высоким уровнем занятости - 62,4% (от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше *(за июль-сентябрь 2024г.)*, Численность занятых в среднем за 2024 года 2035,8 тыс.человек *(по данным обследования Росстатом).* Как и по всей России сегодня рынок труда республики характеризуется уровень общей и регистрируемой безработицы достиг исторического минимума 1,8% (36,8 тыс.человек) и 0,16% и (3,3 тыс.человек) соответственно.

Сегодня основной вызов на рынке труда - высокая потребность в кадрах. Спрос на кадры в Республике Татарстан составляет 37,8 тыс. единиц, с учетом зарегистрированных безработных (3,3 тыс.человек) 1 безработному могут быть предложено 12 вакансий.

Особенно высок спрос на кадры в отрасли:

- промышленности – 10,8 тыс. работников (28,7%);
- строительства и ЖКХ – 5,2 тыс. раб.мест (13,6%);
- здравоохранения, образования, наука и культура – 4,6 тыс. работников (12,2%);
- продажи и бытовое обслуживание, услуги населению – 2,6 тыс. рабочих мест (6,7%);
- на транспорте в 2,9 тыс. работников (7,6%).

В целях определения прогнозной структуры общей и замещающей кадровой потребности распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2461-р утверждена Методика формирования прогноза потребности экономики Российской Федерации в кадрах. Расчет прогноза потребности экономики Российской Федерации в кадрах осуществляется на 5-летний период, на ежегодной основе проводится опрос работодателей. Так в 2024 году в опросе по республике приняли участие свыше 2 тыс.работодателей.

В тоже время в республике работа по формированию прогнозной потребности именно в подготовке кадров выстроена с 2014 года в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 31.03.2014г. № 208 «Об утверждении Регламента прогнозирования потребности экономики Республики Татарстан в подготовке кадров и формирования государственного заказа Республики Татарстан на подготовку кадров с высшим и средним профессиональным образованием и ускоренную подготовку кадров».

В рамках формируемого в республике прогноза потребности в подготовке кадров на 7 летнюю перспективу 8,8 тыс. работодателями заявлена потребность в подготовке 174,7 тыс. человек до 2031 года, из которых на 2025 год - 40,9 тыс. человек. Наибольшая доля приходится на кадры со средним профобразованием – 79%.

Важнейшей мерой обеспечения кадрами является целевой прием в системе профессионального образования.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» с июня 2024 года введен публичный механизм заключения договоров о целевом обучении на Единой цифровой платформе «Работа в России». Все предложения работодателей *(кроме предприятий Оборонно-промышленного комплекса и силовых структур)* о заключении договоров публикуются на Единой цифровой платформе «Работа в России» и общедоступны для граждан России.

В 2024 году по данным Единой цифровой платформы «Работа в России» более 1,5 тыс. работодателей Республики Татарстан опубликовали более 1,6 тыс. предложений о заключении договоров о целевом обучении.

Работодатели до апреля 2025 года в преддверии следующей приемной кампании 2025/2026 учебного года могут воспользоваться возможностью изучить предложения конкурентов на Единой цифровой платформе «Работа в России» и сформировать для абитуриентов будущего года свои более привлекательные предложения, стимулирующие на заключение договоров целевого обучения именно с ними.

В целом, развитие интернета и возможности удаленной работы открывают новые перспективы для работы и сотрудничества. Они позволяют людям гибко управлять своей карьерой и создают новые возможности для глобального рынка труда.

Трансформация рынка труда в условиях цифровой экономики требует от работников готовности к постоянной переквалификации и обучению. Быстрые технологические изменения и появление новых профессий требуют обновления навыков и знаний.

Переквалификация становится необходимостью для тех, кто хочет оставаться конкурентоспособным на рынке труда. Обучение новым технологиям, программированию, аналитике данных и другим IT-навыкам помогает адаптироваться к изменениям и находить новые возможности для развития карьеры.

В рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2024 г. № 201 «Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан».

Численность обучения определяется Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Рострудом путем установления квоты федеральным операторам (ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», ФГБОУ ДПО «Институт развития профессионального образования»).

Так в 2024 году по Республике Татарстан обучено 4,6 тыс. человек за счет средств бюджета Российской Федерации, в т.ч.:

2,3 тыс. безработных и работников, находящихся под риском увольнения;

1,2 тыс. женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет; женщин, не состоящих в трудовых отношениях и имеющих детей до 7 лет;

1,1 тыс. граждан предпенсионного возраста и граждан в возрасте 50 лет и старше.

Уровень трудоустройства после обучения составляет 89 %.

Цифровая экономика привносит значительные изменения в рынок труда. Развитие интернета играет ключевую роль в трансформации рынка труда. Он создает новые возможности для удаленной работы и глобального сотрудничества. Удаленная работа становится все более популярной и востребованной, особенно в сфере информационных технологий, маркетинга и дизайна.

Интенсивное развитие технологий и цифровая трансформация привели к возникновению новых способов работы, таких как удаленная работа, фриланс, гиг-экономика и другие формы занятости. Эти изменения в структуре рынка труда создают новые возможности для предпринимателей и специалистов, к тому же, они позволяют существенно увеличить гибкость работы и эффективность бизнес-процессов.

Цифровая трансформация представляет собой сложный и многогранный процесс, который оказывает определенное влияние и вносит серьезные изменения в развитие рынка труда. Она открывает новые возможности и создает новые вызовы, поэтому важно научиться грамотно использовать технологии и гармонично сочетать их с человеческим фактором, чтобы достичь устойчивого развития рынка труда.

Литература

1. *Бутл Р.* Искусственный интеллект и экономика: работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин / *Р. Бутл*; пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2020. – 427 с.
2. *Овчарова Л.Н., Аникин В.В., Сорокин П.С.* Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. *Л.Н. Овчаровой, В.В. Аникина, П.С. Сорокина*. – М.: ВЦИОМ, 2023. – 462 с.
3. *Овчарова Л.Н., Аникин В.В., Куреной В.А., Сорокин П.С., Ворон О.В.* Гармонично развитая и социально ответственная личность / *Л.Н. Овчарова, В.В. Аникин, В.А. Куреной, П.С. Сорокин, О.В. Ворон*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 46 с.
4. *Синявская О.В.* [и др.] Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад [Электронный ресурс] / *О.В. Синявская* [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2024. – 64 с. – URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/940903153.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.04.2024 № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования».

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2461-р.
8. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 31.03.2014 № 208 «Об утверждении Регламента прогнозирования потребности экономики Республики Татарстан в подготовке кадров и формирования государственного заказа Республики Татарстан на подготовку кадров с высшим и средним профессиональным образованием и ускоренную подготовку кадров».
9. ИнтерФакс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.interfax.ru/interview/980390 (дата обращения: 10.11.2024).
10. РБК Компании [Электронный ресурс]. – URL: https://companies.rbc.ru/news/lOS43dZ6RB/-chto-nam-dal-ryinok-truda-v-2024-i-chego-ozhidat-v-2025/ (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 316.44

ПАРАДИГМА ПРОСЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Карцева Лидия Валерьевна
ФГБОУ ДПО «Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса» (ТИПКА), Казань, Россия

Аннотация. Семейное воспитание и семейное образование как направления социальной деятельности в ходе общественной модернизации в Российской Федерации в немалой своей части редуцируются к просемейному образованию и воспитанию. Отличие данного явления в том, что затрагивает оно не собственно семью как малую группу, а общественные и государственные образовательные организации, помогающие семье справиться с формированием семейно-ориентированной личности.

Проблема состоит в том, что вводимая с 2024 года в школы страны дисциплина «Семьеведение» на самом старте проекта утрачивает своё существо, становясь аналогом морально-нравственного воспитания в его психолого-педагогическом исполнении, исключающем всякое включение социологического и социального объяснения многосложного явления семьи как социальной общности, социальной организации, социального института и социальной группы.

Ключевые слова: семейное образование, семейное воспитание, просемейное воспитание и образование, семьеведение, модель семьи в семьеведении, семейно-ориентированная личность, семейность, семейный образ жизни.

В современной социогуманитарной науке происходят обновления в связи с динамично развивающейся социальной ситуацией в сфере общественного образования и воспитания. В частности, на протяжении столетий российской истории существовал тренд образования внутри семьи, которое справедливо называлось обучением на дому. Инновация сравнительно недавних годов, закреплённая законом, - *семейное образование* (или обучение). Так, согласно ст.17 ФЗ-273 «Об образовании в РФ» от 29.12.12, форма получения образования вне школы называется семейным образованием и самообразованием. [1] По инициативе родителей дети самостоятельно осваивают школьную программу - под их контролем и с их помощью.

Собственно говоря, семейное образование существовало во все времена, начиная с Киевской Руси и вплоть до XIX в., различаясь содержанием и сословным характером. [2] Ныне социологи рассматривают семейно-домашнее обучение как реакцию на трансформацию ценности образования в современном мире. [3] Важный нюанс: усилия современной семьи в процессе домашнего обучения собственных детей, с точки зрения ведущего идеолога семейности в Российской Федерации д-ра филос. наук, проф. Антонова А.И. (МГУ им. М.В. Ломоносова), чрезвычайно важны, поскольку направлены на поддержание высокой ценности семейно-

детного образа жизни. До тех пор, пока рождаемость будет падать, убеждает А.И. Антонов, многодетность в сочетании с домашним обучением лишь добавит энергии просемейно настроенным мужчинам и женщинам. [4]

Таким образом, в области *семейного обучения* школьников ситуация более или менее ясна. Пришло в нашу жизнь новое явление, прописалось, и, как отмечает статистика Минпросвещения РФ и образовательных организаций в регионах, «с 2016 года число детей, которые учатся вне школы, выросло в десять раз. По данным исследования, если в 2016 году на заочной форме обучения находилось 17,9 тыс. учеников, в 2023 году таковых стало уже 174,7 тыс.» [5]

Иное дело – *семейное воспитание*. Термин очевиден: это воспитание детей младшего возраста внутри семьи взрослыми родственниками. Важный нюанс: к собственно семейному воспитанию школа или детский сад, лицей или колледж, прокуратура или медучреждение, анклав соседей или представители органов социальной защиты не имеют ни малейшего отношения. Всё перечисленное – составляющие государства и общества, коим официальный вход в семью фактически заказан. Как глаголет Основной Закон Российской Федерации в ст. 24 - право на частную жизнь, «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». [6]

Тогда о чём следует вести речь, так или иначе реализуя тактики и стратегии воздействия на ребёнка, находящегося в стенах образовательной организации, со стороны её работников – педагогов, психологов, управленцев, общественников и т.п. в плане формирования его просемейных установок?

Для начала уточним: pro на латинице означает «за», утверждение в защиту того или иного факта, явления. Следовательно, любое понятие, которое начинается с приставки «про», приобретает значение поддержки называемого феномена. Иначе говоря, если семейное воспитание/обучение находятся внутри самой семьи, то просемейное – вовне, и оно сопровождает семейное, в чём-то дополняет и корректирует его.

В последние десятилетия оформляется понимание гуманитариев и носителей социального знания названной научной категории - *просемейного воспитания и образования*. Однако остановимся на этом моменте подробнее.

Данный термин введён в научный оборот социологами и, как показывает практика, не получил ещё широкого распространения в обыденном сознании. И это неудивительно, ибо принципиально новое укрепляется как в гуманитарных науках, так и в общественном сознании небыстро и нелегко. Не исключение здесь и педагогические работники, и социологи широкого профиля – те, кто делает погоду в системе обучения детей, подростков и юношества.

Вот пример «доисторического» взгляда на воспитание семьёй и внутри семьи. Так, О.А. Котова защищает кандидатскую диссертацию по социологии под названием «Воспитательные стратегии российской семьи в современных условиях» - в 2004 году, 20 лет назад. Во второй главе «Семейные стратегии в сфере воспитания» автор указывает: «Воспитание, являясь важнейшей и неотъемлемой функцией семьи, требует к себе самого пристального внимания, особенно в наше время, когда в обществе растет детская преступность, агрессия, беспризорность. Очевидна в настоящее время необходимость обновления содержания воспитательной работы с молодым поколением» [7, с.14]. Возникает вопрос: сможет ли семья самостоятельно «обновить содержание воспитательной работы» со своими сыновьями и дочерьми? Автор понимает, что «Воспитательный потенциал семьи определяется как ее внутренним потенциалом, так и социокультурным пространством, в котором она существует», и тем не менее влияние социума как такового на семейную группу и институт семьи не рассматривает вообще [8, с.19].

И вот труды последнего десятилетия. В коллективной монографии кафедры социологии семьи и демографии МГУ им. М.В. Ломоносова, изданной в 2015 г. под научной редакцией проф. А.И. Антонова, сообщается: в массовом сознании – фрагментарном и разобщённом – «укрепляются пласты внесемейности, отношения к семье как источнику разного рода девиантности и даже социальной патологии» [9, с.33]. Основания для заявления - рост «внесемейных форм жизни» [9, с.34], внесемейных ориентаций личности, выражающихся в отказе от

пожизненного брака, официальной его регистрации, от обзаведения семьёй и детьми вообще. То есть в данном контексте учёные применяют термин «*внесемейность*».

Следующий шаг – апелляция к «*просемейности*», которую провозглашает «Казанская школа семьеведения», как начальное звено для введения дисциплины просемейного (то есть общественного, но в защиту семьи) образования и воспитания детей дошкольного и школьного возраста в Российской Федерации. И голос казанских учёных-обществоведов, разработавших данный курс, был услышан – во многом благодаря всемерной поддержке депутата – посланницы от Татарстана в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, члена комитета по вопросам семьи, женщин и детей Т.П. Ларионовой.

В частности, в Плане мероприятий по празднованию в Российской Федерации Года семьи (документ № 21515-П45-ТГ от 26 декабря 2023 г.), подписанном М.В. Мишустиным, в пункте 78 указан цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном», посвящённый семье, семейным ценностям и традициям. Следом, в пункте 79, говорится о самостоятельном введении курса внеурочной деятельности «Семьеведение» в школах страны. Адресуется предписание высшим исполнительным органам субъектов Российской Федерации.

В данном контексте примечательно то, что исходной точкой для продвижения данной дисциплины явилось возникновение в конце XX - начале XXI века в Татарстане «Казанской школы семьеведения». Внутри неё были научные труды по социологии семьи – докторское исследование и кандидатские диссертации по социологии семьи, защищённые под руководством автора данного текста. Далее случился выход в практику - в ходе разработки учебного курса «Семьеведение» для обучения студентов факультета социальной работы Казанского медицинского института (начало 90-х годов). Затем, спустя десятилетие, развили дисциплину и адаптировали её к детскому возрасту активисты Татарстанского республиканского отделения Национального общественного комитета «Российская семья». Инновационный продукт был предложен Министерству образования и науки Татарстана с целью апробировать разработку на старшеклассниках. Выбрали предвыпускной 10 класс.

С разрешения руководства МОиН РТ преподаватели вузов-авторы проекта провели в конце 2012-го года занятия в двух школах г. Казани. Курс понравился и детям, и их педагогам. С весны 2013-го учёные-создатели курса начали обучение под крышей Казанского государственного университета культуры и искусств и под эгидой Уполномоченного по правам человека в Татарстане С.Х. Сабурской сначала учителей и руководителей школ, согласившихся освоить новый предмет, а вскоре и воспитателей и заведующих детскими садами республики. Согласно приказам министерства, в Казань на ФПК по семьеведению съезжались представители подавляющего большинства районов Татарстана.

Опыт семьеведов - учёных-гуманитариев и социологов, учителей-практиков татарстанских городов Казани и Нижнекамска, городских посёлков Апастово и Азнакаево растиражирован в десятках научных статей, учебно-методических пособий, опубликованных за 2014–2024 годы. О нём повествует и только что опубликованный труд – коллективная монография учёных Российского социального университета – ведущего образовательного учреждения, курирующего социальную проблематику в Российской Федерации, под названием «Российская семья XXI века». В частности, в главе девятой «Сущность современного воспитания детей и укрепление семейных ценностей в процессе общественной модернизации» рассматривается вопрос просемейного воспитания в школе начала XXI века. В чём актуальность представленного опыта?

Прежде всего, новое состоит в анализе основополагающих категорий просемейного воспитания детей, таких как Семья и Семейный круг (имеем в виду структуру семьи). За высокими фразами о патриотизме и гражданственности, экологии и морали в официальных концепциях семейного воспитания оказались утраченными обычные внутрисемейные связи – не только вертикальные (уже и прародителей «важные разговоры» вспоминали нечасто), но и горизонтальные. Непостижимым образом из представлений детей об институте семьи, семейной общине, семейной организации исчезли тёти и дяди, двоюродные и прочие в степенях родства братья и сёстры, а также племянники и племянницы субъектов. О прародителях, прямых и

боковых, усыновителях, приёмных родителях в воспитании школьников стыдливо не упоминали вообще. Между тем треть учеников любого класса как минимум воспитывается в семье без отца (разводы стали обыденностью в российском обществе), а доля родившихся детей, изначально лишённых одного из родителей, исчислению и не подвергается – в святых святых интимности и гражданского статуса матерей социологи и демографы предпочитают не заглядывать.

Почему важно говорить о семейных связях? Отнюдь не для досужих разговоров о том, кто есть кто в ближнем круге. Ребёнок должен усвоить *роль* каждого своего родственника в его жизни, поскольку указанные персоны имеют роли по своему характеру не столько индивидуальные, сколько социальные. Тогда юной личности станет понятна логика собственного поведения в коммуникации с близкими, а значит будет менее острой почва для возможных конфликтов.

Если на занятиях семьеведением учителя смогут вникнуть в существо социологического трактования института семьи и семьи как малой группы, то можно будет рассчитывать на подобный анализ сложного материала о семье как таковой. Однако здесь проблема состоит в подготовке кадров семьеведов. На данный момент в масштабах страны она не организована. Педагоги начали первый семьеведческий год кто во что горазд. Чаще всего опираются на литературно-художественный материала, на фольклорный пласт, на этнопедагогику и этнопсихологию, игры, - словом на понятное им гуманитарно-психологическое объяснение всего и вся в границах семьи. Любимая тема учителей – модели семейного воспитания, изучаемая в вузах и совершенно не актуальная для школьников среднего и даже старшего возраста. А ещё с энтузиазмом подхватываются темы внутрисемейных конфликтов и развлечений в семье. Собственно то, ради чего семьеведение нами и затевалось, - идея демографического сохранения российского общества, привлечения внимания школьников к созданию брачной пары, рождению детей и их разумному воспитанию, - уходит на второй план. Всё важное уступает перед неискоренимой установкой Министерства просвещения на *внеучебный* характер занятий. Потому и предлагаются педагогам игры, конкурсы, викторины и прочая канитель, заменяющая в сознании детей подлинный разговор о сути семейности, семейного образа жизни, о целях и задачах семьи как социальной структуры в современном обществе, переживающем пору невиданных катаклизмов.

Семьеведение по-казански в центр внимания ставит также и Дом. По нашему разумению, без ДОМА не может быть СЕМЬИ. В наивном понимании дом – это едва ли не элитное строение для одной семьи, отвечающее чаяниям состоятельных граждан. В нашем понимании Дом – это всего лишь место для жительства сначала троих – родителей и их ребёнка, а потом и большего числа домочадцев. И оно может быть как самым скромным, так и попросторнее, лишь бы каждому живущему в нём было комфортно и здоро́во. В не столь частых уже случаях в городском или сельском Доме или Квартире могут находиться вместе с семьёй незамужняя сестра/тётя, бабушка или дедушка/ мама или папа одного из супругов, или бабушка с дедушкой вместе (не смогли разъехаться два поколения). Тогда школьники узнаю't о самых распространённых типах семьи – нуклеарной и расширенной, в широких слоях общества именуемой как многопоколенная.

То, что удалось просмотреть по первым попыткам изложить собственное видение семьеведения педработниками страны, сразу ставит межу между социологическим и педагогическим видением вопроса. Социологи бьют в одну точку – объяснить детям миссию семьи как социальной организации, подтолкнуть детское сознание к пониманию её основополагающей роли в сохранении страны и государства и собственных задач по идентификации себя с семейно-ориентированными людьми. Педагогам же важно провести морально-нравственное воспитание детей ещё и через семью, привычно приплюсовав его к иным типам воспитания - гражданскому, патриотическому, экологическому, трудовому и иным т.д. Потому акцент переносится ими с социального звучания семьеведения на психологическое.

А далее инструктивные документы Министерства просвещения РФ обязывают нижестоящие звенья руководства образованием уповать на семейную конфликтологию и семейную

психологию. Фактически школьники от 7 до 18 лет становятся клиентами профессиональных психологов, вынуждены вникать в науку, которая их сознанию недоступна в принципе и может стать понятна (далеко не всем!) уже после окончания средней школы.

Фишкой воспитателей детских садов и учителей школы от первого до последнего класса является игра в прошлое. Когда настоящее не совсем понятно, а будущее пугает, гораздо легче уйти в родологию, рассматривать в каждом учебном году фамильное древо семьи ученика. Очевидно, что подобное занятие поднимет семейную культуру, но вряд ли вовлечёт детей всех возрастов в науки культурологию и историю, станет поводом для выбора модели семьи, будь то однодетная или многодетная. За деревьями не видно леса – формирования установки на появление новых членов семьи, радования за устойчивые дружеские отношения между несколькими братьями и сёстрами, которые в семьеведении должны быть в самом центре внимания. Поездки семьи по стране и домашнее музицирование, затрагиваемые в уроках развлекательного характера, – только оттенки во вкусе основного блюда – полной и благополучной семьи с детьми.

Иначе говоря, практическое воплощение полезной задумки уже на старте становится крайне проблематичным. Суть реального семьеведения (название говорит само за себя: *ведать семью*), судя по установкам официальных органов образования, передаваемым вниз, вплоть до каждой школы, целиком выхолащивается, остаётся закрытой для обучаемых и воспитуемых.

«Казанская школа семьеведения» предлагает детям и взрослым следующую модель семьи. Несмотря на все негативные институциональные проявления семейности в России XXI века, всё-таки нужно ориентироваться а) на семью *полную*, б) в законном, то есть *гражданском браке родителей*, в) *с несколькими детьми*, г) *социально и психологически благополучную*. Именно такой вариант семейного образа жизни крайне необходим государству и более всего адекватен надеждам на личное счастье в настоящем и будущем мужчин и женщин репродуктивного возраста. Усваивая его сейчас, ребёнок в будущем сможет преодолеть ограничения собственной семьи, уйти от нежелательного опыта матери и отца.

Важное дополнение к сказанному: семьеведение всё-таки не развлекательное мероприятие, проводимое раз в неделю или в месяц, а урок, который должен оставаться в памяти и в сознании ребёнка, даже если по этому уроку нет оценок и нет серьёзных домашних заданий. Тепло, которое каждый мальчик, каждая девочка вынесут из встречи с учителем семьеведения, по совместительству классным руководителем, прошедшим специальную подготовку на факультете соцработы или в педагогическом вузе, хоть и по программе семейного тьюторства, запомнится, будет согревать их души в трудные минуты и плавно перейдёт в собственно семейное будущее учащегося XXI века.

Литература

1. Семейное образование [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/17/ (дата обращения: 02.11.2024).
2. *Белоусов К.Ю., Яшина М.Н.* Развитие семейного образования в России // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 1. – С. 62–65. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-semeynogo-obrazovaniya-v-rossii/viewer (дата обращения: 02.11.2024).
3. *Ляликова С.В.* Семейно-домашнее обучение как реакция на трансформацию ценности образования в современном мире [Электронный ресурс]. – URL: https://elis.psu.ru/node/555645 (дата обращения: 02.11.2024).
4. *Антонов А.И., Ляликова С.В.* Социологическое исследование феномена семейного образования [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-issledovanie-fenomena-semeynogo-obrazovaniya (дата обращения: 02.11.2024).

5. *Братерский А.* Семья не в школе. В России растет популярность онлайн- и семейного образования [Электронный ресурс]. – URL: https://www.finam.ru/publications/item/semya-ne-v-shkole-v-rossii-rastet-populyarnost-onlayn-i-semeynogo-obrazovaniya-20240917-1713/ (дата обращения: 02.11.2024).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 24 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/-bcddbd9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175/ (дата обращения: 02.11.2024).
7. *Котова О.А.* Воспитательные стратегии российской семьи в современных условиях: автореф. дис. … канд. социол. наук. – Курск, 2004. – 157 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/vospitatelnye-strategii-rossiiskoi-semi-v-sovremennykh-usloviyakh/read (дата обращения: 02.11.2024).
8. Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России: коллективная монография. – М., 2015. – 244 с.
9. Российская семья XXI века / науч. проект; науч. рук. проекта *Д.Ф. Алиев*; рук. проекта *Г.И. Климантова*. – М.: Изд-во РГСУ, 2024. – 248 с.
10. *Карцева Л.В.* Сущность современного воспитания детей и укрепление семейных ценностей в процессе общественной модернизации // Российская семья XXI века. – 2024. – С. 165–195.

УДК 316.44

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Сухарева Алеся Владиславовна,
Рысаев Ильшат Шавалиевич
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ эффективности системы оценки деятельности органов местного самоуправления. Выявлены причины недостаточной эффективности существующей системы оценки. Определены основные направления оценки управленческой деятельности с точки зрения внутриорганизационных механизмов. Предложены рекомендации по совершенствованию системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в современных условиях.

Ключевые слова: система оценки эффективности управленческой деятельности, критерии и показатели оценки, органы местного самоуправления, ключевые показатели оценки эффективности.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, на сегодняшний день являются Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов", Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. N 1317 "О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов" и соответствующие нормативно-правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В частности, в Указе Президента Российской Федерации определены 14 видов основных показателей. Они все связаны с оценкой социально-экономического развития территории

муниципальных образований и практически не отражают оценку управленческой эффективности деятельности органов местного самоуправления. Поэтому мы можем предположить, что эти показатели больше работают на констатацию сложившегося социально-экономического положения муниципальных образований, а не на его изменение и повышение эффективности системы управления. Ежегодно руководители органов муниципальных образований отчитываются о состоянии социально-экономического развития своей территории перед органами государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Оценка эффективности системы управления социальных субъектов является основой совершенствования системы мотивации к улучшению их управленческой деятельности. Для того, чтобы эта система работала эффективно, необходимо обеспечить ее объективность, полноту, прозрачность и независимость. В существующей системе слабо выражена роль независимой экспертной оценки эффективности системы местного самоуправления и ее оценка гражданами. Нерешенным на сегодняшний день является также вопрос о том, какие направления управленческой эффективности должны оцениваться и по каким показателям. В бизнес - организациях есть система управленческого учета и управленческого аудита. Как правило, при оценке управленческой эффективности выделяются такие направления как: стратегия деятельности, организационно-управленческая структура, процесс принятия управленческих решений, стиль управления, организационная культура, кадровая работа, система документооборота и др. Для каждого направления управленческой деятельности существуют конкретные критерии и показатели оценки эффективности. К ним относятся, например, степень централизации и децентрализации принятия управленческих решений, норма управляемости, степень бюрократизации, степень соответствия стиля управления содержанию деятельности, количество реализованных и нереализованных решений, соучастие сотрудников в управлении, состояние социально-психологического климата, компетентность и текучесть управленческих кадров, затраты на содержание административно-управленческого персонала, эффективность выполнения управленческих функций и др. В наиболее продвинутых организациях эти показатели учтены в системе KPI (или КПЭ - ключевые показатели эффективности).

При оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления конечными показателями являются качество и уровень жизни населения. Качество и уровень жизни населения как интегральный показатель включает в себя более ста отраслевых показателей. На качество и уровень жизни населения в муниципальных образованиях влияют не только органы местного самоуправления, но и много других субъектов и факторов: государство, бизнес-структуры, общественные организации, бюджетные учреждения, природно-географический фактор и сами граждане. Как вычленить из всей совокупности факторов роль органов местного самоуправления – не представляется сегодня достаточно ясным и обоснованным. В федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» основным ориентиром для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления является решение вопросов местного значения. Но здесь не определены конкретные качественные и количественные критерии и показатели степени их решения. В зависимости от финансово-экономического состояния муниципальных образований степень и качество решения вопросов местного значения также выглядят по-разному. Хроническая дефицитность и дотационность многих местных бюджетов не позволяют сегодня эффективно решать закрепленные за ними федеральным законом №131 полномочия по решению вопросов местного значения, а также некоторые делегированные государственные полномочия. В этих условиях недостаточно эффективным критерием является и показатель по оценке доходной и расходной частей местных бюджетов. Экономический подход к оценке эффективности с точки зрения сравнения целевых задач с результатами и затратами на их достижение также является недостаточно показательным в условиях бюджетного финансирования.

Для усиления объективности и эффективности оценки деятельности органов местного самоуправления необходимо на каждом этапе развития зафиксировать достигнутый уровень социально-экономического развития муниципального образования и стратегию его дальнейшего развития. Только тогда можно определить роль и вклад каждого социального субъекта в реализации этой стратегии и степени изменения уровня жизни в лучшую сторону.

На сегодняшний день основными субъектами оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления являются сами органы местного самоуправления, органы государственной исполнительной власти, средства массовой информации, граждане и обращения граждан. Некоторые эксперты и социологи считают, что главными оценщиками эффективности деятельности органов местного самоуправления должны быть независимые эксперты и сами граждане. На наш взгляд, такой подход является достаточно субъективным при отсутствии соответствующей системы мониторинга. Он также может «подтолкнуть» некоторых руководителей органов местного самоуправления к так называемому социальному популизму.

Таким образом, назрела актуальность в разработке более эффективных инструментов оценки деятельности органов местного самоуправления на основе обоснованных объективных критериев и показателей, работающих на реальное совершенствование системы местного самоуправления и повышения качества и уровня жизни граждан в муниципальных образованиях.

Литература

1. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 27.10.2024).
2. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов»: указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/ (дата обращения: 07.11.2024).
3. «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 “Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов” и подп. “и” п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 “Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления”»: постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 (с изм. и доп.) // СПС «ГАРАНТ». – URL: https://base.garant.ru/70286210/ (дата обращения: 28.10.2024).
4. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Башкортостан»: указ Главы Республики Башкортостан от 04.04.2016 № УГ-72 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW140&n=104379 (дата обращения: 08.11.2024).

УДК 316.44

ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ В ФОРУМАХ РОСМОЛОДЁЖИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ТРАЕКТОРИЮ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ СТУДЕНТОВ

Загорский Анатолий Александрович,
Жаркова Марина Александровна
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Аннотация. В исследовании анализируется влияние участия студентов в форумной кампании Росмолодёжи на их профессиональную траекторию и личностный рост. Авторы выделяют ключевые характеристики форумной кампании, которые, по мнению студентов,

способствуют их самореализации. Исследование также анализирует подходы к профессиональному развитию, применяемые по итогам участия в форумной кампании, и определяет перспективы трансформации мероприятий Росмолодёжи для более эффективного достижения их целей.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, личностный рост, форумная кампания, Росмолодёжь.

Динамика современного рынка труда характеризуется постоянными изменениями, что выдвигает новые требования к кадровому составу организаций. Совершенствование производственных процессов и рост конкурентной среды обуславливают необходимость непрерывного обучения и адаптации специалистов к изменяющимся условиям [2]. Следует подчеркнуть, что государственная молодежная политика является одним из ключевых направлений государственной деятельности, поскольку она оказывает значительное влияние на будущее страны. Молодежь обладает потенциалом как социальной группы, способной дестабилизировать общественную ситуацию из-за своей уязвимости и недостаточной социальной поддержки, так и выступать источником ресурсов, способных содействовать повышению уровня развития России и открытию новых возможностей для страны [1].

Изучение профессиональной траектории и личностного роста студентов приобретает значительную актуальность в контексте современных социологических исследований молодежи, учитывая настоятельную необходимость общества в формировании эффективной системы подготовки квалифицированных кадров. В рамках социологического анализа профессиональной принадлежности и профориентационной деятельности такие знаменитые ученые, как П. Сорокин и М. Вебер, выделяют важность профессиональной деятельности как ключевого элемента социальной идентификации, а также исследуют влияние социального престижа на процесс самореализации личности. Наблюдается значительный рост интереса к особенностям этого процесса в школьные и студенческие годы. Ведущие специалисты, такие как Сидорович С.Н., Байбородова Л.В., Репина А.В., Абрамов Р.Н. и Шубкин В.Н., в своих работах акцентируют внимание на ключевых аспектах профориентации, включая психологические особенности личности, социальные факторы, а также влияние образовательной среды на выбор профессии [3]. Анализ данной тематики предоставит возможность исследовать отношение студентов к форумной кампании Росмолодёжи, а также осуществить трансформацию программы мероприятий, что, в свою очередь, содействует её адаптации к практико-ориентированным подходам.

Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь) разрабатывает и реализует план мероприятий в сфере государственной молодежной политики, направленных на формирование системы развития талантливой и инициативной молодежи, социализацию молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации, вовлечение молодежи в социальную практику [4].

Несмотря на то, что исследования, посвященные вопросам профессиональной ориентации школьников, в значительной степени акцентируют внимание на личностном развитии молодежи в целом, существует недостаток исследовательского фокуса на специфических особенностях и проблемах профессиональной траектории студенческого сообщества. В связи с этим возникает необходимость провести анализ особенностей Форумной кампании Росмолодёжи, формирующих профессиональные ориентации, способствующих личностному росту.

Материалами для работы стали:

-публикации, посвящённые анализу профессиональной ориентации молодёжи в школьные и студенческие годы, а также публикации, посвящённые деятельности Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь). В ходе их анализа был применён метод реконструкции, предполагающий, в условиях ограниченной информации, восстановление и дополнение первоначальных значений и смыслов, заложенных в текст автором.

-материалы авторских социологических исследований: исследование «Отношение активных участников форумной кампании Росмолодёжи к проводимым мероприятиям»,

проведенное в 2024 году с использованием методов массового анкетного опроса (N=400), участники в возрасте 18–35 лет.

В данном исследовании основное внимание уделяется изучению отношения участников форумной кампании Росмолодёжи к тем мероприятиям, в которых они приняли участие. Это обусловлено тем, что именно участники могут наиболее точно оценить эффективность мероприятий, а также их влияние на развитие карьеры и личностный рост, что является ключевым фактором для подобных инициатив.

Преобладающим фактором, способствующим участию в мероприятиях Росмолодёжи, является стремление к установлению новых знакомств и построению профессиональных связей, что свидетельствует о желании молодого поколения расширить свои социальные горизонты. Данные исследования подтверждают эту тенденцию: 51% опрошенных выделяют данный аспект как наиболее значимый. В то же время менее значимыми факторами выступают возможность реализации собственных проектов и получение поддержки для их развития (17%), а также участие в мастер-классах и тренингах, направленных на повышение знаний и навыков (17%).

Несмотря на важность установления новых знакомств и расширения круга общения, участники форумной кампании также стремятся получить новые знания по тематике форума, рассматривая это как значимый аспект своей самореализации. Данные опроса подтверждают данное утверждение: 40% респондентов выделяют возможность доступа к новым знаниям и ресурсам как ключевой элемент своего участия в мероприятиях кампании, в то время как 25% отмечают разнообразие предлагаемых мероприятий.

Форумная кампания Росмолодёжи представляет собой обширную платформу, способствующую не только налаживанию межличностных контактов и усвоению новых знаний, но и выступающую в качестве значимого мотивационного фактора для участников, стремящихся к совершенствованию своих практических навыков. Данные, полученные в ходе социологического исследования, свидетельствуют о том, что 31% респондентов после участия в мероприятии отметили повышение уверенности в себе и мотивации к дальнейшему профессиональному развитию, в то время как 25% участников указали на возможность самореализации и демонстрации своих талантов.

Участники форумной кампании Росмолодёжи подчеркивают, что интеграция в экосистему данных мероприятий способствовала положительным изменениям в их жизни, касающимся как карьерных возможностей, так и личностного роста. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что 49% респондентов отметили приобретение ценного опыта и расширение кругозора, в то время как 43% участников указали на получение новых знаний, установление профессиональных связей и открытие возможностей для дальнейшего развития.

Участники форумной кампании подчеркивают, что мероприятия, организуемые Росмолодёжью, предоставляют значительные возможности для самореализации, а также для установления новых межличностных контактов, способствующих дальнейшему взаимодействию. Данные, полученные в ходе социологического исследования, подтверждают данное утверждение: 94% респондентов отметили, что участие в форумах Росмолодёжи способствует формированию их профессиональной траектории, в то время как 98% выразили намерение участвовать в форумной кампании Росмолодёжи многократно. Такие высокие показатели свидетельствуют о высокой эффективности образовательных программ, интегрированных в деятельность Росмолодёжи.

В заключение, можно утверждать, что применение метода реконструкции в анализе публикационных материалов, а также результаты проведенного исследования показывают, что участие студентов в форумной кампании Росмолодёжи способствует ускоренной интеграции в профессиональную среду, основываясь на приобретении необходимых компетенций и опыте взаимодействия с представителями отрасли. В процессе участия в форумах они приобретают практические профессиональные навыки и расширяют своё профессиональное окружение, состоящее из специалистов в аналогичных областях. Это взаимодействие способствует более глубокому пониманию своей профессиональной идентичности и

стимулирует разработку инновационных проектов, что в итоге способствует их успешной профессиональной социализации.

Литература

1. *Скворцов Ю.А., Кривогуб В.А.* Государственная молодежная политика в современной России: приоритеты и перспективы // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4(87). – С. 219–225. – EDN PGKMRL.
2. *Иманкулова С.Э.* Актуальные проблемы самореализации студентов // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2019. – № 4. – С. 151–154. – EDN EBHVON.
3. *Белая А.В.* Профессия как социологическая категория: основные подходы к определению // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 2(14). – С. 7–13.
4. О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 409 (ред. от 21.03.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://clck.ru/3Ect3q (дата обращения: 15.11.2024).
5. Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) [Электронный ресурс]. – URL: https://fadm.gov.ru/agency/about/ (дата обращения: 15.11.2024).

УДК 316.44

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В КАЗАХСТАНЕ

Кузнецова Альфия Рашитовна
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

Жолдоякова Гульден Едыловна
Казахский агротехнический исследовательский университет имени С.Сейфуллина, Астана, Казахстан

Аннотация: Данная статья рассматривает теоретические и практические аспекты государственного регулирования снижения бедности. Проведен анализ основных показателей бедности в Республике Казахстан. Статья направлена на раскрытие взаимодействия двух экономических показателей: уровня бедности и развития инновационной экономики. Также проведен анализ индикаторов инновационного развития в РК, на примере обрабатывающей промышленности. Рассмотрены основные мероприятия государства в этом направлении.

Ключевые слова: Бедность, государственное регулирование, инновационная экономика.

Введение. Для любого государства бедность является основным показателем, определяющим уровень жизни в стране. Это многогранное понятие, которому нужно уделять особое внимание. В экономической литературе имеются различные подходы к определению понятия бедности, и по решению проблем бедности. К примеру, исследователь Овчарова Л.Н. предлагает две стратегии сокращения бедности. Первая стратегия предполагает переход к политике эффективной занятости, к рабочим местам с достойной заработной платой и высокой квалификацией труда. Вторая стратегия предполагает переход к приоритетной поддержке бедных домохозяйств на различных этапах жизненного цикла. Но, тем не менее, каждое государство предусматривает разработку своих собственных мероприятий по решению данной проблемы [1].

Кроме того, данная тематика имеет тесную взаимосвязь взаимодействия двух основных показателей государства: уровень бедности и развитие инновационной экономики. С одной стороны, снижение бедности может способствовать развитию инновационной экономики, а с

другой стороны, развитие инновационной экономики страны может позволить снизить уровень бедности в стране [2].

Цель статьи - изучение вопросов государственного регулирования снижения бедности, как способа развития инновационной экономики в Казахстане.

Результаты исследования. Согласно данным Агентства по статистике Республики Казахстан, уровень бедности населения в Казахстане за период 2017-2023 гг. повысился (таблица 1).

Таблица 1

Индикаторы уровня жизни населения в Казахстане за 2017-2023 гг.

Индикаторы	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Численность населения, тыс.чел	17918,2	18157,3	18 395,6	18631,7	18879,5	19503,2	19766,8
Доля населения, имеющего доходы ниже величины ПМ, %	2,7	4,3	4,3	5,3	5,2	5,2	5,2
Город	1,2	2,5	2,7	3,7	3,8	4,0	4,1
Село	4,6	6,7	6,6	7,6	7,2	7,3	7,0
Глубина бедности, %	0,4	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9
Острота бедности, %	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Среднедушевые номинальные денежные доходы населения, тенге	83 710	93 135	104 282	116 126	130 616	164 438	189 953
Индекс реальных денежных доходов, %	101,8	105,0	106,4	104,3	104,1	102,3	100,9
Коэффициент фондов, раз	5,9	6,0	6,0	5,9	6,0	5,7	6,0
Индекс Джини	0,287	0,289	0,290	0,291	0,294	0,285	0,290
Доля населения с доходами, ниже 60% от медианного уровня доходов), %	10,1	10,0	9,7	9,9	8,7	8,7	9,7
6,85 долларов США по ППС в день	-	-	-	-	7,3	5,4	3,4
Примечание – официальные данные Агентства по статистике РК [3]							

Согласно данным таблицы 1, доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, в 2023 году составила 5,2%, при этом по сравнению с 2017 годом этот показатель вырос на 2,5 процентных пункта. Одной из причин увеличения данного показателя является то, что с января 2018 г. изменена структура прожиточного минимума. Фиксированная доля расходов на непродовольственные товары и услуги установлена в размере 45% к

стоимости минимальной потребительской корзины (совместный приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 7 сентября 2017 года № 296 и Министра национальной экономики Республики Казахстан от 9 октября 2017 года № 354). В абсолютном значении число бедных составило 1027,8 тысяч человек [3].

При этом в стране преобладает сельская бедность, это показатель в 2023 году составил 7%. Глубина бедности – это показатель, показывающий среднее отклонение уровня дохода (потребления) людей, находящихся ниже прожиточного минимума от величины прожиточного минимума, в 2023 году составило 0,9% [3].

Анализируя уровень бедности в регионах страны, то нужно отметить, что наибольший уровень бедности зафиксирован в Туркестанской области (9%), в Мангистауской области (7%) (таблица 2).

Таблица 2

Уровень бедности в разрезе регионов Казахстана за 2017-2023 гг, %

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Казахстан	2,7	4,3	4,3	5,3	5,2	5,2	5,2
Акмолинская	2,9	4,2	4,3	5,9	6,4	6,0	5,3
Актюбинская	1,9	2,9	3,0	3,5	3,7	4,4	4,2
Алматинская	2,4	3,7	2,9	4,0	3,4	3,8	3,6
Атырауская	2,8	2,5	2,5	3,0	3,3	3,3	2,6
Карагандинская	1,6	2,3	2,5	3,0	3,7	3,8	3,0
Костанайская	2,4	4,1	3,4	3,5	3,4	5,0	3,5
Кызылординская	3,0	4,9	4,9	5,8	5,5	5,0	6,2
Мангистауская	3,3	4,9	4,3	5,7	8,6	8,1	7,0
Туркестанская1	6,6	10,6	10,8	12,2	9,8	9,7	9,0
г. Астана	0,8	0,9	1,1	1,5	2,2	1,9	2,4
г. Алматы	1,0	2,8	2,8	4,9	5,2	4,8	5,1
г.Шымкент1	0,2	2,5	2,8	5,0	5,5	6,6	6,4
1 разделение Южно-Казахстанской области на г.Шымкент и Туркестанскую область							
Примечание – официальные данные Агентства по статистике РК [3]							

Данный индикатор является невысоким даже среди развитых стран, что вызывает вопросы к его объективности, особенно на фоне падения реальных доходов населения и высокого уровня затрат на продовольственные товары, так как в стране растет инфляция, цены на продовольственные товары растут, а доходы остаются те же. По сути, бедность в Казахстане должна расти и, на наш взгляд, реальный уровень бедности может быть в два раза выше. А с другой стороны, хотелось бы, чтобы был пересмотрен расчет прожиточного минимума и расчет потребительской корзины по нынешним реальным ценам. Возможно, в таком случае цифры, характеризующие бедность будут приближены к реальным [4, 5].

Черта бедности, установленная в Казахстане и на основе которой рассчитывается уровень бедности, значительно ниже международных стандартов. На данный момент она представляет собой 70% от величины прожиточного минимума, что в 2023 году – составило 34116

тенге. При этом Всемирный Банк установил черту бедности в размере 6,85 долларов США на человека в день. Если учитывать критерий 6,85 долларов в день, то доля бедных в Казахстане составляет 3,4 % (таблица 1). Еще одной важной особенностью Казахстана представляется его сильная социально-экономическая дифференциация; крупные города - Астана и Алматы - живут лучше, чем остальные регионы.

Авторы Ф.И. Аржаев, В.Ю. Андрюхин, Д.В. Сапрынская, исследовав проблемы бедности в современной Центральной Азии, объединили их в «порочный круг» (рисунок 1).

Приведенные на рисунке факторы сохранения бедности, не описывают все поведенческие предпосылки бедности. В условиях бедности и безработицы часть населения ищет источники доходов, мигрирует в другие регионы или страны. Другая часть населения готова обратиться, в том числе и к нелегальным возможностям заработка, что ведёт к росту преступности [6].

Вопрос уровня бедности должен быть на контроле у государства. Разработка стратегии по преодолению бедности в каждой стране требует детального учёта локальной специфики того или иного региона.

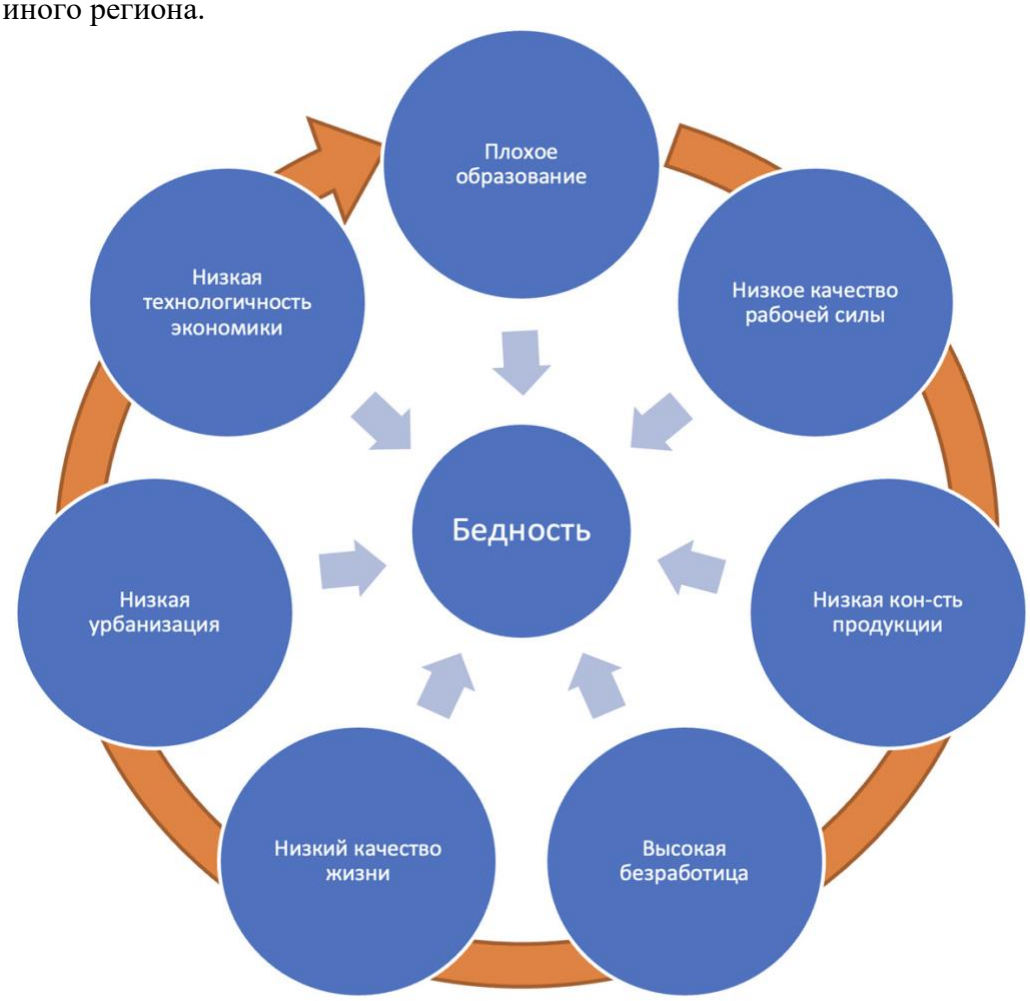


Рис. 1. Порочный круг факторов сохранения бедности в Центральной Азии [6]

Следующий показатель, на который нужно обратить внимание, – это среднедушевые номинальные денежные доходы населения, данный показатель в Республике Казахстан за период 2017-2023 гг. вырос в 2,2 раза. Одним из факторов роста, является деятельность государства в этой области. Государство применяет такой инструмент борьбы с бедностью, как повышение благосостояния населения за счет создания условий для макроэкономической стабильности, путем создания условий для экономического роста и низкой инфляции. Особенно стоит отметить, что экономический рост должен быть качественным, устойчивым, генерируемым ростом

производительности факторов производства. В такой ситуации экономика сама создает стимулы и возможности для населения повышать свой доход и уровень жизни. Поэтому первостепенная задача государства по искоренению бедности заключается в создании условий макроэкономической стабильности [7, 8].

Таким образом, бедность – понятие многогранное и сложное, для ее решения необходим комплексный подход и без участия государства это невозможно. В Республике Казахстан проблему бедности усугубляют следующие проблемы:

- рост неравенства в доходах;
- рост работающих бедных;
- высокая непроизводительная занятость;
- бедность среди самозанятых;
- доминирование занятости в низкопроизводительных отраслях экономики [8, 9, 10].

Проблемы трудоустройства и низкие доходы населения стали предпосылками принятия Программы по повышению доходов населения до 2029 года. Данная программа планирует проведение мероприятий по следующим пяти направлениям:

1. Создание рабочих мест в реальном секторе экономики в рамках региональных карт занятости.
2. Повышение доходов сельского населения в рамках реализации проекта «Ауыл аманаты».
3. Социальные инструменты и меры государственной поддержки.
4. Обязательства по повышению заработных плат из бюджета.
5. Государственная социальная поддержка населению.

В этой программе определены следующие 10 приоритетов:

– рабочая молодежь, как основа для развития страны;
– новые возможности для трудоустройства отдельных категорий социально-уязвимых слоев населения;
– достойная заработная плата бюджетным работникам;
– устранение дисбалансов в трудовых доходах;
– повышение занятости в сельском хозяйстве;
– повышение занятости в туризме;
– массовая занятость в рамках реализации инфраструктурных проектов;
– стимулирование развития эффективной занятости в обрабатывающей промышленности;
– стимулирование роста предпринимательских доходов как фактора повышения доходов населения через внедрение льготного микрокредитования;
– защита покупательной способности доходов [11, 12].

Положительные результаты перечисленных мероприятий позволят снизить уровень бедности. А снижение уровня бедности послужит одним из способов развития инновационной экономики страны. В свою очередь, развитие инновационной системы для любой страны позволит развивать как экономику отдельного региона и города, так и экономику страны в целом.

Е.Ясина выделила семь основных условий инновационного развития экономики: «Человеческие ресурсы. Физические ресурсы. Ресурс знаний. Денежные ресурсы. Инфраструктура. Взаимосвязь эндогенных и экзогенных факторов. Инновационный потенциал» [13].

Кроме того, действующая практика и труды ученых-экономистов показывают, что действующая модель экономики потребления себя исчерпала и на сегодня одним из актуальных векторов развития экономики следует считать формирование инновационной экономики.

Инновационная экономика создавалась, создается и развивается совместно и параллельно с ростом качества и стоимости накопленного человеческого капитала, т.е. параллельно развитию человеческого капитала. И человеческий капитал является главным сложным и интенсивным фактором ее роста и развития.

Накопленный качественный человеческий капитал служит основной частью фундамента экономики знаний и определяет текущий ее уровень и потолок развития [14].

Инновационная экономика – это экономика знаний и высококачественного человеческого капитала. Локомотивом инновационной экономики, движения инновации от идеи до товара и покупателя, генератором идей и инноваций является конкуренция во всех видах деятельности. В свою очередь, инновационная экономика включает шесть основных составляющих, которые необходимо создавать и развивать до конкурентоспособного уровня по мировым критериям:

1) образование;

2) науку;

3) человеческий капитал в целом, включая высокое качество жизни и специалистов высшей квалификации;

4) инновационную систему, которая включает: законодательную базу; материальные составляющие инновационной системы;

5) инновационную промышленность, реализующую новшества;

6) благоприятную среду функционирования человеческого капитала [15].

Преимуществ развития инновационной экономики достаточно, основная цель государства достичь высокого уровня развития.

Текущая ситуация инновационного развития Казахстана характеризуется достаточно позитивно. Доля инновационно-активных предприятий в 2022 году составила 11%, по сравнению с 10,5% в 2021 г., а объем инновационной продукции достиг в 2022 г. 1,9 трлн тенге (в 2021 г. – 1,4 трлн тенге) [3].

Усилена реализация мер государственной поддержки инноваций, таких как инновационные гранты, бизнес инкубирование и прочие. В международном рейтинге Глобального индекса инноваций, который оценивается Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Республика Казахстан поднялась на две позиции, заняв 81-е место (в 2022 году – 83-е место) [16].

Проанализируем некоторые показатели инновационного развития Казахстана, а именно обрабатывающую промышленность за период 2018-2023 гг. (таблица 3).

Таблица 3

Показатели индустриально-инновационного развития Казахстана за 2018-2023 гг.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количества действующих предприятий в обрабатывающей промышленности, ед.	14 700	15 803	16 862	18 163	19 998	20 858
Рабочая сила, человек	9 138,6	9 221,5	9 180,8	9 256,8	9 429,8	9 534,1
ВДС обрабатывающей промышленности, в номинальном выражении, млрд. тенге	7 065,1	7 972,8	9 235,6	11 424,7	13 929,7	14 677,3
ВДС обрабатывающей промышленности, в реальном выражении к предыдущему году, в %	104,5	105,8	104,0	104,7	103,6	104,0
Производительность труда в обрабаты-вающей промышленности, тыс. тг	12169,8	13660,8	15874,4	19 508,2	22 699,9	24 237,6

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Численность занятых в обрабатывающей промышленности, тыс. чел	580,5	583,6	581,8	585,6	613,7	605,6
Объем экспорта обрабатывающей промышленности, млн. долларов США	15 754,8	15 835,7	15 469,5	19 851,8	26 819,6	25 721,6
Объем инвестиций в основной капитал в обрабатывающую промышленность, млн. тенге	1 241914	1 017090	1 077819	1 541 742	1 586 872	1 633 025
ИФО инвестиций в основной капитал в обрабатывающую промышленность, в %	119,7	79,2	104,4	137,4	97,6	98,9
Доля крупных и средних предприятий в обрабатывающей промышленности, ис-пользующих цифровые технологии, в %	-	4,8	6,1	7,8	12,9	16,4
Доля инновационно-активных предприятий обрабатывающей промышленности, в %	15,8	14,4	15,4	12,9	14,8	14,7
Примечание – официальные данные Агентства по статистике РК [3]						

Согласно данным таблицы 3, количество действующих предприятий в обрабатывающей промышленности за период 2017-2023 гг. выросло, темп роста составил 141,8%., численность занятых в обрабатывающей промышленности за этот период выросло на 4%. Объем инвестиций в основной капитал в обрабатывающую промышленность увеличился на 31,5%. Успешная инновационная деятельность способствует не только достижению стратегических целей создания инноваций, а также улучшению инвестиционного климата государства и повышению уровня и качества жизни населения любой страны [17].

Выводы. Таким образом, инновационная система оказывает огромное влияние на развитие различных секторов страны, а проводимые государством мероприятия в рамках принятой государственной программы будут эффективны и послужат предпосылками развития инновационной экономики страны.

Литература

1. *Овчарова Л.Н.* Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. – 2012. – № 10. – С. 78–88.
2. *Жолдоякова Г.Е.* Роль государства в снижении бедности как способ развития инновационной экономики // Экономика и управление инновационными процессами, проектами, программами: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Омск, 19–20 ноября 2014 г.). – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. – С. 9–13.
3. Официальный сайт Агентства по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения: 10.10.2024).
4. *Нуржаубаева Р.Д.* Проблема бедности в контексте задач социальной модернизации Казахстана // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2013. – № 5. – С. 42–48.
5. *Лукпанова Ж.О., Берстембаева Р.К., Тлеужанова Д.А., Мисник О.В.* Социально-экономическое неравенство в стране и отдельные факторы, влияющие на него // Вестник КазУЭФиМТ. – 2023. – № 4. – С. 17–24.
6. *Аржаев Ф.И., Андрюхин В.Ю., Сапрынская Д.В.* Теоретические основы моделирования

системной бедности на примере Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15. – С. 86–111.
7. *Жолдоякова Г.Е.* Роль микрокредитной деятельности в снижении бедности в Республике Казахстан // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 12(84). – С. 10.
8. *Воронкова О.В.* Государственная политика регулирования уровня бедности населения в России и других странах // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 74–81.
9. *Сауранбай С.Б., Байдыбекова С.К., Османов Ж.Д.* Уровень жизни населения: экономические и социальные индикаторы развития // Экономика: стратегия и практика. – 2023. – № 2. – С. 37–56.
10. *Байгабылов Н.О., Турез Ш., Кудабеков М.М.* Оценка и мониторинг бедности и уровня жизни в Казахстане // Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. – 2023. – № 2. – С. 398–406.
11. Об утверждении комплексного плана «Программа повышения доходов населения до 2029 года»: постановление Правительства Республики Казахстан от 14.04.2022 № 218.
12. *Жолдоякова Г.Е.* Зарубежный опыт применения микрокредитования как инструмента снижения бедности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – Т. 6, № 10А. – С. 171–180. – EDN XVLVXP.
13. *Александрова Е.В., Мохначев С.А., Суетин С.Н., Шамаева Н.П.* Факторы развития инновационной экономики региона // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12-2. – С. 331–336.
14. *Аубакирова Ж.Я.* Формирование инновационной экономики в Республике Казахстан: использование зарубежного опыта // Вестник КазНУ. – 2012. – № 2. – С. 33–36.
15. *Жумагулова А.К., Бимагамбетова Б.К.* Инновационное развитие экономики Казахстана в условиях глобальной конкуренции // Наука и реальность. – 2021. – № 1(5). – С. 114–117.
16. Указ Президента Республики Казахстан от 18.05.2015 № 21 «Проект стимулирования продуктивных инноваций» [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/U1500000021 (дата обращения: 10.10.2024).
17. *Кузнецов А.И., Ахметьянова А.И.* Тенденции повышения уровня и качества жизни населения в Республике Татарстан // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 2(18). – С. 257–266. – DOI 10.47309/2713-2358-2024-2-257-266. – EDN AOJNHN.

УДК 316.44

СЕТЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И НОВЫЕ МОДЕЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭКОСИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Кичерова Марина Николаевна
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В современном мире растет запрос на непрерывное обучение, появляются новые поставщики образования, расширяется сегмент неформального и корпоративного обучения, рынок EdTech - платформы массовых открытых онлайн-курсов, школы интернет-профессий, что свидетельствует о формировании экосистемы образования взрослых. В работе представлены новые формы и модели сотрудничества, сетевые образовательные программы, ассоциации и партнёрства. На основе анализа экспертных интервью (N=30) показаны преимущества и ограничения новых форм сотрудничества университетов с EdTech и работодателями, рассмотрены пять моделей. По результатам исследования установлено, что современные модели сотрудничества переводят образовательную и социально-экономическую систему на другой уровень коммуникативной связности игроков, потребителей, институций, иллюстрируют становление экосистемы образования взрослых. Анализ кейсов и практик Евразийского

пространства, таких как сетевой университет стран БРИКС, программы микростепеней ВШЭ и ТГУ в сотрудничестве с работодателями и EdTech показал, что новые формы партнерства и вариативные модели сотрудничества способствуют расширению образовательного пространства, синхронизации спроса и предложения актуальных навыков на рынке труда, в том числе микроквалификаций, обеспечивают устойчивое социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: образование, образовательная экосистема, сетевые образовательные программы, EdTech, сетевой университет, микростепени, модели сотрудничества

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78-10085, https://rscf.ru/project/23-78-10085/

В современном мире растет запрос на непрерывное обучение, что обусловлено переходом к новому технологическому укладу, диверсификацией экономики, развитием технологий. Образовательное пространство расширяется: растет рынок EdTech (платформы массовых открытых онлайн-курсов, школы интернет-профессий), развивается неформальное и корпоративное обучение. Размыкание институциональных границ, появление новых образовательных форматов, технологий и поставщиков услуг/провайдеров приводит к формированию открытого образовательного пространства, которое обретает черты экосистемы. Образовательная экосистема характеризуется гибкостью связей, высокими адаптивными возможностями, конкурентным сотрудничеством (кооперенцией) и симбиозом участников, в ней могут объединяться учреждения формального и неформального образования, усиливая сетевой эффект образовательных институтов [1, с.61]. Для описания новых явлений и процессов в экосистеме образования можно использовать междисциплинарный тезаурус, интегрирующий социально-экономический, педагогический и технологический дискурсы [2, с.25], благодаря которому можно описывать новые форматы коммуникации, которые переводят на новый уровень связности всех участников рынка образования, включая потребителей. Внешние вызовы социально-экономического и геополитического характера привели к тому, что традиционные поставщики образования, такие как университеты, центры ДПО, колледжи активно перестраивают свою деятельность через новые формы сотрудничества с работодателями, представителями бизнеса, индустрии, EdTech. Для обеспечения конкурентных позиций и устойчивого развития, образовательные организации стали практиковать не только сетевые программы и деловые ассоциации, но и другие модели взаимовыгодного партнерства с различными стейкхолдерами.

Цель работы – выявить модели новых форм сотрудничества образовательных организаций, оценить их преимущества и недостатки на основе экспертного мнения.

Материалы и методы. Для исследования современных практик сотрудничества и партнерства образовательных организаций был использован метод экспертного опроса. Опрос экспертов проводился методом глубинного полуформализованного интервью, выборка строилась по критериальному принципу: критериями отбора служили опыт работы в сфере образования взрослых, дополнительного профессионального образования, корпоративного обучения и EdTech. В исследовании приняли участие 30 экспертов из г. Москвы, Тюмени, Томска, Перми, Екатеринбурга. Дополнительно использован вторичный анализ данных, представленных в открытом доступе в медиапространстве: витрины образовательных курсов, официальные сайты образовательных организаций, медиакарты образовательного ландшафта. При обработке данных применялись приемы кластеризации мнений, интерпретационного и сравнительно-сопоставительного анализа, качественного контент-анализа.

Результаты исследования. Экспертный анализ процессов и новых форм сотрудничества в сфере образования взрослых показал, что к настоящему времени сложились различные конфигурации сотрудничества в сфере образования взрослых, которые можно представить в виде моделей.

Первая модель «университет плюс университет» является наиболее укоренившейся практикой, которая реализуется через сетевую образовательная программу. Сетевые образовательные программы («программы двух дипломов») имеют как правило модульную

структуру, позволяют использовать ресурсы нескольких организаций, при этом четко прописана ответственность всех участников сетевой программы, декомпозиция результатов обучения. Все ведущие университеты мира реализуют сетевые образовательные программы, сочетающие лучший опыт, ресурсы и компетенции. Одним из наиболее ярких примеров такой модели сотрудничества можно считать сетевой университет стран БРИКС, который начал свою деятельность в 2015 году, определив основными задачами объединение ресурсов для научно-исследовательской и образовательной деятельности, академическую мобильность. Двенадцать российских университетов включены в данный проект. Преимуществами такой модели сотрудничества является насыщение экономик стран участниц высокопрофессиональными кадрами, возможность реализации сетевых программ на разных уровнях подготовки (бакалавриат, магистерские программы, программы PhD), совместные научно-исследовательские проекты, инновационные разработки, их интеграция в образовательный процесс. Среди ограничений данной формы, по мнению экспертов – трудности бюрократического характера, связанные с разными процессами менеджмента компаний-партнеров, асимметричностью управленческих решений (в одностороннем порядке «сократили кредиты на магистерской программе»), дополнительным обеспечением контроля качества образовательного процесса, «зеркальных» исследовательских практик и процедур (эксперт 7, г. Тюмень).

Вторая модель «EdTech плюс EdTech» иллюстрирует стратегии объединения для достижения стратегических целей, в первую очередь освоения новых рынков, продвижения образовательных стартапов, продуктов и услуг. По оценкам экспертов рынок образовательных технологий является одним из самых динамичных, в течение последних лет именно этот сегмент демонстрирует самые высокие показатели роста. В качестве иллюстрации данной модели партнерства можно привести создание Российской ассоциации цифровых инноваций в образовании (РАЦИО), учредителями которой выступили компании Алгоритмика, Нетология, Сбер.Образование, Сколково, Skillbox, Ultimate Education, Maximum Education, Образовательный кластер VK (ВКонтакте) [3].В настоящее время ассоциация включает 15 крупнейших лидеров EdTech отрасли в России. В глобальном образовательном пространстве такой формат сотрудничества также развивается, что подтверждается исследованиями компании HolonIQ: по результатам ежегодного мониторинга рынка на интерактивной карте глобального образовательного ландшафта представлен целый кластер Мета EdTech [4]. По мнению экспертов, преимущества таких моделей партнерства в том, что объединение игроков EdTech усиливает позиции в глобальной конкуренции, способствует институциализации отрасли, компании становятся сильнее за счет использования высокотехнологичных решений, в том числе для сегментов B2B и B2G. В качестве недостатков и ограничения данной модели отмечена возможность агрессивных бизнес-стратегий и жесткой конкуренции.

Третья модель «университет плюс EdTech» позволяет выстраивать продуктивное сотрудничество традиционных поставщиков образования и современных EdTech -компаний. В данной модели возможны вариации: университеты могут оцифровывать и размещать на платформах-интеграторах имеющиеся курсы, использовать для этого имеющиеся платформы-интеграторы или создавать свои, включать в свой образовательный процесс отдельные курсы или модули от EdTech-компаний, настраивать с помощью EdTech аналитику образовательных продуктов и др. На языке бизнеса данную модель сотрудничества также называют OPM (Online Program Management), т.е. «упаковка» образовательного продукта университета для онлайн-образования выполняется EdTech компанией, но не просто отдается на аутсорсинг, а реализуется в партнерстве.

Преимущества такой модели сотрудничества, по мнению экспертов, проявляются в том, что позволяют связать «академический мир с возможностями современных технологий» (эксперт 19, г. Екатеринбург), обеспечить в программах сочетание фундаментальных знаний с конкретными практическими навыками. Современные EdTech продукты позволяют добавить в образовательный процесс цифровые библиотеки с удобной системой поиска данных, интерактивные практические занятия в VR/AR-лабораториях, на VR -тренажерах и симуляторах, позволяющие отработать практические навыки. Среди недостатков можно отметить слабую

разработку отечественной нормативно-правовой базы для регулирования EdTech рынка, искажения педагогического дизайна, перевес технологических инструментальных навыков, в том числе при подготовке к новым цифровым профессиям.

Следующая модель «университет плюс EdTech плюс работодатели и государство» сочетает уже четыре категории стейкхолдеров, имеет определенные преимущества. В качестве наиболее интересных вариаций данной модели можно рассмотреть кейсы, где сотрудничество образовательных организаций с работодателями нацелено на формирование актуальных навыков для новых перспективных видов профессиональной деятельности, их легитимное признание и сертификацию. Востребованными стали микроквалификационные программы - краткосрочные обучающие курсы для ускоренного получения навыков в узкоспециализированной отрасли. Например, Высшая школа экономики (ВШЭ) позиционирует такие курсы как новый образовательный продукт [5], отличительной особенностью партнерства является то, что в разработке и реализации программ задействованы работодатели и эксперты отрасли. После завершения обучения слушатели получают сертификаты ВШЭ, подтверждённые работодателями (компании-партнеры программы), что облегчает выход на рынок труда, позволяет обладателям таких сертификатов трудоустраиваться в эти организации. Томский государственный университет (ТГУ) видит в микроквалификационных программах потенциал для преодоления квалификационного разрыва между современным образованием и рынком труда, в перечень микроквалификаций (микростепеней), предлагаемых на сайте ТГУ, входят самые востребованные и актуальные навыки, такие как работа с искусственным интеллектом – программы «Введение в промт-инжиниринг», «Управление ML/AI – проектами», программы обучения для работы с беспилотным транспортом «Оператор БПЛА», «Специалист по разработке конструкторской документации БВС», «Оператор FPV-дронов», «Подготовка к полету и управление БАС», «3D - моделирование и 3D-печать при создании БАС» и другие программы [6].

Еще одним важным аспектом в такой модели сотрудничества является возможность сочетания итоговой аттестации с процедурой независимой оценки квалификаций, позволяющей подтвердить соответствие полученных навыков профессиональному стандарту. В России система независимой оценки квалификаций внедряется с 2014 года, однако пока данная практика не стала популярной среди работодателей и соискателей. Поэтому включение процедуры независимой оценки квалификаций в модель партнерства работодателей и образовательных организаций является важным шагом, способствующим межсекторальной мобильности работников, возможности смены профессиональной траектории, быстрому реагированию на запросы рынка труда. По мнению экспертов, преимущества многостороннего сотрудничества очевидны, это возможность синхронизации спроса и предложения на рынке труда, новые точки сопряжения индустрии и поставщиков образования, внедрение технологических инноваций, улучшение конкурентных позиций университетов, так как EdTech привносит продуктовый рыночный подход в деятельность университетов. В качестве недостатков такой модели было высказано мнение, что EdTech «начинают вытеснять» университеты, становятся сильными игроками рынка образования (эксперт 3, г.Тюмень), однако большинство экспертов сходятся во мнении, что лучше не конкурировать, а сотрудничать, получая взаимную выгоду.

Пятая модель «поставщики образования (университеты и EdTech) плюс потребители» -представляет коммерческую модель сотрудничества за счет формирования сообщества потребителей. Используя реферальные программы привлечения новых клиентов на образовательные курсы, пользователи становятся вовлечены в процесс деятельности компании. Такое сотрудничество характерно для экосистемного подхода, бизнес-моделей unit-экономики. Одним из кейсов, иллюстрирующих такую модель, может быть опыт компании «Яндекс Практикум», где «почти половина новых пользователей платформы пришла по рекомендации тех, кто уже учился на ней» [7]. Поддержание лояльности, интерес к новым образовательным продуктам, использование социального капитала пользователей существенно влияет на развитие компаний, в том числе EdTech и университетов, позволяет привлекать новые ресурсы. Существенных ограничений и рисков в данной модели сотрудничества отмечено не было.

Таким образом, значительная часть экспертов выразили мнение о необходимости развития новых форм партнерства, представленные вариативные модели сотрудничества в основном имеют преимущества для участников деловой кооперации. По оценкам экспертного сообщества обсуждение новых форматов сотрудничества сохраняет актуальность, имеет перспективы дальнейших исследований. Анализ моделей взаимодействия ключевых стейкхолдеров (образовательных организаций, государства, работодателей, работников, EdTech, потребителей образовательных услуг) иллюстрирует вариативность моделей сотрудничества, требует дальнейшего изучения лучших практик. Стратегически важной остается задача формирования компетенций для высокотехнологичной экономики и переобучения значительной части взрослого населения. Эксперты подчеркнули, что необходимо найти новые точки опоры, позволяющие сохранить лучшие традиции российского образования, грани сопряжения рынка труда и форматов для обучения взрослых, в том числе через модели партнерства. Проведенное исследование показало, что новые форматы коммуникации и сотрудничества, которые складываются в образовательном пространстве, меняют институциональный дизайн, способствуют формированию национальной экосистемы образования и устойчивому социально-экономическому развитию.

Литература

1. *Кичерова М.Н., Трифонова И.С.* Принципы экосистемного подхода: возможности для моделирования образовательной экосистемы // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 45–72. – DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2303.03.
2. *Семенов М.Ю., Кичерова М.Н., Трифонова И.С.* Экосистема образования взрослых: конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 12–39. – DOI: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-12-39.
3. Российская ассоциация цифровых инноваций в образовании (РАЦИО) [Электронный ресурс]. – URL: https://racio.tech/ (дата обращения: 17.11.2024).
4. HolonIQ. 2022 Global Learning Landscape [Электронный ресурс]. – URL: https://www.holoniq.com/global-learning-landscape (дата обращения: 17.11.2024).
5. Microdegree – программы освоения профессиональной микроквалификации. Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/microdegree/ (дата обращения: 17.11.2024).
6. Микростепень: новый стандарт для нового времени. Томский государственный университет [Электронный ресурс]. – URL: https://news.tsu.ru/projects/employment/mikrostepen-novyy-standart-dlya-novogo-vremeni-/ (дата обращения: 17.11.2024).
7. Самые быстрорастущие EdTech-компании в сегменте ДПО поделились секретом успеха (Илья Курмышев, CEO «Яндекс Практикума») // Skillbox Media [Электронный ресурс]. – URL: https://skillbox.ru/media/education/samye-bystrorastushchie-edtechkompanii-v-segmente-dpo-podelilis-sekretami-uspekha/ (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 316.44

ИНВАРИАНТНЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Лушников Дмитрий Александрович

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Статья посвящена инвариантному аспекту модернизации, который предполагает акцентуацию на опыте поведения социальных систем в ситуации реформирования. Дается общая аналитическая рамка использования инвариантного аспекта модернизации, как

этапа в планировании и проектировании реформ. В заключении, на основании инвариантного подхода, представляются некоторые направления евразийской интеграции как союза независимых экономически связанных государств.

Ключевые слова: инвариант, модернизация, инвариантный аспект модернизации, инвариантный анализ, евразийская интеграция

Проблематика евразийской интеграции связана с идеей развития, участники интеграционных процессов в той или иной степени нацелены на модернизацию своих экономик и определенное осовременивание своих обществ, что выдвигает на первый план рефлексию концепций модернизации. Учитывая межгосударственный характер евразийской интеграции, подобная модернизация априори не может носить исключительно страновой характер и должна предполагать комплекс согласованных действий и реформ. Постсоветская география евразийской интеграции предполагает неизбежное обращение к опыту модернизации Русского царства, Российской империи и СССР.

Как то Н. Луман отметил, что: «К своеобразиям самоописания современного общества относится то, что оно нуждается еще в какой-то «модернизации». Подобно тому, как индивидам пытаются внушить, что они не только являются реальными, но еще нуждаются в какой-то самореализации, так и общественная теория модерна как бы исходит из того, что современное общество еще не является современным и должно еще что-то для себя наверстать, чтобы в конечном итоге стать современным» [1, с. 233]. Отсюда возникает вопрос: можно ли модернизировать уже современное, модернизированное общество и проблема «модернизации модерна». Это во многом обусловлено различиями в интерпретациях и аспектах исследования Модерна и современности как таковой.

Проблематика модернизации получает второе дыхание в 1980-х годах в связи с кризисными явлениями и начавшейся вестернизацией в странах социалистического лагеря. В этот период были выдвинуты теории «постмодернизации» Дж. Александера, Р. Инглхарта, теории «неомодернизации» Э. Тирикьян. теории экологической модернизации (Э. Гидденс, У.Бек, О. Яницкий и др.). Осмысление посткоммунистической вестернизации привело к появлению теории позднего модерна Э. Гидденса и теории рефлексивной модернизации У. Бека.

Различия в опыте и механизмах модернизации в мире обусловили дискуссии о факторах модернизации, идея Т. Парсонса о демократии как условии успешной модернизации и фундирующая ее максима М. Липсета о том, что экономический рост в рыночной экономике демократизирует общество и политическую систему, столкнулись с рядом исключений, основными из которых считались модернизации в Юго-Восточной Азии, Китае и России. В конце 1990-х годов развивается концепция «множественных современностей» (multiple modernities), отсылающейся к работам Ш. Эйзенштадта. В 2000-е годы появляется представление о том, что незападные авторитарные общества обладают преимуществами, обеспечивающими более высокие темпы экономического роста, поскольку перед глазами стоял пример быстро растущей китайской экономики.

В свою очередь антизападные, неоколониальные, ориенталистские подходы к анализу модернизации, критикуя теорию за европо- и американоцентризм, грешили неразличением универсальных и специфических характеристик обществ модерна.

Данные противоречия, обусловленные непониманием другой культуры, стереотипизацией представлений о Западе, пропагандой западного образа жизни, у сторонников вестернизации, то есть модернизации на основе западных культурных образцов и институтов, вызывали когнитивные абберации, приводящие к неадекватному пониманию условий и механизмов модернизации. Что, в свою очередь, приводило в ходе реформ к некритическому заимствованию специфического опыта модернизации как универсального и универсального как специфического.

К примеру, политическая система США весьма специфична и отлична от европейских систем, каждая из которых содержит свои, пусть зачастую не существенные элементы различий. Но это не мешало некоторым сторонникам вестернизации в развивающихся странах

утверждать существования некоего единого пути «построения демократии». Английская система образования существенно отличается от немецкой, а так называемая «Болонская система» не принимается всеми университетами стран Запада. Поэтому возникал вопрос: а какой образ и какую модель университетской системы или конкретного университета пытаются заимствовать и/или творчески переосмыслить реформаторы российской высшей школы?

Как следствие, модернизация шла в форме вестернизации в ее интерпретации элитами развивающихся стран, от негибкой «американизации» до мягкого и рефлексивного заимствования универсального опыта коллективного Запада. Следовательно, возникали проблемы сопоставления, увязывания и конфликта разных целей и образов модернизации в представлениях политических элит развивающихся стран, что предопределяло различия в отношении к курсу проводимых реформ.

С другой стороны, помогавшие в осуществлении реформ западные советники, привносили свое видение целей, задачей и механизмов необходимых реформ. Не секрет, что данные эксперты были ангажированы правительствами свои стран, международными структурами и транснациональным бизнесом. Поэтому они несли ценности модернизации как вестернизации и были относительно критично настроены по отношению к историческому опыту страны пребывания, априори рассматривая этот опыт как опыт неудавшихся модернизаций.

В конечном итоге, несоответствие некоего идеального типа модернизации/вестернизации существующим реалиям реформирования незападных обществ, привело к рефлексии теории модернизации. В концепциях множественности модерна и постмодернизации появляется идея об опоре в процессе модернизации на собственную историю, культуру и идентичность. Р. Инглхарт рассматривает постмодернизацию как: «движение от авторитета государства к авторитету традиций, от нехватки ценностей к постсовременной поддержке ценностей, а также уменьшение эффективности и приемлемости бюрократических структур, отрицание Запада как модели и коллапс социалистической альтернативы, уменьшение престижа науки, технологии и рациональности» [2, с. 24-25].

Б. Виттрок некоторым образом подводит итог идее современности как некоей единой ццвилизации: «Безусловно, ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере в виде идеалов, но иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако такие процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией — с другой, скоро исчезнут. Они означают лишь то, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять те формы, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации — в осевую эпоху или же в период X-XШ вв. Разумеется, в рамках самих этих центральных идентичностей постоянно идет процесс изменения и переосмысления, но они по-прежнему структурируют наиболее глубинные космологические и социетальные основания своих цивилизаций, и было бы крайне наивно полагать, будто сегодня они вдруг оказались на грани исчезновения» [3, с. 156].

Российская цивилизация имеет опыт нескольких и весьма различающихся модернизаций, от жесткой вестернизации петровских реформ до советской модернизации, которую выделяют в отдельный вид модернизации как таковой. Обобщим некоторые особенности российских модернизаций, опираясь на труды плеяды отечественных ученых (Л. С. Васильев, А.Г. Вишневский, В. А. Красильщиков, В. И. Пантин, В. Г. Хорос, В. Г.Федотова и др.).

1. Экзогенный и реактивный характер модернизации, как ответ на вызовы со стороны опережающего развития стран-соседей и военных поражений.

2. Главная задача модернизации – усиление военно-бюрократической мощи государства.

3. Дуализм исторического развития России, предопределяющий разрыв между терминальными и инструментальными ценностями в процессе модернизации. То есть терминальные ценности вторичной модернизации достигаются за счет невестернизированных

инструментальных. Как отмечает В. Г.Федотова, Россия – западная страна по целям модернизации и азиатская по способам их достижения [4, с. 112].

4. Доминирующая роль государства, модернизация «сверху».

5. «Сервилизм» социальных институтов, который рассматривался как следствие ориенталисткого влияния.

6. Раскол в социальной структуре и стратификации, например, между интеллектуалами и правящей элитой,

7. Слабые корпоративные горизонтальные связи, не способные как быть источником модернизации, так и противостоять давлению и произволу власти.

8. Отсутствие коллективного субъекта модернизации, носителя идей социального реформирования, способного на активные самостоятельные действия. Элита модернизации выращивается в ее процессе и оформляется наверху, как ближний круг политического лидера.

9. Модернизация государства решалась за счет общества, его ограничений, а иногда, по мнению В.И. Панина даже его «антимодернизации и архаизации» [5, с. 125].

10. Подчинение, изменение роли и образа жизни элит. Формирование новой правящей элиты как субъекта модернизации. В свою очередь, петровская и советская модернизация предполагали резкое ограничение аппетитов, прав и свобод элит, формирование новой правящей элиты как команды реформаторов. Согласно закону иерархической компенсации Е.А. Седова – в сложной иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях. Отсюда стратификационный инвариант и проблема российской модернизации: необходимость контроля и подчинения элит с целью более глубокой модернизации не столько государства, сколько самого общества.

В.А. Красильщиков выдвинул идею «имперской модели модернизации» России, которая проводится в реактивном режиме в ответ на давление Запада и представляет собой: «модернизацию во имя сохранения военно-политического статуса империи, ради усиления военно-технической мощи, которая позволяла бы как противостоять нападению извне, так и поддерживать собственную экспансию» [6, с. 24-28]. Следует помнить, что у социальной системы есть свойство эквифинальности, которое обусловлено особенностями ее генезиса морфологии. Поэтому рамка имперской модели модернизации» России является не только неким стадиальным раскрытием эквифинальности, апогеем развития страны в определенной эпохе, но и следствием действия инвариантных институтов, ценностей и моделей поведения.

Обобщая опыт российских модернизаций становится понятным наличие определенных инвариантов развития данных процессов, неких неизменяемых, глубинных, воспроизводящихся институтов, структур, а также архетипов и паттернов поведения социальной системы. Понимание преемственности и определенной исторической ригидности институциональной структуры нашло отражение в понятии «институциональная матрица» в работах К. Поланьи и Д. Норта. По определению отечественного разработчика теории институциональных матриц С. Г. Кирдиной: «Институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [7, с. 67]. Исследования инвариантных черт культуры и мировоззрения восходят к структурной лингвистике, структурной антропологии К. Леви-Строса и идее Ю. М. Лотмана о бинарных основаниях русской культуры. Это привело к интересу к ментальным основаниям культуры и возникновению понятия «ментальный код», который по мнению С.Н. Амельченко: «…обусловливает действие механизмов ее исторического развития и аккумулирует социально-значимый опыт, передаваемый из поколения в поколение, побуждая людей воспринимать мир и действовать в нем определенным образом. Он заключает в себе наиболее емкую и концентрированную информацию о должном — необходимом и благом, с которым связывают смысл своего существования творцы и приверженцы данной культуры. Ментальный код становится основой их идентичности, обеспечивая целостность российской культуры» [7, с. 174].

Но всегда ли инвариантность предполагает консервативный характер, связь с более эволюционно ранними и, следовательно, более архаичными компонентами социальной

структуры и менталитета? Радикальная петровская вестернизация предполагала заимствование современных западных институтов, но опиралась на глубинные основания русской ментальности и тенденции развития, которые привели несколько ранее к церковному Расколу, а позже – расколу общества относительно принятия или непринятия реформ. Петровский радикализм повторится большевиками (М.А. Волошин назвал Петра I «первым большевиком») и правительством Ельцина-Гайдара в 1992 году при осуществлении радикальных рыночных реформ.

Прогрессивная форма коллективного хозяйствования, которая позволила большевикам решить проблему спроса деревни на продукцию индустриального производства, базировалась на реанимации русской общины, то есть в чем-то неформально носила регрессивных, архаизирующий характер.

Следовательно, инвариантность проявляется бинарно, как одновременно и консервативный компонент, отсылающий к прошлому, но в том же прошлом имеется и опыт радикальных преобразований и общественного раскола и гражданских войн. Поэтому инвариантный характер модернизации проявляется и в условиях умеренного структурного реформирования, и радикального системного реформирования, и революции.

Инвариантное поведение – это поведение социальной системы, продиктованное опытом функционирования институтов, их изменениями во времени. Инвариантный аспект модернизации предполагает, что в ответ на вызов модернизации социальные институты будут перебирать успешные практики реагирования, которые были в их прошлом. Однако оптика российских реформаторов настроена отнюдь не ретроспективно. При планировании и проектировании логика догоняющей модернизации и установка на рефлексию западного опыта является доминирующей.

Инвариантный аспект модернизации – инвариантный Модерн, что и есть экстраполяция консервативных ценностей на настоящее и будущее, попытка опереться на институты и конструкты индустриальной эпохи, подвергающиеся постмодернистской деконструкции. Это попытка сказать, вслед за Ю. Хабермасом, что возможно, Модерн ещё не завершен и еще можно избежать рисков, угроз и самой неминуемости фазового перехода.

Опора на инвариативность мышления позволяет сглаживать максимализм и разрывность модернизации, позволит более мягко преодолевать не только проблемы разрыва между производительными силами и производственными отношениями, культурный лаг, противоречия между группами и общностями в социальной структуре.

Логика инвариантного аспекта и вектора модернизации препятствует «чрезвычайщине» и не рефлексивности имитативной «вестернизации» и «американизации», сводящейся к простому заимствованию западных культурных образцов, которые при прививании в неестественных для себя условиях вырождаются в имитацию западного общества (принимая в культуре формы косплея и даже карго-культа).

Попытаемся обозначить некую общую аналитическую рамку использования инвариантного аспекта модернизации, как этапа в планировании и проектировании реформ.

1. Подбор инвариантов в истории развития социальной системы, то есть уже имевшихся и повторявшихся в изменяющихся формах механизмов системного реагирования.

2. Выбор успешных вариантов или рассматриваемых как потенциально таковые. Система склонна воспроизводить свои удавшиеся операции, в значит стоит обращать внимание на использованные ранее организационные формы, пространство, время и условия успеха.

3. Увязывание выбранного инварианта/инвариантов с зарубежным (не только западным) и современным российским опытом и реалиями развития.

4. Структурный анализ на основании шкалы бинарных оппозиций между идеальными типами западных и незападных обществ и институциональных матриц:

– экономика: рыночное – редистрибутивное; инклюзивное – экстрактивное и т.д.;

– политическая система: федеративность – унитарность; демократичность – автократичность и т.д.;

- мировоззрение, идеология: субсидиарность – коммунитарность и т.д.

1. Проектирование и конструирование на основании отобранных параметров моделей и механизмов будущих изменений.

Регрессивный аспект планирования и проектирования имеет такое же право на существование, как актуальный и перспективный. Инвариантный анализ предполагает разархивацию опыта поведения системы и поиск не только релевантной, но и нетривиальной, парадоксальной информации. Необходимость работы с историческими источниками, архивами (как традиционными, так и электронными) и базами данных соединяет традиционную работу историка и любого другого аналитика с возможностями специалистов по анализу больших данных и использования ИИ. Обнаруженные в архивах соответствия, распаковываются и анализируются на соответствия прецедентов актуальной ситуации, адекватность используемых аналогий, описании основных факторов и институциональных оснований произошедших событий. Инвариантный аспект проектирования предполагает не прямую инсталляцию прошлого поведения системы, что априори неадекватно и невозможно, а творческую переработку и сборку в новый конструкт, модель.

Следует обращать внимание на одну из исторических закономерностей, когда источником заимствования часто является явление, ретроспективно отстоящее от современности на две ступени назад, что демонстрирует нам действие диалектики отрицания. Поскольку в русской истории в эпоху радикальных преобразований старое, уходящее отрицается, а новое воплощается и доходит до предела своей реализации, чтобы быть отвергнутым на следующей стадии, эта фазовая прерывистость в условиях реформирования рождает больший интерес к более ранним инвариантам. Отсюда тенденция к отрицанию предыдущего этапа усложняет рефлексию или наоборот влечет обреченные попытки реконкисты старого. Поэтому инновационные решения часто опираются на исторические инварианты, отстоящие от современности на две стадии развития назад.

История евразийской интеграции официально отсчитывается от 1994 года, от знаменитой лекции Н. А. Назырбаева в МГУ, в которой он призвал создать союз государств, связанных экономическими связями, логистикой, институциональными надгосударственными структурами, имеющими регулятивные полномочия. Но это история «современной евразийской интеграции», но не евразийской интеграции как таковой, просто стоит подумать о том, что ранее она реализовывалась в других формах, но являла нам все те же инварианты. Не всегда это были союзы государств или племен, существует не менее яркая история существования евразийского интеграционного проекта и в форме единого государства, которое позволяло контролировать перемещения по Великой евразийской степи (Монгольский улус, Российская империя, СССР).

Обобщим лишь некоторые условия существования различных форм евразийской интеграции на постсоветском пространстве: экономическая связанность и комплементарность тюркских, славянских и финно-угорских народов, представляющих различающиеся экосистемы, экономически дополняющие друг друга; контроль над логистикой, торговыми путями, дорогами; единая почтовая служба; единая платежная система (предполагающая обращение различных денег, так и существование единой денежной единицы); институциональная связанность; связанные между собой, уравненные в правах национальные элиты; языковая связанность; этическая совместимость и т.д.

Крайне поверхностный и не детализированный инвариантный анализ позволяет предположить некоторые направления евразийской интеграции как союза независимых экономически связанных государств.

1. Наращивание экономических связей, интеграция экономического пространства и рынков.

2. Рост логистической связанности и настройка логистической инфраструктуры.

3. Контроль над основными евразийскими транспортными коридорами, совместное использование.

4. Формирование единой платежной системы.

5. Объединение усилий на пути информационной независимости и интеграции.

6. Совместные культурные и образовательные программы, научная и образовательная мобильность, популяризация языков.

7. Движение в сторону формирования интегрированного ценностно-нормативного пространства, принятие некоей общей этической рамки.

Литература

1. *Луман Н.* Самоописания. – М.: Логос; Гнозис, 2009. – 320 с.
2. *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.
3. *Виттрок Б.* Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. – 2002. – № 1. – С. 141–159.
4. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: Институт философии РАН, 1997. – 256 с.
5. *Пантин В.И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М.: Московский философский фонд, 1997. – 190 с.
6. *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 148 с.
7. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
8. *Амельченко С.Н.* Деконструкция ментального кода российской культуры в контексте глобализации // Философия и культура. – 2013. – № 2. – С. 171–181.

УДК 316.44

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В ПРОЦЕССЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Попов Петр Петрович

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме значимости педагогической поддержки в инклюзивном образовательном процессе. Подчеркнута роль педагогической поддержки, как способа реализации взаимодействия ребенка и взрослого. Педагогическая поддержка, обусловленная индивидуальными особенностями детей с ОВЗ, в данном случаи выступает как важнейшая часть обучения. Выделены особенности педагогической поддержки, которые повысят качество образовательного процесса. Изучены принципы инклюзивного подхода, которые исходят из присутствующих проблем ребенка и заключаются в том, что каждый человек имеет право быть услышанным, и что значимость человека не зависит от его способностей и достижений. Также выделены несколько способов педагогической поддержки, которые помогут сделать образовательный процесс эффективным для детей с ОВЗ. Сделан вывод о том, что эффективность учебного процесса зависит от умения педагога выбрать правильные пути педагогического сотрудничества. Мы считаем, что педагогическая поддержка является один из таких путей. Важно разрабатывать методы педагогического воздействия с учетом индивидуальных особенностей детей с ОВЗ. Создать необходимые условия и использовать разные способы педагогической поддержки для принятия друг друга всеми участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: организация образовательного процесса, индивидуальные особенности, педагогическая поддержка, дети с ОВЗ, инклюзивное образование.

Человек с ограниченными возможностями — это тот, кто испытывает трудности в выполнении каких-либо заданий или действий, по причине особого физического или психического состояния. Такое состояние может быть временным или хроническим.

В настоящее время образование детей с ОВЗ считается актуальной темой. И поэтому нужно найти способы, разработать определенные методы для улучшения обучения таких детей. Мы считаем, что педагогическая поддержка в образовательном процессе является важным компонентом, способствующего развитию личности ребенка с ОВЗ.

В подобном случае приемлемым способом обучения является инклюзивное образование.

Многие авторы изучали иннклюзивный подход в образовании [1,2,4,7,]. Исследователи отмечают, что инклюзивное образование включает в себе совместное обучение детей с нормотипичными возможностями с детьми ограниченными возможностями здоровья. Инклюзивный образовательный процесс, это процесс обучения, сопровождения и поддержки детей с ОВЗ.

Мы считаем, что педагогическая поддержка является важной частью образования, которая может реализовываться в процессе сотрудничества ребенка и взрослого. Поэтому в инклюзивном образовательном процессе очень значительна роль педагогической поддержки детей с ОВЗ.

Таким образом, для того чтобы сделать образовательный процесс успешным для детей с ОВЗ, нужно внедрить несколько способов педагогической поддержки: исследование индивидуальных особенностей становления каждого ребенка, планирование образовательного процесса, учет индивидуальных образовательных потребностей детей с ОВЗ, оценка возможностей каждого ребенка для составления индивидуальной образовательной программы, осуществление оценивания учеников согласно с их возможностями, поддержка и помощь, которые приведут к сотрудничеству участников образовательного процесса, созданию благополучной атмосферы для развития коммунакативных навыков. Атмосфера, где ученик с ОВЗ не будет бояться выражать себя, не получая негативные оценки.

Таким образом, целью данной статьи является: обозначить место педагогической поддержки в целостном образовательном процессе с учетом индивидуальных особенностей детей с ОВЗ.

Проанализировав научные концепции О. С. Газмана, Н. Н.Михайлова, С. М. Юсфин, В. П. Бедерханова, И. Д. Демакова, Н. Б.Крылова, С. И Поповой и др., можно сказать, что педагогическая поддержка направлена на оказание помощи детям с ОВЗ в соответствии с потребностями, индивидуальными особенностями и возможностями каждого ребенка. Это деятельность педагогов, направленная на поддержку детей с ОВЗ в их саморазвитии [3, 5, 10, 11].

Педагогическая поддержка оказывается как по желанию ребенка, так и в том случае, если педагог замечает, что ребенок может справиться с ситуацией сам, сомневается в своих силах. Важнейшим моментом при определении понятия педагогической поддержки является понятие «доверия», то есть создание атмосферы, в которой ребенок четко знает, что у него есть на кого опереться: «мы вместе». Роль педагога – «друг», который поможет и поддержет в трудные моменты. Суть идеологии педагогической поддержки в этом случае выражается тремя понятиями: «проблема», «защита», «самостоятельность» [9, с. 75].

В зарубежной литературе отображены различные виды поддержки: учебная, когнитивная, метакогнитивная, мультимедийная и др. Например, наблюдается, что прогресс познавательной активности ребенка, начиная с раннего детства, представляет центральным требованием многих программ и стандартов в области дошкольного образования. Дошкольники быстро присоединяются в детское экспериментирование при адекватной индивидуальным особенностям детях поддержке педагога, совместно создают игровой контекст, побуждающий развитие индивидуальных качеств личности, способствующий эмоциональный комфорт и минимальный риск для здоровья дошкольника. Такая поддержка основывается на объединении игры, партнерства и совместного анализа результатов игры [13].

Н.А. Симонова считает, что суть педагогической поддержки детей с ОВЗ состоит в целенаправленной социально-педагогической деятельности по оказанию помощи детям разного

уровня здоровья и возраста средствами образовательно-воспитательной системы школы, включая ее социум [12, с. 72-75].

Педагогическая помощь исходит из актуальных проблем ребенка и реализуется в значительной степени с позиций социально-педагогической деятельности, которая как считает Л.И. Аксенова (2001) как «постоянный педагогический целесообразный организованный процесс социального воспитания с учетом специфики развития личности человека с особыми потребностями на разных возрастных этапах, в различных слоях общества и при участии всех социальных институтов и всех субъектов воспитания и социальной помощи» [1, с. 196].

В образовательном процессе педагог должен учитывать особенности и потребности учащегося. Но, с другой стороны, учитель может давать ему и ряд вербальных заданий, хотя учащегося сложно их решать. Это делается для того, чтобы педагог превентивно предотвратил вторичные нарушения психологического развития, такие как замкнутость, самоизоляция и т.д. [2, с. 31].

Важно подчеркнуть, что дети с ОВЗ выделяются от нормотипичных детей со своими индивидуальными особенностями, которые замечаются в их психофизиологической развитии. Они отличаются замедленном темпом психического развития, но при этом способны так же показывать положительную динамику в процессе их коррекционного обучения. Такие дети испытывают постоянные трудности в обучении, однако имеют довольно высокую сохранность интеллектуальных возможностей. У детей с ОВЗ проявляется замедленный темп развития эмоционально-волевой сферы, низкая мотивация, в недостаточное развитие познавательной деятельности. Это зависит от их трудностей в обучении. Знание особенностей развития «особенных детей» позволит педагогу найти подходящий подход в работе с ними [6, с. 83-87].

Исходя из этого необходимо учитывать особые образовательные потребности каждого ребенка.

Под потребностью Н.С. Кожанова понимает психическое состояние, при котором ребенок нуждается в том, чтобы «в суть обучения ввели специальные части, условия и ресурсы, которые будут решать задачи развития ребенка». Исходя из этого, об учете образовательных потребностей можно говорить только после всестороннего изучения каждого ребенка, исходя из его особенностей и возрастных потребностей, которые учащийся не может удовлетворить поскольку у него наблюдаются первичные и вторичные нарушения. Потребности должны быть вызваны индивидуальными возможностями или недостатками учащегося, изображать содержание образования [8, с. 92-100].

Таким образом, чтобы оказать педагогическую поддержку и сделать образовательный процесс успешным для детей с ОВЗ, необходимо: учитывать особые образовательные потребности каждого ребенка, поддержка самостоятельности и организация образовательного процесса с учетом индивидуальных особенностей, индивидуальный подход к каждому ребенку может развивать интерес к обучению ребенок начнет испытывать положительные эмоции во время образовательного процесса и благодаря этому, у ребенка появится мотивация к учебе [14], разработка способов педагогического сотрудничества, которые помогут выявить особенности детей, создание условий и использование методов обучения в соответствии с возможностями детей с ОВЗ.

А.А. Бутина выделяет несколько методов коррекционного воздействия:

Игротерапия - игра любимое занятие и ведущая деятельность ребенка с первых лет жизни. Это позволяет ребенку получить представление об окружающем его мире. Игра развивает важные психические функции, как мышление, память, воображение. В игре развиваются коммуникативные навыки, снижается уровень тревожности и страха.

Психогимнастика - специальные занятия (упражнения, игры), направленные на развитие и коррекцию различных аспектов психики ребенка. Задачей психогимнастики является поддержание психического здоровья ребенка и предотвращение эмоциональных расстройств.

Сказкотерапия, куклотерапия - способствуют развитию познавательных процессов, помогают детям победить страхи, развить воображение. Работу со сказкой автор разнообразила

дидактическими играми («Помоги герою сказки пройти через лабиринт», «Разложи сказки по картинкам», «Перескажи отрывок» и др.) [4, с. 98-100].

Анализ сказанного показывает, что педагогическая поддержка занимает особое место в организации образовательного процесса. Ее важность обусловлена развитием взаимодействия участников образовательного процесса. Это процесс создания благополучной атмосферы, где ребенок с ОВЗ может свободно выступать, не боясь обсуждений и критики.

Также можно отметить, что разработка необходимых методов, обусловленних с особыми образовательными потребностями детей с ОВЗ, поднимет эффективность обучения.

Результатом педагогической поддержки детей с ОВЗ в инклюзивном образовательном процессе может стать: развитие в нем веры в собственные силы и возможности (этому может способствовать постоянное поощрение его взрослым за малейшие успехи, поэтому нужно хвалить ребенка с ОВЗ даже за незначительные достижения), развитие у ребенка способности сотрудничества с другими детьми и взрослыми, повышение уверенности ребенка в себе, заинтересованности ребенка к учебному материалу, которая снимет напряженность и может способствовать поддержанию активного комфортного состояния.

Педагогическая поддержка в образовательном процессе может дать возможность «особенным» детям быть услышанными, успешными в обществе нормотипичных детей и со стороны педагогов.

Литература

1. *Аксенова Л.И.* Социально-педагогическая помощь лицам с ограниченными возможностями // Специальная педагогика / под ред. *Н.М. Назаровой*. – М., 2001. – С. 196.
2. *Баринова Е.Б.* Теория и практика инклюзивного обучения в образовательных организациях: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – ISBN 978-5-534-13878-8.
3. *Бедерханова В.П., Демакова И.Д., Крылова Н.Б.* Гуманистические смыслы образования // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1. – С. 19–21.
4. *Бутина А.А., Сенченко Л.П., Ионина А.А.* Педагогические методы, приемы взаимодействия с детьми с ОВЗ // Инновационная наука. – 2023. – № 5-1. – С. 98–100.
5. *Газман О.С.* Теория: что такое педагогическая поддержка // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 2.
6. *Джайманкбаев Н.Т., Асимова Т.А., Фатеева А.А., Мухамадиева М.В., Ганукав Р.И.* Психологические особенности детей с ОВЗ // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 6 (88). – С. 83–87.
7. *Есауленко И.В., Рыжова О.С.* Организационно-педагогические условия реализации инклюзивной практики в дошкольной образовательной организации // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: ООО «Агентство международных исследований», 2018. – С. 79–80. – EDN URDSBG.
8. *Кожанова Н.С.* Определение особых образовательных потребностей обучающегося с ОВЗ // Гуманитарные науки. – 2021. – № 2 (54). – С. 92–100.
9. *Курников Д.В.* Сущность понятия «педагогическая поддержка в образовании» // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5. – С. 75. (дата обращения: 01.11.2024).

УДК 316.44

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рысаев Ильшат Шавалиевич
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. Выявлены основные недостатки в этой системе. Приводятся результаты социологических опросов государственных и муниципальных служащих о проблемах развития кадрового потенциала. Обоснована необходимость использования современных форм и методов подготовки государственных и муниципальных служащих с учетом практикоориентированности. Предложен алгоритм организации и проведения выездных стратегических сессий и семинаров-тренингов для совершенствования деятельности органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: система подготовки государственных и муниципальных служащих, практикоориентированность, компетентностный подход, социальный и государственный заказ, кадровый потенциал.

Эффективность системы государственного и муниципального управления, в конечном счете, зависит от уровня компетентности государственных и муниципальных служащих и качества их работы. На формирование и развитие профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих первостепенное влияние оказывает система подготовки, переподготовки и повышения их квалификации. Анализ и оценку эффективности этой системы необходимо проводить с точки зрения соответствия содержания и методов обучения государственных и муниципальных служащих потребностям совершенствования государственного и муниципального управления и общества в целом. Стратегия модернизации общества и государства задает основной вектор для определения путей совершенствования системы образования. При разрыве этих структурно-логических связей система подготовки государственных и муниципальных служащих дается на откуп образовательным учреждениям, которые разрабатывают программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации по своему усмотрению, умозрительно и не несут прямой ответственности за качество и результаты этой работы. Для самих муниципальных служащих как потребителей образовательных услуг, такое образование приобретает больше формально-статусный характер. Такая ситуация особо усугубляется при широком использовании дистанционных форм обучения, при которых не всегда эффективны обратные формы связей между обучающимися и обучающими.

При отсутствии четко сформулированного и глубоко обоснованного социального заказа, неразрывно связанного с практическими потребностями совершенствования деятельности органов государственной и муниципальной власти, система подготовки государственных и муниципальных служащих приобретает теоретизированный характер и ориентирована, прежде всего, на получение знаний, а не формирование и развитие компетенций, умений и навыков. И в этих условиях очень сложно ответить на вопрос кого и чему обучать конкретно. Широко разрекламированный сегодня так называемый компетентностный подход в подготовке государственных и муниципальных служащих, оторванный от реальной практики также недостаточно эффективен для улучшения этой системы. При отсутствии разработанных и утвержденных государством профессиональных стандартов государственных и муниципальных служащих компетентностный подход не становится эффективным инструментом и оценки сформированности необходимых компетенций в системе образования. При обучении государственных и муниципальных служащих необходимо различать «ликбезное» и развивающее обучение. Компетентностный подход может быть хорошей основой прежде всего «ликбезного»

профессионального образования. А для подготовки современных инновационно мыслящих государственных и муниципальных служащих эффективной формой является проектное обучение и развитие социальных компетенций (soft skills). В системе подготовки государственных и муниципальных служащих, на наш взгляд, пока уделяется недостаточное внимание на развитие личностно-психологических качеств: лидерство, стратегическое мышление, инновационность, креативность, способность работать в команде, коммуникативность и др. Превалирует взгляд на государственных и муниципальных служащих как на объект управленческого воздействия, а не как на человеческие ресурсы и капитал для развития и повышения эффективности системы государственного и муниципального управления [1].

Таким образом, основными критериями оценки эффективности системы подготовки должны стать параметры улучшения качества работы государственных и муниципальных служащих и органа власти в целом. Субъектом оценки позитивных изменений является руководитель органов государственной и муниципальной власти, вышестоящие органы, а также потребители государственных и муниципальных услуг. К сожалению, на сегодняшний день не налажена система эффективного, содержательного и компетентного опроса мнения граждан об удовлетворенности качеством государственных и муниципальных услуг и использования этих результатов в совершенствовании деятельности органов власти. Об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов государственных и муниципальных служащих. В частности, проведенный нами социологический опрос «Кадровый потенциал муниципальных служащих» феврале-марте текущего года показал, что более 50% респондентов отметили, что полученные знания в системе переподготовки и повышения квалификации не связаны с практическими потребностями совершенствования органов муниципальной власти и носят теоретизированный характер. Большинство респондентов отметили необходимость возрождения системы обязательного повышения квалификации государственных и муниципальных служащих один раз в три года. Более 60% опрошенных муниципальных служащих хотят учиться в очном формате, а дистанционную форму рассматривают только как дополнительный элемент обучения. Большинство государственных и муниципальных служащих наиболее эффективными формами обучения считают тренинги, деловые игры, стажировки, обмен опытом, мозговые штурмы, коучинг и др. При этом, формированию и развитию проектно-управленческой компетенции отдается большее предпочтение. Интересным является пожелание государственных и муниципальных служащих в адрес преподавателей образовательных учреждений о повышении их компетентности через систему стажировок и повышения квалификации в органах государственной и муниципальной власти и широкого привлечения в учебный процесс руководителей и специалистов - опытных практиков из органов власти [2].

На сегодняшний день комплектование слушателей в системе ДПО идет, как правило, под предлагаемые образовательными организациями программы на основе государственного заказа или по принципу свободного набора. Для повышения эффективности системы подготовки государственных и муниципальных служащих необходимо обеспечить более тесную связь между процессами формирования государственного заказа на обучение служащих, соответствующими образовательными программами и практическими потребностями совершенствования деятельности органов государственной и муниципальной власти. Необходимость совершенствования системы подготовки государственных и муниципальных служащих выдвигает на повестку дня и изменение подходов к формированию и комплектации обучающихся групп слушателей [3]. На наш взгляд, надо учитывать более широко особенности профиля деятельности и уровней должностной иерархии служащих. Наиболее востребованной формой повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, как показывает наш опыт, являются выездные семинары-тренинги и стратегические сессии непосредственно на местах с учетом практических потребностей совершенствования деятельности органов власти. Эффективным является следующий алгоритм организации и проведения выездного обучения:

1. Анализ и предварительная диагностика основных проблем деятельности органов государственной и муниципальной власти;
2. Разработка программы выездного занятия и ее согласование с заказчиком;

3. Проведение выездного обучения, в ходе которого слушатели разрабатывают проекты совершенствования своей деятельности и одновременно овладевают инструментами проектирования;
4. Принятие программы совершенствования деятельности и соответствующей «дорожной карты».

На этапе реализации программы оказывается экспертно-консультационное сопровождение со стороны образовательной организации и мониторинг результатов.

Такая форма обучения влияет позитивно на мотивацию слушателей к повышению квалификации и совершенствованию своей работы; она практикоориентирована, носит прикладно-теоретический характер и дает возможности оценить реальные результаты совершенствования деятельности органов власти.

Таким образом, современная система подготовки государственных и муниципальных служащих нуждается в серьезной модернизации с учетом стратегии совершенствования системы государственного и муниципального управления и прорыва в развитии страны.

Литература

1. *Рысаев И.Ш.* Компетентностный подход в подготовке современных руководителей: проблемы и перспективы // Экономика и управление. – 2018. – № 6. – С. 76–81.
2. *Рысаев И.Ш.* Стратегия модернизации системы современного управленческого образования // Экономика и управление. – 2020. – № 6. – С. 29–33.
3. *Лоранж П.* Новый взгляд на управленческое образование: задачи руководителей. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 400 с.

УДК 316.44

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сунгатуллина Карина Робертовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается развитие человеческого потенциала через призму дополнительного образования, которое становится ключевым фактором в условиях современных вызовов и изменений на рынке труда. Проведен анализ понятия дополнительного образования, его виды и преимущества. В работе подчеркивается, что дополнительное образование способствует улучшению конкурентоспособности специалистов, развитии критического мышления и креативности, а также социальной интеграции различных групп населения. Примеры успешных программ дополнительного образования иллюстрируют позитивные результаты, достигнутые в различных странах, включая Россию. В завершающей части статьи выделяется значимость постоянного обучения как неотъемлемой составляющей устойчивого развития общества и его индивидуумов.

Ключевые слова: дополнительное образование, человеческий потенциал, конкурентоспособность, личностное развитие, социальная интеграция, образовательные программы.

Развитие человеческого потенциала является одной из ключевых задач современного российского общества, поскольку грамотное и продуктивное использование субъектами своих способностей и навыков способствует достижению наиболее качественных результатов в различных сферах общественной жизни. Важную роль в данном процессе играет дополнительное образование, которое оказывает конструктивное влияние не только на улучшение профессиональных умений, но и на формирование общей культуры, критического мышления и способности к адаптации в быстро меняющемся мире [1].

Дополнительное образование включает в себя различные формы обучения, которые не являются обязательными и проводятся в свободное от основной деятельности время. Они могут представлять собой курсы, мастер-классы, тренинги и семинары. Дополнительное образование подразделяется на определенные виды:

1. Профессиональное обучение – программы, направленные на обновление и повышение квалификации специалистов;
2. Личностное развитие – курсы и тренинги, направленные на улучшение навыков управления временем, коммуникации, эмоционального интеллекта и т.д.;
3. Творческое образование – занятия, связанные с искусством, музыкой, театром и другими видами творчества, которые способствуют самовыражению и развитию креативности.

Одним из основополагающих преимуществ дополнительного образования и одновременно его отличий от традиционного вида является его гибкость и адаптивность. Системы традиционного образования в подавляющем большинстве случаев направлены на обретение фиксированных знаний и умений, в то время как дополнительное образование позволяет людям обучаться на протяжении всей жизни, развивая актуальные навыки в соответствии со своими потребностями и требованиями рынка труда [2].

На данном этапе важно отметить ряд характеристик дополнительного образования, совокупность которых позволяет наиболее качественно раскрыть человеческий потенциал.

Во-первых, для дополнительного образования характерно улучшение конкурентоспособности субъектов на рынке труда. В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса необходимость в постоянном обновлении знаний и навыков становится особенно актуальной. Дополнительные образовательные программы позволяют специалистам адаптироваться к изменениям, повышая их конкурентоспособность. Работодатели часто отдают предпочтение кандидатам, обладающим современными компетенциями, а наличие сертификатов о дополнительном образовании становится важным аргументом при трудоустройстве.

Следующим немаловажным аспектом выступает развитие критического мышления и креативности. Современные образовательные программы акцентируют внимание на развитии критического мышления, способности к анализу и оценке информации. Дополнительное образование предоставляет пространство для экспериментов и креативного подхода к решению задач, что способствует более глубокой переработке информации и поиску нестандартных решений.

Наконец, социальная интеграция и личностное развитие как результат дополнительного образования также выступают фактором развития человеческого потенциала. Дополнительное образование играет важную роль в социальной интеграции различных групп населения. Оно способствует обмену опытом и созданию социальных сетей, которые могут стать основой для создания и дальнейшего развития сотрудничества между социальными группами. Кроме того, такие программы поддерживают личностное развитие, позволяют людям выделить свои сильные и слабые стороны и задать цели для дальнейшего роста [3].

Существуют многочисленные примеры успешных практик в области дополнительного образования. К примеру, программы повышения квалификации для работников в сферах информационных технологий, здравоохранения и образования.

В России наблюдается тенденция к увеличению количества образовательных курсов, ориентированных на дистанционное обучение. Российские платформы, такие как Skillbox, GeekBrains, Skillfactory, Яндекс Практикум предлагают разнообразные курсы, позволяющие слушателям улучшить свои навыки в удобном для них формате.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что дополнительное образование представляет собой важный инструмент для развития человеческого потенциала. Оно содействует повышению конкурентоспособности, развитию критического мышления и креативности, а также социальной интеграции индивидов. В условиях быстрого изменения технологий, акцент на постоянное обучение становится необходимым условием качественной интеграции на современный российский рынок труда. Важно продолжать развивать и поддерживать

программы дополнительного образования с целью обеспечения доступа к ним для широких слоев населения, что является фактором устойчивого развитию общества в целом.

Литература

1. *Осипова А.Н.* Анализ развития человеческого потенциала в России // Криминологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 71–76.
2. *Баженова М.В.* Дополнительное образование и микрообучение // Вестник магистратуры. – 2019. – № 7-2(94). – С. 85–86.
3. *Зиновьева С.А., Коняева Е.А., Петровский А.М.* Профессиональное корпоративное обучение // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-3. – С. 112–114.

УДК 316.44

ИЗМЕНЕНИЕ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Юдин Павел Валерьевич

Мордовский государственный университет им Н.П. Огарева, Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию бюджета времени молодежной возрастной группы (от 14 до 35 лет) в условиях цифровизации, с фокусом на трудовую сферу. В условиях пандемии заметно изменился бюджет времени большинства граждан, однако молодежь продолжает оставаться ключевой рабочей силой в экономике. В статье также рассматривается внедрение удаленной работы, изменения продолжительности рабочего времени и стирание границ между рабочем временем и личным. В исследовании представлены как теоретические, так и практические выводы, основанные на анализе изменений в организации труда и использовании времени молодыми специалистами.

Ключевые слова: бюджет времени, молодежь, пандемия, удаленная работа, цифровизация.

Актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием цифровизации, которая оказывает значительное влияние на социальные и экономические процессы. В условиях цифровой трансформации происходят изменения в трудовой сфере, бюджете времени, а также в социальных взаимодействиях. Постпандемийная реальность, с ее последствиями для работы и жизни, усилила необходимость анализа этих изменений, особенно в контексте адаптации молодежи к новым условиям труда.

Молодежь, являющаяся наиболее гибкой и восприимчивой к цифровым инновациям, столкнулась с новыми вызовами в управлении временем, где технологии играют ключевую роль. Изменение форматов работы, таких как удаленная работа, гибкие графики, фриланс и стартапы, изменяет структуру рабочего дня, создавая новые возможности, но и риски для баланса между профессиональной и личной жизнью.

Изучение бюджета времени молодежи (представителей возрастной когорты от 14 до 35 лет), имеет значительную историю как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Привлечение социологов к изучению бюджетов времени произошло позднее, в начале XX века. Принято считать, что первым, кто ввел в научный оборот понятие «бюджет времени», был американский социолог Ф. Гиддингс [3, с. 56], занимавший пост президента Американской социологической ассоциации. Так, ученый определяет, что Бюджет времени – это распределение всего фонда времени суток (недели, месяца, года и т. д.) на различные виды деятельности, осуществляемые той или иной совокупностью людей.

Исследования бюджетов времени в российской социальной науке имеют значительную историю, берущую начало с середины XIX века. Первые систематические попытки анализа

использования времени были предприняты выдающимися российскими социальными статистиками, такими как Д. П. Журавский, Н. И. Зибер и Н. Н. Романов. Эти работы носили преимущественно экономико-статистический характер и были нацелены на изучение структуры рабочего времени для оценки трудозатрат в крестьянских и рабочих семьях.

В отечественной социологии исследования бюджета времени прошли несколько ключевых этапов, каждый из которых внес значительный вклад в развитие этой области науки. Первый этап охватывает 1920-1930-е годы и связан с исследованиями С. Г. Струмилина, который заложил основы анализа временных затрат [7, с. 87]. Советские исследования бюджета времени оказали значительное влияние на развитие этой научной области, что, в свою очередь, привело к появлению работ П. А. Сорокина в конце 1930-х годов, посвященных проблемам времени и его распределения, заложивших основу дальнейших научных исследований в данной сфере [3, с. 16].

Второй этап, продолжавшийся с середины 1950-х до конца 1960-х годов, ассоциируется с деятельностью Г. А. Пруденского, чьи работы расширили понимание структуры времени. В рамках исследований Г. А. Пруденский предложил классификацию внерабочего времени, разделив его на категории, которые не входят в непосредственный трудовой процесс. К этим категориям относятся:

1. Время, связанное с производственными потребностями, но не входящее в основную работу (например, переодевание и умывание);
2. Время, потраченное на дорогу до и с места работы;
3. Время, необходимое для выполнения бытовых обязанностей;
4. Время на личную гигиену, питание и сон [6, с. 142].

Третий этап, охватывающий 1970-1980-е годы, характеризуется применением методологии, разработанной в рамках международного проекта под руководством А. Салаи, что способствовало развитию сравнительных исследований в этой области.

Важным аспектом в изучении бюджета времени стал анализ трудового времени и его эффективного распределения. Так 1950-х годах исследования бюджетов времени получили новое развитие в Советском Союзе, став важной частью статистики времени населения. Эти исследования охватывали работников различных секторов экономики, включая сельское хозяйство, промышленность, преподавателей высших учебных заведений и школ, а также городское население. В этот период особое внимание уделялось изменениям условий труда и быта, вызванным восстановлением народного хозяйства после Второй мировой войны. Рост уровня жизни, повышение образовательного и культурного уровня населения, а также изменение повседневных потребностей способствовали активизации исследований временных затрат. В 1950-1980-е годы исследования бюджетов времени проводились по всей стране, включая такие города, как Москва, Тбилиси, Ленинград, Новосибирск, Псков и другие. Этот период характеризуется значительным увеличением объема собираемых данных, что позволило советским социологам начать использование математико-статистических методов и электронных вычислительных машин (ЭВМ) для анализа данных [2, с. 45].

В 1980-е годы наблюдалось расширение предмета исследований бюджетов времени, включавшее как статистические, так и социологические аспекты. Помимо анализа объективных данных, исследователи начали уделять внимание субъективным оценкам времени и его использования. Примером могут служить масштабные исследования бюджетов времени сельского населения различных регионов России, проведенные под руководством известного советского социолога Д. Патрушева [5, с. 156]. В этот же период начались долгосрочные (лонгитюдные) исследования бюджетов времени городского населения, организованные А. Артемовым [3, с. 54]. Эти исследования выявили значительные изменения в структуре временных затрат в преддверии перестройки, включая снижение общей трудовой нагрузки у женщин, увеличение доли свободного времени, рост популярности телевидения и сокращение посещаемости культурных учреждений.

XXI век принес масштабные глобальные изменения, значительно повлиявшие на ритм и содержание повседневной жизни. Ускорение темпов жизни, связанное с технологическим

прогрессом, изменениями в образовательной сфере и ростом доходов населения, привело к пересмотру подходов к использованию времени. Если раньше молодежь регулярно посещала театры и музеи, то сегодня такие культурные мероприятия требуют предварительного накопления финансовых средств, что свидетельствует об изменении структуры досуга.

Современный образ представителя возрастной группы от 14 до 35 лет также претерпел изменения, что отразилось на его структуре бюджета времени. В отличие от прежних представлений, когда распределение бюджета времени рассматривалось как субъективный параметр, в современное время , бюджет времени это четко выстроенная структура индивида общества, которая напрямую влияет на его ресурс.

В США долгое время доминировала структурно-функционалистская методология Т. Парсонса и Р. Мертона, акцентирующая внимание на явных и неявных функциях различных занятий, их системности и полезности в контексте социокультурной взаимосвязанности [4, с. 34]. Подходы этого направления акцентируют внимание на стабильности и устойчивости социальных систем. В Германии, под влиянием Ю. Хабермаса и Н. Лумана, внимание уделялось динамике изменений межличностных взаимодействий, цепям человеческих взаимосвязей в различных контекстах, в том числе трудовой деятельности [1, с. 86].

В апреле 2024 года было проведено социологическое исследование на тему «Восприятие достойного труда молодежи в условиях цифровизации», в котором участвовали 300 респондентов. Одним из ключевых элементов исследования стала оценка бюджета времени молодежи, занятых в профессиональной сфере. На основе анализа полученных данных были выявлены следующие результаты.

Продолжительность рабочего времени. Согласно полученным данным, средняя продолжительность рабочего дня у молодежи составляет более 9 часов, что выше нормы, установленной ТК РФ - именно, такой ответ выбрали 64% респондентов. При этом респонденты отметили, что значительное количество времени дополнительно тратится на профессиональные задачи, связанные с цифровыми коммуникациями, такими как переписка в мессенджерах и проверка электронной почты (54%) и участие в видеоконференциях (39%).

Влияние цифровых технологий на рабочее время. Одним из ключевых аспектов цифровизации стало широкое распространение удаленной работы. В России, как и в других странах, пандемия COVID-19 стала катализатором перехода на удаленные форматы труда. Молодежь оценила преимущества работы из дома. Так отвечая на вопрос «Какие преимущества удаленной работы для Вас существуют?» 56% респондентов выбрали вариант экономия времени на дорогу, более гибкое распределение рабочего времени (48%) и возможность комбинирования профессиональных и личных задач в течение дня (37%). Несмотря на то, что средняя продолжительность рабочего времени в день у молодежи выше нормы - влияние цифровизации проявилось в изменении восприятия рабочего времени. Большинство респондентов указывают на рост гибкости в организации рабочего графика благодаря возможностям удаленной работы - так ответили 51% респондентов.

Проблемы цифрового здоровья и баланс между работой и отдыхом. Рост времени, проводимого за экранами, создает риски для здоровья молодых работников. Среди наиболее частых проблем - ухудшение зрения, снижение физической активности и нарушение сна. Цифровизация меняет временные границы между работой и отдыхом, делая их менее четкими. Так около 30% опрошенных отметили, что цифровизация привела к размыванию границ между рабочим и личным временем, затрудняя поддержание четкого разделения между профессиональной и личной жизнью. Поэтому становится актуальным вопрос о поддержании цифровой гигиены и балансе между личным и профессиональным временем. В условиях удаленной/гидридной занятости около 42% респондентов заявили, что ежедневно уделяют 30-40 минут физической активности, что соответствует норме рекомендуемой ВОЗ. При этом 16% участников исследования указали, что нехватка времени из-за профессиональных обязанностей негативно отражается на их уровне физической активности и общем состоянии здоровья.

Время, отведенное на отдых и досуг. Несмотря на высокую занятость, большинство респондентов (около 63%) подчеркнули важность поддержания баланса между работой и личной

жизнью. Они выделяют в среднем 2-3 часа в день на отдых, при этом основное внимание уделяется цифровым развлечениям (78%), включая просмотр видеоконтента (52%), активность в социальных сетях (46%) и участие в онлайн-играх (31%).

Повышение значимости самообразования. Одним из следствий цифровизации стало изменение подходов к обучению и повышению квалификации. Молодежь активно использует онлайн-курсы, платформы для самообразования и вебинары для освоения новых компетенций. Это сокращает временные затраты на традиционные формы обучения и позволяет гибко комбинировать профессиональное развитие с основной работой. Примерно 45% опрошенных регулярно инвестируют время в повышение квалификации и самообразование. Основной акцент делается на цифровые формы обучения (61%), такие как онлайн-курсы, вебинары и видеолекции, в то время как традиционную форму обучения выбирают лишь 39% респондентов.

Онлайн-образование становится неотъемлемой частью трудовой сферы, предоставляя молодежи возможность непрерывного обучения и адаптации к новым вызовам цифрового мира, гибко интегрируясь в распределения бюджета времени.

Заключение

Исследование бюджета времени молодежи в условиях цифровизации подтверждает, что современные технологические изменения оказывают значительное влияние на трудовые практики и поведение молодых специалистов. Цифровизация способствует повышению гибкости рабочего времени, что, в свою очередь, изменяет структуру временных затрат. Вместе с тем, внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь и рабочий процесс порождает новые вызовы, связанные с эффективным управлением временем, балансом между профессиональной деятельностью и личной жизнью, а также поддержанием цифрового здоровья.

Необходимо отметить, что гибкость и доступность технологий увеличивают вероятность перераспределения времени в пользу работы, что может приводить к перегрузке и снижению качества отдыха. В связи с этим, сохранение устойчивости этих изменений, а также разработка и внедрение стратегий эффективного управления временем, направленных на поддержание здорового баланса между трудовой и личной сферой, остаются актуальными задачами как для исследователей, так и для практиков в области управления персоналом и социологии труда.

Таким образом, цифровизация как положительные, так и отрицательные изменения относительно бюджета времени молодежи.

Литература

1. *Андреенков В.Г., Патрушев В.Д.* Показатели использования времени жителями города. – М.: ИСИ АН, 2014. – 208 с.
2. *Андреев И.С.* Проблемы реализации свободного времени студентов. – Ставрополь: СевКав-ГТУ, 2007. – 168 с.
3. *Артемов В.А.* История социологии: к истории возникновения исследований бюджетов времени. – М.: ИТМО, 2003. – 67 с.
4. *Бологова В.И.* Социальные исследования: проблемы бюджета времени трудящихся. – М.: Наука, 1970. – 134 с.
5. *Патрушев В.Д.* Время как экономическая категория. – М.: Мысль, 1978. – 280 с.
6. *Пруденский Г.А.* Время и труд. – М.: Мысль, 1965. – 343 с.
7. *Струмилин С.Г.* Проблемы социализма и коммунизма в СССР. – М.: Экономиздат, 1961. – 414 с.

УДК 316.44

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Доробов Мизроб Сухробович,
Хизбуллина Радмила Радиковна
Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Аннотация. В настоящее время вопрос образовательной миграции и студенческого обмена поднимается в рамках дискуссии современных ученых. На примере международного сотрудничества России и Узбекистана рассматриваются особенности, барьеры и перспективы образовательной миграции молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: молодежь, образовательная миграция, студенческий обмен, глобализация, образовательная политика.

В настоящее время вопрос международного образовательного сотрудничества не теряет своей актуальности. Во исполнении Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" [1], который, в том числе предусматривает увеличение количества иностранных студентов в российских вузах не менее чем до 500 тысяч человек к 2030, - высшие учебные заведения проводят активную политику привлечения молодежи к обучению по различным образовательным программам. В данной связи актуализируется вопрос рассмотрения факторов и перспектив образовательной миграции молодежи. Рассмотрим особенности образовательной миграции и интернационализации на примере России и Узбекистана.

Образовательная миграция направлена на удовлетворение потребности личности в получении образования, реализации образовательного трека и траектории, а также повышении уровня квалификации, включая образовательные и научные стажировки, дополнительное профессиональное образование, курсы и пр. [2]. Образовательная миграция сегодня видится учеными как опосредованная совокупностью следующих объективных факторов:

1. Усиливающаяся интеграция образовательных систем, увеличение информационной открытости, вызванная процессами и потребностями глобализации.

2. Повышение значимости образования, в том числе непрерывного в результате перехода к информационному обществу/обществу знаний.

3. Необходимость постоянного повышения квалификации в условиях конкуренции на рынке труда.

4. Образовательная политика государств, направленная на качественную интенсификацию образовательной миграции, повышение доступности образовательных услуг, интернационализацию образовательной среды, в том числе посредством развития и масштабирования международных программ студенческого обмена [3].

Сотрудничество России в сфере науки и образования, а также академической мобильности имеет богатую историю. Развитие образовательной миграции между Россией и Узбекистаном берет свое начало еще с 20-х годов XX века - со времени создания СССР [4]. Сегодня партнёрство между Россией и Узбекистаном в сфере науки и образования активно развивается. Так, в 2019 году Россия и Узбекистан подписали соглашение о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней [5] в рамках которого предполагается двустороннее сотрудничество в сфере науки и образования и взаимодействие между образовательными и научными организациями России и Узбекистана.

Согласно современным исследованиям (Троицкий Е.Ф., Юн С.М.) в Узбекистане в настоящее время продолжается проведение политики популяризации высшего образования, повышения его качества на основе современных международных стандартов и практик, а также выхода Узбекистана на международный рынок образовательных услуг. Исследователи отмечают, что сегодня Российская Федерация остается доминирующим зарубежным

партнёром для высших учебных заведений Узбекистана по совместным образовательным программам, следовательно, у современных ученых есть основания предполагать, что научно-образовательное сотрудничество между Россией и Узбекистаном имеют все перспективы для дальнейшего успешного развития [6; 7].

Традиционно Россия является центром притяжения иностранных обучающихся, например, более чем для 60% иностранных студентов из Центрально-Азиатского региона [8]. Однако, современные исследования указывают на наличие определенных депривационных факторов – барьеров в реализации программ академической мобильности молодежи. В основном они касаются трудностей с визовыми правилами, различиями в образовательных стандартах [4]. Ибрагимова А.А. отмечает, что сегодня в большинстве научных работ в качестве основных институтов социализации и адаптации мигрантов рассматривают образование и сферу труда, но, вместе с тем, поддерживая точку зрения Chang B. формулирует, что образовательная деятельность должна быть подкреплена предоставлением молодежи возможностями непрерывного обучения, адаптированными к их склонностям и потребностям, мотивирующими их к обучению с целью достижения ими будущих карьерных целей, и оказания помощи в улучшении их жизненных обстоятельств [9; 10]

Авторская точка зрения заключается в понимании значимости развития образовательной миграции между странами, поскольку в современных условиях формирование научно-образовательного сообщества, представленного молодыми специалистами продиктовано требованием времени: необходимостью интеграции и обмена знаниями в области наукоемких технологий, естественно-научного и гуманитарного направлений, совместного поиска решений глобальных проблем с позиции молодого поколения, являющегося будущим стран и международных отношений во всех сферах, в том числе в научной, образовательной, трудовой [11].

В целом, перспективы развития образовательной миграции молодежи в рамках соглашений с Россией позволит выпускникам вузов реализовать желаемые образовательные траектории, осуществить возможность заниматься научной работой, что может способствовать дальнейшему развитию академической мобильности молодежи, привлечению иностранных студентов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 01.11.2024).
2. *Митин Д.Н.* Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 123–134.
3. *Волох В.А., Гришаева С.А.* Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16. – № 1 (120). – С. 80–87.
4. *Захидов Г.Э.* Анализ образовательного сотрудничества Узбекистана и России // Современное образование и общество. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 20–25.
5. Россия и Узбекистан подписали соглашение о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней [Электронный ресурс]. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/22014/ (дата обращения: 29.10.2024).
6. *Троицкий Е.Ф., Юн С.М.* Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. – 2021. – № 10. – С. 157–168.
7. *Шнейдер В.М.* Основные аспекты сотрудничества России и Узбекистана в сфере образования на современном этапе // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 7. – С. 1472–1476.
8. *Сагитова В.Р.* Феномен образовательной миграции // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12. – № 1 (38). – С. 5.

9. *Ибрагимова А.А.* Социализация детей мигрантов: теоретический анализ // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 4. – С. 280–282.
10. *Chang B.* The resocialisation of migrants in a local community in Shanghai, China // International Review of Education. – 2015. – Vol. 61. – P. 211–233.
11. *Доробов М.С., Хизбуллина Р.Р.* Трудовая миграция современной молодежи // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 2. – С. 283–286.

СЕКЦИЯ «ПЕРЕХОД К ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ, ПРЕДИКТИВНОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ, ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОМУ ЗДРАВООХРАНЕНИЮ И ТЕХНОЛОГИЯМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ»

УДК 316.62

СТУДЕНТ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Самситдинов Ильнур Закиевич,
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Самситдинов Ильфат Закиевич
Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье исследуются феномен языковой и речевой недостаточности первокурсников. Обосновывается тезис, о дополнительной работе над формированием полноценной коммуникативной способности субъекта. Исследуется соотношение внешнего и внутреннего в организации речевого акта.

Ключевые слова: коммуникационная активность, информация, субъект познания, язык как инструмент самопознания, студент.

Формирование коммуникативных способностей студента медицинского вуза актуально с прагматической точки зрения, так как в массе своей он вчерашний одиннадцатиклассник без опыта практической и профессиональной деятельности, которые бы им рефлексировались в совокупности ценных процедур и действий. Студент приходит с минимальным багажом «рукодельного» капитала, значительная доля его потенциала находится в виде упрощенных спекуляций, концепций, правил, словосочетаний, мифов, фрагментарных представлений, обусловленных доминирующим влиянием на него экранной масс-медиа, которое не отвечает за истинность контента, а лишь представляет различные модусы отражения действительности, в том числе и явно «оторванные» от объектов реальности [1, с. 58].

По истечении двух-трех месяцев ими обнаруживается, что принимать вуз как продолжение и дополнение средней школы с социальной поддержкой и отческого внимания со стороны администрации и преподавателей, во многом иллюзия. И только зачастую после первой сессии молодой человек понимает, что его рассматривают в качестве самодостаточного субъекта, готового во имя познания научной истины на значительные усилия и напряжение интеллектуальных способностей [2, с. 45]. Лекции, семинары, практики значимы и не повторяемы, надо массивы знаний запоминать, заучивать, понимать и демонстрировать. Чтобы научится думать, надо учиться и правильно высказываться, формулировать на доступном языке многообразные речевые конструкты. Но, как показывает опыт даже первых занятий в сентябре, студент повторяет устойчивые школьные образцы, он предпочитает не говорить, только писать или письменно отвечать на тесты, его так научили за долгие годы [3, с. 190].

С другой стороны, он соглашается, что врачебная деятельность во многом деятельность коммуникативная, и следует красиво и четко составлять устный текст, и следует научиться разговорить пациента на длительный диалог, в котором проявятся полные описания симптомов недомогания. В этом отношении выделяются студенты, окончившие медицинский или иной колледж, и они имеют значительное языковое преимущество, они проработали по специальности, апробировали опыт действенной и результативной коммуникации [4, с. 475]. Поэтому они естественно вступают в полноценный диалог с преподавателем и показывают

вчерашним упорно молчащим вчерашним выпускникам одиннадцатого класса как надо «включаться» в образовательное пространство [5, с. 15].

Также повторим известный тезис, что мышление неотделимо от внутреннего диалога личности, внешняя речь лишь отражение уникальной способности сознания и самосознания организовывать мыслительную деятельность во вне и в себе. Выделенная категория студентов легко усваиваются тезис о необходимости активного продумывания и во время простого устного ответа, и не следует себя «загонять» быстрой речью, говорить следует с такой скоростью, чтобы успевать обдумывать, что именно и как ты произносишь и что будешь произносить. В таких ситуациях студент - бывший школьник не может организовать себя, он соглашается, но продолжает говорить в ускоренном темпе. В этом действии нами усматривается проявления негативных сторон школьного обучения, внешне для формы соглашаться, но не меняться, в сущности [6, с. 141].

Записывать и писать надо быстро, это аксиома, но говорить следует в медленном темпе и не только в учебной деятельности. «Язык мой, враг мой», в этой поговорке скрыт смысл противоречивости и относительности коммуникативного акта. Мало научиться говорить на языке, надо научиться говорить только то, «что надо сообщить» в данный момент, именно этой аудитории и выделенному коммуниканту. В истории множество примеров, когда необдуманное слово, речь вызывало трагические последствия, и с этим тезисом молодой человек легко соглашается, тем более, оно ни к чему его не обязывает. И поэтому продолжает или мало говорить или просто зачитывать готовый, не им составленный текст.

С другой стороны, студент соглашается, что следует научиться записывать и учебный материал. Поэтому применение стенографии в пространстве ученического труда ускоряет скорость записи, применение записывающей и воспроизводящей техники не вытесняет стенографию из числа хотя бы желательных компетенций специалиста. Стенография раскрывает значительные перспективы организации мыслительной активности субъекта: думать и фиксировать зеркально как свой, так и внешний текст. Пока же стенография рассматривается лишь как примитивный инструмент записи, но эта только точка зрения не знающих данной дисциплины функционеров, принимающих решение не включать этот предмет к число обязательных в системе образования.

Авторы предложили учебник курс практической стенографии студентам. Опишем их вполне ожидаемую реакцию: они его лениво полистали, промолчали, и только один из тридцати студентов фотографировал страницы учебника и в конце занятия показал преподавателю им переписанный стенографический алфавит и сообщил, что приложит необходимые усилия для освоения. Разумеется, этот студент пришел учиться в медицинский университет после медицинского колледжа и знает «в живую как устроена жизнь» и какими качествами желательно обладать, чтобы быть конкурентным врачом, поэтому его и не надо уговаривать получить доступное новое знание, дающее приращение его способности познавать и преобразовывать объекты.

Студентов следует подвести к выводу о необходимости систематических занятий с учебными предметами ежедневно, вне зависимости какой это день недели. Логично привести тезис классика: «чтобы жить умно, одного ума мало», в человеке значимы и волевые интенции, и чувства, эмоции и множество иррациональных интенций. Этот тезис главный, он прошел период апробации в системе среднего и высшего образования и доказал эффективность. Развивающийся субъект включается в познавательный процесс только при наличии внутренней мотивации, личность едина, и если меняется даже одно его качество, то в движении приходит вся совокупность его Я. Именно четкое каждодневное проговаривание учебного материала во многом способствует быстрому усилению познавательных способностей молодого человека. Внешнее постепенно усиливает и внутренний диалог [7, с. 185].

Студент для преподавательского состава представляет ценность качествами, выражаемых в предметно-практических действиях, проявленной индивидуальностью и позитивной для другого полноценной речевой и коммуникативной активностью. Но как этого добиться

реализации тезиса для всех студентов предстает проблемой, но пути ее решения намечены и их следует последовательно воплощать в пространство образовательного движения.

Литература

1. *Файзуллин Ф.С., Самситдинов И.З.* Проблемы социальной мобильности в современном обществе // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XI Междунар. конф. (Екатеринбург, 19–20 марта 2008 г.): в 5 ч. – Екатеринбург, 2008. – Ч. 1. – С. 56–60.
2. *Булатова З.А., Самситдинов И.З.* Менеджмент в сфере образования. – Уфа: УГАТУ, 2016. – 138 с.
3. *Ильясов Р.Р., Иксанов Р.А., Гарипов Р.К.* Феномен обнуления как модус играизации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2023. – № 2(59). – С. 188–191.
4. *Ильясов Р.Р., Иксанов Р.А., Самситдинов И.З.* Имитация образовательной деятельности как модус мобильности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1(176). – С. 474–476.
5. *Файзуллин Ф.С., Марковчина А.В.* Особенности социальной стратификации российского общества в условиях трансформации // Ядкяр. – 2008. – № 1. – С. 12–22.
6. *Файзуллин Ф.С.* Прогнозирование социального развития регионов России // Экономика социальной сферы. – 2018. – С. 132–152.
7. *Самситдинов И.З.* Социальная мобильность в регионе: концептуальная модель и эмпирические исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 3 (75). – С. 182–188.

УДК 316.62

ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ РОССИЯН ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

Сирковская Татьяна Владимировна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей питания пожилых россиян и их влияния на здоровье. Исследование базируется на вторичном анализе данных всероссийского мониторинга и собственном эмпирическом материале – опросе, проведенном среди жителей Перми и Новосибирска. Овощи, фрукты, мясо и мясные изделия регулярно присутствуют в рационе питания пожилых россиян. Вместе с тем респонденты данного возраста значительно реже потребляют рыбу и птицу. Женщины склонны чаще включать в собственный рацион фрукты и овощи, в то время как мужчины – мясо. Регулярное потребление фруктов положительно связано с улучшением субъективного восприятия здоровья. Наблюдается тенденция к небольшому улучшению общих оценок состояния собственного здоровья, особенно среди пожилых женщин. Результаты подчеркивают необходимость учета различных социальных и демографических факторов при разработке программ, направленных на поддержку здорового образа жизни и питания данной категории населения.

Ключевые слова: практики питания, пищевое поведение, старческий возраст, пожилые россияне, здоровье.

С продлением уровня средней продолжительности жизни и увеличением доли пожилого населения, встает вопрос о поддержании здоровья и улучшении качества жизни в зрелом возрасте [8, с. 60]. Сбалансированное питание играет ключевую роль в сохранении здоровья, профилактике хронических заболеваний и продлении активного долголетия [7, с. 88]. В этом

контексте актуальным представляется рассмотрение особенностей питания пожилых россиян и их влияния на здоровье граждан.

Современные демографические тенденции показывают стабильный рост числа пожилых граждан, что обусловлено не только улучшением социальных и медицинских условий, но и общим процессом старения населения [1, с. 23]. В России, как и в большинстве развитых стран, наблюдается увеличение продолжительности жизни. Однако вместе с увеличением продолжительности жизни обостряется проблема увеличения именно активной и здоровой ее части [6, с. 34].

Согласно классификации ООН, пожилыми считаются люди, перешагнувшие 65-летний рубеж, в то время как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) считает пожилыми тех, кому за 60 [3]. ВОЗ также подразделяет пожилой возраст на три фазы: от 60 до 75 лет это пожилой возраст или ранняя старость; от 75 до 90 лет – преклонный возраст или поздняя старость; а люди старше 90 лет попадают в категорию старческого возраста и долгожителей.

Проблема питания для людей старшего возраста становится весьма значимой, так как рациональное питание может значительно замедлить процессы старения, улучшить общее физическое состояние и когнитивные способности, а также снизить риск возникновения хронических заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания, диабет, остеопороз и другие [5, с. 31]. Поскольку потребности организма меняются с возрастом, необходима адаптация питания к этим изменениям, что требует комплексного подхода на уровнях индивидуальном и общественном. Значимость данного исследования определяется не только его научным вкладом в развитие вопросов нутрициологии, но и его практической направленностью. Научные результаты исследования могут быть использованы для создания рекомендаций в области питания, учитывающих специфику жизни в России, социально-экономические условия и традиционные предпочтения в еде.

Учитывая вышеописанное, становится очевидной необходимость всестороннего изучения практик питания пожилых россиян и их влияния на здоровье. Проведенное исследование позволит углубленно понять взаимосвязь между питанием и здоровьем на этапе старения, что является основой для разработки стратегически важных мер на всех уровнях: индивидуальном, социо-культурном и государственном. Таким образом, актуальность и значимость данной темы обусловлены как научными, так и социально-экономическими факторами, требующими внимания и изучения для обеспечения достойного уровня жизни пожилых граждан.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей пищевых практик россиян пожилого и старческого возраста в контексте обеспеченности здоровья. Исследование направлено на выявление структурных и динамических аспектов питания данной демографической группы с учетом изменения потребностей организма и внешней социальной среды.

Материалы и методы. Исследование базируется на вторичном анализе данных из открытых источников, включая базы данных всероссийского мониторинга, проведенного НИУ ВШЭ, а именно данные лонгитюдного опроса домохозяйств с применением репрезентативной выборки. Для более детальной оценки собранной информации отобраны респонденты в возрасте от 60 лет, при этом использовались данные преимущественно 28-й волны опросов, соответствующей 2019 году [2].

В дополнение к этому были включены результаты, полученные в рамках авторского исследования методом онлайн-анкетирования, проведенного среди жителей Перми и Новосибирска в текущем 2024 году. Среди опрошенных также были отобраны пожилые респонденты в возрасте 60 лет и старше, совокупно данная группа составила 58 участников опроса, что позволило провести сравнительный анализ и углубить понимание изменений в потребительском поведении данной возрастной категории.

Результаты и обсуждение. Продуктовое разнообразие и картина потребляемых продуктов. Исследование, проведенное НИУ ВШЭ в 2019 году, освещает пищевые привычки и образ жизни респондентов. Выборочная совокупность исследования составила 4115 участников, что обеспечило статистическую надежность полученных данных.

Анализируя частоту употребления различных продуктов, можно выделить несколько

ключевых трендов. Овощи и фрукты регулярно присутствуют в рационе большинства участников: 79,9% употребляют овощи почти каждый день, в то время как аналогичный показатель для фруктов составляет 56,2%.

Мясо и мясные продукты также потребляются с высокой регулярностью. 54,6% участников употребляют их почти ежедневно. Однако рыба и птица менее популярны, с долей ежедневного употребления всего в 28,7%. Этот разрыв может быть связан с культурными и экономическими факторами, такими как цена и доступность.

Употребление сладостей и сладких напитков варьируется. Каждый третий респондент (35,1%) потребляют их ежедневно. Подобные результаты могут считаться областью развития рискогенных практик, учитывая рост заболеваний, связанных с избыточным потреблением сахара [4, с. 73]. Интересно отметить относительно низкую частоту посещений заведений быстрого питания: 87,9% участников исследования в возрасте старше 60 лет заявляют, что никогда не употребляют фастфуд.

Результаты исследования показывают различия в частоте потребления основных категорий продуктов питания между мужчинами и женщинами. Отвечая на вопрос о потреблении овощей, значительное большинство респондентов как мужского (77,5%), так и женского пола (80,8%) отметили, что они употребляют овощи почти каждый день. Тем не менее, среди женщин эта доля несколько выше. Анализ данных о потреблении фруктов демонстрирует, что женщины более склонны к регулярному их потреблению (58,4% ежедневно) по сравнению с мужчинами (51,3%). Тренд имеет обратное соотношение в отношении потреблении мяса, так 62,1% мужчин употребляют мясо почти ежедневно, в то время как среди женщин этот показатель составляет только 50,8%. Корреляционные меры в каждом из случаев свидетельствуют о статистически значимых, но не сильных связях между полом и частотой потребления продуктов.

Результаты исследования демонстрируют и статистически значимую связь между возрастом старшего поколения и предпочтением различных категорий продуктов, в частности мяса и мясных продуктов, сладостей и сладких напитков, а также фастфуда. Опрошенные мужчины пожилого и старческого возрастов чаще, чем женщины, потребляют мясо и мясные продукты ежедневно или почти каждый день (показатель корреляции Спирмена = 0,069 при $p \leq 0,001$), сладости и сладкие напитки (показатель корреляции Спирмена = 0,053 при $p \leq 0,001$) и еду, приготовленную в заведениях быстрого питания (показатель корреляции Спирмена = 0,159 при $p \leq 0,001$). В последнем случае данные и корреляционные показатели демонстрируют показывают более выраженную корреляцию.

С повышением уровня образования опрошенных пожилых россиян возрастает частота потребления в пищу овощей и фруктов. Сравнительно слабые связи были обнаружены посредством коэффициента корреляция Спирмена, равные –0,096 и –0,183 соответственно при $p \leq 0,001$.

Описывая пищевые привычки пожилых жителей городов Пермь и Новосибирск на материале собственного эмпирического исследования текущего года, заметим наличие следующих устойчивых тенденций. Респонденты сообщают о наиболее частом потреблении хлебобулочных изделий, овощей и молока, что подтверждается высокими средними значениями для этих категорий, соответствующих частотности потребления «каждый день» или «через день». В частности, хлебобулочные изделия ежедневно потребляют 49,1% участников, тогда как овощи и молоко ежедневно употребляются 43,4% и 41,5% респондентов соответственно.

Молочные продукты составляют значительную часть рациона большинства опрошенных. Половина респондентов потребляют их каждый день или через день (51,9%). Лишь незначительное число участников опроса заявило, что они вообще их не употребляют (3,8%). Крупы менее популярны для ежедневного потребления (17,0%). Большинство (64,1%) употребляют их как минимум несколько раз в неделю.

Примером продуктов питания, потребляемых реже, выступают кондитерские изделия, мясные изделия и птица. Лишь 17% участников ежедневно употребляют сладкое, тогда как каждый третий (32,1%) ограничивается 2-3 разами в неделю для мясных изделий и яиц. Выделенный паттерн может указывать на наличие сдержанности в потреблении высококалорийных

и жирных продуктов у респондентов, что может быть связано с диетическим поведением, направленным на сохранение здоровья.

Примечательно, что частота потребления алкогольных напитков заметно отличается от вышеуказанных категорий, она существенно ниже. Для большинства опрошенных пожилого возраста характерен полный отказ от потребления алкогольной продукции (52,8%). Остальные употребляют его реже, чем один раз в неделю (30,2%). Безалкогольные напитки также не так популярны: менее 4% пьют их ежедневно, в то время как 37,7% вообще их не пьют, что может указывать на предпочтение других типов напитков или осознанный отказ от их потребления.

Исследование выявило наличие отдельных корреляций между частотой потребления продуктов питания и материальным положением респондентов пожилого возраста. Анализ демонстрирует, что уровень материального обеспечения оказывает влияние на поведенческие привычки в отношении потребления определенных продуктов. Так, например, алкогольные напитки чаще потребляют более материально обеспеченные опрошенные (показатель корреляции Спирмена = –0,495 при $p \leq 0,001$). С усилением финансовой стабильности пожилые люди чаще включают в свой рацион овощи и мясо и мясные изделия, что подчеркивает значение социально-экономических факторов в формировании пищевых предпочтений (показатели корреляции Спирмена = –0,344 и –0,391 соответственно при $p \leq 0,001$). Однако, данные выводы следует интерпретировать с осторожностью ввиду ограниченности выборки. Для более глубокого понимания выявленных корреляций и их направления необходимо проведение исследования с более репрезентативной выборкой для подтверждения обнаруженных связей.

Практики питания как элемент здоровьесохранительного поведения. Результаты проведенного НИУ ВШЭ исследования демонстрируют устойчивые тенденции оценки собственного здоровья пожилыми респондентами на протяжении периода с 2019 по 2023 годы. Результаты указывают на преобладание среднего уровня восприятия собственного здоровья, который не изменился на протяжении исследуемых лет.

При более детальном рассмотрении распределения ответов, видно, что большинство участников оценивают свое здоровье как среднее, не хорошее, но и не плохое, и этот показатель постепенно увеличивается с 59,6% в 2019 году до 63,3% в 2023 году. Одновременно наблюдается небольшое снижение доли респондентов, оценивающих свое здоровье как плохое или совсем плохое: с 28,2% в 2019 году до 25,0% в 2023 году. Это может свидетельствовать об улучшении восприятия респондентами своего здоровья, несмотря на стабильные средние показатели.

Данные мониторинга состояния здоровья респондентов показывают явное различие в самооценке здоровья между мужчинами и женщинами. В частности, основная доля как мужчин (61,5%), так и женщин (61,9%) оценивает свое здоровье как среднее. Однако женщины чаще сообщают о хорошем (56,1% против 43,9% у мужчин) и плохом состоянии здоровья (72,0% против 28,0% соответственно). Статистические методы, такие как V-коэффициент Крамера (0,092) и коэффициент корреляции Спирмена (0,077), указывают на наличие статистически значимой связи между полом и самооценкой состояния здоровья ($p < 0,001$). Кроме того, исследование выявило значимую корреляцию между возрастом и оценкой состояния здоровья. С повышением возраста наблюдается ухудшение восприятия здоровья (показатель корреляции Спирмена = 0,077 при $p \leq 0,001$), что подчеркивает важность учета возрастных факторов при разработке и реализации программ по улучшению общественного здоровья и питания. Респондентам из городов и областных центров свойственно более пессимистичное восприятие здоровья, с 28,0% и 26,5% оценок «плохое» соответственно. Наибольший уровень «хорошего» здоровья сообщают жители ПГТ (поселков городского типа) – 11,5%.

В исследовании рассматриваются взаимосвязи между субъективной оценкой здоровья и частотой потребления различных видов продуктов питания. Анализ показывает, что среди респондентов, оценивающих свое здоровье как «очень хорошее», 81% употребляют фрукты почти каждый день, что подчеркивает положительное влияние регулярного потребления фруктов на самочувствие. Напротив, среди тех, кто оценивает здоровье как «плохое», доля ежедневного потребления фруктов составляет лишь 52,7%.

Частота потребления мяса и мясных продуктов оказывает более значительное влияние

на субъективное здоровье, чем фрукты (показатель корреляции Спирмена = 0,117 при $p \leq 0{,}001$). Восприятие здоровья сильнее коррелирует с потреблением мяса, чем фруктов. Также наблюдается слабая, но значимая корреляция между частотой потребления рыбы и общего самоощущения здоровья, что указывает на важность сбалансированного рациона. Приведенные выводы могут способствовать разработке более эффективных рекомендаций по питанию для улучшения здоровья населения.

Полученные данные подчеркивают важность изучения пищевых привычек для понимания влияния на субъективное восприятие здоровья. Однако следует учитывать, что корреляция не подразумевает причинности, и результаты должны быть интерпретированы в контексте более широкого анализа образа жизни и других факторов, которые могли бы объяснить выявленные связи.

Заключение. Таким образом, сбалансированное и рациональное питание играет ключевую роль в поддержании здоровья и профилактике хронических заболеваний. Оно также может улучшить физическое состояние. Возрастные изменения и адаптация питания к ним требуют комплексного подхода, который включает увеличение потребления овощей, фруктов и разнообразных источников белка. Несмотря на то, что женщины чаще потребляют растительные продукты, а мужчины – мясные, выявленные связи между полом и частотой потребления продуктов являются слабыми. Обнаружена существенная корреляция между материальным положением и пищевыми привычками, и именно финансово-экономический фактор влияет на доступность продуктовых категорий для пожилого населения больше всего. Частота потребления отдельных продуктов, таких как овощи, фрукты и мясо, оказывает значительное влияние на субъективное восприятие здоровья. Среди респондентов с хорошей самооценкой состояния здоровья большинство регулярно употребляют именно данные категории продуктов.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 (https://rscf.ru/project/23-18-00480/).

Литература

1. *Барабашина С.И., Глухарев А.Ю., Дубровин С.Ю.* Разработка рецептуры паштета на основе мяса северной креветки для питания пожилых людей // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2024. – № 68. – С. 22–43.
2. Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/rlms/spss (дата обращения: 20.10.2024).
3. К дню пожилых людей. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: https://clck.ru/3EScVG (дата обращения: 06.11.2024).
4. *Киселев С.В., Белова Е.В.* Проблемы продовольственной безопасности и питания в России в современных условиях // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2020. – Т. 12. – № 1 (35). – С. 70–91.
5. *Колоколов О.В., Салина Е.А., Колоколова А.М.* Боль, падения, ограничение двигательной активности и недостаточность питания как взаимосвязанные факторы риска инвалидизации лиц пожилого возраста: возможности коррекции // РМЖ (Русский медицинский журнал). – 2020. – Т. 28. – № 8. – С. 30–36.
6. *Новосёлова Е.Н.* Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 32–52.
7. *Садовникова А.С., Чаусова Л.А.* Здоровый образ жизни как фактор активного долголетия // Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. – 2021. – С. 86–94.
8. *Шестакова Е.Е.* Старение населения и изменения в социальной политике развитых стран // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 2. – С. 60–76.

СЕКЦИЯ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

УДК 316.75

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Галиев Гали Талхиевич
Евразийская ассоциация социологов, Уфа, Россия

Аннотация. В условиях динамических социальных перемен в мировой практике управления все в большей мере утверждается инновационный метод освоения национального пространства - его технологизация.

Ключевые слова: межнациональные отношения, социальные технологии, национальная политика, социальное управление.

Объектом моих многолетних научных поисков в области межнациональных отношений является управление межнациональными отношениями (МНО): анализ многообразия их видов и методов; оценка потенциала каждого из них и специфика их использования; потребность и возможность возникновения сегодня новых методов управления, перспективы их признания и включения в систему воспроизводства на правах необходимого элемента культуры МНО в Евразийском пространстве.

Анализ ранее использованных в Евразии форм и методов управления МНО позволяет выделить ряд критериев, на основе которых проводилась оценка их актуальности и эффективности. Основные из них - целевая направленность развития МНО; объективность; комплексность; системность; научность; достаточность ресурсного обеспечения и эффективность его использования; учет последствий и др.

Совокупность возможностей управленческого воздействия при использовании данных критериев составляет внутренний потенциал МНО.

В связи с изменением целей национальной политики Евразии, возможностей ее реализации изменяется и набор методов управления МНО, возможности его потенциала. Ранее активно использовались такие методы, как программно-целевое управление, сферное управление: управление по целям; управление по результатам и др. Сегодня активно разрабатываются методы, которые ранее носили прикладной характер - управление балансирования; управление по отклонениям; антикризисное управление и др. Они, как видим, в наибольшей степени отвечают потребностям сегодняшних реалий в системе МНО.

Опыт исторического развития народов Евразии, практики их взаимодействия дают основание говорить о наличии общепризнанных методов **1**управления МНО - экономических, политических, правовых, социальных, психологических и др.

Проблемы теории, методики и практики использования каждого из них в системе формирования и изменения состояния МНО (гармоничности или односторонности, стабильности или хаотичности, динамичности или спада и т.д.) отработаны достаточно основательно, причем с учетом вариантов воздействия их на качественное состояние различных сфер жизнедеятельности наций, характера отношений между ними.

Сегодня очевидно, что вектор оценок качественного состояния МНО может быть выбран, исходя из конкретных целей и интересов различных групп населения этносов, политических и иных сил.

Исследования самого процесса управления в сфере МНО дают основание говорить о том, что многие модели управления уже глубоко изучены, разработаны основные его элементы: знание сущности явления и его структура; показатели качественного и количественного состояния; нормы и нормативы; объективные и субъективные аспекты определения цели, выбора методов оценок; процесс достижения поставленной цели; определение ресурсов, требуемых для достижения поставленной цели; методы диагностического состояния процесса и механизмы его целенаправленного регулирования, система информационного обеспечения; профессионально квалификационная характеристика лиц, занятых в процессе управления, особенности организации их трудовой деятельности; сфера и специфика отношений между участниками МНО.

XXI век - время динамических социальных перемен. Без использования инновационных методов в освоении национального пространства в нем возможны новые потрясения, конфликты, не знающие национальных границ.

Достигнутые результаты в разработке теории и методики управления межнациональными отношениями позволили адаптировать к специфике исследуемых процессов такие научные методы, как целеполагание; диагностика; системный и факторный анализ; прогнозирование; моделирование; планирование; выработка управленческих решений; процесс практической деятельности; социологические исследования, игротехника; коррекция и синергический эффект; метод альтернатив и др.

Использование каждого из них связано с освоением конкретного объема научных знаний, специфических методик освоения и неповторимых методов практической деятельности.

Это дает возможность глубже понять сущность МНО, характер их воздействия на различные сферы состояния общества, проследить возникновение нарушений оптимального состояния равновесия интересов и потребностей участников МНО и возможные варианты изменения их состояния - от угасания и усиления стабильности до конфликтности различной степени тяжести.

Анализ их использования в практике управления конкретными направлениями национальной политики Евразии за последние десять лет дает основания для некоторых выводов.

Во-первых, используемые порознь названные выше научные методы позволяют углубить наше познание отдельных процессов МНО.

Во-вторых, установить, что процессы МНО испытывают на себе влияние многочисленных и разнообразных факторов внешней и внутренней среды. Без их учета каждый из названных методов может не только оказаться неэффективным в практике управления, а усилить нарушение существующего ранее состояния равновесия в МНО.

В-третьих, используемый автономно каждый из названных методов увеличивает затраты ресурсов, требуемых для решения конкретных проблем национальной политики, и не дает предполагаемого результата.

Например, затраты на проведение социологических исследований МНО, прогнозирование их состояния окажутся напрасными, если отсутствует возможность (правовая, экономическая, организационная и иная) регулирования внутренних и внешних связей и отношений, влияющих на достижение желаемого результата.

В-четвертых, особенности функционирования процессов в системе МНО связаны с тем, что для получения позитивных результатов требуется длительное время, особые условия для их воспроизводства. Научные методы дают возможность не только рассчитать потребности затрат времени, но и процесс формирования качества требуемых состояний, характеристик и т.д.

При частой смене целей и задач национальной политики использование методов, например, прогнозирования, планирования, диагностики, анализа и др. для субъектов управления МНО теряет смысл. В этих случаях приоритет отдается авторитетным методам управления. А при слабости государственного управления или отсутствии авторитарного лидера МНО находятся под влиянием стихийных сил.

В-пятых, проведение позитивной национальной политики в условиях смены приоритетов политического, экономического, социального, духовных ориентиров развития ЕАЭС требует

поиска иного механизма использования уже известных достижений в теории, методике и практике управления МНО, использования на эти цели имеющихся сегодня у Евразии ресурсов.

В-шестых, поиск нового метода управления МНО приводит к необходимости анализа процесса формирования этносов, их культуры, традиций. Что способствовало их формированию, устойчивому проявлению? Какой должна быть система управления МНО, при которой не только воспроизводятся желаемые результаты, но и закрепляется качество их состояния?

Таким образом, в кратком обзоре мы ставили перед собой задачу: раскрыть сущность технологического управления в сфере МНО, объективную потребность его возникновения, проследить теоретические и методические аспекты его практического использования.

Автор в технологическом управлении усматривает не новую панацею, которая избавит нас от всех проблем, преследующих в реализации сегодняшней межнациональной политики Евразии. Скорее наоборот: обращение к технологическому управлению как методу гармонизации МНО в Евразии, которая позволит субъектам управления (если они этого захотят, и, если это не будет противоречить их истинным целям деятельности в формировании новой политики МНО в данных странах), во-первых, ставить перед собою реальные задачи; во-вторых, при проведении межнациональной политики избежать напрасной траты ресурсов, требуемых для ее осуществления (политических, социальных, экономических, нравственных, правовых и др.); в-третьих, достигнуть поставленных целей с достаточной степенью эффективности.

Технологический подход в управлении МНО в Евразии, как видим, требует предельного внимания, активности, настойчивости, самоконтроля и самоорганизации всех участников процесса МНО. При ином подходе – будут и иные результаты.

Литература

1. *Галиев Г.Т., Бушин Н.И., Никредин Г.Д.* Технологическое управление социальными процессами: учебное пособие. – Уфа: Ай, 1997.
2. *Галиев Г.Т., Дружинина Т.Г.* Технологическое управление межнациональными отношениями: от конфликта до гармонии. – Уфа: АН РБ; Гилем, 2012.

УДК 316.75

ОБРАЗ РОССИИ В ВЕДУЩИХ СМИ КНР (2021–2023)

Сергеев Сергей Алексеевич,
Ван Чжаосюй
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается образ России в китайских СМИ на основе публикаций в ведущих изданиях КНР за период с 2021 по 2023 годы. Изучение китайских СМИ демонстрирует, что образ России играет значительную роль в общественном сознании Китая. Преимущественно позитивное освещение России в китайских медиа способствует укреплению связей между двумя народами и создает благоприятную атмосферу для развития сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, китайский СМИ, национальный образ, международные отношения.

СМИ играют центральную роль в формировании представлений о других странах, особенно в условиях недостатка личного опыта взаимодействия с этими странами. Для большинства граждан КНР Россия остается страной с уникальной культурой и историей, но с ограниченными возможностями для непосредственного контакта, поэтому китайские СМИ становятся основным источником информации о России. Они не только предоставляют новости и аналитические материалы, но и формируют общие представления о российской культуре,

обществе, политике и экономике. Хотя национальный образ страны не полностью идентичен образу страны в СМИ, формирование образа страны в СМИ оказывает значительное влияние на национальный образ страны. Некоторые из первых китайских ученых, изучавших образ стран, считали, что национальный образ страны – это образ страны, представленный в СМИ. Такие ученые как, Сюй Сяогэ в 1996 году определил, что «образ страны, формируемый в международном новостном потоке» [2, с. 38]. А Чжан Юцян считает, что национальный образ страны – это «продукт суверенной страны, который формируется с помощью определенных СМИ в определенных условиях, после того как информация, распространяемая системным действием, подвергается влиянию общественности» [3, с. 29]. Из представленных точек зрения ведущих ученых в области исследования национального образа страны видно, что образ страны в СМИ других стран играет значимую роль и оказывает сильное влияние на национальный образ страны.

Таким образом, образ России в китайских СМИ влияет на восприятие России китайской аудиторией и на формирование стереотипов, которые могут как способствовать, так и препятствовать развитию взаимопонимания и сотрудничества между народами двух стран.

Для исследования китайских СМИ и изучения образа России с их точки зрения, в качестве типичных представителей СМИ КНР мы рассмотрели издания «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Чжунго цинняньбао» и «Дийи цайцзин», а в качестве ключевого слова была использована фраза «Российская Федерация». Всего за период с 1 января 2021 года по 31 декабря 2023 года было получено 590 актуальных статей, резюмируя общие тенденции репрезентации национального образа России.

Анализ сообщений китайских СМИ проводился по трем направлениям: количественный анализ (оценка количества публикаций), тематический анализ (изучение освещаемых тем) и анализ трендов (выявление тенденций в освещении) с целью получения комплексного представления о посвященных России публикациях.

1. Изменение количества новостей: по нашим наблюдениям, число публикаций сохраняется почти одинаковым, без значительных изменений.

Объем освещения страны в новостных сообщениях может служить индикатором внимания СМИ к стране. Следовательно, количество новостей о России в основных китайских СМИ может оказать влияние на уровень осведомленности и заинтересованности местной аудитории в отношении России. Проведя анализ и сортировку новостных сообщений о России в основных китайских СМИ за 2021–2023 годы, была выявлена динамика изменения количества новостных сообщений, как представлено на таблице 1:

Таблица 1

Новостные материалы о России, опубликованные ведущими китайскими СМИ

	Жэньминь жибао	Гуанмин жибао	Дийи цайцзин	Цзинцзи жибао	Чжунго цинняньбао
2021	74	43	12	39	42
2022	65	52	110	37	41
2023	68	56	27	55	34

Анализ представленных данных демонстрирует, что количество упоминаний России в ведущих китайских СМИ на протяжении рассматриваемого периода (2021–2023 гг.) остается относительно стабильным. За исключением «Дийи цайцзин», в других источниках количество публикаций, посвященных России, за три года колеблется в районе 50. Это позволяет сделать вывод, что уровень освещения России в основных китайских СМИ не слишком высок.

В 2022 году количество сообщений «Дийи цайцзин» о России достигло пика. Это резкое увеличение публикаций было вызвано комплексом факторов, связанных со влиянием на российскую экономику эскалации по украинскому вопросу и введения масштабных санкций Запада против России. Введенные США и ЕС в конце февраля 2022 года санкции нанесли удар

по экономическому восстановлению России, которое наблюдалось в 2021 году. В результате санкций с марта по июнь 2022 года российская экономика испытывала заметные колебания.

В условиях санкций и изменения международной обстановки колебания российской экономики, а также меры по ее адаптации и реагированию оказались в центре внимания международного сообщества. В то же время объем торговли между Китаем и Россией значительно увеличился, что усилило влияние на российскую экономику и отношения России и Китая. Освещение событий в торговых отношениях стало ключевым направлением работы «Дийи цайцзин» в тот период. Репортажи были сосредоточены на информации, связанной с экспортом энергоносителей, структурной перестройкой экономики, инфляцией и колебаниями обменного курса и т.д.

2. Классификация тематики: Обсуждаемые темы преимущественно касаются политики и экономики, при этом публикации весьма разнообразны.

Позитивный образ страны в СМИ может привлечь туристов, инвесторов, укрепить дипломатические связи и повысить её престиж на мировой арене. Негативный образ, наоборот, может отпугнуть потенциальных партнеров, подорвать уровень доверия к стране, привести к санкциям и изоляции [1, с.178].

Анализ новостей китайских СМИ о России в период с 2021 по 2023 год показал, что публикации об образе России весьма разнообразны. Для более чёткой и ясной картины распределения по темам все материалы были разделены на пять категорий: политические, экономические, военные, культурные и социальные. Согласно результатам проведённого статистического анализа, в китайских СМИ было опубликовано 592 сообщения о России. Распределение тематики этих статей представлено в таблице 2:

Таблица 2

Тематическая карта новостей о России в китайских СМИ

	политические	экономические	военные	культурные	общественные
статьи	334	167	41	38	12
процент	56.42%	28.21%	6.93%	6.42%	2.03%

Как видно из таблицы 2, освещение России в китайских политических СМИ имеет ярко выраженный тематический перекос. Формируемый СМИ КНР имидж России сфокусирован на отдельных темах, что, в свою очередь, влияет на восприятие страны китайским обществом. Среди освещаемых тем доминируют политические публикации: 334 статей, что составляет 56,4%. На втором месте по количеству шли экономические новости и репортажи: 167 статей (28,2%). Далее следуют новости, посвященные военной (6,93%), культурной (6,42%) и социальной (2,03%) темам.

Освещая встречи на высшем уровне и дружественные отношения между Россией и Китаем, СМИ КНР подчеркивают всестороннее стратегическое партнерство между двумя странами. Они также делают акцент на взаимной поддержке и сотрудничестве на международной арене, часто освещая совместные проекты в различных областях, таких как энергетика, культурный обмен и других.

3. Тенденции в репортажах: в основном положительные и нейтральные, а отрицательные с упором на международные конфликты и экономические вопросы.

Несмотря на стремление СМИ к объективности и справедливости в освещении событий, многочисленные исследования выявили широкую распространенность предвзятости в новостных сообщениях. Как правило, тенденции освещения новостных событий обычно делятся на три категории: позитивная, нейтральная и негативная.

Тенденция освещения часто коррелируется с характером новостей: необходимо оценивать, способствуют ли заголовок и содержание созданию определенного имиджа политика или

страны. Авторы статей часто используют технику смещения акцентов: одни факты преувеличиваются, другие – замалчиваются [4, с. 292].

Таблица 3

Распределение тенденций освещения новостей о России в китайских СМИ

	позитивные	Объективные	негативные
количество	210	264	89
процент	37%	47%	16%

Контент-анализ показал, что новости китайских СМИ о России в основном представлены объективными и позитивными новостями, с меньшей долей негативных сообщений (см. табл. 3). За трехлетний период было опубликовано 264 объективных новостей, что составляет 47% от общего числа. При этом 16 из них несут нейтральную или положительную окраску; позитивных новостей было 210, что составляет 37%; а негативные встречаются реже, только 89, что составляет всего лишь 16%.

Что касается позитивных новостей, большинство из них посвящены российско-китайским отношениям, устойчивости экономики России, её военной мощи. Такие новости, как «Российско-китайские отношения достигнут большего развития в новую эпоху», «Российская экономика демонстрирует устойчивость перед лицом западного давления», «Современная российская армия – сила, с которой нужно считаться» и т. д.

Освещение российско-китайских отношений в китайских СМИ, подчеркивают дружбу, сотрудничество и общие интересы двух стран. Особо отметим акцент на тесные связи между лидерами двух стран, достижения сотрудничества в экономике, торговле, энергетике, науке и технологиях. Положительно оценивается сотрудничество в международных делах.

Позитивные экономические новости фокусируются на решениях, принятых Россией в ответ на западные санкции, а также на устойчивости российской экономики. Новости о военной мощи представляют новейшие разработки в области военных технологий. В то же время демонстрируют боеспособность и обороноспособность российской армии.

Среди негативных новостей большинство сосредоточено на напряженных отношениях между Россией и западными странами, особенно разногласия по вопросам безопасности, таким как расширение НАТО. Китайские СМИ используют такие слова, как «игра» и «эскалация санкций» для подчеркивания противостояния между сторонами. Характерными можно назвать такие заголовки, как: «Отношения НАТО и России достигли дна.» «Россия обозначила «красные линии» в вопросе расширения НАТО на восток».

Российская экономика находится в тяжелом положении из-за воздействия западных санкций. Китайские СМИ используют для описания этих проблем такие слова, как «падение», «резкое падение» и «шок цен на нефть», и типичными заголовками можно назвать следующие: «Продажи российских автомобилей резко упали в июне, а 80% уровня производства и продаж упали до уровня 30-летней давности», «Международная нефтяная промышленность, долгосрочно-краткосрочная игра», «Российская экономика: работа в условиях вызовов».

Китайские СМИ сообщали о таких негативных экономических явлениях, как снижение продаж российских автомобилей, рост инфляции, обесценивание рубля, отток капитала и колебания мировых цен на энергоносители. Также отмечалось, что негативное влияние санкций на российскую экономику может продлиться несколько лет.

Негативные новости в сфере культуры в основном отражаются в изоляции России в спорте. В некоторых новостях сообщалось о запрете на участие российских спортсменов в международных соревнованиях, в частности, отмечается исключение России из международных футбольных турниров и наказание других российских видов спорта, например: «Российскому футболу запретили участие в международных соревнованиях», «Цепная реакция запрета продолжается: многие российские виды спорта подвергаются наказанию». Делался

вывод, что западные санкции приводят к умалению влияния России на международной арене, они также оказывают негативное влияние на национальный образ России.

Подводя итог, следует констатировать, что образ России в китайских СМИ носит многоаспектный и многоплановый характер. СМИ КНР освещают различные сферы жизни Российской Федерации, охватывая экономику, культуру, общество и другие области, основное внимание при этом уделяя политике. Новости в основном носят позитивный характер, при этом они не обходят стороной существующие в России проблемы.

Литература

1. *Каграманян Н.С.* Место и роль СМИ в общественной жизни государства // Экономические стратегии. – 2006. – № 8. – С. 176–180.
2. *Сюй Сяогэ.* Проблема имиджа государства в международной журналистике // Исследования в области журналистики и коммуникации. – 1996. – № 2. – С. 35–45. (на кит. яз.: 徐小鸽. 国际新闻传播中的国家形象问题 // 新闻与传播研究. – 1996. – № 2. – С. 35–45).
3. *Чжан Юцян.* Краткая дискуссия о национальном имидже // Современные коммуникации. – 2002. – № 2. – С. 27–31. (на кит. яз.: 张毓强. 国家形象刍议 // 现代传播. – 2002. – № 2. – С. 27–31).
4. *Швецова М.Г.* Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3 (37). – С. 288–298.

УДК 316.75

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНТЕРВЬЮ)

Фазлеев Артур Наилевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы социокультурной адаптации обучающихся к образовательной среде вуза. Приведены результаты исследований, проведенных в разных группах иностранных обучающихся. Выявлены наиболее значимые проблемы иностранных обучающихся в Казанском федеральном университет и возможные меры их предотвращения.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные обучающиеся, вуз, Казанский федеральный университет.

В условиях глобализации и увеличения числа иностранных студентов в высших учебных заведениях, социокультурная адаптация становится важным аспектом образовательного процесса. Рекомендуется, чтобы вузы предприняли комплексные меры для улучшения этого процесса.

Заявления на обучение в Казанском федеральном университете, согласно данным Приемной комиссии КФУ, подали уже свыше 8 тысяч иностранных граждан из 65 стран [2]. Наибольшее количество заявлений Казанский университет принял от граждан Туркменистана, Ирана, Китая и Узбекистана. Абитуриентов интересуют образовательные программы, связанные как с гуманитарными, так и с естественными и техническими науками. «Поступление в вуз всегда период стресса для абитуриентов, в том числе иностранных. Нашей важной задачей является обеспечение простых, понятных и прозрачных процедур приема, проведение содержательных и своевременных консультаций», – говорит начальник отдела привлечения и набора иностранных обучающихся Департамента внешних связей **Рауф Сабиров**. – В этом году на 2,2 тысячи плановых мест в рамках отдельного конкурса

документы уже подали 8035 иностранных граждан, что сопоставимо с количеством абитуриентов по итогам прошлой приемной кампании, а до окончания приема документов в этом году еще порядка трех недель» [2].

Количество желающих обучаться в КФУ иностранцев с каждым годом растет. В прошлом учебном году в университете их обучалось более 11 тысяч из 100 стран. Наибольшее количество студентов из-за рубежа получали высшее образование в Институте управления, экономики и финансов, Институте филологии и межкультурной коммуникации, Институте фундаментальной медицины и биологии, а также Институте международных отношений.

По итогам приемной кампании 2023 года в КФУ зачислено 5058 иностранных граждан на все программы и уровни обучения, 3854 человека из них будут обучаться в казанском кампусе. Общий конкурс среди иностранных ребят составил 1:3, а по ряду специальностей достигал и 20 человек на место. Наибольшее количество абитуриентов зачислено из Китая, стран-партнеров из Центральной Азии и Ближнего Востока и Ирана. «География иностранных абитуриентов расширилась: если в прошлом году иностранные абитуриенты в КФУ представляли 62 страны, то в этом году – 86. Ожидаемо увеличилась численность ребят, поступивших по гослинии. Более 1 000 ребят уже поступили на подготовительный факультет, который еще продолжает прием на сетевые программы, открытые в Иране и Китае, и на цифровой подготовительный факультет. В это году в КФУ будут учиться уже порядка 2 000 студентов и слушателей из Китая. Это самое большое количество за всю историю Казанского университета. Что касается Ирана, то абитуриентов оттуда прежде всего интересует медицинское образование. 95% процентов ребят из этой страны обучаются именно на медицинских направлениях подготовки. Сегодня продолжается интенсивная работа по оформлению визовых приглашений для всех поступивших первокурсников.

Еще одна важная новость – это открытие филиала КФУ в г. Каире. Соответствующее решение Президента Египта Абдул-Фаттаха Ас-Сиси уже получило одобрение Правительства страны и в скором времени мы ждем выхода итогового документа», отметил Т. Алишев [2]. По данным КФУ, всего в приемную кампанию 2023/2024 годов в вуз было принято на бакалавриат и специалитет более 9,5 тыс. человек, из них на бюджет – 4,6 тыс. Иностранных студентов приняли 1,7 тыс. человек, а иногородних – 3,3 тыс. человек. Цифры в главном вузе Татарстана дали с учетом зачислений в филиалы в Елабуге и Набережных Челнах. Однако более половины иностранцев (955 человек) и почти все приезжие (те, что не из Татарстана) поступили в «головной» вуз в Казани [2]. Статистика показывает, что уже за год количество иностранных студентов в КФУ выросло в полтора раза.

Для многих иностранных студентов КФУ — это первый выбор, когда они решили получить высшее образование в России. На сегодняшний день, более 1500 иностранных студентов из 30 разных стран обучаются в КФУ. Это составляет более 25% от общего числа студентов в университете. КФУ предоставляет широкий выбор программ, которые соответствуют международным стандартам. Наиболее популярные направления среди иностранных студентов включают экономику, международные отношения, химию, физику и математику [4].

Концепция культуры как продукта повседневной жизни разработана П. Векслером, идеи которого сочетаются с постструктуралистским и постмодернистским подходами. В его понимании «культура рассматривается и как объективный феномен и как «живая культура», она является продуктом производимого взаимодействия и местом, где осуществляются классовые, расовые и гендерные антагонизмы» [5]. Исходя из этого понимания, система образования рассматривается как место, где разрешаются напряженность и противоречия, связанные с социальными и, в том числе, и этническими проблемами. Изучение живой культуры учащихся и преподавателей является новой ступенью в развитии социологии образования. «Такое понимание культуры, связанное с анализом активной позиции преподавателя и студента в образовательных институтах позволяют изучить сущность «живой культуры». В работах Бравермана и Буровайя отмечается, что исследование живой культуры должно фокусируется на интернациональной природе культурного производства и формирования идентичности у учащихся различных этнических и гендерных групп» [5].

Д. Томас и М. Куинлан отмечают, что враждебная среда кампуса, которая ставит под угрозу потенциал студентов из числа меньшинств к успеху, является основной помехой на пути социокультурной адаптации. Они также отмечают, что «существуют дискриминационные практики в преподавании, самообразовании и поддержке студентов, а также институциональный расизм и непонимание того, как национализм влияет на опыт учащихся. Кроме того, следует учитывать внутриличностные факторы, такие как ожидания персонала и предвзятое отношение, связанное с языковой компетентностью, наряду с межличностными факторами, которые могут быть связаны с недостаточной представленностью персонала и студентов, что приводит к чувству изоляции или отсутствия принадлежности» [6]. Социологи уделяет большое внимание именно системе взаимодействия в учебном процессе, подчеркивая, что сама атмосфера учебного заведения, психологический климат, а также отношения между преподавателя и учащимися являются основой успешной или неуспешной адаптации студентов- иностранцев.

Коллектив социологов казанского Федерального Университета провел исследование среди различных групп иностранных учащихся. По результатам серии интервью выявлены группы студентов-иностранцев с различной спецификой адаптации в университете. Такими группами являются: «студенты из стран СНГ (около 60% респондентов), студенты из стран дальнего зарубежья (кроме студентов-европейцев) (порядка 15% респондентов), студенты из стран Европы (около 10% респондентов) и студенты из Китая (порядка 15% респондентов)» [1]. В результате исследования, социологи пришли к следующим выводам:

Восприятие учебного процесса. Монотонные лекции сложны даже для студентов, свободно владеющих русским языком. На семинарах преподаватели используют дискуссии, деловые игры, дебаты и другие методы подготовки и презентации проектных работ. Важным фактором успешной адаптации иностранных студентов из СНГ является уровень владения ими русским языком. Студенты из Украины, Беларуси и Казахстана говорят, что обучение на русском языке не вызывает затруднений, в то время как студенты из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана часто связывают свои трудности в обучении с языковым барьером. В целом большинство студентов из СНГ считают, что языковые курсы не нужны, но те, кто их посещал, подчеркивают, что они очень полезны. Многие студенты понимают лекционный материал и интересуются литературой, но редко участвуют в дискуссиях, хотя и могут высказать свои мысли.

2. Для иностранных студентов *бытовая сфера* часто представляет собой вызов. Большинство опрошенных учеников предпочитают готовить еду самостоятельно в общежитии. Это связано с тем, что они уже знакомы с местными продуктами и кухней, которые они считают более экономичными и вкусными. Тем не менее, есть и некоторые различия. Цены на овощи и фрукты в Казани гораздо выше, чем у них на родине, поэтому многие студенты не могут позволить себе привычные продукты; большинство проблем, с которыми сталкиваются студенты из стран СНГ, не социальные или психологические, а практические, такие как долгая дорога в университет, неудобное расписание и плохие условия в старых общежитиях. Кроме того, для студентов из южных регионов серьезным стрессовым фактором являются климатические условия. Континентальный климат с его резкими перепадами температур (особенно в холодные зимы) некомфортен для студентов, предпочитающих тепло. К положительным сторонам обучения в КФУ можно отнести высокое качество образования, высокий уровень преподавания и престиж университета. Некоторые студенты также предпочитают жить с соотечественниками, чтобы сосредоточиться на учебе и не отвлекаться на межкультурные проблемы.

3. Менее половины студентов Казанского федерального университета из стран дальнего зарубежья утверждают, что полностью адаптировались к жизни в Казани. Основными причинами адаптации они называют наличие близких друзей среди русских и татар, изучение русского языка на достаточном уровне, посещение религиозных учреждений (церквей, мечетей, костелов) и благоприятную академическую атмосферу в КФУ, способствующую обучению. Половина иностранных студентов заявили о своем намерении вернуться на родину после

окончания учебы, так как считают, что получают качественное и востребованное образование у себя на родине. Следует отметить, что некоторые иностранцы сталкиваются с расизмом и нетерпимостью как в университете, так и за его пределами. Тем не менее, Казань и КФУ воспринимаются как более безопасные места, чем Москва [1, с. 35-43].

Так же, социологи выделяют следующие проблемы иностранных студентов, возникающие в процессе социальной адаптации к университету:

-низкий уровень владения русским языком, что создает проблемы в обучении и повседневном взаимодействии;

-культурный шок, который приводит к необходимости индивидуальной работы преподавателей со студентами и другими организациями университета; и

-бюрократические препятствия, такие как длительные административные процедуры, непонятные студентам по прибытии в другую страну;

-проявления нетерпимости по отношению к иностранным студентам, в результате чего студенты чувствуют себя униженными и оскорбленными;

-отсутствие возможности выбора курса обучения; ограничение прав студентов» [1, с. 35-43].

С целью выявления сложностей адаптации иностранных учащихся к обучению в КФУ, нами было проведено интервью 15 студентов 1 и 2 курса бакалавриата в нескольких институтах, в выборку вошли как представители ближнего, так и дальнего зарубежья. Мы хотим выявить, насколько комфортно студенты чувствуют себя в КФУ в плане пространства их жизненного мира.

Исследование выявило *трудности, связанные с жилищно-бытовыми условиями* «Мне не нравится распорядок проживания в общежитии. Персонал иногда грубо разговаривает, не знает английского языка». (Информант 3). «Плохая уборка в туалетах и душевых кабинах…, на кухне тоже часто грязно». «Комнаты маленькие, некомфортные» (Информант 5). «На кухне отсутствуют микроволновки или они поломаны, плиты старые и грязные…, требуется ремонт» (Информант 15).

Респонденты отметили как беспорядок, отсутствие ремонта, так и недоброжелательность среди персонала общежития.

Беспорядок и отсутствие ремонта создают не только физический, но и психоэмоциональный дискомфорт, который мешает полноценному проживанию студентов. Общежитие должно быть местом, где молодые люди могут сосредоточиться на учебе и социализации, а не сталкиваться с раздражающими факторами повседневной жизни.

Недоброжелательность среди персонала также требует внимательного анализа. Подобное отношение может возникать в результате стрессовых условий труда или нехватки ресурсов. Важно наладить диалог между жильцами и управляющими, чтобы устранить недоразумения и создать более комфортную атмосферу.

Только совместными усилиями можно преобразовать общежитие в пространство, способствующее развитию и поддерживающее дух дружбы и взаимопомощи. За каждым отзывом стоит возможность для роста — как для администрации, так и для студентов. Важно не оставлять эти вопросы без внимания и работать над тем, чтобы сделать жизнь в общежитии лучше.

Отношения с администрацией. Большинство студентов, при наличии проблем, склонны обратится к землякам или же студентам из своей учебной группы, а уже в последствии к представителям администрации вуза. «Администрация всегда занята, у них нет времени на нас… в деканатах иногда нам грубо отвечают на вопросы» (Информант 12). «Несколько раз слышала оскорбительное обращение…, но там и люди были такие, ну, грубые достаточно. Пришлось вступать в спор.» (информант 10). «На вопросы не отвечают или грубят…, отвечают мне на «ты», а не на «вы»» (Информант 9).

Студенты выявили такие проблемы как недоброжелательность персонала, неуважение к себе. выявленные студенческими группами проблемы недоброжелательности персонала и неуважения к себе требуют серьезного внимания как со стороны учебных заведений, так и со

стороны самих студентов. Эти аспекты напрямую влияют на атмосферу в учебных заведениях, формируя не только эмоциональный фон, но и мотивацию к обучению.

Необходимо создать механизмы обратной связи, которые позволят студентам открыто высказывать свои проблемы и переживания. Четкие каналы общения между студентами и персоналом могут помочь повысить уровень доверия и сотрудничества. Обучение и развитие навыков коммуникации для сотрудников также станет важным шагом на пути к улучшению климата в учебном заведении.

В конечном итоге, уважение и поддержка – это ключевые элементы, способствующие созданию продуктивной и комфортной учебной среды. Путь к изменениям может быть сложным, но он определенно стоит затраченных усилий: ведь именно в атмосфере взаимопонимания и уважения студенты смогут достигать своих целей и раскрывать свой потенциал.

Отношение с преподавателями. «Некоторые преподаватели неинтересно излагают лекции, не выкладывают их на учебных платформах, не отвечают на вопросы, если обратишься - относятся пренебрежительно…» (Информант 2). Однако по этому вопросу мнения разделились. «Мне оказывали помощь. Когда я обращалась, иногда только сталкивалась с непониманием. Преподаватели, к сожалению, не владеют английским языком, если мне что-то непонятно, они не могут объяснить…»

Отношения между студентами и преподавателями могут варьироваться в зависимости от личных обстоятельств, педагогического подхода и профессиональных компетенций учителей. Некоторые студенты сталкиваются с недостатком интереса со стороны преподавателей, что, безусловно, сказывается на качестве восприятия материала. Лекции, которые не вызывают живого интереса или не подкреплены дополнительными ресурсами, превращаются в рутину, а учебный процесс – в скучное занятие. Это создает дистанцию и отчуждение между студентами и преподавателями.

С другой стороны, есть и положительные примеры, когда преподаватели действительно готовы оказывать поддержку и делиться своими знаниями. Некоторые студенты отмечают, что, несмотря на некоторые трудности в коммуникации, они находили подходящих наставников, которые помогали им разбираться с материалом или просто выслушивали их вопросы. Важно, чтобы преподаватели не боялись принимать во внимание индивидуальные потребности студентов и адаптировали свои методы обучения.

К сожалению, языковой барьер также становится важным аспектом в данном контексте. Преподаватели, не владея английским языком, могут не осознать, как это ограничивает студентов, особенно если они обращаются за помощью по международным стандартам. Студенты часто остаются с неразрешенными вопросами и неуверенностью.

В конечном итоге, качество и страсть к преподаванию остаются ключевыми факторами, определяющими успех взаимодействия между студентами и преподавателями. Стремление к установлению открытого диалога и развитию взаимопонимания может сильно изменить атмосферу в учебном процессе, способствуя более продуктивным отношениям.

Отношение со студентами в группе. «Некоторые студенты высказывают к нам пренебрежение, отказываются общаться, говорят, что я не соблюдаю гигиену», «мне трудно было адаптироваться». «Студенты часто говорят на татарском языке, который я не понимаю, так как специально изучала русский язык». Однако, встречаются и доброжелательные высказывания «Мне повезло с учебной группой. Меня встретили хорошо и помогают в учебе». «Мы вместе со студентами участвуем в культурных мероприятиях и иногда вместе проводим время».

Взаимоотношения между студентами в группе могут быть довольно противоречивыми. С одной стороны, существуют случаи пренебрежительного отношения, когда некоторые студенты избегают общения или выражают недовольство по поводу личных привычек. Такие ситуации могут значительно усложнить адаптацию новым членам группы, особенно если они сталкиваются с языковыми барьерами.

С другой стороны, важно отметить позитивные моменты, когда студенты проявляют доброту и поддержку. Ощущение дружелюбной атмосферы и готовность помогать друг другу играют ключевую роль в успешной интеграции в учебный процесс. Участие в культурных

мероприятиях и совместное времяпрепровождение создают возможности для сближения и укрепления связей среди студентов.

Таким образом, опыт общения в учебной группе разнообразен и многогранен. Несмотря на трудности, с которыми сталкиваются некоторые студенты, добрые слова и поддержка сокурсников могут помочь создать сплоченное и дружное сообщество. Вместе они смогут преодолеть все преграды и выстроить крепкие взаимоотношения, что, в конечном счете, обогатит время, проведенное в университете.

В результате полученных данных можно выявить следующие наиболее актуальные проблемы иностранных студентов ближнего зарубежья обучающихся в КФУ и возможные меры их предотвращения:

1. Наиболее актуальной проблемой является проблема языкового барьера у студентов-иностранцев. Языковые трудности являются основным препятствием для успешной адаптации иностранных студентов к жизни и обучению в российских вузах. Наиболее эффективной мерой в пути решения данной проблемы может являться дополнительные программы подготовительных курсов с целью практического изучения как русского, так и татарского языков.

2. Проблема социальной адаптированности может решаться предоставлением студентам-иностранцам тьюторов из числа старших или более опытных студентов, а также с помощью волонтеров, способных скоординировать прибывшего студента и подробнее познакомить его с тонкостями обучения в КФУ. Подобная программа уже существует в КФУ в рамках программы Buddy, однако чаще она используется непосредственно для студентов из дальнего зарубежья.

3. Проведенное исследование также показывает существование различие во мнениях студентов и экспертов о вопросах относительно того, к кому студенты-иностранцы могут обратиться, в первую очередь, при возникновении проблем, а также относительно жилищно-бытовых условий проживания иностранных студентов. Данная проблема может разрешаться проведением мониторинга мнений студентов каждый год, созданием прямой связи студентов с представителями сферы адаптации иностранных студентов и предоставлять информацию об этом всех студентов вуза.

4. Кроме того, стоит обратить внимание на психологическую адаптацию иностранных студентов. Вузы могут предложить услуги консультирования, в рамках которых студенты смогут обсуждать свои переживания и получать помощь в управлении стрессом. Создание таких возможностей способствует не только улучшению эмоционального состояния студентов, но и повышению их учебной мотивации.

5. Нельзя забывать о создании совместных проектов и исследований, в которых могут участвовать как местные, так и иностранные студенты. Такие инициативы не только укрепляют академическое сотрудничество, но и содействуют формированию чувства общности и взаимопонимания среди студенческого сообщества, что крайне важно в условиях глобализации.

6. Также важным элементом успешной адаптации является развитие культурных мероприятий, которые позволят иностранным студентам погрузиться в местные традиции и обычаи. Организация фестивалей, выставок, мастер-классов по искусству или кулинарии создаст платформу для обмена опытом и культурным взаимодействием. Такие мероприятия не только обогащают культурный кругозор студентов, но и способствуют сближению разных национальностей, формируя дружеские связи и понимание.

Литература

1. *Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Кавеева А.Д., Ахметова С.А., Фурсова В.В.* Интернациональный характер современного образования: адаптация иностранных студентов в российском вузе // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 35.
2. Абитуриенты из 65 стран подали документы для обучения в КФУ [Электронный ресурс]. – URL: https://media.kpfu.ru/news/abiturienty-iz-65-stran-podali-dokumenty-dlya-obucheniya-v-kfu (дата обращения: 08.09.2024).

3. Иностранные студенты в вузах Казани [Электронный ресурс]. – URL: https://mon.tatarstan.ru/index.htm/news/2272868.htm (дата обращения: 08.09.2024).
4. Сколько студентов обучается в КФУ [Электронный ресурс]. – URL: https://agdeya.ru/blogs/skolko-studentov-obuchaetsya-v-kfu#toc-2 (дата обращения: 08.09.2024).
5. *Braverman H.* Labor and monopoly capital. – New York: Monthly Review Press, 1974. *Burawoy M.* Toward a marxist theory of the labor processes: Braverman and beyond // Politics and Society. – 1978. – № 8. – P. 249–251.
6. *Thomas D.S.P., Quinlan K.M.* Reimagining curricula: effects of cultural (in)sensitivity of curricula on racially minoritised students' engagement // Studies in Higher Education. – 2022. – Vol. 48, No. 2. – P. 283.

УДК 316.75

МОДЕЛИ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Хасанова Ильнара Ильнуровна,
Фархутдинова Ильнара Рафкатовна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ моделей мотивации персонала в Японии, США и России. Рассматриваются особенности каждой системы, их сильные и слабые стороны, а также предложены пути интеграции лучших практик для повышения эффективности мотивации на российских предприятиях.

Ключевые слова: мотивация персонала, управление, карьерный рост, корпоративный дух, система оплаты, эффективность, групповая ответственность, стимулирование.

В современных условиях эффективное управление персоналом требует особого внимания к системе мотивации, так как она является ключевым элементом, влияющим на результативность деятельности организации. По мнению Мусаевой А.З., при разработке системы мотивации необходимо учитывать как внешние, так и внутренние факторы, воздействующие на персонал [4, с. 959]. В контексте данной статьи проанализированы подходы к мотивации в различных странах, в частности в Японии, США и России, и проведем сравнительный анализ этих моделей.

Одним из наиболее ярких примеров продуманной системы мотивации является японская модель, которая выделяется уникальными принципами. Японские предприятия традиционно основывают мотивационные механизмы на пожизненном найме, системе старшинства при распределении должностей и заработной платы, а также значительной роли профсоюзов внутри компаний. Эти подходы позволили японской экономике добиться высокой производительности при минимальных потерях времени на простои и забастовки.

Центральное место в японской системе занимает коллективная психология, где успехи группы воспринимаются как личные достижения каждого члена коллектива. Групповая работа в Японии характеризуется высокой степенью взаимодействия, обычно группы состоят из 4–20 человек, что способствует максимальной продуктивности. Важной особенностью является отсутствие внутренней конкуренции между сотрудниками одной группы, вместо этого поощряется соперничество между разными группами, что укрепляет корпоративный дух и стимулирует производительность.

Американский подход к мотивации персонала строится на совершенно других принципах, делая основной акцент на индивидуальные результаты работников. Как утверждает Еременко А.В., важнейшим элементом американской системы мотивации является гибкая система

оплаты труда, которая направлена на стимулирование производительности через предоставление возможностей для карьерного роста [3, с. 103].

В США значительная часть заработной платы зависит от производственных показателей конкретного сотрудника, что усиливает мотивацию к повышению личной эффективности. Важно отметить, что в американской системе индивидуализация вознаграждения позволяет организациям гибко реагировать на изменения в результативности персонала, что положительно сказывается на общих показателях эффективности труда.

Российская модель мотивации, в свою очередь, представляет собой гибридный подход, который сочетает в себе элементы как японской, так и американской систем. Однако, как отмечает Першикова Е.Д., одной из существенных проблем российской системы остается слабая вовлеченность работников в стратегическое управление и значительное дистанцирование между руководством и персоналом [5, с. 165].

В отличие от Японии, где доминирует групповая психология и тесная связь между руководителями и рабочими, в России часто наблюдается разрыв в оплате труда между разными уровнями сотрудников, что негативно сказывается на мотивации. По мнению Бондаренко Н.Л., недостаточная вовлеченность сотрудников в стратегические процессы и значительный разрыв в оплате труда являются основными факторами, ограничивающими эффективность российской системы мотивации [1, с. 42].

Анализируя все три модели, можно выделить их сильные и слабые стороны. Японская система, с акцентом на групповую ответственность и пожизненную занятость, способствует стабильности и долгосрочному развитию. Американский подход фокусируется на индивидуальных результатах и гибкости оплаты труда, что позволяет компаниям быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Российская модель, хотя и заимствовала элементы обеих систем, все еще сталкивается с вызовами в виде недостаточной вовлеченности сотрудников и недостатков в стимулировании производительности.

С точки зрения перспектив развития, Вагнер В.А. предполагает, что для российских предприятий наиболее оптимальной стратегией будет интеграция лучших элементов японской и американской моделей [2]. Это включает в себя внедрение групповой ответственности и корпоративного духа, характерных для Японии, в сочетании с индивидуальной мотивацией и карьерным ростом, присущими американской модели. Такой синтез может способствовать более эффективному управлению персоналом и повышению производительности труда в России.

В заключение следует отметить, что опыт Японии, США и России в области мотивации персонала демонстрирует, что каждая страна использует уникальные подходы, основанные на своих культурных и экономических особенностях. Для России, находящейся на этапе поиска оптимальной модели мотивации, наиболее продуктивным будет адаптация зарубежного опыта с учетом отечественных реалий. Это позволит создать сбалансированную и устойчивую систему управления персоналом, которая будет способствовать долгосрочному развитию и повышению конкурентоспособности российских компаний.

Литература

1. *Бондаренко Н.Л.* Основы создания эффективной системы мотивации и социальной поддержки персонала // Бюджетный учет. – 2023. – № 11(227). – С. 38–45.
2. *Вагнер В.А., Лымарева О.А.* Мотивация и стимулирование персонала // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 1-1 (95).
3. *Еременко А.В., Зырянова И.Д., Буланкина Н.Н.* Эффективные методы мотивации персонала // Современные исследования как драйвер роста экономики и социальной сферы: материалы X Междунар. студенч. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию Белгородского университета кооперации, экономики и права (Ставрополь, 28 марта 2023 г.). – Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России (Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России), 2023. – С. 101–107.
4. *Мусаева А.З.* Факторы формирования эффективной системы мотивации персонала // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 5(154). – С. 959–962.

Электронное научное издание
сетевого распространения

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

III Международный конгресс социологов

Сборник научных трудов

Казань, 28–29 ноября 2024 г.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE EURASIAN SPACE: SOCIAL TECHNOLOGIES, RISKS AND PROSPECTS

III International Congress of Sociologists

Collection of scientific papers

Kazan, November 28–29, 2024

Подписано к использованию 07.05.2025.
Гарнитура «Times New Roman».
Заказ 2/05.

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)